

HANDBOUND
AT THE

UNIVERSITY OF
TORONTO PRESS

Digitized by the Internet Archive
in 2009

1 Slav
7
1600
АРХИВЪ

РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

издаваемый
ИЗЪЕЗДЪ

XVI

BERLIN 1925

3

808188

Copyright 1925 by Slowo-Verlag, Berlin.

Всѣ права, въ томъ числѣ и право изданія на другія языки, принадлежатъ
Издательству „СЛОВО“, Берлинъ.

Моя борьба съ епископомъ Гермогеномъ и Иліодоромъ

Изъ воспоминаній сенатора П. П. Стремоухова*).

Въ 1910 году наступилъ седьмой годъ моего управленія Сувальской губернію. Я изъѣздилъ ее вдоль и поперекъ, зналъ каждую деревню, изучилъ насквозь всѣхъ своихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ... и заскучалъ. Хотѣлось чего-то новаго. Переѣхать губернію въ Привисленскомъ Краѣ мнѣ не хотѣлось, почему я сдѣлалъ попытку перейти на службу въ Имперію.

Новгородская губернія была вакантна. Я написалъ Столыпину, прося его перевода въ эту губернію, но получилъ отвѣтъ отъ директора департамента общихъ дѣлъ, Арбузова, что министръ очень сожалѣетъ, но не можетъ исполнить мою просьбу, потому что эта губернія общана уже другому лицу. При ближайшемъ свиданіи со мною Арбузовъ пояснилъ, что это была только *manière de parler* и что желаніе мое перейти во внутреннія губерніи совершенно безнадежно, т. к. министръ находитъ возможнымъ назначать на эти должности только лицъ, знакомыхъ съ земскимъ дѣломъ.

Такое положеніе меня очень огорчило, т. к. привязывало меня къ Царству Польскому, гдѣ я прослужилъ уже восемнадцать лѣтъ. Хотѣлось въ Россію, а въ особенности въ Петербургъ, частыя поѣздки въ который особенно разохотили меня къ столичной жизни. Поэтому я рѣшился попытаться пойти по другой линіи. Частыя встрѣчи и проводы въ Вержболовъ Вдовствующей Императрицы, стоявшей во главѣ вѣдомства Императрицы Маріи, давали мнѣ надежду пройти въ Почетные Опекуны. Должность эта была неплатная, если

*) Настоящій отрывокъ извлеченъ изъ обширныхъ и имѣющихъ значительный интересъ мемуаровъ сенатора П. П. Стремоухова, въ которыхъ онъ излагаетъ свои воспоминанія о воспитаніи его въ Пажескомъ Корпусѣ, о службѣ въ Л.-Гв. Егерскомъ полку, чиновникомъ особыхъ порученій при Варшавскомъ Генераль-Губернаторѣ (І. В. Гурко, гр. П. А. Шуваловъ и св. кн. А. К. Имеретинскомъ), затѣмъ въ качествѣ Кашишскаго вице-губернатора, Сувальскаго Губернатора (во время революціи 1905 г.) — Саратовскаго (его борьба съ еп. Гермогеномъ и Иліодоромъ и два года неурожая), Костромскаго (во время торжествъ 300-лѣтія дома Романовыхъ), Варшавскаго — во время войны; засимъ — Директора Департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (1916 годъ), и, наконецъ, весьма кратковременно — Сенатора. Послѣ сего, въ запискахъ П. П. описывается пребываніе его подъ властью большевиковъ на Кавказѣ въ 1918 году, и, наконецъ, служба его въ учрежденіяхъ «Вооруженныхъ Силъ на Югѣ Россіи», сначала въ качествѣ помощника начальника Минераловодскаго Района, а затѣмъ помощника Главноначальствующаго Сѣвернымъ Кавказомъ, генерала Эрдели. (Гражданское устройство края, катастрофа, эвакуація черезъ Грузію).

не считать выслуженной пенсіи (тысячи три), но какъ указываетъ самое ея названіе, весьма почетная. Мои личныя денежныя дѣла преуспѣвали. Начавшееся послѣ Японской войны оживленіе промышленности почти удвоило мое состояніе, и на получаемые дивиденды, плюсъ пенсію, я могъ, хотя и скромно, жить въ столицѣ. Послѣ Рождества (въ началѣ 1911 г.) я собирался въ Петербургъ, гдѣ и надѣялся устроить свои дѣла.

Глубокою осенью 1910 года вся Царская семья должна была ѣхать за границу, гдѣ Императрицѣ надлежало лѣчиться водами въ Гессенѣ.

Я получилъ телеграмму отъ Столыпина о принятіи мѣръ охраны ж. д. линіи съ указаніемъ, что въ виду болѣзни Императрицы Государь Императоръ строжайше воспретилъ всякія встрѣчи. Какъ надо было понимать послѣднюю фразу? Касалась ли она меня лично? Зрѣло обдумавъ положеніе, я рѣшилъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что я все же Государя встрѣтить долженъ, какъ должностное лицо, столь же необходимое и будничное, какъ швейцаръ на вокзалѣ, или кондукторъ при вагонѣ.

На всякій случай, я заказалъ букетъ съ лентами для Императрицы.

Уже въ Вержболовѣ я получилъ отъ министра повторную телеграмму о недопущеніи какихъ бы то ни было встрѣчъ, но, тѣмъ не менѣе, остался при прежней своей точкѣ зрѣнія.

Наконецъ, въ назначенное время, съ точностью до одной секунды, подкатилъ къ станціи Вержболово Императорскій поѣздъ. Государь вышелъ изъ вагона. Я подошелъ къ нему съ рапортомъ. Его Величество привѣтливо со мною поздоровался и заговорилъ о дѣлахъ губерніи, сказавъ при этомъ, что лишь недавно съ большимъ интересомъ прочелъ мой годовой отчетъ. Затѣмъ вышла изъ вагона Императрица съ дѣтьми и, пройдя черезъ вокзалъ, помѣстилась въ другомъ заграничномъ поѣздѣ, стоявшемъ уже на узкой колѣѣ. Государь минутъ десять гулялъ со мною по перрону и очень весело и непринужденно со мною бесѣдовалъ. Ободренный его привѣтливостью, я спросилъ его, не могу ли я представиться Императрицѣ и поднести ей нѣсколько цвѣтовъ.

— А вотъ я сейчасъ спрошу, сказалъ Государь и вошелъ въ вагонъ.

Черезъ минуту онъ высунулся изъ окна и сказалъ:

— Императрица васъ просить.

Я вошелъ въ вагонъ къ Государынѣ.

Послѣ 1897 года я видѣлъ ее впервые. Съ того времени она нѣсколько похудѣла и удивительно похорошѣла. Въ своемъ розовомъ шелковомъ капотѣ она была очень красива. Императрица просила меня сѣсть и мы нѣсколько минутъ поговорили съ полною непринужденностью.

Впечатлѣнія отъ этой встрѣчи остались у меня самыя отрадныя.

Мнѣ доложили, что поѣздъ сейчасъ отходитъ. Я прошелъ въ вагонъ-салонъ къ Государю и пожелалъ ему счастливаго пути.

Поѣздъ немедленно отошелъ въ сторону Эйткунена.

Какъ я хорошо поступилъ, что не послушался министра. Вотъ какъ, иногда наши верхи отстраняли отъ Государя возможность видѣть людей, не принадлежавшихъ къ ближайшему его антуражу.

Немного менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца Царская семья возвращалась изъ-за границы. Я вновь получилъ телеграмму отъ министра, воспрещающую всякія встрѣчи. На этотъ разъ я поѣхалъ на встрѣчу Царю уже совершенно

спокойно, такъ какъ за мною былъ прецедентъ и при томъ благоприятный.

Чтобы поѣхать въ Вержболово по желѣзной дорогѣ, мнѣ приходилось ѣхать черезъ нѣсколько губерній. По Сувалкской до Гродно, отъ Гродно до Ландварово по Гродненской и Виленской, отъ названной станціи опять по Виленской, затѣмъ по Ковенской и, наконецъ, я оказывался опять въ Сувалкской. Такое «кругосвѣтное путешествіе» облегчалось для меня всегда любезно предоставляемымъ мнѣ управленіемъ дороги вагономъ.

Пріѣзжаю я на этотъ разъ въ Ковно, чтобы наблюсти оттуда за мѣрами охраны ж. д. пути, какъ начальникъ станціи докладываетъ мнѣ, что черезъ нѣсколько минутъ пріѣдетъ въ Ковно экстреннымъ поѣздомъ генераль - губернаторъ.

Что сей сонъ значилъ?

Подходитъ генераль - губернаторскій поѣздъ. Вхожу въ вагонъ къ Скалону. Генераль красный, сконфуженный. Принимаетъ меня въ своемъ купѣ съ глазу на глазъ, и говоритъ:

— Не знаю какъ быть. Я получилъ Вашу телеграмму о проѣздѣ Государя, заказалъ поѣздъ и уже собирался ѣхать, какъ получилъ отъ Столыпина телеграмму о воспрещеніи всякихъ встрѣчъ. Я уже раскачался ѣхать, вотъ и пріѣхалъ, и не знаю, хорошо ли я сдѣлалъ.

— Я думаю, что ничего плохого изъ этого не выйдетъ, отвѣтилъ я, и разсказалъ, какъ было со мною при проѣздѣ Государя за границу. Скалонъ успокоился и повѣдалъ мнѣ, что везетъ пять букетовъ для Императрицы и великихъ княженъ, и что было бы глупо не довести ихъ до назначенія.

Во время этого разговора вошелъ адъютантъ и подалъ Скалону шифрованную депешу.

Мы быстро ее расшифровали.

Въ ней было изложено повторное и категорическое указаніе министра, съ ссылкой на Высочайшую волю, никакихъ встрѣчъ не дѣлать. По разсчету времени было ясно, что кто - то успѣлъ телеграфировать изъ Варшавы въ Петербургъ о выѣздѣ Скалона въ Вержболово, и полученная телеграмма реагировала на этотъ фактъ.

Такая постановка дѣла несомнѣнно осложняла положеніе.

— Я поѣду назадъ, сказалъ Скалонъ.

Я началъ противъ этого возражать, указывая генералу на примѣръ со мною и высказывая мнѣніе, что присутствіе старшаго начальника мѣстности, въ которой имѣетъ хотя бы и временное пребываніе Государя и за которую онъ несетъ отвѣтственность, не есть встрѣча, а только исполненіе своей прямой служебной обязанности, что повернуть съ пути на глазахъ всѣхъ было бы умаленіемъ своего достоинства и послужило бы источникомъ самыхъ неблагоприятныхъ для него толкованій, что, наконецъ, совершенно недопустимо, чтобы Государь не принялъ своего генераль - адъютанта.

Скалону видимо очень хотѣлось видѣть Государя и, какъ надо полагать, имъ руководило желаніе говорить съ Царемъ по поводу сенаторской ревизіи, ставившей его въ весьма тяжелое положеніе, изъ котораго, такъ или иначе, надо было выйти.

Наконецъ, Скалонъ сдался на мои доводы и мы двинулись къ Вержболову.

Скалонъ высказался вскользь, что появленіе насъ двоихъ на вокзалѣ уже есть встрѣча. На это я отвѣтилъ, что встрѣча можетъ ограничиться и его особою, но что я прошу его доложить Государю и о моемъ присутствіи; я

совершенно увѣренъ, что Царь приметъ и меня, но что быть на станціи и не быть принятымъ было бы для меня тоже очень непріятно, такъ какъ уронило бы мое служебное достоинство.

Такъ мы и порѣшили.

Въ ожиданіи прибытія Царскаго поѣзда мы расположились въ т. наз. директорскихъ комнатахъ. Когда подошелъ Императорскій поѣздъ, я вышелъ на платформу и просилъ перваго вышедшаго изъ вагона, инспектора царскихъ поѣздовъ, доложить Его Величеству о присутствіи на станціи Варшавскаго генераль-губернатора, послѣ чего вернулся въ директорскія комнаты.

Минутъ черезъ пять вошелъ флигель-адъютантъ и доложилъ, что Государь Императоръ проситъ генераль-адъютанта Скалона къ себѣ въ вагонъ. Скалонъ сейчасъ же вышелъ за нимъ.

Прошло минутъ десять. Меня не приглашаютъ. Еще десять минутъ.

Я начинаю волноваться.

Проходитъ еще десять минутъ.

Я явственно слышу, какъ съ южной стороны вокзала (узкоколейнаго) по коридору на сѣверную (ширококолейную) проходитъ толпа людей. Изъ полуоткрытаго окна я слышу, какъ Государь здоровается съ конвойцами. Наконецъ раздаются свистокъ локомотива и Царскій поѣздъ медленно отходитъ отъ станціи.

Я былъ крайне взволнованъ. Было совершенно ясно, что генераль-губернаторъ не исполнилъ своего обѣщанія обо мнѣ доложить, или, что было - бы гораздо хуже, Государь не захотѣлъ меня принять. Съ завтрашняго дня я сдѣлаюсь притчей во языцехъ всѣхъ досужихъ языковъ, а въ особенности моихъ недоброжелателей.

Черезъ двѣ, три минуты входитъ Скалонъ.

— Знаете, П. П., Его Величество чудно меня принялъ, я переговорилъ съ нимъ, и все нужное устроилъ.

— Далеко не все, Ваше Высочайшее величество, вы изволили забыть ваше обѣщаніе обо мнѣ доложить и я, начальникъ губерніи, остался здѣсь въ комнатѣ въ самомъ глупѣйшемъ положеніи.

Скалонъ вспыхнулъ.

— Ради Бога, простите меня, П. П., я такъ радъ былъ видѣть Государя, что все забылъ.

Скалонъ подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня и поцѣловалъ.

Мнѣ, конечно, не оставалось сдѣлать, какъ ложать протянутую мнѣ руку.

Вспомнившись, мнѣ слова моего покойнаго тестя: не дай Богъ, тебѣ служить при дворѣ. При твоёмъ самолюбіи ты зачахнешь черезъ три мѣсяца *).

Приблизительно черезъ недѣлю мнѣ пришлось съѣздить въ Варшаву по своему долгу. Я собираюсь побывать и у генераль-губернатора. Не помню уже по какому поводу Яценскій — въ то время Петроковскій губернаторъ, а раньше того Директоръ Канцеляріи Генераль-Губернатора и очень близкій Скалону, человекъ — сказалъ мнѣ:

*) Мнѣ очень понравился адъютантъ А. М. Сидяковъ, много дѣлъ было, маленькимъ, но очень ловкимъ, синеватымъ синеватымъ Императора Александра II.

— Скалонъ разсказывать мнѣ о той досадной исторіи, которая случилась съ вами въ Вержболовѣ: онъ говорить, что употреблялъ всѣ усилія, чтобы Государь васъ принялъ, но ничего не могъ сдѣлать.

— Что-о-о-о?

— Ну да, я передаю вамъ его слова.

— Ну такъ онъ сочиняетъ, вспылить я, и я могу это доказать, потому что онъ извинялся передо мною въ присутствіи свидѣтелей, что забылъ доложить обо мнѣ.

— Я вамъ передаю только то, что отъ него слышалъ.

— Въ такомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ уже совершенно нехорошо. Я понимаю, что онъ могъ потеряться отъ радости, увидѣвъ Государя, могъ по старости меня забыть, но давать теперь этому инциденту, въ оправданіе себѣ, толкованіе явно неблагопріятное для моего служебнаго положенія, уже положительно дурно.

— П. П., ради Бога, не волнуйтесь.

— Волноваться я не буду, но сегодня - же уѣзжаю въ Сувалки и прекращаю со Скалономъ всякія личныя отношенія. Если хотите, можете ему это передать.

Такъ я и поступилъ.

Я вполне благожелательно отношусь къ Скалону. Считаю, что онъ много сдѣлалъ для успокоенія Края и тѣмъ самымъ для русской государственности, утверждаю, что онъ былъ всегда большимъ джентельменомъ, и я затрудняюсь объяснить его образъ дѣйствій въ данномъ случаѣ. Самое вѣроятное то, что, сознавая свой грѣхъ относительно меня, въ томъ, что онъ не доложилъ обо мнѣ Государю, онъ пытался дать ему въ средѣ окружающихъ объясненіе, его оправдывающее, не давая себѣ отчета, что это объясненіе составляетъ еще большій проступокъ относительно меня, или же малодушно думая, что все это до меня не дойдетъ.

Этотъ инцидентъ еще болѣе укрѣпилъ мое желаніе сдѣлаться почетнымъ опекуномъ.

Странная судьба меня преслѣдовала. Во всякомъ мѣстѣ служенія (а я ихъ перемѣнилъ много) первый же день начинался съ какой-нибудь непріятности. Будучи очень мягкимъ и во всякомъ случаѣ не задирчивымъ человекомъ, я со всякимъ начальствомъ всегда былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ и съ болѣею частью изъ моихъ начальниковъ расходился, и всегда потому, что они мнѣ дѣлали какую-нибудь непріятность, ничѣмъ мною не заслуженную; съ подчиненными же и обществомъ у меня всегда устанавливались наилучшія отношенія.

2-го Января 1911 года я устроилъ охоту для пріѣхавшаго въ Сувалки моего друга и товарища по Пажескому корпусу, А. Ф. Ефимовича, тогда адъютанта В. К. Павла Александровича и крупнаго маіоратиста Сувалкской губерніи.

По возвращеніи домой у меня былъ ужинъ, къ которому было приглашено еще нѣсколько друзей.

Охота въ тотъ день была, хотя и не удачная, но веселая, ужинъ отличный, а вино еще лучше. Настроеніе было самое праздничное.

Уже въ первомъ часу докладываютъ мнѣ, что правитель канцеляріи желаетъ меня видѣть.

Я весь день и даже ночь всегда былъ въ распоряженіи службы, но время, проводимое за столомъ, жена моя ревниво оберегала, т. к. это было единственное время, когда я отдыхалъ, а также и то, въ теченіе котораго мы съ нею видѣлись. Поэтому жена моя даже разсердилась.

— Что у него такое можетъ быть, сказалъ я, позвать его сюда.

Входить мой, всегда мрачнаго вида, правитель канцеляріи, Н. Ф. Хвалько

— Что у васъ такой мрачный видъ? Выпейте лучше съ нами вина.

— Вы выпейте, а мнѣ, кажется, радоваться нечему — прочтите.

Разворачиваю телеграмму.

Министръ проситъ васъ принять губернію и немедленно отвѣ-
тить. Затѣмъ ходитъ директоръ департамента общихъ дѣлъ, Арбузовъ

Название губерніи было зашифровано.

— Ну и отлично, сказалъ я, куда угодно — надоѣла мнѣ ваша Скалонія.

— Липъ бы не въ Саратовъ, замѣтили кто-то изъ присутствовавшихъ,
спасибо тамъ съ Гермогеномъ и Иліодоромъ возиться.

Послали за шифромъ.

Расшифровываемъ.

Такъ и есть, Саратовская!

Бѣдная жена моя чуть не въ слезы.

Между моими друзьями началось обсужденіе вопроса, принимать ли мнѣ столь важное министерское предложеніе или отъ него отказаться. Одни говорили, что брать Саратовъ послѣ того, какъ такой крѣпкій человѣкъ, какъ графъ С. С. Татищевъ, сломалъ себѣ тамъ шею въ борьбѣ съ Гермогеномъ и Иліодоромъ — безуміе, а другіе находили, что отказываться отъ поста, связаннаго съ такими трудностями, значило на всегда поставить крестъ на всякое свое движеніе по службѣ.

Я разубилъ этотъ узелъ старой поговоркой: «На службу не напрашивайся, отъ службы не отказывайся», но надѣялся обезпечить себя нѣкоторыми гарантіями, а потому телеграфировалъ, что завтра же выезжаю въ Петербургъ для переговоровъ съ министромъ.

По пути въ Петербургъ я думалъ: какъ это странно — полгода тому назадъ Столыпинъ не находилъ возможнымъ дать мнѣ незначительную Новгородскую губернію, а теперь предлагаетъ мнѣ едва ли не самую трудную, опасную Саратовскую губернію, къ тому же еще осложненную скандальными выходками ермомаха Иліодора и поддерживающаго его епископа Гермогена. Тогда мнѣ говорили, что министръ не находилъ возможнымъ назначать на вакантные губерніи Имперіи губернаторами лицъ, не знакомыхъ съ земскими дѣлами. Съ того времени это дѣло не стало мнѣ болѣе извѣстнымъ. . . .

Должно сказать, что пріѣзжимъ губернаторамъ не такъ легко было добывать до министра. Для этого надо было зайти въ его канцелярію и заставить клерка не успѣе уйти.

Получивъ въ Петербургѣ, я позвонилъ по телефону къ директору департамента общихъ дѣлъ, А. А. Арбузову.

— Министръ ждетъ васъ съ вечеринкомъ, — отвѣтилъ Арбузовъ, — помните, ждите какое время.

Вѣтъ, нѣтъ — подумалъ я, — какъ принимаютъ людей, когда въ нихъ ну ждаютъ, это надо знать.

Въ 10 часовъ я былъ у министра

Столыпинъ принялъ меня очаровательно, и вотъ какой разговоръ произошелъ между нами.

— Ну, что, вы согласны.

— Объ этомъ надо потолковать. Я знаю, что С. С. Татищевъ былъ вынужденъ оставить губернію изъ-за невыносимой обстановки, созданной ему Гермогеномъ и Иліодоромъ. Я полагаю, что меня ожидаетъ то же самое.

— Ваше положеніе будетъ легче. Иліодоръ сосланъ во Флорищеву пустынь, Владимірской губерніи, ну, а безъ него, Гермогенъ не такъ страшенъ.

— Пожалуй, что и такъ, но вы знаете, что я совершенно незнакомъ съ земскимъ дѣломъ и никогда не имѣлъ дѣла съ дворянствомъ. Саратовская губернія буйная и едва ли не самая трудная во всей Имперіи.

— Нѣтъ, это вторая. Самая тяжелая Екатеринославская.

— Пусть будетъ вторая, но, тѣмъ не менѣе, я не могу не опасаться, что не сумѣю справиться.

— Вы справитесь . . . Во всякомъ случаѣ, я прошу васъ принять мое предложеніе. Если Вы откажетесь, я буду поставленъ въ очень тяжелое положеніе. У меня былъ кромѣ васъ только одинъ кандидатъ, кн. Щербатовъ (полтавскій губернскій предводитель дворянства, впоследствии министръ внутреннихъ дѣлъ), но онъ отказался, что же я буду дѣлать?

— Ваше Высокопревосходительство, я охотно исполню ваше желаніе, но я прошу васъ войти и въ мое положеніе. Если Вы предлагаете мнѣ Саратовъ, то, очевидно, у меня хорошая служебная репутація. Въ маленькой губерніи, какъ, напримѣръ, Новгородская, я бы ее поддержалъ, ну, а въ такомъ *casse* сои, какъ Саратовская, я рискую потерять то, что накапливалъ болѣе десяти лѣтъ. Я совершенно въ себѣ не увѣренъ. Теперь вы меня туда приглашаете, а потомъ разочаруетесь, да я и самъ могу признать себя не на высотѣ положенія.

— Тогда Васъ всегда можно будетъ перевести въ другую губернію.

— Вотъ на это - то я и не согласенъ. Всѣ будутъ говорить, а вотъ Стремоуховъ съ Саратовской губерніею и не справился, такъ его и перевели въ какую-нибудь Калужскую.

— Чего же Вы хотите?

— Ранѣе всего, я хочу вселить въ Васъ сознаніе, что я вовсе не стремлюсь въ Саратовъ, считая себя для него неподготовленнымъ, опасаясь надѣлать рядъ ошибокъ и, въ концѣ концовъ, получать отъ Васъ же непріятныя бумажки; отъ этого я хочу быть гарантированнымъ.

— То - есть?

— Если Вы будете мною недовольны, или я самъ собою буду неудовлетворенъ, и вамъ объ этомъ откровенно напишу, то по этому поводу, между нами не должно происходить никакихъ несправностей, Вы просто устроите меня въ Петербургъ, соотвѣтственно моему служебному стажу.

— А именно?

— Я восьмой годъ губернаторствую; недавно назначенный сенаторомъ, виленскій губернаторъ, гр. Паленъ, служилъ менѣе меня.

Столыпинъ улыбнулся.

— Общаю. Но все - таки Вы послужите саратовскимъ губернаторомъ?

— Все - таки дайте еще подумать.

— Вы завтра будете на выходѣ во дворцѣ?

— Не собирался.

— Я скажу Арбузову, что бы Вамъ прислали входной билетъ. Завтра Вы дадите мнѣ окончательный отвѣтъ, и я завтра же доложу о немъ Государю. Онъ очень интересуется Саратовомъ.

— Слушаюсь.

Отъ министра я поѣхалъ къ Арбузову.

Боже, какая разница въ пріемѣ маленькаго сувалскаго губернатора и предполагаемаго саратовскаго.

— Вы согласились?

— Я еще думаю, и завтра дамъ окончательный отвѣтъ министру.

— О чемъ тамъ думать? Столыпинъ предлагаетъ Вамъ губернію, изъ которой быть непосредственно назначенъ министромъ, вѣдь это, такъ сказать, небы - губернія, вѣдь въ министерствѣ уже на васъ «ставятъ».

Я до сихъ поръ пробовалъ себя лишь на гладкой скачкѣ, ну, а теперь мнѣ предлагаютъ скачку съ препятствіями, на которой каменною стѣною Германи, а приладскимъ банкетомъ Иліодоръ, тутъ не долго и шею себѣ сломать.

— Qui ne ris-que rien, ne gagne rien... Смотрите, еще буду къ Вамъ съ докладомъ ѣздить.

— Или спешите съ круга!

Вотъ, я поѣхалъ во дворецъ и далъ Столыпину свое согласіе. Министру это доставило, пошнимоу, большое удовольствіе, и онъ, улыбаясь, мнѣ сказалъ: «Я уже доложилъ Государю о Вашемъ согласіи».

— Пожайте, — прибавилъ онъ, — кончайте скорѣе ваши сувалскія дѣла и пріѣзжайте опять въ Петербургъ, тогда и переговоримъ о дѣлахъ губерніи.

Послѣ выхода, я съ остальными придворными чинами пошелъ закусывать. Наложить я себѣ на тарелку какого - то паштета и подлил его малиновымъ соусомъ Кумберлэнты, какъ меня кто - то толкнулъ подъ руку. Паштетъ оказался на полу, а соусъ разлился по груди моего камергерскаго, шитаго золотомъ, мундира.

— Рапи-Бона, простите, — сказала мнѣ господинъ въ придворномъ мундирѣ, — чѣмъ мнѣ загладить мою вину!

Я узналъ въ немъ директора Императорскихъ театровъ Теляковского, съ которымъ, впрочемъ, не былъ знакомъ.

Очень просто. Я пріѣзжій губернаторъ, никогда не могъ я получить отъ него ядъ Шиянина. Сегодня идетъ «Борисъ Годуновъ», дайте мнѣ возможность это усматривать.

Будетъ исполнено.

И, действительно, къ 5 часамъ вечера мнѣ былъ доставленъ билетъ въ театр.

Сначала же мнѣ оказался совершенно исключительнымъ. Въ первый разъ въ Петербургѣ, пошелъ Царь посѣтить театр. Большой свѣтъ и много публики, но основная бюрократія была объ этомъ осведомлена и потому я не могъ того прекраснаго Метинскаго театра быть особенно блестящимъ. Получился импровизированный спектакль - гада.

Вотъ, была вся жизнь въ это время отъ меня и ценъ.

Шиянинъ былъ безсмысленъ, а я право не знаю, кто болѣе въ этотъ вечеръ, ораторствовалъ, или ждалъ, театральная или настоящая Царь. Въ особенности не могъ этого быть Шиянинъ, когда онъ, направившись на царь

ское вънчаніе, идетъ въ Успенскій соборъ, черезъ Красную площадь. Онъ съ необыкновеннымъ талантомъ и проникновеніемъ соединялъ въ исполненіи своей роли два противоположныхъ элемента: предъ вами могучій, сильный человекъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось, что онъ уже обреченъ на гибель.

Послѣ третьяго дѣйствія, гдѣ на сценѣ изображена боярская дума, занавѣсъ опустился, вдругъ неожиданно, черезъ минуты двѣ, взвился.

Обращенная къ Императорской ложѣ толпа бояръ, на колѣняхъ, имѣя во главѣ Шалыпина, запѣла «Боже, Царя храни» подъ аккомпаниментъ могучаго, идеальнаго оркестра Мариинскаго театра, руководимаго волшебною палочкой Направника.

Ко всей этой сценѣ умъ не могъ подойти сразу по пути критики и анализа и всѣми присутствовавшими овладѣли нервы. Красиво это было до жути. мурашки буквально забѣгали у меня по спинѣ. «Боже, Царя храни» было трижды повторено и подхвачено публикой. Такого исполненія гимна я никогда болѣе въ моей жизни не слышалъ.

Государь подошелъ къ барьеру ложи и наклоненіемъ головы отвѣчалъ на восторженные привѣтствія публики.

Говорили потомъ, что депутація отъ хористовъ, принятая Государемъ въ ложѣ, попросила прибавки содержанія... Говорили, что Государь вообще былъ недоволенъ всею этой манифестаціей, а въ особенности тѣмъ, что артисты стояли на колѣняхъ.

Лѣвая печать и оппозиціонные круги долго не могли простить Шалыпину его монархическаго выступленія. Нынѣ (1922 г.) въ кровавой Совдепін онъ ископилъ свой грѣхъ передъ красными.

Въ Петербургѣ я пробылъ всего только еще одинъ день и успѣлъ посѣтить лишь своего отца и, состоявшаго тогда членомъ Государственнаго Совѣта отъ земства Тульской губерніи, шурина моего, Салтыкова.

Мой старикъ отецъ былъ крайне обрадованъ моимъ блестящимъ назначеніемъ. Салтыковъ же сообщилъ мнѣ довольно пикантную исторію.

Будущій митрополитъ Питиримъ состоялъ въ то время тульскимъ епархіальнымъ архіереемъ и былъ съ Салтыковымъ, какъ съ губернскимъ предводителемъ дворянства, въ хорошихъ отношеніяхъ. Однажды, въ дружеской бесѣдѣ у него сорвалось признаніе, что саратовскій епископъ Гермогенъ — скопецъ, и что этимъ обстоятельствомъ можно объяснить нѣкоторыя странности его характера. Въ молодости, не будучи въ состояніи справиться со своими плотскими страстями, Гермогенъ самъ совершилъ надъ собою операцію оскотленія. Не знаю, насколько эти свѣдѣнія были вѣрны, во всякомъ случаѣ, во внѣшности Гермогена не было ничего скопческаго: у него была борода, правда не особенно пышная, усы, и голосъ у него былъ совершенно нормальный. Вообще Питиримъ въ бесѣдѣ съ Салтыковымъ относился къ Гермогену довольно отрицательно.

24-го января состоялся Высочайшій указъ о назначеніи меня саратовскимъ губернаторомъ, и я вновь пріѣхалъ въ столицу около 23 февраля.

Еще находясь въ Сувалкахъ, я получилъ отъ Гермогена телеграмму, приблизительно слѣдующаго содержанія:

Привѣствую въ Вашемъ Превосходительствѣ назначеніе къ намъ, въ Саратовъ, русскаго человѣка. Да ниспослетъ Господь благословеніе свое на ваши труды въ борьбѣ съ крамолою и жидами».

Слава Богу, подумалъ я, что послѣ двухлѣтней войны съ губернаторомъ, изъ которой епископъ вышелъ побѣдителемъ, такъ какъ графъ Татищевъ ушелъ съ полн. сраженія, онъ все же ищетъ сближенія со мною. Избытокъ гонимперамента, вложенный въ послѣднее слово телеграммы, впрочемъ, меня нѣсколько смутилъ.

Я, конечно, отвѣтилъ Гермогену, что надѣюсь на совмѣстную дружную работу и на его святія молитвы.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я засталъ правительственную атмосферу довольно сгущенной.

Въ это самое время, Столыпинъ проводилъ законъ объ учрежденіи земства въ Западномъ краѣ. Законъ этотъ не находилъ сочувствія ни въ Государственной Думѣ, ни въ Государственномъ Совѣтѣ. Тогда Столыпинъ рѣшился на крайнее средство: распустить оба законодательныя палаты на три дня, и въ этотъ промежутокъ времени провести проектъ, въ порядкѣ 87 статьи Основныхъ Законовъ.

Эта мѣра врядъ ли вызывалась дѣйствительною необходимостью. Такой неукротимый пріемъ оправдывался бы, если нужный правительству законъ вызывался общегосударственными интересами, напримѣръ, неутвержденіемъ бюджета, или отказомъ въ увеличеніи контингента новобранцевъ или средствъ для укрѣпленія обороны. Введеніе или невведеніе земства въ Западномъ краѣ, какъ бы ни была полезна эта мѣра, имѣло только мѣстное значеніе, а роспускъ палаты вызывалъ всю Россію. Образомъ дѣйствій Столыпина въ равной степени были недовольны и правые, и лѣвые. Лѣвые потому, что видѣли въ немъ недостаточное уваженіе къ народному представительству, а правые тѣмъ, что въ конечномъ итогѣ пренебрежительное отношеніе къ общему и частному все же падало на Государя, такъ какъ общество наше не привыкло къ конституціонному мышленію, отдѣлявшему монарха отъ его правительства, да и самъ Государь не стоялъ на такой точкѣ зрѣнія. Многіе члены Государственного Совѣта громко высказывали свое неудовольствіе. В. Ф. Трепову и П. Н. Дурново было предложено выѣхать къ завтрашнему отъѣзду, первый вышелъ въ отставку, а второй подчинился приказанію. Такое отношеніе къ Дурново, за пять лѣтъ передъ тѣмъ спасшему Россію отъ натѣра революціи, крайне волновало правыхъ, клеймившихъ Столыпина изменѣмъ. Бориса Годунова и сравнивавшихъ Государя съ Федоромъ Годуновскимъ. Какъ нарочно, въ то время на сценѣ шла драма гр. Толстого «Царь Федоръ Ивановичъ», возбуждая въ обществѣ такія историческія воспоминанія и вызывая изображеніе на столь опасныя сопоставленія.

Говорили, что Государь, согласившійся на роспускъ палаты, теперь былъ доволенъ этимъ результатомъ и сталъ относиться замѣтно холоднѣе къ Столыпину. Така или иначе, премьеръ почелъ необходимымъ поставить передъ Государемъ вопросъ о доверіи, но опредѣленнаго отвѣта изъ Царскаго Села не получилъ.

Такимъ образомъ моя очень осложнилась мое положеніе. Иное дѣло вѣхать въ дружную Саратовскую губернію, будучи ставленникомъ стоящаго у власти министра, иное дѣло при этомъ итти, дѣлавшемъ эту должность, не говоря

уже о томъ, что всѣ обѣщанія, данныя мнѣ Столыпинымъ, съ его уходомъ потеряли всякую цѣну. Возможность ухода министра, конечно, внесла и въ департаменты нѣкоторую нервность, и трудно было заручиться какими-нибудь директивами.

Однако, этимъ не ограничились мои затрудненія. Я получилъ цѣлый рядъ писемъ отъ управлявшаго Саратовской губерніею, вице-губернатора П. М. Боярскаго, въ которыхъ онъ жаловался мнѣ на два реприманда, полученныхъ имъ отъ министра. Первый касался его образа дѣйствій относительно Гермогена; въ этомъ образѣ дѣйствій Столыпинъ усмотрѣлъ отсутствіе формъ внѣшняго уваженія, которыя должны были быть проявлены относительно высшаго духовнаго лица, а второй — вызывался нѣсколько рѣзкимъ тономъ, который онъ принялъ относительно одного земскаго начальника, мѣстнаго дворянина, на что губернскій предводитель дворянства Ознобишинъ ѣздилъ жаловаться министру въ Петербургъ. Боярскій очень обидѣлся на Столыпина и, приложивъ къ одному изъ писемъ прошеніе объ отставкѣ, просилъ меня передать его Столыпину, въ свою очередь, тоже поставивъ вопросъ о довѣрій.

Такая исторія меня очень разстроила. Боярскій прослужилъ уже года три въ Саратовской губерніи, конечно, долженъ былъ знать мѣстныя обстоятельства и не только могъ быть мнѣ полезнымъ, но являлся прямо необходимымъ. Что бы я сталъ дѣлать съ новымъ вице-губернаторомъ, столь же неосвѣдомленнымъ въ дѣлахъ губерніи, какъ я самъ. Поэтому, я рѣшилъ, по мѣрѣ возможности, смягчить остроту вопроса съ Боярскимъ, на что я находилъ достаточно оснований уже въ одной возможности оставленія своего поста Столыпинымъ. Какой смыслъ былъ для Боярскаго оставлять службу, когда обидѣвшій его министръ и самъ висѣлъ на волоскѣ и могъ быть каждый день уволенъ. Тѣмъ не менѣе, все это было довольно тягостно. За дальностью засаженъ во Флорищеву пустынь и что Гермогенъ безъ Иліодора не будетъ дѣйствовать за человѣка, съ которымъ я даже не былъ знакомъ.

Въ ожиданіи пріема у Столыпина, я посѣтилъ другихъ министровъ. Болѣе другихъ меня интересовалъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, В. К. Саблеръ. Относительно Иліодора Саблеръ завѣрилъ меня, что онъ прочно засаженъ во Флорищеву пустынь и что Гермогенъ безъ Иліодора не будетъ причинять мнѣ особенныхъ хлопотъ. В. К. просилъ меня держать его въ курсѣ всѣхъ возможныхъ недоразумѣній съ владыкою путемъ частныхъ писемъ, и обѣщалъ мнѣ всякое содѣйствіе въ случаѣ, если бы, противъ чаянія, у меня все-таки возникли столкновенія съ строптивымъ святителемъ. Саблеръ находилъ, что мой предмѣстникъ, гр. Татищевъ, сразу сталъ съ епископомъ и Иліодоромъ на слишкомъ официальную и холодную почву, и что съ ними болѣе мягкими пріемами, пожалуй, можно было бы поладить.

Посѣтилъ я такъ же, по совѣту Салтыкова, епископа Питирима. Мнѣ было бы полезно, по тактическимъ соображеніямъ, выслушать, хотя бы отъ одного изъ святителей, отрицательное мнѣніе о Гермогенѣ. Впослѣдствіи, въ случаѣ столкновенія съ послѣднимъ, мнѣ удобно было бы опереться на авторитетное мнѣніе. Однако, Питиримъ оказался не глупѣе меня. Когда я его посѣтилъ и сталъ его разспрашивать о Гермогенѣ, то рѣшительно ничего не могъ отъ него добиться.

Наконецъ, наступилъ день моего пріема у министра. Всѣ въ городѣ говорили, что Столыпинъ уходитъ. Въ пріемной министра насъ представляющихъ собралось человѣкъ двадцать. Когда министръ принялъ уже трехъ или

четырехъ представлявшихся, прїѣхалъ министръ земледѣлія и землеустройства, А. В. Кривошеинъ, и прямо прошелъ въ кабинетъ къ Столыпину. Послѣ болѣе чѣмъ полчасовой бесѣды, онъ вышелъ изъ кабинета и на вопросъ одного изъ присутствовавшихъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, закусилъ удила, не могъ уговорить...

Для меня стало ясно, что Столыпинъ уходитъ.

Мнѣ крайне нужно было говорить съ нимъ по вопросамъ, касавшимся управленія губерніею и имѣвшимъ для меня чрезвычайно важное значеніе, но какой смѣль былъ говорить съ министромъ наканунѣ его отставки?

Наступила моя очередь.

Долженъ отдать справедливость Петру Аркадіевичу, что онъ вель себя съ полнымъ самообладаніемъ и разрѣшилъ всѣ мои вопросы, какъ будто бы собирался еще долго сидѣть въ своемъ креслѣ.

Первый вопросъ мною былъ поставленъ объ Иліодорѣ, можно ли было имѣть уверенность, что онъ надолго изыять изъ Саратовской губерніи. На этотъ вопросъ министръ отвѣтилъ утвердительно.

— А не простить его Государь? — спросилъ я.

— Нѣтъ. На этотъ разъ Государь разсердился и сказалъ, что пора положить конецъ его безобразіямъ; съ этой стороны Вы можете быть спокойны.

— Хорошо, но на какой ногѣ мнѣ быть съ Гермогеномъ?

— Я думаю, что Вы съ нимъ поладите: безъ Иліодора, онъ, во всякомъ случаѣ, будетъ смиреннѣе. Но прошу Васъ соблюдать съ нимъ всѣ внѣшнія формы. Можно писать епископу все, что угодно, можно съ нимъ воевать, во формѣ нужно соблюдать. Разъ Вы формы нарушите, то онъ всегда окажется въ невыгодномъ положеніи. Вице-губернаторъ не смѣлъ этого сдѣлать, и я былъ вынужденъ поставить ему это на видъ.

По инициативѣ министра, вопросъ о Боярскомъ выплывалъ на сцену, и я не могъ его замолчать.

Да, Боярскій писалъ мнѣ объ этомъ. Онъ очень обиженъ Вашими письмами, какъ по этому дѣлу, такъ и по столкновенію его съ земскимъ начальникомъ, и проситъ меня выяснить, какъ Вы вообще къ нему относитесь; если Вы ему не доверяете, то онъ уполномочилъ меня передать Вамъ его прошеніе объ отставкѣ...

— Какая нечестность! Если всякій вице-губернаторъ станетъ подавать прошеніе объ отставкѣ, когда министръ будетъ указывать ему на его промахи, то управленіе вѣдомствомъ станетъ невозможнымъ. Если хочетъ уходить, то пусть уходитъ, это его частное дѣло.

— Вѣдь это легко говорить, а мнѣ ѣхать въ новую губернію, да еще съ новымъ вице-губернаторомъ, повѣрьте, не сладко.

— Дѣлать, какъ хотите. Можете передать мнѣ его прошеніе объ отставкѣ, и я дамъ ему ходъ или оставите его при себѣ.

Я предпринялъ послѣднее. Тѣмъ не менѣе, не передавъ Вамъ его прошеніе, я не смѣю обвинить его, доверяете ли Вы ему, въ смѣсть его пожеланій идти въ судъ?

Столыпинъ улыбнулся и сказалъ:

— Смотрите же, все, что хотите, мнѣ рѣшительно все равно. Это онъ, Губернаторъ, управляетъ. Касати о постыженіи. Я очень уважаю и цѣню мнѣе Губернатора, но ради некоторой перемѣны курса въ Саратовѣ

Татищевъ смѣнилъ меня въ этой губерніи, когда она горѣла огнями революціи, и съ большою энергіею и мужествомъ привелъ ее въ порядокъ. Дѣло было не въ однихъ мужикахъ, но и въ земскихъ либералахъ, которыхъ онъ объявлялъ такимъ холодомъ, что ихъ теперь не видно и не слышно. Но, остудивъ ихъ, онъ и самъ замерзъ. Поза, принятая имъ, вполнѣ соотвѣтствовала обстановкѣ 1906—1907 года, теперь нужно другое, а онъ изъ анабіоза выйти не можетъ. Въ этомъ отношеніи я на Васъ очень разсчитываю... Именно терпимость Вашего характера и остановила на Васъ мой выборъ. Нельзя все время подчеркивать грань «вы и «мы», не только нельзя отталкивать общества, но надо идти ему на встрѣчу. Нельзя стоять все время на почвѣ своего права, права репрессивнаго и ограничивающаго, а надо понять людей, пользоваться ихъ добрыми качествами, эксплуатировать дурныя, а главное не мѣшать жить. Саратовцевъ я хорошо знаю: они очень строптивы; силою съ ними ничего не сдѣлаешь, а ласкою все, что угодно. Губернію нельзя командовать, ею надо управлять... Ну, простите, больше времени я дать Вамъ не могу, желаю Вамъ счастья и успѣха.

Дня черезъ три я былъ принять Государемъ.

— Съ Крайняго Запада на Востокъ, — съ такими словами встрѣтилъ меня Государь.

— Да, Ваше Величество, — сказалъ я, — не ожидалъ я этого и, правду сказать, побаиваюсь.

— Чего?

— Прослуживъ восемнадцать лѣтъ въ Привислинскомъ Краѣ, я не знакомъ ни съ дворянствомъ, ни съ земскимъ дѣломъ, да не знаю и вообще чисто русской жизни.

— Я совершенно увѣренъ въ Васъ, вы справитесь.

— Очень благодарю Ваше Величество за доброе обо мнѣ мнѣніе, но я самъ въ себѣ далеко не увѣренъ и заранѣе прошу снисхожденія, если не оправдаю возложенныхъ на меня ожиданій, къ тому же еще и Иліодоръ...

— Да уже его нѣтъ, онъ сосланъ въ дальній монастырь.

— На долго - ли, Ваше Величество? Царево сердце милостиво, будетъ очень просить, Вы его простите.

— Нѣтъ, больше не прошу, будьте спокойны.

— А Гермогенъ? Ваше Величество.

— Это другое дѣло, безъ Иліодора онъ будетъ смиренѣе, но Васъ я тоже прошу быть помягче и всячески щадить въ немъ его высокій духовный санъ; если онъ въ чемъ - нибудь и погрѣшитъ, то это падаетъ на него, но совершенно недопустима какая - то драка между губернаторомъ и архіереемъ, на общую потѣху всѣхъ враговъ порядка.

— Разумѣется, Ваше Величество.

— Ну такъ, вотъ я на Васъ и разсчитываю, а теперь желаю Вамъ успѣха, — сказалъ Государь, протягивая мнѣ руку.

На этомъ аудіенція и закончилась.

На слѣдующій день я поѣхалъ къ Курлову, занимавшему тогда должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающаго полиціей.

Слова министра и оберъ - прокурора и обѣщаніе Государя успокоили меня въ томъ отношеніи, что Иліодоръ прощенъ не будетъ и легально въ

Саратовъ не вернется, но я опасался его побѣга изъ Флорищевой Пустыни и по этому предмету хотѣлъ переговорить съ Курловымъ. Допуская возможность побѣга, я хотѣлъ просить Курлова, чтобы полицейскій приставъ, на котораго было возложено окарауливаніе Иліодора въ такомъ случаѣ непосредственно телеграфировалъ мнѣ въ Саратовъ, дабы я могъ своевременно принять соотвѣтствующія мѣры. Въ порядкѣ же службы приставъ долженъ былъ телеграфировать исправнику, исправникъ владимѣрскому губернатору, а послѣдній могъ и не догадаться извѣстить меня, а потому телеграфировать былъ въ Петербургъ. При такихъ условіяхъ, полученныя мною свѣдѣнія были бы слишкомъ запоздалыми.

Курловъ проситъ меня съ большою важностью, развалюсь въ креслѣ и пишу остротонное письмо. Между нами произошелъ слѣдующій краткій разговоръ:

— Я хотѣлъ просить, Ваше Превосходительство, въ случаѣ побѣга Иліодора...

— Иліодоръ крѣпко засажень и убѣжать не можетъ.

— Охотно вѣрю, тѣмъ не менѣе, если-бы онъ бѣжалъ, то я прошу...

— Повторяю Вамъ, онъ не убѣжитъ...

— Но если онъ убѣжитъ...

— Если товарищъ министра, забывающій полицією, говоритъ Вашему Превосходительству, что Иліодоръ не убѣжитъ, то онъ не убѣжитъ.

Въ такомъ случаѣ мнѣ съ Вами болѣе говорить не о чемъ, имѣю честь кланяться.

Два черныя гриба самый день моего отъѣзда, я зашелъ съ Салтыковымъ въ Учетный банкъ, гдѣ мы встрѣтили Алексѣя Борисовича Нейдгарта, шурина Столыпина.

— Ну что, Петръ Аркадіевичъ остается? — спросилъ его Салтыковъ.

— Гдѣ тамъ, — отвѣтилъ Нейдгартъ, — на дняхъ его похороны по первому разряду, уже Таньша пригдены въ Царское ризы шить... на похороны! Таньша въ то время была главноуправляющимъ собственной! Въ царскѣй ризѣ, и на него обычно возлагалась обязанность писать рескрипты (своими, синовиками). Потѣ словами «ризъ шить» Нейдгартъ очевидно понималъ составленіе рескрипта).

Меня удивилие нанямъ показавъ мнѣ это извѣстіе, сказа Богу, что хоть бы фактъ извѣстять на мѣстѣ.

Кстати скажу, что въ Учетный банкъ я захожу для того, чтобы отдать приказъ отдать мнѣ, подѣ мои бумаги, кредитъ на значительную сумму изъ остатковъ царскихъ банковъ. Я знаю, что въ провинціи это сразу съ трудомъ осуществимо, и я этимъ думаю парализовать возможность часто осуществленія / такъ денегъ / вотъ, безъ штатовъ пріѣхать, а теперь опять въ Москву — одна хвѣсть.

На эту минуту еще такъ много шутокъ, которую сыграть со мною мой тетка.

Кажется въ Иліодоръ Времени въ это время появилось объявленіе.

Слѣдуетъ также и извѣстное съ душевнымъ прискорбіемъ плавающимъ о смерти знаменитаго Владиміра Дюда, Петра Петровича Стремухова.

Въ Саратовѣ же затравивъ произвела бошаной переполохъ не успѣвъ своей собственноручно предать и уже умеръ. Мѣстная газета хотѣла уже напечатать сообщеніе о смерти, какъ кто-то догадался запросить сначала

Петербургъ. Ответная телеграмма успокоила волнение. Долженъ отбѣтить, что саратовская пресса (тамъ выходило три газеты) отнеслась вообще сочувственно къ моему назначенію. Въ то время происходило въ Саратовѣ земское собраніе и многіе изъ присутствовавшихъ подвѣлились полученными обо мнѣ благопріятными свѣдѣніями. Многимъ въ этомъ отношеніи я былъ обязанъ бывшему прокурору Варшавской судебной палаты, Чебышеву, тогда старшему предсѣдателью Саратовской судебной палаты, и управляющему отдѣленіемъ государственнаго банка, Танкову, знавшему меня по Калину, гдѣ онъ занималъ ту - же должность.

Наконецъ, 9-го марта мы съѣли съ женою въ вагонѣ, любезно предложенный мнѣ управленіемъ Рязано - Уральской ж. д., и покатили въ Саратовъ.

Уѣзжая изъ Петербурга, я просилъ Салтыкова срочно держать меня въ курсѣ относительно оставленія своего поста Столыпинымъ и его возможнымъ замѣстителемъ.

Резюмируя свои петербургскія впечатлѣнія, я пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Столыпинъ, очевидно, уйдетъ. Это большая потеря для Россіи; крутомъ не было видно человѣка, который по своему государственному размаху могъ бы даже близко къ нему подойти; еще большей потерей это было для меня. Всякій новый министръ будетъ относиться ко мнѣ какъ къ рядовому губернатору, а Столыпинъ, конечно, смотрѣлъ бы снисходительно на возможныя съ моей стороны ошибки. Ну что дѣлать, жить до сихъ поръ безъ опеки, проживу и далѣе. Общей политики, разумеется, буду держаться той, которую указалъ мнѣ Петръ Аркадіевичъ. Если онъ даже и уйдетъ изъ министерствъ, то все - же онъ умный человѣкъ, да и губернію знаетъ. Къ тому же примирительная политика отвѣчала не только требованіямъ времени, но и моему личному складу.

Въ бытность мою въ Петербургѣ, я ознакомился съ всеподданнѣйшими отчетами моихъ предшественниковъ и составилъ себѣ о губерніи кое какое общее понятіе.

Саратовская губернія была одною изъ обширнѣйшихъ губерній въ Имперіи. Съ сѣвера на югъ она тянулась около 700 верстъ, а въ ширину раскинулась на 400. Я полагаю, что площадью она была немногимъ меньше Бельгіи и, во всякомъ случаѣ, больше какого-нибудь Вюртемберга. Что бы охарактеризовать размѣры губерніи, скажу, что на сѣверѣ ея, въ Кузнецкомъ уѣздѣ, водились лоси и глухари и росла клюква, а на югѣ, въ Царицынскихъ степяхъ, бродили сайги (родъ антилопы) и дрофы, вырѣзали чудесный виноградъ и пахали на верблюдахъ. Со своими изгибами Волга протекала по губерніи около 800 верстъ. Населеніе губерніи достигало почти четырехъ милліоновъ; въ губернскомъ городѣ — 250 000, а въ Царицынѣ -- 150 000 человѣкъ. Въ преобладающей массѣ населеніе было великорусское; въ Хвалынскомъ уѣздѣ проживали татары, кое - гдѣ была мордва, а въ Камышинскомъ уѣздѣ располагались обширныя нѣмецкія колоніи; кое - гдѣ были вкраплены немногія станицы Астраханскаго казачьяго войска. Промышленность въ губерніи была развита менѣе значительно, а подавляющая часть населенія занималась земледѣліемъ. Нѣкоторыя помѣщичьи латифундіи были громадны и исчислялись десятками тысячъ десятинъ, напримѣръ Баланда - графовъ Шереметевыхъ, Зубриловка — князей Голицыныхъ - Прозоровскихъ, имѣнія графа Орлова-Денисова, Нарышкиныхъ, графа Воронцова - Даникова. Однако огромная часть

земли была уже во владѣніи крестьянъ. Послѣ революціи 1905 года, съ особою силою отразившейся на Саратовской губерніи, помѣщичьи владѣнія съ каждымъ годомъ, при посредствѣ Крестьянскаго банка, таяли, и путемъ естественной эволюціи вся земля, несомнѣнно, десятка черезъ три дѣтъ, безъ всякихъ потрясеній, перешла бы въ крестьянскія руки. Все же, къ моему времени помѣщичьи были еще богаты и мѣстное дворянское представительство представляло еще изъ себя силу, съ которою надо было считаться. Губернскимъ представителемъ дворянства состоялъ Владиміръ Ниловичъ Ознобишинъ. Человѣкъ это былъ очень хорошій, добрый въ частной жизни, но, какъ предводитель, несомнѣнно, помѣшанный на престижѣ представляемаго имъ сословія и проникнутый идеологіей Союза Русскаго Народа, съ органическими для него въ губерніи онъ состоялъ въ самомъ тѣсномъ контактѣ. Вѣдущую роль въ мѣстномъ дворянствѣ игралъ и помѣщикъ Панчулдизевъ, состоявшій секретаремъ Объединеннаго дворянства. Человѣкъ это былъ умный, до чрезвычайнаго непріятный. Земство Саратовской губерніи считалось весьма работоспособнымъ и передовымъ. Во главѣ его стоялъ председатель губернской управы К. Н. Гриммъ, пользовавшійся репутаціею умнаго и политическаго человѣка. Принадлежалъ онъ къ партіи Октябристовъ.

Въ средней и западной части губерніи почву составлялъ глубокой плодородный черноземъ, но особая климатическія условія часто поражали губернію засухами, и это сильно отражалось на экономикѣ губерніи и психикѣ ея населенія. Крестьянство отличалось буйнымъ нравомъ, особенно, население степныхъ, прилегающихъ къ Волгѣ. Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ и легенды о Пугачевѣ, много еще не выветрились изъ народной памяти. Саратовская губернія имѣла громкое революціонное прошлое. Чернышевскій и Каракозовъ были саратовцами, Спиридонова и «Бабушка русской революціи», Брешко-Брешковская, усердно въ ней работали. Тутъ же подвизался и сидѣлъ въ тюрьмѣ знаменитый нынѣ Миноръ.

Приблизительно съ такимъ багажомъ осведомленности, я выѣзжалъ въ Саратовскую губернію.

11 марта, въ 10 часовъ утра, мы пріѣхали въ Саратовъ. На вокзалѣ я былъ встрѣченъ вице-губернаторомъ, котораго я принялъ въ вагонѣ.

— Ну, что Столыпинъ? — было его первымъ вопросомъ.

Уйти.

Ну, значитъ, я могу служить.

Вице-губернаторъ сообщилъ мнѣ, что въ парадныхъ комнатахъ меня ожидаетъ депутація отъ города съ головою Коробковымъ.

При саратовѣ, въ парадная комнаты, полиціеимейстеръ передалъ мнѣ дорожную телеграмму. Это была депеша отъ Салтыкова, условленной фразой извѣщающая меня о самой категорической формѣ, что Столыпинъ останется въ Саратовѣ.

Городской голова сообщилъ мнѣ привѣтственную рѣчь, въ которой выражено желаніе, что въ нашъ городъ увидитъ втораго Столыпина, который теперь, въ эпоху всего благомыслящаго русскаго общества, а въ особенности саратовцевъ, оживаетъ своей посты. Я не могу припомнить теперь точно въ какихъ рѣчахъ выразился, но интересенъ былъ тотъ откликъ, который привѣтствію давалъ Салтыковъ. Въ этомъ событіи были результаты давленія на городъ. Якобы желая, чтобы было такъ, на самомъ дѣлѣ, но курьезно было

именно то, что непарламентскій образъ дѣйствій Столыпина, выразившійся въ роспускѣ Думы, сразу былъ забытъ съ того момента, что въ Петръ Аркадѣевичъ можно было усмотрѣть жертву давленія правыхъ.

На рѣчь головы, пользуясь телеграммою Салтыкова, я могъ отвѣтить завѣреніемъ, что Столыпинъ остается у власти, что произвело на депутацію весьма пріятное впечатлѣніе, на лицѣ же вице-губернатора отразилось крайнее недоумѣніе.

Съ вокзала мы съ женою проѣхали въ соборъ, гдѣ ожидало меня духовенство, совершившее краткое молебствіе.

Изъ собора я поѣхалъ въ губернаторскій домъ, который поразилъ меня, пость сувальскаго домика, своимъ великолѣпіемъ. Была двухсвѣтная танцевальная зала, столовая человѣкъ на сто и не менѣе двадцати господскихъ комнатъ, довольно безвкусно, но богато мебелированныхъ.

Вообще я долженъ отмѣтить нѣкоторую пышность и величавость саратовскаго губернаторскаго быта, повидимому, установленнаго рядомъ монархическихъ предшественниковъ.

Когда я ѣхалъ по городу, впереди на одиночкѣ съ пристяжкой скакали полиціймейстеръ, въ чинѣ статскаго совѣтника, а сзади на простой одиночкѣ ѣхалъ приставъ.

Съ перваго дня я отмѣнилъ этотъ церемоніаль, показавшійся мнѣ ужасною азіатчиною; къ тому же онъ нарушалъ весь мой стиль. У меня была шорная пара тонконогихъ, кровныхъ, англазированныхъ венгерскихъ кобылъ, кучеръ въ лифрѣ и цилиндрѣ, фритый и, несмотря на то, что онъ былъ воронежскій мужикъ, обладавшій профилемъ чистокровнаго англичанина.

Всю ненужную торжественность я понемногу упразднилъ. Когда я въ первый разъ, съ тросточкою, прошелъ одинъ по главной «Нѣмецкой» ул., то это не только взволновало весь городъ, но даже вызвало лестную для меня замѣтку въ мѣстной газетѣ.

Упразднивъ пышность, я думалъ, что дѣйствую хорошо. Нынѣ у меня возникаетъ сомнѣніе въ этомъ... Опрошеніе хорошо въ средѣ вполне культурной, ну а при нашей дикости, пышность и недоступность, быть можетъ, и дѣйствовали на воображеніе.

Обѣжавъ губернаторскій домъ, и поговоривъ о самыхъ срочныхъ дѣлахъ съ Боярскимъ, которому я объяснилъ противорѣчіе моихъ словъ относительно ухода Столыпина, сказанныхъ ему и городской депутаціи, и успокоивъ его въ смыслѣ отношенія къ нему министра, я считалъ, что поступилъ въ его дѣлъ правильно, удержавъ его, во - первыхъ, отъ шага, о которомъ онъ несомнѣнно впоследствии бы пожалѣлъ, и, во - вторыхъ, сохранивъ для службы этого вполне полезнаго человѣка *).

Затѣмъ поѣхалъ съ визитомъ къ епископу Гермогену.

Когда я спускался по лѣстницѣ, швейцаръ подаль мнѣ длиннѣйшую шифрованную телеграмму, подписанную Курловымъ. Я послалъ ее для расшифрованія правителю канцеляріи, а самъ поѣхалъ къ Гермогену.

Владыка былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, небольшого роста, съ довольно рѣдкою, сѣдѣющей бородкою, нервный и не обладающій свойственной или, вѣрнѣе, выработанной владыками, величавостію. Черные, острые глаза его

*) Передъ Февральскою революціей П. М. Боярскій былъ губернаторомъ въ Казани, гдѣ пользовался общимъ расположеніемъ.

все время бывали по сторонамъ и оставляли непріятное впечатлѣніе. Въ общемъ, во мношинности его было что - то еврейское, я не хочу этимъ сказать библейское...

Отъ Гермогена я проѣхалъ къ губернскому предводителю дворянства Олѣбишину, старшему председателю судебной палаты Чебышеву, къ сожалѣнію, отсутствующему Саратовъ — онъ былъ назначенъ присутствовать въ Сенатъ, — къ начальнику дивизіи Болотову и къ вице - губернатору.

Когда я вернулся домой, то не прошло и пяти минутъ, какъ пріѣхалъ Гусевъ, съ отличнымъ визитомъ, пожелавшій познакомиться и съ моею женою.

Прожоя епископа въ прихожей, я наткнулся на правителя канцеляріи Шульца, подавашаго мнѣ расшифрованную депешу:

По отъѣздѣ епископа, я ее прочелъ.

Вотъ, что она вкратцѣ сообщала:

«8-го числа іеромонахъ Іліодоръ бѣжалъ изъ Флорищевой пустыни. По его дѣятельности, онъ направляется въ Царицынъ. Благоволите принять всѣхъ къ недоумѣнію его въ городъ и выхвать лично на мѣсто для устранения возможныхъ недоразумѣній. За министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-лейтенантъ Курловъ».

Вотъ тебѣ разъ!

Вспомнилъ мнѣ его слова: «Когда товарищъ министра, завыдавающій позиціею, — гдѣ! Вашему Превосходительству, что Іліодоръ не убраться, то онъ не убраться!».

Всѣ мои предположенія и надежды рухнули разомъ. Въ я и брать - то Саратовскую губернію только въ виду отсутствія Іліодора, при его - же наличности я на это ни за что - бы не пошелъ.

Какого мнѣ было, не зная ничего и ничего, не вступивъ даже, какъ слѣдуетъ въ должность, сразу сказать въ Царицынъ, идѣ неизвѣстно, что меня ожидало.

Выѣхать въ тотъ - же день я не могъ. Еще по распоряженію моему изъ Иркута на 12 число былъ мною назначенъ пріемъ всѣхъ должностныхъ лицъ губерніи. Въ числѣ представлявшихся долженъ былъ быть и весь гражданскій судъ; мнѣ сказалъ вице - губернаторъ, что прибыли ближайшіе 10-ти арестанты дворянства и председатели управъ. Человекъ вообще тогда собиравшаяся около полуторасти, и пренебречь ими изъ за какого - то Іліодора я никакъ не могъ. Къ тому - же торопиться въ Царицынъ, да было опасно, если Іліодоръ уже 8-го числа бѣжалъ изъ Флорищевой пустыни, то 11-го числа онъ долженъ былъ уже быть гдѣ - нибудь между Ртищевымъ и Царицыномъ, и опередить его у меня не было бы ни малѣйшей возможности. Поэтому я могъ только перелать телеграмму Курлова начальнику, вице - губернатору и исправнику, а такъ - же начальникамъ канцелярій, иркутскихъ управленій ж. д. для соответствующихъ распоряженій.

Однако, пріемыя этого дня не суждено было окончиться. Вечеромъ въ 10-часъ въ семинаріи и доложили, что только что убитъ семинаристомъ (убитъ въ семинаріи) семинаръ, архимандритъ X (имя я его забылъ).

Вотъ какъ пріемы в Саратовской губерніи, начинаются! — подумалъ я и двинулся въ путь, въ ожиданіе, такихъ, мнѣхъ Сузакскихъ.

Пришлось ѡхать въ семинарію... Окровавленный лежалъ несчастный убитый архимандритъ, какъ говорили мнѣ, прекрасный человѣкъ.

12 числа состоялся общій пріемъ. Мнѣ впервые пришлось выступать передъ такой большой аудиторіей должностныхъ лицъ, общественныхъ дѣятелей и представителей печати. Большой залъ губернаторскаго дома былъ набитъ биткомъ. Кого тутъ только не было: соборное духовенство, католическій епископъ, суперъ-интендентъ протестантскихъ церквей, муллы, раввины, представители старообрядческой общины, судьи, генералы, ректоры университета, директора среднихъ учебныхъ заведеній, атаманы станицъ (Астраханскаго войска), желѣзнодорожники, пароходовладѣльцы, консулы, банкиры, дамы патронессы, предводители дворянства, земцы и даже президіумъ мѣстнаго отдела Императорскаго общества правильной охоты, поднесшіи мнѣ званіе своего почетнаго предсѣдателя и соответствующій нагрудный знакъ. Сказанная мною привѣтственная рѣчь, въ которой я указалъ на то, что особенно горжусь быть начальникомъ Саратовской губерніи, гдѣ все крупно, и размѣры ея, и размахъ дѣятельности, и богатство, и даже упадающія на нее бѣдствія, какъ по промыслу Божию, такъ и по злой волѣ людей, произвела, какъ мнѣ говорили потомъ, наилучшее впечатлѣніе.

Долженъ отмѣтить, что у саратовцевъ въ высшей степени былъ развитъ свой мѣстный патріотизмъ. Они считали свою губернію первой въ Россіи, себя людьми самыми крупными, и, какъ это ни странно, въ сферу этого преувеличенія вносили и личность своего губернатора. Саратовскій губернаторъ не могъ, по ихъ мнѣнію, быть «кто-то тамъ, такъ себѣ», нѣтъ, это была величина. Имъ особенно льстило, что съ должности саратовскаго губернатора Столыпинъ былъ назначенъ прямо министромъ и весьма скоро послѣ того и Премьеромъ. Если Столыпинъ выбралъ меня для Саратова, то и я что-то большое. Саратовцы могли надѣлать много хлопотъ своему губернатору, но престижъ его оберегали, какъ свой собственный. И на этой стрункѣ саратовскаго патріотизма можно было разыграть не одну административную симфонію.

Послѣ пріема представляющихся, я вновь побѣхалъ къ Гермогену, чтобы переговорить съ нимъ о бѣгствѣ Іліодора и о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдовало бы предпринять на случай его прибытія въ Царицынъ.

Чувствовалось, что владыка уже зналъ о бѣгствѣ іеромонаха и его планахъ, но скрывалъ это довольно удачно.

Во время моего посѣщенія владыки, правитель канцеляріи привезъ мнѣ только что полученную телеграмму отъ царицынскаго полиціймейстера, извѣщавшаго, что Іліодоръ уже находится на Французскомъ заводѣ близъ Царицына и что мѣры къ недопущенію его въ городъ, а въ особенности въ монастырь, приняты.

Я подѣлился съ Гермогеномъ полученными свѣдѣніями, и онъ сообщилъ мнѣ, что тоже побѣдетъ въ Царицынъ. Тогда я сталъ уговаривать его ѡхать вмѣстѣ съ мною и совѣстными усиліями убѣдить іеромонаха добровольно вернуться на мѣсто ссылки. Владыка обѣщалъ мнѣ всякое свое содѣйствіе, объяснивъ, что именно съ этою цѣлью и собирается въ Царицынъ, но ѡхать со мною отказался, говоря, что вліяніе его будетъ сильнѣе, если онъ будетъ дѣйствовать самостоятельно, а не подъ видимымъ давленіемъ свѣтской вла-

сти. Ни мои просьбы, ни перспектива ъхать въ удобномъ директорскомъ вагонѣ не разубѣдили Гермогена.

Съ собою я захватилъ правителя канцеляріи Ш. и начальника губернскаго жандармскаго управления, полковника Семигановскаго. Оба были мнѣ крайне нужны, какъ знавшіе всю предшествующую исторію Гермогена и Иліодора.

На этихъ двухъ лицахъ я останавливаю на нѣсколько минутъ вниманіе читателя.

Ш. происходилъ изъ мѣстныхъ нѣмцевъ - колонистовъ и получилъ университетское образованіе. Онъ состоялъ уже помощникомъ правителя канцеляріи въ бытность губернаторомъ Столыпина и правителемъ канцеляріи при Татищевѣ. Зналъ онъ дѣло превосходно, работоспособности былъ изумительной... но былъ совершенно равнодушенъ къ дѣлу. Насколько мой сурдакскій Хвалько клалъ душу свою въ работу и любилъ губернатора (не меня лично, а именно губернатора), настолько въ Ш. я чувствовалъ не только равнодушіе, но даже и нѣкоторое недоброжелательство. На все онъ говорить «слушаюсь», и выполнялъ всякую работу быстро и превосходно, но мнѣ казалось, что если-бы я приказалъ ему написать величайшую глупость, за которую меня-бы выгнали со службы, то онъ сдѣлалъ-бы это съ особеннымъ удовольствіемъ и представилъ-бы мнѣ къ подписи на велевой бумагѣ.

Мнѣ кажется, что такое характерное отношеніе къ губернатору этихъ двухъ правителей канцеляріи объяснялось слѣдующимъ. Какъ Хвалько, такъ и Ш. по происхожденію своему принадлежали къ податнымъ сословіямъ. Окончившій образованіе въ уѣздномъ училищѣ, Хвалько, дослужившись до должности правителя канцеляріи, считалъ себя на верху возможнаго для него достиженій, былъ доволенъ своей судьбою и безо всякаго завистливаго чувства обдуживалъ своего начальника. Напротивъ того, Ш., получившій высшее образованіе, былъ неудовлетворенъ въ своемъ честолюбіи и относился ко мнѣ съ чувствомъ пролетарія къ своему хозяину. «Почему ты, а не я! Видѣ я - же образованнѣе, а, значитъ, и умнѣ тебя».

Какъ бы то ни было, въ теченіе двухъ лѣтъ, я все время чувствовалъ около себя недоброжелателя, но не считалъ себя въ правѣ его отпустить, такъ какъ работалъ онъ безукоризненно.

Полковникъ Семигановскій былъ наилучшимъ изъ жандармскихъ офицеровъ, встрѣченныхъ на моемъ жизненномъ пути. Онъ былъ всегда уравновѣшенъ, сдержанъ, не мѣшался въ сферу, ему не присущую, и, занимая должность начальника районнаго охраннаго отдѣленія, былъ весьма осведомленъ въ партійной революціонной работѣ не только въ Саратовской, но и окружающихъ ее губерніяхъ.

До Царицына мнѣ пришлось ъхать около трехъ дней, проѣхавъ по ж. д. черезъ части Тамбовской и Воронежской губерній и Области Войска Донскаго.

Конечно, здѣсь представилъ читателю маленькіе кроки моего будущаго гонимъ-бѣднѣшаго дѣйствія въ борьбѣ съ Иліодоромъ.

Въ сѣверѣ, горѣлъ Иліодоръ, выстроилъ себѣ огромный монастырь, окруженный роскошными постройками на подобіе сплоской стѣны. Церковь и монастырскія постройки были самой грубой, если можно такъ выразиться, буффороной работы.

Верстахъ въ пяти за городомъ стоялъ, такъ называемый, Французскій заводъ, производившій крупныя металлургическія работы (Впослѣдствіи онъ былъ приобрѣтенъ извѣстнымъ Виккерсомъ и обращенъ въ пушечный). Заводъ этотъ представлялъ цѣлый городокъ съ пятью, шестью тысячами жителей, изъ которыхъ большая часть, а въ особенности женщины, были ярыми поклонниками Иліодора.

Подъѣзжая къ Царицыну, мы получили свѣдѣнія, что Иліодоръ на одной изъ промежуточныхъ станцій былъ опознанъ и предъявленъ начальнику жандармскаго отдѣленія ж. д. Не знаю, какими именно приѣмами, Иліодоръ уговорилъ этого офицера, но фактъ, что, несмотря на мое запрещеніе, іеромонахъ былъ пропущенъ далѣе. (Впослѣдствіи этотъ жандармскій офицеръ былъ куда-то переведенъ, а вскорѣ послѣ того получилъ и повышеніе по службѣ) . . .

Когда мы пріѣхали въ Царицынъ, то полиціймейстеръ доложилъ мнѣ, что Иліодоръ съ французскаго завода ушелъ и, несмотря на всѣ принятія мѣры, уже водворился въ монастырь, куда онъ проникъ въ женскомъ платьѣ, и собралъ толпу въ нѣсколько тысячъ человекъ. Вчера онъ говорилъ проповѣдь, въ которой сообщалъ, что Государь находится въ рукахъ жида-масоновъ - министровъ, изъ которыхъ самый опасный самъ Столыпинъ, что министровъ слѣдуетъ драть розгами, а Столыпина обязательно по средамъ и пятницамъ, чтобы онъ помнилъ постные дни и чтобы выбить изъ него масонскій духъ.

Кромѣ приведенной ранѣ телеграммы Курлова, я не имѣлъ никакихъ указаній, но мнѣ казалось, что ранѣ всего надо было потребовать отъ Иліодора немедленнаго возвращенія въ мѣсто ссылки и въ случаѣ неповиновенія арестовать.

Я послалъ полиціймейстера въ монастырь и приказалъ Иліодору немедленно ко мнѣ явиться.

Вскорѣ полиціймейстеръ, Василевскій, вернулся и доложилъ, что Иліодоръ просилъ мнѣ передать, что онъ не подумаетъ ко мнѣ являться, а что, если я интересуюсь его видѣть, то я могу и самъ пожаловать къ нему въ монастырь. Это была уже прямая дерзость и на нее слѣдовало соотвѣтственно реагировать.

Въ тотъ-же день, за наступленіемъ поздняго времени, ничего уже предпринять было невозможно.

На слѣдующій день приставъ съ нарядомъ стражниковъ вошелъ въ монастырскую ограду. Иліодора въ кельѣ не оказалось. Онъ служилъ молебень и находился въ алтарѣ. Приставъ, конечно, въ алтарь войти не рѣшился, но со стражниками остался въ церкви, ничего не предпринимая и выжидая болѣе благоприятной обстановки для ареста.

Иліодоръ, стоя на амвонѣ, съ возможностью ежеминутно уйти въ алтарь, произнесъ громовую проповѣдь противъ царскихъ опричниковъ, дерзнувшихъ кощунственно своимъ присутствіемъ нарушить святость монастыря и церкви, и заявилъ, что отнынѣ онъ изъ алтаря выходитъ не будетъ и перестанетъ принимать пищу и питье, пока гоненія противъ него не прекратятся.

Многочисленная толпа слушала проповѣдь, поддакивая Иліодору въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ, женщины плакали и умоляли «батюшку» не обрекать себя на голодную смерть.

Ничто, ничто, — оторвать Иліодоръ, — мнѣ ничего кромѣ смерти не остается.

Когда тогда было решено уже до состоянія бѣлаго каленія, Иліодоръ сказалъ, что только она, толпа, можетъ спасти его и, тѣмъ самымъ, приутищать себя мѣсто въ царствіи небесномъ. Надо послать телеграмму Государю и просить оставить его, Иліодора, въ Царицынѣ, а до получения отвѣта они, все равно, ни пить, ни есть не будутъ. Откуда-то появился листъ бумаги съ заранее заготовленнымъ текстомъ телеграммы, который моментально былъ покрытъ сотнями подписей присутствовавшихъ, отсутствовавшихъ и никогда не существовавшихъ поклонниковъ іеромонаха.

— А теперь, — сказалъ Иліодоръ, указывая на стражниковъ, — этихъ фараоновъ изъ дома Божія надо выгнать.

Мгновенно толпа набросилась на стражниковъ, вырвала у нихъ палки, сломала решетку, и, самихъ стражниковъ, сильно помявъ, выбросила за стѣны монастыря. Особенно неистовствовали женщины.

Телеграмма Государю была отправлена. По произведенному разслѣдованію съ одной десятой части подписей была дѣйствительна, остальные оказались апокрифическими.

Что мнѣ надо было дѣлать?

Раньше всего, я протелеграфировалъ Столышину самымъ подробнымъ образомъ о всемъ происшедшемъ въ Царицынѣ, включая и рѣчь Иліодора, находившаго дружески съѣзъ министра по средамъ и пятницамъ. Затѣмъ я выехалъ изъ монастыря въ городъ государственной стражи. Результатъ оказался неожиданнымъ: съ такимъ количествомъ стражи открытою силою взять Иліодора было невозможно. Кромѣ того, меня тревожилъ вопросъ, можно ли, съ точки зрѣнія закона, произвести арестъ въ алтарѣ. Приглашенный на совѣщаніе товарищъ прокурора не могъ дать мнѣ положительнаго отвѣта, но съ точки зрѣнія мысли, что это не допустимо; съ житейской точки зрѣнія это считалось и мнѣ несомненнымъ *).

Приблизительно развѣскою было установлено, что изъ алтаря былъ прямымъ ходомъ хвостъ Иліодора, въ которой онъ преблагополучно и пребывалъ, при малѣйше подозрительныхъ признакахъ, переходя въ алтарь.

Не зная достаточно личныхъ свойствъ мѣстныхъ чиновъ полиціи, я зашелъ въ монастырь особымъ агентомъ, даже принадлежавшихъ къ мѣстной полиціи, которые передавали мнѣ въ точности рѣчи Иліодора. Вскорѣ такъ ознакомившись этихъ сообщений и донесеній полиціи я убѣдился въ полнотѣ сообщенія, и послѣ трехъ дней

Иліодоръ при существующихъ условіяхъ, почти невозможнымъ извѣстие Иліодору изъ монастыря, и съ нетерпѣніемъ ожидать пріѣзда Гермогена, памятуя его обещанія, просилъ мнѣ помочь привести къ появленію строителнаго монаха.

Нашло, мнѣ три дня спустя послѣ меня, пріѣхать и выдѣлка. Онъ остановился въ своемъ монастырѣ, директора реальнаго училища (фамилію его я даю, но не называю), до мною, прямо пробѣжать въ монастырь.

Почти сразу же пріѣхавъ, я ничего хорошаго

* Иліодоръ, конечно, не могъ, конечно, сопротивленію, поэтому, понимая, что арестъ Иліодора невозможенъ, онъ предложилъ. Что, понимая, что въ алтарѣ, конечно, онъ находится, онъ предложилъ.

Вскорь мои агенты доложили мнѣ слѣдующее.

Святитель былъ встрѣченъ Иліодоромъ у вратъ церкви. Они облобызались и затѣмъ прошли въ алтарь, гдѣ пробыли около часа. Затѣмъ оба совершили молебствіе, послѣ котораго владыка сказалъ слово, въ которомъ высказалъ жалобы на несправедливое преслѣдованіе достопочтеннаго брата Иліодора правительствомъ, выражалъ радость тому, что іеромонахъ разбилъ оковы своей темницы и теперь находится въ средѣ вѣрующей и любящей его братіи и народа православнаго. Епископъ призывалъ присутствовавшихъ сплотиться около іеромонаха и грудью защищать его отъ возможности какого бы то ни было надъ нимъ насилія.

Вотъ какъ епископъ исполнилъ свое обѣщаніе, данное представителю правительственной власти!

Тѣмъ не менѣе, забравъ свои нервы въ руки, я поѣхалъ къ владыкѣ, и говорить съ нимъ, будто бы ничего не знаю о его выступленіи въ монастырь.

Гермогенъ принялъ меня съ обычною ласковостью и сказалъ, чтобы я потерпѣлъ, что іеромонаха надо оставить въ покоѣ, а что самое цѣлесообразное ожидать результата ходатайства передъ Царемъ, всего народа объ его помилованіи.

Стало уже окончательно ясно, что на архіерея мнѣ рассчитывать болѣе нечего.

Тѣмъ временемъ моя агентура установила, что въ монастырскомъ зданіи собралось болѣе пяти тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ многіе имѣли при себѣ оружіе, количество же накопленной мною стражи не превышало ста пятидесяти человѣкъ.

Изъ Петербурга, тѣмъ временемъ, никакихъ извѣстій не приходило. Наконецъ, числа 22-го, совершенно неожиданно для меня, пріѣхалъ командированный Курловымъ, вице - директоръ департамента, Н. П. Харламовъ.

— Ну, что, — спросилъ я его, — чего они отъ меня хотятъ?

— Право, не знаю, — отвѣтилъ онъ. — Когда я выѣхалъ изъ Петербурга, Ваши телеграммы еще не были получены, а меня командировать Курловъ въ помощь Вамъ, въ томъ предположеніи, что Вамъ, какъ едва вступившему въ должность, будетъ очень трудно.

— Трудно - то, трудно, но при чемъ Вы - то тутъ? Вѣдь всякое рѣшеніе я могу принять только на свою голову, и за все, какъ начальникъ губерніи, буду отвѣчать одинъ, ссылаться же на васъ я не могу.

— Совершенно съ Вами согласенъ, и я самъ, въ сущности, не знаю, для чего я здѣсь.

Долженъ отмѣтить, что несмотря на всю фальшивость нашихъ взаимно отношеній, Харламовъ принялъ правильную *ligne de conduite* и нисколько мнѣ не мѣшалъ. Это былъ вообще разумный и порядочный человѣкъ.

Во время продолжительныхъ разговоровъ между нами, Харламовъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что хотя Столыпинъ и остался на своемъ посту, но все же его положеніе сильно пошатнулось, въ особенности въ Царскомъ Селѣ, гдѣ ему не могли простить вовлеченіе Государя въ совершенно ненужный роспускъ Думы и Государственнаго Совѣта и принятіе репрессивныхъ мѣръ противъ правыхъ его членовъ. По словамъ Харламова, открытую агитацію вели правые, ловко направленные на это лѣвыми кругами.

Иліодоръ ежедневно служилъ обѣдни и говорилъ проповѣди. По поводу прѣзда Харламова онъ разразился, приблизительно, слѣдующимъ: «Отвоеводу воронье слетается, прѣехали губернаторъ, жандармы, главный сыщикъ изъ Петербурга — и вышло, что я не боюсь. Прогоню новаго губернатора, какъ я прогналъ Продо-Татищева, а если онъ сунется ко мнѣ, то я защищу свой монастырь, какъ преподобный Авраамій Палицынъ Троицко-Сергіевскую Лавру отъ полковъ, вѣдь не выдадите меня честной народъ православный?»

— Не выдадимъ батюшка, — ревѣла ему въ отвѣтъ толпа.

Моя агентура донесла мнѣ, что Иліодоръ постоянно носить на себѣ записные книжки и, если полиція попробуетъ его арестовать, разсыплетъ ихъ, чтобы обвинить ее въ кощунствѣ.

Числа около 22-го я получилъ отъ Гермогена письмо слѣдующаго содержания:

Предполагая при участіи духовенства и свѣтскихъ лицъ обсудить вопросы, какъ поступить далѣе въ дѣлѣ съ достоуважаемымъ батюшкою Иліодоромъ, прошу Ваше Превосходительство пожаловать на означенное засѣданіе сегодня вечеромъ, въ 6 часовъ».

Я конечно рѣшилъ не бѣжать. Обсуждать было нечего. Иліодоръ долженъ былъ покориться и отдаться гражданской власти. Кромѣ того, я не могъ не сослаться на возможности рѣзкихъ выходовъ со стороны Гермогена, по моему, и на вышнихъ инстанціяхъ адресу. Промолчать мнѣ было неудобно, а отвѣчать тѣмъ же, было бы не тактично и шло бы наперекоръ, выраженной мнѣ Государемъ воли. Я даже склонялся къ мысли, что Гермогенъ нарочно создавать такое сообщеніе, чтобы какъ-нибудь спровоцировать меня на какую-нибудь неосторожность и тѣмъ скомпрометировать.

Такое же приглашеніе получили и царинцынскіе полиціимейстеръ и исправникъ.

Отвѣтивъ епископу, что я по нездоровью не могу принять его приглашенія, я разъяснилъ вышеназваннымъ должностнымъ лицамъ отправиться на собраніе, внимательно все выслушивать, но на всѣ вопросы отмалчиваться, сославшись на отсутствіе указаній со стороны начальства.

На слѣдующій день оба протоколярно доложили мнѣ рѣчь Гермогена, изъ которой я приведу одинъ абзацъ:

«Сюда, въ Царинцынъ, наѣхали всѣ власти съ губернаторомъ во главѣ. Святыя монастырь окружены полиціею, какъ разбойничье гнѣздо, и нашего батюшку оскорбляютъ какъ какого-нибудь преступника — и не подумается ничья рука, чтобы отметить за него... Вотъ, что является революціонерку, Марусю Спиридонову оскорбить приставъ, то же самое же люди, которые за нее отметили, а нашего батюшку оскорбляютъ безнаказанно».

Высокопоставленныя фразы предоставляю сдѣлать читателю.

Обо всемъ этомъ я сообщалъ срочными телеграммами министру и оберъ-прокурору Святаго Синода.

На слѣдующій день полиціимейстеръ доложилъ мнѣ, что на квартирѣ у епископа, въ ризницѣ, учиница, вновь состоится многолюдное собраніе и что, по возможности, свѣтскими, въ немъ будетъ участвовать и Иліодоръ, который и послужитъ для этого гайкомъ въ монастырь.

Я приказалъ полиціимейстеру поставить заставы и по возможности арестовать Иліодора, при проходахъ въ ризницѣ.

— А, какъ быть, — спросилъ полиціѣмейстеръ, — если онъ, минуя заставки, все - таки окажется въ училищѣ?

— Арестуйте его тамъ.

— Ваше Превосходительство, это невозможно. Я увѣренъ, что онъ ни на минуту не отойдетъ отъ Его Преосвященства и что при попыткѣ ареста владыка за него ухватится и придется его отдирать силой. Какъ бы при этомъ невольно, а можетъ быть и при провокаціи съ его стороны, не оскорбить архіерея, а вѣдь въ такомъ случаѣ худо будетъ.

— Вы правы. Однако же это техническія затрудненія, надо обдумать, какъ ихъ преодолѣть.

— Трудновато, Ваше Превосходительство.

— А вотъ, Вы какъ поступите. Поѣзжайте на совѣщаніе, захватите съ собою нѣсколько переодѣтыхъ городскихъ и агентовъ и сами весь вечеръ ведите себя не только смирно, но даже предупредительно. Когда совѣщаніе кончится и уже всѣ будутъ выходить по лѣстницѣ, постарайтесь протиснуться между владыкою и Іліодоромъ. Агентовъ поставьте на лѣстницѣ и, когда вы съ ними поравняетесь, рѣзко толкните іеромонаха въ руки агентовъ, а сами, въ самой почтительной позѣ, загородите его отъ епископа, а агенты пусть уже волочатъ Іліодора въ приготовленныя сани и везутъ на вокзалъ; тамъ будетъ ожидать вагонъ съ локомотивомъ подъ парами и мы увеземъ его, куда слѣдуетъ.

— Ваше Превосходительство, какъ я его толкну, вѣдь онъ духовное лицо.

— Въ моихъ глазахъ это бунтовщикъ и больше ничего.

— Вы отдаете мнѣ такое категорическое приказаніе?

При этихъ словахъ полиціѣмейстеръ обвелъ присутствовавшихъ глазами, какъ бы призывая ихъ въ свидѣтели.

— Да, это категорическое приказаніе.

— Слушаюсь. Будетъ исполнено.

Этого приказанія не пришлось приводить въ исполненіе, можетъ быть, на мое счастье. Іліодоръ на совѣщаніе не пріѣхалъ.

Въ слѣдующую за тѣмъ ночь я получилъ сразу двѣ телеграммы. Первую отъ Саблера, который сообщалъ мнѣ указъ Синода, приказывающій Іліодору немедленно отправиться на мѣсто ссылки съ обращеніемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою, въ случаѣ неповиновенія Іліодора, привести указъ Синода въ исполненіе административными мѣрами. Вторая телеграмма была отъ Курлова, подписавшаго «За министра» и предлагавшаго къ немедленному и неуклонному исполненію просьбы Синода. Копія синодскаго указа одновременно и непосредственно была сообщена оберъ - прокуроромъ и Гермогену.

Въ виду сего, на слѣдующій день я написалъ письмо Гермогену, прося его увѣдомить, для соответствующихъ распоряженій, гдѣ и когда, въ тотъ же день, Іліодоръ будетъ переданъ администраціи.

На это письмо, посланное съ нарочнымъ, епископъ мнѣ не отвѣтилъ, а поѣхалъ въ монастырь.

Монастырь былъ переполненъ народомъ. Я уже давно принялъ мѣры къ недопущенію въ него новыхъ посѣтителей, но ранѣе проникая въ него толпа не выходила, ночуя въ монастырскихъ зданіяхъ и самой церкви. По полученнымъ свѣдѣніямъ, санитарныя условія въ монастырѣ стали уже со

версия нестерпимыми. Одно время я останавливался на мысли не допустить, чтобы иници и тѣмъ выудить поклонниковъ Иліодора оставить монастырь, но потомъ отказался отъ нея. Иліодоръ, имѣвшій громадное, исключительное влияние на толпу, сумѣлъ бы привести ее къ голодовкѣ, и я создалъ бы, себѣ на голову, толпу мучениковъ.

Полицейскій офицеръ попытался было не пропустить и епископа въ монастырь, но, не получивъ на это спеціальнаго указація, не рѣшился выполнить своего первоначальнаго намѣренія.

Полученіе Гермогеномъ и Иліодоромъ указа Синода произвело на нихъ неслыханное омерзеніе, противное ожидавшемуся. Оба рѣшили Синоду не повиноваться. Епископъ и іеромонахъ произнесли проповѣди самаго возмутительнаго, анархическаго характера, отвергающія всякую власть, какъ духовную, такъ и свѣтскую, причемъ члены Синода, оберъ-прокуроръ, министры и т. п. подвергались самымъ тяжелымъ и грубымъ оскорбленіямъ. Въ-сѣхъ-слѣдствій Иліодоръ заявилъ, что онъ снимаетъ съ себя клятву голодовки, такъ, какъ не стоитъ, те, себя мучить изъ-за такихъ дрянныхъ людей, какъ вышесказанная свѣтская власть и іерархи церкви. Наредъ принявъ это заявленіе восторженно.

— Кушай, батюшка, кушай на здоровье, — вопила толпа.

Тѣмъ не менѣе передъ тѣмъ, этотъ человѣкъ всенародно клялся голодать, ажи не допущая прощенія, а теперь, по случаю своего новаго осужденія, добровольно отказывается отъ духовной власти, отъ исполненія клятвы отказался. Отсутствие точки въ поступкахъ и наглое клятвенное преступленіе печезали въ сознаніи толпы отъ типотизирующаго краснорѣчія этого нагло авантюриста.

Въ своемъ проповѣди Гермогенъ призывалъ паству къ защитѣ батюшки Иліодора, до послѣдней капли крови.

Толпа была нафанатизирована до крайняго предѣла. Женщины рыдали, со многими спадались истерики, а мужчины, грубые и сильные царичанскіе бѣсы, итеркали кулаками и клялись сокрушить всякаго, кто посмѣетъ помыслиться дотронуться до іеромонаха.

Съ того времени Гермогенъ почти не выходилъ изъ монастыря и вмѣстѣ съ Иліодоромъ, день и ночь доводили многочисленную толпу до бѣлаго каленія.

Отъ осужденія обстановка я телеграфировалъ Саблеру и министру, на что имъ было получено телеграмму отъ Курлева, предлагававшего, невзирая ни на что, арестовать Иліодора.

Въ одной изъ очередныхъ проповѣдей Гермогенъ заявилъ, что не допустить ареста Иліодора, и что онъ встанетъ между нимъ и слугами сатаны. Въ-сѣхъ-слѣдствій, толпа, возмущаясь до святого человѣка, отражая его Святымъ Крестомъ... пусть только дерзнуть къ нему прикоснуться.

Несомненно, — это было самое отчаянное. Нельзя было оставлять Иліодора въ монастырѣ, но странно было и рисковать столкновеньемъ мило фанатическимъ и жестокимъ тѣмъ конюшечнымъ съ толпой, облеченнымъ въ вооруженіе. По-тому же съ полуторага стражниками нельзя было и думать, чтобы монастырь открытою силою. Я могъ вызвать войска и съ-дѣлать все, что мнѣ было угодно, но сколько бы это стоило крови и, при-дѣлать, чтобы монастырь не держалъ преступнаго, типотизирующаго по-дѣл, ния и фанатическаго, отчаяннаго ему и уфраннаго іерарха.

Подняв, что я недостаточно ярко изобразилъ создавшуюся обстановку, я вновь все вышеизложенное изложилъ въ длиннѣйшей шифрованной депешѣ министру, указывая на всѣ тягостныя послѣдствія попытки ареста Илюдора. На эту телеграмму я получилъ отвѣтъ, опять таки отъ Курлова, приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Предлагаю къ неуклонному и немедленному исполненію. Прикажете наряду полиціи ночью войти въ монастырь, схватить Илюдора. Заготовьте сани и шубу и по Волгѣ отправьте его въ Х.»

Неисполнимость приведеннаго распоряженія была въ глаза. Какъ будто бы нарядъ полиціи могъ войти въ монастырь и взять Илюдора, какъ барана. Ворота запирались на ночь. Вездѣ были поставлены караулы, какъ въ осажденной крѣпости, съ дубинами и огнестрѣльнымъ оружіемъ. При малѣйшей тревогѣ, вся собравшаяся въ обители толпа всколыхнулась бы, какъ одинъ человѣкъ. Съ колокольной забилъ бы въ набатъ и много тысячъ поклонниковъ Илюдора, находившихся еще внѣ стѣнъ монастыря, потекли бы къ мѣсту происшествія, имѣя во главѣ епископа Гермогена со Святымъ Крестомъ въ рукахъ. Полиціи, въ лучшемъ случаѣ, пришлось бы позорно ретироваться, а въ худшемъ случаѣ, быть избитой или даже перебитой. Пришлось бы вызывать войска. Представляю читателю самому нарисовать себѣ дальнѣйшую картину.

Приведеніе въ исполненіе распоряженія Курлова привело бы къ кровавымъ событіямъ въ Царицынѣ, слухъ о которыхъ, преувеличенный и разукрашенный стуюстою молвою, облетѣлъ бы всю Имперію и едва ли не всю Европу, къ вѣчному удовлетворенію враговъ правительства и Россіи.

Кто могъ быть заинтересованъ въ этомъ?

Меня давно уже угнетала мысль, почему на всѣ мои депеши я не получаю отвѣта отъ самого Столыпина, а всѣ телеграммы отъ министра подписаны за него, Курловымъ. Я зналъ, что Столыпинъ очень интересовался дѣломъ Илюдора, почему такое равнодушіе казалось мнѣ совершенно непонятнымъ. Признаюсь, что иногда посѣщали меня недобрыя мысли: посадить - де меня въ эту грязную исторію, а теперь и ухомъ не ведешь! Однако, зная характеръ Петра Аркадьевича, его всегдашнюю готовность брать на себя инициативу и отвѣтственность, я отметалъ эти мысли. Но гдѣ же тогда причина его молчанія? И вотъ я пришелъ къ заключенію, что просто онъ не тѣмъ занятъ. Послѣдствія его образа дѣйствій относительно Государственного Совета и Государственной Думы, начавшаяся противъ него интрига, борьба за власть и упроченіе своего положенія въ Царскомъ Селѣ захватили все его вниманіе и всѣ остальные дѣла, какъ текуція, онъ передаетъ, по принадлежности, своимъ товарищамъ, а потому и царицынскій эпизодъ, отошелъ въ вѣднѣе Курлова, который даже и не посвящаетъ въ него министра... Словомъ, мнѣ думалось, что Столыпинъ просто ничего не знаетъ.

Къ чему привело бы точное исполненіе мною требованія Курлова? Къ громальному скандалу. Кровавыя событія въ Царицынѣ были бы на руку всѣмъ недоброжелателямъ Столыпина, и справа, и слѣва и, пользуясь ими, министру могъ быть нанесенъ послѣдній ударъ.

Никто бы не сталъ разбирать, распоряженія ли Курлова или министра вызвали царицынскія событія, отвѣтственность за все несъ министръ, къ тому же ставшій мишенью для всѣхъ стрѣлъ оппозиціи.

Каково же было бы мое личное положеніе во всей этой исторіи?

Конечно, я могъ всегда сослаться на то, что совершившіяся событія являлись прямымъ послѣдствіемъ точнаго исполненія данныхъ мнѣ Курловымъ указаній, но это было бы плохой защитой. Для обвинителей являлось бы всегда оружіемъ, выставленнымъ въ такихъ и основательно забываемая во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, самостоятельность губернаторовъ, вытекающая изъ природы губернаторской власти. У начальства же всегда являлась возможность, оставшаяся правильность данныхъ имъ указаній, обвинять меня въ неумѣнности ихъ исполненія, кабы дѣло было исполнено «съ тактомъ», то все было бы кончилось хорошо, ну, а вотъ, губернаторъ не сумѣлъ этого сдѣлать, значитъ, онъ и виноватъ.

По силѣ всѣхъ этихъ соображеній, я рѣшился на крайнее средство, совершенно новое, вышедшее изъ всѣхъ обычаевъ и установленныхъ іерархическихъ порядковъ. Я написалъ въ Петербургъ слѣдующую, приблизительно, шифрованную телеграмму:

—Министру Внутреннихъ Дѣлъ, Петру Аркадьевичу Столыпину, въ собственные руки.

Въ теченіе десяти дней я доношу Вашему Превосходительству о чрезвычайныхъ событіяхъ въ Царицынѣ. Всѣ отвѣты на мои телеграммы я получаю отъ Васъ, а отъ За министра Внутреннихъ Дѣлъ, генераль-лейтенанта Курлова, предвѣщающаго ко мнѣ требованія, исполненіе которыхъ приведетъ къ самымъ тяжелымъ послѣдствіямъ. Царицынскій монастырь захваченъ, тошюю нафантазированнымъ и вооруженнымъ поклонникомъ Илюшора въ пять, шесть тысячъ человѣкъ, предводительствуемой сумасшедшимъ и преступнымъ монахомъ и, покрывающимъ его святостью своего сана, епископомъ. Предварительно принятія мною мѣръ къ штурму православными войсками и полиціею православнаго монастыря, защищаемого епископомъ православной церкви, съ неизбежными кровавыми жертвами съ обихъ сторонъ, немислечеными сотнями людей и тоже неизбежнымъ святотатствомъ, служа безпримѣрнымъ въ исторіи Россійскаго государства, прошу изсрочить на дѣе предварительное Его Императорскаго Величества соизволеніе».

Телеграмма эта была отправлена 24 марта, часовъ около 7 вечера.

Сл. волненіемъ ожидать я отвѣта.

То же ожило меня, ранѣе всего, рѣшеніе дѣла по существу, а затѣмъ и моя личная отвѣтственность.

Телеграммы «За министра» были юридически равносильны телеграммамъ своего владельца. Я отказывался ихъ исполнять безъ предварительной санкции Государя. Это было выраженіемъ недовѣрія подчиненнаго къ самому министру, кабы онъ захотѣлъ телеграммы своего товарища покрыть своимъ именемъ, что только и было бы въ порядкѣ вещей. Кромѣ того, редакція этихъ телеграммъ прямо намекала на допускаемую мною возможность, что въ случаѣ возникн. мною раздѣренія или поимки министра и безъ его вѣдома, я буду уже являюсь обвиненіемъ противъ всемогущаго товарища министра, и что я буду въ полиціи. Я, очевидно, ставилъ все свое настоящее и служебное будущее на карту.

Черезъ два-три дня, меня разбудили

отъ меня телеграмма отъ Столыпина.

Вотъ ея содержаніе:

«Прошу Ваше Превосходительство прекратить всякія дѣйствія противъ монастыря и Иліодора и отбыть въ Саратовъ.

Столыпінъ».

Читатель пойметъ, какъ я былъ счастливъ.

Во - первыхъ, отпадала перспектива дѣйствій противъ монастыря, послѣдствія которыхъ, каковы бы они ни были, всегда тяжелымъ камнемъ легли бы на мою совѣсть, во - вторыхъ, у меня было сознаніе, что я правильно разобрался въ сложной конъюнктурѣ современныхъ обстоятельствъ, въ - третьихъ, я несомнѣнно оказалъ услугу государственному человѣку, сохраненіе котораго у власти я считалъ величайшимъ благомъ родины, въ - четвертыхъ, я проявилъ смѣлость и самостоятельность, давшая мнѣ большое нравственное удовлетвореніе, въ - пятыхъ, я могъ спокойно вернуться въ Саратовъ изъ опротивѣшаго и измучившаго меня Царицына.

Прошу читателя повѣрить, что я мало спалъ эти десять ночей, и что такіе эпизоды не легко даются, и что, кромѣ «ничего не дѣлавшихъ помпадуровъ», не многія должностныя лица переживали такіе дни и ночи.

На слѣдующій день, въ праздникъ Благовѣщенія, въ 1 часть дня я уѣзжалъ изъ Царицына.

По свойственной Саратовской губерніи торжественности, меня провожала цѣлая толпа должностныхъ лицъ и нотаблей. Вдругъ, черезъ толпу провожавшихъ, протискивается монашекъ, съ низкимъ поклономъ подаетъ мнѣ просфору и говоритъ:

— Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Владыка, прислалъ Вашему Превосходительству сію просфору, съ пожеланіемъ счастливаго пути.

Я и всѣ присутствующіе поняли всю язвительность, заключающуюся въ этихъ словахъ.

— Передайте Его Преосвященству, — сказалъ я, — что я столь же искренно желаю ему счастливо оставаться.

Пріѣхавшій приставъ доложилъ мнѣ, что епископъ Гермогенъ, по случаю моего отъѣзда, произнесъ въ монастырѣ слово, въ которомъ сравнивалъ Иліодора съ птичками, выпускаемыми въ праздникъ Благовѣщенія добрыми христіанами на волю, а потомъ служилъ Литургію. Затѣмъ Гермогенъ и Иліодоръ съ сонмомъ духовенства, вызваннаго епископомъ, совершили въ бѣлыхъ ризахъ крестный ходъ кругомъ монастыря.

Сѣвъ въ вагонъ, я по обычаю своему, попытался проанализировать совершившіяся событія.

Напоминаю ихъ читателю.

Курловъ отказалъ мнѣ въ просьбѣ непосредственнаго сообщенія о предполагавшемся мною побѣгѣ Иліодора, что дало бы мнѣ возможность предотвратить проникновеніе Иліодора въ монастырь, каковое обстоятельство измѣнило бы весь ходъ событій. Иліодоръ несомнѣнно не особенно крѣпко былъ окарауленъ, если смогъ бѣжать. Жандармскій желѣзно - дорожный офицеръ пропустилъ іеромонаха въ Царицынъ, несмотря на полученное отъ меня запрещеніе. Телеграммы Курлова вызывали меня на образъ дѣйствій, о которыхъ закричала бы вся Россія и послѣдствія которыхъ могли бы свалить министра. При первой же телеграммѣ, полученной отъ меня непосред-

ственно министромъ, всѣ дѣйствія противъ монастыря и Иліодора были имъ прекращены. Прибавьте къ этому, что упомянутый выше жандармскій офицеръ, непосредственно подчиненный Курлову, вскорѣ получилъ повышение по службѣ и что при ближайшемъ свиданіи со мною (въ маѣ) Столыпинъ встрѣтилъ меня фразою: «Искренно благодарю васъ за вашъ образъ дѣйствій въ Царицынѣ».

Предоставляю читателю сдѣлать выводы самому. Скажу лишь, что, когда послѣ убійства Столыпина, Гучковъ въ Государственной Думѣ сказалъ рѣчь, обвиняющую Курлова въ преступной небрежности въ охранѣ министра (обвинение, кстати сказать, никогда не бывшее опровергнутымъ), то я ей нисколько не удивился. По всей видимости, кто-то подготавливалъ Столыпину гражданскую смерть уже въ Царицынѣ.

Какъ могъ усидѣть на мѣстѣ Курловъ послѣ царицынскихъ событій, несомнѣнно указывающихъ на то, что товарищъ министра, въ такомъ важномъ дѣлѣ, дѣйствовалъ помимо своего патрона, не держа его даже въ курсѣ происходившаго, такъ какъ лишь только министръ былъ освѣдомленъ о положеніи дѣшей, то онъ немедленно отмѣнилъ всѣ распоряженія своего товарища, — совершенно непонятно.

Здѣсь, увѣя, мы прикасаемся уже къ тайнамъ Царскосельскаго Дворца, столь ужасно отразившимся на гибели Царской семьи, династіи и Россіи: Курловъ умѣлъ находить поддержки. Нѣсколько дней спустя мнѣ была доставлена фотографическая группа, изображающая епископа Гермогена, Иліодора и . Распутина. Въ 1916—17 годахъ Курловъ и Распутинъ, Протопоповъ и д-ръ Бадмаевъ составляли одну компанію...

По возвращеніи моемъ въ Саратовъ, мнѣ ранѣе всего пришлось приняться за извѣстія всѣмъ лицамъ, посѣтившимъ меня на слѣдующій день по водвореніи моемъ въ губернаторскій домъ. При этомъ произошелъ одинъ эпизодъ, довольно ярко характеризующій взаимоотношеніе вѣдомствъ въ послѣдніе годы императорской Россіи.

Въ числѣ саратовскихъ учреждений была и Судебная Палата. Нужно здѣсь отмѣтить, что только отношенія между гражданскими и военными властями были опредѣленно очерчены въ законѣ и, поэтому, никогда не вызывали недоразумѣній; взаимоотношенія же между другими вѣдомствами, основанными на обычаяхъ, тактѣ, прецедентахъ и тому подобнымъ условностямъ. Между прочимъ, особенно тонкими были взаимоотношенія между губернаторомъ и Судебною Палатою. Последняя имѣла сферу дѣятельности нѣсколько шире, чѣмъ старшій председатель ея могъ носить званіе сенатора и, поэтому, имѣла полное право считать себя выше губернатора, съ которымъ онъ состоялъ въ одномъ классѣ должности, но который не могъ быть сенаторомъ. Однако, съ другой стороны, по закону, губернаторъ признавался представителемъ Высшей Власти въ губерніи, что проявлялось, наприимеръ, въ томъ, что въ Царскіе дни, послѣ Богослуженія, онъ подходилъ первымъ къ Престолу, даже если бы присутствующимъ здѣсь же старшій председатель палаты, или членъ сенатора.

Такъ-то, по закону, при представленіи должностныхъ лицъ въ Высшую Власть въ присутствіи военныхъ учреждений, былъ поставленъ вопросъ о томъ, кому изъ нихъ предоставлять въ губернаторскій домъ, а относительно Судебной Палаты и остановился на слѣдующей формѣ. Кстати, отмѣчу,

что шадить самолюбіе палатскихъ у меня были особія соображенія. Я лишь недавно былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, не имѣлъ ленты и былъ чрезвычайно моложавъ. Чины же Судебной Палаты были и въ чинѣ тайнаго совѣтника, имѣли звѣзды и по большей части были старики.

Вернувшись въ Саратовъ, я поѣхалъ къ исправлявшему должность старшаго предсѣдателя, предсѣдателю департамента, Потулову, и сказалъ ему, что посѣщу палату самъ и прошу его указать мнѣ время, когда я могу найти всѣхъ въ сборѣ.

Мы сговорились на опредѣленномъ днѣ и часѣ.

Въ условенное время, надѣвъ мундиръ и ордена, я поѣхалъ въ Палату. Я ожидалъ, что члены ея будутъ собраны въ одной изъ залъ и будутъ мнѣ представлены *in corpore*. Однако, вышло иначе. Потуловъ сталъ водить меня изъ одной камеры въ другую, гдѣ члены, въ пиджакахъ, занимались своими дѣлами. На мою деликатность, мнѣ не отвѣтили тѣмъ же.

Нѣсколько дней спустя, одинъ изъ непремѣнныхъ членовъ сообщилъ мнѣ, что въ клубѣ слышалъ разговоръ, что палатскіе очень возмущены тѣмъ, что я, сдѣлавъ многочисленныя визиты, не посѣтилъ никого изъ нихъ. Я просилъ его передать, кому слѣдовало, что я имъ коллективный визитъ уже сдѣлалъ, несмотря на то, что, въ сущности, могъ ихъ всѣхъ пригласить къ себѣ, что я сдѣлаю визиты всѣмъ, до послѣдняго молодого слѣдователя, но что ни у одного изъ членовъ палаты моей ноги не будетъ.

До меня доходили слухи, что вся эта исторія волновала общество, кто былъ за, кто противъ меня. Вскорѣ старшимъ предсѣдателемъ былъ назначенъ бывшій здѣсь же прокуроромъ палаты, Миндеръ, а на мѣсто послѣдняго Карчевскій. Въ отношеніи моего столкновенія съ палатою Миндеръ не «проявилъ никакихъ поступковъ», пользуясь, очевидно, тѣмъ обстоятельствомъ, для него весьма удобнымъ, что все это случилось до вступленія его въ должность.

Я рѣшилъ ждать...

Проходили недѣли и инцидентъ съ палатою не находилъ себѣ разрѣшенія.

Нѣсколько забѣгая впередъ, скажу, чѣмъ онъ кончился.

Въ маѣ я ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ, между прочимъ, побывалъ у своего дяди, сенатора А. М. Стремоухова, и разсказалъ ему о моемъ случаѣ съ палатою. А. М. очень возмущился и общалъ позондировать почву въ министерствѣ. Кстати, долженъ отмѣтить, что дядя былъ лицомъ, весьма близкимъ къ тогдашнему министру юстиціи, И. Г. Щегловитову.

Дня черезъ три, А. М. сообщилъ мнѣ, что обычно губернаторы поступали въ дѣлѣ съ визитами съ палатою такъ же, какъ и я, но это ставилось имъ въ министерствѣ юстиціи въ плюсъ, какъ проявленіе особаго вниманія къ судебному вѣдомству, и, что въ министерствѣ юстиціи имѣется прецедентъ по поводу столкновенія губернатора съ палатою на визитной почвѣ.

Харьковскій губернаторъ И. М. Оболенскій (впослѣдствіи финляндскій генералъ - губернаторъ), вступивъ въ должность, пригласилъ къ себѣ на пріемъ и палату. Палата, считая себя не губернскимъ учрежденіемъ, на пріемъ не поѣхала. Тогда Оболенскій пожаловался министру юстиціи. Министръ, юридически обслѣдовавъ вопросъ, рѣшилъ его въ пользу губернатора и отдалъ распоряженіе палатѣ *in corpore* въ мундирахъ пожаловать къ губернатору.

Такой прецедентъ былъ мнѣ на руку. Дядя, выражая увѣренность, что и въ данномъ случаѣ, дѣло будетъ рѣшено министромъ въ мою пользу, нахо-

ить, однако, больше целесообразным инцидента не обострять. Въ министерствѣ оны получили свѣдѣнія, что Миндербъ на дняхъ ожидается въ столицу, и А. М. надѣялся найти съ нимъ вмѣстѣ какое-нибудь компромиссное рѣшеніе, удовлетворяющее обѣ стороны. Если же, паче чаянія, это не было бы достигнуто, то общалъ мнѣ свою поддержку у министра.

По возвращеніи моемъ, а въ скоромъ времени и старшаго предсѣдателя въ Саратовѣ, мы оба, по случаю какого-то Царскаго дня, были въ соборѣ. По окончаніи Божеслуженія, Миндербъ сказалъ мнѣ, что по случаю Царскаго дня, всѣ члены палаты, находившіеся въ соборѣ, желали бы принести мнѣ свои поздравленія, и спросилъ меня, когда я могу ихъ принять. Я отвѣтилъ, что въ церкви буду прямо домой и радъ видѣть у себя палату. Вскорѣ, человѣкъ, чинадцать членовъ палаты въ мундирахъ и орденахъ пожаловали ко мнѣ. На слѣдующій день я былъ у всѣхъ съ отвѣтнымъ визитомъ. Этимъ инцидентъ благополучно закончился.

Кстати еще два слова о Судебной Палатѣ.

Въ предшествующей главѣ я приводилъ, что губернаторъ участвовалъ на засѣданіяхъ Судебной Палаты, по вопросу о преданіи суду чиновъ администраціи, къ которымъ были предъявлены иски по убыткамъ, понесеннымъ частными лицами отъ ихъ дѣйствій по службѣ.

Припоминаю одно изъ такихъ дѣлъ, довольно курьезное.

Въ холодное время, въ одно изъ уѣздовъ Тамбовской губерніи, кажется, Киреевскій, было доставлено на базаръ 30 000 тысячъ пудовъ арбузовъ, быстро раскупавшихся населеніемъ. Мѣстный исправникъ усмотрѣлъ въ этомъ большую санитарную опасность и рѣшилъ арбузы уничтожить. Для сего, онъ вызвалъ конную сотню стражниковъ, которымъ и приказалъ изрубить арбузы шашками. При русской стражи къ уничтоженію, я представляю себѣ картину сотни стражниковъ, рубящихъ арбузы: хоросъ течетъ по всему базару, а кровавый сокъ разливается по улицамъ — точно Малая побѣда!

Опѣшавшая арбузовъ около трехъ конфетъ за штуку, владельцы арбузовъ предъявили къ исправнику искъ, что — то около тысячи рублей.

По поводу уничтоженія съѣстныхъ продуктовъ, опасныхъ для здоровья, правительство вѣсти санитарно-исполнительной комиссіи, а не единолично исправнику.

Однако, обративъ мое вниманіе, что народъ уже началъ растаскивать арбузы, этотъ уѣздный глава на мѣстѣ не было, а потому не было и возможности объѣхать съ санитарно-исполнительной комиссіей, что исправникъ, хотя и совершилъ превышеніе власти, но исполненное исключительно на благо населенія, падала постановила дѣло производствомъ прекратить.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія изъ Царскаго мнѣ однажды доложили, что въ мѣстѣ, принадлежалъ Гермогенъ и Илюдоръ.

Послѣ Илюдоръ прибылъ онынѣ, я его, разумѣется, бы, не принять, но не допустить въ мѣстѣ и сопровождающее его лицо я не могъ. О чемъ было мнѣ, конечно, сожалѣніе.

Приведенныя описанія, въ сущности, не были ликвидированы, Илюдоръ оставался тѣмъ же бывшимъ монахомъ, подлежащимъ аресту и возвращенію въ мѣстѣ. Однако, превращеніе злодѣйства въ монастырь укаляе-
ваго въ мѣстѣ, теперь въ мѣстѣ, вопросъ въ Петербургъ. На слѣдующее за

просы и къ министру, и къ оберъ - прокурору, я никакихъ отвѣтовъ не получалъ. Можно ли было арестовать Иліодора, пришедшаго ко мнѣ въ домъ и несомнѣнно нашедшаго гостепріимство въ домѣ епископа?

Я вышелъ къ своимъ посѣтителямъ.

Здѣсь я впервые увидѣлъ знаменитаго іеромонаха. Это былъ человѣкъ, средняго роста, довольно благообразный, худошавый, и совершенно незначительной вѣнчистости. Ничто не указывало въ его наружности ни на большой умъ, ни на сильную волю.

По обычаю, я подошелъ къ владыкѣ подъ благословеніе и поцѣловалъ руку лица, призывавшаго мстителей за поруганіе Иліодора. Таковы были противорѣчія многогранныхъ губернаторскихъ отношеній того времени...

Иліодоръ велъ себя весьма скромно. Гермогенъ попытался заговорить со мною о царицынскихъ событіяхъ, но я перевелъ разговоръ на другія темы. Скоро бесѣда, совершенно неклеившаяся, пресѣклась, и оба посѣтителя меня оставили.

Очень скоро послѣ того наступила Страстная недѣля. Въ Великую Пятницу я отправился въ соборъ на Богослуженіе, гдѣ, по традиціи, вмѣстѣ съ другими высшими представителями власти я долженъ былъ выносить Плащеницу.

Во время Богослуженія архіерей стоялъ на амвонѣ посреди церкви, а многочисленное духовенство шпалерами выстроилось отъ алтаря до возвышенія. Вышелъ соборный протоіерей и сказалъ проповѣдь слѣдующаго содержанія.

Она настолько врѣзалась въ мою память, что мнѣ кажется, что я передаю ее дословно.

«Дорогіе братья и сестры во Христѣ! Предъ нами здѣсь лежитъ святое тѣло Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божьяго, проведшаго свою земную жизнь въ борьбѣ со зломъ. Но и Богочеловѣкъ не могъ раздавить главу змія. И послѣ Него многіе боролись со зломъ, но всѣ были побѣждены. Что было не подъ силу Сыну Божьему, то тѣмъ болѣе не подъ силу людямъ. Еще недавно мы всѣ были свидѣтелями, какъ лучшій изъ насъ началъ священную борьбу со зломъ и подвергся тѣмъ же гоненіямъ, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Такъ же его заключили въ темницу, такъ же его гнали, такъ же поносили и заушали, такъ же глумились надъ нимъ. Правда, тѣлесно его не распяли, но духовно его предали распятію. Не тѣ же ли гонители существуютъ и нынѣ, какъ прежніе Ироды и Каіаффы? Да, Ироды, для которыхъ мертво слово Божіе. Не такъ ли давно на этомъ мѣстѣ (указывая на меня) стоялъ одинъ изъ такихъ хулителей вѣры. Правда, это былъ человѣкъ, совершенно лишенный нравственнаго чувства. Вы всѣ помните, конечно, какъ все наше духовенство обратилось къ нему съ просьбою запретить къ представленію на сценѣ кощунственную пьесу Андреева «Анатома». И что же онъ отвѣтилъ ему? — «Я не могу этого сдѣлать, пьеса разрѣшена специальной драматической цензурою» *). Такъ пускай хулятъ и оскверняютъ самаго Бога, пускай вырываютъ изъ сердецъ православныхъ чистую вѣру, но да здравствуетъ строка министерскаго циркуляра... Для этихъ людей ми-

*) Долженъ отмѣтить, что графъ С. С. Татищевъ, на котораго указывалъ протоіерей не только не былъ человѣкомъ лишеннымъ всякихъ нравственныхъ чувствъ, но напротивъ, того отличался высокою безукорыненностью. Для театральнахъ пьесъ существовала особая цензура и какой же это былъ бы порядокъ, если бы губернаторъ запрещалъ то, что дозволяла компетентная власть?

нистеръ, явиле Бога. Да, говорю я, братія, тѣ же у насъ гонители Ироды и не лучше ихъ новые Пилаты, только и умѣющіе умывать свои руки...»

При послѣднихъ словахъ взоры протоіерея и всѣхъ присутствовавшихъ обратились на меня. Я невольно взглянулъ на Гермогена; его выразительные глаза засвѣтились особымъ огонькомъ...

Конечно, все это дѣлалось съ его соизволенія и даже, болѣе того, по его указкѣ.

Что было мнѣ дѣлать?

Повернуться и уйти. Это было бы демонстраціею въ самой церкви. Пришлось покориться судьбѣ, подходить къ кресту и цѣловать руку...

Вернувшись домой, я обо всемъ отписалъ Саблеру. Скоро я получилъ отъ востановаго отвѣтъ, въ которомъ онъ просилъ меня вооружиться терпѣніемъ.

Тѣмъ временемъ, вернувшійся въ Царицынъ Іліодоръ въ полной мѣрѣ развилъ свою сумасбродную дѣятельность.

Совершалась она подъ флагомъ борьбы съ революціею, «затѣянной жидами, и поддерживаемыми всею интеллигенціею и продавшимися имъ чиновниками, губернаторами, министрами, а въ особенности, Столыпинными».

На дворѣ монастыря іеромонахъ соорудилъ картоннаго пятисаженнаго дракона — тигру революцій. По окончаніи проповѣди, онъ пронзалъ ее копьемъ, на подобіе Георгія Побѣдоносца и отрубалъ одну голову, которая за ночь вырастала.

Въ галерей монастыря, по которой молящіеся проходили въ церковь, бѣлъ портретъ портрета Льва Толстого. Іліодоръ остановился около него и требовалъ, чтобы всѣ проходившіе плевали въ лицо писателя. Подъ конецъ такой иконъ операціи, плѣна слюны цѣлою лужею стекала съ портрета на полъ.

Иногда онъ сталъ строить во дворѣ холмы и прорылъ его многими холмами съ подземными галереями, дабы укрываться въ нихъ въ случаѣ гонѣній. Тамъ древніе христіане въ катакомбахъ. Все это сооруженіе создавалось безъ соблюденія какихъ бы то ни было строительныхъ правилъ и гротомъ развалилось и раздвинуло многочисленныхъ богомольцевъ. Прибывшаго въ монастырь городскаго архитектора Іліодоръ выгналъ.

Богъ вселенной, я писалъ Гермогену, министру и въ синодъ. Всѣ остались глухи.

При возмущеніи стражи въ монастырь, по приказу Іліодора, подтвержденнаго многими крѣпкими свидѣтелями, прокурорскій надзоръ началъ было дѣло, но, по указанію изъ Петербурга, оно было прекращено.

Одновременно и энергично общавшійся отъ безнаказанности, Іліодоръ предпринялъ, когда дѣло было тайкомъ по Волгѣ, въ цѣляхъ испроверженія ереси.

Онъ сталъ собирать его поклонники нанявши большой пароходъ. На пароходѣ, имитируя беззастѣнчиваго орава поклонниковъ, а еще болѣе поклонниковъ, бѣжалъ въ столицу. Вся эта толпа, предводительствуемая Іліодоромъ, съ помощью Царькова вытѣла, выскочивъ въ пустынныхъ городахъ, бродила по улицамъ, съ толпой церковныхъ псалты, срывала вывески съ трактировъ, ресторановъ, учебнаго заведенія и редакцій газетъ и мажорировала въ дѣлѣ. Тамъ же, въ городѣ, въ церквяхъ, а также и въ филологическомъ институтѣ, въ достаточно почитаемыхъ отношеніяхъ къ шестидесяти.

Своевременно предупрежденный, я не допустил высадки Иліодоровской орды въ попутныхъ городахъ губерніи, но въ Самарѣ и Нижнемъ Новгородѣ, Иліодоръ былъ встрѣченъ торжественно. Самарскій губернаторъ встрѣтилъ его на пристани, а нижегородскій — не побрезговалъ даже приласить Иліодора отобѣдать.

По возвращеніи въ Царицынъ Иліодоръ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ предавалъ меня проклятію.

Это проклятіе произвело на меня тягостное впечатлѣніе. Кто бы онъ ни былъ въ душѣ, Иліодоръ формально былъ іеромонахомъ, духовнымъ лицомъ, почему духъ мой былъ угнетенъ.

Я написалъ объ этомъ Саблеру. Владиміръ Карловичъ отвѣтилъ мнѣ очень теплымъ письмомъ, разъясняющимъ, что единоличное проклятіе даже духовнаго лица, по канонамъ, не имѣетъ рѣшительно никакого значенія, а право проклятія, не примѣнявшееся уже столѣтіе, принадлежитъ только Святейшему Синоду.

Но, тѣмъ не менѣе...

Народъ и интеллигенція, да признаться и я самъ, перестали что-либо понимать въ безнаказанности Иліодора. Интеллигенція возмущалась нарушеніемъ всѣхъ правовыхъ нормъ, а народъ недоумѣвалъ, почему Иліодоръ можетъ безнаказанно ругать губернатора, министровъ и самый Синодъ.

Тутъ есть что-то непонятное.

Объясненіе, однако, нашлось.

Въ народъ проникъ слухъ, вскорѣ ставшій въ темныхъ массахъ увѣренностью, что Иліодоръ незаконный братъ Государя, отъ отца, чисто русской крови. Этотъ омерзительный слухъ, очевидно, былъ пущенъ самимъ Иліодоромъ. На родинѣ Емельки Пугачева зарождался новый самозванецъ... Кто могъ бы угадать всѣ дальнѣйшія возможности нашей страны «неограниченныхъ возможностей»?

Всему этому надо было положить конецъ, во что бы то ни стало.

Я рѣшился ѣхать въ Петербургъ и все повѣдать Столыпину, такъ какъ пришелъ къ убѣжденію, что переписка все равно ни къ чему не приводитъ.

Поблагодаривъ меня за царицынское «сидѣнье», министръ внимательно выслушалъ меня и развелъ руками.

— Неужели вы думаете, П. П., — сказали онъ, — что я ничего въ этомъ дѣлѣ не предпринималъ. Всѣ ваши сообщенія я докладывалъ Государю, но онъ отмахивается.

— Но, В. В., дѣло такъ далѣе итти не можетъ.

— Согласенъ съ вами, но у меня столько борьбы на всѣхъ фронтахъ, что на этомъ дѣлѣ я не могу сосредоточить всѣ свои силы, у меня есть достиженія и поважнѣе.

— Кто знаетъ, Петръ Аркадьевичъ, что важнѣе... Вамъ извѣстно, что правая печать все время трубить въ пользу Иліодора. Писатель Родіоновъ (кажется, членъ Госуд. Думы), пріѣзжавшій спеціально въ Царицынъ для ознакомленія съ положеніемъ, издалъ цѣлую книжку въ его защиту. Отъ вашего имени пріѣзжалъ ко мнѣ раскаявшійся извѣстный революціонеръ Тихомировъ, съ цѣлью меня интервьюировать объ Иліодорѣ, и я право не знаю, какую онъ приметъ позицію...

— Вотъ, вы и сами указываете, какой я растравлю муравейникъ, если примусь за Иліодора. И безъ того меня травятъ справа, даже болѣе, чѣмъ

слѣва. Всѣ эти голоса проникають до Государя... Ужасно то, что въ исходныхъ своихъ положеніяхъ Иліодоръ правъ, жида дѣлають революцію, интеллигенція, какъ Панургово стадо, идетъ за ними, пресса также; да развѣ Толстой, подвергнутый имъ оплеванію, не первый апостоль анархизма, но пріемы, которыми онъ дѣйствуетъ, и эта безнаказанность все губятъ и даютъ полное основаніе оппозиціи говорить, что она права.

Столыпинъ задумался.

— П. П., вы способны на самопожертвованіе?

— Если нужно, то да.

— Я знаю, что Государю и донинѣ непріятно, что Татищевъ оставилъ службу изъ-за Гермогена и Иліодора. Онъ расположенъ къ вамъ. Уходя второго губернатора изъ-за этихъ авантюристовъ произведетъ на него впечатлѣніе. Вы получите аудіенцію у Государя. Скажите ему всю правду, скажите ему самозванство Иліодора, пусть онъ услышитъ это отъ васъ. Наставляйте на высылкѣ и заточеніи Иліодора, а если онъ васъ не послушаетъ, скажите, что при наличности Иліодора болѣе не можете управлять губерніей и просите объ увольненіи.

— Хорошо.

— Но хватить ли у васъ на это духа? Я знаю многихъ лицъ, которыя шли къ Государю, чтобы выложить ему «правду-матку», а потомъ подъ обаяніемъ его личности «языкъ прилипалъ къ гортани» и ничего не выходило. Начать и не докончить, еще хуже выйдетъ.

— Думаю и надѣюсь, что у меня жватить пороху.

Столыпинъ пожалъ мнѣ руку.

— Я думаю, что онъ васъ не отпуститъ, ну, а если бы даже и отпустилъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, что-нибудь другое для васъ придумаю.

— Да, кстати, — вспомнилъ я. — Я имѣю опредѣленные указанія, что Гермогенъ и Иліодоръ дѣйствуютъ въ тѣсномъ единеніи съ Распутиньимъ. Какъ доказать это, я представлю вамъ группу этой честной компаніи.

— Это усложняетъ положеніе, — замѣтилъ Столыпинъ.

Я раскланялся и вышелъ.

На третій день послѣ этого мнѣ была назначена аудіенція въ Царскомъ Селѣ.

Наступилъ аудіенціи вдругъ ко мнѣ въ номеръ гостиницы «Франція» раздался звонокъ по телефону.

— Кто у аппарата?

— На фотографической группѣ три лица. Говорите только о двухъ вашихъ, третьяго не касайтесь.

— Да кто говоритъ?

Я услышалъ, какъ грубо повѣсили на аппаратъ, и разговоръ прекратился.

Голосъ, очевидно, принадлежалъ Столыпину.

Я переговорилъ съ женою. Она благословила меня на рѣшительный разговоръ съ Государемъ, каковы бы ни были его послѣдствія.

Государь принялъ меня съ обычной милостивою улыбкою. Послѣ недлительного разговора о нѣкоторыхъ дѣлахъ губернии, между нами произошло странное дѣло.

Для меня он был настолько значителен, что основательно врезался в мою память, и я привожу его дословно.

— Ваше Величество, мнѣ нужно еще доложить Вамъ объ Иліодорѣ.

Я замѣтилъ, какъ у Государя задергался мускулъ на щекѣ.

— Тутъ говорить не о чемъ. Я его простилъ.

— Пусть такъ, В. В., (я впервые узналъ о прощеніи Иліодора), но послѣ Вашего прощенія, вѣсто того, чтобы быть благодарнымъ, онъ продолжаетъ свои безобразія.

— Я все знаю и простилъ его.

— Ваше Величество не можете всего знать. Я нарочно пріѣхалъ для доклада въ Петербургъ, и обо всемъ только третьяго дня доложилъ министру.

— Да я и не хочу ничего знать, все это мелочи.

— Не мелочи... позвольте, В. В., вамъ доложить...

— Я уже сказалъ вамъ, Стремоуховъ, что этотъ разговоръ конченъ...

— Ваше Величество, я не исполнилъ бы своего долга, еслибы не доложилъ Вамъ, что этотъ негодяй не дорожитъ даже честью Вашей семьи, а слѣдовательно и Вашей...

Государь вспыхнулъ.

— Вашъ докладъ конченъ.

— Слушаюсь. Но разъ Вамъ не угодно меня выслушать, значитъ Ваше Величество мнѣ не вѣрите, а потому прошу меня освободить отъ должности саратовскаго губернатора, иначе мнѣ служить не честно.

Послѣдняя моя фраза была не слишкомъ складна, но я очень взволновался. «Истину царямъ съ улыбкой говорить» — умѣть не всякій. Мнѣ же было не до улыбокъ. Сознаюсь, что тяжелая слеза скатилась у меня по щекѣ.

Лицо Государя сразу сдѣлалось добрымъ и ласковымъ.

— Я вамъ вѣрю, Стремоуховъ, знаю васъ, но чего вы хотите?

— Не служить болѣе, В. В.; какая польза отъ моей службы, другой, можетъ быть, сдѣлаетъ то, чего я не сумѣю сдѣлать, убѣдить Васъ; если я на это не способенъ, то не считаю уже честнымъ пользоваться положеніемъ губернатора...

— Ну, ну, успокойтесь... Я знаю, что вы — честный человѣкъ.

Государь протянулъ мнѣ руку съ ласковою улыбкою и чарующимъ, исключительно свойственнымъ ему, выраженіемъ глазъ, тоже улыбающихся добротой и чуть-чуть ироніей, и тихонько подтолкнулъ меня къ двери.

Я вышелъ.

Бывшіе въ приемной, дежурный флигель-адъютантъ гр. А. Н. Граббе и командиръ конвоя кн. Трубецкой, вѣроятно, замѣтили мое волненіе.

Дня черезъ три, Салтыковъ сообщилъ мнѣ, что въ кулуарахъ Государственного Совѣта разошлось извѣстіе, что Государь «разнесъ» саратовскаго губернатора.

Прямо съ Высочайшей аудіенціи, я проѣхалъ къ Столыпину и рассказалъ ему о происшедшемъ съ Государемъ разговорѣ.

— Завтра я буду у Его Величества, — сказала мнѣ министр, — и сообщу вамъ о его рѣшеніи.

На слѣдующій день я былъ вызванъ Столыпинымъ къ телефону.

— Ну, что? — спросилъ я.

— Государь приказать вамъ передать, что повелѣваетъ (Стояпинъ про-
скандировалъ послѣднее слово) вамъ продолжать службу въ Саратовѣ.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Соблюдать долгъ вѣроподданнаго — повиноваться.

— А Илюдоръ?

— По этому поводу Государь мнѣ ничего не сказалъ.

Предоставляю читателю самому разобраться во всемъ этомъ эпизодѣ и
сдѣлать свои выводы.

Признаюсь, что какъ ни тяжела была для меня вся эта сцена съ Госуда-
ремъ, какъ она ни ошеломила меня, но она составляетъ, можетъ быть, наи-
болѣе достопамятную страницу моей службы. Говорить съ Государемъ съ
такимъ достоинствомъ, не у всякаго хватило бы рѣшимости. Я думаю, что
съ моей стороны это не тщеславіе, а лишь сознание удовлетворенности отъ
исполненнаго долга, и если образъ дѣйствій Царя во всемъ этомъ дѣлѣ, какъ
государственного человѣка, можетъ быть, и былъ ошибоченъ, съ этого мо-
мента, помимо его великаго для меня престижа, какъ помазанника Божія,
онъ сталъ мнѣ безконечно милъ и дорогъ: я понялъ его безграничную до-
броту, являющуюся основнымъ двигателемъ его поступковъ и жертвой кото-
рой онъ раньше всего былъ самъ.

Сильно, едва ли не на полъ года, забывая впередъ, мнѣ хочется здѣсь,
для полноты впечатлѣній, разсказать все о дальнѣйшемъ «дѣйствѣ» Гермо-
гена и Илюдора.

Въ началѣ лѣта того же года, я предпринялъ путешествіе въ сѣверные,
Подольскіе уѣзды губерніи, Вольскій и Хвалыинскій. Въ послѣднемъ я по-
сѣтилъ знаменитый раскольниковскій, по современной терминологіи, старообряд-
ческій Черемшанскій монастырь. За послѣдній десятокъ лѣтъ его не по-
сѣтитъ, кажется, ни одинъ изъ представителей власти. Ъхать туда надо было
верстъ не то сорокъ, не то шестьдесятъ на лошадахъ отъ города Хвалыинска,
спускомъ пыльной дорогой. Ъхалъ я туда не по своей инициативѣ, а по пригла-
шенію старообрядческаго епископа Мелетія. Со времени указа о вѣроотерпи-
мости, старообрядческая іерархія пріобрѣла уже всѣ права гражданства. При-
казное, какъ будто не соответствующее опредѣленіе, пожалуй, наиболѣе
отлично положено вѣщей, это дѣйствительно было только «гражданское»
привлеченіе, такъ какъ духовная наша власть все еще крайне недоброжела-
тельно относилась къ старообрядцамъ. Въ то время какъ наше духовенство
сдобило и до величій даже пріязненно сносілось съ духовенствомъ иныхъ
двѣнадцатыхъ, оно и здѣсь не хотѣло о новомъ положеніи старообрядцевъ. Не
забыть, впрочемъ, что подобныя острыя всегда бывають ссоры между близ-
кими родственниками. Долженъ откровенно сознаться, что у меня, напро-
тивъ, было къ старообрядцамъ особое впечатленіе. Во мнѣ всегда вызывала
большое уваженіе стойкость старообрядцевъ, несмотря на преслѣдованія, въ
ихъ многочисленныя утѣжденія и сохраненіе ими стараго уклада русскаго
жизни.

Почему именно такъ, спроситъ, какъ мнѣ быть съ Мелетіемъ? Какъ его ве-
лѣчать? Дать ли ему руку? Прощающаго? Цѣловать ли ему руку?
И почему не пошевелитъ, почему рамско- католическаго епископа я долженъ
былъ титуловать «Ваша Преподобнѣйшость», а неизмѣримо ближе стоя-
вшему въ православной церкви старообрядческаго епископа лишь «Ваше

нія. Тѣмъ не менѣ, опираясь на дѣловыя справки и прецеденты, я этотъ вопросъ, а равно и о цѣлованіи руки, рѣшилъ отрицательно.

Послѣ пріятнаго путешествія по лѣсной дорогѣ, мы съ исправникомъ подѣхали къ монастырю. Уже издали насъ встрѣчалъ звонъ колоколовъ. У высокаго тына, я вышелъ изъ экипажа и пѣшкомъ вошелъ во дворъ. Здѣсь встрѣтилъ меня игуменъ и повелъ въ церковь, старую, деревянную, приземистую, далеко не красивой архитектуры. На паперти стоялъ епископъ Мелетій, въ присвоенныхъ его званію одѣяніяхъ, а на встрѣчу мнѣ шпалерами вытянулось десять схимниковъ въ клобукахъ - колпакахъ и одѣяніяхъ, покрытыхъ изображеніями орудій пытокъ Христа Спасителя и Адамовыми головами. Все это были столѣтніе старцы, съ длинными сѣдыми бородами, нависшими надъ потухшими глазами бровями, подобные иконамъ древняго византійскаго письма, уже давно обрекшіе себя на обѣтъ молчанія и строжайшій аскетизмъ. При моемъ приближеніи они всѣ опустили на колѣни и поклонились мнѣ большимъ поклономъ.

Признаюсь, что ото всей этой, повѣявшей глубокою стариной, картины, мурашки пробѣжали у меня по спинѣ и меня охватило какое-то невольное благоговѣніе.

Когда я приблизился къ епископу, то послѣдній сказалъ мнѣ слово, приблизительно слѣдующаго содержанія:

— «Много, много лѣтъ въ этихъ лѣсныхъ тущахъ мы хоронили нашу святую вѣру. Много гоненій мы претерпѣли. Когда власти появлялись у насъ, то это имѣло причину, либо принятіе противъ насъ новыхъ суровыхъ мѣръ, либо поводомъ поборовъ. Потомъ въ болѣе уже терпимое время насъ посѣщали просто изъ любопытства... За что мы все это терпѣли, вѣдомо одному Господу Богу, которому мы поклоняемся по вѣрѣ отцовъ и праотцовъ нашихъ. Власть свѣтскому мы всегда уважали и безпрекословно исполняли всѣ ея требованія, Русь святую любили и любимъ всѣмъ сердцемъ, не разбирая, кто старой, кто новой вѣры. Въ Царѣ, какого бы онъ обряда ни держался, всегда признавали помазанника Божія... Но Богъ съ нимъ, съ прошлымъ, оно миновало и забыто... По волѣ нынѣ благополучно царствующаго Императора, мы получили свободу вѣры и ея оказательства. Да будетъ благодоліе его царство отнынѣ и во вѣкъ. Въ васъ, Ваше Превосходительство, мы срѣтаемъ представителя Царя, даровавшаго намъ свободу. Въ лицѣ этихъ схимниковъ, въ совокупности прожившихъ, можетъ быть, тысячу лѣтъ, испытавшихъ жестокаго прошлаго гоненія и нынѣ узрѣвшихъ свѣтлую радость, мы привѣствуемъ Ваше Превосходительство. Позвольте поднести вамъ для цѣлованія этотъ старинный крестъ, до котораго до нынѣ не прикоснулись уста лица, исповѣдывающаго новую вѣру, и благословить васъ сей старинною же иконою Святаго Ильи, покровителя нашего».

Съ чувствомъ особаго благоговѣнія поцѣловалъ я крестъ и поднесенную мнѣ, икону.

Святой Илья, морщинистый и строгій, черный - пречерный, смотрѣлъ на меня изъ своего серебрянаго оклада пронизательными глазами.

— А теперь, Ваше Превосходительство, благоволите войти въ храмъ и помолиться вмѣстѣ съ нами за Русь святую и благого Царя ея.

Послѣ Богослуженія, мы прошли въ скромныя хоромы владыки, угостившаго меня столь же скромною, простою, но вкусною, мужицкою трапезою.

Тутъ были медъ, всевозможныя грибы, капуста, сушеная рыба, варенье на меду и т. п.

Подъ чарующимъ впечатлѣніемъ Черемшанской обители, я вернулся въ Саратовъ.

Недѣли черезъ три, въ одномъ изъ окрестныхъ большихъ селеній, населенномъ исключительно старообрядцами, по случаю храмового праздника, состоялся многолюдный крестный ходъ, съ образами, хоругвями и т. д.

Черезъ несколько дней я получилъ отъ Гермогена очень рѣзкое письмо, въ которомъ онъ обвинялъ мѣстную полицію въ совершенно недопустимомъ, по мнѣнію епископа, попустительствѣ оказательства старообрядцами своего ложнаго вѣроученія, и въ весьма рѣшительныхъ выраженіяхъ требовалъ прекращенія такого безобразія.

По разсмотрѣніи дѣла, выяснилось, что какъ дѣйствія старообрядцевъ упомянутаго селенія, такъ и полицейской власти, были совершенно законны. Въ предѣлахъ моей канцеляріи находился указъ Сената, преподанный къ общему руководству, по жалобѣ старообрядцевъ на тобольскаго губернатора, запретившаго имъ совершить крестный ходъ внѣ ограды церкви. Сенатъ разъяснилъ, что со времени указа о вѣротерпимости (17 октября 1905 года) всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ разрѣшается свободное отправленіе своего культа не только въ церквахъ и молельняхъ, но и на улицахъ и площадяхъ. Единственнымъ основаніемъ къ запрещенію такихъ религіозныхъ демонстрацій, по толкованію Сената, было, если бы таковыя могли послужить поводомъ къ возбужденію недовольствія части населенія, исповѣдывающей другую религію, и возможности на этой почвѣ беспорядковъ. Очевидно, что при стольномъ населеніи данной мѣстности лицами, принадлежащими къ одной религіи, какъ въ данномъ случаѣ, нельзя было ожидать беспорядковъ изъ за крестнаго хода, устроеннаго старообрядцами, а слѣдовательно, дѣйствія полиціи были совершенно правильными. Напротивъ того, запрещеніе крестнаго хода было бы незаконнымъ, могло бы послужить предметомъ жалобы, и, въ виду обязательности примѣненія вышеупомянутаго указа Сената, привести къ заслуженному взысканію съ виновныхъ.

Не идяже ни въ какія разсужденія, я препроводилъ къ епископу копію упомянутаго указа, упоминая только объ обязанности его выполненія для всѣхъ верныхъ лицъ и, закончивъ, по обыкновенію, письмо, призывомъ на себя «святыхъ молитвъ» его преосвященства.

Въпрямую, того мнѣ быть доставленъ номеръ «Епархіальныхъ Вѣдомостей» въ первой статкѣ котораго, принадлежавшей, по полученнымъ свѣдѣніямъ, перу епископа Гермогена, меня громилъ по всѣмъ пунктамъ.

Статья начиналась приблизительно такъ:

«Мы, конечно, не можемъ воспрепятствовать либеральствующему губернатору (имѣя въ виду упомянутымъ *) монастырямъ и цѣловать руки самозванца епископа, но мы не можемъ не поднять голоса, голоса церкви, когда, по злоупотребленію власти, творятся явно, на глазахъ всѣхъ безобразія, оскорбляющія чувства православнаго вѣрующаго русскаго народа...»

*) Д. м. г. томъ же духѣ.

Вотъ выписка противъ губернатора на страницахъ оффиціального изданія «Епархіальныхъ Вѣдомостей», если бы я написалъ что-либо подобное противъ епи-

*) Вѣдомости, издаваемые въ Саратовѣ, были уничтожены закономъ.

скопа въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ»?), такое пренебреженіе къ указаніямъ высшей власти, были совершенно нестерпимы. Я сообщилъ обо всемъ этомъ В. К. Саблеру, который частной, короткой запискою увѣдомилъ меня, что вопросъ переданъ имъ на разсмотрѣніе Св. Синода, откуда послѣдуетъ саратовскому епархіальному архіерею надлежащее разъясненіе.

Въ этомъ мѣстѣ моихъ записокъ я долженъ отмѣтить нѣкоторую неполноту ихъ: цѣлый и довольно важный моментъ совершенно изгладился изъ моей памяти. Я отлично помню, что іеромонахъ Іліодоръ былъ лишенъ Св. Синодомъ носимаго имъ сана, а впослѣдствіи и просто разстриженъ. Но, когда именно произошло первое событіе, а, точно, и второе, я положительно не могу возстановить въ своей памяти. Запечатывалъ я и то, что именно лѣтомъ 1912 года продѣлывалъ Іліодоръ. Очевидно, не сидѣлъ смиренно, но что дѣлалъ, исчезло изъ моихъ воспоминаній. Объясняю я себѣ это тѣмъ, что я былъ поглощенъ наступившими новыми заботами, а именно, постигшимъ губернію неурожаемъ...

Однако, епископъ Гермогенъ въ это время не дремалъ и продолжалъ свое дѣло ненасытнаго и фанатическаго честолюбія.

Читатель помнитъ, вѣроятно, святотатственное ограбленіе Чудотворной Казанской Иконы Божіей Матери. Драгоценныя украшенія этого образа были похищены, а сама святая икона расщеплена и выброшена въ нечистое мѣсто.

Со времени совершенія этого кощунственнаго преступленія Россію постигли большія бѣдствія: революція 1905 года, неудачная японская война, таинственная болѣзнь наслѣдника. Народная молва приписывала всѣ эти несчастія исчезновенію святой, чудотворной иконы.

Въ нѣкоторыхъ деталяхъ послѣдующаго эпизода мнѣ тоже измѣняетъ память. Да не поставитъ мнѣ этого читатель въ упрекъ, тѣмъ болѣе, что онъ ни въ какой степени не отразится на ходѣ далѣе излагаемыхъ мною событій.

Кажется мнѣ, что похищеніе иконы было совершено нѣкимъ бѣглымъ каторжникомъ Кораблевымъ, а пособникомъ ему въ этомъ дѣлѣ былъ Чайкинъ. Можетъ быть, дѣло стояло какъ разъ наоборотъ. Инициаторомъ былъ Чайкинъ, а пособникомъ Кораблевъ. Участи инициатора я не помню, но по собиикъ, Чайкинъ или Кораблевъ, буду называть его Чайкинымъ, въ описываемое мною время, отбывалъ свое наказаніе въ саратовскомъ арестантскомъ отдѣленіи.

Однажды Чайкинъ пожелалъ видѣться съ епископомъ Гермогеномъ. Свиданіе было разрѣшено тюремнымъ начальствомъ, вопреки тюремной инструкціи, не въ пріемной, а съ глазу на глазъ. Такія свиданія участились. Когда это дошло до меня, то я захотѣлъ было эти свиданія запретить, но, правду сказать, не хватило на это духа. Вѣдь, если какому - нибудь ничтожному по вѣренному разрѣшаются свиданія съ своими подзащитными безъ свидѣтелей, то какъ же запретить это настырю господствующей Церкви, который, быть можетъ, хочетъ спасти душу раскаявающагося злодѣя. Если на это не было спеціальнаго указанія въ тюремной инструкціи, то не можетъ же инструкція предвидѣть всѣ случайности.

Вскорѣ, вѣроятно, по бездѣлности самого Чайкина, стало извѣстно, что онъ сообщилъ выдѣлкѣ о томъ, что икона Казанской Божіей Матери вовсе не уничтожена, но находится въ одномъ отдаленномъ старообрядческомъ скиту, и что онъ, Чайкинъ, берется ее оттуда изъять, при условіи предоставленія ему временной свободы, а затѣмъ и полнаго помилованія.

Судебная палата, въ ограбленіи иконы съ непереложностью было установлено ея уничтоженіе. Следовательно, сообщенія арестанта были вымышленными. Однако, епископъ Гермогенъ вѣрилъ имъ или хотѣлъ имъ вѣрить.

Между тѣмъ, начальникъ губернскаго жандармскаго управленія, полк. Семеновскій, обладавшій обширною агентурою, донесъ мнѣ, что у одного «специалиста» находится икона Божіей Матери, поддѣлываемая подъ Казанскую. Переложить ее по принадлежности еще невозможно, такъ какъ для приписыванія «спиритизма» требуется время и время довольно продолжительное.

Эти свѣдѣнія были доставлены Семгановскому исполнѣй достовернымъ, по своему личному знакомству, не желавшимъ или не могшимъ сообщить ни мастера, ни мастера поддѣлки иконы. Однако, нѣкоторая связь между Чайкинымъ и теми лицами, занимавшимися поддѣлкою иконъ, была установлена.

Въ свою очередь, я то же заинтересовался Чайкинымъ, но не находилъ возможности сдѣлать это открыто. При очередномъ посѣщеніи тюрьмы, начальникъ ее указалъ мнѣ условнымъ знакомъ на интересовавшаго меня арестанта. Это былъ высокій, красивый, франтоватый, даже въ арестантской одеждѣ, человекъ. (Такой совершенно опредѣленный типъ, какъ это ни странно, существуетъ). Вѣроятно, я все-таки слишкомъ внимательно въ него всматривался, и онъ это замѣтилъ: губы Чайкина скривились едва сдерживаемой улыбкою удалства и хитрости.

Чайкинъ былъ по всему этому дѣлъ родъ Гермогена? Вѣрилъ онъ Чайкину или не вѣрилъ? При особомъ складѣ психики Гермогена, допускаю и первое. Но все-таки думать, поவிному, эти соображенія отпадали въ его сознаніи передъ фактомъ огромной важности, «Обрѣтенія» исчезнувшей, къ горю всей Россіи, Святой и Чудотворной иконы.

Какою судьбою было бы найти эту икону! Вернуть ее народу и глубоко несчастному Царю. Вѣдь, вся вѣрующая Россія, съ Царскою семьей, во главе ея, съ своимъ помазанникомъ Божіимъ, склоняется во прахъ передъ этою святыней и вернувшимъ ее народу святителемъ.

Конечно, это Гермогенъ охотно подписывалъ свое имя «Гермогенъ» какъ «епископъ» и «патриархъ».

Нѣтъ, конечно, и епископъ, вѣря или нѣвъ, я не знаю; и да проститъ мнѣ Господь мои сомнѣнія, заглаживаемыя исключительно благоговѣніемъ къ святынь Казанской...

Я не хочу, конечно, въ томъ, во всякомъ случаѣ, только поддѣлку хитраго «специалиста» положить конецъ его дѣлѣ.

Вѣдь, если эта икона была въ самомъ дѣлѣ «обрѣтена», я то бы знать, что это означало бы само нѣпосредственное монашество и «секондирія», а какою-то «вторичною» иконѣ, вѣдь, вѣдь, ужасъ благоговѣннаго преклоненія всего русскаго народа передъ иконою дѣлалъ, и своимъ молчаливымъ присутствіемъ, давалъ поводъ къ тому, въ которое бы въ вѣнеченъ самъ Царь...

И, конечно, въ свѣдѣніи Чайкина въ одну изъ московскихъ поручикъ, сообщивъ о своемъ «открытіи» оному, московскому губернатору В. Ф. Дун-

ковскому, которымъ всякія свиданія съ Чайкинымъ были воспрещены. Попытки въ этомъ отношеніи Гермогена остались безплодными. Все это, черезъ Вел. Кн. Елисавету Феодоровну, было доведено до свѣдѣнія Государя.

Такъ была закончена исторія новаго и кощунственнаго явленія Святой Казанской Иконы Божіей Матери.

Черезъ нѣкоторое время епископъ Гермогенъ былъ вызванъ присутствовать въ Святѣйшемъ Синодѣ. Съ того времени онъ вышелъ изъ сферы моего непосредственного наблюденія.

До меня доходили слухи, что тамъ онъ всталъ въ весьма рѣзкую оппозицію къ другимъ членамъ Синода по вопросу объ учрежденіи у насъ духовнаго сана діакониссъ. Проектъ этотъ принадлежалъ инициативѣ Вел. Кн. Елисаветы Феодоровны. По поводу института діакониссъ я не имѣю никакого собственного мнѣнія, а потому на этомъ вопросѣ останавливаться не буду.

Не помню точно, черезъ сколько времени, примѣрно черезъ полгода, я вновь посѣтилъ Петербургъ. На одной изъ промежуточныхъ станцій въ столичной газетѣ я прочелъ, что епископъ Гермогенъ устраненъ отъ участія въ засѣданіяхъ Синода, отставленъ отъ саратовской епархіи и сосланъ въ Жировицкій монастырь гродненской епархіи, пребывавшій же въ столицѣ Иліодоръ куда - то исчезъ.

Уже въ Петербургѣ я узналъ о причинахъ постигшей Иліодора опалы.

Я видѣлъ въ то время многихъ лицъ, стоявшихъ близко къ синодскимъ кругамъ и бывшихъ со мною, какъ съ саратовскимъ губернаторомъ, тоже близкимъ къ ходу событій во всей Гермогено - Иліодоровской эпопее, вполнѣ откровенными. И вотъ, что они мнѣ рассказали.

Гермогенъ и Иліодоръ поссорились съ Григоріемъ Распутинымъ. Какія были тому причины, осталось невыясненнымъ. Нѣкоторые приписывали ее борьбѣ за вліяніе въ Царскомъ Селѣ, другіе болѣе чистому желанію обезвредить развратнаго старца. Гермогенъ написалъ Царю письмо, изобличающее старца. Письмо это было принято холодно и вызвало даже рѣзкое указаніе епископу не вмѣшиваться не въ свое дѣло.

Тогда Гермогенъ и Иліодоръ рѣшили оскотить Григорія.

Попытка эта не удалась и растерзанный «старецъ» успѣлъ отъ нихъ убѣжать въ Царское Село... Затѣмъ послѣдовала опала Гермогена и разстриженіе Иліодора.

Послѣдній долго скрывался въ окраинахъ столицы, главнымъ образомъ, у доктора «Тибетской медицины» Бадмаева, а затѣмъ бѣжалъ на Донъ въ станицу, къ которой былъ приписанъ, какъ казакъ. Съ этого времени онъ сталъ дѣйствовать уже подъ своимъ прежнимъ именемъ Иліодора Труфанова. Вскорѣ онъ отрекся отъ всѣхъ своихъ «правыхъ» тенденцій, проклялъ всякую власть, духовную и свѣтскую, уже съ «дѣвой» точки зрѣнія, сталъ проповѣдывать анархическую сторону ученія Толстого, портретъ котораго еще недавно подвергалъ оплеванію. Преслѣдуемый полиціею, онъ скорѣ бѣжалъ въ Швецію, а затѣмъ въ Соединенные Штаты, гдѣ вошелъ въ контактъ съ революционными кругами. Говорили, что онъ дѣлалъ, тутъ же переводимыя на англійскій языкъ, сообщенія въ разныхъ music hall, гдѣ обливалъ помоями всю русскую жизнь, правительство, Царскую семью, а въ

женственности Императрицу. Написанныя Распутину Государыней письма, какъ - то попадавшія въ его руки, тутъ же демонстрировались публикѣ.

Письма эти впоследствии были просмотрѣны однимъ близкимъ мнѣ лицомъ и, по его завлѣренію, не заключали въ себѣ ничего компрометирующаго честь Царицы, какъ Государыни и женщины. Это были просто письма нервного человѣку, который въ ея представленіи — къ чему, впрочемъ, у насъ недостаточно оснований *)—былъ единственнымъ источникомъ поддержки здоровья и даже самой жизни ея страждущаго, единственнаго и обожаемаго сына.

Пробывъ псковскою пѣть въ опалѣ, Гермогенъ получилъ вновь епископскую кафедру, на этотъ разъ въ Тобольскѣ. Пребываніе его тамъ совпало съ пребываніемъ туда въ ссылку Царской семьи, къ которой, какъ я слышалъ, онъ отнесся наилучшимъ образомъ.

Многіе говорили, что въ первые дни революціи онъ велъ себя съ большимъ достоинствомъ. И мученически погибъ отъ руки большевиковъ.

Что такое были Гермогенъ и Иліодоръ?

Попытаюсь въ этомъ разобраться.

Я полагаю, что Иліодоръ былъ только опаснымъ авантюристомъ, мечтавшимъ выдвинуться и сыграть крупную роль для удовлетворенія своего ненасытнаго честолюбія. Никакихъ убѣжденій ни лѣвыхъ, ни правыхъ, у него никогда не было. Служить Богу, либо чорту ему было совершенно безразлично, лишь бы добиться своихъ ближайшихъ цѣлей.

Натура Гермогена гораздо сложнее. Это тоже былъ человѣкъ, свѣдущій, осужденный, честолюбивый, мечты котораго не останавливались на митрѣ — единств. — ему мерещился патріархъ всея Руси, ѣдущій на конѣ, ведомый оцѣмъ и зачинщикомъ Царемъ Московскимъ. Но я думаю, что безразличное желаніе имѣть важное дѣйствіе не одно личное чувство, но и пачеменувашіиру и, если и не возвышенное, то прешыспреннее понятіе о задаче православной церкви, передъ которой должно преклониться все: и народъ, и высшая власть, и самъ Царь. Воспаленное воображеніе его ненормальное, лихорадочное, физическаго состоянія, неограниченное никакими сдерживающими центрами, могло уронить его до грани преступленія и возвести до высоты великаго мученичества. Въ средніе вѣка онъ могъ бы быть великимъ инквизиторомъ, могъ бы быть Григоріемъ VII, съ наслажденіемъ властвующимъ въ Каноссу кающагося, босоногого и покрытаго владеявшею имъ кровью, и, какъ Савонарола, съ блаженствомъ и восторгомъ спорить на кострѣ.

Г. Г. Г. — Изданіе 1922 г. 24 г.

*) Вспомогательный текстъ, который не вошелъ въ текстъ статьи, такъ какъ онъ не имѣлъ достаточнаго значения для пониманія текста. Онъ былъ написанъ мною въ 1922 г. и былъ уничтоженъ мною въ 1923 г.

Революціонное общество

по личнымъ воспоминаніямъ*

В. А. Ауэрбаха

ЧАСТЬ II

Въ большевицкой Россіи

Глава I

ВЪ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ, УПРАВЛЯЕМОМЪ КОММУНИСТАМИ

Ружейные выстрѣлы, пулеметная трескотня и буханіе орудій еще слышались въ нѣкоторыхъ районахъ Петрограда, пока не было «ликвидировано» сопротивленіе юнкеровъ Владимірскаго и Константиновскаго военныхъ училищъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдалось нѣкоторое волненіе въ связи съ наступленіемъ войскъ генерала Краснова, но въ общемъ послѣ 25 октября наступила какая-то тишина. Для круга лицъ, близкихъ къ Временному Правительству, къ которому принадлежалъ и я, стало гуще уже потому, что утратилась освѣдомленность: ставъ рядовыми обывателями, мы узнавали о событіяхъ *post factum* изъ газетъ, а о намѣреніяхъ побѣдителей ничего не знали. Впослѣдствіи нѣкоторыя организациі учредили особую информационную службу и вслѣдствіе этого черезъ нѣкоторое время освѣдомленность была въ нѣкоторой мѣрѣ восстановлена, но сперва мы питались исключительно газетами, слухами, толками и случайными свѣдѣніями. Но кажется, что и для населенія въ цѣломъ стало тише: послѣ періодически повторяющихся каждые два мѣсяца разрядовъ всегда становилось тише, а на этотъ разъ въ особенности. Часть населенія праздновала побѣду, другая — полагала, что всякая развязка лучше затяжного кризиса, третья —, отупѣвъ отъ безпокойнаго житія въ «свободной Россіи», впала въ равнодушное безразличіе. «Буржуазія» отказывала большевикамъ въ признаніи ихъ въ качествѣ носителей государственной власти и по возможности не исполняла ихъ распоряженій. Таково-же было поведеніе и части «революціонной демократіи». Та многочисленная часть «буржуазіи», что высѣживала опубликованный за нѣсколько дней до переворота списокъ большевицкихъ министровъ, иронически отнеслась и къ побѣдѣ коммунистовъ, положительно отказываясь вѣрить въ продолжительность

* Продолженіе. См. Арх. Рус. Рев. т. XIV.

ихъ господства. Одни полагались на вѣрность Временному Правительству части войска — отчаянному сопротивленію юнкеровъ не придавалось практическаго значенія, но на натискъ арміи генерала Краснова и вообще на реакцію нѣкоторыхъ фронтовыхъ частей возлагались надежды и тѣмъ болѣе сильныя, чѣмъ явственнѣе обнаруживалась неспособность обѣщавшагося и распустившагося столичнаго гарнизона и неподготовленность рабочей красной гвардіи, — другіе считали, что неопытные въ государственномъ управленіи большевистскіе вожди, не могущіе къ тому-же полагаться на службу за совѣсть арміи чиновниковъ, быстро зацутавшіе въ дѣлахъ и въ особенности по снабженію населенія продовольствіемъ и другими предметами первой необходимости, будутъ вскорѣ-же смѣнены населеніемъ, третьи предсказывали быстрое паденіе экстремистовъ, исходя изъ историческихъ примѣровъ и не останавливаясь даже на причинахъ, которыя могли-бы сбросить гастролеровъ власти — я помню, какъ мой большой пріятель, умный, разносторонне образованный и дѣловитый чековскій, стоявшій во главѣ одного изъ крупнѣйшихъ военныхъ управленій, генералъ и профессоръ, меня пытался убѣдить, ссылаясь на парижскую коммуну, что болѣе 42 дней большевики еще не продержатся, и я записываю это воспоминаніе, считая характернымъ то созерцательное и академическое отношеніе къ событіямъ, что перфидно проявлялось со стороны представителей «буржуазіи».

Надежда на немедленное отвоеваніе Петрограда исчезла вскорѣ по ликвидаціи красновскаго наступленія и, какъ извѣстно, дальнѣйшія операціи завоевательнаго характера были перенесены на периферію страны, но попытки организаціи военныхъ выступленій возникали и въ центрѣ Россіи, и даже въ самомъ Петроградѣ.

Въ столицѣ надежды возлагались болѣе всего на Петровскую бригаду (Преображенскій и Семеновскій полки) и на Гвардейскій Флотскій экипажъ, среди солдатъ которыхъ велась пропаганда. Члены конспиративнаго кружка появились въ казармахъ, устраивая солдатскіе митинги, но, будучи широко извѣстными лицами, приближали къ гриму и назывались вымышленными именами. Они-же распространяли среди солдатъ печатныя брошюры, освѣщающія разныя социальныя и политическія вопросы въ удобопонятной формѣ. Я также приложилъ свою руку къ составленію этихъ брошюръ, познакомившись съ однимъ изъ виднѣйшихъ партизанъ.

«Прощу къ аппарату инженера Ауэрбаха» — именованіе меня инженеромъ было несбыточнымъ, а слово «аппаратъ» вмѣсто «телефонъ» прямо-таки меня перенесло въ какой-то другой міръ (къ концу японской войны я былъ на Дальнемъ Востоцкѣ и тогда тамъ тоже называли телеграфъ и телефонъ — аппаратами) — «Я — Ауэрбахъ. Кто говоритъ?» — «Членъ комитета Новороссійскаго Общества (Юзовка) инженеръ Ф.» у Васъ вчера было засѣданіе Совѣта Союза металлургическихъ заводовъ, на которое я почему-то не получилъ приглашенія; прошу мнѣ сообщить причины и дать по вѣщеніямъ соответственныя распоряженія!» — Вѣроятно послѣдній и начальничекъ той бѣгавшаго (всего нѣсколько дней назадъ) Верховнаго Комиссара Арміи Максимиліана Максимиліановича Филоненко на этомъ не прервался-бы, если-бы вмѣсто офицера я ему не заявилъ, что прошу его пріѣхать ко мнѣ въ Союзъ для объясненія, что онъ и сдѣлалъ немедленно. Мнѣ было еще не извѣстно новое званіе Филоненко и даже неопытно, какимъ образомъ Верховный Комиссаръ Арміи могъ оказаться представителемъ Металлургическихъ Заводовъ, желѣзныхъ и угольныхъ рудниковъ Новороссійскаго Общества въ нашемъ союзѣ, но Филоненко мнѣ предоставилъ необходимыя объясненія: все разбѣнилось къ наилучшему, и въ послѣдствіи вслѣдствіи за болѣющимъ основнымъ столбомъ въ нарядномъ застѣ среди бывшихъ членовъ «Юзовскаго» членомъ Совѣта находился и юный, вновь явленный «премиальный» членъ. Объяснивъ мнѣ, что онъ очень оживляется,

когда рѣчь заходила о мѣрахъ военной охраны заводовъ и рудниковъ: едва заговорили о продвиженіи въ Донецкій бассейнъ кавалерійскаго корпуса ген. Бискупскаго, какъ его нервное лицо загорѣлось пламенемъ восторга и изъ его устъ посыпались соображенія о дислокаціи войскъ, о мѣрахъ къ изоляціи солдатъ отъ рабочихъ вліяній, о преимуществахъ концентраціи болѣе крупныхъ отрядовъ всего въ нѣсколькихъ пунктахъ по сравненію съ распыленіемъ по всей территоріи бассейна и др., и вообще въ такихъ случаяхъ Ф. бойко говорилъ, напоминая ученика, вытаскиващаго на экзаменѣ хорошей билетъ.

Влоостѣдствіи я довольно хорошо сошелся съ Ф. и скажу, что меня кое что въ немъ очень подкупало и рѣшительно къ нему располагало.

Небольшого роста, худощавый человѣкъ казался состоящимъ изъ однихъ костей, мускуловъ и, главное, нервовъ, при чемъ скорыя и рѣшительныя движенія его лица говорили о несомнѣнно пылкомъ порывистомъ темпераментѣ, которымъ повидимому онъ обязанъ примѣси еврейской крови. Я помню, какъ много позже въ Парижѣ онъ ко мнѣ приходилъ: когда послѣ сильныхъ и быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ ударовъ въ дверь я, сѣдя къ ней спиной, два успѣвалъ повернуть голову, Ф. уже былъ посреди комнаты. Онъ появлялся всегда молодцевато, съ отменной бодростью, изяществомъ костюма и особенно позъ и манеръ. Во время бесѣды онъ иногда угасалъ, но съ тѣмъ, чтобы опять вспыхнуть и огнемъ загорѣться, какъ только представлялся къ тому поводъ. Онъ всегда наблюдалъ за собой, нерѣдко пользуясь находящимся въ комнатѣ зеркаломъ. Вѣроятно, онъ, какъ актеръ, тщательно изучалъ свою виѣшность, позы и манеры, въ уединеніи репетируя передъ зеркаломъ, и во всякомъ случаѣ каждое его движеніе говорило о рисовкѣ и самолюбованіи. Любось его къ себѣ, могущая приводить Ф. къ героическимъ актамъ, — цѣнное свойство его природы, но ею не ограничиваются яркія черты его характера: я особенно отмѣтилъ-бы его романтизмъ, который проявлялся не только въ интимной жизни, но нѣсколько не меньше въ политической дѣятельности — онъ положительно поэтъ революціоннаго дѣйства.

Если для много поэта воспѣваемая героиня бываетъ лишь предлогомъ для романтическихъ переживаній, одной изъ составныхъ частей той среды, что вызываетъ въ его душѣ сладкія эмоціи, то революція или въ равной мѣрѣ контръ-революція была для Ф. лишь условіемъ, поэтической обстановкою, въ которой могъ пылко расцвѣтать его политическій романтизмъ. Героизмъ, жизнь среди опасностей, игра со смертью, подвигъ, охмѣляющая и зажигательная рѣчь, таинственность и конспирація, ослѣпительный успѣхъ или провалъ, бѣшеная гонка на автомобилѣ или сумасшедшій перелетъ на аэропланѣ, безумная вылазка въ непріятельскій лагерь съ переодеваніями, гримомъ, безстрашная авантюра — все это было не средствомъ достиженія тѣхъ или иныхъ политическихъ результатовъ, а почти самоцѣлью. Конечно, людямъ такого рода не должно занимать руководящихъ положеній, но ихъ сотрудничество съ людьми, обладающими твердой и цѣльной системой, можетъ быть очень и очень цѣннымъ.

Ф. несомнѣнно прекрасный ораторъ, онъ быстро ориентуруется въ вопросѣ и въ обстановкѣ, найдя, остроумно, очень ясно формулируетъ мысли и говоритъ убѣжденно и увлекательно. Должно отмѣтить его способность приводить сложнѣйшій вопросъ къ элементарнымъ формуламъ, вродѣ какъ дважды два—четыре. Орывокъ его бесѣды съ генераломъ Корниловымъ* во время наступленія на Пе-

* Привожу со словъ Ф., не ругаясь за точность, но въ правильности передачи общаго смысла увѣренъ.

троград может служить иллюстрацией: «В настоящее время в России имеются три силы», говорил Ф. генерату — «Временное Правительство, Совет рабочих депутатов и Верховное Командование. Союз двух сил из трех побуждает третье. Вы не можете идти с Советом рабочих депутатов против Временного Правительства, а потому Вам нужно идти с ним против Совета, а если против Вас будут и Правительство, и Совет, то Вы погибнете». Передавая это мне, Ф. добавил: «я сожалею, генерал не поверил мне, что два больше одного». Разумеется, соображениями, приводимыми к примитиву, нельзя было убедить Корнилова, но оратор может в подходящем случае ими увлечь многочисленную толпу. Как известно, Ф. не пожелав остаться с обреченным им на гибель генералом, в дальнейшем связал свою судьбу с Керенским, занявши враждебную Корнилову позицию, что впоследствии стоило Ф. немало неприятностей. Когда летом 1919 года я из Парижа решил ехать обратно в Россию, то стал уговаривать Ф. тоже отправиться работать в Добр. Армию, имея в виду его несомненные дарования, которые он мог бы приложить к пропаганде и разведке; при одной мысли о живой работе после Парижской бездельности огонь загорался в глазах Ф., который однако потухавший: что-то его озабочивало. Узнав, что Ф. имеет основание опасаться ареста при высадке на берег в виду отрицательного отношения, произведенного им в свое время к Корнилову, а вместе с тем полагая, что Ф. будет на совете работать в пользу Добр. Армии, я предложил ему ехать вместе, беру на себя заботу об обеспечении ему свободы: Ф. согласился, и мы записались в очередь на корабль, отходящий из Марселя в Новороссийск. Однако, перед отъездом Ф. переменил намерения, получив телеграмму из Екатеринодара от своего брата, бывшего в то время Начальником Эксплуатационного отдела Управления путей сообщения и впоследствии умершего от сыпного тифа во время эвакуации Ростова, что приезд его в Добр. Армию не бесполезен. Смысли, даже безграбный человек в моменты героического воодушевления при романтической обстановке, оказался больше чем осторожным, когда в отсутствии нафоса представлялась опасность лишения свободы, быть может, даже только на короткое время.

После отсуждения, сданным для некоторого охарактеризования этой личности, личной для эпохи Керенского, вернемся к причинам, от которых велел за безыбренным перевертыванием ожидали избавления от большевистского правления и некоторые даже — крутой реакции.

Никакого сомнения, что после легкой победы, дальнейший путь показался большевикам гораздо труднее и сложнее: нужно было реализовать обещания — свободы, земли, хлеб и немедленное окончание войны, но прежде всего нужно было закрепить власть и подчинить себе правительственный аппарат, тогда лишь на самом деле между управляющими и управляемыми вместо промежуточного слоя оказался пустота: как известно, чиновники центральных учреждений, во своем большинстве или по крайней мере в своей лучшей части, отказались служить большевикам (некоторые прекратили работу, а другие ее продолжали, играючи одного большевистских комиссаров и в том числе товарищи министров — Н. Н. Савинь, М. В. Горбачев и др.), что имело не демонстративный характер, а вышло из глубокого сознания несовместимости такого служения с демократическими требованиями национальной совести, а порою и из утренности в идеологии несовместимости большевистского господства. Многие из чиновников морально и материально поддерживали помощь, оказанная банковскими и промышленными организациями. Хотя эта помощь достигала нескольких миллионов

(точной цифры нынѣ не помню), но разумѣется на долго хватить ея не могло. Любопытно при этомъ, что объ этой помощи было хорошо извѣстно совѣтскому правительству, и повидимому даже въ его руки попалъ епископъ отпущенныхъ организаціями суммъ, но особыхъ послѣдствій, кромѣ временнаго ареста нѣкоторыхъ посредниковъ изъ числа чиновниковъ по распредѣленію пособій, это не имѣло: вѣроятно большевики чувствовали себя не очень увѣренно, а ихъ вниманіе было, главнымъ образомъ, направлено на укрѣпленіе своей власти надъ войсками и на защиту себя отъ атакъ военнаго характера.

Вообще можно сказать, что въ первое время послѣ переворота большевики вели себя вяло и дѣйствія ихъ отличались большою осторожностью и нерѣшительностью. Въ общихъ чертахъ порядки оставались тѣми-же, какъ и при Временномъ Правительствѣ, и казалось, что произошелъ не переворотъ, а смѣна кабинета.

Вернувшись въ концѣ августа изъ Крыма, я ѣздилъ въ Харьковъ въ концѣ сентября и потомъ — уже при большевикахъ въ срединѣ ноября: никакихъ видимыхъ перемѣнъ на желѣзныхъ дорогахъ не наблюдалось, я ѣхалъ въ казенномъ спальномъ вагонѣ 1 класса, проводникъ не пускалъ въ вагонъ никого, кромѣ билетныхъ пассажировъ, одновременно со мной ѣхало два знакомыхъ юнкера, не подвергаясь никакимъ непріятностямъ въ пути.

Въ жизни промышленности еще при Временномъ Правительствѣ развился такой беспорядокъ, что уже нельзя было замѣтить послѣ октябрьскаго переворота рѣзкаго перелома, а многочисленные относящіеся къ рабочимъ декреты въ сущности санкціонировали установившіяся кавардакъ, и только отъ статистики не ускользаетъ вліяніе событій: такъ выплавка чугуна на южно-русскихъ заводахъ, въ сентябрѣ 1917 года еще достигавшая 11,1 мил. пудовъ, падаетъ въ октябрѣ до 9,6, ноябрѣ 6,7 и въ декабрѣ до 5,3 мил. пудовъ.

Дѣятельность союзовъ послѣ большевицкаго переворота не только не ослабѣваетъ, а напротивъ пріобрѣтаетъ особенно оживленный характеръ: владѣніе и управленіе промышленностью остается въ тѣхъ-же рукахъ, но предоставленные сами себѣ промышленники проявляютъ особенную склонность къ сличенію и солидаризаціи дѣйствій. То-же въ частности проявилось и на XLII сѣздѣ горнопромышленниковъ въ Харьковѣ, бывшемъ въ концѣ ноября и въ началѣ декабря: до тѣхъ поръ выборы въ Совѣтъ Сѣзда производились не по принципу представительства интересовъ, а на основаніи личныхъ симпатій къ тѣмъ или другимъ лицамъ; всѣ понимали это, но смѣлится никакъ не могли; между тѣмъ подъ вліяніемъ переживаемыхъ потрясеній выборы протекли по напередъ составленной схемѣ съ проведеніемъ въ Совѣтъ лицъ по заранѣе составленному списку: пропорціональность интересовъ позволила отодвинуть на второй планъ тяжеловѣсный Совѣтъ (72 члена), передавъ значительную часть функций подвижному и дѣятельному комитету (6 членовъ и 5 замѣстителей), составленному изъ предсѣдателя и изъ пяти членовъ, представителей пяти промышленныхъ союзовъ: Углесоюзъ, Горносоюзъ, Антрацитосоюзъ, Сометалль и Рудосоюзъ.

Любопытно, что публичность засѣданій Сѣзда нисколько не мѣшала проявленіямъ жестокой критики «революціонной демократіи» и совѣтскаго правительства, обсужденію вопросовъ, связанныхъ съ избирательной кампаніей (въ Учредительное Собраніе) и съ поддержкою контр-революціонной прессы и пр. (послѣдній вопросъ обсуждался при закрытыхъ дверяхъ, черезъ которыя все-же проникли посторонніе).

Во время моего пребыванія въ Харьковѣ мнѣ пришлось повстрѣчаться съ Канадской Военной Миссіей, пріѣхавшей за желѣзнодорожными матеріалами, ну-ж-

ними для задуманной ими постройки сѣти переносныхъ узко-колейныхъ желѣзныхъ дорогъ, долженствующихъ обслуживать фронтъ наряду съ разваливающейся желѣзно-дорожной сѣтью русскаго нормальнаго типа. Можетъ показаться страннымъ, но эти господа не теряли надежды на возстановленіе боепособности арміи; даже, напротивъ, они считали, что разъ на мѣсто прогнившей деспотической царской власти встанетъ власть народная, разъ на смѣну старцамъ-генераламъ явятся молодые и талантливые вожди, то тѣмъ болѣе должно рассчитывать на успѣхъ и окончательную побѣду: «мы американцы» — пояснили они — «цѣнимъ не старость, стажъ и пропе-ходженіе, а волю, энергію и природныя дарованія; по нашему убѣжденію нѣтъ въ Россіи болѣе латаго человека, какъ Мураловъ (большевицкій главнокомандующій мос-ковскимъ военнымъ округомъ), а имѣя такого военачальника, Вы можете быть спокойны за судьбу Россіи». Разувайтесь, изъ проектовъ и суетъ Канадской Военной Миссіи ничего не вышло.

Этимъ спасителями Россіи, однако, дѣло не ограничилось. При мнѣ въ Харь-ковѣ прѣѣзжали, также для спасенія Россіи, Украинскіе Министры: Ещенко — Ми-нистръ Путей Сообщенія и профессоръ Ганицкій — Товарищъ Министра Торговли и Промышленности. Въ кабинетѣ предѣдателя Пораійоннаго Комитета, помѣщавша-гося въ зданіи Совѣта Съѣзда горнопромышленниковъ, они созвали совѣщаніе изъ начальствующихъ на желѣзныхъ дорогахъ Харьковскаго узла лицъ (я присутство-валъ съ побѣднаго разрѣшенія Предѣдателя Комитета А. В. Лукашевича изъ лю-бовицтва), которымъ развили свой планъ дѣйствій. Собственно, планъ развивалъ молодой, стройный, экзотическій и склонный къ героическимъ позамъ Ещенко, а перешагивавшій за сорокъ, отяжелѣвшій, небольшого роста, мохнатый съ черной бо-родой, покрывающей почти все лицо, и горбатымъ носомъ, хитрый хохолъ Ганицкій предпочиталъ чаще помалкивать. Планъ ихъ заключался въ прекращеніи хлѣбныхъ перевозокъ на Сибирь, что, по ихъ мнѣнію, должно было вызвать въ Петроградѣ и Москвѣ волненія противъ совѣтской власти. Потрясенные этимъ планомъ, путе-йскіе инженеры попробовали возражать, а одинъ старый инженеръ при мысли о го-лодѣ, связанномъ съ этимъ планомъ, въ родномъ для него Петроградѣ, разрыдав-шись, вышелъ изъ комнаты. Ещенко упрекалъ инженеровъ въ «слонійствѣ» въ то время, какъ Правительство готово «отвѣчать головой». Инженеры не сдавались, порою оказывая даже отчаянное сопротивленіе, но потерявшій терпѣніе Ещенко сказалъ, что такого рода «Правительства», и онъ требуетъ исполненія его распоря-женій. Я хотѣлъ-бы еще отмѣтить, что Министры говорили о «южной» и «Сѣверной Россіи», а не «Украинѣ» и «Великороссіи», и притомъ не только Ещенко, но и Га-ницкій говорили только по русски, тогда какъ послѣ подписанія мирнаго договора съ немцами «хитрый хохолъ» заговорилъ на «украинской мовѣ».

Итакъ, министры призывали и уѣхали, но слѣда отъ ихъ прѣѣзда не осталось: въ Харьковѣ рѣшительно не признавали власти Украинскаго Правительства.

Проблемъ рѣшались двѣ: три въ Харьковѣ, а поѣхалъ обратно въ Петроградъ. Усло-вия путешествія по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ были уже значительно хуже: къ тому времени нѣкогда беззапятно храбрый воиска уже настолько успѣли проин-фильтроваться болшевицкими подунтомъ о немедленномъ окончаніи войны, что, рѣшительно не желая сражаться для глупости, цѣлыми потоками понеслись въ роднымъ «отчизну», другіе, тоже въ сѣрлахъ интеліхъ, съ мѣшками за спиной, устремились въ дѣшнѣе перода и, особенно, въ столицы сбывать по высокимъ цѣнамъ предметы про-доловности, зрѣвшіеся по пути высокіе принципы «коммунизма» и вовсе не подозре-вая о риданомъ «социализмѣ» спекуляціи, которымъ буржуазія назвала приспособленіе широкаго массъ населенія къ торговлѣ самаго дурного тона.

Вмѣстѣ со служащими въ нашемъ союзѣ инженеромъ К. мы съ трудомъ втиснулись въ купѣ II класса и уже не выходили изъ него въ теченіе двухъ съ половиной сутокъ, пока не пріѣхали въ Москву. Въ нашемъ купѣ разсчитанномъ на 4 пассажира, помѣщалось 22, изъ коихъ двѣ женщины и трое ребятъ; сидѣли всеюду: на нижнихъ и на подиальныхъ верхнихъ полкахъ, на столикѣ, на полу. Въ коридорѣ было сплошное море тѣлъ. Выйти на станцію черезъ коридоръ было не возможно, а окно въ нашемъ купѣ было зашпачено; «товарищи» выломали изъщипую ясеневую рамку, окружавшую окно, но дѣло не подвинулось, ковыряли штыками шурупы, но тоже безуспѣшно; одни рѣшили было разбить зеркальное стекло, но другіе объяснили, что «будетъ даже холодно». Черезъ сутки дѣти стали сильно страдать отъ жажды, почему передали въ коридоръ чайникъ, которымъ одинъ изъ «товарищей-солдатъ» ухитрился при помощи веревки черезъ окно въ противоположной части коридора (единственное открывавшееся) зачерпнуть свѣгу. Но, какъ мало воды получается изъ свѣгу! Мы съ моимъ спутникомъ рѣшили отказаться и отъ свѣга, дабы не имѣть надобности въ уборной, куда пройти невозможно. Нашему примѣру послѣдовали и прочіе путешественники нашего купѣ, кромѣ одной старой женщины и молодого солдата. Постѣ долгихъ страданій женщина не выдержала и бросилась въ коридоръ, но «потерши тетенька!» отвѣчала ей груда тѣлъ; я взялся ее проводить, посыпалась безсовѣстная ругань (свобода слова!), но, не обращая на нее вниманіе, я то одному, то другому приказывалъ — «а ну-ка пособи тетенькѣ, подвинься маленько, чего разлежся, а вы вдвоемъ передайте женщину на рукахъ» и т. д. и наконецъ «тетеньку» доставили въ уборную, а за нею я шель, наступая на ноги, руки, а можетъ быть и животы лежавшихъ и скрюченно сидѣвшихъ на полу тѣлъ, провожаемый злобными взглядами и глухимъ ворчаніемъ, а когда одинъ изъ товарищей замѣтилъ, «глянь, со старухой въ нужникъ пошелъ, видно помодже не нашелъ», то груда тѣлъ такъ захохотала, что старушка было побоялась войти въ уборную, но я постъ рался ей объяснить, что это такъ солдаты языками чешутъ, но что на самомъ дѣлѣ она вѣе подозрѣній, и тетенька согласилась; я ее покараулилъ и тѣмъ же порядкомъ проводилъ обратно, но товарищи заявили, что въ другой разъ больше никого не пустятъ и дѣйствительно не пустили и молодого солдата. Уже за Тулою ему стало такъ нехорошо, что товарищи съжалились и пропустили, но было уже поздно... впоследствии одинъ врачъ мнѣ объяснилъ, что его постигнулъ параличъ мочевого пузыря, который вѣроятно ему стоилъ жизни.

Въ теченіе первой ночи, конечно, мы и глазъ не смыкали и тѣмъ болѣе, что въ купѣ отношеніе другъ къ другу было волчьимъ, но потомъ все примирилось со своимъ положеніемъ, привыкли другъ къ другу, вмѣстѣ помогали, чѣмъ могли, дѣтямъ, общность человѣческой ласки къ малюткамъ сближала, появились любопытство къ окружающимъ, разпросы, завязались разговоры, а въ результатѣ мягкость въ обращеніи, предупредительность, какое-то взаимное пониманіе... и волки стали человѣками.

Къ наступленію второй ночи нѣсколько бородатыхъ коридорныхъ пассажировъ потребовали смѣниться съ молодыми солдатами изъ нашего купѣ. Озлобленные жертвы неравенства — мы сидѣли на мягкихъ диванахъ, а они на полу въ коридорѣ — съ мѣста въ карьеръ стали высывать трафаретныя революціонныя сужденія, при чемъ попутно попадали камушки и въ огорождъ двухъ мѣщанокъ-женщинъ, при которыхъ были дѣти, и больше всего въ нашъ, но камушки были мелкіе и не острые, почему свободно можно не обращать на нихъ вниманія, но какъ только, хотя и въ самыхъ неестественныхъ позахъ, мы начинали дремать, такъ метаніе камней усиливалось: нужно было что-нибудь предпринимать. «Вы откуда?» — «Каадуцкіе.» -

«А вы?» — «Тульские.» — «Какого уезда?» — «Чернские.» — «Алябьево знаете?» (Это наше бывшее родовое имѣніе, въ которомъ я еще въ юности бывалъ съ отцомъ.) — «Ну какъ-же, мы-же Никольские.» — «Графа Толстого?» — «Такъ и есть, прочимъ, графа.» Изъ дальнѣйшаго разговора выяснялось, что помѣщичья земля еще не захвачена, изъ-за спора между сосѣдними деревнями (можетъ-быть свѣдѣнія ѣхавшаго съ фронта товарища были устарѣлыми, но для меня это было неважно). Сталкиваясь съ людьми и особенно во время моихъ многочисленныхъ путешествій, я охотно вступалъ съ ними въ разговоръ, развивая не явно тенденціозныя, а просто трезвыя мысли, и на этотъ разъ я постарался направить бесѣду на социальна-политическія темы и, замѣтивъ, что сидѣщіе со мною революціонеры — крестьяне, сосредоточились на земельномъ вопросѣ. Разумѣется, ничего новаго я имъ не сказалъ, но ими нѣкоторыя свѣдѣнія и соображенія были приняты, какъ откровенія. Между прочимъ, высказавшись противъ сохраненія при нѣкоторыхъ условіяхъ крупной земельной собственности, я тѣмъ не менѣе отмѣтилъ, что вырѣзать помѣщиковъ — жестоко, а палить ихъ усадьбы и гумна — нелѣпо, рассказавъ, какъ должна въ человѣческомъ, а не въ зѣфирномъ обществѣ вестись борьба противъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ и особенно тѣхъ, что сами не занимаются хозяйствомъ, взявъ за образецъ извѣстную австралійскую систему прогрессивныхъ и. для не живущихъ на своей землѣ, исключительно налоговъ.

Обо всемъ этомъ я имъ рассказывалъ не меньше получаса, но вниманіе ни на минуту не покидало революціонеровъ, они разспрашивали, я объяснялъ имъ подробности, а когда я кончилъ, то они благодарили за мою импровизированную лекцію.

Атмосфера въ купѣ вновь оказалась дружелюбной, и я, сидя на краю дивана и изогнувшись подобно мѣсяцу, сталъ дремать въ то время, какъ революціонеры продолжали обсуждать слышанное. Сперва сквозь дремоту до меня доносились возмущенія по адресу глашатаевъ захватческихъ идей и сожалѣнія, что имъ никто не объясняетъ «австрійскаго способа», и я погрузился въ забытіе, невзирая на тѣноту, неестественность позы, духоту и, главное, громкіе голоса разсуждающихъ. Сколько времени я отсутствовалъ, я не знаю — думаю, что съ полъ-часа или часъ —, но мои революціонеры бдѣли, и когда вновь я сталъ слегка различать звуки, то слышалъ, что «ка-лучкій» говоритъ, что я «противъ народа», что я «буржуа», и не должно-ли даже меня «куда предать», но чернскій возразилъ, что, конечно, должно, чтобы вся земля — народу, что я болѣе хитро говорилъ, но, что я — ничего — «должно намъ чернскій, коли графа знаетъ»... Кажется, на этомъ бородачъ замолкъ, а можетъ быть я опять ихъ болѣе не слышалъ, переставъ ощущать свое бытіе...

Я много разъ обращаю вниманіе на то, какъ легко принимать нашимъ мужикамъ желаемыя мысли, они очень легко ихъ схватываютъ и вытѣсываютъ, но также легко они испаряются или вытѣсняются тѣмъ комплексомъ идей, что глубоко за-сѣлъ въ ихъ душу.

Къ вечеру второго дня въ нашемъ купѣ стало до такой степени душно, что можно было наблюдать нѣкіе признаки отравленія углекислотой и другими газами (я съ живыми признаками хорошо познакомленъ, работая на рудникахъ): учащенное біеніе сердца, красная патна на щекахъ, стучь въ вискахъ, головокруженіе и отдышка. Посмотрѣвъ на свое здорovie, а также привычку къ смертой рудничной атмосферѣ, я немедленно вышелъ.

Послѣ двухдневнаго путешествія въ такихъ условіяхъ нѣтъ такъ утомилась, что спалъ всю ночь мертвымъ сномъ. Я, однако, нѣсколько разъ просыпался отъ громаднаго храпа, слыша, что самымъ моимъ ухомъ «красны и гордости русской революціи» —

здоровеннаго товарища-матроса, граціозно склонившаго свою буйную голову на мое плечо, и отъ того, что порою во снѣ онъ меня обнималъ и ощущивалъ.

Утромъ въ Москвѣ я пересѣлъ въ другой поѣздъ, въ которомъ оказался вагонъ международнаго общества, уплативъ не малую дань проводнику.

Въ Петроградѣ я нашелъ жизнь спокойной и привольной, а нѣкоторые даже съ пріятной улыбкой заявили, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Никто не охранялъ ни нашей жизни, ни нашего жилища и имущества, и по истинѣ удивительно, что насъ не рѣзали и не грабили: поразительно велика въ народѣ сила инерціи!

Разумѣется благополучіе жизни, о которомъ я говорю, надо понимать относительно, но все же въ то время еще было возможно ночью ходить и ѣздить по городу — мы съ женой не разъ, возвращаясь съ Васильевского Острова на Кирочную, проѣзжали въ часа 2 ночи по совершенно пустыннымъ Сенатской и Дворцовой площадямъ и по Марсову полю въ хорошихъ шубахъ, и никогда не были раздѣты или ограблены — можно было доставать продовольствіе, не было организованнаго преслѣдованія и угнетенія буржуазіи, выходили буржуазныя газеты, шпионажъ еще не былъ возведенъ въ систему и т. д., и т. д.,

Что поражало въ то время — это страсть къ развлеченіямъ и зрѣлищамъ: кромѣ старыхъ театровъ и кинематографовъ открылось много новыхъ, особенно миниатюръ, въ которыхъ безпрепятственно высмѣивались большевики, условія революціонной жизни, а въ одной пьесѣ появлялся на сценѣ городской, очевидно въ расчѣтъ на оваціи, и дѣйствительно неизмѣнно раздавались шумные аплодисменты и восторженные восклицанія. Объ этомъ я передаю съ чужихъ словъ, такъ какъ съ начала революціи развлеченія меня нисколько не привлекали, и я нигдѣ не бывалъ, да и некогда было. Только въ ночь подъ Новый Годъ (1918) я былъ съ женой во вновь открытомъ ночномъ ресторанѣ «Peiles», для котораго его владѣлецъ снялъ дворецъ Великой Княгини Ольги Александровны на Сергіевской улицѣ, скупивши также великокняжескіе винные погреба. Столовая ресторана была устроена въ большомъ концертномъ залѣ, а внутренніе покои служили въ качествѣ фойе. Въ нихъ все сохранилось такъ, какъ было, и публикѣ былъ открытъ доступъ всюду — даже въ такія мѣста какъ интимный будуаръ В. Княгини, спальня, ванная и пр. Я помню испытанное мною оскорбленіе и, конечно, не за то, что простые смертные проникли въ помѣщеніе, занимавшееся царской семьей, а за проникновеніе равнодушныхъ или любопытныхъ взоровъ пришедшихъ съ улицы людей въ тѣ мѣста, гдѣ протекала интимная жизнь женщины, гдѣ такъ часто она оставалась одна и куда допускались только близкія ей лица. Революція позволила производящему обыскъ пьяному солдату въ грязныхъ сапожникахъ и въ военной шинели войти въ спальню моей жены, ртыся въ предметахъ ея интимнаго туалета и та-же революція впустила «буржуевъ» въ интимные покои другой женщины — Великой Княгини.

Въ эту ночь съ улицы дворца казался мрачнымъ, нежилымъ, какъ будто умершимъ, но только черныя занавѣсы стыдливо скрывали отъ улицы тысячи электрическихъ лампочекъ, заливавшихъ свѣтомъ балныя (декольте) дамскія платья, бриллианты въ пышныхъ прическахъ и на тонкихъ кружевахъ, безукоризненные смокингъ и лакированные подботники мужчинъ, эстраду съ «шкангными» танцовщицами, дизайками и шансонетками, крахмальное бѣлье и ливрен прислуги и наконецъ бѣлоснѣжныя скатерти, великокняжескій фарфоръ и дорогія вина. — Чѣмъ отличалась «буржуазія» отъ переполняющей театры и кинематографы «революціонной демократіи»?

Часа въ три ночи, когда подъ вліяніемъ выпитаго вина, оживленной бесѣды и легкаго жанра танцевъ, пѣнія и музыки гости уже позабыли о непрочности замковъ

въ дверяхъ, отдѣляющихъ ихъ отъ большевnickаго міра, слышались какіе-то странные звуки изъ перваго этажа; сперва, даже не всё слышать, но звуки становятся все явственнѣе и они все рѣзче напоминаютъ о чемъ-то непріятномъ, но несомнѣнно существующемъ, а одновременно «бурижуйская» иллюзія, созданная починымъ рестораномъ, покрывается все болѣе и болѣе густой дымкой. Метръ-д'отель успокаиваетъ, что это въ прихожей швейцары поссорились, что все будетъ сейчасъ улажено, но звуки становятся все громче, уже почти можно различить слова, какъ распахивается дверь и въ роскошный, нарядный, освѣщенный а gl'o по залъ шумливо вливается кучка людей, въ которой различаются нарядные лакеи и отбивающіеся отъ нихъ ободранный съ пьяной и испитой рожей хулиганъ, веcriкивающій: «довольно Вы пошлѣи нашей провунки» . . . а за дверью шумъ еще усиливается, по залу проносятся какая-то жуть, нѣкоторыя дамы вскакиваютъ съ мѣсть . . . но, неожиданно для всѣхъ тотъ-же хулиганъ, расшаркиваясь, на французскомъ языкѣ извиняется за причиненный испугъ . . . — это былъ загримированный артистъ французскаго театра — Мильтокъ — тотъ самый, что какихъ-нибудь десять минутъ назадъ съ эстрады смѣшилъ публику своими разсказами.

Можетъ быть, даже жаль, что это былъ не настоящій большевикъ-хулиганъ!

Только крайнимъ легкомысліемъ можно объяснить то, что многіе смотрѣли на переворотъ, почти какъ на смѣну кабинета, и, пронизывая большевnickую власть, ждали, что скоро она какъ-то сама собой падетъ. Въ оправданіе должно все же сказать, что въ то время дѣйствительно трудно было представить, чтобы могли найтись такіе сумасшедшіе люди, которые рискнули-бы взаправду продѣлать коммунистическій экспериментъ на необъятномъ пространствѣ Россіи со 180 милліоннымъ населеніемъ, и даже позволительно сомнѣваться въ томъ, чтобы сами большевnickіе вожди увѣрены были въ достаточной своей волѣ и рѣшительности къ проведенію этого безумнаго замысла.

Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ почти два мѣсяца спустя послѣ переворота — 14 декабря въ Петроградѣ были национализированы частныя коммерческіе банки (даже за нѣкоторыми исключеніями) и то съ поразительной осторожностью и даже нерѣшительностью: входы банковъ были заняты войсками, доступъ публики былъ прекращенъ и была объявлена лишь проверка счетовъ, а въ провинціи банки продолжали дѣйствовать, какъ и ранѣе, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Въ главѣ 3-ей я отмѣчу еще большую нерѣшительность въ отношеніи націонализаціи промышленности, которой народныя комиссары прямо-таки боялись.

Глава II

СРЕДИ МНОГОВАСТІЯ

Советъ и Управленіе дѣлами Союза представителей металлургической и жельзнодорожной промышленности («Сометалль») находились въ Петроградѣ, т. е. тамъ, гдѣ сосредоточено и правленіе крупнѣйшихъ банковъ и металлургическихъ обществъ, а также иющее большинство заводовъ, всѣ жельзные и всѣ принадлежащія металлургическимъ обществамъ каменно-угольныя рудники (насколько помню, съ 59^ю долями должнаго каменнаго угля) — на Югѣ Россіи. Послѣ октябрьскаго переворота прекратилъ связи съ правительствомъ, а послѣ націонализаціи банковъ, и съ

этими послѣдними, почему естественно было-бы перебраться правленіямъ обществъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Союзу, на югъ Россіи — въ Харьковъ, гдѣ находились правленія рабочихъ профессиональных союзовъ, аналогичные «Сометаллу» другіе промышленные союзы — «Углесоюзъ», «Антрацитосоюзъ» и пр., — Совѣтъ Съѣзда Горнопромышленниковъ, «Монотопъ» (Управление Государственной монополіей минеральнаго топлива) и гдѣ въостѣдствіи образовалась областная власть — правительство республики «Кривдобаса», т. е. Криворожскаго и Донецкаго бассейновъ, вмѣшавшаяся въ промышленную жизнь гораздо болѣе центральнаго петроградскаго правительства, но вѣдь никто не вѣрилъ въ долгое пребываніе большевиковъ у власти, а на короткое время перебраться не стоило, къ тому-же для представительства Союза въ Монотопъ, въ Совѣтъ Съѣзда горнопромышленниковъ, въ Углесоюзъ и въ областныхъ учрежденіяхъ былъ у насъ въ Харьковѣ свой уполномоченный — П. С. Сергѣевъ съ его замѣстителемъ С. Ф. Коряжскимъ и съ цѣлымъ штатомъ служащихъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду оторванности находившагося въ Петроградѣ Союза отъ Юга Россіи при уже совершенно испортившихся средствахъ сообщенія, мы постоянно приходилось туда ѣздить. Только въ началѣ декабря я оттуда вернулся въ столицу, но вѣдѣствіе появленія новыхъ запросовъ мнѣ опять пришлось въ серединѣ января съѣздить въ Харьковъ, откуда я возвратился уже только въ концѣ февраля.

На этотъ разъ особенно была тяжела посадка въ Москвѣ. Бѣгущіе съ фронта противники аннексії и контрибуцій, равно какъ и шнырявшіе всадъ и впередъ въ сѣрыхъ шинеляхъ, съ мѣшками за спиной борцы со спекуляціей десятками тысячъ заподонили и изгадили великолѣпный Курскій вокзалъ, беря съ бою каждый отходящій поѣздъ, невзирая на то, что для успокоенія путешественниковъ, штурмующихъ вагоны, было приказано стрѣлять вдоль поѣзда изъ поставленныхъ у конца его пулеметовъ. Не повѣривъ предупрежденіямъ носильщика, я обратился къ дежурному по станціи, отъ котораго услышалъ: «ежедневно мы убираемъ трупы людей, попавшихъ подъ колеса при подачи поѣзда и убитыхъ при посадкѣ; сегодня уже подобрано 18 труповъ.»

Послѣдовавъ совѣту носильщика, я сѣлъ въ поѣздъ, когда онъ еще стоялъ на запасныхъ путяхъ за пять часовъ до его отхода, конечно уплативъ за это, что слѣдуетъ. Когда пришло время подавать поѣздъ къ станціи и вагонъ былъ уже биткомъ набитъ, онъ былъ окруженъ вооруженными солдатами, потребовавшими его очищенія подъ страхомъ разстрѣла: «Не выйдемъ! Стрѣляйте! Товарищи, держитесь крѣпко! Вѣдь не перебыть!» — было отвѣтомъ, но минуты черезъ двѣ готовность умереть за занятые мѣста вдругъ исчезла, вагонъ мгновенно опустѣлъ, а поѣздъ потянулся къ станціи. Добѣжавъ до станціи, я все же уѣхалъ съ этимъ самымъ поѣздомъ.

Возвращаясь изъ Харькова, я всегда обѣщалъ себѣ больше туда не ѣздить — такъ были тяжелы переѣзды — но проходилъ мѣсяцъ, и меня опять тянула бившая тамъ ключомъ жизнь — по сравненію съ Харьковомъ Петроградъ казался тихимъ, заброшеннымъ кладбищемъ — хотя эта жизнь среди безумѣвшихъ людей, наполненная непрерывными терзаніями, во истину была едва выносимымъ, проклятымъ кошмаромъ.

Былъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго въ Харьковѣ находилось семь самостоятельныхъ органовъ власти: 1. исполнительный комитетъ совѣта рабочихъ депутатовъ, 2. Совѣтъ народныхъ комиссаровъ республики Кривдобаса, 3. Военно-революціонный комитетъ, 4. штабъ по борьбѣ съ контр-революціей (прототипъ «чека»), 5. штабъ южной арміи (Антонова), 6. «семерка» (источники ей власти вылинить не удалось), 7.... (не могу припомнить). Каждая изъ этихъ «государственныхъ

властей» заявляла о своей самостоятельности, отказываясь признавать независимость остальных шести. Все граждане приглашались повиноваться безпрекословно и под страхом расстрѣла именно такому-то органу, не исполняя распоряжений остальных. Семь «государственных властей» вели между собой борьбу, при случаѣ даже расстрѣливая агентов конкурента или подвергнувагося под руку обывателя. Но если война съ Германіей не мѣшала брататься русскимъ солдатамъ съ нѣмцами, то съ междоусобицей борьбою благополучно совмѣщалось почти братское взаимопониманіе и порою сотрудничество.

Взаимное пониманіе и солидарность, какъ и междоусобица борьба, имѣли, какъ это ни странно, можетъ показаться, одни и тѣ-же источники: все хотѣли встроивать, грабить награбленное и издѣваться надъ «буржуазіей» и все видѣли (или дѣлали видъ, что видѣли) передъ собою общаго для нихъ всеѣхъ врага — мифическую контръ-революцію.

Когда въ февралѣ 1918 года были арестованы и куда-то увезены Предсѣдатель Совѣта Съѣзда горнопромышленниковъ Южной Россіи Н. Ф. фонъ-Дитмаръ, его товарищъ А. И. Фенинъ и Управляющій дѣлами Совѣта Б. Н. Соколовъ, то я вмѣстѣ съ П. С. Сергѣевымъ отправились нарочно отъ имени Профессіональнаго Союза Инженеровъ Южно-Русской горнозаводской промышленности (трое арестованныхъ и мы оба — горные инженеры), а не отъ имени Совѣта Съѣзда горнопромышленниковъ (капиталистовъ), хлопотать за нашихъ товарищей въ штабъ по борьбѣ съ контръ-революціей. Штабъ помѣщался въ лучшей части города на Садово-Кудинковской улицѣ близъ Пушкинской — въ роскошномъ одноэтажномъ особнякѣ Рыжева. Войдя черезъ массивную дубовую дверь, мы увидѣли передъ собою широкую мраморную, всего въ нѣсколько ступеней лѣстницу, у подножія которой лежало два пулемета, направленныхъ къ входной двери, и около нихъ человѣка четыре солдатъ, а на площадкѣ сверху ея увѣшанный пулеметными лентами матросъ возился съ третьимъ пулеметомъ, поворачивая его на бѣлосѣбныхъ и полированныхъ мраморныхъ плиткахъ. Сбоку отъ главной лѣстницы, тоже мраморной, но узкой маршъ велъ въ какое-то подпольное помѣщеніе. Съ площадки сверху главной лѣстницы дверь ея face была въ кабинетъ начальника штаба, а нѣтъ — въ большой бѣлый залъ съ дорезанымъ паркетомъ и гѣбиными украшеніями на стѣнахъ.

Никто не обращалъ на насъ никакого вниманія, почему П. С. Сергѣевъ освѣдомился у матроса, не подражаетъ-ли онъ мрамору, поварачивая на немъ пулеметъ. Хлопаясь голосъ, матросъ выпримился, спросилъ, что намъ нужно, и указавъ рукою на открытую дверь, ведущую въ залъ. Резинтоизъ на простомъ крашеномъ столѣ нарушалъ строгость обстановки зала, въ который поминутно входили какіе-то люди, все одѣтые въ военную форму, тихо, почти шопотомъ при встрѣчѣ другъ съ другомъ, озабоченно говорили и опять исчезали. Походивъ владъ и впередъ по прѣкрастному паркету, мы, наконецъ, направились къ проходившему молодому тоже въ военной формѣ человѣку съ интеллигентнымъ лицомъ. Последняго какого-то солдата въ старшему адъютанту, чтобы доложить о насъ начальнику штаба, а потомъ, осматривъ насъ съ головы до ногъ и спросивъ, кто мы такіе, точно спохватившись, онъ бормоталъ въ намъ съ укоромъ, какъ это мы могли сюда явиться; но это было не первое ссѣпанный окрикъ за чрезмѣрную, граничащую съ нахальствомъ смѣлость, а скорее — это первое, почти добродушное сознаніе, что мы оказались въ такомъ странномъ, и только опредѣляющемся изъ студентовъ принялъ намъ разсказывать, какъ все обстояло въ штабѣ: все это сборъ, подонки общества, ничего не имѣющаго общаго ни съ социализмомъ и коммунизмомъ, ни вообще съ какими-бы то ни было идеями, въ обществѣ вообще благополучно относящимися. Но его миф-

ню. появленіе въ «Штабъ» такихъ несомнѣнныхъ «буржуевъ», какъ мы, не безопасно, почему совѣтоваль поскорѣ удалиться.

Какой-то военный, подойдя къ намъ, пригласилъ насъ къ начальнику штаба — Войцеховскому. По правую руку отъ двери, ведущей съ мраморной площадки и черезъ которую мы вошли, за дорогимъ, насколько помню — красиваго дерева, столомъ въ солидномъ креслѣ сидѣлъ лѣтъ 32, несомнѣнно штатскій человѣкъ съ бритыми усами и бородой, въ темнокоричневомъ костюмѣ съ отложнымъ стоячимъ воротничкомъ, съ четырьмя большими наружными карманами, верхніе изъ которыхъ соединены тонкой цѣпочкой, просунутой черезъ петлицу застѣгнутой на все пуговицы куртки. Длинный овалъ лица, тонкія губы, серьезные, чуть грустные глаза, прямой узкій носъ, казалось, говорили, что въ этомъ человѣкѣ не должно ожидать грубости, а сдержанные движенія и манера говорить подавленнымъ голосомъ, при нервной подвижности лица и при характерныхъ круто спускавшихся отъ носа и глазъ складкахъ, позволяли предполагать въ немъ съ трудомъ скрываемый темпераментъ.

По правую руку отъ него, наискось, около стола вытягивалась по военному стройная фигура старшаго адъютанта — грузинскаго князя. Подчеркнутый шпкъ его военного платья при нѣскольکو дѣланной граціи его движеній и слишкомъ частомъ сдвиганіи каблуконъ съ побрякиваніемъ шпорами напоминали о предшествующей службѣ въ армейской кавалеріи, о которой намъ еще раньше сказали вольноопредѣляющіеся изъ студентовъ. Бодрый, почти смѣющійся видъ этого молодцеватаго, красиваго и уштаннаго юноши положительно свидѣтельствовалъ о томъ, какъ онъ радуется своимъ успѣхамъ по службѣ (!) и въ средѣ вѣроятно не особенно прихотливыхъ женщинъ и какъ онъ доволенъ широкимъ размахомъ веселыхъ кутежей, о которыхъ потомъ мы не мало слышали въ городѣ.

Въ то время, какъ начальникъ штаба и старшій адъютантъ оживленно обмѣнивались въ полъ-голоса короткими фразами, прямо передо мною изъ подъ задернутой, толстой, штофной занавѣси, отдѣлявшей вмѣстѣ съ аркой рабочей кабинеты отъ какой-то другой комнаты, появился средняго роста, коренастый, подпоясанный кожанымъ ремнемъ съ заткнутыми за нимъ двумя большими револьверами Нагана, обмотанный черезъ плечи пулеметными лентами, въ высокихъ до колѣнъ сапогахъ матросъ Васильевъ, буйная голова котораго стоила жизни многимъ и очень многимъ людямъ. Быстрыми шагами онъ подошелъ къ стоящему въ глубинѣ комнаты по лѣвую руку отъ меня дивану, на которомъ сбился чехоль. Не поправляя его, онъ положительно плюхнулся на диванъ, чехоль съ трескомъ лопнулъ, что вызвало небрежную улыбку на лицѣ героя, а чрезъ образовавшуюся въ чехлѣ щель стало видно оторвавшуюся отъ дивана шелковую ткань. Осмотрѣвъ насъ, матросъ одобрително окинулъ взглядомъ стоявшій налѣво отъ него откупоренный ящикъ съ шампанскимъ и другой съ ручными гранатами, но остановилъ свое вниманіе на третьемъ, ближайшемъ къ нему, изъ котораго досталъ нѣсколько сигаръ, одну изъ нихъ закуривъ, а остальные уронивъ на полъ. Вѣроятно замѣтивъ по моему лицу, что его поведеніе производить желаемый эффектъ, онъ, вставъ съ дивана, направился къ ящику съ ручными гранатами. Взявъ одну изъ нихъ въ руку и повернувшись опять лицомъ ко мнѣ, онъ сталъ заносить гранату надъ своимъ плечомъ, потомъ выпрямляя руку, по направленію ко мнѣ, какъ будто онъ хотѣлъ въ меня швырнуть гранату. Это упражненіе онъ повторять нѣсколько разъ, пока я отъ него не отвернулся.

Вскорѣ докладъ адъютанта закончился и начальникъ штаба по борьбѣ съ контрреволюціей, вставъ съ кресла, очень вѣжливо къ намъ обратился, спросивъ, что намъ угодно. Внимательно насъ выслушавши, опять въ полъ-голоса, что придавало бесѣдѣ какую-то интимность, объяснилъ намъ, что наши товарищи схвачены по

ордеру военных властей, а именно штаба командующего южной армией Антонова (какая осведомленность о действиях конкурирующей власти!), что он (начальник штаба по борьбе с контр-революцией) сдѣлает все возможное для их скорѣйшаго освобожденія, но что для этого необходимо намъ прежде всего добиться перечисленія арестованных «за нимъ», къ чему у насъ имѣются основанія, такъ какъ наши товарищи поддекать не военной, а политической юрисдикціи.

Едва онъ это объяснилъ, какъ изъ-за штофной занавѣси, куда вернулся матросъ Васильевъ, раздался пронзительный женскій визгъ и тихій, но грубый уговаривающій мужской голосъ . . . Лицо начальника штаба брезгливо передернулось, но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ разговоръ съ нами въ тѣхъ-же ровныхъ тонахъ. Переговоривъ съ нимъ также о продѣлкахъ «анархистовъ», о чемъ я расскажу нѣсколько позже, и распрощавшись по-европейски (безъ рукопожатія), мы вышли опять на площадку мраморной лѣстницы, гдѣ застали десятка два толпившихся солдатъ съ винтовками.

Въ это время черезъ парадную дверь входятъ нѣсколько вооруженныхъ солдатъ, въ изорванномъ пальто, очень крѣпкаго, атлетическаго вида мужчину въ поджачной парѣ, сапогахъ и картузѣ, всѣ вмѣстѣ поднимаются по лѣстницѣ и, пострѣлявъ какого-то военного, замѣтившаго: «ахъ, арестовали? хорошо!» мужчина въ поджакѣ сразу объясняетъ ему, что объектъ и арестъ онъ производить на законномъ основаніи, имѣя на то ордеръ отъ . . . (названія органа государственной власти я не раздѣлилъ), протягивая при этихъ словахъ руку съ какой-то запиской. Офицеръ-ли что-нибудь военный, сказавшій: «ахъ, арестовали? хорошо!», или нѣтъ, я не слышалъ, но мужчину въ поджакѣ, невзирая на его словесные протесты, повели внизъ по узкой лѣстницѣ въ полуподвальное помѣщеніе, оттуда послышалась глухой звукъ выстрѣла. Въ то-же время изъ бѣлой заты на площадку вынесли ящикъ съ консервами изъ жестяныхъ банкахъ, которые было приказано каждому изъ солдатъ взять по одной. Было объяснено солдатамъ, что они назначаются на умирненіе кого-то: они какъ-то стопились, что-то между собой говорили, потомъ одинъ изъ нихъ громко, бодро и увѣренно сказалъ — «ну нехай, пойдѣмъ», и пошелъ . . .

«Безъ имени святого всѣ двѣнадцать вдаль
Ко всему готовы, ничего не жаль,»

а за ними вышли на улицу и мы, насмотрѣвшись на своеобразную жизнь этого богатаго особняка.

Кромѣ семи государственныхъ властей большевическаго типа, должно еще отмѣнить существованіе и все-таки независимыхъ отъ нихъ органовъ государственнаго управленія: 1. комиссаръ украинской Большой Рады Скрынникъ, по дѣятельности его въ качествѣ представителя украинской государственной власти было невозможно уловить, такъ какъ онъ, будучи большевикомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ занималъ какой-то конфликтный комиссарскій постъ (насколько помню, онъ былъ комиссаромъ финляндск. южно-русскаго района), и 2. управленіе созданной Временнымъ Правительствомъ и пользовавшейся петроградскими народными комиссарами государственной монополией торговли минеральнымъ топливомъ («Монополи») и Донецкій Комитетъ, осуществлявшій управленіе по добычѣ минеральнаго топлива, по транспорту и продажѣ топлива въ промышленный Югъ, по главѣ которыхъ непрежнему стояли Иванъ Григорьевичъ Сергѣевъ, въ качествѣ главно-уполномоченнаго Особого Совѣщанія по топливу, Г. Розингъ — его замѣститель и совѣтъ и комитетъ при немъ, состоявшій на половину изъ представителей горнопромышленниковъ и на половину изъ представителей горно-рабочихъ (покой профсоюзнаго союза «Горнотрудъ» — мень-

шеви́ковъ Сандомирскаго, Айгорна, Пукугельна и др.; насколько помню, Сандомирскій — помощникъ присяжнаго повѣреннаго, а Айгорнь — инженеръ-технологъ); однако, на очень бурномъ, скорѣе напоминающемъ митингъ, засѣданіи Совѣта въ присутствіи и съ участіемъ въ преніяхъ неизвѣстно откуда пришедшихъ и переполнившихъ залъ сотенъ людей было рѣшено, послѣ горячей схватки между меньшевиками и большевическими ораторами, примѣнить такъ называвшійся «демократическій паритетъ», согласно которому $\frac{2}{3}$ мѣсть въ совѣтѣ получали рабочіе и $\frac{1}{3}$ предприниматели; послѣдніе, ограничившіеся деклараціей, въ преніяхъ участія не принимали, предоставивъ меньшевикамъ защищать буржуазное равноправіе, тѣмъ болѣе, что побѣда большевиковъ представлялась очевидной, и въ связи съ этимъ напередъ было заготовлено заявленіе о выходѣ промышленной фракціи изъ состава Совѣта и Комитета, которое своевременно и было подано.

Если власть комиссара, сохранившагося отъ эпохи Временнаго Правительства Украинской Рады, не ощущалась, а существованіе забытыхъ органовъ того же Временнаго Правительства — и то временно, распространялось только на нѣкоторые хозяйственные отношенія, то была еще одна «власть», дѣятельность которой самымъ непосредственнымъ и чувствительнымъ образомъ затрогивала жизнь и собственность харьковскихъ жителей — это власть «анархистовъ».

Между харьковскими большевиками начала 1918 года и «анархистами» въ ихъ практической дѣятельности гораздо больше общаго, чѣмъ ихъ различающаго, но тѣмъ не менѣе, разумѣется, невозможно отнести власть анархистовъ къ числу «государственныхъ властей», даже въ кавычкахъ; «государственныхъ властей» въ Харьковѣ было все же, не 8, а 7, хотя отъ этого было вовсе не легче харьковскимъ жителямъ: дѣятельность «государственныхъ властей» въ ея существенной части, какъ и дѣятельность «власти анархистовъ», одинаково заключалась въ тѣхъ-же самыхъ занятіяхъ — въ грабежѣ, насиліяхъ и убійствахъ —, но «государственные власти» сверхъ того управляли (какъ? — другое дѣло) органами продовольствія, финансовъ, регулированія труда, транспорта и пр., вообще признавая, хотя-бы нерѣдко лишь теоретически, государственность, тогда какъ «анархисты» только грабили, насильничали и убивали.

Дѣйства «анархистовъ» проходили въ такомъ порядкѣ: подъѣзжали къ какому-нибудь, впрочемъ, вѣроятно, напередъ облюбованному дому автомобили и автокаміоны; прежде всего водружали на его стѣнахъ, вмѣсто когда-то красовавшихся въ высоко торжественные дни трехцвѣтныхъ флаговъ, черныя знамена торжествующей анархіи, послѣ чего начиналась «очистка» дома, при чемъ изгоняемымъ хозяевамъ не разрѣшалось взять съ собой даже смѣны бѣлья. Болѣе цѣнные предметы искусства вывозились въ какой-то, впрочемъ едва-ли кому-нибудь извѣстный, анархическій музей, а прочіе предметы болѣе непосредственнымъ путемъ поступали въ личную собственность лицъ, неповѣдовавшихъ высокіе идеалы анархизма. По окончаніи очистки, входъ въ домъ объявлялся открытымъ, черныя знамена увозились, а находившейся при этомъ на улицѣ публикѣ рекомендовалось выбрать что кому понравится изъ не интересующихъ «идейныхъ анархистовъ», оставленныхъ ими предметовъ домашняго хозяйства: дырявую кадку, шляпную картонку, переносную лѣстницу и пр. Я лично ежедневно наблюдалъ за очисткою особняка Шабельскаго — этого, если можно такъ выразиться, жилого музея — которая производилась «идейными анархистами» въ теченіе, пожалуй, двухъ—трехъ недѣль, а заканчивалась сочувствующими имъ по открытіи свободнаго входа еще въ теченіе доброй недѣли.

Больше всего шума надѣлала въ Харьковѣ произведенная «анархистами» облава многоэтажнаго дома на Мироносицкой улицѣ. Я лично не видѣлъ этого дѣйства, но

помню издерганный, подупомфанный видъ оснѣвшагося за одну ночь моего сотрудника по «Сометалду» инженера С. Ф. Коржицкаго, когда черезъ два—три дня, внезапно придя въ себя, онъ разсказать о томъ, какъ въ соседней квартирѣ насилывали жену и дочь квартирехозяина на его глазахъ, а его самого за оказанное сопричастіе тутъ-же разстрѣляли, какъ Коржицкій ждалъ того-же въ отношеніи членовъ его семьи . . . (по необъяснимой случайности его квартира была пропущена) . . . и о многомъ другомъ, чѣмъ я не могу загромождать моихъ записокъ; поставивъ себя за правило не записывать происшествій съ чужихъ словъ, я все же упоминаю о разсказѣ С. Ф. Коржицкаго, такъ какъ именно по этому поводу мы съ П. С. Сергѣевымъ и говорили объ анархистахъ съ начальникомъ штаба по борьбѣ съ контрреволюціей.

Разсказавъ ему объ облавѣ и сопровождавшихъ ее насиліяхъ и убійствахъ, мы замѣтили, что начальникъ штаба, считая себя все же однимъ изъ носителей государственной власти, обязанъ принять мѣры борьбы съ анархистами и охраны гражданъ отъ злодѣйствъ.

— Да, я знаю объ этой облавѣ . . ., но что-же мы можемъ сдѣлать, когда анархисты неуловимы: вѣдь я-же не знаю напередъ, какой изъ домовъ они намѣтятъ.

— Слѣдовательно, анархисты могутъ безпрепятственно продолжать?

— Нѣтъ, если къ вамъ придутъ, то вы позвоните ко мнѣ по телефону № 101, а если меня въ то время тутъ не будетъ, то по № 104 въ мою канцелярію.

Намъ не понравилось это ограниченіе — къ вамъ, — для котораго мы не подали никакого повода, но интереснѣе, чѣмъ именно онъ закончилъ свои совѣты.

— Но вы дѣйствительно приплете военный отрядъ, если вамъ позвонить по телефону? — После паузы — нѣсколько порывистый отвѣтъ:

— Знаете: вы лучше сами ихъ убивайте!

— Чѣмъ?

— Вѣдь у всѣхъ у васъ имѣются револьверы!

— Да, но убивая анархистовъ, мы этимъ самымъ выдадимъ наличие ихъ у насъ, когда вамъ-же запрещено храненіе и носеніе ихъ подъ страхомъ разстрѣла на мѣстѣ нахожденія! — Сорвалось у насъ съ языка, но начальникъ штаба нашей проговоркой не воспользовался.

Штъ! Анархистовъ намъ не жалъ. Мы даже вамъ будемъ благодарны за каждого убитаго изъ нихъ, и я вамъ обещаю, что въ такихъ случаяхъ за револьверы мы васъ не разстрѣливаемъ. Но все же съ оружіемъ вы не попадайтесь!

Вѣроятно, какъ и многихъ другихъ, меня интересовали вопросы: изъ какихъ элементовъ состояли кружки анархистовъ и при томъ въ отдаленности — пожди и районные сотрудники? какова mentalité тѣхъ и другихъ? какова ихъ внутренняя организація? были-ли и въ какой мѣрѣ связь между анархическими кружками Харькова, Москвы и Петрограда?

Я слишкомъ мало знаю и еще меньше помню, чтобы позволить себѣ отвѣчать на эти вопросы. Оміну только поразившее меня среди видѣнныхъ мною въ Харьковѣ «анархистовъ» преобладаніе людей среднихъ надъ простолюдинами: люди въ сѣрыхъ шинеляхъ были похожи скорѣе на военноопредѣляющихся II разряда или на лейтенантовъ, а въ шитомъ платьѣ — на наборщиковъ, семинаристовъ, слушателей высшихъ или низшихъ учебныхъ заведеній, можетъ быть, студентовъ, куренцовъ и пр.; преобладали же съ открытыми лицами людей я не помню. Говорили о томъ, что среди анархистовъ имѣется много бывшихъ агентовъ полиціи, въ чемъ нѣкоторые видѣли некое начало изъ историческаго принципа, «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», провокацію населенія въ контрреволюцію. Быть можетъ, среди «анархистовъ» и были люди, пре-

слѣдовавшіе такіа цѣли, но, думается, все же, на основаніи видѣннаго, слышаннаго и прочитаннаго въ анархическихъ газетахъ и прокламаціяхъ, что кромѣ того были въ ихъ средѣ фанатики, а больше всего безпринципные и развращенные люди, при-кадлажившіе къ подонкамъ общества.

Анархизмъ въ теченіе революціи проявился въ самыхъ разнообразныхъ формахъ — анархизмъ кружковъ, анархизмъ широкихъ массъ населенія и наконецъ анархизмъ «зеленыхъ», все совершенно разныя явленія во всѣ періоды революціи, — и несомнѣнно онъ привлечетъ самое серьезное вниманіе его будущихъ изслѣдователей. Что-же касается жившихъ въ Харьковѣ современниковъ развитія дѣятельности анархистовъ, то если-бы не особливая методичность, съ которой анархисты грабили, не исключительная жестокость, съ которой они насильовали женщинъ и убивали мужчинъ, не подавляюще дѣйствовавшія, наконецъ, на людскую психику черныя знамена, то, пожалуй, о нихъ такъ много въ Харьковѣ не говорили-бы, ибо гораздо меньше количество людей и имущества, и наконецъ государственныхъ интересовъ пострадало отъ налетовъ лицъ, называвшихъ себя «идейными анархистами» (кстати, какъ на столбцахъ издававшейся ими газеты «Анархистъ», такъ и въ личныхъ разговорахъ со своими жертвами, они не разъ убѣдительно просили ихъ не смѣшивать съ безсознательными анархистами, разбойниками, грабителями, ворами и прочей «сволочью»), чѣмъ отъ дѣйствій такъ называвшейся «организованной демократіи», которая въ своемъ существѣ, конечно, были глубоко анархическими.

Вѣдь кто-же, какъ не «организованные» рудничные и заводскіе рабочіе, домогались путемъ угрозъ, грабежей и убійствъ, безпрестаннаго поднятія заработной платы, уменьшенія продолжительности рабочаго времени и интенсивности труда, кто-же, какъ не они, уничтожили трудовую дисциплину, безъ которой гибли рудники, заводы, желѣзныя дороги, трамваи и пр., кто-же лишалъ возможности исполнять свои обязанности технической и административный персоналъ, изгонялъ, арестовывалъ или убивалъ инженеровъ?!

Только за короткое время моего пребыванія въ Харьковѣ пострадали на рудникахъ слѣдующіе инженеры: 1. убить горный инженеръ Андреевъ на рудникѣ Екатериновскаго Горнопр. Общества, 2. облить смолой и сожженъ инженеръ Фишкинъ на Берестовскомъ рудникѣ Пастухова, 3. убить горный инженеръ Звѣревъ на рудникѣ въ Макѣевкѣ, 4. убить инженеръ Стаковский на Ремовскомъ антрацитовомъ рудникѣ, 5. убить горный инженеръ Р. И. Параковъ на Берестово-Богодуховскомъ рудникѣ, 6. убить инженеръ Гриневичъ на рудникѣ Франко-Русскаго Общества, 7. убить горный инженеръ Муравинъ на Боково-Хрустальскомъ рудникѣ, 8. раненъ инженеръ Шишманъ въ Макѣевкѣ, 9. убить инженеръ Печукъ на рудникѣ Русскій Антрацитъ и, вѣроятно, убиты многіе другіе инженеры, о которыхъ до меня не дошли свѣдѣнія, о количествахъ-же подвергшихся аресту, грабежу, издѣвательствамъ и пр. и говорить не приходится. При этомъ достойно вниманія то обстоятельство, что многіе изъ инженеровъ пострадали вовсе не изъ мести или вслѣдствіе сопротивленія, оказаннаго рабочимъ въ отношеніи ихъ требованій, а нерѣдко только потому, что они выполняли тогда или раньше распорядительныя функціи: въ видѣ примѣра отмѣчу, что два или три прибывшихъ въ Харьковъ рабочихъ каменно-угольнаго рудника П. А. Карпова получили отъ Харьковского исполнительнаго комитета свѣта рабочихъ депутатовъ ордеръ и въ свое распоряженіе автомобиль для ареста горнаго инженера А. В. Мономахова, который дѣйствительно и былъ арестованъ на Сумекой улицѣ въ то время, когда послѣ завтрака онъ выходилъ изъ ресторана, при чемъ единственнымъ пунктомъ для обвиненія было то, что онъ состоялъ управляющимъ выше упомянутымъ рудникомъ: прошло уже полъ-года, что А. В. Мо-

момахъ сдать управленіе рудникомъ, но тѣмъ не менѣе лишь съ большимъ трудомъ его удалось освободить.

Чтобы разсказать хотя-бы малую часть относящихся къ разрушительной дѣятельности «организованной демократіи» фактовъ, о которыхъ такъ много извѣстно каждому изъ насъ — промышленныхъ дѣятелей, пришлось-бы написать вѣроятно сотни страницъ, но это рѣшительно выведо-бы меня изъ рамокъ моихъ записокъ, къ тому-же въ интересахъ достоверности при писаніи «на память» я предпочитаю по возможности ограничиваться тѣмъ, чему я былъ свидѣтелемъ, хотя-бы это было бы-же блѣднымъ.

При наличіи семи «государственныхъ властей» и «кружковъ идейныхъ анархистовъ» жизнь въ Харьковѣ была полна превратностей: беззащитность чувствовалась особенно сильно въ то время, когда обезумѣвшіе низы населенія готовились, какъ говорили на митингѣ на кладбищѣ, къ устройству «Варлаамовой (Варф. Ломоносовской) похи», намѣреваясь перерѣзать «всѣхъ буржуевъ», и отъ постоянныхъ драчекъ, обысковъ, грабежей, убійствъ, насилій ошалѣвшіе люди метались въ тщетныхъ попыткахъ защиты, хватались, какъ за соломинку, за каждый слухъ о возстаніи какого-то пѣхотнаго полка, обѣщавшаго водворить порядокъ и спокойствіе, о приближеніи посланныхъ Украинской Радой войскъ, о приближеніи германскаго отряда, предназначеннаго для спасенія харьковскихъ жителей отъ ада, котораго, какъ казалось, больше невозможно выносить. Возстаніе пѣхотнаго полка дѣйствительно имѣло мѣсто, но потомъ враздвоившійся «демократіи» какъ-то сговорились, Украинскія войска дѣйствительно прибыли и при томъ въ полномъ порядкѣ, хорошо одѣтые, сытые, съ видными признаками дисциплины, но со станціи въ городъ не пошли, а потомъ куда-то синули. Германскому отряду, конечно, было неоткуда появиться, но какой-то нѣмецъ изъ военно-плѣнныхъ, хотя и по секрету (!), но съ увѣренностью сказалъ своимъ знакомымъ, что такого-то числа придутъ германскія войска, что ему объ этомъ сообщили, т. к. онъ назначенъ консуломъ, и приказано черезъ него всемъ германскимъ офицерамъ образовать изъ военно-плѣнныхъ воиновъ отряды для немедленнаго присоединенія къ измѣющимъ прибыть войскамъ, и все это немедленно разнеслось по городу, и все этому повѣрили: обезумѣвшая отъ ужасовъ «буржуазія» потому, что, забывъ все, кромѣ животной боязни за свою жизнь и имущество, страшно стремилась къ избавленію отъ давняшаго ее кошмара какой-то ужасно плѣной, а низы населенія потому, что къ то время не могли еще вѣрить въ безпавязанность похиранія ими того, что лежитъ въ глубинѣ сознанія человека и что называется правомъ или нравственностью. Хотя-бы до сихъ поръ наукѣ не удалось это понятие удовлетворительнымъ образомъ опредѣлить: но любопытнѣе всего то, что повѣрили этому и все «государственные власти» и «идейные анархисты» и местенко повѣрили, что къ назначенному дню на автомобиляхъ все и вся перевезли въ приготовленные поезда и собрались эвакуироваться — все это проходило на глазахъ населенія.

Разумѣется, германскіе отряды не пришли, а «государственные власти» продолжали упражнять свои таланты и энергію управленія, какъ продолжала неистовствовать и «демократія».

Единственнымъ средствомъ защиты была самоохрана, которая была поставлена серьезнѣе, чѣмъ въ Петроградѣ, хотя при меньшей плотности населенія (малоэтажные дома съ малымъ количествомъ жителей, особняки, сады и подсадинки) достигнуть дѣйственныхъ результатовъ было труднѣе; вѣроятно, лучшіе результаты объясняются тѣмъ, что жили въ Петроградѣ гораздо покойнѣе, чѣмъ въ Харьковѣ. Охрана была не только внутри домовъ, но и внѣшняя: организація охраны распро-

странялась не на одинъ домъ, а на цѣлый кварталъ: для наружной стражи имѣлось иногда квартальное помѣщеніе, въ которомъ составъ дежурныхъ могъ отогрѣваться, отдохнуть и покурить, оставляя на улицѣ лишь часовыхъ. По звону въ колоколь у квартальнаго помѣщенія или по гудку должно было являться все занесенное на себѣ предметъ въ списки мужское населеніе квартала, кромѣ лицъ, спитавшихся больными. Дежурства были очень частыми (кажется, два раза въ недѣлю) и потому изнурительными: невзирая на безсонную ночь, днемъ «буржуазія» работала. Я, въ качествѣ прѣзжаго, на дежурства не назначался, но не разъ выходилъ на гудокъ. Организція охраны принесла много пользы: безъ нея грабители явившимся на ихъ звонокъ хозяевамъ или пристугѣ заявляли, что командированы такой-то «властью» для производства обыска: двери имъ, конечно, открывались, и они упокоили то, что хотѣли: охрана провѣряла ордеръ на арестъ или обыскъ, а присутствуя при обыскѣ, препятствовала грабежу (конечно, все это въ тѣхъ случаяхъ, когда являлись обыскивать или арестовывать немногочисленные банды).

Въ знаменитую «Варлаамеву ночь» привлечено было къ фактической охранѣ все мужское населеніе, которое съ вечера вышло на улицу, не побоявшись взять съ собой припрятанное оружіе. Я жилъ у моего брата на Технологической улицѣ (въ районѣ Пушкинской), и въ томъ-же домѣ квартировали три французскихъ офицера — они тоже явились по мобилизаци, прихвативъ съ собой, кромѣ оружія, сандвичи и красное вино. Въ сосѣднемъ кварталѣ ухитрились вооружиться даже пулеметомъ, купленнымъ въ тотъ день за 15 рублей у солдатъ одной изъ воинскихъ частей харьковского гарнизона. Настроеніе у «буржуазіи» было взвинченное, но не отчаянное: передъ перспективой быть по одиночкѣ деревѣзанными по домамъ укрѣпился солидарность при дѣйствительной готовности оказать сопротивление. Если нѣкоторыя женщины нервничали, метались, дѣлали какія-то недѣльные приготовленія, то все же мужчины вели себя съ достоинствомъ. «Штабъ» нашего квартала попарно распредѣлил половину всего личнаго состава, указавъ каждой парѣ участокъ (въ сажень 50) улицы, порученный ей бдительности, а другая половина оставлена была въ видѣ резерва въ квартальномъ сторожевомъ помѣщеніи. Не одинъ часъ мы ходили взадъ и впередъ по порученному каждому изъ насъ участку, но непріятель не показывался, напротивъ, даже замѣчалась какая-то необыкновенная тишина. Вдругъ, глубокой ночью съ противоположнаго низменнаго конца Пушкинской показывается два зловѣщихъ огненныхъ глаза автомобиля, фырканіе котораго такъ явственно доносится до насъ по длинной, но пустынной, улицѣ: «начинается» — подумали многіе. Прозвучалъ нашъ сигнальный рожокъ, черезъ нѣсколько мгновеній автомобиль доносится до нашей поперечной (Технологической) улицы, и почти всѣ изъ насъ, безъ всякой команды, устремились навстрѣчу автомобилю съ самыми воинственными намѣреніями (къ счастью, однако, никто не выстрѣлилъ) . . . Автомобиль принужденъ былъ остановиться. Сидящіе въ немъ вооруженные солдаты объяснили, что ѣдутъ производить арестъ, предъявивъ намъ ордеръ одной изъ «государственныхъ властей». Подлежащее аресту лицо жило не въ нашемъ кварталѣ и къ тому-же дома не находилось: мы болѣе не препятствовали, и автомобиль понесся дальше. Это было маленькое происшествіе за всю ночь. Въ качествѣ добровольца, въ 5 часовъ утра я отправился спать. Итакъ, «Варлаамева ночь» не состоялась. Почему? Я не знаю, но можетъ быть именно потому, что угрожаемое населеніе проявило готовность защищаться.

ВЪ ПОИСКАХЪ МИРА СЪ «КАПИТАЛИСТАМИ»

Однажды во время пребывания моего въ Харьковѣ въ началѣ 1918 года въ помѣщеніи Харьковскаго отдѣленія нашего союза «Сометалтъ» появляется молодой человекъ — личный секретарь Савельева, заявляющій, что народный комиссаръ хотѣлъ-бы познакомиться съ руководителями союза. Въ то время среди промышленной общественности еще было принято, не признавая совѣтскаго правительства, его игнорировать, къ нему не обращаться (хлопоты за пострадавшихъ товарищей, подобно описанному выше, — не въ счетъ: по такому поводу можно обратиться и къ явнымъ разбойникамъ), его требованій не исполнять иначе, какъ подъ угрозой насилія, и на его зовъ не являться.

— До одиннадцати утра мы обыкновенно бываемъ въ помѣщеніи союза — отвѣтили мы съ П. С. Сергѣевымъ (нашъ харьковскій уполномоченный), и молодой человекъ удалился. На слѣдующій-же день утромъ намъ доложили, что къ намъ желаетъ войти Савельевъ. Вотъ въ какой приблизительно формѣ велся разговоръ.

— Вы меня извините: можетъ быть вы заняты, и я вамъ помѣшать? — тихимъ голосомъ и застенчиво сказалъ средняго роста человекъ, умѣренная полнота котораго придавала мягкость и даже медлительность его движеніямъ. До октябрьскаго переворота онъ служилъ въ управленіи Главнокомандующаго по оборонѣ (П. І. Падвѣйника) въ качествѣ, кажется, завѣдующаго статистическимъ отдѣломъ и подобно людямъ эпохи Керенскаго брилъ усы и бороду и носилъ почти военного образа однорбную съ большими карманами куртку, застегнутую на все пуговицы. Эти куртки продолжали носить и послѣ переворота, измѣняя свой внѣшній обликъ распространениемъ среди большевиковъ выбриваніемъ волосъ въ той части головы, гдѣ она переходитъ въ шею, съ образованіемъ такимъ образомъ уступа отпущенныхъ на затылкѣ волосъ. Эта своеобразная прическа, замѣтованная матросами — «красой и гордостью русской революціи» — у нихъ британскихъ товарищей, потомъ была усвоена вообще большевизмскимъ людомъ и принята, въ частности, и Савельевымъ.

На выраженныя опасенія намъ помѣшать мы изъяснили готовность его слушать.

— Я пріѣхалъ по порученію совѣта народныхъ комиссаровъ по дѣламъ тяжелой и въ особенности металлургической промышленности, т. е. каменноугольной ближе займется Б. Собственно я хотѣлъ-бы сперва познакомиться съ металлургической промышленностью, такъ какъ я знаю о ней скорѣе по статистическимъ цифрамъ, чѣмъ непосредственно, и надѣюсь, что лица, многіе годы ею руководившія, мнѣ въ этомъ помогутъ.

— Чѣмъ вы состоите въ совѣтѣ народныхъ комиссаровъ?

— Предсѣдателемъ вновь организованнаго высшаго совѣта народнаго хозяйства, по вѣроятно временно.

— Кто-же будетъ назначенъ въ качествѣ постоянного предсѣдателя?

— Вѣроятно Дурей (Ларинъ*), а я можетъ-быть останусь его замѣстителемъ, впрочемъ все это неокончательно разрѣшено.

Вы пріѣхали съ готовымъ планомъ дѣйствій? Можетъ быть, съ планомъ націонализированной промышленности? — при этихъ словахъ Савельевъ слегка усмѣхнулся.

Нельзя, впрочемъ о націонализированной промышленности очень сложнѣе, и мы еще не принесли никакого рѣшенія. Раньше, чѣмъ на нее рѣшиться, необходимо извѣ-

* См. Архивъ Рус. Рев. т. XIV, стр. 13.

снть всѣ обстоятельства, всѣ могущія встрѣтиться затрудненія, а для этого я прежде всего хотѣлъ-бы посоветоваться съ ея руководителями — мнѣ говорили, что въ настоящее время въ Харьковѣ съѣхались директора металлургическихъ заводовъ. Не могу-ли я съ ними переговорить? —

Подкупавшему своей скромностью и учтивостью Савельеву мы отвѣтили согласіемъ, предложивъ ему пріѣхать на ближайшее изъ происходившихъ въ то время совѣщаній директоровъ заводовъ.

Всего металлургическихъ заводовъ на Югѣ Россіи 18, хотя не всѣ они были представлены, но просили разрѣшенія присутствовать также и представители угольной промышленности, почему вошедшій въ комнату засѣданій Савельевъ нашелъ десятка три лицъ — кажется, всѣ инженеры.

То-же умственное развитіе, та-же культура въ этомъ съ нѣжной организаціей человекъ, какъ и въ насъ, и разница лишь въ неодинаковомъ пониманіи общественнаго строя, условій общественнаго труда, нужныхъ для благоденствія родины, для преуспѣнія народнаго хозяйства. Видимой искренностью заботы о благополучіи промышленности съ почти любовнымъ къ ней отношеніемъ и неподдѣльнымъ, какъ казалось, уваженіемъ къ ея творцамъ и руководителямъ при обычныхъ для него скромности и застѣнчивости въ своей рѣчи, Савельевъ несомненно подкупалъ симпатіи присутствующихъ.

Между прочимъ, а повидимому въ этомъ была главнѣйшая цѣль его обращенія, онъ указалъ на то, что промышленность создана и развивается благодаря талантамъ, знаніямъ, энергіи и труду, кои въ совокупности представляются наиболѣе полно правленіями промышленныхъ обществъ, администраціей заводовъ и ихъ техническимъ персоналомъ; вопросъ о сохраненіи или объ отчужденіи правъ собственности на заводы будетъ разрѣшенъ послѣ тщательнаго обсужденія и при томъ, какъ онъ думаетъ, націонализація можетъ быть проведена только при условіи сохраненія на мѣстахъ всѣхъ нынѣшнихъ руководителей металлургической промышленности, при чемъ онъ особенно разсчитываетъ на продолженіе дѣятельности объединяющихъ и регулирующихъ ее органовъ — «Продометы», въ качествѣ центральнаго торговаго аппарата для распредѣленія и «Сометалла» для руководства производствомъ.

Изъ рѣчи Савельева вытекало, какъ это и слѣдовало ожидать, что вопросъ о проведеніи или непроведеніи націонализаціи — чисто техническаго порядка, ограничивающийся лишь преимуществами той или иной формы финансированія предпріятій — правительственной или частной*, а центръ тяжести вопроса лежитъ лишь въ необходимости сохраненія одухотворяющихъ промышленность силъ: вотъ на этотъ вопросъ онъ и хотѣлъ получить отвѣтъ. Если-бы этотъ вопросъ былъ предложенъ въ мартѣ 1917 года, т. е. въ то время, когда онъ предсталъ-бы въ обнаженномъ видѣ, то несомнѣнно отвѣтъ былъ-бы опредѣленнымъ и отрицательнымъ, но въ началѣ 1918 года, когда уже былъ введенъ рабочій контроль надъ заводскимъ управленіемъ, когда хозяевами положенія безъ того уже были не владѣльцы, а рабочія массы, разлагавшія необходимый и выработанный десятилѣтіями порядокъ, разрушавшія заводы и производство и терроризировавшія администрацію, то многимъ казалось, что націонализація не только неизбежна, но что даже она внесетъ какое-то равновѣсіе въ промышленную жизнь, устранить борьбу между управленіемъ — «лакеями капиталистовъ» — и рабочими и вернуть порядокъ, столь необходимый для производ-

* Устраненію изъ угла зрѣнія частнаго предпринимательскаго капитала, какъ одного изъ главнѣйшихъ элементовъ промышленности, способствовало то обстоятельство, что съ мобилизаціей всей промышленности для работы «на оборону» задача финансированія постройки новыхъ заводовъ и производства главнымъ образомъ легла на государство.

ства. Къ тому-же многіе думали, что все это временно, что все-равно совѣтское правительство не справится съ национализированными заводами и что национализація поможетъ безбоязненно пережить смутное время и перенести промышленность въ цѣлости въ лучшія времена.

Зная, что такая психологія — общая для всѣхъ директоровъ заводовъ, я предпочелъ, не давая отвѣта на вопросъ, интересовавшій Савельева больше другихъ, сосредоточить вниманіе народнаго комиссара и другихъ присутствовавшихъ на томъ, что съ націонализаціей связано окончательное упраздненіе свободы приложенія интеллекта, возбуждающей энергію борьбы за существованіе, окончательное превращеніе всѣхъ работниковъ промышленности отъ мала до велика въ чиновниковъ, худшихъ паразитовъ государства: указавъ, что нынѣ нужно думать не объ отчужденіи предпринимателей отъ барышей, которыхъ нѣтъ, не объ устраненіи произвола эксплуататоровъ-заводчиковъ, потерявшихъ всякую распорядительную власть, а о возвращеніи рабочихъ къ труду, къ подчиненію требованіямъ администраціи безъ всякаго исключительства въ ея распоряженіи, и что это нужно для спасенія промышленности, какъ одного изъ важнѣйшихъ элементовъ государственнаго хозяйства.

Для насъ, промышленныхъ дѣятелей, всѣ эти соображенія не только не были новыми, но скорѣе даже звучали банальностью — въ другихъ условіяхъ было-бы даже неловко высказывать такого рода прощенья несправедливости, но на Савельева они положительно произвели впечатлѣніе, онъ обсуждалъ каждое изъ соображеній, со многими соглашался, благодарилъ за освѣщеніе дѣла и т. д., понявъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что на сотрудничество надежды не велики.

Правда, послѣ меня одно лицо высказывалось въ томъ направленіи, что при существующихъ условіяхъ націонализація въ нѣкоторомъ смѣстѣ даже желательна для индустріи, избавляя ихъ отъ убытковъ и администрацію отъ террора рабочихъ массъ, что инженеры, положившіе всѣ свои силы на пользу промышленности, съ нею истово сроднились, что не оставляютъ ея и въ случаѣ измѣненія общихъ условій, лишь-бы сохранить въ цѣлости заводское оборудованіе*, но по видимому и эта болѣе гибкая психологія не воодушевляла Савельева къ націонализаціи, т. е. въ такомъ образѣ мысленія отражалось не болѣе, какъ признаніе неизбежности націонализаціи для преходящаго смутнаго времени.

Мы обратили вниманіе Савельева также на то, что пока народныя комиссары обсуждали вопросъ о націонализаціи промышленности, фактически уже началась социализація или социализация (націонализаціей называли отчужденіе въ пользу государства, а социализаціей въ пользу рабочихъ, хотя эта терминологія въ строгости не выдерживалась, тѣмъ болѣе, что въ сознаніи массъ то и другое понятіе одинаково базировалось на грабительское, направленное въ ихъ пользу дѣйствіе): но послѣднюю въ рабочихъ массахъ или мѣстныхъ совѣтахъ рабочихъ депутатовъ были социализація и нѣкоторые каменноугольные рудники, а декретомъ совѣта народныхъ комиссаровъ национализированы заводы и рудники Русско-Бельгійскаго Металлургическаго Общества, при чемъ было арестовано правленіе этого общества и въ томъ числѣ французскіе граждане Г. Понселе, а на каменно-угольныхъ рудникахъ рабочие арестованы или убиты управленіемъ и инженеры и обыкновенно сверхъ того арестованы или квартиры. Хотя этого вида грабежъ тоже назывался націонализаціей или социализаціей и въ одного инженера на рудникѣ национализировали имущество въ шкафу, а временную сумку за ненахожденіемъ другихъ предметовъ, какъ

* Это не случай, о которомъ упоминала маркиза въ службѣ большинствомъ, по имени ея была арестована и убиты управленіемъ и инженеры, по имени сохраненіи арміи и ея матеріальной части.

это и было указано в соответствующем акте); независимо от случаев сепаративных национализаций и социализаций совет республик Кривдонбаса обсуждался вопрос об общей национализации рудников Донецкого бассейна.

На сообщение наше о постановлении совета народных комиссаров о национализации предприятий Русско-Бельгийского Общества Савельев отозвался незнанием будущего, видимо, смущенным этим извещением. Самостоятельную национализацию некоторых рудников он определенно осудил; о предположениях же совета республики Кривдонбаса сказал, что он еще не поспел войти в сношения с законами этой новой республики, что такой принципиальный, общий для России и важный по своим последствиям вопрос может быть разрешен, конечно, только центральной властью и что он постарается немедленно приостановить проведение всех мер отчуждения промышленных предприятий у их владельцев до принятия центральной властью авторитетного решения.

В то самое время, когда смиренный Савельев собирался уговорить необузданных национализаторов Кривдонбаса, заседавший тогда совет республики принял резолюцию об отчуждении всей каменно-угольной промышленности, которая казалась им столь же легким, как и желательным. Несколько мне известно, что вождем республики принял Савельев с отрицательной независимостью и отличным пренебрежением, а в совет республики его даже не пожелали дослушать. Ему, впрочем, показалось не по пути с вождями Кривдонбаса, и он вышел обратно в Петроград.

По поводу ареста некоторых деятелей горно-заводского Юга мне пришлось быть у президента республики Кривдонбаса — Артема Сергеева (Харькову положительно вело на Сергеевых, что часто вызывало путаницу: Артем Сергеев — президент республики, большевик, Иван Сергеев — уполномоченный по топливу назначенный еще Временным Правительством, меньшевик и Павел Сергеев — уполномоченный Союза металлургических заводов, безпартийный, но очень правых убеждений: Сергеевы во всех ролях и на все вкусы). Бывший рабочий, кажется, кожевенного завода, не случайно стал президентом; к сожалению, я уже позабыл его curriculum vitae, некоторые страницы которого должны относиться к Сибири, но помню, что он произвел на меня впечатление положительно недюжинного и недурно образованного человека. По внешнему виду я бы скорее принял его не за рабочего, а за средней руки сибирского золотопромышленника: в дорогом тайге: из под расстегнутой кожаной куртки видна неподходящая к штанам жилетка и перекинутый через шею шнур от часов, на ногах высокие выше колена сапоги с ремешками на икрах; ходит он спокойно, ровно и большими шагами, хотя роста он малого; говорит просто, но вразумительно; вытянутое с черной бородкой клином и средними усами неподвижное лицо с большими в высшей степени провицательными, заглядывающими в душу глазами, и заглядывающими с задвигавшим равнодушием; когда ему надо что-нибудь прочесть, то он надевает на нос и за уши очки с такой медлительностью, как люди научившиеся, недвигаясь трясаются полудежа — по сибирски — в тарантасе, презирать суетливость. На мой вопрос о намерениях совета республики национализировать угольную промышленность он спокойно махнул рукой и равнодушно замечает: «болтают»... «посмотрим» — и только!

Если у «деятелей» Кривдонбаса (за исключением, может быть, Артема Сергеева) не возникало никаких сомнений, самые сложные вопросы им казались простыми и ясными и для разрешения их, как им вкратце представлялось, нужна только воля, то осторожность и даже боязливость были характерными для

первых месяцев правления народных комиссаров: захват банков в Петроград был объяснен необходимостью произвести контроль, в провинции же банки продолжали действовать на прежних основаниях (в Харькове, как кажется, и в других городах, были назначены комиссары над банками, но они мало вмешивались в дела), нерешительность в отношении национализации промышленности, как увидим, проявлял не один Савельев, но и более ответственные большевистские руководители. Боясь, что национализация оптом лишит заводы умелого руководства, советское правительство нападало в розницу и при том в мимических и соблазнительных формах: правлению общества предлагалось работать под контролем назначаемого для сего комиссара или рабочей контрольной комиссии или наконец принять в свой состав представителей рабочих. В случае отказа правление арестовывалось, а предприятие «секвестровалось» или «национализировалось» (применился и тот, и другой термин при одинаковых однако последствиях), что вероятно должно было склонять еще не атакованные правления к большей сговорчивости. Вероятно, в предвидении соглашений между правлениями однородных по производству и по географическому местоположению предприятий и для большей неожиданности вылазок на промышленность удар наносился то на Юг России, то на Урал, то в центр. Первым на Юг России была декретирована общая национализация.

Иногда в виду еще другой способ обойти руководителей промышленности, заключавшийся в организации трестов при непремennom их личном участии. Проведение такого плана в отношении металлургической промышленности, с которой и было начато, благоприятствовало, как казалось, то обстоятельство, что каждый из заводов представляет очень крупную хозяйственную единицу, а число их невелико (18 на Юге, при 23 во всей Европейской России, не включая Урала) и что при акционерной форме владения с крупными, коллективными капиталами предприниматель, как личность, отсутствовал*, а руководителю принадлежало номинальным членам правления из числа, обыкновенно, не крупных акционеров. В качестве же торгового аппарата предполагалось использовать «Продамету». Все попытки в этом направлении успеха не имели, а впоследствии все заводы, как и Продамета, были советским правительством объявлены национализированными.

Если национализация советским правительством понималась, как принудительное и безвозмездное отчуждение прав собственности на заводы и рудники в пользу государства, к которому в таком случае переходило бы и так называемое организационное право, то рабочие иногда видели в национализации, как и в предшествовавшем ей рабочем контроле, средство личного и немедленного обогащения за счет промышленного капитала и избавления их от принуждения к работе и к соблюдению порядка. В соответствии с такой «идеологией» работы прекращались, а рабочие приступали к распродаже произведенных ранее и находящихся в складах товаров (особенно ясно я помню распродажу складов Константиновского Мет. Завода), запасенных материалов, мелких предметов оборудования, домашних вещей дирекции и старших служащих, при чем копейки, а то и обещания пр. средства передвижения поступали в распоряжение местных вожаков или просто удалялись, любивших лишь покататься в пыльном виде и в женском обществе рабочих.

* С. С. Бабурин, говоря о предпринимательском праве и делюкаго непомощи в терминологии, по этому поводу писал: «...».

Весьма примѣчательно то, что въ подавляющемъ числѣ случаевъ инициатива въ захватѣ предприятий принадлежала прѣзжимъ и рѣже мѣстнымъ энергичнымъ группамъ лицъ, увлекавшимъ за собой массы. Последнія-же нерѣдко проявляли столько инерціи и даже сопротивленія, что потребовалось много времени для повсемѣстнаго проведенія экспроприаціи предприятий. Такъ, невзирая на упомянутое выше рѣшеніе Совѣта республики Кривдонбаса, южно-русскіе рудники и заводы многіе мѣсяцы оставались во владѣніи промышленниковъ. Повидимому экспроприація вовсе не отвѣчала правосознанію рабочихъ массъ и, чтобы побудить ихъ на дѣйствіе, почитавшееся ими за грабежъ, нужно было «поработать» надъ пробужденіемъ подлыхъ инстинктовъ для заглушенія голоса совѣсти и благоразумія.

Порядокъ проведенія націонализаціи и устанавливающаяся послѣ сего конструкция управленія были весьма различными въ зависимости отъ мѣстныхъ условий, состава рабочихъ и руководившихъ ими органовъ, свойствъ характера лицъ администраціи и пр. Они были наиболѣе дикими и хаотическими на рудникахъ, гдѣ, вообще говоря, уровень развитія рабочихъ низокъ: на заводахъ-же наблюдалось больше плановѣрности и мягкости въ формахъ. Въ этомъ отношеніи особенно примѣчательно Брянское Металлургическое Общество: Александровскимъ заводомъ продолжалъ управлять Директоръ Гор. Инж. Н. Н. Гогоцкій, хотя и въ тѣсномъ единеніи съ рабочей контрольной комиссіей, въ числѣ членовъ которой были также и инженеры, а для Брянскаго завода того-же общества было организовано коалиціонное правленіе, состоявшее изъ представителей бывшаго правленія, рабочихъ и совѣтскаго правительства.

Когда промышленныя предприятия Донецко-Криворожскаго района еще оставались въ собственности владѣльцевъ (за нѣкоторыми исключеніями), атмосфера харьковской «революціонной демократіи» уже дошла до точки кипѣнія, конкретнѣе — до точки націонализаціи. Націонализировать собирались все и вся: фабрики, гостиницы, парикмахерскія, газеты, типографіи, говорили о націонализаціи зубныхъ врачей и женщинъ, и рѣшили, какъ это ни нелѣпо, также націонализировать Совѣтъ Съезда Горнопромышленниковъ Южной Россіи. До тѣхъ поръ довольно скромные, а съ того дня «революціонные служащіе» ввели въ комнаты Предсѣдателя Совѣта Съезда какихъ-то солдатъ и объявили президіумъ — Предсѣдателя Н. Ф. фонъ-Дитмара, Товарища Предсѣдателя А. И. Фенина* и управляющаго дѣлами Б. Н. Соколова — арестованными, а Совѣтъ Съезда со всеѣмъ его учрежденіями и недвижимостью націонализированными. Президіумъ былъ увезенъ и помѣщенъ въ вагонъ «на седьмомъ тушкѣ», куда помѣшали по революціонной традиціи обреченныхъ на смерть**. Тѣ изъ начальниковъ отдѣловъ, что не пожелали присоединиться къ возставшимъ, были удалены, касса была захвачена, а на входныхъ дверяхъ великолѣпнаго зданія на Сумской были вывѣшены плакаты — «Революціонный Комитетъ Служащихъ Совѣта Съезда Горнопромышленниковъ Юга Россіи».

Узнавъ объ этомъ, члены Совѣта Съезда, въ числѣ около 30 человекъ (всего числилось около 70), попробовали было собраться на экстренное засѣданіе Совѣта въ своемъ большомъ залѣ, но были удалены. Собравшіеся рѣшили перейти въ находившееся по близости помѣщеніе «Углесююза» (не напоминаетъ-ли это «jeu de rommes»?) и, признавъ нелѣпостью націонализацію общественнаго органа промышлен-

* Насколько помню, А. И. Фенина въ то время тамъ не оказалось; но послѣ непродолжительнаго укрывательства онъ по собственной инициативѣ отдался въ «руки правосудія».

** Черезъ нѣкоторое время ихъ выгнали изъ себя на ст. Никитовку командующій Южной Арміей Антоновъ, а впоследствии ихъ освободили.

никовъ, выбрали вмѣсто арестованнаго новый временный составъ президіума — Предсѣдателемъ автора этихъ записокъ. Товарищемъ Предсѣдателя А. В. Мономахова и управляющимъ дѣлами М. П. Базкевича, о чемъ и было сообщено въ газеты.

Въ этомъ скорбѣ сказалось «боевое» настроеніе собравшихся членовъ Совѣта, чѣмъ практичность и продуманность плана дѣйствій, а публикація въ газетахъ едва даже не стоила ареста второго (временнаго) состава президіума: за насъ вступилось по собственному почину Правленіе Профессіональнаго Союза «Металлистъ», въ которому и въ то время имѣли нѣкоторыя отношенія и о которомъ я буду говорить впоследствии. Такъ или иначе, Совѣтъ Съѣзда продолжать собираться, пока не растаялъ влѣдствие ареста однихъ, бѣгства другихъ и скрыванія третьихъ.

Радости побѣды «Революціоннаго Комитета Служащихъ Совѣта Съѣзда» смѣнились разочарованіями. Кассовая наличность оказалась незначительной, въ банкѣ не хотѣли покрывать чековъ, подписанныхъ «Революціоннымъ Комитетомъ», желѣзными воротами не выдавались повагонные сборы, на которые раньше содержался Совѣтъ Съѣзда съ его многочисленнымъ составомъ служащихъ, но главное, на рудникахъ и заводахъ «Революціонный Комитетъ» не получилъ признанія, и нелѣпость націонализациі общественнаго органа промышленниковъ начала пониматься самими «революціонными служащими», но уже слишкомъ поздно, т. к. фактически личный составъ Совѣта Съѣзда къ тому времени уже успѣлъ растаять. Къ тому-же какія-то другія «революціонныя организаціи» съ полнымъ пренебреженіемъ къ «правамъ» черныхъ захватчиковъ стали для себя занимать помѣщенія Совѣта Съѣзда, а въ большомъ залѣ непрерывно засѣдали какія-то толпища.

Национализациі Совѣта Съѣзда неожиданнымъ образомъ отразилась и на Профессіональномъ Союзѣ Инженеровъ Южно-Русской горно-заводской Промышленности. Канцелярія Союза Инженеровъ помѣщалась въ зданіи Совѣта Съѣзда, но съ націонализацией послѣдняго ей также пришлось выѣхать. Въ теченіе нѣсколькихъ дней на имя Союза продолжали приносить корреспонденцію по старому адресу, которую, какъ потомъ оказалось, «революціонеры», разбѣсившіеся въ канцеляріи Союза, вкрывали и выбрасывали, но среди писемъ попалось извѣщеніе Азовско-Донскаго Банка о поступленіи на текущій счетъ Союза 300.000 рублей отъ члена правленія одного изъ горнопромышленныхъ обществъ — этого было достаточно для дезорганизациі Союза въ отношеніи контръ-революционности. Созданному во время революціи Союзу, который прилагательное «профессіональный» должно было поставить въ одинъ рядъ съ революціонными союзами рабочихъ и служащихъ, но на самомъ дѣлѣ, какъ это и естественно инженерамъ, жившимъ въ самой гущѣ революціоннаго гонимъ и ошущившимъ непосредственно и лучше другихъ категорій интеллигентныхъ труженниковъ, то, что несетъ революція промышленности, народному Хозяйству и всему остальному, было не по пути съ «революціонной демократіей», и его отношеніе въ предшествовавшемъ въ основныхъ чертахъ было тѣмъ-же, что у промышленниковъ, чему способствовало и то обстоятельство, что, при преобладающей на Югѣ России акционерной формѣ предпріятій, они были представлены тѣми-же инженерами. Между промышленными организаціями и Союзомъ инженеровъ, въ которомъ были фигурировали тѣ-же самыя лица, установилось полное согласіе при взаимномъ поддержкѣ: инженеры стояли на стражѣ правъ предпринимателей, принимая на себя всю тяжесть сыпавшихся ударовъ, а промышленники субсидировали Союзъ и употребляли на страхованія отъ террористическихъ актовъ, фонды для лицъ занятыхъ въ рудничной администраціи, т. е. въ подавляющемъ числѣ случаевъ для инженеровъ. Субсидии, выдаваемыя Союзомъ, шли на поддержаніе ограбленныхъ интеллигентовъ, бѣлалыхъ въ города ихъ семей, на содержаніе инженеровъ, потерявшихъ

связь со своими хозяевами или бѣжавшихъ отъ преслѣдованій «революціонныхъ рабочихъ», и слѣдовательно вообще на цѣли. квалифицировавшіеся въ то время контръ-революціонными. Къ числу такихъ субсидій относились и тѣ 300.000 рублей, что были внесены на текуцій счетъ Союза при посредствѣ члена правленія одного изъ промышленныхъ обществъ. О томъ, что извѣщеніе о 300.000 рублей пошло въ руки «революціонеровъ», стало извѣстно при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Къ моему брату, какъ къ Товарищу Управляющаго Харьковскимъ Отдѣленіемъ Азовско-Донского банка (въ то время онъ замѣщалъ Управляющаго), вошелъ въ служебный кабинетъ какой-то человѣкъ, откомендовавшійся «слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ» Александровскимъ и потребовавшій наложить арестъ на суммы Союза Инженеровъ. На выраженное братомъ недоумѣніе по поводу того, что накладывается арестъ на суммы, принадлежація не занимающемуся торговыми операціями союзу, Александровскій объяснилъ, что онъ попалъ на слѣдъ контръ-революціоннаго замысла, не скрывъ и того, какимъ образомъ ему это удалось. На предупрежденіе брата о невозможности накладывать арестъ безъ письменнаго о томъ распоряженія, слѣдователь отвѣтилъ, что сейчасъ онъ очень торопится, такъ какъ его ждетъ автомобиль, въ которомъ онъ поѣдетъ арестовывать цѣлый рядъ лицъ изъ состава Союза Инженеровъ, а когда братъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы союзъ, созданный для защиты профессиональных интересовъ инженеровъ, занимался политикой, то, задѣтый недовѣріемъ, слѣдователь показалъ брату списокъ подлежащихъ аресту лицъ. Среди десятка все знакомыхъ именъ братъ увидѣлъ и мое, и, что еще лучше, и свое собственное — надо сказать, что мой братъ по образованію горный инженеръ и состоялъ секретаремъ этого самаго союза инженеровъ, о чемъ, конечно, слѣдователь не подозрѣвалъ, обратившись къ управляющему банкомъ. На этотъ разъ, не проявивъ ничѣмъ своего недоумѣнія по поводу болтливости неопытнаго «слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ», а поговоривъ еще немного съ милымъ гостемъ и вѣжливо его проводивъ, братъ позвонилъ по телефону своей женѣ, прося ея предупредить всѣхъ перечисленныхъ въ списокѣ, что было исполнено и сравнительно легко, — оставалось на свободѣ уже немного — нѣкоторые были уже арестованы другими властями и по другимъ поводамъ. По причинѣ, оставшейся намъ неизвѣстной, насъ съ братомъ не арестовали. Слѣдователь былъ у брата въ банкѣ утромъ, но я узналъ объ этомъ къ вечеру. На слѣдующее утро я отправился къ дому, гдѣ жилъ временно исполнявшій обязанности Предсѣдателя Союза Инженеровъ П. С. Сергѣевъ, имя котораго я упоминалъ уже раньше. У подъѣзда я увидѣлъ грузовикъ, на который были уже погружены нѣкоторыя вещи Павла Сергѣевича, а, выйдя на лѣстницу, я встрѣтилъ горничную, которая мнѣ объяснила, что Павелъ Сергѣевичъ вчера же бѣжалъ въ какую-то отдаленную деревню къ надежному крестьянину, что, не заставъ его, пришедшіе его арестовать люди производятъ обыскъ — вотъ почему и грузовикъ съ сундуками, коврами, подушками и пр.! Обыскъ производился еще дня 2 или 3, а Павла Сергѣевича я уже не видѣлъ больше до возвращенія моего въ Харьковъ, уже въ апрѣлѣ.

Если большевики, протягивая «капиталистамъ» палму мира, за пазухой держали ножъ, то больше искренности было проявлено меньшевицкимъ профессиональнымъ союзомъ «Металлистъ» въ поискахъ соглашенія съ промышленниками.

Еще въ октябрѣ 1917 года «Металлистъ» предложилъ «Сометаллу» заключить коллективный договоръ, прекративъ выработанный профессиональнымъ союзомъ текетъ, но договоръ былъ заключенъ только въ концѣ февраля 1918 года.

Русская дореволюционная юрисдикция не знала коллективных договоров, т. е. договоров, заключенных между союзами предпринимателей и профессиональными рабочими союзами, или при более широком определении, между предпринимателем или группой предпринимателей и группой рабочих; не легализовало их и законодательство Временного Правительства, но освятило их новое понимание взаимоотношений капитала и труда, вызванное развитием профессиональных объединений, а главное, быть может, появлением революционного правосознания, совершенно не согласного с позблкими нормами положительного права.

Какъ известно, важнйшая особенность договоров этого рода, среди другихъ известныхъ въ гражданскомъ оборотѣ, заключается въ томъ, что существенныя, вытекающія изъ договора права приобрѣтаются не заключившими договоръ сторонами, а третьими лицами, равно какъ существенныя вытекающія изъ договора обязанности возлагаются не на стороны, а на третьихъ лицъ, въ чемъ общая черта съ договорами, служащими предметомъ изученія международнаго права, при чемъ дѣйствіе договора распространяется (по крайней мѣрѣ практически) не только на третьихъ лицъ, входящихъ въ составъ промышленныхъ и рабочихъ союзовъ, но и на вѣ ихъ стоящихъ. Устанавливая общія для цѣлой отрасли промышленности или для цѣлаго района нормы, коллективный договоръ несомнѣнно вторгается въ область публичнаго права, а договаривающіеся союзы выполняютъ, вступая въ соглашеніе, а впоследствии и въ силу соглашения, функціи публичной власти.

Законы были общія условія, съ которыми встрѣчались попытки насажденія коллективныхъ соглашеній въ русскую промышленную жизнь, и отношеніе къ коллективному договору, какъ къ новой формѣ нормъ, опредѣляющихъ права и обязанности труда и капитала, со стороны разныхъ заинтересованныхъ въ немъ группъ населенія?

Это новое правовое понятіе было импортировано въ Россію защитниками послѣдовательной борьбы пролетаріата за развитіе его правъ и его благосостоянія — меньшевистскими вождями, но какъ разъ именно въ то время, когда меньше всего могла быть понятой сложная глубокая сущность этого понятія, и когда общія условія меньше всего способствовали усвоенію его промышленной жизнью.

Коллективный договоръ — мирный исходъ планомѣрной борьбы между организованными трудомъ и капиталомъ. Непремѣнное слѣдствіе его заключенія — заведеніе отношеній между трудомъ и капиталомъ на обусловленный срокъ. Если для фашиза борьбы характерно движеніе, то фашизмъ жизни съ момента подписанія договора и за все время его дѣйствія можетъ быть опредѣленъ, какъ стояніе на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока вновь не начнется борьба. Такимъ образомъ, многолѣтняя планомѣрная борьба естественно разбивается на двухъ-фазные періоды, при чемъ фашизмъ собственно борьбы и фашизмъ мирной передышки попеременно сменяются. Съ устраненіемъ одного изъ фазисовъ коллективный договоръ теряетъ всякій смыслъ: безъ предварительной планомѣрной борьбы или по крайней мѣрѣ угрозы этой борьбы коллективный договоръ не достижимъ, а безъ мира, слѣдующаго за его заключеніемъ, онъ мертворожденъ. Къ тому же непремѣнный предпосылкою договора, покоящагося на авторитетѣ сторонъ, т. е. союзовъ, должна быть организованность капитала и труда и строжайшая дисциплина элементовъ, входящихъ въ составъ союзовъ, или иначе сказать, примѣненіе въ промышленной жизни дисциплинарнаго договора, требуетъ многолѣтне развиваемой профессиональной культуры. Для усвоенія массами глубокой сущности понятія о коллективномъ договорѣ необходимо участіе ихъ въ планомѣрно проведенномъ двухъ-фазномъ періодѣ борьбы.

Профессиональные объединения промышленников для борьбы с рабочими совершенно отсутствовали в начале революции, но, разумеется, им было гораздо легче возникнуть и развиваться благодаря меньшему количеству участников и высшему уровню общественной культуры их представителей. Тем не менее, как указывалось выше,* союзная дисциплина оставляла желать лучшего.

В условиях внутреннего для страны мира ни промышленники, ни, что еще важнее, рабочие не ознакомились на опыте с планомерной борьбой, завершаемой заключением коллективного договора, и с проведением его в жизнь, и таким образом отсутствовало социальное воспитание в формах высокой общественной культуры. В условиях же революционной жизни с ее непрерывными «завоеваниями» естественно отсутствовали фазы мирной передышки, и в силу этого, как уже указывалось, коллективный договор неукоснительно обрекался на мертворожденность, он становился в прямом своем назначении бессмысленным.

Говорившие о чуде превращения в течение трех дней толпищ царских рабов в культурный народ. «умеренные» социалисты принялись насаждать последнее слово из книг по рабочему вопросу, бросив в толпу, в качестве нового радостного сюрприза революции, идею о коллективном договоре. После некоторого недоумения в преподнесенную толпе пустую бонбоньерку она вложила неподобные революционные конфеты — «ничего не дѣлать и много получать».

Первые из заключенных коллективных договоров исключительно или преимущественно и заключались в уменьшениях количества работы и в увеличении заработной платы. Особенно в этом отношении типично майское соглашение «Горнотруда» с горнопромышленниками Юга России, на которое мы уже приходилось ссылаться. В форме коллективного договора и за счет промышленников и, в конечном результате — государства меньшевистские вожди дѣлали рабочим разражающие их подарки в целях укрепления своей популярности.

После первых опытов идея коллективного договора была массами понята — нужно ли говорить — при данных условиях превратно и тривиально и, распространившись по всей России, повсеместно вызвала раздражение.

Отношение промышленников было различно: в то время, как одни видѣли в соглашениях средство относительно спокойно перейти через смуту к лучшему времени, в быстрое наступление которого они вѣрили, другие находили, что коллективный договор — недостойная комедия, связывающая промышленников, но ничѣм не связывающая рабочих, имѣя в виду, что их вожди признаются ими в той мѣрѣ, что дѣлают за чужой счет подарки, но не предъявляют к ним никаких требований. Которое из этих двух мнѣний преобладало, сказать невозможно, но факт заключения большого количества договоров дает право предполагать, что во всяком случае на дѣлѣ преобладала склонность промышленников идти по течению. Практика применения коллективных соглашений давала самые различные результаты: по крайней мѣрѣ приходилось слышать самые противоречивые отзывы от представителей заводов того же района и той же отрасли промышленности.

В существующем из членов правлений металл. обществ Советѣ нашего союза («Сометалль») отношение к коллективному договору было отрицательным, и вышеупомянутое октябрьское предложение «Металлиста» было оставлено без детального разсмотрѣнія и без отвѣта. Напротив, в январѣ 1918 года на имѣвшем мѣсто в Харьковѣ совѣщаніи директоров заводов я встрѣтился с единодуш-

* См. Архивъ Русск. Рев. т. XIV, стр. 33, сл.

нымъ съ ихъ стороны желаніемъ приступить къ переговорамъ съ «Металлистомъ», представители котораго очень того домогались, въ то время какъ со стороны рабочихъ массъ сыпались ничѣмъ не прикрытыя угрозы. Справедливости ради долженъ отмѣтить, что когда мною были представлены телеграфныя сообщенія съ заводовъ о поведеніи требовавшихъ коллективнаго договора рабочихъ, то смущенное ими Правленіе «Металлиста» кампанировало своихъ сочленовъ на заводы для антитеррористической пропаганды, а выѣхавшія на мѣста лица порою дѣйствовали съ отвагою, незыбкая на возмущеніе уже противъ нихъ разгорячившихся головъ.

Коллективный договоръ между «Сометалломъ» и «Металлистомъ» прямо и непосредственно затронулъ интересы 18 южно-русскихъ металлургическихъ заводовъ со 130,000 рабочихъ, но фактически долженъ былъ отразиться и на желѣзныхъ и марганцевыхъ рудникахъ, подавляющая часть коихъ въ рукахъ металлургическихъ обществъ съ 60,000 рабочихъ, и на каменноугольныхъ рудникахъ съ 230,000 рабочихъ, имѣя въ виду, что значительная часть добычи каменнаго угля приходилась на долю металлургическихъ обществъ, а нѣкоторые изъ заводовъ, находясь въ Донецкомъ бассейнѣ, составляли вмѣстѣ съ рудниками одно хозяйственно-административное цѣлое.

При такихъ условіяхъ интересовавшій всю горную и горно-заводскую промышленность вопросъ о коллективномъ договорѣ между «Сометалломъ» и «Металлистомъ» подвергся также обсужденію и въ Комитетѣ Совѣта Съѣзда, гдѣ также было проявлено единодушное желаніе къ приступу къ переговорамъ упомянутыми выше двумя союзами.

Изъ двукратныхъ переговоровъ по прямому телеграфному проводу съ Совѣтомъ нашего Союза въ Петроградѣ (заднимъ числомъ трудно вѣрится, что промышленники могли добиться при большевикахъ разговора по прямому проводу!) я узналъ, что и онъ, тверже другихъ стоявшій на непримиримой въ отношеніи коллективнаго договора позиціи, склонялся къ его заключенію.

Въ октябрѣ, одновременно какъ и «Сометаллу», «Металлистъ» предложилъ заключить коллективный договоръ такъ же южно-русскимъ металлообрабатывающимъ заводамъ съ 15,000 человекъ рабочихъ и тремъ «обсофазамъ» (Екатеринославскому, Харьковскому и Ростовскому обществамъ фабрикантовъ и заводчиковъ), которые приняли это приглашеніе, но, разумѣется, безъ участія «Сометалла» никакого соглашенія состояться не могло.

Такимъ образомъ, къ концу января имѣлось согласіе приступить къ переговорамъ со стороны рабочихъ, объединенныхъ «Металлистомъ», и всѣхъ предпріятій, на рабочихъ коихъ «Металлистъ» распространялъ практически или теоретически свое вліяніе, при чемъ «Металлистъ» получилъ также «мандатъ» для защиты интересовъ «Союза служащихъ горно-заводской промышленности».

Переговоры начались въ большомъ залѣ еще въ то время не націонализованнаго Совѣта Съѣзда, при чемъ неожиданно для насъ явился въ сопровожденіи своихъ чиновниковъ вновь назначенный комиссаромъ труда Лугановскій, до тѣхъ поръ состоявшій комиссаромъ продовольствія и нынѣ совмѣщавшій эту должностъ съ новою. Человѣкъ — довольно хорошаго роста, плечистый, крѣпкій, мускулистый, одѣтъ общими для революціонной эпохи образомъ, съ зачесанными назадъ волосами и бритыми усами и бородой, съ остро окаймленными, нѣсколько выуклыми губами. Въ большомъ лбомъ скуластое, энергичное и даже съ нѣкоторой доброжелательностью лицо. Говорилъ, что до революціи онъ служилъ приказникомъ въ мануфактурномъ магазинѣ, но надо отдать ему справедливость, что держалъ онъ себя съ отменнымъ достоинствомъ и говорилъ, какъ вполне интеллигентный чело-

вѣкъ. При ясномъ и звучномъ голосѣ и пылкости темперамента онъ видимо сдерживалъ свои жесты и рѣчь такимъ образомъ, что чувствовалась въ немъ какая-то глубокая грусть, но зато когда онъ разгорался, то его голосъ приобреталъ металлическій отблескъ, и судорожно сжатые кулаки тяжело опускались на столъ — онъ всегда говорилъ стоя.

Безъ всякаго съ нашей стороны согласія онъ занялъ предсѣдательское мѣсто и произнесъ рѣчь, содержанія которой я не помню.

Отъ имени представителей промышленности я заявилъ, что мы явились вести переговоры съ профессиональнымъ рабочимъ союзомъ «Металлистъ», а не съ совѣтскимъ правительствомъ, а что содѣйствіе послѣдняго для спокойнаго и нормальнаго хода нашей работы могло бы выразиться въ принятіи мѣръ противъ террористическихъ актовъ, коимъ подвергаются со стороны рабочихъ лица заведекой и рудничной администраціи.

Не отвѣтивъ на наше заявленіе, Лугановскій предложилъ выдать всему составу «промышленной фракціи согласительной комиссіи» удостовѣренія въ томъ, что на время веденія переговоровъ мы не подлежимъ аресту, но отъ этого любезнаго предложенія мы отказались.

По желанію представителей «Металлиста», на слѣдующій день состоялось «частное совѣщаніе» съ ними въ одной изъ комнатъ Совѣта Съѣзда, въ теченіе котораго было рѣшено переговоры продолжить, устранивъ непрошенное руководство совѣтской власти.

Какъ разъ въ теченіе этого совѣщанія въ Совѣтъ Съѣзда явились солдаты для его націонализаціи и для ареста его президіума (см. выше), при чемъ вошедшій въ нашу комнату офицеръ съ отрядомъ солдатъ арестовалъ и всѣхъ насъ, т. е. «промышленную» и «рабочую» фракціи. Конечно, рабочая фракція была арестована по недоразумѣнію и только въ виду нахождения ея вмѣстѣ съ нами въ помѣщеніи Съѣзда, но тѣмъ не менѣе оказавшіеся на минуту въ положеніи «буржуевъ» рабочіе чрезвычайно возмущались актомъ произвола и насилія. Черезъ полъ-часа мы были освобождены, но все же «рабочая фракція» подала какой-то власти энергично составленный протестъ, не допуская въ своемъ заявленіи никакой разницы между собой и нами. Мы же, разумѣется, никакъ на арестъ не реагировали — не искать же намъ права у большевиковъ! Станнымъ можетъ показаться, но этотъ случай расположилъ къ намъ рабочихъ представителей, и съ того момента какъ-то растаялъ бывшій между нами ледъ.

На слѣдующее наше засѣданіе, состоявшееся уже не въ Совѣтѣ Съѣзда, а въ Харьковскомъ «Обсѣдѣ», Лугановскій уже не явился, а прислать какого-то ничтожнаго молодого человѣка, который съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ сообщилъ, что онъ для «информации». Когда началось засѣданіе, то онъ усѣлся на пустое предсѣдательское кресло, аккуратно записывалъ имена говорившихъ и, почувствовавъ себя такимъ образомъ предсѣдателемъ, попробовалъ было что-то сказать, но ни «промышленная», ни «рабочая» фракціи, точно сговорившись, не обратили на него никакого вниманія: онъ посидѣлъ еще немного, незамѣтно ретировался и больше не показывался. Предсѣдательское кресло оставалось не занятымъ до самаго окончанія длившихся около мѣсяца переговоровъ. Я въ первый разъ въ жизни засѣдалъ въ составѣ 15—25 человѣкъ безъ предсѣдателя, но долженъ сказать, что никогда не видѣлъ большаго порядка, какъ въ данномъ случаѣ: разумѣется, причина не въ отсутствіи предсѣдателя, а въ дисциплинѣ, господствовавшей въ обѣихъ фракціяхъ, и въ проявляемой съ обѣихъ сторонъ крайней сдержанности. Можно особенно удивляться корректности и долготерпѣнію «рабочей» фракціи, тѣмъ болѣе, что въ

началь нашей совместной работы мы не раз въ знакъ протеста срывали засѣданіе: причиною этому были чаще всего аресты кого-нибудь изъ членовъ «промышленной фракціи» или даже вообще кого-нибудь изъ нашей среды, тогда какъ «рабочая фракція» была рѣшительно неповинна въ этихъ арестахъ и даже напротивъ по собственному почину хлопотала объ освобожденіи задержанныхъ. Чуть было насъ не рассорили въ самомъ началѣ Луганскій, давшій знать, что въ случаѣ проявленія неустойчивости съ нашей стороны, коллективный договоръ будетъ «декретированъ» (такая нежность съ точки зрѣнія права!) и притомъ, конечно, въ редакціи «Металлиста», но и тутъ спасъ положеніе тактъ со стороны рабочихъ.

«Рабочая фракція» была представлена Предложеніемъ Союза «Металлистъ» во главѣ съ предѣвателемъ Г. Фаеръ, двумя юрисконсультами Союза — Г. Рубинштейномъ и Г. Трахтенбергомъ — и гастроллирующими депутатами съ заводовъ. Въ работахъ нашей «согласительной коммисіи» руководство «рабочей фракціи» принадлежало пользующемуся широкой, въ особенности на югѣ Россіи, извѣстностью — Я. Л. Рубинштейну.

Богатый, съ коммерческой, какъ говорили, жилкой человѣкъ и домовладѣлецъ, присяжный повѣренный, Яковъ Львовичъ равнымъ, тайнымъ, свободнымъ и прямымъ голосованіемъ былъ избранъ предѣвателемъ Харьковской Городской Думы по списку меншевиковъ-интернаціоналистовъ. Въ свое время меня изрядно смущало противорѣчіе между имущественнымъ и партійнымъ его положеніемъ, а его «интернаціонализмъ» меня прямо-таки коробилъ, но нынѣ я рѣдко вспоминаю съ такимъ удовольствіемъ о согласной, хотя во вражескихъ лагеряхъ, работѣ, какъ — съ Яковомъ Львовичемъ, и объясняю я завоеваніе имъ моихъ самыхъ опредѣленныхъ симпатій исключительными умственными его дарованіями, при неизмѣнной и безукоризненной корректности, ясностью пониманія отстаиваемыхъ имъ интересовъ при уваженіи къ интересамъ противника, смѣлостью и твердостью его требованій при несомнѣнномъ чувствѣ мѣры въ настойчивости. Этотъ человѣкъ навѣрное любилъ и понималъ жизнь, и это придавало ему подкупавшія окружающихъ бодрость и нѣкоторое благодушіе. Небольшого роста, улитанному, съ выпуклымъ животикомъ и круглымъ лицомъ, человѣку по своему внѣшнему облику меньше всего подходило выступать въ качествѣ защитника интересовъ неимущихъ и угнетенныхъ пролетаріевъ, но во время диспутовъ съ нимъ забывались не только его животикъ, но и образы неимущихъ и угнетенныхъ — все вниманіе сосредоточивалось только на нахожденіи общихъ интересовъ и на разграниченіи противоположныхъ.

Другой изъ юрисконсультовъ «Металлиста» — доцентъ Харьковского Коммерческаго Института Трахтенбергъ — гораздо менѣе пріятный человѣкъ. Не знаю, принадлежалъ ли онъ къ какой-нибудь партіи, но о немъ мнѣ говорили въ Харьковѣ, какъ о марксистѣ довольно крайняго направленія. Какъ въ индивидуальности, и въ немъ ничего интереснаго не обнаружилъ, но, мнѣ кажется, онъ достоинъ все же некотораго вниманія, какъ представитель довольно распространеннаго въ Россіи типа среди еврейской марксистки настроенной интеллигенціи.

Невзвѣстъ возникаетъ надъ всей сущностью человѣка, невзвѣстъ, не какъ сущность, а какъ причина, невзвѣстъ, какъ источникъ наслажденія, невзвѣстъ, какъ двигатель къ развитію личности и къ дѣятельности. При остромъ умѣ и при сильной волѣ, или при одномъ изъ этихъ свойствъ, изъ этого типа людей выходили революционны вожди или тѣ второстепенные, но доставившіе населенію столько страданій, коммисары, которые такъ часто представляли на мѣстахъ революціонную власть, но въ отсутствіи этихъ качествъ люди этого типа безъ яркости въ дѣлѣхъ тѣмъ не менѣе всюду съ собой вносили невзвѣстъ, а следовательно раздоръ и раз-

ление. Къ такимъ людямъ, какъ мнѣ казалось, принадлежалъ и Трахтенбергъ, и принесъ съ собою въ согласительную комиссію злобу, онъ возстановилъ бы стороны другъ противъ друга и привелъ бы ихъ къ разрыву. Послѣ первыхъ его выступлений я указать на это рабочимъ, отнесшимся къ моему предостереженію съ полной добросовѣстностью и, постепенно ступенькаясь, Трахтенбергъ пересталъ даже посѣщать засѣданія.

Перехожу къ рабочимъ, участвовавшимъ въ нашей «согласительной комиссіи», и переходу съ удовольствіемъ, такъ какъ у меня сохранились о нихъ самыя пріятныя воспоминанія: среди нихъ я вижу хорошихъ, честныхъ людей, въ глубинѣ сердца которыхъ непочатые запасы любви ко всему человѣческому, искренняго стремленія къ свѣтлой правдѣ, отличающей нетронутыя натуры доброты, всепрощенія и доходящаго до экзальтаціи довѣрія, разъ только окажется поводъ для его зарожденія. Это не только не тѣ революціонной эпохи звѣри, отъ которыхъ столь многіе пострадали и за которыми связанные съ ними кошмарныя воспоминанія не позволяютъ многимъ видѣть подлиннаго русскаго народа такимъ, какъ онъ есть, а хорошіе люди, изъ коихъ будутъ выходить въ новой Россіи ея лучшіе граждане. И это не изъ ряда вонъ рѣдкое исключеніе: за мою жизнь я видѣлъ десятки, если не сотни тысячъ рабочихъ и немало я встрѣчалъ среди нихъ хорошихъ, честныхъ людей — отмѣчаю это въ виду того озлобленія, которое такъ часто наблюдается въ отношеніи всѣхъ рабочихъ.

Предѣдатель Правленія «Металлиста» Фаеръ — изъ совершенно обрусѣвшей семьи прибалтійскихъ нѣмцевъ, квалифицированный рабочій Таганрогскаго металлургическаго завода, меньшевикъ, развитой и начитанный человѣкъ, тридцатилѣтняго возраста, невзирая на многократныя при царскомъ правительствѣ сидѣнія въ тюрьмѣ и на ссылку въ Сибирь, сохранилъ мягкій, почти сентиментальный характеръ. Это не фанатикъ, а доискивающийся правды человѣкъ, со склонностью проникать вглубь вопроса при чрезвычайной любознательности и безъ всякой самоувѣренности, столь свойственной «грядущему хаму» — этому распространенному въ эпоху революціи типу обнаглѣвшаго неждды. Со свойственной его натурѣ объективностью Фаеръ не видѣлъ въ насъ «капиталистовъ-кровопійцевъ», уважая въ насъ право защищать наши классовые интересы, какъ рабочіе защищаютъ свои; когда же онъ убѣдился изъ хода диспутовъ, что фактически при данныхъ условіяхъ мы даже защищаемъ интересы промышленности, а не промышленниковъ, то, признавъ въ насъ направленную къ общественному благу силу, глубоко къ намъ расположился: мы положительно этимъ приобрѣли въ его глазахъ авторитетъ и завоевали къ себѣ его довѣріе.

Фамиліи другихъ рабочихъ — дѣятелей «Металлиста», къ сожалѣнію, я большей частью позабылъ, но внѣшній обликъ и душевныя свойства нѣкоторыхъ изъ нихъ еще держатся въ моей памяти. Среди нихъ преобладали меньшевики Рубцовъ, Алферовъ, но были и другихъ партій. Особо отмѣчу анархиста-синдикалиста, привезшаго свою социальную религію изъ С. А. Ш., гдѣ онъ долгое время работалъ. Отдѣлявшее мою mentalité отъ его религіи огромное пространство нисколько не мѣшало намъ говорить между собой на общемъ для насъ языкѣ — этотъ языкъ находился въ стремленіи къ общему благу — и я объявляю это природнымъ умомъ, широкой кругозора и глубиной развитія много видѣвшаго и много читавшаго человѣка, къ тому же поражававшего своимъ спокойнымъ достоинствомъ и какой-то внутренней гармоніей. Изъ такихъ людей будутъ выходить хорошіе граждане новой Россіи! — Онъ — анархистъ, но общественный человѣкъ и не только потому, что синдикалистъ, а не анархистъ, а еще потому, что вся глубокая сущность этого вдумчиваго и уравновѣшеннаго человѣка рвется къ общему благу.

Кромѣ членовъ Правленія «Металлиста», порою присутствовали гастролировавшие представители рабочихъ съ мѣстъ. Бывали толковые люди, а порою появлялся банальный революціонный стрекотунъ, засыпающій обличающими, негодующими и требующими трафаретными изъ революціоннаго лексикона словечками, и въ такихъ случаяхъ изъ «рабочей фракціи» съ улыбкой на устахъ мнѣ дѣлали знаки, чтобы я не обращать вниманія, а иногда даже умирляли своего разбушевавшагося «товарища», шепча ему что-то на ухо.

«Промышленная фракція» «согласительной комиссіи» состояла изъ находившихся въ Харьковѣ членовъ правленій и директоровъ металлургическихъ заводовъ, представителей Союза металлообрабатывающихъ заводовъ, харьковского и екатеринославскаго обсофазовъ (обществъ фабрикантовъ и заводчиковъ), стараго президума Совѣта Съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, пока онъ не былъ арестованъ, и служебнаго персонала «Сометалла». Руководство подготовительными работами «промышленной фракціи», равно какъ и официальныя выступленія въ согласительной комиссіи, лежали на мнѣ, въ качествѣ предсѣдателя фракціи. Среди членовъ «фракціи» царилъ миръ и согласіе при строгой дисциплинѣ, установленной съ общаго согласія спикеромъ, какъ меня звали, и все это облегчало нашъ большой трудъ, о которомъ я вспоминаю съ удовольствіемъ.

Далекій отъ желанія излагать содержаніе «коллективнаго договора» и перипетіи его выработки въ «согласительной комиссіи» — это меня завело бы въ детали, могущія заинтересовать только специалистовъ — я остановлюсь лишь на его основныхъ характеристикахъ для революціонной эпохи принципахъ, изъ за которыхъ велась борьба и притомъ велась не только въ данномъ случаѣ, но и вообще во всей странѣ, между рабочими и работодателями:

1. Право предпринимателя по своему усмотрѣнію пускать предпріятіе (или его часть) въ ходъ или его останавливать стало оспариваться рабочими, желавшими, чтобы остановка производства или всякое въ немъ измѣненіе производились не иначе, какъ съ согласія рабочихъ (профессіональнаго союза).

2. Право найма и увольненія рабочихъ, по мнѣнію ихъ, должно принадлежать не предпринимателю, а рабочимъ (профес. союзу).

3. Право предпринимателя налагать дисциплинарыя взысканія должно перейти къ профессіональному союзу.

4. Сдѣльные работы не допускаются.

5. Покенныя платы увеличиваются, при чемъ основаніемъ для установленія ихъ размѣровъ должны служить не хозяйственныя условія, въ которыхъ находится производство, а потребности рабочихъ.

6. Покенныя платы во всѣхъ предпріятіяхъ одинаковы.

7. Однимъ и тѣмъ же фактомъ (коллективными договорами) устанавливаются отношенія между предпринимателями съ одной стороны, и рабочими и служащими, съ другой, при чемъ размѣръ жалованья устанавливался бы этимъ актомъ для всѣхъ, а не индивидуальнымъ соглашеніемъ.

Такимъ образомъ, главный ударъ былъ направленъ противъ принадлежности такъ называемаго организаціоннаго права предпринимателю (п. п. 1, 2, 3 и косвенно 4). Такое довлѣно было быть отчуждено въ пользу профессіональных союзовъ. Согласно по пункту 1 организаціонное право отчуждается на половину, но фактически въ со всемъ пункту отчужденіе было бы полнымъ, такъ какъ, разумѣется, если бы предприниматель, въ какомъ-либо случаѣ, чтобы рабочіе признали нужнымъ закрыть одну или нѣсколько или весь заводъ, а предприниматель, напротивъ, желалъ бы продолжать производство. Съ произведеніемъ въ жизнь п. 7, т. е. со слѣженіемъ служа-

щих и рабочих въ одно цѣлое, при полномъ ихъ отмежеваніи отъ предпринимателя, аппаратъ управленія, уходя изъ подъ власти предпринимателя, попадалъ бы подъ вліяніе рабочихъ (професс. союза рабочихъ). Пунктъ 4, также нанося ущербъ организационному праву предпринимателя, главнымъ образомъ преслѣдовалъ уменьшеніе напряженности труда, коей сдѣльная плата, напротивъ, конечно, способствовать; разумѣется, этотъ пунктъ совершенно демагогическаго характера. Установленіе размѣра заработныхъ платъ на основѣ размѣра потребностей рабочихъ съ гуманитарной точки зрѣнія можетъ быть оправдано, но съ народно-хозяйственной, разумѣется, нѣтъ; къ тому же практически размѣръ потребностей рабочихъ, благодаря ихъ безбредности, не можетъ служить основаніемъ, а по мѣрѣ развитія революціи хозяйство страны настолько расшатывалось, что не могло быть рѣчи о достаточномъ удовлетвореніи даже такъ называемыхъ первыхъ потребностей.

Если большевики продолжали «углублять революцію», то меньшевики стремились «закрѣпить завоеванія революціи». Къ этой цѣли было направлено все ихъ законодательное творчество, о которомъ я писалъ въ главѣ 2, гл. 1; того же они хотѣли добиться и при помощи коллективныхъ договоровъ. Насколько, въ ожиданіи скорой реакціи, меньшевики торопились окопаться, настолько промышленники хотѣли перейти черезъ мнимо короткое смутное время, не потерявъ принципиальныхъ позицій.

Сравнительно легко идя на матеріальныя жертвы, мы согласились на увеличеніе заработныхъ платъ, не принимая, однако, выдвигаемаго рабочими принципа ихъ установленія. Слѣдуя отъ одного составленнаго «Металлистомъ» проекта коллективнаго договора къ другому мы сумѣли доказать для каждой частности въ отдѣльности, что передача предпринимателями организационнаго права была бы губительна для самой промышленности, въ успѣхъ которой заинтересованы рабочіе такъ же, какъ и работодатели. Оставляя управленіе за предпринимателемъ, мы соглашались на участіе профессиональнаго союза въ разрѣшеніи тѣхъ вопросовъ, что ближайшимъ образомъ касались рабочихъ. Вопросы о правѣ найма и увольненія рабочихъ, и о распространеніи дѣйствія коллективнаго договора и на служащихъ были поставлены нами ультимативно — рабоче подчинились; мы согласились на рекомендацію проф. союзомъ кандидатовъ на вакантныя мѣста, но въ такой формѣ, что это не связывало администраціи заводовъ. Домогательства рабочихъ къ упраздненію задѣльныхъ платъ разбились о нашу аргументацію, и онѣ были сохранены, но мы согласились на установленіе размѣровъ задѣльныхъ платъ по соглашенію съ профессиональнымъ союзомъ. Равно мы согласились на выработку по соглашенію съ «рабочей фракціей» правилъ внутренняго распорядка, что благополучно и выполнили. Мы согласились также на организацію мѣстныхъ комиссій изъ представителей обѣихъ сторонъ для урегулированія всѣхъ могущихъ возникнуть разногласій и центральной — въ Харьковѣ въ качествѣ руководящей и апелляціонной инстанціи.

Такимъ образомъ, въ лицѣ профессиональнаго союза рабочихъ пріобрѣтены къ выработкѣ тарифовъ, правилъ внутренняго распорядка и получили право рекомендаціи кандидатовъ на вакантныя мѣста, т. е. рабочій уже становился не только орудіемъ, но и субъектомъ производства, участвуя въ его организаціи; правда, въ очень узкихъ предѣлахъ, мало стѣсняя свободу заводской администраціи въ отношеніи управленія предпріятіемъ, но тѣмъ не менѣе, хотя бы слабое участіе рабочаго въ разрѣшеніи вопросовъ, связанныхъ съ организаціей производства, открывало возможность для профессиональнаго воспитанія рабочихъ массъ.

Промышленники были довольны заключеніемъ коллективнаго договора въ такомъ видѣ: принципиальныя позиціи, за которыя они крѣпко держались, еданы не

были и между двумя крупнейшими профессиональными союзами рабочих — «Металлист» — из правого лагеря перешел в дружеский. Двух же «Металлистов» лично, невзирая на отсутствие этих принципиальных приобретений: в самом факте заключения договора заключалось примирение объединенными металлургическими заводами профессионального союза, а по содержанию договор отводил грядущему союзу в деле урегулирования отношений рабочих и администрации каждого из заводов. Со стороны одного представителя промышленности мне пришлось слышать мнение, что именно в укреплении нами авторитета профессионального союза рабочих и заключалось наше поражение и победа рабочих, ибо мы согласились собственными руками содействовать организации нашего в промышленной жизни врага — рабочих, т. е. что при стратегической победе мы потерпели тактическое поражение, но я лично думаю, что профессиональное объединение рабочих, даже в то время, так и в особенности в будущем — факт неизбежный, и борьба с ним значила бы бесполезное, почти доль-кхотское расточение сил, напротив, признание профессионального объединения и содействие руководителям союзов в укреплении авторитета последних в рабочей среде создавали бы благоприятные для спокойной промышленной работы традиции. Кроме того, я думаю, что в контактах организованных рабочих и организованных промышленников зарождается эмбрион сотрудничества классов в государственном строительстве новой России.

По примиренным и складывавшимся политическим событиям практика применения колдунского договора была очень короткой; для некоторых заводов он остался мертвой буквой, но на некоторых из них, по свидетельству местной администрации, он оказывал умиротворяющее влияние. Во всяком случае за время полуторажелудковых переговоров «Металлист» по крайней мере и возможности содействовать, а не противодействовать заведомой администрации.

Подписавши договор, стороны, оставшиеся довольными друг другом, дружески и даже с избыточной сердечностью распрощались. Я сейчас же, часом из Севера, прямо из зала заседания, вместе с председателем «Металлиста» Фаером и моим курьером отправился на вокзал для следования в Петроград. На вокзал делалось что-то невозможное: весь каменный пол огромного харьковского вокзала был занят толпами здоровыми, больными, а может быть и мертвыми — очевидно все хотело куда-то ехать, но победа в то время уже ходила редко и слышно, что, Фаер нас всех тронх устроил в какой-то особый и очень маленький вагончик (II класса спальный) с семью кушетками, из коих занято было всего только тринадцать. Утром наш вагончик привели из какого-то пассажирского вокзала к нашему вагону первой мэрии поезда. Дальше Курева поезда не шло, там вся публика вышла и опять размещалась на полу и на платформах вокзала, а наш вагончик, который Фаер уже окончательно закладывает, был прицеплен по его настоянию к какому-то товарному поезду «особого назначения», и мы довольно долго дожидались до Орла, причем в нашем вагоне, кроме Фаера, моего курьера и меня, никого уже не было. Утром, подвезая к Орлу, мы увидели стоящий у железнодорожных и городских из отбоя поезда в состав красавца-пассажирского экспресса, вагончиков и платформ с погрузками на него автомобилей. В вагончике уже находились отдельные вагоны. Фаер сумел вынуть из вагончика и вылез из вагончика с группой наших такое к себе угадание, что наш вагончик был переполнен пассажирами, в этом поезде, и мы поехали со скоростью, временами достигавшей до 90 верст в час. Днем мы были уже в Москве. Уже перед самыми окнами мы увидели, что это поезд командующего войной армией Анто-

нова, того самого Антонова, который наводил такой ужас на население и приводил в трепет всех попадавших на его дороги. Онъ ѣхалъ въ Москву съ докладомъ къ народнымъ комиссарамъ.

Въ нашемъ вагонѣ попрежнему мы ѣхали всего троимъ. На удивленіе моего курьера — бывшего жандармскаго вахмистра, хорошаго, преданнаго, честнаго, благочестиваго, но совсѣмъ простого человѣка, привязаннаго къ вышнему государственному порядку и считавшаго установленное дѣленіе человѣческаго общества на ступени неизбѣжнымъ — я называлъ Фаера по имени и отчеству, разговаривалъ съ нимъ какъ съ равнымъ и съ интересомъ и не безъ любопытства, что не могло ускользнуть отъ вниманія моего курьера. Меня не только удивляли начитанность и широкій кругозоръ фразернаго токаря (Фаера), но и интересовала вся система мышленія этого человѣка, вся его душевная сущность. Отличавшее его отъ банальной и упрямой предвзятости, при нескрѣпенной вдумчивости, дѣйствительно дѣлало интереснымъ разговоръ приходившихъ съ разныхъ полюсовъ общества созерцанія людей. Если въ «согласительной комиссіи» наша точка зрѣнія на промышленные и вообще народно-хозяйственные вопросы послужила завоеванію уваженія и симпатій «рабочей фракціи», то я видѣлъ, какъ въ душу Фаера западаютъ мои совершенно чуждыя его образу мышленія сужденія. Порою спохватываясь, онъ шутилъ — въ каждой шуткѣ есть доля правды, а на этотъ разъ и очень много — что если бы мы проѣхали вмѣстѣ еще нѣсколько дней, то изъ послѣдовательнаго социалиста-демократа онъ превратился бы въ человѣка съ совсѣмъ инымъ порядкомъ мыслей. Натура его гораздо глубже и развитіе его гораздо шире, чѣмъ у тѣхъ солдатъ, съ которыми я бесѣдовалъ мѣсяца два назадъ тоже въ пути изъ Харькова въ Петроградъ, а потому и установившаяся духовная связь съ нимъ оказалась несравненно прочнѣе и длителнѣе, чѣмъ со спутниками въ сѣрыхъ шинеляхъ. Въ минуту экзальтированности онъ мнѣ признавался, что въ первый разъ въ его жизни онъ видитъ такъ близко человѣка той категоріи, къ которой я принадлежу, и что, если бы онъ и ему подобные знали, что среди насъ много такихъ людей, какъ я, то не было бы той розни, того раздраженія, что вызвали революцію. Не дѣлили моего слуха эти слова, а звучали глубокимъ укоромъ: не въ первый разъ я подумалъ о пропасти, отдѣлявшей «насъ» отъ «нихъ», о привычномъ для «насъ» третированіи «ихъ» въ качествѣ почти неодушевленныхъ предметовъ, а если бы не революція, то и сейчасъ я не разговаривалъ бы съ Фаеромъ, такъ какъ это было въ «особомъ» вагонѣ II класса, прицѣпленномъ то къ товарному поезду, то къ поезду большевицкаго «главкома» Антонова. И раньше, и особенно, когда былъ совсѣмъ молодымъ инженеромъ, я порой разговаривалъ съ рабочими съ нѣкоторой ласковостью и иногда веселостью, но позволялъ ли я имъ становиться на одну со мной плоскость? и не боялся ли я при этомъ того, чтобы они не положили и «ноги на столъ»? А почему при измѣнившихся условіяхъ я уже этого не боялся, а Фаеръ всѣмъ своимъ поведеніемъ доказалъ, что онъ пуще всего остерегается положить «ноги на столъ» и даже больше, чтобы во мнѣ не возникло къ тому опасеній?

По пріѣздѣ въ Петроградъ Фаеръ черезъ нѣсколько дней вернулся на югъ Россіи, и я уже больше никогда его не видѣлъ. Болѣе полугода спустя, когда я былъ въ Кіевѣ товарищемъ министра торговли и промышленности, профессиональный союзъ «Металлистовъ» подвергся жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, крутого П. А. Кистяковского, арестовавшаго правленіе союза. Къ тому времени составъ правленія измѣнился, а Фаеръ почему-то былъ не въ Харьковѣ, а на Таганрогскомъ металлургическомъ заводѣ. Мнѣ передавали, что, узнавъ объ арестѣ состава Правленія, Фаеръ убѣждалъ своихъ не арестованныхъ товарищей, что

очевидно я объ этомъ не знаю, что необходимо мнѣ телеграфировать, лучше даже поѣхать ко мнѣ въ Кіевъ, и что, разумеется, я заступлюсь: прошло болѣе полугода, а вѣра не пала, невзирая на то, что я сталъ членомъ «буржуазнаго» и непопулярнаго правительства Лизогуба.

Дѣйхавъ до Москвы, мы напали на Курскомъ вокзалѣ какого-то человека перенести наши чемоданы до Николаевского (извозчиковъ тамъ не было) и тамъ съ грудомъ втиснувшись въ вагонъ третьяго класса отходящаго на Петроградъ поезда. Ъхали мы немногимъ болѣе сутокъ, но дорога была очень тяжела.

На пути во всѣхъ переходахъ, на скамьяхъ, полкахъ, столахъ, скрючившіеся сидѣли люди, тѣсно было настолько, что положительно нельзя было шевельнуться, отчего ноги отекали до разбухания: къ тому же пассажиры, находившіеся на площадѣ и на ступенькахъ, не позволяли закрывать двери — «все же немного изъ вагоновъ на насъ тѣло несеетъ» — почему при сильномъ на дворѣ морозѣ морозило и въ вагонѣ, что особенно отзывалось на разбухшихъ ногахъ. Проѣхавъ Болгоее, я уже пересталъ чувствовать свои ноги — они стали какъ деревянные.

Коллективный договоръ былъ въ Харьковѣ заключенъ между «Сометалломъ» и обшестымъ отдѣленіемъ «Металлиста», почему онъ еще подлежалъ утвержденію Центральнымъ Всероссийскимъ Правленіемъ профессиональнаго союза, а въ соответствии съ этимъ я также выговорилъ вступленіе договора въ силу лишь по утвержденіи его совѣтомъ нашего «Сометалла». Фактически Центральное Правленіе его даже не видѣло, а приведенный Фаеромъ къ намъ въ «Сометаллъ» предѣдатель Центрального Правленія «Металлиста», товарищ Ивановъ, подписавъ его, не прочтя. Совѣтъ же «Сометалла», по разсмотрѣніи, его одобрилъ и утвердилъ.

Глава IV ВОКРУГЪ ХАОСА

Прошли всѣ положенные созерцателями революціи сроки, а большевики не только не «сидѣли», но напротивъ все тверже чувствовали почву подъ ногами. За четырехъ-пятимѣсячное господство они успѣли широко развить начатое при Временномъ Правительствѣ дѣло разложенія стараго государства и приступить къ конституированію новыхъ органовъ публичной власти, при чемъ въ ихъ работѣ стали уже принимать участіе и многіе изъ тѣхъ, что еще такъ недавно «саботировали».

Послѣ полуторамѣсячной угарной жизни въ Харьковѣ хорошо было отдохнуть среди казѣбенской тишины Петрограда, но что тамъ дѣлать и можно ли оставаться? На первыхъ порахъ управлявшіе капиталистическимъ государствомъ большевики уже стали проводить въ жизнь коммунистическую программу, сперва охотно и беззастѣночно, а потомъ все рѣшительнѣе и смѣлѣе, начиная съ Петрограда и нѣмѣло распространяя на всю страну. Следовательно, въ перспективѣ — или сотрудничество съ большевиками, или бездѣйствіе.

Мнѣ предлагали принять участіе въ организаціи взрыванія петроградскаго порта, залужаемаго французами для созданія затрудненій наступающимъ на Петроградъ войскамъ, но и это дѣло мнѣ не подходило: я не имѣлъ въ возможности возстановленія боеспособности арміи, а въ такомъ случаѣ уничтоженіе русскихъ цѣнностей мнѣ представлялось въ данномъ случаѣ по военнымъ соображеніямъ выгоднѣе, быть можетъ, для Франціи, но ни въ какихъ видахъ не для Россіи; между тѣмъ я не принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто ставилъ «дружбу» съ французами выше интересовъ Россіи.

Дѣлать въ Петроградѣ мнѣ было нечего, и я рѣшилъ выѣхать обратно на югъ Россіи, гдѣ были металлургическіе заводы, съ которыми я былъ связанъ моею дѣятельностью въ «Сометаллѣ», гдѣ находились рудники и главнѣйшіе заводы общества, въ которомъ я состоялъ членомъ Правленія. Къ тому же большевики неодобрительно относились къ моему нежеланію имъ платить налоги, а равно къ нѣкоторымъ моимъ отношеніямъ съ однимъ изъ петроградскихъ банковъ: все это вмѣстѣ взятое не обѣщало мнѣ даже тихаго житья въ Петроградѣ, а подходящей для меня работы, и тѣмъ болѣе, ждать не приходилось. Итакъ, я рѣшилъ выѣхать изъ Петрограда, но оказалось, что это не такъ просто, ибо въ ожиданіи прихода нѣмцевъ, Совѣтское Правительство предприняло эвакуацію, и для выѣзда требовалось особое разрѣшеніе.

Комиссаромъ по эвакуаціи Петрограда былъ назначенъ предѣлатель Центральнаго Правленія «Металлиста» тов. Ивановъ, подъ канцелярію котораго отведенъ часть Маринскаго дворца (зданіе Государств. Совѣта), куда я и отправился. Войдя черезъ лѣвую съ площади дверь, я повстрѣчалъ стараго въ сѣрой дворцовой курткѣ швейцара, котораго я зналъ, бывая иногда на заутренѣ подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе въ дворцовой церкви. Старикъ обрадовался посѣщенію нетоварища, возвращавшаго его къ прошедшимъ временамъ. Цѣлью одинъ за другимъ, какъ живые, прошли черезъ его сознаніе тѣни минувшаго, знатные и блестящіе сановники: ушелъ онъ мыслями въ безвозвратное, замолкъ, скатилась слеза...

— А, впрочемъ, баринъ, пожайлуйте! — взмахнулъ онъ рукою и пояснилъ — Неловко можетъ быть мнѣ, коли съ Вами увидятъ! — Поднялся я по знакомой уютной, съ какой-то интимностью лѣстницѣ во второй этажъ, долго блуждалъ тамъ, встрѣчая тысячи совѣтскихъ барышень: помню, проходилъ черезъ Екатерининскій залъ, гдѣ за овальнымъ столомъ засѣдалъ совѣтъ петроградской коммуны. Наконецъ указали мнѣ дверь въ кабинетъ товарища Иванова. Въ большой комнатѣ со стѣнами, украшенными портретами предѣлателей Государственного Совѣта и въ томъ числѣ Великаго Князя Михаила Николаевича, за солиднымъ и роскошнымъ письменнымъ столомъ хозяина не оказалось, и я подошелъ къ его личному секретарю, сидѣвшему за маленькимъ столикомъ въ противоположномъ концѣ комнаты. При видѣ меня молодой человѣкъ всталъ съ мѣста, обратившись ко мнѣ съ изысканной учтивостью и предложивъ сѣсть въ покойное кресло. Черезъ нѣкоторое время распахивается дверь, быстрыми шагами входитъ мастеровой, толстый мужчина въ пиджакъ и въ высокихъ сапогахъ — комиссаръ Ивановъ — а за нимъ толпа просителей. Онъ меня не узналъ, почему — я ему пояснилъ, зачѣмъ и куда мнѣ нужно ѣхать — отказалъ; его забрасывали просьбами десятки голосовъ, и я отошелъ въ сторону; выгнавъ всѣхъ просителей изъ комнаты, онъ мнѣ объяснилъ, что онъ членъ президіума совѣта комиссаровъ петроградской коммуны, что онъ торопится на засѣданіе для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ, что ему некогда, но на мое замѣчаніе, что мнѣ все-таки надо ѣхать, неожиданно взялъ перо и, что-то наскоро написавъ, протянулъ мнѣ записку. Выйдя изъ комнаты и прочитавъ записку, я убѣдился въ томъ, что онъ дѣйствительно меня не узналъ (можетъ быть, и къ лучшему), а чтобъ отъ меня отвязаться, записалъ въ беспорядкѣ и безъ смысла нѣкоторыя запавшія въ его память мои слова, приблизительно въ слѣдующемъ видѣ: «Внѣ очереди! Оказать содѣйствіе по проѣзду въ Харьковъ Члену Профессіональнаго Донецко-Криворожскаго согласительнаго бюро, В. А. Ауэрбаху.» То же фантастическое званіе было означено и въ самомъ разрѣшительномъ на выѣздъ свидѣтельствѣ, которымъ также предписывалось всѣмъ властямъ оказать мнѣ содѣйствіе. Такъ я и поѣхалъ въ качествѣ «Члена професіональнаго Донецко-Криворожскаго Согласительнаго Бюро» съ документомъ, составленнымъ на бланкѣ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, за

подписью самого товарища Иванова, положительно недоумѣвая, какъ это могли мнѣ выдать такую бумагу.

Я кратчайшій опишу мое путешествие изъ Петрограда въ Харьковъ, длившееся съ невѣроятнымъ маршрутомъ 24 дня, такъ какъ въ дорогѣ пришлось быть свидѣтелемъ нѣкоторыхъ событий и повстрѣчать немало личностей, если не всегда самихъ по себѣ интересныхъ, то во всякомъ случаѣ характерныхъ для того времени.

Выѣхавъ 22 марта 4 апрѣля вмѣстѣ со своимъ секретаремъ Наркисомъ Кирилловичемъ Брицкимъ и горнымъ инженеромъ И. П. Л., управляющимъ крупнымъ каменно-угольнымъ дѣломъ въ Донецкомъ бассейнѣ. Въ то время ходилъ между Петроградомъ и Москвою вагонъ Международнаго Общества, но не по Николаевской ж. д., а черезъ Вологду, доходя окружнымъ путемъ до назначенія въ 2 сутки.

Въ Москвѣ нужно было вновь хлопотать о разрѣшеніи на дальнѣйшій проѣздъ, однако, съ бумагой за подписью тов. Иванова мнѣ было это нетрудно; черезъ 2 дня я уже имѣлъ разрѣшеніе отъ мѣстныхъ властей и билеты. Взявъ послѣдніе на вокзалѣ, я долженъ былъ, какъ было условлено съ моими спутниками, ихъ вызвать по телефону на вокзалъ, но оказалось, что образцовая московская телефонная сеть уже успѣла разстроиться, никто ее не ремонтировалъ, многіе абоненты могли еще вызывать центральную, но къ нимъ уже нельзя было дозвониться. Изъ за этого мы пропустили поѣздъ, во все къ лучшему. Это былъ послѣдній, вышедшій въ Харьковъ поѣздъ. Я видѣлъ, какъ съ этимъ поѣздомъ выѣхала бойкая женщина въ сибирской шапкѣ, въ сѣрой шинели и большихъ сапогахъ, съ паганомъ за кушакомъ, называвшая себя громко и съ хвастовствомъ любовницей Антонова и везшая къ нему вагонъ съ ручными гранатами, пулеметами и еще чѣмъ-то. Но на вокзалѣ говорили, что и этотъ поѣздъ дальше Курска не пошелъ. Слѣдующій поѣздъ упустили уже только до Орла: вокзальный комиссаръ объявилъ, что на Курскъ идутъ иѣмцы и что, вѣроятно, придется дня два переждать въ Орлѣ, пока иѣмцевъ не отгонять (какъ теперь извѣстно, въ Курскѣ никогда иѣмцы не были, а дальше Орла поѣздовъ не пустили, потому что всѣ станціи были забыты безпорядочно бѣгущими подъ натискомъ германскихъ войскъ большевиками). Въ тотъ день нашъ знакомый говорить по телефону съ Харьковомъ, гдѣ ничего о иѣмцахъ не знали (это было, кажется, за нѣсколько часовъ до занятія его германцами, которое явилось для населенія полной неожиданностью, какъ мнѣ потомъ рассказывали). Въ связи со всѣми этими свѣдѣніями мы рѣшили измѣнить маршрутъ, поѣхать черезъ Рязань, Воронежъ, чтобъ подѣхать къ Харькову съ востока.

На Рязанскомъ вокзалѣ я встрѣтилъ проводника спального вагона между о-на, отъ котораго узналъ, что его вагонъ долженъ былъ слѣдовать «резервомъ» въ Ростовъ для починки и следовательно пустымъ. Проводникъ согласился за нѣкоторое вознагражденіе ввезти насъ въ вагонъ, какъ, впрочемъ, и многихъ другихъ.

Сперва дорога была почти пріятной, а на станціяхъ было сравнительно спокойно, но въ Воронежѣ уже станція оказалась переполненной солдатами, бѣжавшими съ курскаго направленія черезъ Касторную. Говорили они, что Курскъ сдали уже, но такъ какъ видъ у нихъ былъ сконфуженный, то мы этому не совсемъ доверили (позже, къ сожалѣнію, оказалось, что мы были правы), почему обратились къ станціонному начальству: поѣзда дальше Касторной въ западномъ направленіи не шли, и мы рѣшили ѣхать до Лисовъ. Тамъ на станціи мы уже застали полный кабардакъ: всѣ пути были забиты военными поѣздами, кромѣ двухъ главныхъ; на вокзалѣ было тѣсно до крайности, въ буфетѣ все было почти уничтожено, толпица солдатъ имѣла не сконфуженный, а озлобленный до ярости видъ. На одномъ изъ двухъ главныхъ путей стоялъ нашъ поѣздъ, а на другой пошелъ, остановившись передъ нами, санитарный

поѣздъ имени одной изъ Великихъ Княгинь. На стѣнкахъ вагоновъ были развѣшаны парусиновые плакаты съ надписью «Смерть буржуйамъ!», а лежавшіе на койкахъ и вышедшіе на площадки больные и раненые стали намъ угрожающе жесты и скверною брань, какъ будто это мы «буржуи» привели давившихъ ихъ нѣмцевъ.

Въ Лискахъ, какъ и на другихъ узловыхъ станціяхъ (Миллерово, Лихая и Зѣрево), поѣздъ въ западномъ направленіи не шлі, а станціонное начальство намъ говорило, что на двухколейныхъ линіяхъ убѣгающіе отъ «германо-гайдамацкихъ бандъ» большевики пускали поѣзда по обѣимъ колеямъ въ одномъ и томъ же направленіи. За невозможностью продвигаться на западъ, мы ѣхали тѣмъ же поѣздомъ все дальше и дальше на югъ къ Ростову. Въ Миллерово въ нашъ вагонъ вошелъ отрядъ вооруженныхъ людей подъ предводительствомъ какого-то комиссара изъ мастеровыхъ. Войдя въ наше купе, онъ строго спросилъ, съ подозрительностью насъ осматривая, откуда, куда и зачѣмъ ѣдемъ, нѣтъ ли оружія и пр., но наши отвѣты его повидимому не удовлетворили, почему онъ потребовалъ наши «документы». Увидѣвши въ заголовкѣ протянутой мною бумаги «совѣтъ народныхъ комиссаровъ», печать петроградской трудовой коммуны и прочтя мое новое и неподобающее званіе Члена Профессіональнаго Донецко-Криворожскаго Согласительнаго Бюро, нашъ строгій комиссаръ досадливо замѣтилъ:

— Хуже нѣтъ такихъ документовъ! Вотъ и разбери, чи листократы, чи бѣглые каторжные?!

— Такъ кто жъ мы будемъ — листократы или бѣглые каторжные? — засмѣялись мы, а съ нами во весь ротъ и комиссаръ, строгое лицо котораго сразу превратилось въ добродушное и хорошее. Онъ махнулъ только рукой и пошелъ дальше.

Въ Новочеркасскъ мы пріѣхали вечеромъ. На путяхъ стояли поѣзда, нагруженные орудіями, пулеметами, снарядами, воинскими частями: вокзалъ имѣлъ видъ крѣпости, по ту сторону вокзала стояли орудія и пулеметы, дулами направленныя на Ермаковскій спускъ, откуда ждали непріятеля — «кадетъ, калединцевъ и прочую сволочь» — городъ былъ въ рукахъ повстанцевъ. Сперва нашего поѣзда не хотѣли дальше пропускать, до производства тщательнаго обыска, но черезъ 10 минутъ неожиданно приказали немедленно отправляться, ибо поѣздъ могъ помѣшать военнымъ операціямъ на станціи.

На Дону въ борьбѣ между красными и бѣлыми казаками игралъ замѣтную роль донской артиллерійскій офицеръ Голубовъ, подъ командой коего, между прочимъ, былъ взятъ Новочеркасскъ въ февралѣ 1918 года. Этого Голубова я встрѣчалъ дважды въ моей жизни. Во второй разъ, приблизительно, — въ 1912 году, когда я былъ профессоромъ Политехникума, а Голубовъ студентомъ, въ первый же разъ — въ 1906 году, на Дальнемъ Востокѣ. Выйдя въ запасъ въ чинѣ поручика казачьей конной артиллеріи, Голубовъ поступилъ сперва рабочимъ, а потомъ сдѣлался горнымъ десятникомъ каменноугольнаго рудника Удзимихѣ Китайско-Восточной ж. д., гдѣ я состоялъ въ то время Начальникомъ Горнаго Отдѣла, въ вѣдѣніи котораго среди другихъ рудниковъ былъ и Удзимихѣ. Помню, что Голубовъ очень дружилъ съ атаманомъ отряда хунгузовъ (китайскихъ разбойниковъ) и что онъ участвовалъ въ составленіи подложныхъ документовъ вмѣстѣ со своимъ начальникомъ, горнымъ штейгеромъ, котораго онъ впоследствии выдалъ. Голубовъ — человѣкъ активный, боевой и вмѣстѣ съ тѣмъ примитивной, грубой организаціи.

Выйдя въ Ростовъ изъ вагона, мы рѣшительно не знали, куда дѣваться, тѣмъ болѣе, что была уже ночь. По телефону съ вокзала говорить не разрѣшали. Бродя по улицамъ, случайно увидѣли доску на дверяхъ съ наименованіемъ «Продамъ» — на полу между столами конторы мы и заночевали.

Ужасили упрямь на вокзалѣ, что поѣзда на Таганрогъ не идутъ (мы стремились все время на западъ, хотя неукоснительно продвигались все дальше и дальше на югъ), мы рѣшили ѣхать моремъ на Бердянскъ или Генічеськъ, а оттуда поѣздомъ или на лошадахъ въ Харьковъ.

Въ порту ничего удивительнаго мы тоже не узнали. Никакихъ пароходовъ нѣтъ, а поедетъ только царская баржа, но въ какомъ направленіи, еще неизвѣстно, такъ какъ въ революціонномъ портовомъ комитетѣ разногласія. Въ Мариуполѣ объявлялась какая-то «яंतरка», претендующая на суверенное господство надъ всеми азовскими портами, тогда какъ въ Керчи или въ Севастополѣ (сейчасъ уже не помню) какая-то «девятка» признала «яंतरку» самочинной и нарушающей дѣлостность управленія «девяткою» всеми портами Чернаго и Азовскаго морей. Часть членовъ революціоннаго портового комитета, увѣренная въ побѣдѣ «девятки», высокой авторитетъ которой, по ея мнѣнію, не могъ вызывать ни въ комъ сомнѣній, находила нужнымъ дать царской баржѣ назначеніе на Мариуполь и Бердянскъ, другая же часть, провидящая больше пессимизма, опасалась, что, разъ понавши въ Мариуполь, баржа попадетъ подъ вліяніе — «яंतरки» и больше ужъ не вернется, и потому предпочитала направить баржу въ Ейскъ, гдѣ никакой опасности захвата не ожидали. Таковы были официальные объясненія, но, насколько можно было понять, были и болѣе глубоки причины безпокойствъ, возникавшихъ у комитета и лежавшихъ повидимому въ томъ, что флотъ былъ социализованъ и флэхты поступали въ пользу революц. порт. комитетовъ, состоявшихъ преимущественно изъ инженеровъ, а при такихъ условіяхъ, разумѣется, нужно было съ чрезвычайной осмотрительностью выпускать судно изъ порта. Повидимому Ейскъ пересоциализаціи не производилъ, а потому на отправкѣ туда баржи, пожалуй, всѣ члены сошлись бы, но зато въ этотъ «необходимый портъ» ходили суда со всѣхъ «несвободныхъ портовъ» и, слѣдовательно, при большой конкуренціи тамъ дѣлать было нечего. Положеніе осложнялось тѣмъ еще, что приверженцы ейскаго направленія какъ будто подозревали защитниковъ маріуполь-бердянскаго курса въ томъ, что они куплены маріупольской «яंतरкой», почему первые были особенно склонны къ отставанію своихъ «принциповъ».

Казалось, что выхода нѣтъ изъ этого чрезвычайно запутаннаго въ экономическомъ, политическомъ и психологическомъ отношеніяхъ положенія, но на третій день судовой команда насъ успокоила, заявивъ, что сегодня же рѣшеніе будетъ непременно принято, такъ какъ стоявшая на паряхъ въ ожиданіи своей судьбы баржа пареходовала уже столько угли, что остатка едва хватитъ, чтобы дойти до ближайшаго порта, а въ Ростовѣ его почему-то купить нельзя (изобрѣтено, не на что было, не собраніи фрахта), и оказалось, что команда только понимала обетанную спору. Рѣшеніе было принято и притомъ баржу направили не въ Ейскъ и не въ Бердянскъ, а въ Таганрогъ: это не устраивало ни ту, ни другую часть комитета, но при содѣйствіи послѣ трехдневнаго спора условіяхъ, когда угля уже почти не осталось, такое рѣшеніе дѣйствительно стало единственно возможнымъ.

Вѣкъ при дня мы по очереди дежурили въ порту, чтобы не пропустить выхода баржи въ море. Три дня пришлось досаждать возможности выхлѣзть изъ Ростова, но на три дня нельзя считать потерянными дни насъ безъ всякой пользы, такъ какъ мы убедились въ томъ, что, быть можетъ, болѣе не придется увидѣть.

Вторыми, вѣстели, 13 апрѣля, послѣ того, какъ было принято рѣшеніе направить царскую баржу и когда мы шли по центральной части Садовой улицы, неожиданно началась разсѣяная и пулеметная стрѣльба. Намъ нужно было пройти въ Царское Судибищенское заводск., гдѣ находилъ походный трюмъ и гдѣ намъ разрѣшили поочастить. Оно помѣщалось на Садовой за Государственнымъ банкомъ по

направленію къ Нахичевани, но дальше Государственного банка пройти было невозможно. Мы пытались обойти оказавшуюся непроходимой часть Садовой, но и смежная улица оказалась занятыми какими-то вооруженными винтовками и пулеметами людьми. До глубокой ночи мы тщетно бродили въ поискахъ свободнаго пути къ Сушинскому Правленію, но нигдѣ не пропускали, все время трещали пулеметы и тикали ружья — въ 2 часа ночи мы принуждены были опять пойти ночевать въ «Продамету» на Никольскую. Сперва въ городѣ никто не зналъ, въ чемъ дѣло, но къ ночи мы узнали, что осаждаются милиціонныя участки анархистами, въ виду предпринятаго милиціей ихъ преслѣдованія. Видѣнные нами наступающіе анархисты были большей частью въ военной формѣ и съ военнымъ снаряженіемъ. Вооруженныхъ схватокъ между отдѣльными группами «вооруженнаго народа» и при отсутствіи общепризнанной и авторитетной власти, разумѣется, было множество по всей Россіи, но этотъ эпизодъ намъ показался любопытнымъ, потому что въ немъ сказались мощь и организованность анархистовъ при слабости или попустительности носителей «государственной власти». На улицахъ мы слышали мнѣнія, что у большевиковъ были свои счеты съ городекой милиціей*, а потому и не препятствовали выступленію анархистовъ. Какими бы ни были мотивы, фактъ былъ на лицо: «государственная власть» бездѣйствовала.

Когда въ этотъ день я съ И. И. Л. былъ еще въ порту и отъ бездѣлья обходилъ стоявшія у берега суда, то ко мнѣ обратился бравый мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, безъ фуражки и безъ пальто въ холщевой рубашкѣ. Бѣдетъ онъ изъ Пензы въ Керчь и, дожидаясь парохода, живетъ въ матросскомъ кубрикѣ одной изъ стоящихъ въ порту баржъ. Онъ — «кадетъ», но проситъ объ этомъ никому не говорить — иначе разстрѣляютъ. — Неужели могутъ разстрѣлять такого маленькаго мальчика и при томъ только за то, что онъ носитъ кадетскую форму?

— Какъ кто? я самъ видѣлъ — и онъ намъ разсказалъ, какъ разстрѣливали маленькихъ мальчиковъ только за краснѣй околышъ, за кушакъ съ кадетской бляхой. Преслѣдованіе кадетъ было тѣмъ болѣе беспощаднымъ, что «революціонный народъ» ихъ часто смѣшивалъ съ членами партіи к.-д., а между тѣмъ ихъ было легче обнаруживать, чѣмъ послѣднихъ. У бѣднаго мальчика не было другого платья, кромѣ кадетскаго, а потому онъ и выходилъ изъ кубрика въ одной парусиновой рубашечкѣ. Теперь онъ досталъ нитокъ и черную тряпку, обтянетъ ею околышъ, споретъ петлицы, и тогда будетъ не такъ опасно. Погоны все же не выброшены, а припрятаны въ карманѣ. Отъ предложенныхъ ему денегъ онъ отказался, но согласился ѣхать съ нами въ Бердянскъ — парохода въ Керчь нѣтъ, а въ Бердянскѣ, можетъ быть, окажется, къ тому же вмѣстѣ ѣхать веселѣе. Баржа отходитъ въ 7 час. утра. Мы обѣщали за Володиѣмъ зайти за полъ-часа.

На пристани мы узнали, что для выѣзда изъ Ростова нужно особое разрѣшеніе. Повели насъ въ какую-то канцелярію. Разсмотрѣвъ данный мнѣ въ Петроградѣ тов. Ивановымъ документъ, «барышня» отказалась намъ написать разрѣшеніе на томъ основаніи, что согласно документа мы ѣдемъ въ Харьковъ и, слѣдовательно, вообще намъ нечего дѣлать ни въ Таганрогѣ, ни въ Ростовѣ даже.

— Но что же намъ съ собой дѣлать, если въ Таганрогъ не пускаютъ и въ Ростовѣ оставаться нельзя?

— Поѣзжайте въ Харьковъ черезъ Звѣрево.

— Но отъ Звѣрева поѣзда на Харьковъ не идутъ!

* Она была организована Городекой Угравой, выбранной при Врем. Правительствѣ.

— Пофизжайте въ Зѣфрево и тамъ дожидайтесь, когда пойдутъ?! А впрочемъ обратитесь къ комиссару! —

Комиссара не оказалось, между тѣмъ утрѣмъ баржа уходитъ. Мы уговорили бармаша дать намъ бланкъ и заполнить его съ тѣмъ, чтобы мы могли его сами дать комиссару на подпись, если онъ «въ принципѣ» согласится на нашъ выѣздъ изъ Ростова. Получивъ заполненный бланкъ, мы обратились къ хранителю печатей, который, не замѣтивъ отсутствия подписи комиссара, стукнулъ по подушечкѣ, а потомъ по бланку. Комиссара мы такъ и не дождались, отсутствие же его подписи было обнаружено уже только въ Тагапрогѣ, но при вѣщичіи круглой печати, пользовавшейся такимъ уваженіемъ «революціонной демократіи», особаго значенія этому придано не было, намъ выдали разрѣшеніе на слѣдующій этапъ и дальше мы уже получали разрѣшенія безпрепятственно.

Утрѣмъ мы устроились на палубѣ баржи, но отошла она только въ полдень. День былъ тихій, утренній туманъ уже разсѣялся, и оставалась лишь чуть замѣтная мгла надъ морскою гладью. На кормѣ ровно и мирно постукивала машина, и баржа, почти не волнуя моря, медленно отбѣривала положенные ей четыре узла въ часъ. И небо, и море, и эта почти прозрачная мгла — все было сѣро и тихо, очень тихо. И все особенно казалось сѣро и тихо послѣ оставленныхъ на берегу злобы и вражды, стрѣльбы и крови. Мы точно растворились въ этомъ сѣромъ и тихомъ, и намъ стало какъ-то спокойно-спокойно.

Заварили мы чай, достали провизію, но Володя отказывался, отговариваясь тѣмъ, что сытъ. Съ трудомъ объяснили ему, что онъ не можетъ быть сытъ, когда мы уже больше шести часовъ на баряѣ, но, въ концѣ концовъ согласившись, онъ намъ объяснилъ, что принять не бѣтъ. Отецъ его — офицеръ, мать — сестра милосердія военнаго времени — пропала безъ вѣсти, а когда большевики закрыли пензенскій портусъ, въ которомъ онъ учился, мальчикъ оказался выброшеннымъ на улицу. Нѣмъ пошелъ и наборъ красокъ, онъ сталъ готовитъ грунтовки, отъ продажъ которыхъ не только жилъ, но приносилъ нѣсколько десятковъ рублей для проѣзда въ Феодосію, гдѣ жилъ его дядя — табачный фабрикантъ. Извѣстій отъ дяди онъ не имѣлъ, но все же пустился въ путь. Поѣздъ, съ которымъ онъ ѣхалъ, былъ уже въ 7 верстахъ отъ Харькова, но попалъ подъ огонь «германо-гайдамацкихъ бандъ», вернулся въ Воронежъ, откуда мальчикъ пробрался въ Ростовъ. У него оставалось въ карманѣ всего 11 рублей: онъ рассчитывалъ за 7 рублей добраться до Керчи, а оттуда пешкомъ пройти въ Феодосію. По его мнѣнію, ѣда совершенно необходима именно во время пѣшаго путешествія, и для этого онъ предназначалъ остальные 4 рубля. Оставилъ же онъ чай, передъ этимъ онъ уже два дня ничего не ѣлъ. А какимъ онъ милосерднымъ, бравымъ и беднымъ мальчишкой!

Въ Тагапрогѣ мы пришли поздно вечеромъ. Провизіи у насъ не оставалось и мы хотѣли было отправиться узкиать въ городъ, нужно было и гдѣ-нибудь переночевать, но оказалось, что ночью воспрещалось передвиженіе по улицамъ. Къ тому же мы услышали, что готовится въ отходъ въ Мариуполь военный корабль-гидрографъ. Пришлось остаться въ порту. Простояли часа два на каменной портовой набережной, а становилось очень холодно.

Ахъ, ты мизин! Да ты жъ замерзнешь! Пойдемъ ко мнѣ, погрѣешься! — сказалъ намъ Володѣ больной, плечистый человѣкъ съ горбатымъ носомъ, при окладистой русой бородѣ и гордой осанкѣ, придававшей ему какую-то строгость и естественность. Когда Володѣ его звучавшій необыкновенной добротой, Володя за нимъ поспѣвалъ на баржу въ матросскій кубрикъ. Но просьбѣ Володи старый рыбакъ-матросъ согласился и насъ принять, просилъ только, чтобы мы прошли не сразу, а по

одиночкѣ. Далъ онъ намъ чаю, а Володю и накормилъ. Тепло и, невзирая на всю неприглядность матросскаго помѣщенія, уютно показалось намъ у старика. Долго и мирно мы съ нимъ разговаривали, просто и умно онъ обо всемъ отзывался. Съ Володей онъ обращался проницательно, какъ со взрослымъ и даже спрашивалъ: «Вы офицеръ?» или «Вы женаты?». Володя сперва при такихъ вопросахъ заинамался и краснѣлъ, а потомъ, инстинктивно почувствовавъ доброту старика, какъ-то сразу его полюбилъ, увидѣвъ въ его насмѣшкахъ теплую отеческую ласку.

Указавъ каждому изъ насъ мѣсто на выстроенныхъ въ три этажа паракъ, Володѣ старикъ сказалъ: «а вы, молодой человѣкъ, и на табуреткѣ посидѣть можете, а коли, разоспавшись, прислонитесь пожелаете, то вотъ» и онъ шлепнулъ ладонью по какой-то проходящей черезъ кубрикъ стойкѣ. Володя покорно сѣлъ на табуретку, а старикъ развернулъ тюфякъ, вытащилъ изъ подъ наръ сундучокъ, брякнулъ замкомъ, досталъ простыни, сшитое изъ доскутковъ ватное одѣяло, подушку, постелилъ и, выпрямивъ спину, приказалъ Володѣ — «ну теперь раздѣвайтесь!». Володя сопротивлялся, видя, что старикъ, доставъ для него лучшее, что у него было, самъ ляжетъ просто на доскахъ, но тщетно: отказомъ онъ обидѣлъ бы старика. Едва Володя скинулъ платье и сапоги, какъ старикъ взялъ его какъ ребенка на руки, бережно положилъ, прикрывъ одѣяломъ, подтыкавъ его со всѣхъ сторонъ — «а теперь спи!» — погрозилъ онъ ему пальцемъ.

Едва мы всѣ заснули, какъ какой-то мастеровой попросилъ стараго матроса разрѣшить ему тоже переночевать въ кубрикѣ. Спать ему, очевидно, не хотѣлось, и онъ затѣялъ съ нами разговоръ. Принявъ насъ въ потемкахъ за мастеровыхъ, никакъ не могъ согласиться съ нашимъ намѣреніемъ пробраться въ Бердянскъ — «говорю вамъ, ѣзжайте въ Ейскъ! — тамъ — профессиональный союзъ и всенепременно найдете работенку въ деи!» — «У насъ родные въ Бердянскѣ!» — «Да тамъ нечего дѣлать: все жъ лучше въ Ейскъ ѣзжайте!»

Часовъ въ 5 утра на военномъ суднѣ стало замѣчаться движеніе и, собравшись, мы стали выходить. «Съ Богомъ! Бывайте здоровы!» пожелалъ намъ старый матросъ. «Такъ куда ѣдете? въ Бердянскъ? Все равно въ Ейскъ переберетесь, потому тамъ въ деи работенку найдете!» — пробормоталъ сквозь сонъ мастеровой.

«Какъ можно, вольныхъ да на военный корабль!» — не хотѣли насъ принять, но потомъ, вспомнивъ, что судно «национализировано», впустили, предупредивъ, что кормить не будутъ, хотя бы мы нѣсколько дней пробыли въ морѣ. Провизіи у насъ не было, но не оставаться же изъ за этого. На фуражкахъ команды раздѣвались георгіевскія ленты, офицеровъ не было, командный составъ выборный, причемъ командиръ, исполнявшій также и штурманскія обязанности, — изъ флотскихъ кондукторовъ.

Отшвартовались и быстро понеслись въ открытое море. Оно было мелкое, а тралеръ сидѣлъ глубоко: непременно нужно было идти каналомъ. Вдругъ что-то заскрипѣло, изъ рубки слышно «стоицъ!», «назадъ», «полнымъ ходомъ назадъ!», потомъ опять «стоицъ», «впередъ» и т. д., но мы все стояли на мѣстѣ и такъ стояли до вечернихъ сумерекъ, невзирая на суету на кораблѣ, разныя команды, которыхъ никто не слушалъ, перебранки, сигнализаци на берегъ, присланную помощь — маленький безсильный портовый катерокъ и пр. и пр.

Днемъ подошелъ къ борту баркасъ, съ котораго къ намъ пересѣло нѣсколько матросовъ, восторженно приветствованныхъ тѣми, что уже находились на кораблѣ. Это были ихъ безъ вѣсти пропавшіе боевые товарищи. Для защиты отъ «гермаи-гайдамацкихъ бандъ» южнаго района Донецкаго бассейна былъ выдвинутъ матросскій отрядъ подъ предводительствомъ лихого большевnickаго полководца, фами-

дин которого не помню: немного позже мы с ним повстрѣчались, познакомились довольно близко, прозвавъ его Пугачевымъ. Отрядъ, численностью въ 700 человекъ, потерпѣвъ рѣшительное поражение, распался, причемъ оставшіеся въ живыхъ бѣжали группами и въ одиночку. И тѣ, съ которыми мы вышли въ море, и тѣ, что подошли на баркасы, принадлежали къ одному и тому же отряду «Пугачева», но лишь въ разное время прибыли въ Таганрогъ. Радостныя встрѣчи, перечисленіе убитыхъ товарищей, рассказы о совершенныхъ подвигахъ героизма и объ обстоятельствахъ бѣгства, все это привело матросовъ въ такой пьяный экстазъ, что со стороны было ясно, что съ мели мы снимемся нескоро, и тѣмъ болѣе, что море продолжало спадать, и мы сидѣли въ мели уже тремя футами и при томъ кормой, поломавши при неумѣломъ маневрированіи винтъ. Мы попросили, чтобы насъ отправили на берегъ: часть матросовъ встрѣтила нашу просьбу недоброжелательно и почти грубо, другая же, изъ вновь прибывшихъ матросовъ, повидимому впервые насъ замѣтивъ и возмущившись тому, что мы могли оказаться на военномъ кораблѣ, распорядилась насъ немедленно высадить, и мы опять оказались на каменной набережной Таганрогскаго порта.

Одинъ изъ моихъ спутниковъ пошелъ узнавать, не отходитъ ли какое нибудь судно, а я — поискать провизіи, т. е. сутки прошли, какъ мы ничего не вѣли. Нигдѣ нѣтъ хлѣба, ни провизіи. Подошелъ къ стоявшему на портвомъ пути воинскому поезду — то прибыла отступающая большевистская артиллерія. Въ одномъ изъ вагоновъ бородатый рослый солдатъ убираетъ лошадей.

— Землякъ, гдѣ бы тутъ хлѣба достать?

— Надо идти въ городъ: тутъ нигдѣ не найдешь! Да и то — бишь сейчасъ лавки уже позакрты. А ты давно не ѣлъ?

— Со вчерашняго дня.

— Ну погоди! — и солдатъ полѣзъ за какимъ-то сверткомъ. Я предвкушалъ удовольствіе кушить «солдатскаго (почему-то) чернаго хлѣба», но постигло двойное разочарованіе: онъ досталъ изъ тряпки ломоть сухого пшеничнаго хлѣба — «вотъ все, что у меня есть» — и ни за что не захотѣлъ брать съ меня платы — «что ты родимый, нешто я его кушлѣ!» Чтобы не обидѣть добраго человека, я откусилъ, хотя съ трудомъ, кусокъ замерзшаго хлѣба, а «остальное» сказалъ «отнесу своимъ». — «Бывай здоровъ!» Но «мои» не захотѣли ѣсть: слишкомъ чувствовалось, что онъ лежалъ среди конскаго навоза.

Вечеромъ долженъ былъ отойти, еще неизвѣстно куда, минный заградитель передѣланный изъ плоскодоннаго, колеснаго пассажирскаго парохода: мы рѣшили съ нимъ ѣхать. Въ каютѣ-кампани, приспособленной для помѣщенія минъ, были убраны койки и мебель. Кромѣ того, были двѣ каюты, изъ которыхъ одна тоже совершенно пустая, а въ другой была койка, короткій диванчикъ и столъ. Для заболѣваго нашего спутника — П. П. Л. — мы сумѣли выговорить эту каюту: онъ улегся, а мы отправились въ городъ, конечно, пешкомъ.

Въ городѣ было сравнительно тихо. Я разговаривалъ по телефону съ директоромъ Таганрогскаго металлургическаго завода, что въ 7 верстахъ отъ города, зашелъ въ одному родственнику, который тоже говорилъ, что въ городѣ относительно тихо, отправился въ ресторанъ лучшей гостиницы вмѣстѣ съ П. К. Брицкимъ и Володей, а потомъ и въ кафе, гдѣ, между прочимъ, видѣли любопытную пару, пьющую за столикомъ кофе: молодую съ округленными формами женщину въ сѣрой солдатской рубашкѣ, такихъ же брюкахъ, высокихъ сапогахъ, сибирской шапкѣ, стянутую въ поясъ пояснымъ ремнемъ и черезъ плечи пулеметными лентами, и съ ней такъ же одѣтаго и такъ же снаряженнаго мальчугана лѣтъ двѣнадцати; у обоихъ въ рукахъ винтовки съ прищипнутыми штыками.

Гостиница была реквизирована подь 7 эвакуированныхъ изъ разныхъ городовъ и съѣхавшихся въ Таганрогъ совдеповъ: всюду шли и ѣли въ изобиліи и бойко стукали на пишущихъ машинкахъ.

По возвращеніи на пароходъ, узнавъ, что онъ скоро отходить въ Ейскъ*, мы уѣли въ рубкѣ за столъ на узкій диванчикъ, прикрѣпленный къ стѣнкѣ. Въ рубкѣ уже находилось нѣсколько другихъ пассажировъ.

Черезъ нѣкоторое время входить въ рубку матросъ, а за нимъ десятокъ его товарищей, съ шумомъ поставивъ къ ногамъ винтовки.

— Миръ честной компаніи — шаркнувъ каблучками, снявши фуражку съ георгиевскими лентами и наклонивши голову, сказалъ коренастый, средняго роста, крѣпкій, здоровый, съ сангвиничнымъ и грубымъ лицомъ, усатый брюнетъ. На груди его висѣло четыре георгиевскихъ креста и боцманская дудка.

— Позвольте представиться: бѣглый каторжный и георгиевскій кавалеръ, одинъ изъ зачинщиковъ бунта на Потемкинѣ, бѣжалъ въ Румынію; черезъ два года, не вынеся жизни на чужбинѣ, вернулся въ Россію, отдавшись въ руки царскаго правительства, Высочайше быть помилованъ съ замѣною смертной казни каторжными работами на 20 лѣтъ, бѣжалъ изъ каторги, но пойманъ, съ объявленіемъ войны, припадая къ стопамъ Его Императорскаго Величества, молилъ дать мнѣ возможность пролить мою кровь за родину, за боевые отличія получилъ георгиевскіе кресты всѣхъ четырехъ степеней, а про теперешнія мои дѣла еще рано рассказывать, прошу любить и жаловать! — Это и былъ Пугачевъ. По его командѣ матросы оставили въ углу винтовки и вышли изъ рубки, съ нимъ же осталась только его помощникъ — тоже съ георгиевскими крестами на груди, и женщина въ косынкѣ, восторженно слѣдившая глазами за каждымъ его движеніемъ.

«Что вы замолкли? Пожадуйста, меня не стѣняйтесь и разговаривайте» — обратился «Пугачевъ» къ пассажирамъ, все время, однако, переводя глаза съ одного на другого, а когда замѣчалъ, что пассажиры начинаютъ обмѣниваться фразами, то жажда стать опять центромъ вниманія, начиналъ громко рассказывать своему помощнику и женщинѣ про свои подвиги во время службы, какъ монархіи, такъ и анархіи. Володя принесъ намъ чайникъ съ кипяткомъ, мы принялись пить чай, но сахара у насъ не оказалось. Хлопнулъ въ ладоши «Пугачевъ» и выросшему, какъ изъ земли, матросу приказалъ достать на берегу сахару. Едва прошло 3—4 минуты, какъ вернувшійся матросъ высыпалъ на столъ больше фунта бѣлаго шленого рафинада, а подошедшій къ столу «Пугачевъ», будто защищая его отъ нашихъ нападеній, зло усмѣхнулся. — Ни, ни — не трогать! теперь мы будемъ съ сахаромъ, а вы пейте въ холостую! — Выпивши чаю «въ холостую», мы потянулись за портъ-сигарами, но они оказались пусты. Опять хлопокъ въ ладоши, и на столѣ появляются коробки съ дорогими пашпросами. Взявъ одну, онъ какъ будто нечаянно роняетъ на полъ, а, закуривъ другую, замѣчаетъ: «ужъ какъ небось покурить хочется!» Невдалекѣ отъ меня лежала деревянная картонка, въ которой я надѣялся найти папирсы. Потянувшись за ней, я какъ то неловко ее взялъ, картонка упала на полъ, все содержимое высыпалось. Мой спутникъ, подбѣжавъ, положилъ на столъ бумажный свертокъ и потомъ принялся укладывать вещи обратно въ картонку, а «Пугачевъ», схвативъ свертокъ и увидѣвъ тамъ штемпеля и круглыя печати Союза Металлургическихъ Заводовъ, вызвалъ своихъ матросовъ и объявилъ насъ арестованными. — Вчера тоже такъ одинъ молодчикъ обронилъ изъ кармана бумагу, нагнулся

* Переѣзжая черезъ Азовское море въ Ейскъ, мы удалялись отъ нашей дѣли, но мы надѣялись, какъ на счастливую случайность, найти тамъ судно на Бердянскъ или Мариуполь.

се — дать, но я — быстрѣ его, схватить и вижу — карта Россіи (не изъ путеводителя ли?) — очевидно шпіонъ, приказаль ребятамъ вывести въ расходъ.

Пытающе посмотрѣлъ на меня и на пассажировъ: они отзывались одобрително, допущенные тѣмъ, что въ моемъ лицѣ уже найдены громководы для «путаческаго сумасбродства и, слѣдовательно, отведена съ нихъ головъ грозившая имъ опасность, а въ глазахъ женщины — его спутницы — сіяетъ восторгъ.

По какому праву у васъ могутъ быть печати, да еще круглыя?! Такою могутъ быть только у представителямъ совѣтской власти! Вы наифное не понимаете, каковы это важныя вещи, вы не знаете, какое я придаю значеніе печатамъ и какова наша свѣтскость?! Про себя: — Что-то подозрительно! Да еще къ дуті нагбеть съ собой печати! Офицъ ко мнѣ: — Вы имѣете документы, дающіе вамъ право хранить печати?

Нѣтъ.

— А кто вы такой?

Я молча протянулъ бумагу тов. Иванова: онъ долго ее разсматриваетъ вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ, случаетъ мое безполезное знаніе съ текстомъ печатей, къ счастью прочесть не можетъ транзированныхъ наизусть словъ, и такъ какъ въ это время нашъ пароходъ уже отошелъ отъ берега, то «Путачевъ» объявляетъ дознаніе прерваннымъ впродъ до установленія личности» по прибытіи въ портъ.

Врѣяно, все это было главнымъ образомъ театральностью для позирования передъ публикой и передъ его эмансипированной поклонницей, но въ этой шуткѣ могла оказаться и маленькая доля правды.

По прибытіи въ Ейскъ «Путачевъ» съ его компаніей получилъ какія-то свѣдѣнія: они сдѣлались совсѣмъ тихими и на насъ вниманія уже не обращали. Мы узнали, что черезъ нѣсколько часовъ нашъ «минный заградитель» отправляется въ Мариуполь, что насъ очень устраивало. Въ Ейскѣ было тихо, но мы слышали какіе-то смутные разговоры о приближеніи добровольцевъ. Закупивъ на базарѣ въ изобилии прекраснаго бѣлаго хлѣба, яицъ, птицы, ветчины и пр., мы все это на извозчикѣ свезли на пароходъ.

Рано утромъ я вышелъ на палубу, какъ разъ въ то время, когда кубанскій берегъ Азовскаго моря уже окончательно скрылся, а донской еще не показывался. Судно мѣрно и плавно покачивалось на плоскихъ и широкихъ волнахъ. Почмо прикрывавшій море, какъ духовымъ одѣяломъ, туманъ освѣщался задорно-веселыми лучами еднѣ показавшаго свою макушку солнца. Надъ моремъ тихо, тихо и такъ тихо, но солнышко разбудить, начнется новый день, а можетъ быть и новая жизнь. Лучше или хуже она старой? Но гдѣ-то тамъ, еще далеко — будетъ новая жизнь.

«Путачевъ» и его матросы держали себя незамѣтно, а при подхождѣ къ берегу они даже совсѣмъ исчезли изъ виду. Во время высадки, узнавая ихъ по лицамъ, мы ихъ видѣли уже въ штыковомъ плащѣ, а оружіе ихъ поимидному было куда-то припрятано. Въ городѣ было совсѣмъ тихо, шумно и даже не попадалось революціонныхъ автомашинъ. Потомъ мы узнали, что въ Мариуполѣ дѣя за три до нашего прибытія произошло мѣстный анти-большевическій переворотъ. Произведенъ онъ былъ фронтниками (звнувшими съ фронта солдатами), вызванными къ этому коммуністами, грабками и разгромами мѣстнаго большевническаго комиссара, но въ то время онъ совершенно неожиданно, какъ для побѣжденных, такъ и для побѣдителей. Въ такъ намъ объ этомъ рассказывали: въ то время, какъ въ центрѣ Мариуполя мѣстныя, но дворѣ, окружавшемъ цркъ, находились «для порядка» въ разнѣхъ пунктахъ до 30 большевическихъ солдатъ; по какому поводу не помню,

одинъ изъ нихъ набросился на офицера-фронтовика, офицеръ выхватилъ у солдата винтовку, другіе четыре солдата попробовали стрѣлять, но нѣсколько солдатъ-фронтовиковъ отняли винтовки и у нихъ; имѣя же въ рукахъ 5 винтовокъ, послѣ кратковременной перестрѣлки, они обезоружили остальныхъ 25 большевиковъ, а выпуская съ митинга публику, отобрали и припрятанное у нея оружіе; черезъ полчаса въ рукахъ фронтовиковъ оказался уже пулеметъ, къ вечеру въ ихъ власти находился уже весь городъ, при чемъ ненавидимые тираны были арестованы, впрочемъ, за исключеніемъ главнаго изъ нихъ, который успѣлъ бѣжать.

Но что же дальше? Благодарное фронтовикамъ населеніе признало за ними всю полноту власти, но они сами не знали, что съ ней дѣлать. Я какъ то былъ на собраніи гражданъ мужского пола, созванномъ фронтовиками въ томъ же циркѣ, и вынесъ впечатлѣніе въ совершенно обывательскомъ характерѣ этого возстанія: вся его идея заключалась въ устраненіи безчинствовавшихъ и беспокоившихъ комиссаровъ, но не имѣла абсолютно ничего творческаго. Дѣйствительно, вслѣдъ за переворотомъ въ городѣ установился внѣшній порядокъ, тишина и благопріятность, но сами побѣдители терзались вопросомъ — а что же дальше? — и не находя отвѣта, готовы были сдать власть каждому, кто сумѣлъ бы на него отвѣтить. Такъ они и поступили и даже забѣжавъ впередъ: услышавъ о продвиженіи австрійскихъ войскъ по Второй Екатерининской жел.-дор. линіи, они отправили къ нимъ на десятый день послѣ своей побѣды надъ большевиками депутацію съ предложеніемъ принять городъ подъ свое покровительство, на что, однако, австрійцы согласились лишь нѣсколько дней спустя.

За маріупольскими фронтовиками должно зачислить еще одну заслугу передъ населеніемъ города, но въ ней сказалась не больше какъ готовность къ самозащитѣ.

Въ Маріуполѣ мы прожили цѣлую недѣлю, помѣщаясь у нашихъ знакомыхъ въ ихъ просторномъ особнякѣ, стоящемъ на краю господствовавшей надъ портомъ и открытымъ моремъ возвышенности. 24 апрѣля, проспавшись и отдернувши занавѣску выходившаго на море окна, я увидѣлъ какое-то странное окружавшее Маріуполь кольцо: то были суда эскадры извѣстной въ то время на югѣ Россіи своими жестокостями анархистки Маруси Никифоровой. Давно уже передавались рассказы о чудесныхъ подвигахъ вышедшей изъ сельскихъ учительницъ анархистки и садистки, но это было новостью: Маруся во главѣ пиратской эскадры осаждала Маріуполь, требуя внесенія до вечерней зари 6-ти милліонной контрибуціи подъ страхомъ снесенія города съ лица земли. Собраніе гражданъ постановило удовлетворить ея требованіе, прося лишь срока для сбора столь большой для города суммы, фронтовики же въ видѣ компенсаціи за терпѣливое ожиданіе предложили снабдить эскадру углемъ и продовольствіемъ. Предложеніе было принято адмираломъ въ юбкѣ и первымъ подошелъ къ берегу флагманскій корабль. Едва были сброшены концы и спущенъ трапъ, какъ фронтовики потребовали сдачи, подъ страхомъ разстрѣла корабля, изъ имѣвшихся въ ихъ распоряженіи шестидюймовыхъ орудій. Всѣмъ обезпечивалось сохраненіе жизни... и Маруся со своимъ штабомъ сдалась безъ выстрѣла. Мы видѣли, какъ ихъ вепи изъ порта въ городъ. Что съ ней дальше стало, я не знаю, такъ какъ въ тотъ же день мы выѣхали изъ Маріуполя.

Судовъ, отходящихъ въ Бердянскъ, не было, движеніе по желѣзной дорогѣ совсѣмъ остановилось, почему мы рѣшили ѣхать по направленію къ Екатеринославу на лошадахъ, прилично зная мѣстность и напередъ составивъ примѣрный маршрутъ; но новое затрудненіе — никто не захотѣлъ насъ везти. Наконецъ, найдя на базарѣ пріѣхавшаго изъ колоніи грека-крестьянина, уговорили его взять насъ съ собою. Оставивъ въ Маріуполѣ у нашихъ знакомыхъ Володю, деньги и наши че-

моданы, мы уѣхали втроемъ — четвертый возница — на плохенькую линейку, и не меньше плохенькая лошадка насъ потянула, преимущественно шагомъ, по уваламъ и степямъ Екатеринославской губерніи.

Мы проѣзжали черезъ греческія, нѣмецкія и еврейскія земледѣльческія колоніи и русскія села, преимущественно въ двуконныхъ фурахъ. Отъ зари до зари продвигались на 100 верстъ, а порою тряслись и ночью.

Съ утра покрытые росой зеленые всходы выпрямляются подъ весенними лучами солнца, какъ будто съ гордымъ сознаніемъ творимаго ими важнаго дѣла — они хтѣбъ дадутъ человечеству — молодыя, нетронутыя, какъ улыбка ребенка, почки распускаются, говоря — смотрите на насъ и радуйтесь нашей свѣжести и чистотѣ, радуйтесь солнцу, міръ озаряющему, хвалите творца природы совершенной, славьте Бога, міръ міру давшаго ...

— А это что за канава и насыпи свѣжей земли?

— То наши греки защищали колонію отъ большевиковъ. Дважды отбили, такъ въ колонію и не пустили.

Прѣхавъ нѣсколько верстъ, грекъ продолжаетъ, объѣзжая три или четыре уже оплывшихъ земляныхъ кучки:

— Тутъ нѣмцы-колонисты поймали и убили комиссаровъ-конокрадовъ, тутъ же и схоронили.

Далеко слышна канонада: то — между Розовкой и Волновахой австрійцы, не неся урона, укладываютъ на зеленые всходы тысячу пятьсотъ тѣлъ храбро и безсмысленно шедшихъ на смерть матросовъ и рабочихъ, защищавшихъ подступы къ Донецкому бассейну.

Вотъ изъ оврага волками на насъ смотрятъ какихъ-то два оборванныхъ, босыхъ челявѣка. Вотъ на той дорогѣ кучка австрійцевъ-военнопленныхъ пробирается къ своимъ.

Подхлестываетъ грекъ лошаденку: «Какъ бы плохо не было! смотрите!» — на горизонтѣ видна колымага съ десяткомъ какихъ то людей ...

Подъ высоко стоящимъ солнцемъ весело стрекочутъ не знающіе вражды и войны птицы, радуясь свѣту, радуясь жизни. Переѣзжая при станціи Розовой Вторую Екатерининскую линію, мы повстрѣчали австрійскія войска. Мрачный у нихъ видъ — хорошо ли, что такъ глубоко зашли? — недалеко на востокъ къ Волновахѣ бой съ большевиками.

Въ Розовой мы хотѣли переночевать. Люди, боясь другъ друга, не хотѣли къ себѣ выпускать какихъ-то странныхъ, не въ пору путешествующихъ. Однако, нашелся старикъ-еврей, знавшій еще въ шестидесятыхъ годахъ моего отца, когда онъ строилъ первый на югѣ Россіи большой, принадлежавшій «Французской компаніи» рудникъ въ Кураховѣ.

Слѣдующую ночь мы провели въ Гуляй-Полѣ — въ столицѣ анархиста и разбойника Махно. Поздно вечеромъ, уже почти въ центрѣ этого большого, похожего на городъ по своему устройству села насъ встрѣчаютъ недоумѣнными вопросами парочка виномѣ «буржуазнаго» вида въ фетровыхъ плащахъ и насторovýchъ пальто — отъ дѣла? что за фантазія путешествовать въ такомъ хаосѣ и въ такое время, когда въ фетровыхъ, хотя толькомъ даже никто не знаетъ противъ кого, съ кѣмъ и за что? какъ могли насъ пропустить окружающее село махновцы? какъ насъ не задержала обыкновенная стража? — Патруль проводитъ насъ тѣмъ не менѣ въ лучшую гостиницу, гдѣ мы прекрасно поужинали и выспались.

Гуляй-Полѣ, находящаяся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ желѣзной дороги и занятая главными силами Махно, было нарочито обойдено австрійцами. Махно же,

въ своихъ разчетахъ не допускавшій этого, при первомъ появленіи австрійскихъ войскъ на станціи, спѣшно вышелъ со своими соратниками изъ села, побросавъ въ немъ много военнаго имущества, въ томъ числѣ и нѣсколько орудій. Предоставленное само себѣ населеніе зажиточнаго торговаго села образовало милицію для поддержанія внутренняго порядка и для отраженія возможныхъ натисковъ со стороны Махно, пославъ вмѣстѣ съ тѣмъ гонцовъ къ австрійцамъ, прося помощи, но австрійцы не торопились, а Махно почему-то и что-то выжидалъ. Храбрые обыватели полагаютъ, что Махно боится ихъ пушекъ, но судя по тому, что мы свободно проникли въ село и безпрепятственно выѣхали изъ него на слѣдующее утро, получивъ письменные пропуска, какъ отъ обывательскаго комитета, такъ равно на окраинѣ села, куда ходилъ для этого мой спутникъ Наркисъ Кирилловичъ, и изъ «штаба» Махно, — позволительно думать, что причины были какія-то инныя.

Поздно вечеромъ 27-го апрѣля, поднявшись на водораздѣлѣ, мы увидѣли вдали залитую электрическимъ свѣтомъ станцію Синельниково, откуда оставалось до Екатеринослава уже только всего 50 верстъ.

Едва мы вошли въ вокзалъ, какъ намъ бросился въ глаза плакатъ — «Bahnhofs-kommandant» — прошли по широкому коридору въ буфетъ — нигдѣ ни одного представителя «революціонной демократіи», нѣтъ толпищъ, ожидающихъ поѣзда, мирно сидятъ кое-гдѣ за покрытыми салфетками столами пассажиры и нѣсколько германскихъ унтеръ-офицеровъ; — вышли на платформу — тамъ мѣрно шагаютъ въ шлемахъ и съ винтовками въ рукахъ мрачные часовые ...

Вотъ онѣ — «германо-гадамацкія банды!»

Съ французами

Владимира Майбородова

Rouge, blanc, bleu — les français sont
de mauvais gueux. —

Швейцарская поговорка.

Осенью 1918 г. опять настали тревожные дни въ Одессѣ. Отдохнувшіе подъ защитою нѣмецкихъ войскъ, жители жадно ловили и передавали другъ другу всякаго рода слухи. Газеты сообщали о событіяхъ, которыя развертывались со сказочной быстротой. Крушеніе Германской и Австрійской Имперій отразилось и на насъ. Огромный край Россійской Имперіи — Украина, гдѣ находили себѣ пріютъ всѣ бѣжавшіе отъ большевиковъ и беззаботно, по сравненію съ обитателями Великороссіи, жили «граждане» Великой Украины, погружался въ состояніе анархіи, т. е. переходилъ подъ власть Петлюры.

Наконецъ, и въ Одессѣ петлюровцы «захватили власть». Произошло это автоматически, безъ особыхъ осложнений для города, но торжество побѣдителей было недолговременно; въ скоромъ времени добровольцы Гришина-Алмазова, подъ прикрытіемъ прибывшихъ въ портъ съ Салоникскаго фронта французовъ, выбили ихъ изъ города, и надъ Одессой послѣ долгаго отсутствія стать опять развѣиваться русскій національный флагъ, а съ нимъ рядомъ тѣ-же цвѣта, но въ другомъ порядкѣ, — союзнаго французскаго флага.

Всѣ вздохнули свободно. Слава Богу, гроза миновала. Правда, при нѣмцахъ было спокойно, хорошо, даже очень хорошо, но на сердцѣ у каждаго было тогда что-то такое, что портило настроеніе. Люди праваго направленія скорбѣли о томъ, что живутъ-де они уже не въ Россіи, а въ какой-то Украинѣ, гдѣ распоряжаются нѣмцы; новые порядки, хотя и нисѣмъ не заводились, а все шло по старому, т. е. какъ до революціи, но тѣмъ не менѣе измѣна союзникамъ, расчлененіе Россіи по нѣмецкому плану и т. д. — портили настроеніе. Лѣвые при гетманѣ, пользуясь полнымъ порядкомъ, тосковали объ утратѣ завоеваній революціи.

Типичнѣе къ большевикамъ проявлялось ими открыто и, не столько прихоть французовъ, сколько крушеніе Германской и Австрійской Имперій и уходъ нѣмцевъ, радовали ихъ. Съ приходомъ французовъ, по городу замелькали красныя шапки (шениа) азуановъ, небесно-голубыя шинели и рогатые шляпы нѣхоты. Замечая французскія рѣчь; но нѣхъ кафе, ресторанахъ и другихъ мѣстахъ унаследованій замечали кепи французскихъ офицеровъ; начались знакомства, разговоры, пріискрѣпленія, — однимъ словомъ «аллиансъ» полный.

Скоро за французами стали приходить греки. Но на них как-то мало обращали вниманія: первую роль во всем играли французы: греки оставались въ тѣни, хотя количество ихъ все время увеличивалось. Почти каждый день приходили все новыя и новыя транспорты, войска выгружались, проходили на вокзалъ, двигались походнымъ порядкомъ по улицамъ города и своимъ видомъ успокаивали жителей, начинавшихъ было задумываться надъ непрочною своего положенія при видѣ безобразящихъ по улицамъ пьяныхъ «пью-пью» и «зу-зу», т. е. пѣхоты и зуавовъ.

Прошло нѣсколько недѣль. За это время установилась «русская» власть на смѣну украинской. Стали назначаться должностныя лица на болѣе или менѣе отвѣтственные мѣста, формироваться учрежденія и воинскія части. Однимъ словомъ, обычная картина, слѣдующая за «переходомъ власти» въ новыя руки.

Херсонскій губернаторъ предложилъ мнѣ занять мѣсто начальника уѣзда въ одномъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи, въ которомъ еще орудовали петлюровцы, но куда должны были выступить французы. Я изъявилъ свое согласіе и сталъ ожидать. Совмѣстное дѣйствіе съ французами мнѣ улыбалось и казалось заманчивымъ. Предстояла возможность поближе ознакомиться съ нашими союзниками и побыть съ ними въ обстановкѣ весьма интересной.

Однажды вечеромъ, когда я уже былъ въ постели, зазвонилъ телефонъ. На мой вопросъ, сдѣланный въ тонѣ, по всей вѣроятности, не особенно любезномъ — «кто у телефона?» — получилъ отвѣтъ: «Херсонскій губернаторъ». Губернаторъ съ первыхъ словъ предложилъ мнѣ завтра быть къ 7 часамъ утра у него на квартирѣ, чтобы, получивши тамъ соотвѣтствующія инструкціи и предписанія, отправиться въ 8 часовъ утра на вокзалъ и вмѣстѣ съ французами ѣхать на станцію Колосовку, гдѣ будетъ находиться передовой французскій отрядъ, при которомъ я долженъ буду состоять въ качествѣ представителя гражданской власти до тѣхъ поръ, пока не представится возможность двинуться въ предназначенный для моей службы уѣздъ. Пожелавъ спокойной ночи, я повѣсилъ трубку и улегся въ постель. Различныя мысли тѣснились въ головѣ: что-то будетъ завтра, какія будутъ инструкціи отъ начальства и какъ примутъ меня французы.

На утро, съ небольшимъ количествомъ самыхъ необходимыхъ вещей, въ назначенный часъ я былъ у губернатора.

Почти одновременно со мною туда-же явились еще два незнакомыхъ мнѣ лица, одѣтыхъ въ военную форму, но безъ погонь. Оказалось, что это тоже представитель гражданской власти и его помощникъ при другомъ французскомъ отрядѣ, направляющемся на станцію Раздѣльную. Къ намъ вышелъ губернаторъ; въ рукахъ у него были заготовленные для насъ удостовѣренія, которыя мы должны были предъявить французамъ. Передавъ намъ эти удостовѣренія, онъ пожелалъ намъ счастливаго пути и попросилъ насъ сейчасъ-же ѣхать на Одессу-Товарную, гдѣ происходитъ погрузка войскъ, предупредивъ, что мы должны будемъ прибыть съ французскими войсками на указанныя намъ станціи, что за нами остаются еще петлюровскіе отряды, съ которыми французы ведутъ переговоры, но что въ скоромъ времени петлюровцы уйдутъ. Про обѣщанныя вчера инструкціи о томъ, въ чемъ-же именно заключаются наши обязанности — ни слова. Я напомнилъ объ этомъ. — «Какія тамъ теперь инструкціи», получилъ я въ отвѣтъ, и, какъ-бы желая смягчить рѣзкость своихъ словъ, онъ добавилъ — «Вы безъ всякихъ инструкцій поймете, что надо дѣлать. Телеграфируйте только мнѣ каждый день и копію Вашей телеграммы отправляйте также помощнику военного губернатора по гражданской части А. И. Пильцу. Мы Вамъ сообщимъ,

если что надо будет. А теперь до свиданья, счастливого пути.» II пожавъ намъ руки, и проводивъ до порога, губернаторъ возвратился къ себѣ, — мы стали спускаться по лѣстницѣ.

Будучи по дорогѣ къ Одессѣ-Товарной, я былъ настроенъ не такъ весело, какъ во время своего пути изъ дому къ губернатору: «петлюровцы», или, какъ я ихъ всегда называлъ, — «песенготовцы», испортили мое настроеніе. То обстоятельство, что регулярная армія, побѣдившая нѣмцевъ, вмѣсто рѣшительныхъ приказаній и дѣйствій, ведетъ какіе-то переговоры съ бандами, нарушившими законы божескіе и человѣческіе, занимавшимися грабежами и убійствами, ничѣмъ въ своихъ дѣйствіяхъ не отличавшимися отъ большевиковъ, возбуждало у меня сомнѣнія, и мнѣ необходимо казалось, что добра отъ этого не будетъ. Ну, да что Богъ дастъ, посмотримъ, что изъ этого выйдетъ? Съ такими мыслями я подходилъ къ станціи. Весь станціонный дворъ былъ занятъ войсками: стояли пѣхота, пушки и зарядные ящики артиллеріи, двуколки съ походными кухнями, между бѣгали французскіе солдаты, отдавали распоряженія и что-то исполняли. Картина обычная при погрузкѣ войскъ. Все это дѣлалось въ полномъ порядкѣ — не слышно было никакого крика, ругани, столь принятой въ обиходѣ нашихъ войскъ, никакихъ замѣчаній, все шло само по себѣ. Въ тотъ моментъ, когда я вошелъ на перронъ, грузилась кавалерія; вводили по очереди хорошенькихъ арабскихъ лошадокъ африканскихъ охотниковъ и устанавливали ихъ по мѣстамъ. За всѣмъ этимъ молча, съ трубкою въ зубахъ, съ краснымъ какъ фонарь носомъ, съ надвинутымъ на него кепи, въ холодной шинели, несмотря на большой морозъ, стоялъ старый офицеръ, какъ оказалось, подполковникъ Жю — командиръ всего отряда. Видно, что онъ весь закоченѣлъ и ему такъ же холодно, какъ и солдатамъ, ожидающимъ очереди погрузки; мнѣ казалось, ему было-бы гораздо удобнѣ отправиться въ свой вагонъ и укрыться тамъ отъ пронизывающаго тѣло холода. Но, какъ я узналъ потомъ, онъ считалъ своимъ долгомъ оставаться на избранномъ для наблюденія мѣстѣ до того времени, когда послѣдній солдатъ его отряда вошелъ въ вагонъ. Тогда только онъ, наконецъ, вошелъ въ поѣздъ и, надѣвъ шубу изъ козьего мѣха наружу, сталъ отогрѣвать свои закоченѣвшіе отъ продолжительнаго, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, стоянія на морозѣ члены.

При моемъ появленіи на перронѣ, замѣтивъ меня, подошелъ ко мнѣ русскій офицеръ и спросилъ, что мнѣ здѣсь нужно; получивъ отвѣтъ, указавъ на молчаливую фигуру полковника. Я подошелъ къ нему, представился и предъявилъ ему свое удостовѣреніе.

Пробормотавъ что-то себѣ подъ носъ, не вынимая трубки изъ рта, полковникъ Жю кинувъ головой и продолжать молча наблюдать за погрузкой. Я отошелъ въ сторону и, видя, что мнѣ дѣлать нечего, отправился искать офицерскій вагонъ, куда и посѣлившись укрыться отъ все усиливающагося мороза. Устроившись въ уголокъ, я задремалъ, но вскорѣ былъ разбуженъ стоявшимъ предо мною русскимъ офицеромъ, который заявилъ мнѣ, что это вагонъ для начальника французскаго отряда и его штаба, и просилъ меня оставить мое мѣсто. Я молча протянулъ ему свой «мандатъ», и мы познакомились: оказалось, что это былъ одинъ изъ офицеровъ, прикомандированныхъ къ отряду въ качествѣ переводчиковъ, и что онъ уже съезжалъ при немъ нѣсколько недѣль. Я сталъ расспрашивать его о французскихъ порядкахъ, объ отношеніяхъ къ нашимъ офицерамъ и т. д.; на все получались самыя удовлетворительныя отвѣты. Командиръ Жю — старый африканскій служака, не дуракъ внешне, любилъ поухаживать, очень внимателенъ по отношенію къ русскимъ офицерамъ. Остальная компанія офицеровъ въ томъ-же духѣ: кор-

мать великолѣбно; пьютъ еще того лучше; всѣ веселы и беззаботны. Очень довольны, что пришли въ Россію, и думаютъ двигаться дальше по направленію къ Кіеву. Однимъ словомъ — настроеніе очень бодрое и всѣ довольны, что на ихъ долю выпало счастье быть первыми при возстановленіи порядка въ Россіи. Нашъ разговоръ былъ прерванъ приходомъ группы офицеровъ во главѣ съ полковникомъ. Оказывается, что погрузка уже кончилась, что первый поѣздъ, съ маленькой пушкой и пулеметами на открытой платформѣ впереди, отошелъ уже для очищенія пути, такъ какъ по полученнымъ свѣдѣніямъ могло быть оказано сопротивление со стороны петлюровцевъ, и что скоро двинемся и мы. И дѣйствительно, пока съ шумомъ и смѣхомъ офицеры занимали мѣста, устраивались поудобнѣе, поѣздъ медленно двинулся, и мы покатили по линіи Одесса-Бахмачъ къ станціи Колосовка, гдѣ мы должны были расположиться на неопредѣленный срокъ.

Первое время ухо мое съ трудомъ улавливало знакомыя французскія слова въ слишкомъ быстромъ и непривычномъ произношеніи французскихъ офицеровъ; многія слова совсѣмъ не были знакомы и только съ большимъ напряженіемъ можно было понять, о чемъ говорятъ кругомъ. Какъ оказалось, все привлекало вниманіе иностранцевъ. Особенно поразились они комфортабельностью нашихъ вагоновъ. Обыкновенный вагонъ II класса, носившій на себѣ слѣды завоеваний революціи, казался имъ верхомъ удобства и комфорта. Падавшій все время снѣгъ, какъ нарочно, создавалъ картину, которую, очевидно, уже давно ѣхавшіе къ намъ французы рисовали себѣ въ своемъ воображеніи.

Первый вопросъ, съ которымъ обратился ко мнѣ полковникъ Жэ, былъ о томъ, — много-ли тамъ, куда мы ѣдемъ, медвѣдей. Мнѣ стоило большого труда увѣрить, что въ этихъ мѣстахъ про медвѣдей никто не слыхалъ, но что зайцевъ тамъ порядочно. Видно было, какое разочарованіе отразилось на его лицѣ, когда онъ услышалъ это отъ меня. Когда-же я объяснилъ, что и снѣгъ, покрывающій все кругомъ толстымъ слоемъ, здѣсь также явленіе незаурядное, что это, очевидно, судьба нарочно устроила имъ такую картину зимняго ландшафта, чтобы сдѣлать иллюзію похода французовъ въ Россію въ 1812 году, онъ отнесся съ недоверіемъ къ моимъ словамъ, рѣшивъ, очевидно, что я или плохо знакомъ съ условіями русской дѣйствительности, или умышленно искажаю истину, желая похвастаться, что у насъ все такъ же, какъ и въ Европѣ. Предложивъ еще нѣсколько вопросовъ о томъ, есть-ли на станціи Колосовка дрова, подходящія квартиры для людей, конюшни для лошадей и т. п., что касалось удобства предполагаемой стоянки, и, не получивъ отъ меня необходимыхъ свѣдѣній, полковникъ довольно раздражительнымъ тономъ спросилъ меня — «да были-ли Вы когда нибудь на этой станціи?» — и былъ очень недоволенъ, что я тамъ абсолютно никогда не былъ и удовлетворить его познанія въ интересовавшей его области не могу. — «Очень жаль», — высказалъ свою мысль разочарованнымъ тономъ полковникъ, — «я ожидалъ, что мнѣ дадутъ такого человѣка, который все знаетъ и своимъ вліяніемъ будетъ намъ полезенъ.» Я не сталъ увѣрять его въ томъ, что для представителя гражданской власти нужны другія познанія мѣстныхъ условій, быта, законовъ и обычаевъ, чѣмъ та узкая область, о которой говоритъ полковникъ, и сталъ присматриваться къ офицерамъ штаба полка (*état major du régiment*), съ которыми мнѣ потомъ пришлось прожить въ самой тѣсной обстановкѣ много мѣсяцевъ.

Особенно выделялся среди нихъ офицеръ высокаго роста, худой съ черною бородкой, — всѣмъ своимъ видомъ и фигурой удивительно похожій на Донъ Ки-

хота, но отличавшийся своею экспансивностью, живостью, веселіемъ и добродушіемъ. — это былъ лейтенантъ Шевалье-де-Шантепи, офицеръ связи.

Своимъ обращеніемъ, постоянными вопросами, на которые онъ совсѣмъ и не стремился получить отвѣтъ, онъ выражалъ свою любовь ко всему русскому и къ намъ съ русскимъ переводчикомъ офицеромъ въ томъ числѣ. Видно было, что онъ страшно счастливъ, что онъ въ Россіи, что для него это праздникъ и величайшая радость. Его шумная веселость и мелькавшая, чуть-ли не одновременно во всѣхъ углахъ вагона, фигура симпатичнаго лейтенанта наполняла вагонъ и заражала всѣхъ своимъ настроеніемъ.

Красавецъ докторъ Виолетъ сидѣлъ рядомъ со мной и только молча и любовно поглядывалъ на меня. Взаимная симпатія у насъ возникла съ перваго взгляда и не покидала насъ до самого конца, къ сожалѣнію такого трагическаго и неожиданнаго для всѣхъ и въ особенности для браваго доктора.

Среди другихъ выдѣлялся еще третій офицеръ, небольшого роста съ длинными рыжими усами, съ постоянными шутками на устахъ, — адъютантъ полковника — лейтенантъ Жене. Беседуя съ нимъ изъ нижнихъ чиновъ, награжденный всевозможными знаками отличія, до почетнаго легіона включительно, уроженецъ той-же деревни, откуда былъ родомъ и командиръ — его сослуживецъ и спутникъ по скитаніямъ въ Африкѣ — лейтенантъ чувствовалъ себя хозяиномъ положенія и правой рукой командира.

Мнѣ немедленно былъ организованъ обѣдъ, распределены между всѣми порціи консервовъ и всего, что было въ запасѣ. За ѣдой начались непринужденные разговоры. Физиономія полковника расплылась въ широкую улыбку: шутки, смѣхъ и веселье охватили всѣхъ присутствующихъ. Центромъ вниманія и заботы оказался я. Всѣ угощали меня наперебой, въ то же самое время стараясь объяснить мнѣ неслыханныя мною названія обыкновенныхъ предметовъ: — «вотъ это — обезьяна — *singe*», — говорилъ Шантепи, предлагая мнѣ коробку съ мясными консервами; — «а это — *пинаръ*», говорилъ Жене, протягивая мнѣ налитый до краевъ стаканъ краснаго вина.

Нашъ русскій офицеръ чувствовалъ себя за обѣдомъ, какъ рыба въ водѣ, — *пинаръ*, *ошюнь* и другіе техническіе термины были уже знакомы ему не только по названію, но онъ, очевидно, понималъ и оцѣнилъ и всю заманчивую ихъ сущность и воздавалъ имъ должное. Обѣдъ былъ конченъ, мы закурили трубки и стали обмѣливаться дружескими фразами. Никто изъ присутствующихъ, при всемъ желаніи выговорить мою фамилію, не могъ этого сдѣлать; узнавъ мое имя, мы стали называть меня просто Владимиръ, — подъ этимъ названіемъ я былъ извѣстенъ до самаго послѣдняго дня.

Пуская клубами дыма и потягивая уже не простой *пинаръ*, а *pinar de luxe*, т. е. отличное бордо, спутники мои постепенно оставили разговоры и дружно начали пѣть хоромъ: бравурные, веселые мотивы пикантныхъ французскихъ пѣсенокъ, имѣвъ съ выпитымъ виномъ, подымали настроеніе. *Il est cocu, le chef de gare, il est cocu, il est cocu*, — пѣла компанія слова знакомой мнѣ, по описаніямъ французскаго фронта, пѣсенки. У каждаго изъ офицеровъ былъ свой любимый мотивъ, который онъ и затягивалъ утѣренными голосомъ. Que je suis beau sergent fourrier, — былъ любимый номеръ нашего доктора; эта совершенно непристойная по своему содержанію, но замѣчательно красивая по методу пѣсенка не смѣшала съ его губъ въ теченіе цѣлаго дня. И теперь, лишь только утихъ изъ слова *фери*, воспѣвавшей бѣднаго начальника станціи, докторъ утѣренными голосомъ вачалъ свой любимый мотивъ: *Que je suis beau sergent fourrier*,

que je suis sergent fourrier, пѣлъ онъ; — J'aime savoir ou fourre le pied, j'aime savoir ou fourre le pied, — подхватилъ хоръ. И веселые звуки молодыхъ головъ, смѣшиваясь со стукомъ колесъ быстро идущаго поѣзда, наполняли душу радостью и бодростью.

Было такъ хорошо и пріятно среди шумнаго и молодого веселья и беззаботности. Забылись все ужасы революціи и недавней петлюровщины. Присутствіе вѣрныхъ союзниковъ было неоспоримымъ доказательствомъ того, что все уже кончено, что съ ихъ помощью и содѣйствіемъ мы возстановимъ порядокъ и опять Россія займетъ подобающее ей мѣсто среди другихъ народовъ.

Особенно пріятно было чувствовать, что французы, наши вѣрные союзники, для которыхъ мы понесли столько жертвъ, не оставили насъ въ бѣдѣ; по первому нашему зову пришли къ намъ на помощь и охотно и радостно идутъ на встрѣчу всемъ опасностямъ, лишь-бы заплатить намъ свой долгъ.

Задумавшись объ этомъ, я совершенно не обратилъ вниманія, что вмѣсто незнакомыхъ мнѣ мотивовъ французскихъ пѣсень, русскій капитанъ, пріятнымъ теноромъ выводилъ слова старой студенческой пѣсни — «отъ зари до зари — лишь зажгутъ фонари — то студенты толпами шатаются, они пьютъ и поютъ, и еще кое чѣмъ занимаются», — а французы дружнымъ хоромъ подхватывали: «веригу ли ди ля ля, веригу ли ди ля ля»... И казалось, что я опять переживаю прошедшіе студенческие годы и нахожусь гдѣ нибудь на студенческомъ вечерѣ въ родной семьѣ своихъ студентовъ. Красныя заушскія фески и необычные мундиры, казалось, для шутки и «веселости» надѣты подвыпившими студентами — коллегами. Общее веселье достигло апогея, когда тотъ-же капитанъ-переводчикъ запѣлъ слова малорусской пѣсни «гречаники». — «И твій батько и мій батько, вони були козаки, посидали середь хаты, тай напилсь якъ быки», — выговоривалъ онъ, а остальные французы дружнымъ хоромъ подхватывали: «гопъ мой гречаники, гоппъ мой мили» и т. д. «Гопъ, гоппъ, гоппъ», — басомъ ухалъ бравый докторъ. Шантени не выдержалъ и тутъ-же между диванчиками вагона пустился въ присядку. Такъ за короткій срокъ своего пребыванія въ Одессѣ научились французы веселиться по русскому. Полковникъ, откинувшись на спинку дивана, глядя на долговязую фигуру своего офицера, дрыгающего ногами въ припадкѣ неудержимаго веселья и танцующаго русскаго «казачка», беззвучно хохоталъ, и отъ смѣха на его красный носъ катились слезы. Его адъютантъ Жене, не разставаясь со стаканомъ «пинаръ де люкель», въ которомъ онъ мочилъ свои длинные усы, приговаривалъ «Карашо, карашо, ахъ карашо.»

Такъ проходило время. Наступилъ вечеръ, понемногу все стихло. Мы стали укладываться. Лежа рядомъ на диванчикѣ, мы съ докторомъ объяснялись въ любви.

— Ахъ, какъ я люблю Васъ, М-гъ Владимиръ, и все Русское! Какъ все Вы милы, — говорилъ онъ. — Какъ все у Васъ хорошо. Я пробылъ у Васъ въ Одессѣ всего лишь три недѣли, но за это время я понялъ, что не любить Россію и русскихъ нельзя. Сколько у Васъ благородства. Весь укладъ Вашей жизни другой, чѣмъ у насъ. Насъ все такъ радушно принимаютъ, оказываютъ намъ столько вниманія, заботы. Повѣрьте, что дома мы бы не получили такого пріема и не испытали-бы такого отношенія, — продолжалъ онъ. — А Ваши женщины, — для нихъ можно съ ума сойти. Если я когда нибудь женюсь, я женюсь только на русской. Жизнь съ нею будетъ раемъ. Въ русской женщинѣ столько граціи, нѣжности и поэзіи, что она воплощаетъ въ себѣ весь міръ; и сколько у Васъ такихъ милыхъ дамъ и барышень. Тамъ въ артиллерійскомъ училищѣ, гдѣ стоитъ нашъ полкъ, въ ка-

каждой семьѣ одна лучше другой, все наши офицеры уже влюблены и все хотятъ жениться на русскихъ. Я такъ радъ, что попалъ въ Россію, мнѣ такъ бы хотѣлось остаться здѣсь подольше, чтобы увидѣть все поближе, научиться русскому языку и сумѣть понять душу такого великаго самоотверженнаго народа. —

Бѣдный докторъ и не чувствовалъ, какъ онъ близокъ къ выполнению своего желанія, что въ Россіи онъ останется навсегда.

— Ну, а что Вы скажете о большевикахъ? — спросилъ я его. — Какъ представляютъ себѣ ихъ французы? —

— Что такое большевики? — переспросилъ докторъ. — Большевики — это боши. — отвѣтилъ онъ. — Какъ пытались они задушить насъ на фронтѣ газами, разбить Парижъ изъ дальнои Берты, такъ и теперь они дѣйствуютъ большевиками. Большевиизмъ это тотъ-же удушливый газъ, который боши пустили на русскій народъ. О, это мы все отлично понимаемъ. Борьба съ большевиками — продолженіе войны: поэтому то все наши такъ охотно и пришли въ Россію. Какъ Вы видите, здѣсь столько молодежи, у всехъ у нихъ дома родные и близкіе, и все мы бы имъ хотѣлось домой, но они видятъ — война еще не кончена, перенесена только на другой фронтъ. Мы, вѣдь, столько понесли жертвъ, намъ было такъ трудно, поэтому-то, чтобы покончить съ этимъ навсегда, мы должны довести дѣло до конца и уничтожить все зло, сдѣланное бошами. Боши — это такіе жестокие, и мы ихъ такъ ненавидимъ, что будемъ бороться до конца, до полной побѣды. —

Мало по малу докторъ умолкъ, а потомъ и совсѣмъ заснулъ. Я дремалъ, стараясь не поддаваться сну. Мнѣ казалось, что вотъ-вотъ раздастся выстрѣлъ, произойдетъ нападеніе или что нибудь въ этомъ родѣ, со стороны петлоровцевъ, кинавшихъ въ этомъ районѣ. Мнѣ были памятны ихъ дѣйствія передъ приходомъ французовъ и бездѣльная, жестокая перестрѣлка на улицахъ Одессы въ день прибытія союзнаго десанта. Но, слава Богу, все было тихо, поѣздъ плавно катился по рельсамъ, вагоны покачивались и со всехъ дивановъ слышалось мирное похрапываніе спящихъ. На станціяхъ поѣздъ останавливался, кто-то ходилъ подъ окнами, разговаривалъ.

На одной изъ станцій я вышелъ и разговорился съ дежурнымъ по станціи. Онъ сообщилъ мнѣ, что передовой поѣздъ продвигается впередъ безъ препятствій, все станціи по телефону сообщаютъ о готовности принять его, такъ какъ петлоровцевъ нѣтъ, — ушли въ сторону отъ полотна ж. д., въ глубь уѣзда. Я невольно спросилъ: «Ну, а у Васъ они были?» — «Какъ-же, — еще недавно стояли здѣсь, и только передъ Вашимъ приходомъ удрали.» — «Какъ-же Вамъ было съ ними?» — «Охъ, да и не спрашивайте. Это такая-же ... какъ и большевики, — кто хуже — и не знаю. Оба хуже», — добавитъ онъ улыбаясь. «Ну, да теперь конецъ — союзники пришли — все мы имъ крышка. А то, знаете, просто обидно: большевики, петлоровцы — все грабятъ, реквизируютъ, разстрѣливаютъ, кто за того — сами не знаютъ. А немцы пришли — все къ себѣ домой тащатъ, какъ воры на базарѣ. Пока они тутъ были, сколько добра увезли къ себѣ въ Германію, хлеба, скота, свиней, гусей, — ничѣмъ не брезгали, все тащили. Аккуратный народъ — чисто работали».

И вошелъ въ вагонъ, улегся на свое мѣсто и заснулъ. Проснулся уже, когда было светло. Поѣздъ стоялъ, все поднимались, зѣвая и потягиваясь; быстро вышли горячаго кофе и вышли на станцію. Оказывается, мы уже были на станціи Колосовскѣ. Цѣль нашего путешествія была достигнута, надо было выгру-

жаться и устраниваться. Полковникъ Жэ обратился ко мнѣ и предложилъ весьма сухимъ тономъ передать начальнику станціи, что онъ желаетъ быть устроеннымъ на квартирѣ лучше, чѣмъ начальникъ станціи. — «Понимаете-ли Вы, — я хочу быть помѣщенъ лучше, чѣмъ онъ.» — повторилъ полковникъ, указывая глазами на начальника станціи, молча стоявшаго тутъ-же. — «Скажите ему это.» — Такой тонъ меня удивилъ. Я понималъ желаніе полковника, но рѣзкая форма, въ которой оно было выражено, показалась мнѣ странной. Я передалъ начальнику станціи желаніе командира, но совершенно въ другой формѣ.

— Полковникъ увѣренъ, — говорилъ я, — что Вы, какъ начальникъ станціи, хорошо примете гостей и устроите ихъ соотвѣтственнымъ образомъ по квартирамъ. Они, вѣдь, совершили большой переходъ и устали послѣ войны, и я надѣюсь, что Вы дадите имъ хорошія квартиры. —

— Какъ-же, помилуйте, — мы уже все это устроили. Г. полковника разрѣшите просить ко мнѣ, а для другихъ г. г. офицеровъ найдется мѣста у станціонныхъ служащихъ; только пусть извинятъ насъ, ради Бога, — мы здѣсь живемъ въ глуши, плохо и не можемъ имъ доставить большихъ удобствъ. —

Я передалъ слова начальника станціи полковнику и добавилъ, что то, что онъ мнѣ говорилъ въ началѣ, мною было выражено въ другой формѣ, что такая форма напрасно-бы обидѣла человѣка, который съ полною готовностью по собственному почину сдѣлалъ то, что отъ него требовали обстоятельства. На что полковникъ что то буркнулъ себѣ подъ носъ и сказалъ: — «я хочу, чтобы мѣры всѣхъ окрестныхъ селъ явились сегодня-же ко мнѣ.»

Началась выгрузка. Скоро по всей станціи замелькали фигуры зуавовъ, всюду ихъ встрѣчали, какъ дорогихъ гостей. Полковникъ Жэ со своимъ штабомъ и мною обошли всѣ помѣщенія и, видя, какъ принимаютъ людей, довольный отправился въ свою комнату устраниваться, а я пошелъ выполнять его распоряженіе о вызовѣ «мэровъ» сосѣднихъ селъ.

Какъ оказалось, ближайшая къ станціи волость состояла изъ нѣмецкихъ колоній. Такимъ образомъ предстояло на первыхъ-же шагахъ представить командиру «мэра» изъ ненавистныхъ ему бошей. Этому-то бошу я и послалъ съ нарочнымъ бумагу слѣдующаго содержанія: «предлагаю Вамъ по полученіи сего немедленно явиться на ст. Колосовку для полученія соотвѣствующихъ распоряженій отъ командира отряда союзныхъ французскихъ войскъ. Копію настоящаго предписанія переслать въ передаточномъ порядкѣ въ ближайшія сосѣднія волости и предложить имъ немедленно исполнить то же самое.»

Отправивъ это предписаніе, я пошелъ съ лейтенантомъ Жене, который оказался распорядителемъ офицерской столовой (chef de repote), посмотреть, какъ устроился поваръ и какъ готовятъ обѣдъ. На запасныхъ путяхъ стоялъ вагонъ, въ которомъ помѣщалась столовая для ж. д. служащихъ, тамъ мы нашли во всеоружіи нашего повара Эка, который, устроившись, какъ дома, орудовалъ во всю. Ему помогала хозяйка столовой съ сестрой, съ которой они вели оживленный разговоръ, несмотря на то, что обѣ стороны владѣли только своимъ роднымъ языкомъ. Лейтенантъ Жене принялъ самое горячее участіе въ разговорѣ, пересыпая свои фразы словомъ «карашо» и подмигивая дамамъ, приходившимъ въ восторгъ отъ галантности кавалера. Скоро обѣдъ быть готовъ, и къ нему собралась вся компанія. У всѣхъ были довольныя лица. Всѣ наперебой рассказывали, какъ они устроились, гдѣ кто размѣстился, у кого какіе хозяева. Особенно были рады тѣ, которые устроились по сосѣдству съ барышнями телеграфистками.

Экъ отличился на славу и подать намъ отличный обѣдъ изъ четырехъ блюдъ, которому всѣ оказали должное.

Соотвѣтствующее количество пинара и другихъ винъ оказало свое вліяніе. — опять начались безконечные разговоры и только, когда начало смеркаться, всѣ разошлись по домамъ.

Штабъ, въ томъ числѣ и я, остался жить въ вагонѣ. Каждый занялъ отдѣльное купе и устроился, какъ могъ. Прийдя къ себѣ, я немного разобралъ свои вещи, привелъ себя въ порядокъ, поговорилъ то съ однимъ — то съ другимъ и не замѣтилъ, какъ наступилъ вечеръ, и насъ опять позвали въ «попоть» на ужинъ. Повторилась та же картина, что и за обѣдомъ, только на первое, вмѣсто закуски, подали бульонъ. Опять безконечные разговоры, передача впечатлѣній, вино, куренье и пѣни. Пѣли всѣ весело, радостно и беззаботно. Полковникъ былъ доволенъ. Людей устроили, самъ расположился дѣйствительно лучше, чѣмъ начальникъ станціи, такъ какъ тотъ предоставилъ полковнику лучшую часть своей квартиры, — дрова и все, что нужно, оказалось въ изобиліи. Не прибыли только «мэры»; но про нихъ онъ совершенно забылъ. Досидѣвъ до полуночи, мы разошлись и спокойные, и довольные. Скоро всѣ уснули мертвымъ сномъ. Такъ незамѣтно прошелъ первый день.

Утромъ чуть свѣтъ кто-то робко постучался въ мою дверь, и послѣ моего приглашенія войти, въ купе вошло четыре или пять человѣкъ. Бритыя физиономіи, упитанный видъ, хорошее платье, все указывало на то, что это нѣмцы-колонисты. «Мы къ Вамъ, господинъ начальникъ; прежде чѣмъ являться къ господину французскому командиру, мы хотѣли поговорить съ Вами. Какъ намъ быть?» (Смущенный и нерѣшительный видъ былъ какъ-то несвойственъ обычно всесду чувствующимъ себя увѣренно и держащимъ себя съ достоинствомъ нѣмцамъ-колонистамъ.

— Въ чемъ дѣло, господа, — спросилъ я ихъ, — у Васъ что нибудь случилось? —

— Дѣло въ томъ, господинъ начальникъ, что мы — нѣмцы, и не знаемъ, какъ къ намъ отнесется командиръ французскихъ войскъ. Не будетъ-ли онъ насъ считать за германцевъ? Можетъ быть, Вы знаете что нибудь про это? Мы хотѣли Васъ просить доложить, что мы русскіе подданные и добросовѣстно выполняли всегда наши обязанности по отношенію къ отечеству — Россіи. И теперь мы готовы съ радостью выполнять всѣ требованія нашихъ союзниковъ.

По своей службѣ я зналъ отлично нѣмцевъ-колонистовъ. Видѣлъ ихъ и въ мирное время и внимательно наблюдалъ за ними во время войны. И могу сказать, что, если въ мирное время на меня, пріѣхавшаго на Югъ Россіи изъ центра, нѣмецкія колоніи производили впечатлѣніе государства въ государствѣ и первое время колонисты казались элементомъ чуждымъ и не сроднившимся съ русскимъ народомъ, то во время войны я на дѣлѣ убѣдился не только въ ихъ лояльности, но видѣлъ ихъ горячую любовь къ Россіи, преданность и вѣрность. Если въ мирное время нѣмцы позволяли себѣ уклоняться отъ отбѣты воинской повинности, убѣжая въ Америку или поступая въ народные учителя, то послѣ объявленія войны уклоненій отъ призыва въ войска почти не было. Не было бѣгства и дезертировъ изъ войскъ. Наоборотъ — всѣ въ нашей степени добросовѣстно явились на службу и, какъ говорили мнѣ многіе офицеры, были отличными солдатами. Изъ жителей тѣхъ колоній, съ которыми мнѣ пришлось имѣть дѣло, поступившихъ въ войска, процентъ георгіевскихъ кавалеровъ былъ огромный. Остатки тома реф. военная игота несли весьма добросовѣстно. Поставка въ войска лошадей, повозокъ, упряжи, сдача правительству хлѣба и другія обя-

зательныя повинности, возникшія вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, исполнялись примѣрно. Мало того, добровольныя денежныя пожертвованія на нужды войны, открытіе лазаретовъ, изготовленіе и отправка на фронтъ подарковъ, — все это указывало на то, что они вполне приобщились къ русской государственности и стали въ полномъ смыслѣ слова русскими подданными. Поэтому я сталъ успокаивать прибывшихъ, оказавшихся членами волостной земской управы въ полномъ составѣ съ предсѣдателемъ во главѣ.

— Вы, вѣдь, какъ и всѣ наши нѣмцы, происходите въ большинствѣ отъ выходцевъ изъ Эльзаса и Лотарингіи? — сказала я имъ. Поэтому вамъ надо съ первыхъ словъ объяснить это французамъ и выразить свою радость по поводу освобожденія этихъ странъ въ настоящее время. А затѣмъ, я увѣренъ, такъ какъ я хорошо Васъ знаю, что полковникъ на дѣлѣ убѣдится въ вашей полной лояльности, и все будетъ отлично.

Нѣмцы, поблагодаривъ меня за совѣтъ, ушли. Черезъ нѣсколько времени меня позвали къ полковнику Жэ.

— Вы знаете, тутъ есть боши, — заявилъ онъ мнѣ, когда я вошелъ въ дамскую комнату, занятую подъ канцелярію, гдѣ сидѣлъ полковникъ въ ожиданіи меня. Очевидно, это обстоятельство значительно смутило и внесло нѣкоторую тревогу въ душу полковника. — Я этого совершенно не ожидалъ и не былъ объ этомъ предупрежденъ, — говорилъ онъ. — Скажите мнѣ про нихъ все, что Вы знаете. —

Я объяснилъ ему, что на Югѣ Россіи болѣе ста лѣтъ тому назадъ были устроены колоніи изъ нѣмцевъ, болгаръ, сербовъ, грековъ и другихъ. Что за это время они сошлись съ Россіей, стали русскими подданными, принимали участіе въ войнахъ, которыя вела Россія, въ томъ числѣ и въ послѣдней Германской и т. п., что поведение изъ всегда было очень хорошее и что они ничѣмъ не отличаются отъ другихъ русскихъ подданныхъ не русской національности. Да и происходить то они, вѣдь, отъ выходцевъ изъ Эльзаса и Лотарингіи.

— Какъ изъ Эльзаса? — переспросилъ меня недоувѣрчиво полковникъ.

— Да, изъ Эльзаса и Лотарингіи, — и въ подтвержденіе своихъ словъ, я указалъ ему на картѣ на колонію по имени «Эльзась». — Вотъ Эльзась, вотъ Страсбургъ, а вотъ Ландау, — показывалъ я ему, — да и фамиліи у нихъ часто совершенно не нѣмецкія, напримѣръ Шевалье, Бартле и т. д., — продолжалъ я. Полковникъ былъ пораженъ и пріятно удивленъ.

— Я думаю, они намъ очень благодарны, что мы освободили отъ нѣмцевъ Эльзась и Лотарингію? — спросилъ меня полковникъ.

— Да, конечно, — отвѣчалъ я ему, — но, я думаю, что они будутъ болѣе Вамъ благодарны, если Вы ихъ освободите отъ большевиковъ и анархіи.

— Попросите сюда господина мэра и всѣхъ, кто съ нимъ, — сказалъ полковникъ своему адъютанту, и черезъ минуту комната наполнилась прибывшими. Переступая порогъ, предсѣдатель волостной управы надѣлъ на шею знакъ волостного старшины; старосты тоже прикрѣпили на груди свои знаки и приняли офиціальныи видъ, съ какимъ обыкновенно они являлись по начальству при «старомъ режимѣ».

Предсѣдатель волостной управы выступилъ впередъ и, вторично поклонившись полковнику Жэ, произнесъ маленькую рѣчь, въ которой поздравлялъ его съ благополучнымъ прибытіемъ и выражалъ надежду на то, что французы установятъ здѣсь миръ и порядокъ и тѣмъ дадутъ населенію заниматься мирнымъ трудомъ.

Полковник поблагодарил его за высказанные пожелания и первым делом спросил: — А правда-ли, что Ваши предки вышли из Эльзаса и Лотарингии? — Очевидно, у него въ этомъ было сомнѣніе, и онъ рѣшилъ прежде всего провѣрить это.

Но большей части — да. Но есть и такіе, которые происходятъ отъ лицъ, вышедшихъ изъ самой Германіи, — добросовѣстно пояснилъ предѣдатель.

— Но Вы русскіе подданные? Вы служили въ войскахъ? Вы были на войнѣ съ Германіей? — Продолжалъ задавать вопросы недоувѣрчивый полковникъ.

Получивъ на все это утвердительные отвѣты, полковникъ успокоился и сталъ привѣтливо улыбаться. Физиономіи колонистовъ тоже прояснились и утратили строго официальное выраженіе.

— А мой тѣтъ бришель изъ Эльзаса, — сказалъ одинъ изъ старостъ — типичный колонистъ съ бритой физиономіей, произносящій «т», вмѣсто «д», какъ это обыкновенно дѣлается нашими нѣмцами.

— Та, и мой доже, — подтвердилъ другой.

Услыша это, полковникъ торжественнымъ тономъ объяснилъ присутствующимъ, что въ настоящее время Эльзасъ и Лотарингія освобождены отъ нѣмцевъ и присоединены къ Французской республикѣ.

Секретарь волостной управы, очевидно, вспомнивъ мое наставленіе, въ цвѣтистыхъ выраженіяхъ изъяснилъ живѣйшую радость по поводу этого событія. Полковникъ поблагодарилъ, и пріемъ мѣровъ окончился. Пожавъ всѣмъ руку, полковникъ погрузился въ чтеніе служебныхъ бумагъ, а пріѣхавшіе нѣмцы вышли въ сосѣднюю комнату. Я вышелъ за ними. Нѣмцы окружили меня и стали выражать свое удовольствіе, что вышло все такъ хорошо, что они очень беспокоились и волновались, и что теперь имъ очень приятно, что французы ничего не имѣютъ противъ нихъ и не считаютъ ихъ своими врагами.

Я спросилъ волостного писаря (или, какъ по новому именовался, секретаря волостной Управы), когда имъ получено мое предисаніе и посланы-ли копіи съ него въ сосѣднія волости. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что предписаніе пришло вчера поздно вечеромъ и что въ ту-же ночь сняты были копіи и отправлены въ разныя стороны во всѣ волости.

— Мы такъ давно не получали приказаній и не выполняли распоряженій настоящаго начальства, что для насъ было большою радостью исполнить Ваше распоряженіе, господинъ начальникъ, — добавилъ онъ.

Поговоривъ еще съ ними нѣкоторое время и выяснивъ настроеніе сосѣднихъ русскихъ селъ, я узналъ, что населеніе въ подавляющемъ большинствѣ устало отъ анархіи, что оно жаждетъ порядка и законности и что съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прихода настоящей власти, такъ какъ преступный элементъ, набѣжавъ на безнаказанность, широко пользуется полученной свободой для совершенія всякихъ преступленій, и что мирнымъ жителямъ житья отъ нихъ нѣтъ.

— Этотъ Керенскій только шарлатанамъ далъ свободу, — говорили нѣмцы, — а намъ отъ этой свободы житья нѣтъ. Когда пришли германцы, то они трохи напугали страху, и всѣ товарищи попрыгали и сидѣли тихо, а при Петлюрѣ всѣ опять начали свои дѣла.

— Вѣдь сами посудите, изъ всѣхъ тюремъ, арестантскихъ ротъ и каторги вернулись арестанты и говорятъ, что теперь имъ свобода. Положимъ и вѣрно, что свобода. Вѣдь, у насъ нѣтъ ни мировыхъ судей, ни слѣдователей, ни полиціи, — можно дѣлать все, что хочешь, и никто къ отвѣту не потребуетъ. Мы уже устроили при помощи своего самодороу и своими силами держимъ порядокъ.

Иначе нельзя, — добавили они, какъ-бы извиняясь, и затѣмъ спросили меня: — А не потребуютъ-ли французы, чтобы мы сдали оружіе, какое у насъ есть и не претятъ-ли имѣть свою оборону въ колоніяхъ? —

Я успокоилъ ихъ, что до прибытія властей судебныхъ и полицейскихъ они не должны ничего измѣнять въ своей организаціи, что оружіе у нихъ тоже отбирать не будутъ, но, что они обо всемъ происходящемъ должны доносить мнѣ и что отъ меня будутъ получать соответствующія распоряженія и указанія.

На смѣну нѣмцамъ стали появляться старосты и старшины съ писарями изъ другихъ сосѣднихъ волостей.

Всѣхъ ихъ я представлялъ полковнику, который спрашивалъ каждого, на какомъ разстояніи отъ станціи Колосовки находится ихъ село, сколько въ немъ жителей и т. д. — вопросы, которые предлагаются офицерами, производящими развѣдку, а затѣмъ, показавъ руку, отпускалъ домой. Я же всѣмъ имъ добавлялъ, что пришедшія французскія войска наши союзники и пришли къ намъ помочь установить порядокъ и законъ. Старосты молча вздыхали, охали и говорили: — «Якъ би то Богъ давъ! Хай имъ Богъ помогае!» — чесали затылки и, помявшись, шопотомъ спрашивали меня: — «А, чи не можно-бъ було послать до насъ у село солдатъ — душъ изъ пять, щобъ арештувать де-кого, бо у насъ е такіи, шо усимъ житъя не дають» — и что если-бы этихъ людей удалить изъ села, то было-бы всѣмъ безопаснѣе и спокойнѣе. Я ихъ успокаивалъ тѣмъ, что скоро прибудетъ полиція и судебная власть и будетъ поддерживать порядокъ и производить разслѣдованія, и что все будетъ хорошо.

Старосты кивали одобрительно головами и, добавивъ — «а пока що, будемо звертаться до Вашей милости, якъ буде треба», — уѣзжали домой рассказывать своимъ односельцамъ о прибывшихъ французахъ.

Такъ проходило время.

Прошло незамѣтно нѣсколько дней. Французскій полковникъ Жэ, видя, что окрестное населеніе совершенно спокойно, что относится къ французамъ очень привѣтливо, что никакихъ недоразумѣній и осложненій не возникаетъ, сталъ довѣрчивѣе и менѣе официаленъ. Выразилось это, во первыхъ, въ томъ, что онъ пересталъ приглашать къ себѣ въ то время, когда я представлялъ ему мэровъ, — Смоленскаго. Смоленскій былъ солдатъ ихъ полка; послѣ 1905 года онъ бѣжалъ изъ Россіи, поступилъ въ иностранный легіонъ и, владѣя двумя языками — французскимъ и русскимъ, явился какъ-бы цензоромъ моихъ переводовъ командиру и внимательно слушалъ все, что я говорилъ пріѣзжающимъ людямъ.

Кромѣ того, полковникъ Жэ сталъ не читая ставить свою печать на отправляемые мною по начальству каждый вечеръ телеграммы, тогда какъ первое время требовалъ перевода ихъ на французскій языкъ и внимательно вчитывался въ каждую фразу.

Прошло еще нѣсколько дней. Жизнь установилась и вошла въ норму. Каждый день изъ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ пріѣзжали крестьянскія должностныя лица, по мѣрѣ того, какъ до нихъ доходили, посылаемая въ передаточномъ порядкѣ мои предписанія о прибытіи. За ними потянулись частныя лица; отсутствіе на мѣстахъ властей побуждало ихъ къ этому. Въ скоромъ времени пріемная команда отряда обратилась въ камеру земскаго начальника, такъ какъ съ утра до вечера въ ней толпились старосты, писаря и просители. Полковникъ скоро устранился отъ разговоровъ съ пріѣзжающими, передавъ это дѣло всецѣло мнѣ. Онъ лишь пріятно улыбался посѣтителямъ, пожималъ имъ руки и, покровительственно хлопывая меня по плечу, говорилъ — *ça va bien, ça va bien, m-g*

Wladimir, — а затѣмъ погружался въ чтеніе и подписываніе своихъ бумагъ. Я-же долженъ былъ выслушивать безконечныя жалобы, главнымъ образомъ заключающіяся въ нарушеніи правъ собственности; успокаивалъ жалобщиковъ, обѣщая пропозвести строгое разслѣдованіе, когда придутъ на мѣста чины полиціи, и т. д.

Всѣ пріѣзжавшіе интересовались, когда-же установится настоящей порядокъ, прекрѣпѣ — слѣдователь, мировой судья и другія мѣстныя власти. Вздыхали о прошломъ и съ умиленіемъ вспоминали о «старомъ режимѣ», когда не только жизнь, но и имущество каждаго пользовались неприкосновенностью. Просто ругали Керенскаго, Петлюру, Центральную Радѣ, называя ихъ «злодѣями», погубившими Россію, и говорили, что теперь они знаютъ, кого надо слушать и какъ надо себя вести, и просили лишь дать имъ «помочи», такъ какъ безъ посторонней «помочи» самимъ въ деревнѣ установить порядка нельзя, а если помощь будетъ вѣрная, то тогда мы со всѣми справимся легко, такъ какъ людей, которые ведутъ себя плохо, немного и всѣ они отлично извѣстны. Видно было, что всѣ жаждутъ порядка и спокойствія, — одинъ приходъ небольшого регулярнаго отряда войскъ внесъ успокоеніе, прекратились самоуправства, грабежи и насилія. Преступный элементъ пресмирѣлъ и со страхомъ ожидая наказаній за свои подвиги. Благонамѣренная часть деревни успокоилась, подняла голову и возвысила свой голосъ. Сельскія общества стали устранивать у себя самоуправство, постановлять общественные приговоры, въ которыхъ просили подвергнуть наказанію наиболѣе преступныхъ лицъ; былъ даже случай, когда въ одномъ приговорѣ сельскій судъ просилъ разстрѣлять нѣсколько человекъ своихъ односельцевъ. Сельскія власти стали сами прекращать самоуправства и задерживать появившихся на мѣстахъ преступленія. Меня завалили всякими приговорами, прошеніями, протоколами. Все это приходилось разсматривать, разрабатывать по возможности сейчасъ-же и, въ случаяхъ особенно важныхъ, отпрашивать на распоряженіе губернатора, откуда никакихъ извѣстій не получалось.

Несмотря на то, что я каждый день посылалъ самыя подробныя телеграммы о томъ, что происходитъ на Колосовкѣ, и просилъ о скорѣйшемъ командированіи на мѣста властей судебныхъ и полицейскихъ и по временамъ запрашивалъ указаній по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, отъ губернатора никакихъ распоряженій не было. Я былъ всецѣло предоставленъ самому себѣ.

Въ это время линія ж. д. ожила. Какъ-то, послѣ долгихъ переговоровъ по телефону съ Николаевомъ, пустили первый этапный поѣздъ изъ Одессы на Николаевъ. И затѣмъ, когда онъ благополучно прибылъ на мѣсто, открыли регулярное пассажирское сообщеніе между этими городами. Появились и на Колосовкѣ пассажиры, фуджѣ и пріѣзжающіе изъ этихъ двухъ городовъ, стали приносить всякія новости, передавать слухи и т. д. Стало веселѣе, оживленнѣе. Время летѣло быстро — съ утра пріемъ посѣлителей, обѣдъ, опять пріемъ, ужинъ, разговоры съ пріѣзжающими съ поѣздомъ въ 11 ч. вечера изъ Одессы пассажирами, — и день законченъ.

Среди посѣлителей стали появляться не только жалобщики и просители, но и лица, желающія посмотрѣть французовъ, опредѣлить курсъ и попробовать пива. Такие посѣлители не удовлетворялись разговорами со мною, а обязательно желали лично обратиться къ полковнику и отъ него услышать то, что ихъ интересовало.

Какъ-то разъ явилось два типа, нервно настроенныхъ и рѣзко потребовавшихъ отъ нашего русскаго офицера, который ихъ первый принималъ, чтобы допустили

ихъ къ самому начальнику отряда, такъ какъ къ нему у нихъ есть личное дѣло. Просьбу ихъ исполнили. Войдя въ комнату, офицеръ доложилъ это полковнику Жѣ, который попросилъ меня быть переводчикомъ и приготовился внимательно слушать, ожидая услышать какую нибудь серьезную жалобу.

Каждый изъ пришедшихъ старался первымъ начать рассказывать о своихъ дѣлахъ. Пришлось установить порядокъ, — младшаго я попросилъ замолчать; а того, который выглядѣлъ постарше и солиднѣй, спросилъ, въ чемъ его дѣло и что онъ хочетъ отъ полковника. Видъ его не внушалъ довѣрія; бѣгающіе изъ стороны въ сторону глаза, избѣгающіе смотрѣть на Вася прямо, судорожное движеніе рукъ, которыя онъ не зналъ куда дѣть, и вообще какая-то нервность и ехидство во всей фигурѣ указывали на то, что пальца ему въ ротъ не клади.

На повторенный мною вопросъ онъ замаялся, какъ-то хихикнулъ, а затѣмъ, оправившись, сталъ говорить, что у него собственно жалобы никакой нѣтъ, а пріѣхалъ онъ къ полковнику съ порученіемъ отъ всего села узнать, по какимъ законамъ теперь надо жить? Я сейчасъ-же попросилъ его предъявить свои полномочія. — Есть-ли у Вася копія мірскаго приговора въ томъ, что Вы посланы всѣмъ обществомъ? — спросилъ я его и получилъ отрицательный отвѣтъ. Мой вопросъ смутилъ его. Уже менѣе развязнымъ тономъ онъ сталъ говорить о томъ, что онъ желаетъ знать, по какимъ законамъ надо теперь жить — по законамъ стараго режима — царскимъ, временнаго правительства, центральной рады, гетмана, Петлюры или новымъ-добровольческимъ? Выговоривъ все это, онъ успокоился, почувствовалъ себя увѣренно и, побѣдоносно посяматривая на полковника, имѣлъ видъ побѣдителя. — Ну-ка, разрѣши загадку, — говорилъ онъ всей своей фигурой. Полковникъ переспросилъ меня еще разъ, когда я ему перевелъ все, что говорилъ пришедшій крестьянинъ, и затѣмъ сказалъ: — я тутъ ничего не понимаю. Скажите-же мнѣ, какая-же разница между всѣми этими законами? И по какимъ законамъ дѣйствительно надо имъ поступать? — Я объяснилъ кратко полковнику, что разница между законами стараго режима и всѣми изданными впоследствии такая-же, какъ и между Императорской могущественной Россіей и Россіей теперешней, раздираемой междоусобіемъ и анархіей.

— Такъ какъ-же Вы думаете отвѣтить этому философу? — спросилъ меня полковникъ. — Мы не можемъ посовѣтовать ему жить по законамъ Царя, — насъ обвиняютъ въ реставраціи, — добавилъ онъ. Я отвѣтилъ, что вопросъ этотъ заданъ не съ практической цѣлью, по моему мнѣнію, а исключительно изъ желанія вывѣдать направленіе французовъ, чтобы потомъ на этой почвѣ вести агитацію противъ нихъ.

— Ну, тогда отвѣчайте ему, какъ знаете, — заявилъ полковникъ.

— Господинъ полковникъ передаетъ Вамъ, что французскіе войска пришли сюда для установленія порядка и безопасности жителей, и что всѣхъ, кто будетъ этому противиться, они будутъ привлекать къ отвѣту по своимъ законамъ французской республики. А въ русскіе законы онъ не вмѣшивается и совѣтуетъ Вамъ, пока-что, жить по закону Моисееву.

— Какъ по Моисееву закону? — съ недоумѣніемъ спросилъ прибывшій, не ожидавшій такого отвѣта.

— Очень просто, — соблюдайте, пока что, десять заповѣдей Моисея, а главнымъ образомъ тѣ, въ которыхъ говорится — не укради и не убій, — а затѣмъ, впоследствии надлежащія власти разъяснятъ, какими еще законами надо будетъ руководствоваться. —

Свой отвѣтъ я перевелъ полковнику, тотъ молча кивнулъ головой, сдѣлавъ особо официальное лицо, и сухимъ тономъ спросилъ, указывая на другого: — а этотъ гражданинъ, что желаетъ? —

Первый посетитель, видя, что съ нимъ уже покончено, отошелъ въ сторону, что-то бормоча себѣ подъ носъ. — Це, значитъ, такъ по Моисееву закону кажите. — Видъ у него былъ сконфуженный: ясно было, что номеръ его не удался и ему нечего будетъ дома рассказывать про французовъ и про то, что они хотятъ. Видя такую неудачу своего «товарища», второй проситель, заикаясь и путаясь, началъ говорить о томъ, что онъ, наблюдая несправедливый и нехристіанскій образъ жизни ихъ мѣстнаго священника, рѣшилъ обличить его въ этомъ и на дняхъ пришелъ къ нему въ домъ. — Якъ се такъ, казавъ я батюшци, що Вы нарobili зъ дерева богиня, та казаетесь имъ и усимъ людямъ кажете то це Богъ, а у святому-же писано сказано «не сотвори себѣ кумира». А еще саме главно Ісусъ Христосъ казавъ ученикамъ своимъ, коли на ныхъ зшла благодать Духа Святого. — даромъ получили, та и даромъ давайте. — а Вы же за всяку потребу гроши правите — и за крещене, и за вѣчане, и за похороны. Де же тутъ правда? Ви даромъ даєте?

— Ну, а что-же батюшка Вамъ отвѣтилъ? — спросилъ я.

— Шо отвітивъ? — повторилъ онъ мой вопросъ возмущеннымъ тономъ. — По морди отвітивъ, — добавилъ онъ.

— А Вы, — что, — продолжалъ спрашивать я его.

— Мусивъ тикате, бо винъ дуже здорови. —

Я все перевелъ полковнику, тотъ улыбнулся и, сказавъ — *mais il a raison* *ce singe* — объявилъ, что разрѣшеніе такихъ жалобъ его не касается и ушелъ изъ комнаты.

Полковникъ говоритъ, что Вы не довели дѣло обличенія вашего священника до конца, очевидно, Вы еще сами плохо знаете св. писаніе, такъ какъ тамъ вѣдь сказано, что, если тебя ударить кто по одной щекѣ, то подставь ему и другую.

— Ви скажете полковнику — хай винъ підставлю, а я трохи на ногахъ устояю одъ одного разу, — такъ уже бильшь не хочу.

Аудіенція была окончена. За обѣдомъ полковникъ со смѣхомъ рассказывать, съ какими жалобами и вопросами являлись къ нему сегодня и какъ М. Wladimir разрѣшилъ ихъ. Такъ что теперь мы должны жить здѣсь по заповѣдямъ Моисея, — и затѣмъ, обращаясь къ молодымъ офицерамъ, добавилъ: — смотрите, Вы, кажется, собираетесь нарушить одну изъ нихъ: все время сидите съ барышнями — телеграфистками, особенно Жене.

Познакомились мы и съ петлюрцами. «Petluriens», какъ ихъ называли французы, при нашемъ приближеніи исчезли, какъ дымъ, но въ одномъ изъ селъ или мѣстечекъ задержалась какая-то покинутая рота, командиръ которой, не зная, что ему дѣлать и куда дѣваться, рѣшилъ оставаться на мѣстѣ и ожидать.

Когда стало извѣстно о его существованіи, то, по порученію полковника, я вызвалъ его по телефону и предложилъ ему немедленно явиться на станцію Колосовку. Въ тотъ-же день онъ былъ у насъ и былъ страшно доволенъ, когда ему сказали, что самое лучшее — людей распустиť по домамъ. Всѣ его «казаки» были избраны изъ соседнихъ волостей принудительнымъ порядкомъ и, получивъ разрѣшеніе, моментально разошлись по домамъ. Такимъ образомъ, вся территория на разстояніи 100 верстъ отъ Одессы была совершенно свободна отъ петлюристическаго и большевистскаго. Населеніе съ напряженіемъ ожидало установленія законнаго порядка, но опять не приходило, такъ какъ присутствіе французскаго военнаго отряда, удерживавъ преступный элементъ отъ попытокъ преступ-

иений, являлось гарантіей лишь безопасности, но не могло собой замѣнить гражданскихъ властей, присутствіе которыхъ ощущалось все болѣе и болѣе необходимымъ и которыя, несмотря на мои непрекращающіяся о томъ просьбы, на мѣста не высылались.

Видя все это, не имѣя абсолютно никакихъ указаній свыше и не получая отъ своего начальства никакого отвѣта на мои бумаги и ежедневныя телеграммы, я рѣшилъ поѣхать въ Одессу и попросилъ на это разрѣшеніе полковника Жю.

— Пожадуйте, поѣзжайте, — разрѣшилъ онъ, — я тоже считаю нужнымъ поспѣшить съ присылкой на мѣста должностныхъ лицъ, такъ какъ здѣсь все тихо и благополучно, а безъ властей не можетъ быть порядка. — я объ этомъ тоже буду писать своему начальству. Только приѣзжайте поскорѣй, — мы все такъ привыкли къ Вамъ, и намъ безъ Васъ будетъ скучно.

Вечеромъ, по случаю моего отъѣзда, пили шампанское, давали мнѣ всякіе совѣты — какъ надо повеселиться въ Одессѣ, и все просили исполнить различныя порученія. Ко мнѣ присоединились два или три офицера, и на слѣдующій день мы выѣхали въ Одессу. Передъ отъѣздомъ адъютантъ снабдилъ меня удостовѣреніемъ, въ которомъ говорилось, что совѣтникъ по гражданскимъ дѣламъ при начальникѣ отряда полковникъ Жю ѣдетъ въ отпускъ въ Одессу и что всеѣхъ просить ѣдущему оказывать полное содѣйствіе.

Приѣхавъ въ Одессу, я обратилъ вниманіе на то, что жизнь города не только совершенно вошла въ норму, но стала еще болѣе кипучей. По улицамъ двигались густыми толпами пѣшеходы, экипажи, носились автомобили, бѣгали трамваи. Магазины были завалены товарами, какъ вновь привезенными изъ за границы, такъ и вытѣсненными изъ укромныхъ мѣстъ, куда они были припрятаны. Все успокоилось и увѣренно ждало лучшихъ временъ, думая, что французы прочно обосновались въ Одессѣ и помогутъ возстановить порядокъ въ Россіи.

Первымъ дѣломъ я отправился къ губернатору, который встрѣтилъ меня весьма пріятливо и сказалъ, что онъ очень радъ, что у насъ идетъ все хорошо, что къ сожалѣнію на Раздѣльной совѣтъ не то, — а вотъ у Васъ все довольно, Вы сумѣли угодить и помѣщикамъ, и крестьянамъ, французамъ и нѣмцамъ. — Когда-же я доложилъ ему о необходимости прибытія на мѣста властей и на полное отсутствіе у меня какихъ нибудь указаній, какъ дѣйствовать и поступать, онъ отвѣтилъ — побывайте у А. И. Пильца, можетъ онъ Вамъ дать такія указанія и распорядится о выѣздѣ на мѣста властей, я же тутъ ничего не могу подѣлать. Поступайте такъ, какъ Вы это дѣлали до сихъ поръ; больше я Вамъ ничего не могу посоветовать. — Я откланялся и отправился къ А. И. П. — помощнику по гражданской части военнаго генералъ-губернатора Гришина-Алмазова.

Дождавшись своей очереди, я вошелъ въ кабинетъ. Навстрѣчу мнѣ поднялся худой, высокаго роста генералъ, одѣтый въ гражданскую форму Министрства Внутреннихъ Дѣлъ. Я представился, назвавъ свое имя и занимаемую должность. — Очень радъ съ первыхъ словъ нашего знакомства выразить Вамъ свою благодарность за Ваши умѣлыя и тактичныя дѣйствія: какъ французы, такъ и населеніе, Вами очень довольны, — я тоже самое. Каждый день аккуратно я получаю Ваши телеграммы и отлично Вами освѣдомленъ. Отъ лица службы благодарю Васъ.

Я поблагодарилъ за лестное мнѣніе и подробно доложилъ все то, что говорилъ Херсонскому губернатору.

— Подождите, пока мы еще ничего не можемъ подѣлать. Вотъ пойдутъ французы впередъ, тогда мы разошлемъ чиновниковъ, теперь мы уже готовимся

кадры. Такъ же, какъ и губернаторъ, онъ въ дальнѣйшемъ совѣтовалъ мнѣ поступать такъ, какъ я это дѣлалъ до сихъ поръ, говоря, что собственно ни въ какихъ указаніяхъ я не нуждаюсь, а въ каждомъ случаѣ соображу самъ, какъ дѣйствовать.

Пробывъ два или три дня въ Одессѣ, я, выполнивъ все данныя мнѣ офицерами порученія, поѣхалъ на Колосовку. Тамъ все шло попрежнему, никакихъ переменъ не было. Опять быстро замелькали дни, похожіе одинъ на другой по своему содержанію: пріемъ посѣтителей съ утра, обѣдъ, опять посѣтители, ужинъ, поѣзда изъ Одессы и Николаева, — вотъ обычное содержаніе каждаго дня. Но станція оживилась — нахлынули спекулянты, пріѣзжающіе изъ Одессы за хлѣбомъ, птицей и другими предметами продовольствія; юркіе евреи старались соблазнить французскихъ офицеровъ, — тѣ сначала обращались съ ними вѣжливо, а потомъ стали гнать ихъ во всю. Этихъ офицеровъ поражала назойливость пристающихъ къ нимъ евреевъ, желающихъ главнымъ образомъ поскорѣй отправить въ Одессу всякіе грузы.

— Теперь мы знаемъ что такое еврей — говорили офицеры.

— *Les juifs allemands c'est affreux* — восклицали они.

И въ спорахъ между собою ругали другъ-друга, говоря — *tu es plus juif, que moi*.

Пассажиры, ѣдущіе изъ Одессы и Николаева, тоже доставляли не мало хлопотъ: то у нихъ не было документовъ, удостовѣрившихъ ихъ личности, то возникали съ ихъ стороны какія то претензіи. И со всемъ этимъ они являлись ко мнѣ.

Какъ-то разъ, рано утромъ, послѣ прихода поѣзда изъ Одессы, пришли два скромно одѣтыхъ господина и стали жаловаться на то, что, несмотря на имѣющіеся у нихъ билеты, ихъ выгнали вмѣстѣ съ другими изъ вагона ѣдущіе въ томъ-же вагонѣ сербы, и на ихъ мѣсто стали пускать за плату евреевъ спекулянтовъ.

Когда они это говорили, ко мнѣ подошли два одѣтыхъ въ форму сербскихъ офицера, какъ оказалось бывшихъ военныхъ австрійца, поступившихъ въ сербскіе добровольцы и, отстранивъ властнымъ жестомъ жалобщиковъ, на ломанномъ французскомъ языкѣ, стали увѣрять, что эти господа жалующіеся, никто иные какъ спекулянты, самовольно забрались въ ихъ вагонъ, откуда ихъ и попросили удалиться. Оба жалобщика, понявъ отлично, что говорили наши новые союзники, молча вынули свои бумажники и предъявили мнѣ свои удостовѣренія, изъ которыхъ было видно, что они морскіе офицеры — капитаны 1 ранга, ѣдущіе въ свои экипажи въ Николаевъ. Я, также молча, протянулъ эти удостовѣренія братьямъ добровольцамъ, которые, прочитавъ ихъ, страшно сконфузились и немедленно исчезли.

Погода все время стояла холодная, очень часто шелъ снѣгъ, и всюду навалило огромное сугробы; крѣпчайшіе морозы и снѣжный ландшафтъ создавали впечатлѣніе настоящей русской зимы. Полковникъ Жю чувствовалъ себя маленькимъ Наполеономъ среди снѣговъ Россіи и только посмѣивался, говоря, что я ихъ увѣрять, что у насъ на Югѣ Россіи совсѣмъ не такъ холодно. — Я не удивлюсь, если въ одинъ прекрасный день на насъ нападуть медвѣди, такъ какъ ихъ М. А. Шибигъ, очевидно, также не замѣтилъ. — острилъ полковникъ. Офицеры и солдаты въ снѣгъ шли ступая, доходящую иногда до 15" и даже больше по Реомюру съ снѣжнымъ слоемъ, очень легко; одѣтые въ легкія шинели, они прыгали и рѣзались на морозѣ, какъ дѣти, — шнырялись комами снѣга, потирали покраснѣвшія отъ холода руки. Снѣгъ и лѣсъ, все время раздававшіеся изъ тѣнущихся въ кустовъ, они помѣщались, указывали на то, что они чувствовали

себя тамъ отлично. Хорошая пища и вино способствовали ихъ хорошему настроенію. Мѣстные жители были ими очень довольны и выражали имъ вниманіе свое по мѣрѣ силъ и возможности. Однажды изъ сосѣднихъ колоній прибыло нѣсколько подводъ, нагруженныхъ колбасами, окороками, саломъ и другими «свинствами». Это нѣмцы-колонисты привезли французскимъ солдатамъ гостинца. Все это было распределено между всѣми ротами поровну. Взаимному удовольствію не было конца; радовались солдаты и офицеры, кушая отличную нѣмецкую ветчину, а еще болѣе радовались пріѣхавшіе нѣмцы, которыхъ соответствующимъ образомъ угостили и накачали пинаромъ и оніономъ. Особенно понравился имъ послѣдній, — крѣпкая виноградная водка произвела на нихъ неотразимое впечатлѣніе. Одинъ изъ старостъ попросилъ даже дать ему съ собой бутылку, такъ какъ онъ «пальной челофекъ» и ему надо — «лѣбчнться», — а въ аптекѣ нѣтъ никакихъ лѣкарствъ. — «Этотъ самогонка, — говоритъ онъ, — очень хорошій и на немъ мнѣ аптекарь сдѣлаетъ лѣкарство». Мы долго вспоминали невинную хитрость «больного» старосты.

Слухъ о пришедшихъ французахъ распространился по селамъ и деревнямъ очень быстро и далеко. Чуть не за полтора ста верстъ изъ глуби Аналивскаго и Тираспольскаго уѣздовъ, изъ мѣстъ, гдѣ дѣйствовали петлюровцы, пріѣзжали старосты и писаря за инструкціями и просили насъ двигаться впередъ къ нимъ. Но мы оставались на томъ-же мѣстѣ неподвижно.

Я счелъ нужнымъ просить полковника разрѣшить мнѣ взять нѣсколько человекъ создать и поѣздить съ ними по окрестнымъ селамъ. Съ одной стороны, мнѣ хотѣлось выяснитъ на мѣстахъ настроеніе населенія, такъ какъ пріѣзжающія по вызову на станцію сельскія власти и отдѣльныя лица отражали собой лишь настроеніе одной части «деревни», а мнѣ хотѣлось знать, что думаетъ вся деревня — вообще, въ цѣломъ; а съ другой стороны, я зналъ, что неподвижное сидѣніе на одномъ мѣстѣ безусловно не можетъ импонировать населенію, такъ какъ будирующий элементъ будетъ всячески стараться отмѣнить то обстоятельство, что французы дальше станціи «никуда носа не показываютъ». Полковнику эта идея понравилась, и онъ приказалъ одному изъ офицеровъ сопровождать меня съ небольшимъ отрядомъ въ моихъ поѣздкахъ.

Первое село, куда мы рѣшили поѣхать, это была ближайшая нѣмецкая колонія не то Рошаты, не то Вормъ. Я предупредилъ старосту, что завтра мы будемъ у нихъ.

На слѣдующій день часовъ въ 9 утра мы тронулись въ путь. Кромѣ меня и офицеровъ, поѣхало человекъ десять конныхъ зуавовъ. Былъ яркій солнечный день и небольшой морозъ. Наши лошади шли дружно и охотно. Настроеніе у насъ было радостное; такъ пріятно было пробѣхать верхомъ по хорошей дорогѣ послѣ долгаго сидѣнія на мѣстѣ. Оживленно разговаривая и мѣняя аллюры, мы не замѣтили, какъ прошли большую часть пути.

Неожиданно на горизонтѣ показался небольшой конный отрядъ, который на рысяхъ стройными рядами быстро шелъ намъ на встрѣчу. Французскій офицеръ тревожно посмотрѣлъ на меня, задерживая ходъ своей лошади. Солдаты стали переглядываться. — *Petlouriens* — отвѣтилъ я ему и самъ быстро поѣхалъ впередъ, будучи увѣренъ, что это нѣмцы выѣхали намъ на встрѣчу, желая показать свое вниманіе. Я не ошибся, — ѣхавшій впереди всадникъ, увидя меня, пошелъ карьеромъ на встрѣчу и, осадивъ на полномъ ходу превосходнаго рыжаго жеребца, посѣдланнаго кавалерійскимъ сѣдломъ, поздравилъ меня съ благополучнымъ прибытіемъ и затѣмъ добавилъ на отличномъ русскомъ языкѣ, —

имѣю честь представить Вамъ конный отрядъ нашей самообороны. — Я пропустилъ отрядъ мимо себя, поздоровавшись съ ними; на что они дружно — по военному отвѣтили — «здоровья желаемъ. Ваше Превосходительство». Подъѣхавшіе французы, съ восторгомъ смотрѣли на отличныхъ нѣмецкихъ лошадей, здоровыхъ и хорошо одѣтыхъ людей, ловко сидѣвшихъ въ сѣдлѣ.

Мы двинулись впередъ, начальникъ обороны поѣхалъ рядомъ со мною, а отрядъ его — сводя идущихъ съ нами конныхъ зуавовъ. Скоро мы были въ колоніи. Населеніе многолюдной колоніи все вышло намъ на встрѣчу и привѣтливо, и радостно кланялось намъ при нашемъ приближеніи. Мы скоро подъѣхали къ большому зданію, какъ оказалось впоследствии, школѣ для глухонѣмыхъ, около которой насъ ожидали мѣстные власти.

Председатель Волостной Управы, со знакомъ волостного старшины, приветствовалъ насъ небольшою рѣчью и благодарилъ за честь, которую имъ оказали своимъ посѣщеніемъ. Мѣстный пасторъ, на хорошемъ французскомъ языкѣ, также говорилъ приветственную рѣчь, обращаясь къ французамъ. Тѣ были странно поражены, услышавъ родной языкъ въ глубинѣ русскихъ степей. Насъ попросили въ домъ. Завѣдующій школой счетъ долгомъ показать намъ свою школу, проведя по всѣмъ ея классамъ, и затѣмъ привелъ въ свою квартиру, гдѣ стоялъ накрытый столъ. За обѣдомъ мѣстные жители рассказывали намъ, сколько имъ пришлось пережить во время революціи отъ большевиковъ и какъ ихъ быстро успокоили пришедшіе нѣмцы; а затѣмъ опять то же повторилось при уходѣ нѣмцевъ и прибытіи петлюровцевъ, которые абсолютно отъ большевиковъ ничѣмъ не отличаются, и при которыхъ, чувствуя себя безответственнымъ, преступный элементъ дѣйствуетъ не стѣсняясь, и что только, благодаря учрежденной самооборонѣ, они смогли защитить себя и свое имущество отъ полного разграбленія. За разговорами время проходило быстро, стало смеркаться, и мы поспѣшили домой. Поблагодаривъ за любезный приемъ, мы взобрались на нашихъ коней и двинулись въ обратный путь. Зуавовъ угостили на славу; покачиваясь отъ выпитого вина, они обмѣнивались впечатлѣніями отъ посѣщенія колоніи, удивляясь ея благоустройству и богатству жителей.

Приѣхали мы, когда уже было темно и всѣ сидѣли въ попятѣ. Когда мы появились тамъ, полковникъ, здороваясь съ нами, сказалъ: — а я уже беззаконился, не напавъ-ли на васъ медвѣди. — Вздвигній со мною офицеръ подробно рассказывалъ ему о своихъ впечатлѣніяхъ отъ поѣздки, особенно поразила его привѣтственная рѣчь пастора и радужный приемъ.

— Когда-же мы поѣдемъ еще куда-нибудь? — спросилъ онъ меня, окончивъ свой докладъ.

— Очень скоро, — отвѣчалъ я ему, — послѣзавтра поѣдемъ въ Мостовое. Я называю ему большое торговое село, находившееся верстахъ въ 18 отъ нашей станціи. — Тогда-то туда надо взять побольше людей, — добавилъ я, — такъ какъ не знаю, какъ насъ тамъ встрѣтятъ.

Полковникъ, тутъ-же распорядился, чтобы все было готово къ нашей поѣздкѣ, и приказалъ взять съ собою взводъ «chasseurs d'Afrique». Проведя слѣдующій день въ обычныхъ занятіяхъ, мы улеглись пораньше спать, чтобы какъ слѣдуетъ отдохнуть передъ предстоящей поѣздкой въ с. Мостовое.

Пробужденіе рано утромъ и наскоро выпивъ кофе, мы сѣли на поданныхъ намъ лошадей и отправились на ферму, находящуюся приблизительно въ верстѣ отъ станціи. Тамъ стояла эскадронъ кавалеріи. Отъ этого эскадрона былъ назначенъ взводъ для поѣздки съ нами въ Мостовое.

Командиръ эскадрона и два офицера ожидали насъ съ завтракомъ, послѣ котораго мы пустились въ путь. Съ нами поѣхалъ одинъ ихъ офицеровъ эскадрона и русскій переводчикъ при этомъ эскадронѣ, царекосельскій гусаръ князь Гагаринъ, молодой человѣкъ съ не дѣйствующей отъ раненія рукой. Погода испортилась, дуть холодный сѣверный вѣтеръ. Лошади все время скользили по обледѣвшей дорогѣ. Мы пошли напрямикъ полемъ и скоро достигли небольшой деревушки, гдѣ сдѣлали привалъ, зайдя погрѣться въ хату старосты. Старосты не было дома — уѣхалъ по дѣламъ въ Мостовое. Принимали насъ женщины. Меня и князя онѣ приняли тоже за французовъ и удивлялись, изъ къ мы чисто говоримъ по русски.

Мы, французы, вѣдь, Ваши союзники и потому должны были учиться говорить по вашему, — подшутили надъ ними князь.

— Вотъ, спасибо Вамъ, что Вы такіе добрые, — говорила жена старосты, — и по нашему научились и къ намъ пришли.

— Дастъ Богъ, и порядокъ у насъ заведете, а то ужъ очень плохо у насъ стало жить, — такъ плохо, что хуже нѣтъ. Вотъ, были у насъ нѣмцы — хорошо было, тихо, да удрали домой, говорятъ, у нихъ тоже свобода вышла, они и бросили насъ. Мы уже и боимся, что и Вы тоже насъ покинете и домой пойдете, а теперь скоро весна, пахать и сѣять надо; а если Вы уйдете, то лучше за это и не браться. Мой мужъ хотѣлъ ѣхать завтра на Колосовку — спросить Вашего полковника, можно-ли будетъ сѣять въ этомъ году, надо-бы было яровой пшеницы купить, да боимся — кто его знаетъ, что будетъ. Говорятъ, что или большевики опять придутъ, или Петлюра, — кто ихъ знаетъ.

— А много у Васъ земли? — спросилъ я ее.

— Да десятинъ семь будетъ.

— Ну, а у пановъ береге еще землю? — спрашивалъ я.

— Брали съ половины раньше, а теперь перестали — и своей довольно. Все равно хлѣба не продавать, а реквизируютъ, а для себя намъ и этого довольно. Много у насъ земли пустой стоитъ, — продолжала она, — помѣщики не сѣютъ, а наши тоже не берутъ.

Около хаты, куда мы вышли, собралась вся деревня. Всѣ съ любопытствомъ разглядывали и пересмѣивались съ солдатами. Когда мы вышли на дворъ, всѣ моментально сняли шапки и стали низко кланяться; я поздоровался съ ними. Какой-то старикъ сталъ благодарить насъ за то, что мы пришли къ нимъ.

— Вы же наши союзники и спасители, — говорилъ онъ, — какъ Вы пришли, у насъ стало тихо — а то одинъ другого боимся. Жить нельзя, — такого надѣлали съ той революціей.

Мы попрощались и двинулись дальше. Проѣхавъ верстъ десять, мы наконецъ достигли Мостового. Это оказалось большое торговое мѣстечко съ значительнымъ количествомъ еврейскаго населенія. Разспрашивая по дорогѣ, гдѣ волостное правленіе, мы ѣхали по улицамъ мѣстечка, сопровождаемые любопытными взглядами мѣстныхъ жителей. Въ волостномъ правленіи было много народу, — нашъ неожиданный пріѣздъ ихъ очень удивилъ. — «Французы пріѣхали» — говорили они съ довольными лицами. Къ волости сталъ собираться народъ, и скоро большая толпа собралась на площади. Офицеры эскадрона и князь Гагаринъ вышли на крыльцо къ солдатамъ, опасаясь враждебныхъ намѣреній со стороны населенія и желая послушать, что говорятъ собравшіеся. Пробывъ тамъ нѣкоторое время, они, успокоенные, вошли въ комнату, гдѣ мы сидѣли, и сообщили, что настроеніе жителей самое благожелательное.

Въ это время должностныя лица выгнали на свѣтъ Божій разнаго рода приписанія и распоряженія петлюровскихъ властей и просили меня ознакомиться съ ними. Это были распоряженія, касающіяся мобилизаціи, реквизицій, отбора земель отъ помѣщиковъ, приглашенія на какіе-то съѣзды и т. д. — Мы говорили должностныя лица, ничего не исполнили изъ этихъ приписаній, люди не хотѣли слушаться петлюровцевъ. Всѣмъ уже надобна свобода — порядка хотятъ люди. При нѣмцахъ было тихо, а петлюровцы опять хотятъ все перевернуть: вотъ, слава Богу. Вы пришли, и всѣ спокойны теперь. На весну съѣзды скоро надо, а то все боялись за работу братья.

Присутствующіе кивали одобрительно головами и подавали различнаго рода реплики, выражающія сочувствіе говорившему, какъ это дѣлается обыкновенно на сельскихъ сходахъ.

— Ну, а какъ Вамъ было при нѣмцахъ? — спросилъ я.

— Хорошо, — отвѣчали они. — Хорошимъ людямъ хорошо было, а вотъ тѣмъ же треба нимці заглядати «пидъ хвистъ». — сказалъ кто-то. Всѣ засмѣялись. — А помы, такъ и треба, — добавилъ говорящій. — безъ цього не буде порядку.

Затѣмъ стали разспрашивать о томъ, когда-же пріѣдетъ начальство? Безъ него, говорили они, никакъ нельзя: нуженъ мировой судья, сѣлователи, полиція. Затѣмъ, тутъ-же кто-то изъ присутствующихъ сообщилъ, что изъ Ананьева, гдѣ находится петлюровцы, пріѣхали люди, ѣздившіе туда на съѣздъ крестьянъ, и рассказываютъ, что петлюровцы, такъ же какъ и большевики, учатъ ихъ отбирать землю у помѣщиковъ и богатыхъ крестьянъ, грабить скотъ и другое имущество и что черезъ ихъ мѣстечко проходитъ телеграфная линія, по которой петлюровцы передаютъ свои распоряженія. Однимъ словомъ, видно было, что, какъ большевики, такъ и петлюровцы, сочувствіемъ сельскаго населенія не пользуются и при малѣйшей надеждѣ на то, что власти ихъ будутъ положены предѣлы, населеніе испытываетъ чувство живѣйшей радости. Изъ разспросовъ я узналъ, что нѣкоторые помѣщики живутъ до сихъ поръ по своимъ усадьбамъ. Мѣстные крестьяне ихъ никого не трогали, но боялись за чужихъ, теперь же — съ приходомъ французовъ — никто изъ чужихъ не посмѣетъ производить никакихъ насильствъ. Также много рассказывали про дѣйствія мѣстныхъ евреевъ, которые, какъ они говорили, «прямо показались» постѣ революціи, особенно при Керенскомъ, при нѣмцахъ-же ихъ успокоили.

Изъ волости мы, напутствуемые самими теплыми пожеланіями и приветственные глубокими поклонами, отправились на телеграфъ, гдѣ дѣйствительно оказалось, что штабы петлюровскихъ войскъ споспѣшили изъ Ананьева чуть-ли не съ Одессой. Забравъ койки всѣхъ телеграммъ и прервавъ сообщеніе, мы поѣхали домой. Телеграфные чиновники были очень довольны тѣмъ, что у нихъ прекратилась связь съ петлюровцами. — Мы очень боялись ответственности, — говорили они, — за ихъ дѣйствія, но въ то же самое время ничего не могли подѣлать, власти никакой нѣтъ, петлюровцы командуютъ, мы должны подчиниться.

Въ самомъ родѣ я сдѣлалъ нѣсколько побѣдокъ по окрестнымъ селамъ и деревнямъ, и всюду нашъ приминало населеніе радостно и приветливо. Видно было, что дѣйствительно всѣ жадно ждутъ порядка, всѣмъ хотѣлось заниматься своимъ дѣломъ и жить мирною жизнью. Побывать я и въ нѣсколькихъ усадьбахъ. Тамъ все такъ же пусто, ждали весны, чтобы приступить къ полевымъ работамъ, ждали на то, что съ помощью французовъ, порядокъ будетъ прочно установленъ. Всѣ вѣрили, что анархія уже конецъ, и ни у кого въ мысляхъ не было, что съ этимъ прерваннымъ днемъ французы неожиданно для всѣхъ уйдутъ.

Совершенно неожиданно съ поѣздомъ изъ Одессы прибылъ какой-то пожилой господинъ, который сталъ разыскивать полковника Жю, и, когда ему указали его канцелярію, то отправился прямо къ нему и, побывъ тамъ нѣкоторое время, вышелъ и обратился ко мнѣ, говоря, что онъ пристанѣтъ Херсонскимъ губернаторомъ замѣнить меня при французскомъ командованіи и что я долженъ сейчасъ-же ѣхать въ Одессу къ губернатору, который имѣетъ на меня какіе-то виды. Я былъ очень удивленъ такимъ распоряженіемъ, да еще переданнымъ на словахъ, такъ какъ никакого письменнаго предписанія прибывшимъ привезено не было.

Я отвѣтилъ, что я обыкновенно по вечерамъ посылаю губернатору телеграмму и что я сообщу губернатору о его прибытіи и запрошу о себѣ. Это очень не понравилось пріѣхавшему, который очевидно хотѣлъ какъ можно скорѣе приступить къ своимъ обязанностямъ и избавиться отъ меня. Видя это, я успокоилъ его тѣмъ, что онъ можетъ немедленно считать себя исполняющимъ обязанности при французскомъ командованіи и идти къ полковнику въ кабинетъ говорить и представлять просителей. Онъ такъ и сдѣлалъ и, появившись къ ужину вмѣстѣ съ полковникомъ Жю, имѣлъ очень сконфуженный видъ, — не зная почти французскаго языка, онъ не могъ лично безъ переводчика говорить съ полковникомъ, да и порядокъ управленія мѣстнымъ краемъ ему не былъ знакомъ, такъ какъ раньше онъ служилъ въ Царствѣ Польскомъ.

Полковникъ имѣлъ видъ сумрачный. Послѣ ужина онъ пригласилъ меня къ себѣ и заявилъ, что онъ не хочетъ отпускать меня отъ себя. Поблагодаривъ за вниманіе, я отвѣтилъ, что долженъ ѣхать, и сказалъ, что, если онъ хочетъ имѣть меня при себѣ, то пусть напишетъ объ этомъ по начальству. — Я увѣренъ, что Генералъ-губернаторъ Ваше желаніе исполнитъ и меня опять пришлетъ къ Вамъ.

Въ то же самое время въ Вознесенскѣ, находящемся отъ насъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ, и въ его окрестностяхъ царствовали петлюровцы. Пріѣзжающіе отсюда рассказывали ужасныя вещи про ихъ дѣйствія: произволъ и насиліе у петлюровцевъ были такіе, какъ у большевиковъ. Особенно свирѣпствовалъ какой-то желѣзнодорожникъ, кажется, машинистъ изъ Вознесенска по фамиліи Казубскій. Поэтому населеніе вознесенскаго раіона было очень заинтересовано въ скорѣйшемъ приходѣ туда французовъ, и къ нимъ постоянно являлись не только частныя лица, но и представители гражданскаго самоуправленія и сельскія власти узнать, когда-же наконецъ мы двинемся впередъ. Они весьма резонно указывали на то обстоятельство, что прочно занимать линію ж. д. Одесса-Николаевъ можно только тому, кто владѣетъ Вознесенскомъ, такъ какъ тамъ находится водопроводъ, дающій воду для всей линіи. — Закроютъ воду — и поѣзда Ваши станутъ, — говорили они.

Находившіеся въ Вознесенскѣ петлюровцы по отношенію къ французамъ вели себя сдержанно. Полковникъ Жю пытался вступитъ съ ними въ сношеніе по поводу открытія ж. д. сообщенія съ Вознесенскомъ, но изъ этого ничего не вышло, такъ какъ тамъ, собственно говоря, дѣйствовали отдѣльныя банды, съ которыми установить какіе нибудь договоры было очень трудно.

Въ одинъ прекрасный день по телефону изъ Вознесенска запросили разрѣшенія командира отряда прибыть на станцію Колосовку начальнику кавалерійской дивизіи войскъ У. Н. Р. — то есть петлюровцевъ. Командиръ страшно переполошился, но далъ свое согласіе, указавъ, какое количество человекъ можетъ пріѣхать съ начальникомъ дивизіи. Приняли мѣры охраны, разставили пулеметы, установили по пути ружья, собрали людей и стали ждать.

Въ скоромъ времени пришелъ паровозъ и съ нимъ классный вагонъ, изъ котораго сначала вынесли желто-голубой флагъ огромныхъ размѣровъ, затѣмъ вышли нѣсколько человекъ, обвѣшанныхъ по товарищески оружіемъ, и наконецъ появился «начальникъ дивизіи». Стояшій рядомъ со мною штабсъ-ротмистръ Астраханскаго полка - Л., не ра считавъ своего голоса, обращаясь ко мнѣ слишкомъ громко, сказалъ: «Ахъ, сунули сынъ, да, вѣдь, это нашего полка ротмистръ!» - и назвалъ его фамилію. Тотъ, услыхавъ свое имя, обернулся, встрѣтился глазами съ говорившимъ и страшно сконфузился, но, затѣмъ оправившись, подошелъ къ нему и протянулъ руку со словами: «Какая неожиданная встрѣча!»

Старые однополчане обмѣнялись, къ великому удивленію стоявшихъ на перронѣ французскъ, рукопожатіемъ и стали оживленно разговаривать, но ихъ разговоръ прервалъ адъютантъ Жене, позвавъ «начальника дивизіи» къ полковнику. Я пошелъ вездѣ за нимъ и присутствовалъ все время при разговорѣ. Изъ этого разговора я убѣдился, что на пеллуровцевъ уже нападаютъ большевики, и они хотятъ попробовать войти въ сношенія съ французами, чтобы въ случаѣ нужды имѣть у нихъ защиту отъ большевиковъ. Полковникъ Жэ былъ въ полной увѣренности, что имѣетъ дѣло съ настоящимъ начальникомъ дивизіи и потому слушалъ ротмистра съ довѣріемъ и вниманіемъ. Я не утерпѣлъ и тутъ же сказалъ, что это просто ротмистръ Астраханскаго полка, никакой дивизіи у него подъ начальствомъ нѣтъ и что было-бы хорошо выяснить, какое количество людей находится у него подъ командой. Когда полковникъ задалъ ему черезъ переводчика подобные вопросы, то «начальникъ дивизіи» страшно переконфузился и старался объяснить, что дивизія его находится въ періодѣ формирова- нія, что пока людей у него немного, но при ихъ содѣйствіи онъ борется и весьма успешно съ анархіей. На это полковникъ посовѣтовалъ ему продолжать борьбу съ анархіей, но не дѣлать ее самому, такъ какъ у насъ имѣются точныя данныя обо всемъ томъ, что происходитъ въ Вознесенскѣ. Прощаясь съ нимъ, полковникъ, назвавъ его «mon capitain», ушелъ къ себѣ, а сконфуженный ротмистръ пошелъ въ свой вагонъ, около котораго стояли пріѣхавшіе съ нимъ люди и развѣвался изъ него синий флагъ. Лишь подойдя къ своимъ, ротмистръ немного оправился и, поднявъ голову, вошелъ въ вагонъ. Поѣздъ тронулся и, какъ-бы для поднятія престижа пеллуровской депутаціи, на площадкѣ появился типъ дѣйствительно съ разбойническѣй рожей. «Казубскій!» — раздалось со всѣхъ сторонъ. Железнодорожники узнали своего бывшего сослуживца, пользующагося въ настоящее время такою извѣстностью въ Вознесенскѣ и его окрестностяхъ.

На слѣдующій день я собрался уѣзжать. Шумно пообедавъ въ «поночь» и вышивъ по случаю моего отъѣзда болѣе, чѣмъ обыкновенно, въ томъ числѣ и нѣсколько бутылочъ шампанскаго, мы, во главѣ съ полковникомъ Жэ, снимались компаніей на стціи, при чемъ меня одѣли въ аэрающую шапку и куртку, мѣхомъ наружу, а мою сумбу надѣлъ мой пріятель докторъ. Въ такомъ видѣ мы убѣдѣвшись свое пребываніе на ст. Колосовка. Нѣсколько офицеровъ и докторъ, тепло поздравившись добродушнымъ настроеніемъ полковника, попросились въ отпускъ и поѣхали со мною въ Одессу. Прощаніе со всѣми было трогательно. Постаравшись многозначительно сказать, что мы еще увидимся, а адъютантъ Жене добавилъ: «и имѣетъ поѣдемъ въ Кіевъ.»

Губернаторъ, въ которому я явился сейчасъ-же по прибытіи, сконфузился при видѣ моего и, какъ-бы извиняясь, сталъ говорить, что онъ прислалъ мнѣ на стцію Павла Павловича потому, что я наѣхалъ уже очень сконфузился на глухой

станцій, что я буду нуженъ ему здѣсь, что уже пора приступать къ формированію кадровъ администраціи того уѣзда, гдѣ я буду начальникомъ, и т. д. и какъ-бы случайно добавилъ: — «очень ужъ меня просили дать какое нибудь мѣсто этому С... и.»

Я отправился домой и стать отдыхать. Изъ канцеляріи губернатора меня не беспокоили, жалованія мнѣ никакого не заплатили и, очевидно, про меня совсѣмъ забыли.

Мое возвращеніе въ Одессу обратило на себя вниманіе землевладѣльцевъ мѣстности, прилегающей къ Колосовкѣ. Успокоеніе, наступившее въ этомъ районѣ уѣзда, они относили къ результатамъ моей дѣятельности и потому стали выражать свое желаніе, чтобы я опять ѣхалъ туда. Я рекомендовалъ имъ по этому поводу обратиться къ губернатору. Черезъ нѣсколько дней меня вызвали изъ канцеляріи къ губернатору. Явившись къ нему въ назначенное время, я услышалъ отъ него, что онъ отнюдь не считаетъ мою дѣятельность оконченной, а лишь только временно прерванной для заслуженнаго мною отдыха — и что на дняхъ онъ отдастъ приказъ о назначеніи меня на должность начальника уѣзда, и тогда мнѣ придется опять показать свою энергію и опытъ.

Въ это время я, живя въ Одессѣ, видѣлъ, что несмотря на то, что городъ былъ наполненъ иностранными войсками, что приступили къ формированію русскихъ воинскихъ частей, происходить что-то неладное, порядка, который былъ при нѣмцахъ, не было: по вечерамъ раздавалась по улицамъ стрѣльба, никто за этимъ не наблюдалъ и не старался этого прекратить. Были также постоянные случаи ограбленія на улицахъ прохожихъ, налеты на квартиры и т. д. Однимъ словомъ, чувствовалась слабость власти. О движеніи французовъ впередъ ничего не было слышно. Были заняты ими лишь Одесса, Николаевъ и Херсонъ, и станціи Колосовка и Раздѣльная. — дальше дѣйствовали петлюровцы, а за ними большевики. Такимъ образомъ, небольшой лишь клочокъ земли пользовался защитой иностранныхъ войскъ, который все время увеличивался въ своемъ числѣ. Изъ газетъ видно было, что французское командованіе вступило, пока что, на путь «переговоровъ». Пріѣзжали отъ петлюровскихъ властей какіе-то представители, министры, члены директоріи и т. д. Всѣхъ ихъ принималъ генералъ д'Ансельмъ и о чемъ-то съ ними договаривался.

Въ это время, пріѣзжающіе по линіи ж. д. Кіевъ-Одесса мои знакомые мнѣ рассказывали, что на Бирзулѣ и другихъ станціяхъ ж. д. вывѣшено объявленіе, въ которомъ говорится, что въ районѣ Колосовки, совмѣстно съ имперіалистическими французскими войсками, дѣйствуетъ наемникъ помѣщиковъ и капиталистовъ Майборода, который является врагомъ Украинской Народной Республики, и что каждый долженъ его арестовать и немедленно доставить въ распоряженіе украинскихъ властей для сужденія по законамъ военнаго времени.

Такъ оцѣнили петлюровцы мою дѣятельность въ Колосовкѣ. Объ этомъ я хотѣлъ довести до свѣдѣнія французскаго командованія и съ этой цѣлью отправился въ ихъ штабъ. Въ штабѣ дежурный офицеръ, которому я подробно рассказалъ свое дѣло, рекомендовалъ мнѣ лично побывать у генерала Д'Ансельма, къ которому какъ разъ являются петлюровскія власти для какихъ-то переговоровъ. — «Генералу будетъ интересно услышать отъ Васъ о двуличности петлюровцевъ», говорилъ онъ. Въ тотъ-же день я отправился къ генералу Д'Ансельму. Въ обсерваторномъ переулкѣ, въ роскошномъ особнякѣ барона Массе помѣщался генералъ. Допустили меня къ нему безъ всякихъ затрудненій. Въ приѣмной меня встрѣтилъ молодой офицеръ, которому пришлось подробно рассказать

свое дѣло: выслушавъ, офицеръ попросилъ меня подождать, а самъ пошелъ докладывать генералу. Я остался одинъ въ большомъ залѣ. Роскошная обстановка какимъ-то чудомъ уцѣлѣла въ неприкосновенности, несмотря на предшествующее владычество большевиковъ. Все было въ полномъ порядкѣ, полы, натертые воскомъ, блестѣли и въ комнатахъ было тепло и уютно. Меня попросили въ кабинетъ къ генералу. При входѣ, на встрѣчу мнѣ поднялся пожилой, красивый генералъ: сѣдые усы, прямой носъ, привѣтливые и живые глаза привлекали незвольно вниманіе. Я представился, генералъ заявилъ, что очень радъ поговорить съ лицомъ, прошедшимъ все время на фронтѣ съ полковникомъ Жэ, что отъ меня онъ надѣется услышать много интереснаго. Я началъ «злагать» ему, что побудило меня явиться къ нему, генералъ перебилъ меня и сказалъ, что офицеръ доложилъ ему объ этомъ подробно, съ моихъ словъ онъ повторилъ все, что я говорилъ дежурному офицеру. — «Такъ-ли я понять?» — задалъ онъ мнѣ вопросъ. И на мой отвѣтъ, что все передано генералу совершенно правильно и точно, генералъ возмущеннымъ тономъ сказалъ, что мы положимъ этому предѣлъ, и попросилъ меня побывать въ штабѣ, гдѣ будутъ приняты соответствующія мѣры. Я поблагодарилъ и, поднявшись, хотѣлъ откланяться.

Подождите немного, — сказалъ генералъ, — и расскажите мнѣ про Колосовку. Какъ тамъ помѣщаются и чувствуетъ себя отрядъ нашихъ войскъ?

Я снова сѣлъ и началъ подробно разсказывать обо всемъ, начиная со дня нашего прибытія на мѣсто. Описалъ подробно отношеніе населенія къ прибывшимъ войскамъ, надежды, которыя возлагаются всѣми на француззовъ, и сталъ указывать на то обстоятельство, что такъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ нельзя, въ концѣ концовъ надо устанавливать на мѣстахъ законную власть, — что безъ этого порядка быть не можетъ. Затѣмъ я передалъ генерату о томъ, что, какъ намъ извѣстно со словъ представителей городскихъ самоуправленій города Вознесенска, населеніе этого города жаждетъ избавы отъ царщины тамъ, благодаря присутствію петлюровцевъ, анархій, — съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прихода французскихъ войскъ — и доложилъ, что въ Вознесенскѣ находится водопроводъ, питающій водой линію ж. д. между Одессой и Николаевымъ, и что также находится артиллерійскій складъ съ огромными запасами снарядовъ.

Генералъ Г. Ансеемъ, внимательно меня выслушавъ, сказалъ мнѣ: — «Вы правы — надо обязательно заявить Вознесенскъ: плохо лишь то, что онъ стоитъ на другой сторонѣ Буга, — у отряда въ тылу будетъ большая рѣка».

Поблагодаривъ меня за сообщенія ему свѣдѣнія, генералъ попросилъ меня въ случаѣ надобности обращаться къ нему лично.

Черезъ нѣсколько дней въ французскомъ Штабѣ мнѣ выдали удостовѣреніе, въ которомъ говорилось, что такой-то, состоящій въ качествѣ совѣтника при полковникѣ Жэ, направляется въ его распоряженіе и что всѣ власти французскихъ и «союзныхъ» войскъ должны мнѣ оказывать полное содѣйствіе и защиту.

Все это время меня нѣсколько разъ приглашали къ Херсонскому губернатору на какихъ-то совѣщанія, которыя ничего не давали и кончались обыкновенно разговорами о текущихъ событіяхъ. Стали поговаривать о нерѣшительности французскихъ, о ихъ медлительности, о томъ, что они только занимаютъ переговоры, а дѣла, то-еже время не позволяютъ организовываться, не позволяютъ ни возмѣщенія, ни назначенія должностныхъ лицъ и т. д. Наконецъ, послѣ того, какъ на постъ военнаго Генералъ-Губернатора Генералъ Саниковъ смѣнилъ генерала Гривенко Ахматова, началось, что-то похожее на устройство губернской власти. Получилось назначеніе изъ ставки объ утвержденіи Генераломъ

Деникинымъ въ должности начальника губерніи С. Г. Пищевича, — тотъ отдалъ приказъ о назначеніи начальниковъ уѣздовъ, въ томъ числѣ и меня, и предложилъ приступить къ формированію канцелярій и уѣздной стражи. Мнѣ на должность помощника начальника уѣзда онъ назначилъ смѣниваго меня при французсахъ И. И. С...и.

Пока мы занимались своимъ дѣламъ, событія шли своимъ чередомъ.

По городу стали ходить какіе то темные слухи, передавались сплетни и о томъ, что французовъ обрабатываютъ большевики, называли имена артистовъ, которые приняли на себя за огромныя деньги эту задачу. Имя Пазы Кремеръ, съ которой не разлучался генераль Д'Ансельмъ, было у всѣхъ на устахъ. Смерть Вѣры Холодной, очень загадочная по своей обстановкѣ, также давала не мало пищи языкамъ. Таинственное исчезновеніе дочери профессора Ускова и т. п. происшествій, о которыхъ говорилъ городъ, давали основаніе предполагать, что дѣйствительно происходитъ что-то непонятное, — но никто не думалъ, что трагическій конецъ такъ близокъ.

Особенно нежелательной репутаціей пользовался начальникъ штаба генерала Д'Ансельма полковникъ Фрейденбергъ. Про него говорили, что онъ спекулируетъ во всю, торгуетъ казеннымъ шеколадомъ и другими вещами и, какъ еврей по происхожденію, особенно близокъ къ одесситамъ спекулянтамъ той-же національности.

Французскіе солдаты вели себя на улицѣ плохо, ходили небрежно одѣтыми, очень часто пьяные, на главныхъ улицахъ приставали къ прохожимъ женщинамъ среди бѣла дня. Все это заставляло обывателей задумываться надъ прочностью своего положенія, и болѣе благоразумные, запасаясь валютой и устраивая свои дѣла, стали уѣзжать изъ Одессы. Въ то-же время стало извѣстно, что большевики приближаются, успѣшно ликвидируютъ остатки «войскъ У. Н. Р.» т. е. петлюровцевъ, и не сегодня-завтра войдутъ въ соприкосновеніе съ союзниками, т. е. съ французами и греками. Такъ и случилось въ Херсонѣ и Николаевѣ, — начались военныя дѣйствія, говорили, что французовъ и грековъ побили, что они должны были уходить на суда, съ которыхъ потомъ обстрѣливали городъ, отъ чего очень сильно пострадали мирные жители, и т. д. Стало какъ-то жутко, и въ Одессѣ ночная стрѣльба не способствовала успокоенію обывателей. Такое положеніе дѣлъ побудило французское командованіе быть мягче и приступить къ формированію русскихъ частей. Ожидали мобилизаціи. Затѣмъ появился проектъ созданія какихъ-то смѣшанныхъ франко-русскихъ отрядовъ, но изъ этого ничего не вышло.

Въ это время отъ полковника Жэ пришла къ губернатору бумага, въ которой онъ, указывая на нежелательность перемѣны личнаго состава прикомандированныхъ къ нему лицъ, просилъ распоряженія о возвращеніи меня на прежнее мѣсто. Сообщивъ мнѣ объ этомъ, губернаторъ просилъ меня выѣхать къ полковнику Жэ какъ можно скорѣе, такъ какъ французы рѣшили двигаться дальше и занять Вознесенскъ, гдѣ очевидно и будетъ наша стоянка, пока не перейдемъ въ полное наступленіе для очистки отъ большевиковъ всей Украины. Мнѣ какъ-то не хотѣлось уѣзжать въ такое тревожное время изъ дому, но дѣлать было нечего. Отдавъ распоряженіе своему секретарю и начальнику уѣздной земской стражи о томъ, чтобы они были готовы по моему вызову прибыть въ Вознесенскъ, гдѣ мы вступимъ въ исполненіе нашихъ обязанностей, такъ какъ французы должны занять этотъ городъ, я, не зная, на сколько времени уѣзжаю изъ дому, сталъ приготовляться въ путь и имѣлъ неосторожность взять съ собою вещей въ количествѣ,

необходимомъ для болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія. Поѣздъ на Колосовку отходилъ вечеромъ. Приѣхавъ на вокзалъ, я отправился къ французскому комиссару станціи, съ которымъ уже былъ знакомъ раньше, и попросилъ меня устроить въ поѣздъ, идущемъ на Колосовку. Комиссаръ вопросительно посмотрѣлъ на меня и сказалъ, что поѣздъ идетъ всего лишь до Березовки, гдѣ въ настоящее время находится отрядъ полковника Жю. Я былъ удивленъ такимъ неожиданнымъ перемѣщеніемъ, но ничего не спросилъ и отправился въ указанный мнѣ вагонъ. Поѣздъ двинулся: въ вагонѣ со мною ѣхало нѣсколько русскихъ офицеровъ, одинъ греческій и еще французскій солдаты, который очень быстро напился пьянъ, сталъ орать пѣсни, а затѣмъ, успокоившись, заснулъ и наполнилъ весь вагонъ своимъ храпомъ. Пока онъ былъ еще трезвъ, онъ успѣлъ объяснить намъ, что везетъ съ собою вагонъ взрывчатыхъ веществъ для подрыва жѣзнодорожнаго моста. Офицеръ грекъ и русскіе ѣхали къ своимъ частямъ. Оказалось, по ихъ разсказамъ, что на фронтѣ, кромѣ французовъ, уже находятся греки и вновь сформированныя добровольческія части.

На утро мы были на Березовкѣ. Я отправился отыскивать поѣздъ полковника Жю и скоро нашелъ его на главномъ пути. Въ вагонѣ еще спали: лишь въ столовой, стоя около таза съ водою, фыркать и плескался лейтенантъ Жене. Увидѣвъ меня, онъ радостно засмѣялся и, не успѣвъ поздороваться, сталъ разсказывать мѣстные новости, которыя были неутѣшительнаго характера. Оказалось, что отряду было предложено занять Вознесенскъ, но этого сдѣлать не удалось, такъ какъ пришли большевики, выгнали оттуда моментально петлюровцевъ, которые частью разбѣжались, а частью явились къ французамъ; тѣ ихъ разоружили и отправили въ Одессу. Когда французы стали подходить къ Вознесенску, то большевики обстрѣляли поѣздъ; французы не рѣшились идти дальше и остановились, большевики взорвали путь позади французскихъ поѣздовъ, отрѣзавъ такимъ образомъ отступленіе, и хотѣли было атаковать французсовъ, но, встрѣченные огнемъ, бѣжали изъ города и, думая, что французы будутъ ихъ преслѣдовать, готовились, какъ это я узналъ впоследствии, уходить изъ Вознесенска, — но французы вмѣсто преслѣдованія большевиковъ, исправивъ взорванный путь, отошли обратно на Колосовку.

Въ это время подъ Николаевомъ появился атаманъ Григорьевъ, который рѣшилъ идти на Одессу по линіи ж. д., поэтому, желая вывести отрядъ изъ подъ угрозавоющихъ ему съ двухъ сторонъ — съ сѣвера и востока — ударовъ, такъ какъ въ Колосовкѣ соединились двѣ линіи, полковникъ Жю рѣшилъ отойти на Березовку. Такъ разсказывалъ мнѣ Жене.

Скоро офицеры проснулись и, увидѣвъ меня, стали шумно выражать свое удовольствіе по поводу моего приѣзда и наперебой разсказывать о происшедшемъ; болѣе всѣхъ радовался моему приѣзду докторъ. Изъ разсказовъ я узналъ, что вчера тутъ-же на Березовкѣ шальной пулей раненъ въ голову одинъ молодой русскій офицеръ — переводчикъ, котораго повезли въ Одессу. — рана безусловно смертоносна. Также раненъ въ ногу помощникъ повара, почью во время сна.

Замѣтивъ меня при французяхъ, И. И. С., отойдя со мною въ сторону, сталъ разсказывать, что положеніе здѣсь болѣе серьезно, чѣмъ думаютъ объ этомъ французы, такъ какъ они уже выпустили инициативу изъ своихъ рукъ и вмѣсто того, чтобы гнать большевиковъ, какъ дѣлали это нѣмцы, ожидаютъ ихъ наступленія и обороняются отъ нападенія гораздо труднѣе, чѣмъ нападать самому. И. И., узнавши, что я приѣхалъ ему на смѣну, былъ очень доволенъ, говорилъ, что уже надоело ваяться въ вагонѣ и хочется отдохнуть немного въ Одессѣ, тѣмъ

болѣе, что дома жена его страшно тоскуетъ. При освобожденіи Одессы отъ петлюровцевъ у него было убито два сына мальчика, пошедшихъ добровольцами.

Я пошелъ являться къ полковнику Жэ, который, выразивъ при видѣ меня живѣйшее удовольствіе, сообщилъ мнѣ, что меня прислали немного поздно, такъ какъ его батальонъ сегодня уходитъ въ Одессу, а здѣсь остаются греки: по его мнѣнію, я долженъ былъ оставаться при греческомъ командованіи и дѣйствовать такъ, какъ я дѣйствовалъ при французскомъ. Разсказавъ мнѣ подробно о нападеніи большевиковъ и о томъ, что въ будущемъ оно можетъ повториться, онъ совѣтовалъ мнѣ быть осторожнымъ, такъ какъ лишь вчера смертельно ранили въ голову прапорщика Плецкаго, который ходилъ безъ каски по станціонной платформѣ.

Скоро мы отпростились обѣдать. За обѣдомъ было шумно и оживленно, какъ всегда. Полковникъ объявилъ, что сегодня, лишь только придетъ смѣна, они уходятъ въ Одессу на отдыхъ. Всѣ были этому очень рады. Русскій переводчикъ капитанъ Ш. и П. П. все время, къ вѣщему удовольствію французовъ, пикировались между собою. Они, какъ оказывается, не позадили изъ за первенства. Каждый считаетъ себя болѣе близкимъ къ полковнику Жэ, и на этой почвѣ у нихъ были постоянныя недоразумѣнія. За обѣдомъ я узналъ, что въ составѣ отряда, кромѣ батальона французовъ, значительно порѣдѣвшаго, такъ какъ много людей ушло домой по демобилизаціи, было два батальона грековъ, артиллерійская батарея, три танка и нѣсколько ротъ русскихъ добровольцевъ. Танковъ я еще никогда не видѣлъ въ натурѣ, за исключеніемъ кинематографа, и выразилъ свое желаніе посмотреть ихъ. Докторъ предложилъ мнѣ повести меня показать ихъ. — Я кстати Васъ познакомлю съ артиллерійскимъ капитаномъ, съ которымъ рекомендую Вамъ поселиться вмѣстѣ въ вагонѣ, онъ Васъ и кормить будетъ. Вамъ съ нимъ будетъ очень хорошо, это тоже мой большой другъ, — добавилъ онъ, считая очевидно такимъ-же и меня.

Послѣ обѣда я пошелъ къ доктору, гдѣ онъ угощалъ меня чернымъ кофе съ коньякомъ и разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ.

— Я думаю, что намъ будетъ совсѣмъ плохо подъ Вознесенскомъ, — говорилъ онъ, — и придется уходить пѣшкомъ, такъ какъ захватили путь. Я уже одѣлся, взялъ въ карманъ Вашу карточку (мы съ нимъ обмѣнялись фотографіями), но путь исправили и мы ушли благополучно. Лучше бы было, если-бы Вы тоже поѣхали съ нами сегодня въ Одессу, а то тутъ будетъ опять что нибудь. Знаете, на дняхъ пріѣхалъ къ намъ младшій врачъ, который жилъ у Вашего брата, онъ такъ много разсказывалъ про Вашу семью, что когда Вы пріѣдете домой, то поведете меня къ нимъ. Этому доктору ужасно не хотѣлось уѣзжать изъ Одессы, онъ до сихъ поръ ходитъ грустнымъ.

Въ это время подъ окномъ вагона неожиданно грянулъ пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой, а затѣмъ пошла непрерывная пальба изъ четырехъ орудій расположенной тутъ-же батареи. Я былъ удивленъ, докторъ пожалъ плечами, поднялся и предложилъ мнѣ пойти на батарею. Тамъ онъ познакомилъ меня съ капитаномъ, наблюдавшимъ за стрѣльбой. Капитанъ сообщилъ, что большевики повели наступленіе на нашу позицію, расположенную передъ станціей Березовкой на сѣверной сторонѣ, но что стѣ огня его орудій они несутъ большой уронъ и навѣрно скоро прекратятъ наступленіе. Пальба продолжалась еще нѣкоторое время, а затѣмъ по телефону сообщили, что большевики побѣжали. На память о происшедшемъ капитанъ предложилъ мнѣ мѣдную гильзу изъ выпущеннаго снаряда. Поговоривъ нѣкоторое время съ артиллерійскимъ капитаномъ и по-

лучивъ его приглашеніе къ нему въ вагонъ, мы съ докторомъ двинулись дальше по направленію къ стоящимъ подъ горою танкамъ. Къ намъ присоединился Ив. Ив. и сталъ разсказывать о томъ, какъ вчера работали танки, когда показались большевики.

Жаль только, что полковникъ приказалъ открыть огонь съ предѣльной дистанціи, не подувствилъ ихъ поближе, много-бы ихъ положили, а то они сейчасъ-же разбѣжались и почти никто не пострадалъ.

Когда мы подошли поближе, то увидѣли три или четыре маленькихъ танка, около которыхъ хлопотали люди, прочищая маленькія пушечки и перетирая тринками и смазывая, гдѣ надо, части механизма. Солдаты пританкахъ заявили, что имъ навѣрное придется поработать и сегодня, но будетъ очень нехорошо, если опять прикажутъ открыть огонь съ такой дистанціи, когда ничего нельзя подѣлать. Надо подувствитъ непріятеля совѣмъ близко и тогда уже стрѣлять, — это отобьетъ охоту у нападающихъ, а то такъ только роняется авторитетъ танка; разогнать можно и изъ пушекъ, если по нападающимъ стрѣльнуть раза два, — говорили они, — вѣдь, это все мальчишки идутъ, а не настоящіе обстрѣлянные солдаты.

Посмотрѣвъ танки, мы двинулись по домамъ, такъ какъ я собирался перебираться на новое мѣсто къ артиллерійскому капитану, а докторъ и Ив. Ив. готовились къ предстоящему отъѣзду.

Не успѣли мы отойти на нѣсколько шаговъ отъ танковъ, какъ вдали ухнула пушка, черезъ нѣсколько секундъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ звякнулъ столбъ пыли отъ упавшаго снаряда... Разрыва не было. За первымъ прилетѣлъ второй и законался уже гораздо ближе. Затѣмъ выстрѣлы посыпались одинъ за другимъ, и столбы поднимающейся пыли указывали, что снаряды падаютъ совѣмъ близко отъ насъ. Мы остановились. Иванъ Ивановичъ послѣ каждаго выстрѣла стремился бѣжать къ мѣсту паденія снаряда, желая его разсмотрѣть поближе. Мы съ докторомъ удерживали его, что было такъ же трудно, какъ заставить спокойно лежать на мѣстѣ охотничью собаку, стремящуюся поспѣть неудачнаго выстрѣла бѣжать за раненой дичью.

Видя наше поведение, солдаты батареи стали кричать намъ — *abritez vous, abritez vous, vous êtes fous*. Мы полѣзли подъ стоящій вблизи поѣздъ, гдѣ подъ соедѣннымъ вагономъ съ машинистомъ во главѣ сидѣла кондукторская бригада и ругательски ругалась по адресу большевиковъ. Сиди подъ вагономъ и чувствуя себя какъ-бы въ безопасности, я окидывалъ кругомъ, — всюду видны были люди, старающіеся использовать какое нибудь прикрытіе. Неподалеку, подъ стѣнной какого-то станціоннаго зданія расположился санитарный отрядъ Краснаго Креста, сестры милосердія и санитары сидѣли на корточкахъ; не знаю откуда возникшіе польскіе офицеры, стоя на мѣстѣ, совершенно безопасномъ, дѣлали видъ, что они совѣмъ не боятся огня, хотя нервные движенія указывали на ихъ волненіе; тамъ и сямъ подъ вагонами сидѣли люди въ питателномъ и въ военной формѣ. Снаряды продолжали сыпаться все чаще и чаще, но къ намъ счастью ни одного разрыва не было и, несмотря на то, что всѣ желѣзнодорожныя пути были густо заставлены поѣздами, ни одинъ снарядъ не попалъ ни въ вагонъ, ни въ станціонныя зданія.

На французской батарее было тихо, но видны были какія-то приготовленія: офицеры что-то вычисляли и соображали; дѣлалъ онъ это совершенно хладнокровно, несмотря на то, что противникъ, зная, очевидно, точно мѣсто нахождения батареи, засылалъ насъ снарядами. Окончивши свои вычисления, онъ эко-

мандовать «феу». Одно за другим грянули два орудія, стоявшія рядомъ съ нами, а затѣмъ черезъ нѣсколько секундъ два другихъ, стоявшихъ дальше подъ горой, — и такъ чередуясь между собою, обѣ пары орудій открыли бѣглый огонь, заглушая звуки отдаленныхъ большевистскихъ выстрѣловъ. Скоро дождь падающихъ около насъ снарядовъ сталъ гораздо рѣже, а черезъ нѣкоторое время и совершенно прекратился. Какъ оказалось, нашъ brave капитанъ взялъ вѣрный прицѣлъ, удачными попаданиями перебилъ прилугу и подбилъ непріятельскія пушки, заставивъ ихъ умолкнуть.

Когда все стихло, всѣ съ облегченнымъ сердцемъ стали оставлять свои мѣста. У всѣхъ видъ былъ радостный и довольный. Такъ, послѣ набѣжавшей тучки, застигнутые дождемъ выходить изъ своихъ укромныхъ мѣстъ, радуясь тому, что имъ удалось спрятаться отъ неожиданной непогоды.

Нашъ Иванъ Ивановичъ бѣгалъ отъ одного мѣста паденія снаряда къ другому и палкою расковыривалъ взрытую землю, стараясь нащупать неразорвавшейся снарядъ.

Въ это время подъ горой что-то зашумѣло. Оказывается, заработали танки и, пустивъ въ ходъ моторы, какъ какія то гигантскія черепахи, поползли на сѣверовостокъ отъ станціи, — это вдали показались пѣхотныя большевистскія цѣпи, желавшія съ этой стороны обойти станцію. Скоро они скрылись изъ глазъ.

Мы пошли на станцію, тамъ царило необычное оживленіе, — всѣ офицеры стояли кучкой на платформѣ и что-то оживленно говорили между собой; это они разсуждали объ атакѣ большевиковъ, которую тѣ послѣ артиллерійской подготовки повелѣли на станцію Березовку съ указанныхъ выше направлений. Затѣмъ полковникъ Жэ и командиръ 1-го батальона майоръ Жеро полѣзли на крышу вагона и что-то долго разсматривали въ бинокль. Это они наблюдали за движениемъ танковъ, идущихъ навстрѣчу наступающимъ большевикамъ.

Скоро выяснилось, что при видѣ танковъ большевики бѣжали, и нападеніе ихъ было пріостановлено.

Въ то же время на позиціяхъ, которыя были приготовлены на сѣверъ отъ станціи по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги, все время шла оживленная перестрѣлка. Тамъ въ окопахъ были расположены греки и французы, а гдѣ то — кажется, со стороны мѣстечка Березовки — были расположены русскія роты. Съ этими частями перестрѣливались залегшіе большевики. Начало темнѣть, перестрѣлка становилась все оживленнѣй и оживленнѣй. На станцію стали приносить раненыхъ, стало какъ-то больше народа на перронѣ, начали появляться фигуры греческихъ солдатъ и офицеровъ, которые что-то кричали, кого-то ругали. Станціонные служители, какіе-то штатскіе съ блѣдными лицами передавали слухи, говорили, что м. Березовку заняли большевики, кого-то уже тамъ разстрѣляли и т. д. Намъ не сидѣлось на мѣстѣ, мы съ Иваномъ Ивановичемъ то входили въ вагонъ, то выходили на станцію, то стояли гдѣ нибудь въ сторонѣ, соображая, что дѣлать въ дальнѣйшемъ. — «Кепсе — проше пана» — говорилъ Иванъ Ивановичъ мнѣ, вспоминая польскій языкъ. — «Цо то бендзе, цо то бендзе», — острилъ онъ, — «а я на всякій случай здѣсь для насъ съ Вами подводу держу. Приказалъ стражникамъ задержать одного подводчика, можетъ какъ нибудь вывеземъ наши вещи, а то видно, что плохо будетъ.» — Дѣйствительно за станціоннымъ домомъ стояла парная повозка, на которой сидѣлъ мужикъ съ опущенной головой и тихо просилъ стоящихъ стражниковъ: — «та пуститъ мене до дому.» — «Намъ не приказано — отвѣтилъ ему стражникъ — будетъ время, пустимъ.» — Мы вынесли изъ вагона наши вещи и положили ихъ на подводу, нашъ

мужик повеселѣть, — «а чи скоро будемъ ѣхать?» — спросилъ онъ. — «Скоро, скоро» — отвѣтилъ я ему, не зная совершенно ничего о томъ, что будетъ дальше.

Войдя на станцію, мы увидѣли всѣхъ нашихъ офицеровъ, стоящихъ у стола и наскоро закусывающихъ.

— М. Wladimir — закрывать мнѣ Жене, — иди ѣсть, а то сегодня намъ большевики не дадутъ поужинать.

Во время ѣды шли оживленные разговоры, говорили, что большевики стрѣляютъ безъ остановки по нашимъ, сидящимъ въ окопахъ. Дѣйствительно все время слышалась непрерывная, частая ружейная перестрѣлка. Закусивши, я выпѣлъ опять на перронъ, гдѣ солдатъ было все больше и больше, они какъ-то толкались безъ дѣла въ полномъ снаряженіи. Я спросилъ лейтенанта Шантепи, — откуда они и что это значить? Онъ при мнѣ задалъ такой-же вопросъ нѣкоторымъ зуавамъ. — «Раненаго принесли» — отвѣтили они. Подъ видомъ сопровожденія раненыхъ были просто ушедшіе съ позицій, особенно много было грековъ. На это обратили вниманіе и, найдя какого-то офицера, Шантепи сталъ требовать отъ него, чтобы онъ отвелъ своихъ людей на прежнія мѣста. Шантепи кричалъ и горячился, греческій офицеръ безпомощно развелъ руками, а въ это время на перронѣ и вблизи станціи солдатъ появлялось все больше и больше. Майоръ Жеро, подойдя къ полковнику, сказалъ, что греки уже отправляютъ свои обозы, и дѣйствительно къ станціи приближались выючные мулы. Полковника позвали къ телефону. Оказывается, его пригласилъ генераль Д'Ансельмъ. Поговоривъ по телефону, полковникъ Жэ сообщилъ, что приказано держаться до послѣдней возможности. Мнѣ стало какъ-то жутко. Я опуналъ свой револьверъ, отстегнулъ крышку кобуры и пересчиталъ, сколько имѣется въ запасѣ патроновъ.

— А у меня даже револьвера нѣтъ, — сказалъ Иванъ Ивановичъ, — нечѣмъ будетъ и застрѣлиться, если насъ захватятъ большевики.

Мы оба были увѣрены, что придется принять участіе въ отраженіи нападенія большевиковъ на станцію. Стрѣльба стала слышаться все ближе и ближе. Вдругъ кто то изъ русскихъ офицеровъ — переводчиковъ, прибѣжавъ на станцію, крикнулъ: — «Большевики занимаютъ передніе вагоны!» Станція была забита повѣзными составами, которые нельзя было увести, такъ какъ было недостаточно воды для всѣхъ паровозовъ, большевики уже нѣсколько дней закрыли воду въ Вознесенскѣ, и воду доставляли на станцію въ цистернахъ изъ Одессы.

Сообщеніе прибѣжавшаго офицера подтвердилось. Майоръ Жеро вызвалъ роту пулеметчиковъ и, расположивъ ее передъ самой станціей, открылъ огонь по вагонамъ.

Ко мнѣ подошелъ лейтенантъ Шантепи и сказалъ мнѣ: — не теряйте меня изъ виду, мы сейчасъ уходимъ. — Я передалъ это Ивану Ивановичу, и мы съ нимъ устремились вслѣдъ за Шантепи къ зданію станціи, тамъ съ оконъ снимали пулеметы и всѣ постепенно выходили. Иванъ Ивановичъ, крикнувъ мнѣ, что онъ пойдетъ отправить подводку съ вещами, потащилъ за собою Шантепи, а я остался съ лейтенантомъ Жене, который, хватая со стола бумаги, совалъ ихъ въ горящую пенку, и помогать ему въ этомъ. Когда все было окончено, я обратилъ вниманіе, что въ зданіи никого не было; лишь въ сосѣдней комнатѣ сидѣлъ желѣзно-дорожный служащій, бѣлѣдый, съ дрожащей челюстью, и смотрѣлъ въ одну точку.

— Идемъ, — крикнулъ мнѣ Жене и направился къ выходу.

— Вы забыли бинокль, — сказалъ я, схвативъ со стола большой военный бинокль и передавая ему.

— Это не мой, мой на мнѣ. Берите себѣ, пригодится въ дорогѣ. — Я взялъ

и вышел на перронъ. Пулеметчики, прекративъ огонь, уже ушли; мы, видя себя послѣдними, побѣжали и скоро нагнали молча идущихъ солдатъ.

— *Compagnie hors rang?* — спрашивалъ Жене. Ему отвѣтили, что впереди, и мы ускорили шаги и скоро догнали нашъ штабъ полка, идущій во главѣ команды писарей и другихъ составляющихъ *Compagnie hors rang 1 R. M. d'Afrique*; не было только полковника и доктора.

Станція Березовка расположена въ глубокой долинѣ, идущей съ сѣвера на югъ. Съ востока на западъ эту долину замыкаютъ довольно высокіе холмы. По этой-то долинѣ и проходить линія желѣзной дороги Одесса-Бахмачъ. Приблизительно въ верстѣ или больше на югъ отъ станціи долину эту пересѣкаетъ подъ прямымъ угломъ небольшая болотистая рѣчка, черезъ которую перекинуть желѣзно-дорожный мостъ; приближаясь къ рѣкѣ, мѣстность значительно понижается и вслѣдствіе этого линія желѣзной дороги проходитъ по все поднимающейся насыпи. Такимъ образомъ, идя на югъ, мы съ каждымъ шагомъ впередъ скрывались все глубже и глубже за насыпью, и скоро съ нашей лѣвой стороны были совершенно закрыты ею, съ правой-же стороны, разстилалась широкая степь, на которой ничего не было видно и все было спокойно. Почувствовавъ себя въ безопасности отъ выстрѣловъ и не видя за собой преслѣдованія, мы приободрились, — всѣмъ стало легче, начали разговаривать въ полъ голоса. Кто закурилъ, но сейчасъ-же потушилъ папиросу, послѣ окрика лейтенанта Жене. Сзади все было тихо. Мы шли быстро и скоро нагнали подводу съ нашими вещами, которую сопровождали два пѣшихъ стражника. Подвода поѣхала за нами. Черезъ нѣсколько времени показался желѣзно-дорожный мостъ, взошла луна и своимъ блѣднымъ свѣтомъ освѣтила окрестности. Мы поднялись на насыпь, по обѣ стороны которой разстилалась широкая, пустынная долина, и лишь по насыпи желѣзной дороги видна была растянувшаяся колонна отступающихъ войскъ. Солдаты шли въ полномъ снаряженіи, а греки вели въ поводу вьючныхъ муловъ и маленькихъ коровенныхъ осликовъ. Скоро передовые вступили на мостъ и стали переходить черезъ него. Съ насыпи я видѣлъ нашу подводу, которая въ нерѣшительности остановилась на берегу рѣчки, — переправы не было. На мосту началось какое-то замѣшательство, послышались крики и ругань, — ругались французы, греки цокали и что-то кричали въ отвѣтъ, чего никто не понималъ. Подойдя ближе, мы увидѣли, что на мосту, не приспособленномъ для ѣзды и пѣшихъ, нѣтъ сплошной деревянной настилки, а доски лежатъ съ промежутками. По мосту греки повели своихъ муловъ и ослей, вьюченныхъ пулеметами и другимъ военнымъ имуществомъ. Эти несчастныя животныя попадали ногами въ промежутки между досками, падали, калѣчились и не могли подняться. Скоро мостъ былъ забитъ такими упавшими мулами, и, только лавируя между ними, можно было пройти по нему.

Перейдя на другой берегъ рѣки, мы остановились около моста и стали смотрѣть въ сторону Березовки, — тамъ была полная тишина. Черезъ мостъ проходили послѣдніе люди, и скоро никого не осталось на той сторонѣ. Мы съ Шантени продолжали стоять и задумчиво смотрѣть. Наши спускались съ насыпи и взяли направленіе на востокъ. За мостомъ на другомъ берегу мелькнуло нѣсколько огоньковъ и раздались выстрѣлы — это по насъ выпалили подошедшіе къ мосту развѣдчики. Мы моментально скрылись за насыпью и скоро присоединились къ своимъ. Будучи увѣрены, что большевики отрѣзали намъ отступленіе на югъ, занявъ слѣдующую за Березовкою станцію, мы рѣшили описать по степи дугу и выйти на линію желѣзной дороги южнѣе.

Роты французов и греков расходились въ юго-восточномъ направленіи по различнымъ полевымъ дорожкамъ. На наше счастье теплый весенній день смѣнился ясной морозной ночью, и оттаявшая за день подъ горячими лучами солнца степь стала твердой какъ камень, и намъ можно было идти легко и свободно. На ходу всё громко разговаривали, курили и смѣялись, чувствуя, что опасность миновала. Мы ожидали услышать звуки отъ взрыва моста, но ничего не было слышно, очевидно вагонъ со взрывчатыми веществами остался на Березовкѣ. На перекресткѣ двухъ полевыхъ дорогъ мы встрѣтились съ батальономъ грековъ, которые на ходу не переставали что-то кричать, волноваться, цокать: вся дорога ихъ отстутенія была усыяна бросаемыми ими предметами снаряженія. валились каски, одѣяла, патронташи и т. д. Очевидно, не втянутымъ въ походную жизнь солдатамъ тяжело было нести полное походное снаряженіе, и они себя постепенно облегчали.

При видѣ насъ, изъ рядовъ по русски кто-то сталъ кричать намъ — стойте, Ваше Высочество! мы съ Иванъ Ивановичемъ пошли на крикъ и увидѣли одного изъ двухъ стражниковъ, бывшихъ съ нашими вещами. Онъ сталъ просить освободить его отъ грековъ, которые захватили его въ степи, отняли винтовку, дали раза два по шеѣ и приказали вести въ Одессу. Подошелъ греческій переводчикъ, это былъ какой-то юноша почти мальчикъ, типа служащихъ въ Одесскихъ банкирскихъ конторахъ; онъ объяснилъ намъ, что они взяли этого человѣка какъ проводника и не знаютъ, кто онъ, не будучи увѣрены, что это не большевикъ. Мы сообщили, что это полицейскій стражникъ, сопровождавшій наши вещи. Греки просили оставить его у нихъ, говоря, что они могутъ безъ проводника заблудиться въ степи. Мы имъ это разрѣшили и разошлись. Греки стали удаляться, но еще долго слышался ихъ крикъ и цоканье. Иванъ Ивановичъ, въ которомъ заговорила греческая кровь, тоже началъ волноваться и ругать громко грековъ, которые посмѣли самовольно захватить нашего проводника. На встрѣчу намъ попался всадникъ: это былъ русскій офицеръ изъ эскадрона, который, какъ говорилъ онъ, разсыпанъ по степи, чтобы указывать направление отступающимъ; много, говорилъ онъ, идетъ одиночныхъ грековъ и никакъ не могутъ сообразить направленіе.

Скоро насъ опять кто-то окликнулъ по русски, — это были нашъ стражникъ, который ухитрился скрыться отъ грековъ.

— Ухъ! очень народъ горячій, — говорилъ онъ, — идти и кричать все время, ихъ за версту слышно, съ ними прямо на большевиковъ наскочишь.

Иванъ Ивановичъ сталъ разспрашивать, что стало съ нашей подводой. Стражникъ объяснилъ, что другой стражникъ съ подводникомъ отправились искать бродъ, но не знаютъ, удалось-ли имъ это, такъ какъ его уведи греки.

Нашъ быстрый ходъ постепенно замедлялся и перешелъ въ бодѣ медленный.

Векоръ лейтенантъ Жене устроилъ привалъ, — всё сѣли и стали говорить. Вспомнили объ отсутствующихъ.

Гдѣ-то нашъ полковникъ и докторъ? спросилъ я, будучи увѣренъ, что они идутъ съ другими ротами.

Докторъ остался съ ранеными на Березовкѣ, — отвѣтилъ мнѣ лейтенантъ Жене. — Я это знаю, онъ говорилъ мнѣ самъ, что не можетъ оставить ихъ однихъ въ рукахъ неприятеля.

Мы возвратились и посмотрѣли съ Иваномъ Ивановичемъ другъ на друга, остальные офицеры спокойно курили, очевидно, не придавая этому обстоятельству значенія. Они еще не знали, что значить напасть къ большевикамъ.

— Ну, а полковникъ? — спрашивалъ я.

— О, онъ навѣрное застрѣлился самъ, — отвѣтилъ мнѣ лейтенантъ Шантепи. Остальные молча согласились съ этимъ, такъ какъ все они думали, что самолюбіе стараго офицера, продѣлавшаго всю войну съ «бошами», не позволитъ ему перенести такое позорное пораженіе, нанесенное его отряду какой-то бандой. Какъ бы желая придать болѣе значенія силамъ большевиковъ, офицеры стали рассказывать, какъ храбро шли они на окопы, въ которыхъ сидѣли греки и рота французовъ. Шли во весь ростъ и почти не стрѣлая, и даже не нагибая головы; греки открыли огонь по нимъ, когда они еще были очень далеко, а когда подошли на ружейный выстрѣлъ, то стали выскакивать изъ окоповъ и бѣжать на станцію, поэтому французы, видя себя покинутыми греками и будучи въ очень небольшомъ числѣ, давъ нѣсколько залповъ, оставили позицію и ушли на станцію. Лейтенантъ Жене вспомнилъ, что въ побѣдѣ, кромѣ всѣхъ вещей, остался большевикамъ большой запасъ только что присланныхъ изъ Одессы для столовой винъ и всякой провизіи.

Отдохнувъ немного, мы двинулись дальше. Съ приближеніемъ утра идти было все тяжелѣе, силы наши все уменьшались, въ то же время подулъ теплый вѣтерокъ, — степь стала мягче, и на каблукъ стала приставать земля: приходилось останавливаться, поднимать по очереди ноги и сбивать землю. Прошли мимо какого-то хутора, расположеннаго близъ степнаго пруда, разливагоса отъ весенней воды, спустились въ балку, потомъ опять поднялись на возвышенность и, считая, что мы достаточно удалены отъ линіи желѣзной дороги, повернули на югъ, а затѣмъ, пройдя значительное разстояніе, взяли направленіе на юго-западъ, расчитывая такимъ образомъ выйти на линію желѣзной дороги. Такъ шли всю ночь, по временамъ дѣлая привалы, которые, правду говоря, мало возстановляли наши силы. Казалось, конца не будетъ нашему пути. Привыкнувъ проходить большія разстоянія по степи на охотѣ, я чувствовалъ себя ужъ не такъ плохо, но бѣдный Иванъ Ивановичъ совсѣмъ выбился изъ силъ и все просилъ сказать лейтенанту Жене, чтобы тотъ сдѣлалъ привалъ, а когда я говорилъ объ этомъ, то сейчасъ-же заявлялъ, что онъ еще не усталъ и можетъ двигаться дальше.

Подъ утро мы услышали вдали лай собакъ, а затѣмъ мелькнули огоньки. Мѣстность стала понижаться, внизу показалось какое-то село. Кто-то увидѣлъ дымъ паровоза, значитъ, мы были у линіи желѣзной дороги. Что это за село было передъ нами — никто на зналъ.

Не доходя нѣсколькихъ сотъ шаговъ до села, мы остановились и зашли въ оврагъ. Жене предложилъ мнѣ взять двухъ зуавовъ и пойти въ деревню узнать, гдѣ мы и нѣтъ ли какихъ войскъ въ селѣ.

— Если будетъ не благолучно — свисните и бѣгите къ намъ. А если все спокойно — пришлите одного зуава за нами.

Я пошелъ впередъ; спустившись къ селу, мы остановились у первой хаты. Я подошелъ къ окну, въ которомъ горѣлъ огонь, и заглянулъ туда: двѣ женщины хлопотали, приготавлиая печь хлѣбъ, — одна мѣсла тѣсто, а другая возила около печи. Я постучалъ въ окно и затѣмъ вошелъ въ хату; при моемъ приходѣ обѣ женщины съ удивленіемъ посмотрѣли на меня. Я поздоровался и спросилъ ихъ — что это за село?

— Славяно-Сербка, — отвѣчали онѣ.

— А гдѣ живетъ староста? — продолжалъ разспрашивать я. Оказалось, что староста живетъ недалеко; — за нимъ сейчасъ-же послали мальчика. Явился староста; я сталъ разспрашивать — нѣтъ-ли кого въ селѣ. Онъ отвѣтилъ, что ночью

пришли какие-то люди, обозы и т. д. — Не то греки, не то французы — никто не знает. Я послал зуава къ Жене, который черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ хату: за нимъ вошли другіе офицеры: солдаты набились въ сѣни и ушли въ соседній дома. Стало развѣтвѣть. Мы отдыхали, хозяйка поставила на столъ наръзанный хлѣбъ, мы попросили воды и, утоливъ жажду, скоро покончили вкусный бѣлый хлѣбъ.

Въ это время Шантени успѣлъ побывать на станціи и выяснилъ, что съ ближайшей станціи съ сѣвера скоро прійдетъ поѣздъ и съ нимъ прійдетъ полковникъ Жэ, который отступилъ съ первымъ батальономъ. Теплая комната и отдых разморили насъ: всѣ сидѣли и дремали отъ усталости. Просидѣвъ такъ съ часъ времени, мы поднялись, поблагодаривъ хозяйку за гостепріимство и угощеніе, причемъ она категорически отказалась отъ денегъ. Мы пошли на станцію.

Проходя по саду, мы увидѣли стоящіе на площади обозы. — это изъ Одессы на фронтъ шли военные грузы. Толпились греческіе солдаты, мелькали красныя плащи зуавовъ. Станціонное зданіе было сплошь забито солдатами и офицерами. Въ буфетѣ кипѣлъ самоваръ и къ нему стояла очередь русскихъ офицеровъ, ждавшихъ выпить горячаго чайку послѣ тяжелой ночи: это былъ нашъ эскадронъ, тоже отступившій вмѣстѣ съ нами.

Скоро подошелъ поѣздъ, изъ котораго вышелъ полковникъ Жэ. Видъ его былъ сконфуженный. Мы выражали ему наше удовольствіе, что видимъ его живымъ. Онъ сейчасъ-же отдалъ приказъ всѣмъ французамъ грузиться въ пришедшій поѣздъ и задержать на станціи всѣхъ грековъ, такъ какъ послѣдовало распоряженіе намъ идти въ Одессу, а грекамъ на фронтъ изъ Одессы идутъ подкрѣпленія. Мы сѣли въ вагоны, и поѣздъ скоро двинулся.

Изъ разказовъ полковника мы узнали, что большевикамъ оставили богатую добычу. Танки, пушки, военное снаряженіе, даже лошади эскадрона *chasseurs d'Afrique*, — все было брошено. Жене опять вспомнилъ про свои запасы вина и провианта, полученные для «попоть». Но дѣлать было нечего. Появились откудато консервы, которыми мы и закусили вмѣстѣ съ галетами. По дорогѣ намъ попадались шешоны съ греческими войсками, идущими изъ Одессы.

Часамъ къ четыремъ дня мы пришли на Одессу-Товарную. Извозчиковъ не было, трамвай не ходилъ, и мы должны были добираться домой пѣшкомъ. Въ городѣ шла нормальная жизнь и какъ-то было странно послѣ всего пережитаго идти по улицамъ мирнаго города въ неподходящемъ для города костюмѣ съ ноющими отъ усталости ногами и горящимъ отъ вѣтра лицомъ. Нѣкоторые прохожіе съ любопытствомъ на насъ оглядывались: мы могли бы разказать имъ много интереснаго. Распростившись и поздравивъ другъ друга съ избавленіемъ отъ опасности, мы расстались съ Иваномъ Ивановичемъ, — каждый пошелъ по своей дорогѣ.

Катастрофа подъ Березовкой въ Одессѣ не произвела почти никакого впечатлѣнія, такъ какъ въ мѣстныхъ газетахъ про нее ничего не писали, а немногочисленные участники изъ русскихъ, бывшіе очевидцами позорнаго бѣгства иностранныхъ войскъ отъ наступающихъ бандъ Григорьева, не могли оповѣстить широкую публику, поэтому въ городѣ все шло по старому. Огромное количество иностранныхъ войскъ, наводнившихъ городъ, ненормально успокаивало даже техъ, въ чью душу успѣло закрасться нѣкоторое сомнѣніе въ прочности своего положенія и недоверія къ охранѣ французами города. Я говорю именно французами потому, что, хотя грековъ было и очень много, но они находились въ полномъ изъясненіи. Даже дома, несмотря на то, что я подробно раз-

сказалъ о случившемся и высказать свое предположеніе о томъ, что французы въ одинъ прекрасный день могутъ оставить Одессу такъ же легко, какъ они это сдѣлали подъ Березовкой, мнѣ пришлось выслушать упрекъ въ томъ, что я сѣю панику, и лишь сестра жены моего брата упорно твердила, что разъ высшее французское командованіе спуталось съ еврейскими артистками Изой Кримеръ, Вѣрой Холодной и другими, то добра отъ этого не будетъ, — евреи поставятъ на своемъ и сдадутъ большевикамъ Одессу, покинувъ ее на произволъ судьбы.

Наше начальство, которому мы съ Иваномъ Ивановичемъ подробно доложили о событіяхъ подъ Березовкой, было также довольно спокойно и отнюдь не предугадывало грядущихъ событій. Въ концѣ концовъ и мы, видя общее спокойствіе, тоже пришли къ заключенію, что авось все будетъ благополучно и урокъ, полученный французами подъ Березовкой, послужитъ имъ на пользу.

Наши пріятели изъ 1-го африканскаго полка понемногу оправились отъ пережитыхъ волненій, успокоились и ждали, что имъ опять придется идти на фронтъ и проучить большевиковъ за ихъ дерзость — обратившихъ въ бѣгство ихъ, побѣдившихъ ненормальныхъ бошей.

Потерявъ всѣ свои вещи на Березовкѣ и выскочивъ оттуда, въ чемъ были одѣты, они чувствовали себя стѣсненными въ костюмахъ и никуда не показывались изъ артиллерійскаго училища, гдѣ они были расквартированы. И. И. С., капитанъ Ш. и я, пользовавшіеся ихъ вниманіемъ и гостепріимствомъ, рѣшили имъ дать реваншъ и пригласили ихъ поужинать съ нами въ ресторанъ, но они заявили категорически, что не могутъ всѣ оставить своихъ казармъ. Не желая оставить нашу затѣю невыполненной, мы рѣшили устроить ужинъ въ мѣстѣ расположенія полка и, получивъ разрѣшеніе коменданта, воспользовались для этого столовой училища, пригласивъ всѣхъ офицеровъ штаба полка на ужинъ.

Ужинъ прошелъ оживленно. Лишь воспоминаніе о погибшемъ докторѣ Віолетѣ, который, какъ передали, былъ разстрѣлянъ большевиками тотчасъ по занятіи ими станціи, огорчало всѣхъ.

Изъ общихъ разговоровъ и рѣчей, которыя произносились присутствующими офицерами, видно было, что они далеко не отказались отъ тѣхъ желаній, которыя высказывали во время нашего путешествія на Колосовку. Они были увѣрены, что борьба съ большевиками будетъ вестись до конца, и лишь думали, что опыты Березовки укажутъ начальству, что это дѣло серьезное и братья за него надо осторожнѣй. — Нельзя было — говорили они — выдвигать такъ далеко такой маленькій отрядъ войскъ и подвергать его напрасному риску, жертвой чего сдѣлался бѣдный докторъ и многіе другіе, и ронять авторитетъ арміи. — И проникнутые полнымъ довѣріемъ къ своему начальству, они были увѣрены, что начальство это дастъ большевикамъ соотвѣтствующій урокъ, направивъ на фронтъ должное количество войскъ изъ Одессы. Возможности ухода изъ Одессы они не только не ожидали, но это даже имъ и въ голову не приходило; нельзя оставить не смытымъ позоръ, нанесенный французскому оружію кучкой бандитовъ. Это окончательно разсѣяло наши опасенія, и мы, возвращаясь домой, говорили о возможности нашего скорого отъѣзда въ Вознесенскъ и о предстоящей дѣятельности въ качествѣ административныхъ лицъ. Въ Вознесенскѣ находились дочери Ивана Ивановича, и онъ особенно стремился туда.

Прошло нѣсколько дней. Несмотря на то, что фронтъ еще болѣе приближился къ Одессѣ, въ городѣ было спокойно; лишь разнорѣчивые о происходящемъ въ высшемъ управленіи слухи смущали умы обывателей. Газеты были полны всякихъ сообщеній, говорящихъ о формированіи франко-русскихъ бри-

гадь, предстоящей мобилизации, возведении укреплений кругом Одессы и т. д. Но на деле ничего этого не делалось — все это лишь было на бумагах.

В то же время на политическом горизонте появились новые личности. Независимо откуда выплыть и стать играть большую роль в административной жизни Одессы именовавший себя французским консулом г. Эно. Женатый на русской еврейке, он стал особенно популярен в коммерческих кругах города. Желавшие выехать из Одессы лишь при содействии его супруги получали визы: для этого в одном из номеров Лондонской гостиницы была устроена чуть-ли не настоящая канцелярия. Был установлен «твердый» курс на визы в несколько тысяч рублей, сколько именно — теперь не помню. Участие в деле управления областью г-жи Эно было настолько велико, что бывший в те дни в Одессе поэт Мятлев, поставленный создавшимися условиями в безвыходное положение, написал следующее четверостишие:

Сию я безъ подштанниковъ —
Теперь мнѣ все равно:
Одессой править Санниковъ,
Или М-ме Эно!!!

И действительно, русскія власти были в полной зависимости отъ французовъ, а те в свою очередь, не имѣя возможности разобраться въ мѣстныхъ условіяхъ, вследствие отсутствія у нихъ соответствующихъ знаній и опыта, попадали подъ различное вліяніе той или другой партіи и въ послѣднее время всецѣло находились подъ вліяніемъ еврейскихъ круговъ Одессы, сочувствовавшихъ большевикамъ и боявшихся утратить «завоеванія революціи». Въ Одессу въ это время нахлынула масса бѣженцевъ изъ Кіева и другихъ мѣстъ, успѣвшихъ выбраться оттуда при отходѣ петлюровцевъ передъ большевиками. Путешествія этихъ бѣженцевъ были полны всякаго рода приключеній. Прибыль тоже бывшій Гетманскій губерніальный староста Волыни Андро и, какъ человѣкъ большой энергіи и силы воли, пытался войти въ сношеніе съ французскимъ командованіемъ и оказать на него соответствующее вліяніе. Опять заговорили о созданіи украинской національной власти въ видѣ какой-то директоріи, такъ какъ добровольческая власть оказалась слабой и неспособной къ организаціонной работѣ. Около Андро сгруппировались земельные собственники, или, какъ ихъ стали называть, «хлебоборобы». Появились надежды на твердость власти и на прочность положеній. Генералъ Д'Анселъмъ, до котораго очевидно дошли слухи о всевозможныхъ разговорахъ по городу, въ одинъ прекрасный день на страницахъ мѣстныхъ газетъ и въ специальныхъ объявленіяхъ, расклеенныхъ по городу, сообщилъ населенію, что Одесса ни въ какомъ случаѣ едана большевикамъ не будетъ, что въ его распоряженіи имѣется достаточное количество военной силы для ея обороны. И действительно весь городъ былъ наполненъ войсками всѣхъ видовъ — были даже истре и тонкинцы. Въ порту стояли незагруженные транспорты, на пристани строились специальные холодильники для мороженого мяса для продовольствія войскъ, дѣлались всевозможныя приготовленія для длительного пребыванія армии на Югѣ Россіи.

И въ это время было то же самое — приходилось организовывать администрацію, писать приказы и назначенія различныхъ должностныхъ лицъ, собирать свѣдѣнія объ ихъ предшествующей службѣ и дѣятельности, принимать участіе въ совѣщаніяхъ при губернаторѣ и т. д.

Не помню, въ какой именно день, утромъ у меня возникло сомнѣніе по одному изъ вопросовъ, касающемуся уѣздной стражи, и для разрѣшенія этого вопроса я отправился на Спиридоновскую улицу, гдѣ помѣщалась канцелярія начальника губерніи.

Въ канцеляріи по обыкновенію была масса народу. Пробравшись черезъ нее, я отыскалъ полковника Э. — инспектора стражи губерніи и обратился къ нему съ интересующимъ меня вопросомъ. Полковникъ удивленно посмотрѣлъ на меня и спросилъ меня голосомъ, въ которомъ ясно слышалось подавленное раздраженіе:

— Вы, очевидно, ничего не знаете: французы уходятъ — надо немедленно готовиться къ эвакуаціи.

Меня какъ бухомъ ударило по головѣ. Я ничего не сказалъ и вышелъ. Собраннымъ съ мыслями, я отыскалъ правителя канцеляріи и спросилъ его, какія существуютъ распоряженія по поводу эвакуаціи. Онъ разъяснилъ мнѣ, что требуется немедленно составить списки на полученіе служащими жалованія за шесть мѣсяцевъ впередъ и каждый желающій эвакуироваться долженъ сообщить, куда онъ желаетъ ѣхать — въ Бессарабію или на Кавказъ. Все это необходимо сдѣлать сейчасъ-же. Вызвавъ начальника уѣздной стражи и попросивъ его озаботиться о всемъ необходимомъ, я посѣтилъ кабинетъ начальника губерніи, который только что прибылъ; тамъ уже были другіе чины губернской администраціи. Видъ у всѣхъ былъ угнетенный и встревоженный. Всѣ разспрашивали губернатора, что значитъ такое неожиданное рѣшеніе французовъ, почему все это произошло? Губернаторъ только пожималъ плечами и отвѣчалъ: — Ничего не извѣстно, никто ничего не понимаетъ, почему это произошло. Еще вчера на совѣщаніи при Д'Ансельмъ никому и въ голову не приходило о могущей быть эвакуаціи. Получены какія то распоряженія.

Назначивъ намъ время собраться всѣмъ на слѣдующій день для полученія денегъ и билетовъ на выѣздъ, губернаторъ уѣхалъ по своимъ дѣламъ, а мы, поговоривъ еще немного, разошлись по домамъ устраивать свои дѣла и готовиться къ отъѣзду.

Мы съ Иванъ Ивановичемъ рѣшили побывать у нашихъ французовъ въ полку и попросить ихъ взять насъ съ собою. Приѣхавъ въ артиллерійское училище, мы всѣхъ нашихъ пріятелей застали за завтракомъ. Усавивъ насъ за столъ, они принялись любезно угощать насъ. Мы сейчасъ-же изложили имъ дѣль нашего прібытія, и полковникъ Жэ съ любезной улыбкой сообщилъ намъ, что понятно не можетъ быть никакого сомнѣнія, — мы можемъ ѣхать съ ними, при чемъ добавилъ, что его полкъ будетъ уходить послѣднимъ и что у насъ есть достаточно времени приготовить, такъ какъ сначала должны прійти всѣ войска съ фронта, а потомъ уже оставимъ городъ и мы. Мы поблагодарили и попросили разрѣшенія по окончаніи своихъ дѣлъ перебраться къ нимъ въ казарму, такъ какъ въ городѣ нельзя было узнать точно время ухода полка. Обезпечивъ себѣ отступленіе, мы отправились домой. Въ городѣ уже было извѣстно объ уходѣ французовъ. Вѣсть эта произвела на всѣхъ ошеломляющее впечатлѣніе; всѣ смотрѣли сумрачно и выглядѣли какъ-бы постарѣвшими и осунувшимися. На языкѣ у всѣхъ только и было — на чемъ ѣхать. Всѣ старались получить заграничный паспортъ и визу. Полученіе этого сопряжено было съ большими хлопотами, поэтому почти всѣ были въ разгонѣ. Впопыхахъ рассказывали другъ другу новости о томъ, что министерство Клемансо пало и новый кабинетъ, являясь противникомъ интервенціи, отдалъ распоряженіе объ оставленіи французскими войсками Одессы. Говорили объ измѣнѣ, о соглашеніи французскаго командованія съ большеви-

ками, о сдачѣ города, о томъ, что соглашеніе куплено цѣною многихъ милліонѣвъ и что состоялось оно при непосредственномъ участіи Изы Креммеръ, очаровавшей генерала Д'Ансельма и т. д.

Мой планъ ухода съ французами дома одобрили и стали помогать мнѣ собиравшись въ дорогу. Приготовивъ необходимыя вещи, я почувствовалъ всю тяжесть оставленія родного дома на неопредѣленное время; будучи совершенно спокоенъ за себя, я въ тоже время тревожился за судьбу своихъ близкихъ, не имѣвшихъ возможности выѣхать изъ Одессы. Оставаться съ ними мнѣ было очень рискованно и бесполезно, такъ какъ я все равно ничѣмъ не могъ помочь имъ, а взять своихъ съ собою не представлялось никакой возможности.

Получивъ отъ начальника губерніи свое жалованіе и билеты на желѣзную дорогу по линіи Аккерманъ-Одесса, я почувствовалъ себя свободнѣе, такъ какъ всѣ мои служебныя обязанности окончились, и я могъ думать лишь о себѣ, такъ какъ никто изъ служащихъ ввѣреннаго мнѣ уѣзда не собирался эвакуироваться. Последнее свиданіе съ начальникомъ губерніи было назначено послѣ обѣда часовъ въ пять. Я поторопился на Спиридоновскую улицу въ канцелярію, но тамъ уже было все пусто. Какой-то человѣкъ подметалъ полъ и, увидѣвъ меня, сказалъ, что всѣ уѣхали на пароходъ и что тамъ можно видѣть начальника губерніи. Я пошелъ домой. По дорогѣ уже было неспокойно — раздавались революцiонныя выстрѣлы. У воротъ домовъ толпились люди, ловящіе и передающіе другъ другу всякіе слухи. На углу Почтовой и Преображенской улицъ какой-то худосочнаго вида мальчикъ лѣтъ 17 громкимъ голосомъ говорилъ о томъ, что надо немедленно взять заложниковъ отъ буржуазіи и потомъ примѣнить въ городѣ терроръ. Я прошелъ мимо, ораторъ оглянулся на меня и замолчалъ. Въ районѣ Александровскаго парка было тихо и лишь вдали были слышны выстрѣлы.

Наконецъ, день отъѣзда насталъ. За мною долженъ былъ заѣхать по дорогѣ Иванъ Ивановичъ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Сергіевское училище. Я ожидалъ его съ нетерпѣніемъ, назначенный часъ наступилъ и прошелъ, его-же не было, время уходило. Я вышелъ на улицу, нигдѣ не было ни одного извозника. Какъ быть? Безъ вещей ѣхать нельзя, — а самому до училища ихъ не дотащить. Положеніе создавалось очень непріятное. Я уже думалъ о томъ, что придется изъ чемодана выбрать самое необходимое и, положивъ въ сумку, идти пѣшкомъ. Въ это время совершенно неожиданно показалась нагруженная какими то сумками французская повозка съ двумя зуавами. Повозка эта остановилась рядомъ съ нашимъ домомъ и стала разгружаться. Оказалось, что это привезли чьи то вещи изъ артиллерійскаго училища и что повозка принадлежитъ тому полку, съ которымъ я долженъ двигаться. Объяснивъ солдату свое желаніе ѣхать съ ними изъ полка, я получилъ его согласіе лишь послѣ того, какъ онъ увидѣлъ на моемъ удостовѣреніи печать полка. Быстро вынесъ я свой чемоданчикъ, взвалилъ его на двухколку и, попрощавшись со всѣми своими, двинулся въ путь. Въ это время раздался стукъ колесъ извозничьей пролетки. — это прѣхалъ Иванъ Ивановичъ, который тоже погрузилъ свои вещи вмѣстѣ со мною, и мы тронулись. Сильные мулы легко потащили пустую повозку, и мы скоро были въ училищѣ. По дорогѣ все было спокойно, городъ имѣлъ видъ пустынный и вымершій.

Въ училищѣ, гдѣ стоялъ полкъ и другія части французской арміи, все было спокойно, нашихъ пригрозеній къ уходу еще не было замѣтно. Наши анкетные офицеры разсказали намъ, что французскія войска уходятъ дня черезъ три, такъ какъ достигнуто полное соглашеніе съ большинствомъ о сдачѣ города: сначала должны оставить городъ всѣ русскія части, полки, греки и бѣженцы,

а французы уйдутъ лишь тогда, когда уже никого изъ другихъ войскъ не будетъ и въ городъ вступитъ красная армія.

Мы расположились въ комнатѣ вмѣстѣ съ нашими офицерами, съ которыми помѣщались въ одномъ вагонѣ на Колосовѣ и рѣшили застѣнись терпѣніемъ. Я сталъ говорить по телефону. — первымъ дѣломъ сообщилъ домой о всемъ. что узнать отъ французовъ, и пообѣщаль побывать дома до отъѣзда, если въ городѣ будетъ тихо. Затѣмъ соединился со своимъ знакомымъ В. и узнать, что они рѣшили ѣхать изъ Одессы на своихъ лошадяхъ и автомобиляхъ. — въ ихъ распоряженіи было два выѣзда и двѣ машины, — выѣзжать они должны были завтра и слѣдовать мимо Сергіевского училища. Я пообѣщаль ихъ встрѣтить по дороге. Многие другіе знакомые уѣзжали на пароходахъ, попасть на которые можно было лишь за большія деньги.

За обѣдомъ рассказывали, что всѣ войска съ фронта уже подходили къ городу и завтра начнутъ двигаться по направленію на Овидіополь, что въ городѣ уже неспокойно, — происходятъ налеты и грабежи на улицахъ, что французы поддерживаютъ порядокъ и что ихъ не трогаютъ, тогда какъ грековъ подстрѣливаютъ изъ за угла. Говорили о томъ, какъ сильно упалъ на биржѣ рубль и что одинъ франкъ уже стоитъ 12 рублей. Это обстоятельство было очень непріятно французскимъ офицерамъ, такъ какъ свое жалованіе они получали въ русской валютѣ по курсу, установленному для нихъ распоряженіемъ соотвѣтствующаго начальства. На это мы не преминули указать, что при приходѣ нѣмцевъ ими былъ установленъ твердый курсъ на марку и никакія биржевыя ухищренія не могли измѣнить отношенія ея къ рублю, тогда какъ наши союзники французы за все время пребыванія въ Россіи спокойно слѣдили за паденіемъ рубля и не устанавливали никакого опредѣленнаго твердаго курса для франка, лишь примѣняя свой курсъ для уплаты русскими рублями жалованія войскамъ. Поэтому всѣ спѣшили покупать на свободныя русскія деньги всякія вещи и для этого отправились въ городъ. Мы остались дома и коротали время въ разговорахъ. Стало смеркаться, на дворѣ училища какъ-то зашевелились, стали проводить лошадей, муловъ, провозить повозки, что-то выносить изъ помѣщеній и грузить на двуколки. Я еще нѣсколько разъ говорилъ по телефону съ домою, и былъ очень огорченъ судьбой своихъ близкихъ, остающихся въ такой опасности. Въ это время одинъ изъ офицеровъ позвалъ меня пойти съ нимъ опросить арестованныхъ не въ далека отъ училища большевиковъ. Прийдя въ помѣщеніе, гдѣ были расположены зуавы, въ углу комнаты мы увидѣли группу человекъ въ шесть, сидящую на нарахъ, и между ними одного взрослого съ внѣшностью портового босса — это былъ ихъ предводитель; всѣхъ ихъ задержали зуавы въ то время, когда они стрѣляли по прохожимъ и бросали бомбы, очевидно желая вызвать въ городѣ панику. Пойманные на мѣстѣ преступленія, они очевидно не сомнѣвались въ своей судьбѣ и ожидали для себя печальнаго конца, — всѣ они сидя кучкой плакали и дрожали мелкой дрожью и не могли говорить отъ волненія и лишь съ большимъ трудомъ старшій изъ нихъ смогъ выговорить, что они ни въ чемъ не виноваты, такъ какъ они бѣдные люди и поэтому, когда стали раздавать изъ артиллерійскаго склада оружіе, то они взяли и себѣ, и ихъ съ этимъ оружіемъ арестовали зуавы. Какая участь постигла ихъ, — я не знаю, — думаю, что при уходѣ французы просто отпустили ихъ на свободу. За ужиномъ мы узнали отъ командира полка, что нашъ полкъ уходитъ завтра, такъ какъ большевики уже подошли къ Одессѣ, и что отношеніе ихъ къ французамъ дружелюбное, ихъ развѣдчики мирно разговаривали съ зуавами, и тѣ угощали ихъ пинаромъ.

Понимая, мы стали устраниваться на почевку, при чем свободных кроватей для насъ съ Иваномъ Ивановичемъ не было. Меня это обстоятельство не смущало, изъ бурки и шинели я соорудилъ себѣ постель и улегся. Иванъ Ивановичъ никакъ не могъ примириться съ мыслью спать на полу и отправился на поиски. Въ соседней комнатѣ онъ обнаружилъ чью-то свободную кровать, на которой и улегся. Часовъ въ 12 ночи явился ко мнѣ сердитый и ругаясь сталъ рассказывать, что явился какой-то молодой офицеръ, который былъ въ командировкѣ въ штабѣ дивизіи и теперь при отступленіи откомандированъ обратно въ полкъ: онъ потребовалъ себѣ кровать, и Иванъ Ивановичъ долженъ былъ ему ее уступить. — Ха-ха. — горячился Иванъ Ивановичъ. — парикмахеры, а не офицеры. Развѣ-бы у насъ въ полку допустили наши офицеры, чтобы ихъ гости спали на полу въ то время, когда всѣ молодые люди лежать въ постеляхъ. Сейчасъ бы ушелъ отъ нихъ домой, если-бы не ночь.

Дѣлать было нечего, разоставъ свой полушубокъ рядомъ со мною, Иванъ Ивановичъ улегся. Внизу слышалось пѣніе, игралъ граммофонъ. Спать не хотѣлось, и мы молча лежали, иногда лишь обмѣниваясь короткими фразами. Ночь прошла быстро. На развѣтъ мы поднялись и, выйдя на дворъ училища, увидѣли, что все находится въ движеніи, приготавлиаясь къ выступленію, мимо же училища идетъ потокъ людей и экипажей. Это отступали войска и бѣженцы на Овидіополь. Проходили части русскія, греческія, польскіе легіоны, обозы, извозчики, повозки, автомобили, шли пѣшкомъ — полное переселеніе народовъ. Скоро посреди двора училища появился начальникъ училища генералъ Бореусъ, который сталъ наблюдать за погрузкой, недалеко отъ него сталъ нашъ командиръ полковникъ Жэ. Я въ это время сообщилъ домой по телефону о томъ, что мы уходимъ сегодня и что уже нѣтъ никакой возможности побывать дома, а затѣмъ позвонилъ на квартиру В., откуда мнѣ сообщила приелуга, что всѣ уже уѣхали, но что только сейчасъ прѣѣзжалъ экипажъ со старой барыней, которая въпыхахъ при отъѣздѣ забыла свои документы и должна была возвратиться за ними и что будто панича Мишу по дорогѣ арестовали.

Я вышелъ на дорогу, по которой проходили отступающіе, думая, что удастся увидѣть своихъ знакомыхъ, но простоявъ у воротъ долгое время и ничего не дождавшись, пошелъ обратно. Проходя мимо нашего полковника Жэ, я слышала, какъ его просила полкитая французенка-гувернантка взять ее съ собою изъ Одессы, такъ какъ она не можетъ выѣхать иначе, а оставаться съ большевиками ей невозможно. Она умоляла его разрѣшить ей помѣститься на одну изъ пустыхъ полковыхъ повозокъ, но полковникъ заявилъ ей категорически, что это запрещено, и былъ неумолимъ, несмотря на слезы и плачъ бѣдной женщины, которая, не добившись ничего, ушла всея въ слезахъ.

Передъ подъездомъ флигели, гдѣ мы помѣщались, стояли двуколки, на которыхъ грузили вещи офицеровъ и казенное имущество. Мы вынесли свои чемоданчики и обратились къ адъютанту Жене съ просбой указать, куда мы можемъ положить свои вещи. Взглянувъ на наши чемоданы, кстати сказать бывшіе очень незначительныхъ размѣровъ, Жене пожалъ плечами и заявилъ, что такого багажа намъ брать съ собою нельзя, — у него рассчитано каждое кило и онъ не можетъ перетруждать своего обоза.

Иванъ Ивановичъ молча взялъ свой чемоданъ и, подозревая стойкаго слугу-инвалида, погрузилъ на него чемоданъ и, попрощавшись со мною, заявилъ: — Ну иди въ черту! Съ такими союзниками далеко не уйдешь. Ёду домой. — Я остался одинъ. Видя такую сцену, одинъ изъ поваровъ, бывший съ нами на

Колосовкѣ, подошеть ко мнѣ и, взявъ мои вещи, уложить ихъ на своей повозкѣ, говоря, что здѣсь бы хватило мѣста и для вещей господина С. Жене въ это время продолжалъ спорить съ русскимъ переводчикомъ ротмистромъ Л., котораго онъ тоже упрекалъ въ томъ, что онъ беретъ съ собой слишкомъ много вещей, ставя себя въ примѣръ.

Ротмистръ на это отвѣтилъ, что это потому, что Жене возвращается къ себѣ домой и дома найдетъ все необходимое, а не уходитъ изъ дома, не зная, что его ожидаетъ впереди. — Кромѣ того, добавилъ ротмистръ, — всѣ ваши вещи остались большевикамъ на Березовкѣ. — Вообще поведеніе Жене и нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ съ того времени, какъ рѣшено было уходить изъ Одессы, совершенно измѣнилось къ худшему.

Когда все было погружено, запрягли муловъ, и повозки наши тронулись къ воротамъ и скоро влились въ общій потокъ отходившихъ войскъ. Мы, стоявъ еще немного и видя, что изъ воинскихъ частей уже никого нѣтъ, а идутъ лишь экипажи и подводы частныхъ лицъ, двинулись впередъ. Первымъ шелъ Жене, указывая направленіе, а за нимъ въ рядъ всѣ офицеры штаба полка, затѣмъ двигалась рота (*compagnie hors rang*). Скоро прошли тюрьму и, свернувъ съ большой дороги, идущей на Маріинское, пошли полевыми дорожками по направленію къ стрѣльбищному полю. Дорога эта, по которой я ѣздилъ безчисленное число разъ, была мнѣ отлично знакома. По ней я впервые въ 1904 году ѣхалъ къ мѣсту своей службы въ Аккерманскій уѣздъ, а теперь впервые шелъ пѣшкомъ въ такой необычной обстановкѣ. Степь зеленѣла, покрытая свѣжей травкой, жаворонки звенѣли и вѣялъ пріятный весенній вѣтерокъ. Мы шли быстро. Навстрѣчу намъ попался знакомый артиллерійскій офицеръ, который тащилъ на плечахъ свои вещи, — рѣшилъ возвратиться домой, не можетъ оставить свою семью, — и скоро городъ скрылся съ нашихъ глазъ.

Къ вечеру мы добрались до Маріинскаго. Это огромная нѣмецкая колонія, называвшаяся по нѣмецки *Gross Libenthal*. Тамъ уже расположились на ночлегъ части, вышедшія раньше насъ изъ Одессы. Мы прошли все село и, выйдя на Овидіопольскую дорогу, стали располагаться на ночлегъ въ полѣ подъ самымъ селомъ. Для офицеровъ полка разбили палатки, а для людей подѣлали прикрытія изъ повозокъ и брезентовъ. Начинало смеркаться. Отъ нечего дѣлать мы ходили по бивуаку, заходили въ село. Мѣстные нѣмцы съ сокрушеніемъ качали головами и говорили намъ шопотомъ, что когда германцы уходили отъ нихъ передъ приходомъ французовъ, то говорили, что все равно тѣ долго не будутъ, — такъ и вышло, теперь французы уходятъ, и неизвѣстно, что будетъ. Рассказывали, какъ добровольцы захватили большевиковъ подъ самымъ Маріинскомъ, когда тѣ пытались напасть на отступающихъ. Въ Маріинское все время подтягивались подводы и экипажи бѣженцевъ, ѣдущіе изъ Одессы разными путями. Почти всѣмъ имъ пришлось извѣдать встрѣчи съ отдѣльными бандами большевиковъ, которые грабили уѣзжающихъ. Бродя такимъ образомъ безъ дѣла по Маріинскому, я недалекъ отъ нашей стоянки увидѣлъ группу солдатъ, одѣтыхъ во французскую форму; было ихъ нѣсколько сотъ человѣкъ, по своему виду они, несмотря на французскую форму, отличались отъ французовъ и были больше похожи на нашихъ. Я подошелъ поближе и услышалъ русскую рѣчь. Ближайшаго изъ нихъ я спросилъ — что это значитъ? почему они одѣты во французскую форму? Онъ отвѣтилъ, что здѣсь всѣ русскіе, поступившіе въ иностранный легіонъ; ихъ подъ шумокъ происходящихъ событій успѣли законтрактовать въ Одессѣ наши союзники, пришедшіе къ намъ на помощь, и теперь спѣшили увести съ собою.

Замѣтивъ, что я разговариваю съ солдатами, ко мнѣ подошелъ унтеръ-офицеръ французъ и заявилъ, что разговаривать съ ними не дозволяется. Я не преминулъ выразить по этому поводу свое удивленіе. Послѣ этого французы вызвали караулъ изъ черныхъ и поставили его кругомъ группы русскихъ, охраняя ихъ отъ всякаго соприсношенія съ мѣстными жителями.

За уиномомъ я не удержался отъ того, чтобы спросить нашихъ офицеровъ. — что это значить, что они, прійдя къ намъ на помощь противъ большевиковъ, вмѣсто того, чтобы увеличивать добровольческую армію — увеличиваютъ свой иностранный легіонъ? Офицеры смутились и стали отрицать это. Я имъ указалъ на расположенную недалеко отъ насъ группу, какъ на вещественное доказательство. Это чехо-словаки, возразили они мнѣ. Я не сталъ спорить и лишь отвѣтилъ, — что я говорилъ съ этими «чехо-словаками».

На утро, части, ночевавшія въ Маринскомъ, стали выходить изъ села и двигаться въ Овидіополь. Мы стояли на мѣстѣ и прощались всѣхъ и, когда всѣ вышли изъ села, двинулись и мы, но, пройдя верстъ пять, опять остановились и подъ прикрытіемъ желѣзно-дорожной насыпи должны были стоять до получения распоряженія. Такимъ образомъ мы составляли арьергардъ отступающихъ войскъ, почему приняли всѣ мѣры предосторожности — выставили сторожевое охраненіе, разставили пулеметы и расположились здѣсь на ночлегъ.

Вдали по линіи желѣзной дороги горѣли какіе-то склады, — это отступающіе греки поджигали желѣзно-дорожное имущество. Ночь прошла спокойно. Люди, бывшіе въ сторожевомъ охраненіи, рассказывали, что съ ними переговаривались большевики, которые идутъ за нами слѣдомъ.

На слѣдующій день мы двинулись дальше, и къ часамъ двумъ дня вдали показался дѣбстровскій лиманъ, и мы вошли въ Овидіополь.

Въ Овидіополѣ была масса войскъ, всѣ дома были заняты. Намъ указали районъ города, гдѣ долженъ былъ расположиться нашъ полкъ. При нашемъ приходѣ оттуда выходили группы русскихъ добровольцевъ и двигались на Бугачъ, тамъ была переправа на Бессарабскую сторону. Нельзя сказать, чтобы они особенно дружелюбно смотрѣли на французовъ. Французскіе офицеры избѣгали встрѣчаться съ ними взглядами и какъ-то конфузились и стѣснялись ихъ. Какъ сейчасъ помню, изъ того дома, въ которомъ была отведена для насъ квартира, вышло три нашихъ офицера, каждому изъ нихъ было лѣтъ по пятидесяти, — длинныя бороды, грубыя солдатскія шинели, мѣшки за плечами и подвѣшенные къ нимъ чайники, дѣлали ихъ удивительно похожими на странниковъ-богомольцевъ и только винтовки за плечами портили это сходство. Я показалъ на эту группу нашему офицеру, лейтенанту Шантени, тотъ глубоко вздохнулъ и ничего не сказалъ.

Скоро мы устроились, я пошелъ посмотреть на Овидіополь, въ которомъ уже довольно давно не былъ. Къ моему удивленію недалеко отъ городской управы стояла въ конномъ строю казачья сотня. Но большей части это были все офицеры различныхъ казачьихъ войскъ, между ними я нашелъ своего знакомаго, есаула Алаа, женатаго на К. А. В...ъ, съ которымъ я говорилъ по телефону передъ слѣдомъ. Онъ ничего не знаетъ о своихъ, и я сообщилъ ему, что они должны приѣхать сюда-же. Въ это время къ сотнѣ подѣхалъ командиръ ея, полковникъ, и объявилъ, что румыны всѣхъ разоружаютъ и что всѣхъ отправляютъ въ лагерь, поэтому сотню вѣст, изъ отдѣльную часть, ибѣтъ смысла, и каждый можетъ перейти туда подъ выгомъ бѣженца. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ казаки разбрелись по Овидіополю и продавали мѣстнымъ жителямъ своихъ лошадей и сѣдла.

Скоро мы и есаулъ А. узнали, что В. уже въ Овидіополь и расположились недалеко отъ насъ. Мы отправились къ нимъ и нашли ихъ въ домѣ мѣстнаго церковнаго старосты. При входѣ во дворъ мы увидѣли всѣхъ въ сборѣ, хлопотавшихъ около лошадей и автомобилей. Самъ В. старикъ лѣтъ за 60 и всѣ мужчины были одѣты въ форму греческихъ солдатъ, — я не могъ не разсмѣяться при видѣ такой метаморфозы. Оказывается, по дорогѣ греческіе офицеры взяли ихъ подъ свое покровительство, и всѣ они вмѣстѣ съ греческимъ полкомъ пришли въ Овидіополь и надѣются подъ видомъ грековъ переѣхать въ Бессарабію. Только греческая форма спасла ихъ отъ «реквизиціи» — т. е. грабежа поляками лошадей и автомобилей. Поляки работали во всю и не постѣбнялись даже ограбить своего компатріота графа Стиборъ-Мархоцкаго, имѣніе котораго находилось неподалеку отъ Овидіополя.

Въ Овидіополь мы должны были простоять нѣсколько дней, такъ какъ часть войскъ отправлялась на Бугасъ, а другая грузилась на шаланды и переправлялась непосредственно въ Аккерманъ. Тутъ только можно было видѣть, какое огромное количество войскъ и всякаго рода военного имущества было привезено союзниками въ Одессу. И все это теперь уходило обратно, не достигнувъ цѣли, заставляя всѣхъ думать о томъ, что значить это поспѣшное отступленіе и отъ какой грозной силы бѣжить эта масса войскъ.

Въ городѣ не хватало провіанта для людей и поэтому французы посылали въ сосѣднія села покупать скотъ; при посланныхъ находились русскіе переводчики. Въ селѣ Колаглѣ, верстахъ въ семи, мѣстные большевики убили русскаго переводчика поручика Круссера, а въ другомъ мѣстѣ весь отрядъ захватили въ плѣнъ и отправили въ Одессу. Нашъ переводчикъ по счастью для него былъ одѣтъ во французскую форму, его тоже выдали за француза, и такимъ образомъ онъ спасся отъ неминуемаго разстрѣла. По дорогѣ онъ съѣлъ свой паспортъ и по прибытіи въ Одессу уже не имѣлъ при себѣ никакихъ документовъ. Всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ опросили, а затѣмъ отправили на стоящій на рейдѣ французскій миноносецъ и оттуда черезъ Константинополь въ ихъ полкъ. Такимъ образомъ они присоединились къ намъ въ Аккерманъ. Мы ихъ конечно уже считали погибшими и были несказанно удивлены ихъ пріѣзду.

Такъ большевики держали себя по отношенію къ французамъ. Не то было съ греками, — всѣхъ случайно задержавшихся и оставшихъ грековъ они убивали, поэтому поляковъ и грековъ въ первую голову стали переправлять на другую сторону лимана въ Аккерманъ.

Переправа шла медленно, такъ какъ перевозочныхъ средствъ было немного, и должна была продолжаться много дней. Нашъ полкъ былъ назначенъ въ послѣднюю очередь. Мы были расположены на самомъ концѣ города и выставили сторожевое охраненіе. Скоро подошли большевики и вступили въ мирные разговоры съ французскими солдатами. Послѣ приближенія большевиковъ переправа пошла быстрѣе, такъ какъ они начали требовать очищенія херсонской губерніи и ухода въ Бессарабію, поэтому много автомобилей и повозокъ, которые вначалѣ должны были быть переправлены на баржахъ, отправили на Бугасъ, гдѣ они застревали въ сыпучихъ пескахъ.

Вообще переправа на Бугасъ была сопряжена съ большими трудностями и непріятностями, такъ какъ тамъ румынскія власти производили разоруженіе русскихъ частей и реквизицію имущества, въ этомъ отношеніи не отставали и французы, стараясь на перебой захватить что нибудь — автомобиль или лошадей. Все это быстро стало извѣстно въ Овидіополь, и поэтому всѣ русскіе бѣ-

женцы старались во чтобы то ни стало избѣжать Бугаса и попасть на баржи; сдѣлать это было очень трудно, и единственная къ тому возможность была пробраться въ Аккерманъ съ воинскими частями въ формѣ французовъ или грековъ.

Къ сожалѣнію, долженъ сказать, что французы въ этомъ отношеніи были гораздо хуже грековъ. — въ то время какъ греки и охотно и любезно принимали русскихъ бѣженцевъ въ свои части, одѣвали ихъ въ свою форму и перевозили въ Аккерманъ, французы отличались своей строгостью, точно исполняя распоряженіе начальства, и слѣдили за тѣмъ, чтобы никто не проникъ изъ не имѣющихъ права на баржи и пароходы, дѣлая исключеніе лишь для дамъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего прихода въ Овидіополь наши офицеры рѣшили сѣздить посмотреть Аккерманъ и пригласили меня съ собою. Прослуживши въ аккерманскомъ уѣздѣ съ 1904 по 1906 годъ, я хорошо зналъ городъ, и у меня тамъ было много знакомыхъ, поэтому мнѣ было интересно побывать въ Аккерманѣ и посмотреть, что тамъ дѣлается.

Компаніей въ нѣсколько человекъ мы пошли на пристань и стали размѣщаться по лодкамъ. Въ это время ко мнѣ подошелъ дежурный на пристани французскій офицеръ нашего-же полка, съ которымъ мы были вмѣстѣ на Колосовкѣ и вмѣстѣ бѣжали изъ подъ Березовки, и заявилъ, что мнѣ нельзя ѣхать на ту сторону, такъ какъ приказано русскихъ никого не пускать. Я не сталъ ему возражать, а молча вынулъ изъ своего бумажника выданное когда-то мнѣ изъ Штаба Г. Ансельма удостовѣреніе о томъ, что я слѣдую въ распоряженіе командира 1 Африканскаго маршевого полка и всѣ власти войскъ французскихъ и союзныхъ обязаны оказывать помощь и покровительство, и визитную карточку генерала Г. Ансельма, которую онъ прислалъ мнѣ послѣ моего къ нему визита, и предъявить ихъ строгому лейтенанту и безпрепятственно уѣхать въ лодку. Лейтенантъ Шантени сталъ ругать лейтенанта за ненужный формализмъ; тотъ оправдывался категорическимъ приказаніемъ начальства.

Мы отчалили. Погода была отличная: спокойный лиманъ, голубое небо, легкій весенній вѣтерокъ дѣлалъ переѣздъ очень пріятнымъ. Я невольно вспоминаю, сколько разъ приходилось мнѣ переправляться черезъ тотъ-же лиманъ за время моей службы въ Бессарабіи и какъ сильно измѣнились обстоятельства съ того времени.

Скоро мы причалили и вышли на берегъ. Наши офицеры стремились въ главную квартиру, которая была расположена въ помѣщеніи уѣздной Земской Управы, и повелѣли ихъ туда, и скоро мы пришли на мѣсто. Войдя въ помѣщеніе огромнаго зданія Управы, которое я зналъ отлично въ прежніе годы, я былъ пораженъ его видомъ, такъ оно было опустошено и загажено. Впослѣдствіи я узналъ, что это надѣлали румыны, увези къ себѣ большую часть обстановки и имущества земства. Офицеры ушли по своимъ дѣламъ, а я пошелъ бродить по городу. Мы условились встрѣтиться на берегу.

Выйдя на улицу, я отправился по знакомымъ мнѣ мѣстамъ къ центру города. Тутъ я обратилъ вниманіе на то, что всѣ русскія вывески были сняты и замѣнены румынскими, на улицахъ-же всюду раздавалась русская рѣчь и не было слышно ни одного румынскаго слова, румынскихъ войскъ и полиціи почти не было видно. Я зашелъ въ помѣщеніе уѣзднаго сѣзда, въ которомъ меня поразила таже картина, что и въ Земской Управѣ — опустошеніе и грязь.

Скоро я вышелъ къ базарной площади. Одѣтъ я былъ во французскую форму, и на меня какъ и на другихъ французовъ, съ любопытствомъ оглядывались мѣстные жители. Французскіе солдаты на лоткахъ покупали всякія вещи и вели

оживленный разговоръ. Я съ кѣмъ то заговорилъ по русски, публика была очень удивлена этимъ, и скоро около меня собралась большая толпа: я сталъ разспрашивать о румынскихъ порядкахъ. Всѣ единодушно стали ругать румынъ, которые пришли сначала помогать русскимъ противъ большевиковъ, а потомъ объявили Бессарабію присоединенной къ Румыніи. Особенно возмущался пожилой крестьянинъ молдаванинъ въ большой сѣрой шапкѣ — «Пришелъ какой-то цыганъ и каже шо онъ мени братъ», — говорилъ онъ съ особымъ молдаванскимъ акцентомъ, глухо выговаривая букву «л», — «а какой онъ мнѣ братъ, когда я русскій человекъ.» Такъ за короткій срокъ своего пребыванія румыны своимъ неумѣлымъ и нетактичнымъ поведеніемъ обрусели скорѣе молдаванское население, чѣмъ русское правительство за сто лѣтъ своего управленія, такъ: въ прежнія времена молдаване, даже знавшіе по русски, демонстративно отвѣчали на своемъ языкѣ «нушти русешти» и только послѣ того, какъ бывало обратишься съ вопросомъ по молдавански, переходили на русскій языкъ.

Вообще, какъ на херсонскомъ берегу предметомъ разговоровъ и общей ненависти были большевики, такъ на бессарабскомъ берегу такой-же популярностью пользовались румыны. Жители той и другой мѣстности съ нетерпѣніемъ ожидали — херсонцы прихода румынъ для освобожденія отъ большевиковъ, а бессарабцы большевиковъ для освобожденія отъ румынъ. Большевики еще въ Аккерманѣ почти не знали и разсказахъ про ихъ подвиги и систему управленія не вѣрили, но за то отлично видѣли и чувствовали на себѣ любостыжательность румынъ, которые увозили къ себѣ все цѣнное и развели страшное взяточничество. Кромѣ того стѣснительные законы, издаваемые для управленія оккупируемой страной, не могли не раздражать мѣстнаго населенія.

Побродивъ по городу, я зашелъ навѣстить своихъ добрыхъ знакомыхъ, у которыхъ не было уже нѣсколько лѣтъ. Когда я вошелъ къ нимъ въ домъ, удивленію при видѣ меня, облаченного во французскую форму, не было границъ. Начались безконечные разспросы и разговоры; я разсказывать про наши обстоятельства и разспрашивать про аккерманскую жизнь. Настроеніе у моихъ знакомыхъ было очень подавленное. Приходъ румынъ чувствительно отразился на всѣхъ русскихъ, ожидавшихъ румынъ съ нетерпѣніемъ и видѣвшихъ въ нихъ освободителей отъ большевиковъ.

Матерьяльное благополучіе почти всѣхъ русскихъ было разрушено: чиновники были уволены отъ службы и выброшены буквально на улицу, землевладѣльцы потеряли свои земли по новому аграрному закону, крестьяне разочаровались въ возможности устраивать «аграрные безпорядки» и, не вѣря аграрнымъ законамъ, отказались по большей части отъ принятія помѣщичьихъ земель, учебныя заведенія были закрыты и дѣти болтались безъ дѣла. Всѣ терпѣли большую нужду и не знали, изъ какихъ источниковъ черпать средства къ жизни. Къ этому присоединилась боль отъ оскорбленія русскаго національнаго чувства и достоинства, поэтому всѣ съ озлобленіемъ говорили о румынахъ и, когда я заговорилъ о большевикахъ, то мнѣ отвѣчали на это, что еще неизвѣстно, что хуже.

Въ Аккерманѣ уже было извѣстно, что происходитъ на Бугасѣ съ бѣженцами и добровольцами, какъ ихъ всѣхъ задерживаютъ румыны на открытомъ воздухѣ или въ холодныхъ дачахъ безъ провіанта, поэтому, когда я собрался уѣзжать обратно въ Овидіополь, меня стали уговаривать этого не дѣлать. Имѣя уже опытъ со своимъ офицеромъ, который не хотѣлъ пропустить меня, я пришелъ къ заключенію, что мои знакомые правы и рѣшилъ остаться. Я пошелъ на пристань, чтобы попросить кого нибудь изъ нашихъ офицеровъ передать въ штабъ

подка, что я буду ожидать ихъ въ Аккерманѣ и попросить привезти мой чемоданъ. На пристани я встрѣтилъ двухъ молодыхъ людей В.....ъ, которые привезли часть своего багажа, они говорили, что лошади и автомобили пошли на Бугаеъ, а дамы лагиря въ авто-кареткахъ греческаго лазарета придутъ въ Аккерманъ.

На слѣдующій день, выйдя на улицу, я увидѣлъ, что весь городъ запруженъ войсками. Французы, поляки, греки мелькали по всѣмъ улицамъ, только не было видно русской формы. Но за то сколько знакомыхъ русскихъ встрѣтилъ я одѣтыхъ въ форму зузавовъ, польскихъ легіонеровъ и греческихъ солдатъ. Нельзя было смотреть на эти фигуры безъ улыбки. Также невольно смѣялись, при видѣ меня, одѣтаго во французскую форму и рогатую шапку широкимъ, мои старые знакомые по Аккерману, которыхъ я встрѣчалъ на улицѣ.

Городъ разбили на секторы по національностямъ расположенныхъ въ нихъ войскъ, и всюду реквизировали помѣщенія. По всѣмъ признакамъ видно было, что въ Аккерманѣ войска должны будутъ пробывать нѣкоторое время, а не двгаться сейчасъ-же дальше. Намъ всѣхъ это очень интересовало, такъ какъ мы на основаніи этого старались понять, что значить поспѣшный уходъ французовъ изъ Одессы.

Нѣкоторыя воинскія части занимали сосѣднія села и проходили черезъ Аккерманъ, не останавливаясь, при чемъ все онѣ направлялись на сѣверъ отъ Аккермана и располагались по линіи Днѣстра. Было что-то похоже на то, что Днѣстръ будетъ служить линіей обороны — на долго-ли? возникалъ у насъ всѣхъ вопросъ.

Цѣлый день прошелъ въ поискахъ помѣщеній для моихъ знакомыхъ В. и другихъ бѣженцевъ. Отыскать что-либо было очень трудно, такъ какъ почти все было занято войсками, а тамъ, гдѣ было свободное мѣсто, хозяева выставляли требованіе объ уплатѣ за квартиру обязательно царскими деньгами, которыхъ у бѣженцевъ конечно не было. Такое безсердечіе русскихъ къ своимъ-же русскимъ бѣженцамъ очень сильно возмутило насъ. Мы еще тогда не видѣли въ какой тяжелой степени нужды находились мѣстные жители, благодаря румынской оккупациі, выбросившей на улицу всѣхъ служащихъ чиновниковъ и лишившихъ доходовъ землевладѣльцевъ.

Видя, что дѣйствуя такимъ образомъ мы ничего не найдемъ, мы просто заняли помѣщенія для кого было нужно, пользуясь нашей иностранной формой. Моментально были найдены комнаты съ обстановкой и всѣмъ, чѣмъ нужно. Къ вечеру приѣхали наши знакомыя дамы, весь день они провели лежа на койкахъ въ лазаретныхъ кареткахъ съ опущенными шторами, дабы скрыться отъ нескромныхъ взоровъ французовъ и румынъ, задерживающихъ бѣженцевъ. При выгрузкѣ ихъ подошелъ румынскій полицейскій, который сталъ говорить о томъ, что женщинъ нельзя пропускать въ городъ, но знакомый греческій офицеръ сталъ что-то объяснять ему и угощать папиросами, а я на молдаванскомъ языкѣ, изругавъ его соответствующимъ образомъ, послать къ чорту. Пораженный тѣмъ, что отъ француза онъ слышитъ знакомыя слова родной рѣчи, полицейскій успокоился, и дамы благополучно выгрузились и отправились на квартиру устраиваться. Черезъ день началъ перенравляться и нашъ полкъ и скоро весь былъ на бессарабскомъ берегу, оставивъ херсонскій берегъ въ полное распоряженіе болгаро-румынъ. Съ противоположнымъ берегомъ прекратилось всякое сообщеніе, и мы, зная въ бинномъ, старались раземотрѣть, что происходитъ въ Овидіополь.

Наши офицеры, прибывъ въ Аккерманъ, развѣстались по квартирамъ, устроили сношенія и занепопрію и стали входить въ мѣстную жизнь. Шантени по се-

крету сообщили мнѣ, что, хотя войска и ушли изъ Россіи, но интервенція не окончена, что всѣ свѣдѣнія о паденіи министерства Клемансо ложны, что войска перемѣнили лишь временно позицію и стали по Дибстру и что по всей вѣроятности мы опять скоро будемъ въ Одессѣ.

Мое положеніе при французaxъ было не нормально, и я пробовалъ выяснить, могу ли я сохранять свое званіе, которое имѣлъ въ Херсонской губерніи, но это оказалось невозможнымъ, и послѣ многихъ переговоровъ съ командиромъ полка Жэ и начальникомъ Штаба дивизіи мнѣ удалось зачислиться въ штабъ полка въ качествѣ переводчика. Всѣ офицеры, начиная съ командира полка, были довольны этимъ обстоятельствомъ и поздравляли меня. Я былъ тоже очень доволенъ, такъ какъ официальное положеніе при французaxъ спасло меня отъ недоразумѣній съ румынами, которые вылавливали бѣженцевъ и отправляли въ Тульчу.

Наступала Пасха. Мѣстные жители готовились къ праздникамъ, и всѣ жаловались на дороговизну, которая для бѣженцевъ еще осложнялась тѣмъ, что почти у всѣхъ были только украинскія деньги, которыя здѣсь не ходили, а ходили лишь царскія и одесскія городскія, на украинскія же были установлены мѣстными евреями курсъ по 25 р. одесскихъ за 50 карбованцевъ; такимъ образомъ намъ за все приходилось платить вдвое дороже.

Я получилъ реквизиціонный билетъ и жилъ на квартирѣ у своихъ друзей, обѣдать и ужинать ходилъ въ полковой «попотъ». Занятий у меня почти никакихъ не было. По утру лишь заходилъ въ канцелярію полка и принималъ участіе въ общихъ разговорахъ на мѣстныя темы. Наши офицеры постепенно демобилизовались и уѣзжали домой. Полковникъ Жэ тоже уѣзжалъ, такъ какъ за «баталію подъ Березовкой» у него отобрали полкъ, и къ намъ долженъ былъ пріѣхать новый командиръ. Уѣзжалъ также лейтенантъ Шантеп и ветеринаръ Сиро, съ которыми я находился въ наиболѣе пріятельскихъ отношеніяхъ.

Новый командиръ подполковникъ Локанъ оказался очень симпатичнымъ человѣкомъ, весьма деликатнымъ и воспитаннымъ. Ко мнѣ и другимъ русскимъ переводчикамъ былъ особенно внимателенъ и любезно выразилъ желаніе заниматься по русски, и я предложилъ ему свои услуги. У него оказался учебникъ русскаго языка, и онъ началъ усердно заучивать русскія слова и фразы. Къ Россіи онъ чувствовалъ большую любовь, и все русское ему очень нравилось, онъ все время выражалъ свое сожалѣніе, что ему не приходится побывать въ Россіи, хотя въ Бессарабіи онъ видѣлъ, несмотря на присутствіе румынъ, неотдѣлимую часть Россіи, и былъ увѣренъ, что присутствіе румынъ временно. Французовъ вообще поразило то, что въ Аккерманѣ и его уѣздѣ все населеніе, которое имъ пришлось видѣть, было чисто русское, и они не скрывали своего возмущенія по поводу румынскихъ претензій на Бессарабію. Отношеніе къ оккупантамъ съ ихъ стороны, выражаясь мягко, было «проническое», и симпатіи къ нимъ они ничѣмъ не проявляли, ограничиваясь чисто официальными отношеніями. Съ русскимъ-же населеніемъ завелись знакомства, пріемы, взаимныя прогулки и т. п. Отъ мѣстныхъ жителей они узнавали про поведеніе и политику румынскихъ властей и, возмущаясь этимъ, писали объ этомъ домой.

Большевики съ другой стороны лимана по отношенію къ французамъ вели себя тихо. Къ нимъ иногда ночью переѣзжали русскіе, которые стремились возвратиться въ Одессу. Но къ сожалѣнію никто съ той стороны къ намъ не пріѣзжалъ, и мы, несмотря на всѣ наши старанія, не могли ничего узнать, что дѣлается въ Одессѣ. Послѣ Пасхи уѣхалъ въ Одессу мой знакомый, живущій по

соездству съ своимъ братомъ: его я просилъ передать своимъ о моей судьбѣ и былъ спокоенъ въ томъ отношеніи, что наши не будутъ беспокоиться обо мнѣ.

Потянувшись однообразные дни въ Аккерманѣ, особыхъ развлеченій здѣсь не было, читать было нечего, потому что газетъ почти не приходило. Мѣстная пресса подъ румынскимъ владычествомъ совсѣмъ заглохла, и выходящія газеты на румынскомъ и русскомъ языкѣ не удовлетворили-бы пожалуй читателя и въ 17 вѣкѣ. до того онѣ были скудны и неслы по своему содержанію. При этомъ значительная часть каждаго номера заполнялась официальными распоряженіями и сообщеніями о дѣйствіяхъ различныхъ должностныхъ лицъ. Обращенія къ населенію, исходящія отъ начальника уѣзда, именовались не иначе какъ «манифесты». Мѣстное населеніе, привыкшее къ тому, что у насъ манифесты издавались лишь Государемъ Императоромъ въ случаяхъ особо важныхъ, относилось къ такимъ прошеніямъ власти румынъ съ полнымъ недоумѣніемъ, думая, что если префекту предоставлено право издавать манифесты, то значить ему принадлежатъ и другія прерогативы верховной власти по отношенію мѣстнаго населенія. При чемъ съ одной стороны, напыщенность, а съ другой, страшное взяточничество и произволъ румынскихъ чиновниковъ возбуждали со стороны мѣстнаго населенія полное къ нимъ презрѣніе. Никто изъ мѣстныхъ жителей, а особенно молдаване, никогда не называли ихъ иначе какъ «цигане». На пребываніе ихъ въ Бессарабію смотрѣли, какъ на явленіе чисто временнаго характера, и мирились съ ними лишь въ силу необходимости. Когда-же пришли французы, то населеніе не могло не замѣтить, что французское командованіе играетъ первую роль, а румыны отошли на второй планъ, поэтому со всѣми претензіями очень часто стали обращаться къ французамъ и, когда ихъ посылали къ румынскимъ властямъ, то категорически заявляли, что къ нимъ нѣтъ смысла ходить, такъ какъ, какая правда можетъ быть у «циганъ».

Кромѣ должностныхъ лицъ, прибывшихъ изъ Румыніи на смѣну русскимъ, въ Бессарабію нахлынула масса музыкантовъ, которые съ наступленіемъ теплыхъ дней съ утра до вечера наполняли звуками своихъ скрипокъ положительно весь городъ. Въ одномъ скверѣ, гдѣ прежде лишь по вечерамъ игралъ оркестръ музыки, теперь цѣлый день гремѣло четыре оркестра румынъ, заглушая одинъ другой.

Мои знакомые В...ль познакомились съ греческимъ генераломъ Петропонтисомъ, который взялъ ихъ подъ свое покровительство и, такъ какъ Румыны не давали возможности всѣмъ русскимъ бѣженцамъ оставаться въ Аккерманѣ и отправляли въ Тульчу, то они рѣшили ѣхать въ деревню, куда переѣзжалъ генералъ Петропонтисъ.

Время минулось въ Аккерманѣ очень однообразно и медленно, никто не зналъ, что будетъ дальше. Войска стояли на позиціи отъ Чернаго Моря до Бендеръ по линіи Дикстера. Русскія части были разоружены и отправлены въ Тульчу, куда же были отправлены и гражданскіе бѣженцы. Лишь съ отрядомъ бронированныхъ автомобилей, такъ какъ тѣ не пожелали сдать своихъ бронированныхъ автомобилей, и французы ничего не могли съ ними подѣлать. Конфликтъ съ бронированными произошелъ на моихъ глазахъ и показалъ мнѣ, что французы совершенно перестали считаться съ добровольческой арміей.

Въ тотъ домѣ, гдѣ жилъ я, была отведена комната полковнику гвардіи, фамилія я его въ настоящее время не помню, командиру отряда бронированныхъ машинъ, и онъ подробно разсказывалъ, какъ все происходило. Еще въ то время, когда отрядъ находился въ Опидиушкѣ, онъ замѣтилъ какое-то странное отношеніе къ нему французовъ, отгнавшихъ время пересылки машинъ на Бесса-

рабскую сторону. Убѣдившись въ томъ, что это дѣлается умышленно и что его могутъ оставить на берегу въ рукахъ большевиковъ, онъ самовольно погрузилъ на шаланды свои машины, пригрозивъ въ случаѣ нужды открыть огонь, и перешахъ въ Аккерманъ, гдѣ, поставивъ въ боевомъ порядкѣ машины около крѣпости, ожидалъ дальнѣйшаго. Французское командованіе предложило ему немедленно сдать все машины румынамъ и лично составу отправиться въ Тульчу. Полковникъ отказался. Въ это время къ нему пріѣхали польскіе офицеры, которые предложили передать броневики польской дивизіи. Такое предложеніе конечно не было принято. Румыны и французы категорически потребовали сдачи машинъ, но опять получили отказъ. Командира вызвали къ генералу Д'Анселюму, полковникъ поѣхалъ, но аудіенція затянулась тамъ слишкомъ долго, офицеры отряда пришли къ тому заключенію, что ихъ командира арестовали и всеѣмъ отрядомъ двинулись на выручку. Подойдя къ главной квартирѣ французскихъ войскъ, потребовали освобожденія полковника и, когда французы освободили его, то оставили Аккерманъ и всей колонной въ боевомъ порядкѣ ушли къ польской дивизіи на Ст. Казачье, гдѣ съ ними стали нести службу, пообѣщавъ передать машины полякамъ, если на то будетъ получено согласіе Главнокомандующаго генерала Деникина. Тамъ еще разъ французы пытались отобрать машины, обстрѣляя отряды, ранили нѣсколькихъ офицеровъ и, видя, что тѣ все-таки машинъ не сдаютъ, очевидно боясь скандала, оставили броневики въ покоѣ. Впослѣдствіи они были отправлены въ Добровольческую Армію.

По приходѣ въ Бессарабію французы продолжали производить пріемъ желающихъ поступить въ иностранный легіонъ. Многіе молодые русскіе офицеры, бывшіе при французахъ, уѣхали въ Африку. Среди-же мѣстнаго населенія распространился слухъ, что съ будущаго года румыны произведутъ призывъ новобранцевъ, поэтому очень многіе, зная порядки, царящіе въ румынской арміи, предпочли уѣхать служить въ французскихъ войскахъ, чѣмъ идти на службу къ румынамъ. Я какъ-то разговаривалъ съ однимъ, записавшимся въ интеръ-легіонъ, и онъ мнѣ разсказалъ, что кромѣ обычныхъ недостатковъ, свойственныхъ арміи маленькаго бѣднаго государства, т. е. плохого питанія и обмундированія солдатъ и очень строгаго и жестокаго отношенія команднаго состава, румыны отличаются страшной національной нетерпимостью и солдатъ другихъ національностей называютъ не иначе, какъ болгаръ — магарацими, сербовъ — волами, а русскихъ — свиньями. Эти обстоятельства значительно способствовали тому, что предпріятіе французовъ по вербовкѣ людей въ иностранный легіонъ имѣло полный успѣхъ. Пользуясь той безопасностью и неприскосновенностью, которую получали лица, принятыя въ иностранный легіонъ, большевикскіе комиссары, желающіе выбраться изъ устроеннаго ими въ Россіи коммунистическаго райа, смогли благополучно выбраться за границу. Такъ общее вниманіе въ Аккерманѣ привлекалъ молодой человекъ еврей, одѣтый въ шикарный костюмъ и отличные желтые сапоги, привезшій съ собою не менѣе шикарную, но совершенно не интеллигентную дѣвицу, который оказался волонтеромъ, записавшимся въ ино-легіонъ. Когда-же я сталъ разспрашивать его, какъ онъ рѣшилъ подписать контрактъ на пять лѣтъ, онъ только разсмѣялся.

— Вы наивный человекъ, мнѣ важно было выбраться изъ Россіи, а у меня уже готовъ паспортъ. Какъ только французы двинутся, я ихъ брошу и побѣду въ Швейцарію.

Наша мирная жизнь въ Аккерманѣ ничѣмъ не нарушалась, никакихъ столкновеній съ большевиками у насъ не происходило. Кое гдѣ иногда на Дибетрѣ

часовые обмѣнивались выстрѣлами. Однажды только въ Бендерахъ большевики, переправившись черезъ Днѣстръ, напали на французовъ и даже захватили въ плѣнъ бригаднаго генерала, но скоро ихъ налетъ былъ ликвидированъ французскими стрѣлками, подосланными на выручку. — генералъ былъ освобожденъ и большевики сброшены въ Днѣстръ.

Какъ-то на улицахъ Аккермана появился украинскій офицеръ и нѣсколько человекъ солдатъ. Это породило безконечные разговоры и вызвало всевозможныя догадки. Оказалось, что это былъ полковникъ Аркасъ, который не то предполагалъ отправиться съ депутацией къ большевикамъ, не то ожидалъ возстанія крестьянъ; онъ выставилъ разведчиковъ на ту сторону, но очевидно не дождался никакихъ благоприятныхъ для себя результатовъ и такъ же неожиданно исчезъ изъ Аккермана, какъ и пріѣхалъ.

Имѣя большое количество знакомыхъ въ Бессарабіи, я къ сожалѣнію не имѣлъ никакой возможности съ ними списаться, такъ какъ по всей Бессарабіи почти не ходила и никому не представлялось возможности обмѣниваться письмами. Вообще стѣсненія, которыя испытывали мѣстные жители отъ румынъ, были чрезвычайно велики, такъ — никто не имѣлъ возможности отлучаться съ мѣста своего жительства безъ соответствующаго разрѣшенія: вся жизнь въ Бессарабіи замерла и прекратился «естественный обмѣнъ веществъ», за то развилась на этой почвѣ спекуляція, которая очень сильно удорожила жизнь. На нашихъ глазахъ цѣны все росли и росли, а доходы прекращались, и большинство русскихъ находилось въ безвыходномъ матеріальномъ положеніи. Поэтому все старались какъ только возможно сократить свои расходы и отыскать какой нибудь заработокъ. Страдала больше интеллигенція, которая почти совершенно не имѣла никакой возможности найти приложеніе своимъ силамъ. Лишь нѣкоторымъ удалось найти занятія въ кооперации, которая въ Бессарабіи, какъ и вездѣ въ Россіи, передъ революціей сдѣлала огромные успѣхи. Такое безвыходное положеніе русскихъ людей сдѣлало то, что когда, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ по оставленіи французами Одессы, румыны предложили желающимъ уѣхать къ Деникину, нашлось много желающихъ, а впоследствии, когда была освобождена добровольцами Одесса, туда уѣхали отъ румынскихъ порядковъ даже многіе коренные бессарабцы чисто «молдавскихъ кровей».

Французы, сидя почти безъ всякаго дѣла, все время проводили въ гуляньи по городу и въ ухаживаніи за мѣстными барышнями, и скоро все гимназистки старшихъ классовъ, оставшіяся тоже безъ дѣла вследствие закрытія румынами учебныхъ заведеній, нѣблизко дни проводили съ молодыми офицерами на бульварѣ, болтали на французскомъ діалектѣ. Отъ молодежи не отставали и старые полковники, и нашъ новый командиръ завелъ романъ съ одной поповной, который для него кончился довольно печально. Отъ такого общенія съ русскими дамами и дѣвицами симпатіи французовъ къ румынамъ не могли увеличиться, такъ какъ въ своихъ разговорахъ эти собесѣдницы разсказывали обо всемъ, что продолжалась румынская власть: французы этимъ искренне возмущались и открыто говорили, что оккупация Бессарабіи румынами явленіе чисто временнаго характера и что Франція никогда не дастъ своего согласія на присоединеніе Румыніей Бессарабіи. Настало то они бѣжали правду, показало дальнѣйшее.

Настало время на обратный переходъ союзными войсками Днѣстра постепенно освобождая, такъ какъ видно было, что къ этому не дѣлается никакихъ приготовленій. Приходилось думать, о томъ, что въ одинъ прекрасный день французы уйдутъ изъ Бессарабіи, какъ они ушли изъ Одессы. И это тревожило всѣхъ

мѣстных жителей, потому что они уже знали, что съ уходомъ французовъ румыны опять начнутъ примѣнять свои методы управленія, отъ которыхъ они, стѣняясь французовъ, немного отстали и которые заключаются главнымъ образомъ въ двухъ приемахъ: взяточничествѣ и битвѣ. Берутъ они со всякаго, у котораго хоть что либо можно взять, и бьютъ тоже всякаго безъ разбора, кто не можетъ ничего дать. Румынское слово «батай» скоро стало извѣстно всѣмъ бессарабцамъ. Мы же, находящіеся на службѣ въ французскихъ войскахъ, задумывались о томъ, что дѣлать дальше? Какъ выбраться изъ Румыніи и пробраться въ Добровольческую Армію?

Наконецъ, послѣ того какъ во Франціи было приступлено къ полной демобилизаціи, стало извѣстно и у насъ въ полку о томъ, что нашъ полкъ будетъ перестроенъ въ 17 Стрѣлковый Алжирскій полкъ и перейти для этого въ Румынію, а затѣмъ отправится на оккупацию въ Болгарію. Съ другими частями, находящимися также въ Бессарабіи, предполагалось поступить такъ же. Такимъ образомъ всякая надежда на обратный походъ въ Россію у насъ пропала.

Полковникъ Локашъ, который чувствовалъ ко мнѣ большую симпатію и проявлялъ ее при всякомъ удобномъ случаѣ, сообщилъ мнѣ послѣ того, какъ получилъ извѣщеніе о назначеніи его на должность командира «17 R. T. A.», что, если я пожелаю, то могу ѣхать съ нимъ въ Болгарію въ качествѣ переводчика. Я понятнo согласился и поблагодарилъ любезнаго полковника, но объяснилъ ему, что болгарскаго языка не знаю. — Это ничего, — сказалъ полковникъ, — какъ-нибудь справимся.

Черезъ нѣсколько дней мы начали грузиться на ж. д. п., распрощавшись со своими знакомыми, двинулись черезъ Рени и Галацъ въ Браиловъ, гдѣ должно было происходить переформированіе.

Живя въ Аккерманѣ въ домѣ своихъ друзей и зная, что Одесса, гдѣ остались всѣ родные, находится лишь въ 40 верстахъ, я какъ-то не чувствовалъ себя особенно оторваннымъ отъ семьи. Теперь-же, когда мы двинулись дальше, стало какъ-то особенно грустно.

Ѣхали мы съ полнымъ удобствомъ и возможнымъ комфортомъ. У каждаго изъ насъ было отдѣльное купе и для «попоть» отведенъ вагонъ, гдѣ мы и проводили большую часть дня. На нѣкоторыхъ станціяхъ мы подолгу стояли, и наши офицеры, научившись кое какъ объясняться по русски, вступали въ разговоры съ мѣстными жителями и старались разузнать про отношенія къ нимъ румынъ. Всѣ отзывались самымъ отрицательнымъ образомъ и ругали ихъ самымъ откровеннымъ образомъ. По линіи желѣзной дороги русскіе служащіе были замѣнены румынами, а оставшіеся безъ дѣла русскіе сидѣли на станціяхъ въ ожиданіи отправки въ Россію и «продавались», т. е. распродавали свой домашній скарбъ и рухлядь для того, чтобы не умереть съ голоду. Картины эти производили сильное впечатлѣніе на французовъ, и они возмущались этимъ вполне искренно. Въ Рени мы задержались дольше чѣмъ на другихъ станціяхъ; тутъ, хотя это совсѣмъ близко отъ границы съ Румыніей, всюду былъ слышенъ русскій языкъ; я обратилъ на это вниманіе нашихъ офицеровъ, и они отвѣчали, что теперь своими глазами убѣдились въ неосновательности румынскихъ притязаній на Бессарабію. Скоро мы переѣхали границу и очутились въ Румыніи.

Въ Галацѣ мы сразу почувствовали себя въ другомъ государствѣ, всюду слышна была румынская рѣчь, замелькали черномазые фізіономіи, по вагонамъ стали шмыгать разные ж. д. служащіе, и въ нашемъ поѣздѣ обнаружилась пропажа многихъ вещей. Даже у меня изъ купе ухитрились украсть мой пробковый шлемъ, только передъ поѣздкою полученный мною изъ интендантства.

Отъ Галаца до Рени поѣздъ шелъ по болотистой долинѣ, пересѣкаемой разными канадами, потоками, и французы развлекались тѣмъ, что, выскакивая изъ вагоновъ, били камнями лягушекъ и, радостные отъ удачной охоты, уносили въ вагоны цѣлыя гирлянды крупныхъ лягушекъ.

Въ Браиловѣ мы прибыли часа въ два дня и приступили къ разгрузкѣ. Въ городѣ уже было нѣсколько батальоновъ вновь сформированнаго полка и теперь съ нашимъ прибытіемъ пришелъ штабъ полка и послѣдніе батальоны. Съ вокзала мы отправились въ городъ къ командиру 1 батальона, который, ожидая насъ, приготовилъ для всѣхъ насъ квартиры, и мы скоро размѣстились по отведеннымъ для насъ комнатамъ. Мнѣ досталась очень хорошая комната въ домѣ богатаго торговца хлѣбомъ, румынскаго еврея. Хозяева были очень любезны, и я устроился очень удобно. Здѣсь мнѣ пригодились мои слабыя познанія въ молдавскомъ языкѣ, которому я немного научился въ Бессарабіи, и я могъ довольно свободно объясняться съ мѣстными жителями. Вся интеллигенція здѣсь говорила на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Городокъ оказался небольшимъ, но очень чистенькимъ и уютнымъ; по своей распланировкѣ напоминалъ Одессу. Какъ мнѣ потомъ объяснили румыны, построень онъ по плану того-же архитектора, который составлялъ планъ Одессы, такъ какъ въ прежнія времена Браиловъ былъ лишь сильной турецкой крѣпостью, которую взяли отъ турокъ русскія войска, и городъ возникъ сравнительно недавно. Во время германской войны онъ былъ оккупированъ нѣмцами и у жителей сохранилась масса воспоминаній о пребываніи непрощенныхъ гостей.

Къ вечеру мы всѣ собрались въ попотѣ, которая была помѣщена въ квартирѣ одного крупнаго коммерсанта по фамиліи Скардеди. Хозяинъ и хозяйка дома оказались очень милыми людьми и уступили для попотѣ свою столовую. Столъ былъ сервированъ, какъ для званныхъ гостей, и нашъ поваръ Экъ, удобно устроившись въ отличной кухнѣ, приготовилъ намъ отличной обѣдъ. Наши хозяева обѣдали вмѣстѣ съ нами и разсказывали намъ про городъ. Послѣ обѣда мы отправились осматривать Браиловъ и скоро обошли почти весь городъ.

У себя на родинѣ румыны производятъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ въ Бессарабіи: здѣсь они очень внимательны, любезны, веселы и безпечны. Такими они были и въ Бессарабіи первое время послѣ прихода, а затѣмъ совершенно измѣнили свою политику и поведение въ отношеніи мѣстныхъ жителей и возбудили противъ себя положительно всѣхъ.

По приходѣ въ Браиловъ, полкъ нашъ былъ окончательно переформированъ и сталъ именоваться 17 R. T. A. Такимъ образомъ онъ уже былъ не зуавскимъ, а стрѣлочнымъ, и офицеры надѣли новыя кепи съ голубыми околышами.

Два здѣсь мнѣ почти никакого не было, и мы съ полковникомъ и еще съ двумя или тремя офицерами, проводили все время въ прогулкахъ по городу и окрестностямъ, гдѣ вездѣ остались слѣды отъ пребыванія нѣмцевъ въ видѣ разрушенныхъ зданій: особенно пострадала прилетающая къ городу дачная мѣстность.

И нѣсколько разъ ѣздилъ въ Галацъ, гдѣ отыскалъ своихъ знакомыхъ В...ъ, которые все время неотступно слѣдовали за греческимъ генераломъ Петропояномъ и наконецъ добрались до Галаца, гдѣ и поселились на квартирѣ у русскихъ солдатъ, которыхъ очень много въ Галацѣ и которые тамъ главнымъ образомъ занимаются пивоварнымъ промысломъ.

Солдаты эти приняли русскихъ бѣлленцевъ очень хорошо и помогали имъ, чѣмъ могли. Одинъ изъ нихъ возилъ меня все время по городу и ни за что не

хотѣлъ взять денегъ. Онъ мнѣ много рассказывалъ про Россію, такъ какъ сравнительно недавно пріѣхалъ оттуда: ему захотѣлось послѣ революціи уѣхать изъ Румыніи къ себѣ домой въ Орелъ, куда онъ и попалъ при большевикахъ. Большевики произвели на него настолько сильное впечатлѣніе, что онъ всю дорогу рассказывалъ мнѣ про ихъ порядки, которые они завели въ Орлѣ. — «Все жида орудуютъ» — рассказывалъ онъ. И изъ его словъ я ясно увидѣлъ, какой сильный антисемитизмъ распространился среди простого народа, даже тѣхъ губерній, гдѣ евреи не имѣли права жительства и гдѣ населеніе относилось къ случайно заѣхавшимъ туда евреямъ совершенно индифферентно. Особенно возмущали его преслѣдованія ими русскаго духовенства и издѣвательства надъ религіей.

Въ Галацѣ была сосредоточена масса войскъ — грековъ и французовъ; отсюда они должны были постепенно уходить — греки къ себѣ домой, а французы въ Болгарію на оккупацию. Для перевозки французскихъ войскъ были назначены русскіе пароходы, зафрахтованные французами. Намъ предстояло тоже грузиться на эти пароходы и плыть въ Варну.

Дни нашего пребыванія въ Браиловѣ мелькали очень быстро и скоро наступилъ назначенный срокъ для нашей погрузки. Наканунѣ дня отъѣзда случилось распоряженіе о томъ, что отъѣздъ нашъ откладывается по случаю наступленія 14 Іюля, дня «взятія Бастиліи», который долженъ быть торжественно отпразднованъ всѣми войсками, въ томъ числѣ и французскимъ гарнизономъ города Браилова, поэтому мы вмѣсто погрузки стали спѣшно готовиться къ празднику.

Полковникъ разработалъ подробно планъ и порядокъ торжества. Такъ какъ это было первое празднованіе послѣ заключенія мира, къ нему готовились по всей Франціи особенно тщательно. Всѣ газеты были полны описаніями предстоящихъ торжествъ въ Парижѣ, куда были собраны всѣ знамена и представители отъ всѣхъ полковъ французской арміи.

Кто то изъ офицеровъ получилъ номеръ журнала Illustration, тамъ по случаю предстоящихъ торжествъ въ краскахъ на большомъ листѣ были отпечатаны національные флаги всѣхъ государствъ, въ союзѣ съ Франціей возставшихъ противъ Германіи. Отсутствовалъ лишь Русскій флагъ; я обратилъ на это вниманіе нашихъ офицеровъ, и мы много говорили по поводу участія Россіи въ міровой войнѣ. Всѣ боевые офицеры отлично понимали, какую великую услугу оказала Россія Франціи и высказали свои предположенія о продажности прессы.

Наканунѣ праздника по городу прошли вечеромъ съ горящими факелами войска, а въ самый день торжества былъ устроенъ парадъ, на которомъ особенно выдѣлялись своими бурнусами африканскіе кавалеристы и красными мундирами ихъ офицеры. Послѣ парада былъ устроенъ парадный обѣдъ. Отпраздновавъ такимъ образомъ 14 Іюля, мы покинули Браиловъ и двинулись въ Галацъ, гдѣ ожидали парохода «Императоръ Александръ III» и «Новороссія». Погрузка произошла безъ особенныхъ хлопотъ и довольно быстро. У насъ все-таки было достаточно времени, чтобы навѣстить своихъ знакомыхъ и погулять по городу.

Здѣсь я встрѣтилъ нѣсколькихъ русскихъ, которыхъ зналъ по Одессѣ. Они ожидали погрузки для того, чтобы ѣхать въ Добровольческую армію. Отъ нихъ я узналъ, что съ большевиками ведется упорная борьба, которая принимаетъ удачный характеръ, и что есть надежда на скорое занятіе Одессы. Французовъ они всѣ ругали, говорили о томъ, что Д'Ансельмъ и Фрейденбергъ преданы суду и что разбирательство дѣла освѣтитъ всѣ ихъ поступки.

Я распрощался со своими друзьями В. Они мнѣ рассказывали, что нашъ общій знакомый поручикъ Х., бывшій при греческомъ генералѣ Негропонтисѣ, получилъ командировку къ Колчаку, и генералъ Негропонтисъ подробно сообщалъ генералу Колчаку о поведеніи французовъ въ Одессѣ и о томъ, что греки стремились своими силами помочь Россіи, но подъ давленіемъ французовъ не могли этого сдѣлать, такъ какъ тѣ не только не позволили привести большаго количества войскъ, но заставили оставить городъ.

Къ вечеру погрузка закончилась и мы были на борту «Императора Александра III», надъ которымъ гордо развѣвался русскій національный флагъ. Капитанъ и вся команда были русскіе, но для наблюденія за ними былъ назначенъ французскій комиссаръ, лейтенантъ Ж., и нѣсколько матросовъ. Было особенно приятно понасть на русскій пароходъ послѣ долгаго пребыванія среди иностранцевъ. Въ числѣ помощниковъ капитана я нашелъ знакомаго — сына нашего уѣзднаго предводителя: старшій механикъ оказался братомъ моего знакомаго чиновника государственнаго банка. Среди матросовъ преобладала интеллигенція: — студенты, офицеры и т. д., выброшенные революціей на улицу, попали въ концѣ концовъ на пароходъ въ качествѣ простыхъ матросовъ. Свои обязанности они исполняли старательно и добросовѣстно, но матросы-профессіоналы, настроенные большевистски, относились къ нимъ недоброжелательно и недружелюбно.

Во время обѣда мы, т. е. штабъ нашего полка, усадились за стрѣлковый столъ, на почетномъ мѣстѣ котораго уже сидѣлъ капитанъ парохода. Узнавъ, что я русскій, да еще при томъ изъ Одессы, капитанъ сталъ рассказывать намъ, что тамъ происходитъ. Свѣдѣнія у него были самыя свѣжія, такъ какъ они ежедневно получали радио и могли слѣдить за ходомъ борьбы между большевиками и добровольцами. Послѣ обѣда я пошелъ бродить по пароходу, нашелъ своихъ знакомыхъ и вмѣстѣ съ ними долго сидѣлъ въ каютѣ симпатичнаго старшаго механика: туда же пришелъ и Ратко Дмитріевъ, такъ называли на пароходѣ радіотелеграфиста. Отъ него я узналъ, что дѣла большевиковъ плохи, что есть надежда на скорое окончаніе ими Одессы, которая въ настоящее время переживаетъ все прелести большевистскаго режима.

Занесть разговоръ о французахъ и объ ихъ отношеніи къ русскимъ. Все говорили о томъ, что поведеніе ихъ совершенно измѣнилось, что ведутъ себя они не какъ союзники и не стараются скрыть своего недоброжелательнаго отношенія къ русскимъ и Россіи.

У насъ на пароходѣ устроила 14 Іюля банкетъ французская колонія въ Галацѣ. — рассказывали они мнѣ, — и по этому случаю пароходъ былъ украшенъ флагами всѣхъ союзныхъ государствъ, лишь русскій флагъ отсутствовалъ. Но мы заставили поднять его.

Хорошее дѣло! — думалъ я. — И это на борту русскаго парохода «Императоръ Александръ III», — хотя бы изъ уваженія къ памяти этого Государя, закончившаго союзъ съ Франціей, отнесись съ должнымъ вниманіемъ. Что было бы съ «прекрасной Франціей» безъ этого союза? Да и мы бы, пожалуй, не странствовали въ качествѣ бездомныхъ бродягъ по чужимъ землямъ. — а сидѣли бы у себя дома.

Послѣ вечера я провелъ въ буфетной комнатѣ, гдѣ приготавлились къ ужину парусинные ланчи. Они, узнавъ, что я русскій, стали угощать меня всемъ, что было въ ихъ распоряженіи, и занимать разговорами. Ихъ семьи были въ Одессѣ, и поэтому, что мы все время возвращались къ вопросу о томъ, когда же намъ удастся возвратиться домой. Такъ незамѣтно среди земляковъ про-

мелькнулъ день. На слѣдующій день, часамъ къ четыремъ, показались берега Болгаріи, и затѣмъ мы вошли въ портъ Варны. Приставъ къ стоянкѣ, начали выгрузку. Ночь должны были провести еще на пароходѣ, а на утро — занимать отведенныя для насъ помѣщенія.

Когда прошла первая суматоха и на пароходѣ все успокоилось, старшій механикъ и другіе офицеры позвали меня на берегъ погулять и вмѣстѣ гдѣ-нибудь посидѣть въ ресторанѣ.

— Сегодня послѣдній вечеръ мы съ вами, — говорили они, — проведемъ вмѣстѣ, а завтра разстанемся, и Богъ знаетъ, когда увидимся въ Одессѣ.

Сойдя на берегъ, мы двинулись въ городъ. Дорога изъ порта и подъемъ въ городъ напоминаютъ немного Одессу. Скоро мы были въ самомъ городѣ, который производилъ довольно пріятное впечатлѣніе; особенно пріятно было видѣть вывески магазиновъ, написанныя нашими буквами, смыслъ ихъ всѣхъ легко было понять, иногда-же онѣ поражали насъ своею загадочностью, такъ какъ очевидно наши русскія слова употребляются въ совершенно другомъ значеніи. «Общественно то влагалище» съ изумленіемъ прочиталъ я написанную огромными буквами и украшающую собою многоэтажное зданіе вывеску; оказалось, что это ничто другое, какъ сберегательная касса. На встрѣчу намъ попадались мѣстные жители. — Вотъ они каковы «братушки», — думалъ я. Среди нихъ мелькали русскаго образца формы офицеровъ, юнкеровъ; особенно много было морскихъ офицеровъ, одѣтыхъ совершенно въ нашу форму; лишь на погонахъ у нѣхъ красовался вензель Фердинанда. Скоро мы пришли въ городской садъ, расположенный на самомъ берегу моря. Тамъ игралъ оркестръ музыки и двигалась по аллеямъ большая толпа гуляющихъ. Паркъ напомнилъ мнѣ городской садъ въ Орлѣ, гдѣ также когда то въ доброе старое время гуляла публика, играла музыка и люди жили тихо и мирно. По своему виду толпа сильно напоминала нашу губернскую публику. Бѣлые кители и фуражки офицеровъ, отъ которыхъ мы уже совершенно отвыкли, а главное — полицейскіе стражники, какъ двѣ капли воды похожие на нашихъ убѣднѣхъ стражниковъ съ «селедками» на боку, переносили меня въ невозвратное время. Скоро мы усѣлись за столѣикъ и незамѣтно, въ пріятныхъ разговорахъ, провели весь вечеръ.

Возвратившись на пароходъ, я опять попалъ въ буфетную, куда меня позвали читать только что полученную болгарскую газету, въ которой сообщалось о блестящей побѣдѣ генерала Врангеля надъ большевиками и о взятіи многихъ тысячъ плѣнныхъ. Такія радостныя извѣстія пробудили у всѣхъ насъ надежды на скорое возвращеніе домой. Съ такими мыслями я отправился въ свою кабинку спать и на утро, распрощавшись со всѣми новыми знакомыми, сталъ собираться на берегъ.

— Смотрите-же, не забывайте насъ и, когда мы приѣдемъ опять въ Варну, приходите къ намъ, — приглашали меня пароходные служащіе.

Съ прислугою я также трогательно распрощался, несмотря на то, что они были очень заняты и встревожены тѣмъ, что изъ каютъ пропали подушки, и они пересчитывали ихъ наличность и прятали подъ замокъ.

— Каждый разъ такъ пропадаетъ, когда веземъ ихъ, — говорили они, — а то еще пухъ выберутъ и набьютъ ватой. А мы потомъ отвѣчай, — плати изъ своего кармана. Тоже народъ французы, благородные люди — а хуже нашихъ, — ворчали они. Я ушелъ.

Для штаба нашего полка было отведено зданіе школы рядомъ съ армянской церковью. Тамъ собрались всѣ наши офицеры и ожидали, когда ихъ разведутъ по квартирамъ. Полковникъ устроился въ квартирѣ какихъ-то французскихъ

швейцарцевъ. Тамъ-же должны были помѣстить и нашъ «попоть», мы же еще комнаты не имѣли и въ такомъ непріятномъ ожиданіи находились дня два. Наконецъ намъ отвели квартиры, и мы расположились.

Въ Варифъ наше времяпровожденіе ничѣмъ не отличалось отъ того, какъ мы проводили его въ Аккерманъ и Галацъ. Одинъ день былъ похожъ на другой: тѣ же обѣды и ужины и безконечныя прогулки въ паркѣ и по окрестностямъ.

Съ мѣстными жителями сталкиваться приходилось довольно мало, въ особенности въ началѣ. Болгаре были на сторожѣ и немного сторонились отъ французовъ. Но затѣмъ это прошло и при всякомъ удобномъ случаѣ они старались вступать съ нами въ разговоры. Когда же узнавали, что я русскій, то выражали свою неподдѣльную радость. Русскихъ въ Варифъ, кромѣ военнопленныхъ, тогда еще не было. Ко мнѣ часто подходили на улицѣ и старались узнать отъ меня, какъ теперь относятся къ болгарамъ русскій народъ, простить-ли онъ имъ когда нибудь ихъ измѣну.

— Что про насъ говорятъ русскіе? — спросилъ меня какъ-то одинъ батюшка, окончившій казанскую духовную академію.

— Говорятъ, что словачи братушки, измѣнили и подвели насъ, — отвѣчалъ я ему.

— Ну, да ничего. Авось, скоро забудутъ, — утѣшалъ я его, — нашъ русскій народъ добръ и не злопамятенъ.

Въ Варифъ вообще было очень много людей, которые окончили русскія учебныя заведенія или просто жили въ Россіи, поэтому ихъ очень интересовало все, что тамъ теперь происходитъ, при чемъ во время разговора они себя чувствовали сконфуженно и всячески старались убѣдить, что въ измѣнѣ Болгаріи виноватъ Фердинандъ, а не болгарскій народъ. Изъ личныхъ наблюденій я вывелъ заключение, что старики, помнищіе Русско-Турецкую войну, всѣ искренно расположены къ Россіи, а молодое поколѣніе, наоборотъ, не только не чувствуетъ никакой признательности и благодарности, а какъ-бы даже старается подчеркнуть, что и безъ нашей помощи они бы достигли всего, да можетъ быть — еще и лучше. Коммунистическія идеи и интернаціональ находили себѣ среди нихъ большихъ приверженцевъ. Свои взгляды они старались высказать при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, умышленно афишируя свои убѣжденія. При мнѣ, помню, какъ-то не выдержалъ одинъ старый болгаринъ и, постучавъ по головѣ желтогопятаго оратора, утверждавшаго, что Болгаріи Россію благодарить совершенно не за что, спросилъ его:

— А шта, бре, имашъ на глава та?

— Шанку, — отвѣчалъ съ недоумѣніемъ спрошенный.

— Да, — а если-бы не Россія, то до сихъ поръ посылъ-бы фесъ, — съ возмущеніемъ замѣтилъ старикъ къ общему удовольствію слушателей.

Какъ-то при случаѣ мнѣ пришлось познакомиться съ служившимъ при Русскомъ Консулѣ казакѣ, — это былъ старый человѣкъ, чуть-ли не семидесяти лѣтъ. Отъ него я узнавалъ много интереснаго про болгаръ, такъ какъ онъ, понавѣ въ Болгарію въ 1878 году и проводивъ всю Русско-Турецкую войну, остался въ Болгаріи, поступивъ на болгарскую службу, а затѣмъ, выслуживъ уже полный срокъ, уже старикомъ, опредѣлился въ Русское Консульство въ Варифъ. Несмотря на свой преклонный возрастъ, послѣ объявленія выступленій Болгаріи, онъ былъ востро интересованъ и перетерпѣлъ съ другими русскими массу лишений отъ нихъ. — За все это въ 1878—79 г. г. пролилъ кровь.

— Больше всего обидно было, — говорилъ онъ, — то, что лица, которыя лично были облагодѣтельствованы Россіей, проявили къ намъ столько злобы, сколько не могъ проявить человѣкъ чѣмъ либо обиженный, или пострадавшій отъ Россіи.

Онъ показывалъ мнѣ на улицѣ небольшого роста коренастаго, черномазаго братушку, который сблизъ у него съ головы форменную русскую фуражку и, сорвавъ съ нея русскую кокарду, растопталъ ее ногами.

Также не лестно отзывался о болгаряхъ мой случайный знакомый П.....ъ, братъ одного извѣстнаго общественнаго дѣятеля и будущаго градоначальника въ Софіи. Ихъ отецъ, русскій по происхожденію, также послѣ войны остался въ Болгаріи и женился на болгаркѣ, его сыновья были уже болгарскіе подданные и кончили гимназіи въ Болгаріи. Мой знакомый послѣ окончанія гимназіи уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ и кончилъ политехникумъ и въ качествѣ инженера остался служить въ Россіи, а братъ его, сдѣлавшійся морскимъ капитаномъ, плавалъ на болгарскомъ пароходѣ и такимъ образомъ онъ имѣлъ возможность наблюдать поведение болгаръ все время. По рассказамъ моего знакомаго инженера, братъ его, какъ и всякій болгарскій подданный, принималъ горячее участіе въ политической жизни и передъ выступленіемъ Болгаріи, на какомъ-то собраніи своей партіи, голосовавшей за объявленіе войны Россіи, спросилъ лидера этой партіи:

— А что-же Вы будете дѣлать съ могилами 200.000 русскихъ, пожертвовавшихъ свою жизнь за освобожденіе Болгаріи?

— Будемъ с... ходить на нихъ, — былъ отвѣтъ на его вопросъ. Тутъ-же П. влѣпилъ пощечину потерянному всякій стыдъ и совѣтъ политику и послѣ этого вѣскоръ былъ посаженъ въ тюрьму, какъ руссофилъ, и былъ освобожденъ изъ нея лишь по приходѣ французскихъ войскъ. Кстати сказать, издающаяся въ Софіи газета *Echo de Bulgarie* цитировала выдержки изъ солидныхъ французскихъ газетъ о нападеніи на французскія войска болгаръ и о числѣ убитыхъ и раненыхъ и съ недоумѣніемъ спрашивала — кому нужно было измышлять такіа легенды.

Дѣйствительно, пребываніе наше носило совершенно мирный характеръ. Лишь одинъ разъ, когда у болгаръ проходились выборы въ народное собраніе, обыкновенно сопровождающееся всякими дебатами и стычками, французское командованіе приняло мѣры предосторожности — запретило солдатамъ выходить на улицу, а офицеры получили приказаніе надѣть сабли и револьверы. При чемъ въ этотъ день, какъ и вообще, никакихъ выступленій не было, и мы жили тихо и мирно, проводя наше время въ прогулкахъ и купаніи въ морѣ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ нашего прибытія въ Варну опять пришелъ «Александръ III». Я пошелъ навѣстить своихъ знакомыхъ и узнать отъ нихъ, что дѣла добровольцевъ идутъ все лучше и лучше и что есть надежда на скорое взятіе ими Одессы.

Неожиданно въ Варну пришла рота русскихъ войскъ. Оказывается, это были солдаты частей, посланныхъ на помощь Франціи. Въ ротѣ было нѣсколько человѣкъ офицеровъ, одѣтыхъ въ русскую форму съ погонами и кокардами. Отъ нихъ я узналъ, что они присланы въ Варну на работы, по окончаніи которыхъ будутъ отправлены въ Россію. Эти офицеры разсказывали мнѣ много интереснаго о своихъ мытарствахъ въ чужихъ земляхъ. Революція ихъ застала на Салоникскомъ фронтѣ, гдѣ они были уже довольно долго.

Нѣкоторое довольно продолжительное время русскія части послѣ революціи совершенно не разлагались и только подъ вліяніемъ прибывшихъ изъ Россіи агитаторовъ и получаемыхъ распоряженій, началась извѣстная вѣсьмъ картина

разгала войскъ. Къ сожалѣнію, большое участіе приняли въ этомъ и французы, возбуждавшие солдатъ противъ офицеровъ. Скоро-же они и сами не рады были, такъ какъ солдатская масса настолько распустилась, что сами французы не знали, что съ ними дѣлать. Когда же они увидѣли, что ихъ поведеніе угрожаетъ и ихъ арміи, то моментально бросили всякія церемоніи и приняли самыя рѣшительныя мѣры.

Они включили всѣхъ, кто желаетъ служить по прежнему и продолжать войну, въ первую категорію: затѣмъ тѣхъ, кто не желаетъ сражаться, но согласенъ выполнять всякую работу, записали во вторую категорію и наконецъ изъ тѣхъ, кто не желали ничего дѣлать и выставили требованіе о немедленномъ мирѣ «безъ анекдотъ и контрибуцій», составили третью категорію. Первая категорія была принята на полное содержаніе на одинаковыхъ съ французами условіяхъ, вторая была подвергнута всевозможнымъ ограниченіямъ, главнымъ образомъ въ пищѣ, а къ третьей примѣнены самыя суровыя мѣры, — имъ прекратили всякаго рода отпускъ продуктовъ и посадили за колючую проволоку. Менѣе упорные быстро стали переходить во вторую категорію, а нѣкоторые, стоя на своемъ, отказывались выполнять какія либо требованія. Французы такихъ подвергали самымъ жестокимъ наказаніямъ, напримѣръ, закапывали по шею въ землю на солнечнои припекѣ и оставляли такъ на долгое время. Такими мѣрами они скоро заставили вабуитовавшуюся солдатскую массу подчиниться дисциплинѣ. Солдаты прибывшей роты тоже рассказывали мнѣ, какъ они пробывли нѣсколько дней въ третьей категоріи и, считая французовъ неправыми въ примѣненіи къ нимъ такихъ жестокихъ мѣръ воздѣйствія, отзывались о нихъ со злобою и ненавистью, хотя при встрѣчѣ весьма почтительно козыряли французскимъ офицерамъ. Они ждали съ нетерпѣніемъ отправки домой и только высказывали сожалѣніе, что попадутъ къ добровольцамъ, а не къ большевикамъ.

Тогда-же въ Варну пришелъ небольшой русскій пароходъ, который стоялъ тамъ долгое время. Оказывается, на него французы начали грузить винтовки и снаряды для отправленія въ добровольческую армію. Приѣмомъ этихъ грузовъ заведывало два знакомыхъ по Одессѣ офицера, и я сталъ подумывать о томъ, какъ-бы присоединиться къ нимъ и вмѣстѣ отправиться въ Россію.

Въ Варѣ я познакомился съ содержателемъ мастерской фуражекъ русскаго образца, которая принята въ болгарскія войска. Это былъ молодой человекъ, еврей изъ Одессы; пошатъ онъ въ Болгарію военно-плѣннымъ и устроился въ концѣ концовъ въ Варѣ. Здѣсь у него было много знакомыхъ въ средѣ мѣстныхъ жителей, отъ нихъ онъ слышалъ, что Одесса наканунѣ взятія ея добровольцами: такъ говорятъ фанатичеи туда на лодкахъ болгары. Дѣйствительно, въ Варѣ стали появляться перья ласточки. Французскія власти арестовали прибывшихъ изъ Одессы двухъ лишь — одного еврея и другого латыша, которые почему-то рѣшили бѣжать изъ Одессы передъ занятіемъ ея добровольцами. Очевидно, это были комиссары.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я зашелъ въ мастерскую къ шапочнику, и онъ радостно поздравилъ меня съ занятіемъ Одессы «кадетами». — Утромъ прибѣла лодка — рассказывать онъ, — на которой болгарскіе коммунисты выѣхали изъ Одессы, но по случаю занятія ея добровольцами вернулись обратно. — Я разсказать объ этомъ своимъ французамъ, но никто изъ нихъ не хотѣлъ этому вѣрить. Два черезъ два они получили официальное сообщеніе объ оставленіи Одессы большевиками.

Съ этого времени всѣ мои мысли устремились на то, какъ-бы мнѣ ухъать домой. Я зашелъ объ этомъ полковнику: онъ выразилъ свое сожалѣніе и сказалъ

мнѣ, что можетъ меня отправить черезъ Константинополь, при чемъ сообщить, что полкъ на дняхъ переходитъ на сербскую границу въ Царибродъ и что онъ проситъ меня проводить ихъ туда, а затѣмъ онъ снабдитъ меня билетомъ до Константинополя и такимъ образомъ я смогу посмотрѣть Балканскій полуостровъ. Я не считъ возможнымъ отказаться отъ такого предложенія, и черезъ нѣсколько дней мы двинулись въ Царибродъ. По дорогѣ мы остановились въ Софіи, которую осматрѣли довольно основательно. Особенно поправился намъ памятникъ Александру-Освободителю, про который у насъ писали, что послѣ объявленія войны болгары его уничтожили, и отлично содержимые парки. Самъ городъ немного напоминаетъ нашъ Кіевъ. Оставаться долго мы тамъ не могли и двинулись въ Царибродъ. Это оказался маленькій городъ, среди красивой, горной мѣстности, по своему виду похожій на какое нибудь небольшое мѣстечко на Кавказѣ. Здѣсь мнѣ пришлось задержаться нѣсколько дольше, чѣмъ предполагать.

За это время изъ Сербіи по направленію на Константинополь стали проѣзжать русскіе офицеры, направляющіеся въ добровольческую армію. Съ тѣхъ поръ, какъ дѣла арміи пошли въ гору, французы стали опять оказывать ей нѣкоторую поддержку и въ томъ числѣ оказывать содѣйствіе нашимъ офицерамъ, отправляя ихъ въ армію.

На прощаніе полковникъ наговорилъ мнѣ массу пріятныхъ словъ и обѣщалъ писать и просилъ не забывать его. Передъ отъѣздомъ меня снабдили предписаніемъ, предоставляющимъ мнѣ право ѣхать бесплатно на одинаковыхъ основаніяхъ съ французскими офицерами до Одессы черезъ Константинополь, и я, простившись со всѣми, отправился въ Софію. Мнѣ хотѣлось получше посмотрѣть городъ, и поэтому я рѣшилъ остаться тамъ на сутки. За это время я осматрѣлъ всѣ достопримѣчательности болгарской столицы и вечеромъ отправился ужинать въ французское офицерское собраніе. Когда я сидѣлъ въ одиночествѣ за столикомъ, ко мнѣ подошелъ французскій офицеръ и, представившись на чистомъ русскомъ языкѣ, просилъ разрѣшенія присѣсть и побесѣдовать. Оказалось, что онъ, будучи сыномъ французовъ родителей, имѣвшихъ въ Москвѣ на Кузнецкомъ мосту книжный магазинъ, получилъ русское образованіе и въ одинъ годъ со мною окончилъ Московскій университетъ по юридическому факультету. Мы разговорились, и скоро нашъ разговоръ принялъ искренній и непринужденный характеръ.

Мой новый знакомый оказался продуктомъ франко-русскаго союза; онъ, оставаясь по внѣшности и подданству французомъ, впиталъ въ себя русскую культуру. Скоро зашелъ разговоръ о франко-русскихъ отношеніяхъ вообще и о помощи французамъ Россіи — Добровольческой Арміи.

— Вы знаете, — говорилъ онъ — я не могу понять, что теперь происходитъ. Вѣдь, мы всѣ отлично понимаемъ, что Франція не только не погибла, но и вышла съ честью изъ войны, благодаря безконечнымъ жертвамъ Россіи, и что въ будущемъ Франція безъ союза съ Россіей не мыслима, но въ то же время дѣлается все, чтобы исключить въ будущемъ возможность такого союза. Послѣ оставленія нами Одессы русскіе люди имѣютъ полное право не считать насъ больше своими союзниками.

— Меня очень интересуетъ, что говорятъ про оставленіе Одессы русскіе? Кого въ этомъ обвиняютъ?

Я сказалъ ему, что на югѣ Россіи теперь о французахъ послѣ ихъ предательства нѣтъ двухъ мнѣній. Всѣ единодушно ненавидятъ ихъ и не скоро простятъ имъ ихъ дѣла. Обвиняютъ главнымъ образомъ въ этомъ полковника Фрей-

денберг и генерала Д'Ансельма, будто-бы подкупленных большевиками. Говорят про еврейское и большевистское влияние на французское командование вообще.

Мой собеседник задумался и затѣмъ началъ говорить.

— Вы знаете, еврейское влияние во Франціи гораздо больше, чѣмъ знаютъ объ этомъ въ Россіи, — у насъ все въ рукахъ евреевъ. Личный секретарь Клемансо еврей, незаконный сынъ Ротшильда, — въ министерствахъ и вообще у власти ихъ больше, чѣмъ надо. Понятно, что черезъ своихъ они дѣлають, что хотятъ, поэтому имъ было очень легко принять мѣры къ оставленію французскими войсками Одессы.

— Вѣдь занятіе юга Россіи произошло такъ: Одесса и вообще Украина, оккупированныя нѣмцами, считалась частью фронта. Ближайшими французскими войсками командовалъ генералъ Франше Д'Эсперэ, командиръ Салоникскаго фронта. Онъ, когда нѣмцы очистили Константинополь, занялъ его своими войсками. По настоянію русскихъ общественныхъ дѣятелей на Ясскомъ совѣщаніи онъ сдѣлалъ распоряженіе и о занятіи Одессы и предполагалъ продѣлать то же со всею Украиной. Но исполнителями его распоряженій оказались полковникъ Фрейденбергъ и генералъ Д'Ансельмъ, которые очевидно и продѣлали всю эту операцію, такъ что у главнаго французскаго командованія явилось опасеніе всевозможныхъ осложненій въ парламентѣ. Конечно, безъ большевиковъ и евреевъ тутъ не обошлось. Объ этомъ подробно узнаемъ впоследствии. Во всякомъ случаѣ распоряженіе объ оставленіи юга Россіи было сдѣлано какъ-бы въ цѣлихъ перемѣщенія войскъ съ одного участка фронта на другой, и войска для большей безопасности были отведены лишь за Днѣстръ, а уже потомъ, когда еврействующая партія добилась прекращенія интервенціи въ Россіи, ихъ увели совсѣмъ изъ Россіи, оставивъ Бессарабію въ полное распоряженіе Румынъ.

Теперь добровольцы обходятся безъ насъ и вотъ опять взяли Одессу. У насъ получены свѣдѣнія, что имъ помогаютъ англичане, это очень тревожитъ насъ, сторонниковъ союза съ Россіей.

Во всякомъ случаѣ, я вѣсѣмъ тѣмъ, что происходитъ во Франко-Русскихъ отношеніяхъ, огорченъ больше, чѣмъ кто-либо, и отлично понимаю negotiandum и презрѣніе, которымъ теперь дарятъ насъ русскіе. Но если бы они узнали, что подавляющее большинство офицеровъ истинные друзья Россіи, но и они ничего не могутъ сдѣлать: вся власть — въ рукахъ определенной группы политиковъ, на которыхъ мы вліять не можемъ. Вотъ, напримѣръ, въ вопросѣ о Бессарабіи была произведена анкета, спрашивали всѣхъ солдатъ и офицеровъ, бывшихъ въ Бессарабіи, по поводу того, насколько она является русской по населенію, культурѣ и т. д., и отвѣтъ получился самый благоприятный для Россіи, — всѣ высказались конечно за то, что это такая же часть Россіи, какъ и другія губерніи. Конечно, въ настоящее время, когда дѣла добровольцевъ идутъ хорошо и нѣтъ основаній предполагать, что большевики возьмутъ верхъ, относительно Бессарабіи наши будутъ молчать. Ну, а если, не дай Богъ, у добровольцевъ ничего не выйдетъ, то я совсѣмъ не буду удивленъ, если у насъ возьмутъ на себя смѣлость распорядиться чуждымъ добромъ и преподнести Бессарабію Румыніи, которая принимаетъ всѣ меры къ тому, чтобы заручиться на это согласіемъ Франціи.

Изъ вышесказанныхъ разсказовъ и вопросовъ моего собеседника видно было, что онъ всею душой расположенъ къ Россіи и огорченъ вѣсѣмъ тѣмъ, что ему приходится слышать и наблюдать, потому и не могъ не удержаться отъ того, чтобы не разсказать ему подробно, какъ мы съ потерянными ждали французскихъ въ Одессѣ, какъ они совершенно смотрѣли на разнузданное поведение ихъ солдатъ,

какъ ждали отъ нихъ помощи противъ большевиковъ, какъ въ этомъ всё горько ошиблись, и какъ многіе отъ этого сильно пострадали, заплативъ за довѣріе имъ, какъ союзникамъ, своею жизнью.

Разсказалъ я ему и то, что было подъ Березовкой, откуда французы позорно бѣжали, побросавъ все, вмѣсто того, чтобы гнать большевиковъ, какъ это дѣлали нѣмцы — легко и свободно, почти не встрѣчая сопротивленія.

Разсказалъ про ненужный формализмъ и отсутствіе желанія у отдѣльныхъ лицъ въ частныхъ случаяхъ помогать намъ въ бѣдѣ, указывая въ то-же время, какъ греки были внимательны и отзывчивы къ русскимъ бѣженцамъ, какъ старались французы отобрать у добровольцевъ броневики и какія мѣры не постигались принять для этого, какъ реквизировали у бѣженцевъ лошадей и автомобили и какъ они все время старались набрать какъ можно больше охотниковъ для поступленія въ иностранный легіонъ, не стѣсняясь ни обстоятельствами, ни мѣстомъ.

Мой новый знакомый только вздыхалъ и молча кивалъ головою.

— Да, истинные друзья познаются только въ бѣдѣ, какъ мы читали въ латинской хрестоматіи. — наконецъ сказалъ мой случайный знакомый. — А мы сдѣлали все, чтобы Вы имѣли право насъ не считать своими друзьями.

— Да, недаромъ про насъ говорятъ на нашемъ-же языкѣ французскіе швейцарцы:

Rouge, blanc, bleu —

Les français sont de mauvais gueux!

Пожелавъ другъ другу всякаго благополучія, мы разстались. На слѣдующій день я выѣхалъ въ Константинополь, а оттуда домой въ Одессу.

Сента 13. V. 1922 года.

С. X. С.

Воспоминанія о моей подневольной службѣ у большевиковъ.

Ген. И. Данилова*).

VIII.

20-го ноября мы погрузились въ эшелонъ и отправились въ Симферополь, куда прибыли 1-го декабря. Цѣлые десять дней не надобилось для того, чтобы пройти расстояние отъ Пактограда до Симферополя, пробѣгаемое ранѣе курьерскими поездами, обыкновенно въ 8—10 часовъ. По пути приходилось стоять по нескольку сутокъ на маленькихъ станціяхъ, такъ какъ не было топлива для паровозовъ. Железныя дороги въ снабженіи ранѣе каменнымъ углемъ Донецкаго бассейна, который въ настоящее время почти не работаетъ, а тѣ немногочисленные вагоны съ углемъ, которые присылались теперь оттуда, сейчасъ же растаскивались, какъ служивыми жел. дор., такъ и пассажирами эшелоновъ для отопления жилищъ, ввиду наступившихъ холодовъ. Машинисты, обыкновенно, пересаживали уголь, бросали составъ поезда на какомъ-нибудь разъѣздѣ и горюливей на оставшемся пару дойти до ближайшаго депо, чтобы не заморозилъ паровозъ, и тѣмъ его не подвергнуть порчѣ. Еще ранѣе на большихъ станціяхъ, какъ Полтава, Лозовая, Александровскъ, вѣсело видѣлись громадные, выгруженные на несколько перетѣ, кладыща паровозовъ, которые стояли втянувшись въ одну линию на запасныхъ путяхъ; съ нихъ было все расхищено, мѣшная часть отвинчена и унесена, и надежды на какой-нибудь ремонтъ не было.

Но, вѣрнѣе мы узнали, что союзъ между Махно и большевиками, о которомъ такъ горячо кричали советскія газеты, лопнулъ. Махно снова намѣнялъ армію на мѣсто, большевики его обманули. Дело въ томъ, что на основаніи договора съ ними, вѣрнѣе, обихимъ, заключенномъ въ генерала Врангеля, ему было обѣщано провозгласить мобилизацію для пополненія его арміи на территоріи Украины. Генералъ, какъ большевики использовали его и онъ имъ оказался болѣе изверженъ, они кооптировали Махно эту мобилизацію. Въ это время армія его состояла изъ остатковъ бывшихъ разбитыхъ. У него уже были правильно организованная пехота, даже съ офицерами генеральнаго штаба, артилл. и конная, преимущественно конная и пехотенная, свое интенданство и правильно функционировавшая артиллерія, перевозить конныхъ пополнителей обыкновенно захваченными изъ плѣна и убитыми Врангеля и большевиками, врачами, санитарями и сестрами милосердія. Уничтоженія Махно была въ г. Гуляй Поле, Александровскаго уѣзда, Закарпатской губерніи, который въ шутку назывался Махноградъ. Вся его армія была уничтожена совершенно серьезною силою, а съ проведеніемъ мобили-

* П. Даниловъ, «Изъ Архива Русск. Рев.», т. XIV.

заций большевикамъ пришлось бы очень считаться съ нею, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшіе замыслы его имъ были неизвѣстны.

Въ составъ войскъ, оперировавшихъ противъ генерала Врангеля, входили, между прочимъ, первая и вторая конныя арміи Буденнаго; одна изъ нихъ была перекинута съ польскаго фронта, другая же пришла сюда съ Дона и Кубани. Это была воляница, которая мало мирилась даже и съ той тѣнью дисциплины, которая существовала тогда въ красныхъ арміяхъ. Родившаяся по духу грабежа съ войсками Махно, она быстро оцѣнила преимущество службы у Махно, и когда входила въ соприкосновеніе съ его войсками, то будучи тайно подбита на переходъ на службу къ нему, массами поступала въ маховыя. Были случаи перехода цѣлыхъ полковъ вмѣстѣ съ команднымъ составомъ; переходили къ нему также и пѣхотныя части. Все это не на шутку встревожило совѣтскую власть и она потребовала отъ Махно отдать распоряженіе, не принимать къ себѣ на службу перебѣжчиковъ изъ красной арміи, а также прекратить агитацію среди нея для перехода къ нему. Махно, взбѣшенный запрещеніемъ произвести мобилизацію согласно договора, отказался исполнить это требованіе большевиковъ, и вотъ, въ отвѣтъ на это, большевистское командованіе отдало приказъ объ арестѣ, какъ Махно, такъ и его главныхъ помощниковъ, рѣшивъ на этотъ разъ покончить съ нимъ окончательно. Махно удалось ускользнуть скрытнымъ образомъ, и онъ объявился въ Гуляй-Полѣ, а части его, разсыпавшіяся по Тавріи и Екатеринославской губерніи, по его зову спѣшили къ нему.

Въ Крыму, въ частности, въ Симферополѣ, гдѣ былъ расположенъ штабъ его отряда, при занятіи Крыма дѣйствовавшей совместно съ большевиками, послѣдній былъ захваченъ большевиками, при чемъ начальникъ штаба и адъютантъ были разстрѣляны. Тогда весь отрядъ, численностью около 5000 человекъ, брошенъ отдѣльными частями вонъ изъ Крыма черезъ Перекопъ и, несмотря на то, что здѣсь была выставлена большевистская преграда, они опрокинули ее и выскочили въ Мелитопольскій уѣздъ, гдѣ поддерживаемые населеніемъ и силами, присланными изъ Гуляй-Поля, подъ общимъ руководствомъ Махно, начали операцію противъ красной арміи.

Во время слѣдованія нашего эшелона въ Симферополь мы были брошены на одномъ изъ развѣздовъ паровозомъ, у котораго кончалось топливо. Просидѣвъ на этомъ развѣздѣ два дня, мы увидѣли пришедшій сюда бронепоездъ съ инспекторомъ броневыхъ поездовъ во главѣ. Увидѣвъ наше бѣдственное положеніе, такъ какъ мы уже въ то время голодали за неходомъ провіанта, инспекторъ броневого поезда предложилъ намъ довести насъ, прицѣпивъ къ своему поезду, нѣсколько станцій впередъ, гдѣ, быть можетъ, мы и достанемъ паровозъ, который бы насъ повезъ дальше. Вести насъ самъ въ Симферополь онъ не могъ, такъ какъ имѣлъ оперативное заданіе отъ штаба арміи охранять линію жел. дор. отъ бандъ Махно, прорвавшихся изъ Крыма. Мы, конечно, съ радостью на это согласились и отправились въ путь. Подъѣзжая къ станціи «Плодородіе», мы замѣтили окруженную всадниками, двигающуюся по степи колонну повозокъ, растянувшуюся болѣе версты. Командиръ бронепоезда остановилъ его, навелъ на эту колонну пушки и пулеметы, но открыть огонь не рѣшался, такъ какъ не было извѣстно, маховцы ли это, или же свои обозы. Для выясненія этого рѣшено было послать къ этой колоннѣ всадника. Пока выгружали лошадь изъ вагона и всадникъ ѣздилъ туда и обратно, колонна проходила параллельно жел. дор. и скрылась изъ глазъ наблюденія въ ближайшую балку. Вернувшійся всадникъ доложилъ, что онъ настигъ лишь хвостъ колонны, отъ которой къ нему поскакали наветрѣчу четыре всадника, что мы и видѣли, и на его вопросъ — «кто они такіе?» — отвѣтили, что это обозъ 5-ой дивизіи, между тѣмъ какъ находящіеся здѣсь инспекторы пѣхотной и кавалерійской инспекціи заявили, что въ 4-ой арміи, какъ кавалерійской, такъ и пѣхотной 5-ой дивизіи нѣтъ. Пока все это происходило, вся колонна скрылась въ балку и не по кому было уже открывать огонь. Впослѣдствіи оказалось, что это была одна изъ бандъ Махно, прорвав-

шпана нем. Кираса, которая попутно со своим слѣдованіемъ произвела налетъ на станцію сосѣднюю съ «Плодородіемъ» и сожгла ее.

Подвѣзавши къ Чапгарскому мосту, мы увидѣли множество воронокъ отъ снарядовъ и массу лошадиныхъ труновъ, валившихся по обѣимъ сторонамъ полотна ж. дор. Это были остатки красной кавалеріи, пытавшейся атаковать Чапгарскія позиціи. Далеко впереди стояли морекія орудія на позиціяхъ Чапгара, а чѣмъ дальше, тѣмъ больше стали попадаться по дорогѣ воронки отъ снарядовъ, брошенныхъ пехотой и орудіи. Такая картина продолжалась вплоть до Симферополя. Въ Джанкоѣ, гдѣ намъ пришлось стоять два дня, мы видѣли партію чеченцевъ въ триста арестованныхъ Врангелевскихъ офицеровъ, которыхъ вели въ мѣстную Чека. Средне замерло отъ жалости при видѣ этихъ несчастныхъ, такъ какъ я зналъ по своему примѣру, что ихъ ожидать, и сознавалъ, что помочь имъ ничѣмъ нельзя.

Въ 18-ти верстахъ отъ Симферополя на ст. «Сарабузь» мы простояли два дня. Въ верстѣ отъ нея расположена громадная и богатая нѣмецкая колонія, того же наименованія. Здѣсь работали калыценыя мельницы и можно было купить отличную крупячку по 7000 рублей за пудъ. Мы вступали въ обѣтованный по продовольствію край послѣ хроническаго недоѣданія на западномъ фронтѣ, но когда и четыре мѣсяца спустя, быть здѣсь, то этотъ обѣтованный край уже былъ обобрабн. Ничего нельзя было купить и за деньги, во-первыхъ, потому, что онѣ потеряли всякую цѣнность, а во-вторыхъ, все было реквизировано и вывезено въ Москву. Населеніе само уже голодало и, если можно было достать что-нибудь, то только въ обмѣнъ на платье или бѣлье.

Гуляя по нѣмецкой колоніи, мы видѣли брошенные посреди улицы пукки; а населеніе, уже испытавшее режимъ большевиковъ, пряталось по домамъ. Мы разговаривали съ однимъ познаннымъ нѣмцемъ, хозяиномъ хорошо оборудованной усадьбы, теперь разоренной, на дворѣ которой стояли изломанные автомобили и велосипеды, и другія земледѣльческія орудія. Хозяинъ, почуввавъ въ насъ бѣлыхъ, горько жаловался на грабежъ и разрушеніе колоніи, который произвели Буденовскія части, проходя мимо, и говорилъ, что у него, помимо съѣстныхъ припасовъ, пшеницы, ячменя и овса, они забрали всѣхъ его 16 лошадей, не оставивъ ему ни одной, благодаря чему онъ, какъ и другіе жители, не будетъ въ состояніи обрабатывать весной землю и посему нечего и думать заготовить хлѣбъ не только для нуждъ государства, но и для себя. Слова его теперь оправдываются, когда слышимъ о томъ голодѣ, который существуетъ въ настоящее время на югѣ Россіи. Вспомнителнъ мнѣ неоднократно приходилось видѣть подобные случаи и слышать такую жалобу; зато кавалерія Буденнаго, послѣ Крыма, сидѣла на разбитыхъ лошадяхъ нѣмецкой породы, такъ тщательно культивируемой и разводимой немцами.

14-го сентября наши эшелоны пришли въ Симферополь. Штабъ 4-ой арміи размѣщенъ въ помѣщеніи громадной «Европейской гостиницы» на Сагунной улицѣ, гдѣ во время генерала Врангеля было Алексѣевское военное училище. Черезъ 12 часовъ послѣ прибытія штабъ выѣхалъ обратно въ Мелитополь, вмѣстѣ съ командующимъ арміей Лазаревичемъ, для операціи противъ бандъ Махно, дававшихъ себя знать большевистской власти.

Веселый и шумный тогда-то Симферополь, извѣстный своимъ етильными пейзажами, начиналъ переживать всѣ ужасы террора большевиковъ. Здѣсь было рѣшено мѣстнаго Ревкома, Областной Крымскій Ревкомъ, председателемъ котораго былъ знаменитый афр. и палець Вила-Кунъ. Слухи объ наводимомъ террорѣ дошли даже централизов. власть въ Москвѣ, и она была принуждена черезъ 4-5 сутокъ времени его остановить. То, что дѣялось въ Симферополѣ и въ Евпаторіи, не доподлинно описанно. Органами Чека и Особыми Отдѣлами армій и флота совершенно произвольно, безъ предъавленій какого-либо обвиненія, арестовывались и содержались въ расстрѣливались не только бывшие Врангелевскіе офицеры, но и все, афры и цѣлы, юристы, бывшіе служащіе гражданскихъ учрежде-

ний, кооператоры, банковские служащие. Достаточно было быть прилично одетым на улице, чтобы быть арестованным встречным чекистом и отведенным в тюрьму или застенок Особого Отдела, из которого уже выхода не было. Конечно, главным образом, как и везде пострадали здесь офицеры.

Обманутые радио-телеграммой большевиков, в которой обещалась жизнь и свобода всем тем, кто добровольно останется в Крыму, офицеры эти, имев семьи, которых нельзя было взять с собою по тем или иным причинам, остались в Крыму и явились на регистрацию, откуда им было уже один выход — в тюрьму, а дальше — на расстрел. Счастливы те немощные, которые, узнав о последствиях явки на регистрацию, немедленно бжали в горы на Чатырдаг, что, впрочем, было сделать довольно трудно. Однако, некоторым это удавалось благодаря сочувствию местных татар, которые из чувства человеколюбия, совершенно безвозмездно скрывали и проводили этих несчастных в горы. Мне лично была известна такая организация, главным деятелем которой был проводник татарин, доставлявший в горы даже и пропитание для беглецов. Впоследствии на Чатырдаге в марте месяца собралось довольно много таких беглецов, бжавших из разных городов Крыма. Туда же ушли вооруженные воинские части, даже, как говорили, с пушками, не успевшие прибыть в Севастополь для погрузки на пароходы, для эвакуации из Крыма вместе с генералом Врангелем. Слухи, ходившие по городу, определяли это количество в 20 000 человек. Может быть, их на самом деле было и меньше, но во всяком случае, они приносили и приносят еще и теперь больша хлопоты советской власти. Скрываясь в неприступных пещерах Чатырдага, они имеют там правильную организацию и оружие, доставленное населением или отнятое от красноармейцев. Они спускаются с гор и нападают на обозы, а иногда и на мотечки Крыма, грабят склады интендантства красной армии, захватывают оружие и уходят со всем этим обратно в горы. Обыкновенно они расправляются только с коммунистами, а красноармейцев отпускают на все четыре стороны, поэтому красноармейцы, зная этот прием, не оказывают им никакого сопротивления при нападении на них.

Еще в бытность мою в Крыму, в начале апреля, такое нападение было произведено на город Караусбазарь. «Зеленые», как их теперь называют, держали этот город в своих руках в продолжение 6 часов, разграбили и захватили с собой провiant из складов и ушли в горы; и при этом батальон 46-ой дивизии сидел в казармах, не оказав никакого сопротивления. За это был отдан под суд командир бригады.

Позднее уже в мае месяца, о чем мне рассказывал впоследствии встречившийся в Гомеле сослуживец по инспекции пехоты, машинист Притулецкий, — Ялта была захвачена этими зелеными, которые хозяйничали в ней три дня, вырвав всех коммунистов во всевозможных исполкомах и т. п. большевистских учреждениях, а также и лечившихся в санаториях и приехавших сюда из Москвы и Петрограда, по образцу прежней бюрократии, на отдых от переутомления чекистов.

Путь между Симферополем, Севастополем и Ялтой для отдельно следующие автомобилей и подвод был очень опасен. Обыкновенно засада останавливала автомобиль или подвод, производила осмотр и проверку документов и, если между пассажирами находились коммунисты, то таковые расстреливались, а остальные пассажиры пропускались далее с извещением за безмятежностью. Тот же Притулецкий рассказывал, что 1-го мая, в ознаменование прелатского праздника, была объявлена обща амнистия этим зеленым с приглашением спуститься с гор и вернуться к мирному труду. Передать эту амнистию были посланы в преддверие гор коммунисты, которых зеленые, не причинив ничего дурного, вернули обратно, сказав: «В скором времени мы сами будем давать вам амнистию». Эти зеленые заняли место и положение по отношению к красным, аналогичное с зелеными во время пребывания в Кры-

му генералу Врангелю. Тогда они были объединены под командою капитана Орлова и, конечно, мы известно, причинили много забот бѣлому командованию. Въ настоящее время то же положеніе повторилось по отношенію къ болшевицкимъ, съ тѣмъ только разницей, что въ число «новыхъ зеленыхъ» влились и старые зеленые. Съ занятіемъ Крыма болшевиками, старые зеленые сдѣлались въ горѣ лѣнскими въ Симферополѣ вмѣстѣ съ капитаномъ Орловымъ. Дня черезъ три послѣ этого капитанъ Орловъ вмѣстѣ съ своими помощниками былъ арестованъ Особымъ Отделомъ и разстрѣлянъ, а его рядовые сотрудники бѣжали обратно на предѣлы мѣста, гдѣ и были приняты новыми зелеными. Одно время ходили слухи, что между зелеными въ горахъ находятся два генерала Врангеля, въ томъ числѣ. На этихъ зеленыхъ измученное болшевиками населеніе Крыма возлагало большія надежды. Оправдаются ли эти надежды, покажетъ будущее, но пока по фактъ отрывистымъ сообщеніямъ, которые изрѣдка появлялись въ советскихъ газетахъ о частныхъ нападеніяхъ «зеленыхъ» на оккупированный Крымъ и той расправѣ, которой они подвергаютъ представителей совѣтской власти, можно судить, что организація эта засѣла крѣпко въ горахъ и ликвидировать ее болшевицкая власть не можетъ, какъ не могла и бѣлая власть ликвидировать своихъ зеленыхъ. Я знаю по службѣ въ инспектии пѣхоты, что въ то еще время, когда я былъ въ Симферополѣ, на Чатырдагъ посылались цѣлыя бригады для ликвидаціи ихъ, но безрезультатно, такъ какъ неприступность горъ, съ одной стороны, и отсутствіе знанія именно тѣхъ нещерицъ, въ которыхъ укрывались зеленые, а также и путей къ нимъ, дѣлали это предпріятіе нецѣлесообразнымъ. Тѣмъ болѣе, что въ ущельяхъ горъ есть такіе позиціи, на которыхъ хорошо скрытый пулеметъ можетъ остановить наступленіе цѣлой бригады.

Въ Крыму еще съ 1918 года собралось много интеллигенціи и буржуазіи со всей Россіи, въ постыдующе годы она пополнилась еще тѣми, которые пришли изъ бѣлыхъ съ отступившими войсками генерала Деникина и Врангеля. Часть изъ нихъ, конечно, были еще ередства, при генералѣ Врангелѣ выехали за границу, несмотря на всѣ трудности получить визу, большая же часть, не имѣя средствъ для эмиграціи за границей, осталась въ Крыму, гдѣ подъ прикрытіемъ бѣлыхъ генераловъ жила довольно спокойно. Быстрая эвакуація войскъ генерала Врангеля изъ Крыма поставила передъ ними дилемму: или бросить все то небольшое, что они имѣли, и бѣжать наверняка куда безъ всякой надежды на будущее, безъ какихъ бы то ни было средствъ, или же остаться въ Крыму на милость болшевицковъ. Большая часть выбрала второе рѣшеніе, за что она жестоко поплатилась. Это было еще съ тѣмъ, что были нѣкоторые изъ нихъ были сосланы на принудительныя работы въ Архангельскую губернію, гдѣ они, впрочемъ, по всей вѣроятности, тоже погибли; большая же часть изъ нихъ была разстрѣляна.

Окрестности города Симферополя были полны аловонія отъ разлагавшихся труповъ разстрѣлянныхъ, которыхъ даже не закапывали въ землю. Ямы за Воронцовымъ садомъ и въ имѣніи Крамцова оранжерей были полны трупами разстрѣлянныхъ, съ ними прилепанными землей, а куряныи канадскійской шмелю бѣлуды ерзали по нимъ. Издали за полторы версты отъ своихъ казармъ, вѣдывая, что въ этомъ полку казнили казнями золотые аубы на орта казненныхъ, при земѣ эта охота давала всегда веселую добычу. Общая цифра разстрѣлянныхъ въ Симферополѣ, со дня вступленія красныхъ въ Крымъ въ 1919 году до 1921 года доходила до 20000, а все число разстрѣлянныхъ во время вѣдыванья въ казненныхъ въ Симферополѣ 80000 человекъ. Правда ли это или нѣтъ, сказать не могу, такъ какъ, указавъ такой цифрѣ, самъ не хотѣю въ нее вѣрить, но не отрицаю коммунисты, причастные къ этимъ разстрѣламъ, и хвалящиеся имъ въ разговорахъ между собой, ставятъ это въ заслугу Цѣлительности ЦКП и ЦКП.

Въ Симферополѣ, гдѣ советскому болшевицкому правленію была закрыта ево-болшевицкая печать, а въ тѣхъ ево-болшевицкихъ болшевицкихъ не поощряющихся этому гра-

были въ свою пользу агенты Чока и Особого Отдѣла, устраивая облавы на торговцевъ. По базару вообще проходить было не безопасно. Все тихо и мирно, слышится гортанный, зазывающій рѣчь торговцевъ татаръ, привезшихъ свои продукты на базаръ, вдругъ раздаются выстрѣлы, свистъ пулъ, и испуганная толпа шаркается въ разныя стороны. Летятъ лотки, корзины, повисаютъ вооруженные красноармейцы съ площадной бранью, — оказывается, это производится облава для прекращенія торговли. Счастье, если самъ не попадешь въ середину облавы, какъ рыба въ неводъ, а то въ противномъ случаѣ придется поспѣть сутокъ двое гдѣ-нибудь въ Особомъ Отдѣлѣ. Пока докажешь на основаніи своего удостовѣренія личности, что служишь въ штабѣ арміи и поѣдъ на службу случайно черезъ базаръ. Или же другой примѣръ: идешь по улицѣ на службу или со службы, вдругъ на перекресткѣ улицъ претраждаетъ путь цѣль красноармейцевъ, не пропускающая далѣе и указывающая другой путь слѣдованія. Уже наученный горькимъ опытомъ знаешь, что тамъ значитъ тоже арестовывають всѣхъ, кто туда приходитъ, и поэтому, желая избѣгнуть ареста, бросаешься въ другую улицу, но тамъ натыкаешься на то же самое. Оказывается, что оцѣпленъ цѣлый кварталъ въ нѣсколько улицъ, для провѣрки документовъ, съ цѣлью изловить скрывающихся врангелевцевъ. Для этой цѣли всѣхъ отправляютъ окруженныхъ густымъ конвоемъ въ бывшія казармы Литовскаго полка. Тамъ съ провѣркой не торопятся, а приводятъ лишь новыя и новыя партіи. Въ концѣ концовъ, дня черезъ два, если у кого были документы вѣрна, выпускають, при чемъ, если попробуешь протестовать за незаконное задержаніе, то рискуешь остаться тамъ на болѣе продолжительное время. Конечно, выходишь оттуда вшивый, такъ какъ приходится спать на голомъ каменномъ полу, въ тѣсотѣ, вповалку, всѣмъ вмѣстѣ. И кого только тамъ не увидишь? И обыватели, и красноармейца, и женщинъ, и мужчинъ, и дѣтей, и штабного служащаго, и даже чекиста. Всѣ въ общей кучѣ до выясненія. Служащіе штаба арміи пробовали просить свое начальство объ огражденіи ихъ отъ задержанія въ такихъ случаяхъ, мотивируя тѣмъ, что служба ихъ въ штабѣ страдаетъ отъ этого, что, въ дѣйствительности, и было; начальство соглашалось съ этимъ, но что оно могло подѣлать противъ всеильной Чока и Особого Отдѣла?

Въ Симферополѣ, какъ и въ другихъ городахъ Крыма, была объявлена націонализация всѣхъ предпріятій и реквизиція всего имущества у буржуевъ и выселеніе ихъ изъ квартиръ, въ которыя долженъ былъ поселиться рабочій пролетаріатъ. Это проводилось съ безпримѣрной послѣдовательностью и жестокостью. Тайнымъ приказомъ Ревкома, который былъ опубликованъ въ мѣстныхъ газетахъ въ день самаго изыятія, былъ назначенъ «день изыятія излишковъ у буржуазіи». Для этого, въ одинъ день къ вечеру были собраны всѣ коммуны, находящіеся въ Симферополѣ, на митингъ въ кинематографъ по Дворянской улицѣ. Здѣсь имъ были объяснены приемы изыятія цѣнностей и что подъ этимъ изыятіемъ нужно подразумѣвать. Затѣмъ они были оставлены на ночь въ этомъ кинематографѣ, съ приставленіемъ часовыхъ, чтобы кто-нибудь не разболталъ объ этомъ населенію, такъ какъ день изыятія держался въ секретѣ, дабы населеніе не узнало о немъ и не успѣло бы приготовиться къ нему. На утро всѣ улицы города были оцѣплены вооруженными красноармейцами, а коммуны, прямо изъ кинематографа, были направлены въ заранѣе распределенные имъ районы и дома въ сопровожденіи красноармейцевъ и подводу. Изъ домовъ на улицы никто не выпускался, даже занятія въ штабѣ и во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ въ тотъ день не производились. Городъ словно вымеръ. Въ назначенный домъ или квартиру входилъ коммунизмъ и производилъ осмотръ всѣхъ вещей, представляющихъ извѣстную цѣнность, причемъ эти вещи сортировались и подлежащія «изыятію» укладывались въ корзины и выносились красноармейцами на подводу. Изыятію подлежало почти все, такъ напримѣръ, у монахъ хозяевъ забраны слѣдующія вещи: всѣ ковры, подушки, одѣяла, одежда, бѣлье, посуда, золотыя вещи, ложки, пожи, книги,

зеркала, картины, деньги, продукты и все, что представляло маломальскую цивилизацию. Оставлены только по одной паре бѣлья и по одному костюму. Конечно, при изъятии много пришлось въ руках коммунистовъ, да куда дѣвалось и остальное, тоже неизвѣстно. Протестовъ и сопротивленій при изъятии, конечно, не было, такъ какъ население было до такой степени напугано, что не помышляло этого сдѣлать, да и это было бы бесполезно. Такимъ образомъ, въ одинъ день все население Симферополя было ограблено по заранѣ составленному плану.

Комиссара Инспекции пѣхоты армій Петровъ, какъ коммунистъ, бывшій въ числѣ этихъ грабителей, съ злобной радостью рассказывалъ намъ о подробностяхъ изъятія. «Приятно было», — говорилъ онъ, — «войти въ квартиру въ ожиданіи своей «икки» и раскрыть какой нибудь ящикъ буржуйки съ драгоценностями, аккуратно сложенными, потомъ все это свалить въ одну кучу и рыться въ нихъ, видя бѣдное лицо хозяйки, которая трясущимися руками открываетъ слѣдующіе ящики, не смѣя сказать слова протеста. Я бы, собственно говоря, не оставилъ имъ и одной пары бѣлья и пустилъ бы ихъ ходить голыми, пусть бы прикрывались фигурнымъ листкомъ».

Привожу это заявленіе для того, чтобы читатель могъ судить о томъ, что творилось при этихъ изъятіяхъ тамъ, гдѣ дѣйствовалъ болѣе невѣжественный коммунистъ, развѣ такъ дѣйствовалъ бывшій учитель. Конечно, вездѣ при этомъ слышались площадная брань, какъ коммунистовъ, такъ и красноармейцевъ, насмѣшки и издѣвательства надъ беззащитнымъ «буржумъ».

Вечеръ послѣ этого, приказомъ Ревкома, жилищному отдѣлу Симферополя было предписано произвести выселеніе изъ домовъ и квартиръ буржуазіи, съ реквизиціей обстановки, и вселить вмѣсто нея рабочихъ. По этому приказу агенты жилищнаго отдѣла являлись въ квартиру и предъявляли требованіе очистить квартиру въ 12-ти часовой срокъ, причемъ не исполнившіе этого выбрасывались, въ полномъ смыслѣ этого слова, на улицу, а мебель отбиралась и свозилась въ жилищный отдѣлъ, откуда она грузилась въ вагоны и вывозилась въ Москву. Такимъ образомъ, население было ограблено и выброшено на улицу. До чего доходило при этомъ издѣвательство и издѣвательство большевиковъ, усматриваетъ слѣдующее сообщеніе «Херсонскихъ Цѣлителей»: «Мебельная фабрика Крыма стала производить при советской власти такое огромное количество мебели, что явилась возможность вывозить ее въ центральныя губерніи. Одновременно съ этимъ въ томъ же номерѣ газеты была помѣщена приказъ Харьковскаго исполкома, въ которомъ объявляется «день Крымскаго рабочаго, ограбленнаго бюрократическими», для сбора якобы въ его пользу, т. е. въ Харьковѣ повторялась та же самая исторія, что была въ Симферополѣ и другихъ городахъ Крыма.

Площадную наглость, издѣвательство надъ жителями и жестокость при выселеніи проявили начальники жилищнаго отдѣла г. Симферополя, вѣтъ Жоржъ, ослѣпъ, въ слѣдующихъ районѣ, и Федькины, — оба евреи, ношныя коммунисты при власти генерала Врангеля, хорошо извѣстные населенію Симферополя. Для этой операции городъ былъ раздѣленъ на 5 районѣ, при чемъ Федькинъ, ослѣпъ, отлучался въ вѣлакъ коммунистическаго начальства энергичнымъ выскочкомъ, буржуиномъ, что ему поручали, послѣдовательно всѣ пять районѣ. Эти «сопроводитѣли» жили въ въ холмѣ въ квартиры, въ которой жилъ я со своимъ семействомъ по инспекции пѣхоты. На предписанное требованіе очистить квартиру и свалить мебель, дочь владѣла дома, особина, вѣта съ грустными работами, спросила ихъ, куда же она дѣнется съ грудными ребенкомъ, и получила въ отвѣтъ такое же вѣщеніе, на что есть удовольствіе вѣтъ Федькинъ, ослѣпъ: «Пусть, похуитъ буржуиномъ дѣтъ». Только благодаря такому энергичному издѣвательству, да что мы получили отъ нихъ обильно въ «общество» въ округѣ, семья эта въ составѣ старухи 96 лѣтъ, ей дѣтей и внѣтъ дѣтъ, — все вѣта съ тремя малолѣтними дѣтьми, получили раздѣленіе мебели, да, конечно, и кухню съ кладовою въ отдѣльномъ флигелѣ въ парѣ дома, да, конечно, и ванну, но при томъ только условно,

если и мы, въ числѣ 4-хъ человѣкъ, будемъ занимать вмѣстѣ съ ними это помѣщеніе, какъ по отводу для военнотружениковъ. Конечно, чтобы не допустить несчастныхъ владѣльцевъ быть выброшенными на улицу, мы тотчасъ же на это согласились, за что хозяева были намъ безконечно благодарны. Бабушка и прабабушка помѣстились въ кладовой, а остальные размѣстились въ кухнѣ и двухъ комнатахъ. У вдовы была корова для питанія дѣтей молокомъ. Фельдманъ реквизируетъ ее, и на заявленіе, что она необходима для питанія дѣтей, отвѣтитъ: «Пусть она питаетъ дѣтей рабочихъ, а не буржуевъ». Между тѣмъ эта корова была отправлена къ нему на домъ и, какъ вѣтъ было извѣстно, все время находилась у него.

Въ освобожденную квартиру безъ мебели, были вселены бѣженцы германской войны изъ Польши, такъ какъ рабочіе Симферополя въ большинствѣ случаевъ не хотѣли занимать помѣщеній выселенныхъ «буржуевъ». Йоржъ и Фельдманъ были евреи, но тѣмъ не менѣе они были такъ же жестоки по отношенію къ законному еврейскому населенію города Симферополя, а особенно къ карантамъ, и имъ неоднократно приходилось выслушивать жалобы, какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Симферополѣ было устроено торжественное погребеніе жертвъ «бѣлаго террора». Это были десять человѣкъ подпольниковъ коммунистовъ, осужденныхъ полевымъ судомъ и повѣшенныхъ по приказанію генерала Слащева на трамвайныхъ столбахъ города Симферополя. Несмотря на всѣ старанія отыскать еще такія же жертвы, большевической власти не удалось это сдѣлать, и она взяла еще первыхъ попавшихся покойниковъ изъ госпиталей, и такимъ образомъ всего набралось вмѣстѣ съ повѣшенными 52 гроба, которые на пышныхъ погребальныхъ дрогахъ, сопровождаемые оркестромъ музыки, полкомъ пѣхоты, кавалеріей и двумя батареями, между разставленными по улицамъ шпалерами войскъ, были торжественно перевезены въ скверъ около зданія духовной семинаріи и здѣсь, послѣ торжественныхъ рѣчей и проклятій «палачамъ» бѣлымъ, были погребены въ общей могилѣ. Какими же палачами можно назвать большевиковъ, если при всѣхъ училыхъ они не могли собрать болѣе 52-хъ труповъ, въ то время, какъ разстрѣлы ими бѣлыхъ, подходили уже къ 20-ой тысячѣ, и разстрѣливались совершенно не причастные къ бѣлому движенію, напримѣръ, за работу при бѣлыхъ въ кооперативѣ, какъ Баркъ, причѣмъ вся его семья была безжалостно выброшена на улицу, или управляющій пивнымъ заводомъ, Даманскій, за принадлежность къ польской національности. Даманскій не принималъ никакого участія въ бѣломъ движеніи.

Въ Симферополѣ имѣлъ свое мѣстопробываніе архіепископъ Симферопольскій и Тавричскій Цюиней — семидесятилѣтній старецъ. Къ нему въ его помѣщеніе были поставлены автомобильный дивизионъ, и ему была оставлена одна только комната. Большевики хотѣли его арестовать по обвиненію въ контрреволюціи и увезти въ Севастополь для допроса Ревтрибуналомъ, но населеніе, окруживъ домъ плотной толпой, не выдало его, заявивъ большевикамъ, что если необходимо его допрашивать, то Ревтрибуналъ можетъ для этого пріѣхать сюда изъ Севастополя, и большевики отступились, оставивъ архіепископа въ покоѣ.

Рабочее населеніе г. Симферополя, а также и всего Крыма еще и при генералѣ Врангелѣ, какъ я слышалъ, въ своей массѣ было довольно рѣзкимъ бѣлымъ и особымъ снматій къ большевикамъ не проявляло за исключеніемъ, конечно, подпольниковъ - коммунистовъ, оставленныхъ большевиками при первомъ ихъ уходѣ изъ Крыма или приланныхъ черезъ фронтъ, которые работали между этой массой, стараясь возстановить ихъ противъ власти бѣлыхъ, но большому успѣха не имѣли. Бѣлая власть въ Крыму, вѣроятно, наученная прежними ошибками, удѣляла много вниманія рабочему классу и обезпечила ему приличное существованіе. Имъ разсказывали что вообще при томъ общемъ паденіи цѣнности рубля, которое было въ Крыму, а отсюда и колоссальной дороговизнѣ предметовъ первой необходимости, рабочіе все-таки не терпѣли той острой нужды,

которую они встретили с приходом в Крым большевиков. При генерале Врангеле труд был все-таки урегулирован и оплачивался довольно хорошо, во всяком случае в настоящее, что за те деньги, которые получали рабочие, они могли приобрести все необходимое. Так, например, рабочий зарабатывал в день 250 000 рублей, хлеб же стоил 15—20 тыс. фунтов, а фунт сала 50 тыс. рублей. Следовательно, на дневной заработок можно было обеспечить себя и свою семью пропитанием. Теперь же, с приходом большевиков, Врангелевские деньги были аннулированы, что создало сразу же недовольство среди рабочих, тем более, у них собралась уже значительная сумма их, кроме того, хотя фунт хлеба викаль стоил 100 рублей советскими деньгами (в апреле месяце он уже стоил 6 000 руб.), но за то жасования чернорабочий получал 4—5 000 руб., а квалифицированный — максимум 9 000 руб. Конечно, сразу же сказалась разница между жизнью рабочего при белой власти и советской. Это не замедлило отразиться на настроении рабочих: к этому надо прибавить, что в то время, когда советских декретов, рабочий не имел права распоряжаться сам собой, т. е. применять свой труд там, где он хочет, ибо все рабочие считались государственными служащими и должны были служить в тех предприятиях, где они были необходимы советской власти, не считавшей ни с материальными, ни с желаниями рабочего служить в данном предприятии. Так, например, были объявлены декреты, по которым рабочие металлургических предприятий могли быть переводимы, в случае надобности, из одной местности в другую, до Сибири и Урала включительно, причем согласия на такой перевод у рабочих не спрашивалось, так как они были мобилизованы, как рабочие трудовой армии. Для рабочих все это было дико и неовинно: не то они видели у Врангеля и не того они ожидали от советской власти. Получалось, уже работая, против, которого они ничего не могли подхватить. Профессиональные союзы, прежде защищавшие интересы рабочих против капитала, реформированные большевиками, стали государственными учреждениями, при этом они были ксеру интересы государственного капитала, чем рабочих. Все это отталкивало крымских рабочих от большевистской власти и создавало непримиримое отношение к ней. Но, так как вызвать эту непримиримость этими способами, которыми они пользовались прежде, т. е. забастовками и бунтами, было невозможно, ибо за этим следовали немедленные жестокие расправы, то разбитыми, включительно, то пришлось покорно нести свою долю, а также с единственным временем при белой власти, и слать проклятия большевикам, ожидая, чтобы кто-нибудь не подслушал.

То же самое происходило с татарскими и крестьянскими населением. Здесь, кроме большевиков, за них проправительство, за реквизицию лошадей, за наряды в войска, а за реквизицию красноармейцев, по их саккам и хатам. Особенно же постыдно, так как они обязаны были этих красноармейцев и кормить. Как на примере перемещения настроения крестьянского населения к большевикам, можно указать на следующее. По Ялтинскому шоссе в 20 верстах от Симферополя находилось большое село, население преимущественно крымскими или Кавказскими — казанами. Жизнь его при белой власти пользовалась некоторой свободой, отвлеченных большевиками. Как говорили в Симферополе, они доставляли массу хлопот белым, давая ублажение подпольщикам, и видя из своей среды коммунистов; высказываясь ясно, не скрывая, что симпатии к большевикам, и поэтому ожидали их прибытия в Ялту. Через две недели после прихода советской власти, это село первое было захвачено про-рассел, и там же оно начало служить ублажением для всех сторон. Оно ялтинское, врангелевское, которое отсюда препровождали в город и везли, доставляли бездомно туда же прованты. Это говорить местное население татарин, выехавший воем офицером из Симферополя.

На казавшемся боре, Крым имел и видна, представлявшая ценность по своему материальному достатку и роскоши, были лишены под пролетарский са-

торін, которыя запозанились націентами со всей Россіи. Сюда направлены были подъ видомъ пролетаріевъ преимущественно коммунисты, дѣятели Чэка и Осо-быхъ отдѣловъ, жаждущіе отдохнуть отъ понесенныхъ ими трудовъ. Жакда по-бывать въ этихъ санаторіяхъ была между ними такъ сильна, что я, ѣдучи по желѣзной дорогѣ изъ Александровска въ Симферополь, разговорился съ однимъ субъектомъ, который оказался коммунистомъ изъ Семипалатинска, ѣхавшимъ въ отдѣлъ Народнаго Здравоохраненія Крыма, чтобы получить мѣсто въ Ялтинской санаторіи. Крымъ былъ объявленъ совѣтскимъ декретомъ Всероссійской Здрав-нищей, а г. Ялта былъ переименованъ въ Красноармейскъ. Но все это продолжа-лось недолго: черезъ два мѣсяца въ Крыму уже начался голодъ и въ санато-ріяхъ кормить было нечѣмъ. Всѣ эти націенты потянулись обратно, не счита-вая той буржуазной жизни, которая имъ мерещилась.

Съ приходомъ большевиковъ въ Крымъ, Врангелевскія деньги были аннули-рованы и населеніе, оставшееся безъ денежныхъ знаковъ, усиленно пошло на базары свои продукты, которые, несмотря на запрещеніе свободной торговли, въ первое время поражали насъ своей дешевизной по сравненію съ Совдепій. Такъ, напримѣръ, фунтъ табаку фабрики Стамболи стоилъ 800 руб., натуральный чай, о которомъ въ Совдепій забыли тогда и думать, стоилъ 1200 руб. фунтъ и т. д. Но все это было только въ первое время. Черезъ два мѣсяца базары уже были пусты, а если что и было на нихъ, то цѣны были даже выше, чѣмъ въ Совдепій. Все было скупо скуплено спекулянтами и, если у нихъ по дорогѣ не было отобрано заградительными отрядами, то вывезено въ Москву.

Въ Симферополѣ трамвай не работалъ, электричество отпускалось только въ тѣ квартиры, гдѣ жили коммунисты или совѣтскіе служащіе, населеніе, не имѣя керосина, сидѣло впотьмахъ. Векорѣ послѣ этого пришла другая напасть: вы-гребная ямы переполнились и вывозить ихъ было некому. Содержимое стало переливаться черезъ край по дворамъ. Совѣтская власть вышла изъ этого за-трудненія. Въ здашіи бывшей губернской земской управы, въ одномъ изъ эта-жей котораго были расположены Совнархозъ Крыма, нечистоты залили весь дворъ. Обитатели дома обратились къ предсѣдателью Совнархоза, какъ компе-тентному лицу, съ просьбой принять мѣры для очистки выгребныхъ ямъ. Онъ, за отсутствіемъ какихъ-либо средствъ, приказалъ содержимое выпускать на улицу. Этими приказомъ стали руководиться и въ другихъ домахъ, такъ какъ нинахъ средствъ освободиться отъ нечистотъ не было, и они наполнили улицы, заражая зловоніемъ воздухъ.

Отсутствіе топлива сильно сказывалось на жителяхъ. Раньше дома отопли-вались или углемъ, доставляемымъ изъ Крымскихъ копей, или же дровами, за-готовленными на Ялѣ. Теперь же ни того, ни другого не было. Правда, для заготовки этого топлива отправлялись туда, на принудительныя работы, учѣ-лѣвшіе отъ разстрѣла контръ-революціонеры, но заготовки эти были ничтожны и кромѣ того имъ препятствовали зеленые, а поэтому весь запасъ заготовлен-наго топлива хваталъ лишь на отопленіе квартиръ лицъ высшаго коммунисти-ческаго міра, остальное же населеніе принуждено было мерзнуть, ешывая лишь деревья съ улицъ для варки пищи. Мнѣ самому приходилось при наступив-шихъ холодахъ сидѣть въ комнатѣ при 4—5 градусахъ Реомюра. То же самое было и на службѣ во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ. Впрочемъ это явле-ніе было ново только для Крыма, такъ какъ въ Совдепій давно уже привыкли къ этому; въ Московскихъ центральныхъ учрежденіяхъ шли занятія даже при — 12-ти градусахъ Реомюра.

Большое лишеніе несли жители изъ-за отсутствія бань: имѣвшіяся въ го-родѣ бани были націонализированы и предоставлены въ распоряженіе красной арміи, но вслѣдъ за этимъ онѣ отъ неумѣлаго обращенія были приведены въ негодность, такъ какъ были испорчены водопроводныя трубы и отсутствіе воды заставило закрыть бани. Жители были предоставлены въ этомъ отношеніи самъ-мъ себѣ. Развитие сильной эпидеміи тифа всѣхъ видовъ и вишность, какъ

результатъ отсутствія бань, все это увеличивало смертность среди населенія и красноармейцевъ, трупы которыхъ вереницами везли на кладбище, сваливали въ общую яму; но большевистская власть на все это мало обращала вниманія. Она была занята непереносимымъ контръ-революціи и вывозомъ награбленнаго имущества въ Совдепію.

IX.

Съ переходомъ инспекціи пѣхоты въ Симферополь въ ней произошли перемѣны. Былъ образованъ новый штатъ, увеличивающій число помощниковъ инспектора съ одного до трехъ, и инструкторовъ — съ четырехъ до двѣнадцати. Инспекторомъ пѣхоты былъ назначенъ бывшій подполковникъ Симоновъ, совершенно бездѣльный личностью, боявшійся большевиковъ и все время думавшій, что его арестуютъ, хотя его ревностная служба не давала никакого повода къ этому, да и прошлое по отношенію его къ большевикамъ было совершенно безупречно, такъ какъ, будучи при большевистскомъ переворотѣ въ Москвѣ, онъ былъ ими тамъ мобилизованъ и зачисленъ на службу въ штабъ Московскаго Военнаго Округа. Будучи трусомъ по природѣ, онъ, конечно, не могъ принимать участія въ какомъ-либо заговорѣ противъ большевиковъ. Изъ числа трехъ помощниковъ инспектора пѣхоты былъ назначенъ и я.

Будучи на западномъ фронтѣ и состоя въ должности инструктора инспекціи, я одно время рисковалъ быть назначеннымъ инспекторомъ пѣхоты арміи, такъ какъ, такъ я уже выше писалъ, эту должность занималъ бывшій заурядъ-военный чиновникъ, на что обратилъ вниманіе инспекторъ пѣхоты западнаго фронта, бывшій командиръ гвардейскаго корпуса Императорской арміи Чернавинъ, которому были подчинены инспектора арміи. Чернавинъ представлялъ собою яркій примѣръ бывшаго гвардейскаго генерала, который, не будучи коммунистомъ, добровольно служилъ советской власти, получая за это все благо житія въ Совдепіи. Генерала Чернавина я еще прежде зналъ, до войны, по советской службѣ въ Финляндіи. Это Императорскій стрѣлокъ, впоследствии командиръ 7-го Финляндскаго стрѣлковаго полка, наивѣроподобнѣйшій Императоръ, при пѣхотѣ случался во время командованій эскадрией кетей и не кетей «Царь бабашка» и «Царица малушка». Будучи, какъ офицеръ 4-го стрѣлковаго Императорской Фамиліи полка, лично извѣстный Императору, онъ продолжалъ быструю карьеру, именно на рекламириваніи своей преданности Монарху и даже со временемъ преподавателемъ и воспитателемъ Великихъ Князей Кирилла и Бориса Владимировичей. Впоследствии онъ командовалъ 3-й гвардейской дивизіей, а на войнѣ въ гвардейскомъ корпусѣ. Больно и общино мнѣ было читать его приказы въ качествѣ инспектора пѣхоты западнаго фронта, въ которыхъ онъ промѣлъ, издѣлившись за соботакъ, нежеланіе прекраще служить советской власти и призывалъ офицеровъ, бывшихъ вокругъ нея и своимъ опытомъ и знаніемъ пренебрегать ей повелѣ, угрожалъ въ противномъ случаѣ расстрѣломъ. Своими зрѣлыми примѣрами въ этомъ дѣлѣ, знаніями воспитанія и подпитанія въ боевой обстановкѣ, которая несомнѣнно у него были, онъ отдался весь съвоей охотѣ кетей кетей и требовалъ этого и отъ инспекціи пѣхоты арміи. Если бы это было не Чернавинъ, то съ этимъ можно было бы какъ-нибудь и помириться, но это былъ именно тотъ Чернавинъ, котораго я зналъ по его преданности Монарху, а не коммунистамъ. Какъ можно было назвать человека! Такъ вотъ этотъ Чернавинъ, которому, зная все на то, что на должности инспектора 4-й арміи состоялъ бывшій заурядъ-военный чиновникъ, а на должности инструктора инспекціи — бывший генералъ-майоръ, и потребовалъ назначенія на эту должность меня. На мое счастье въ это время неслили призывный актъ Московскаго округа въ Симферополь. Ну разъ, котораго и назначили инспекторомъ пѣхоты 4-й арміи (какъ могъ я только доложить члену Президіума 4-й арміи Моск-

лауку, что я на эту ответственную должность не гоюсь. Теперь уже от должности помощника инспектора пѣхоты мнѣ уклониться не пришлось, да впрочемъ, она мало чѣмъ и отличалась отъ инструктора пѣхоты. Обязанности были тѣ же самыя.

Изъ штаба арміи было приказано инспектору пѣхоты отправить кого-либо отъ инспекціи въ городъ Джанкой для наблюденія за формированіемъ тѣмъ запаснаго полка изъ солдатъ - врангелевцевъ. Симоновъ, зная, что до сихъ поръ еще я нигде не бѣдилъ въ командировку, и желая вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать мнѣ несправедливость, такъ какъ зналъ мое нежеланіе работать вообще на совѣтскую власть, назначилъ въ эту командировку меня. Меня же эта командировка устраивала, такъ какъ я, уѣзжая изъ Симферополя въ маленький городокъ - деревню, перестаю видѣть терроръ въ Симферополѣ и въ глуши нѣсколько отдохну отъ него.

17-го декабря я выѣхалъ въ Джанкой, при чемъ мнѣ повезло — я ѣхалъ до него всего только сутки, такъ какъ попасть въ поѣздъ какого-то сильнаго въ коммунистическомъ мірѣ лица, ѣхавшаго въ Москву, для котораго были устранены всѣ задержки въ пути. Попасть же въ этотъ поѣздъ мнѣ было сравнительно легко, такъ какъ я имѣлъ мандатъ штаба арміи и къ тому же послѣ того, какъ я прибылъ въ Вильно, гдѣ я могъ, по миѣнью даже коммунистовъ, совершенно свободно остаться, о чемъ говорилъ мнѣ комиссаръ инспекціи пѣхоты, за мной прекратилась слѣжка чекистовъ, и я приобрѣлъ довѣріе у коммунистовъ. Благодаря этому меня свободно пустили въ поѣздъ этого «высокопоставленнаго лица», иначе мнѣ бы пришлось разстояніе въ 80 верстъ ѣхать около четырехъ сутокъ.

Приѣхавъ въ Джанкой, я засталъ тамъ командира полка бывшаго прапорщика Остапчука, который формировалъ тамъ штабъ полка, но размѣстить полкъ онъ тамъ не могъ за неимѣніемъ мѣста. Джанкой — небольшой поселокъ, только что переименованный большевиками въ городъ, былъ переполненъ госпитальми и всевозможными совѣтскими учрежденіями, и о размѣщеніи еще кого-либо нечего было и думать, ибо въ городѣ были только мазанки, а всѣ деревянныя зданія уже были разобраны на дрова для паровозовъ. Я далъ телеграмму инспектору объ этомъ и въ ожиданіи отвѣта прожилъ спокойно 10 дней, дѣйствительно отдохнувъ душою въ семьѣ нѣмца-колониста. 27-го декабря пришелъ отвѣтъ, что формирование запаснаго полка въ Джанкоѣ отменяется и чтобы я ѣхалъ инспектировать 42-ю дивизію, а для полученія инструкцій по этому поводу заѣхалъ бы по пути въ полевой штабъ арміи, стоявшій въ это время въ вагонахъ на станціи Мелитополь.

Въ это время на желѣзной дорогѣ творилось что-то невѣроятное. При занятіи Крыма желѣзнодорожники, служившіе при генералѣ Врангелѣ, были сняты со своихъ мѣстъ, какъ не заслуживающіе довѣрія у большевиковъ, и эксплуатация была передана военной власти въ лицѣ «Начвосо». Ничего только она здѣсь ни надѣлала. При продвиженіи впередъ большевиковъ, посылались безъ всякаго порядка, очереди и расписанія поѣзда, которые забили собой всѣ станціи отъ Александровска до Севастополя такъ, что остановилось почти совсѣмъ движеніе поѣздовъ. Видя всю эту неразбериху, призвали опять обратно на прежнія мѣста старыхъ желѣзнодорожниковъ, но и они уже ничего не могли подѣлать. Тогда была назначена «тройка» изъ коммунистовъ съ диктаторскими полномочіями, которая выѣхала на мѣста стоянки застрявшихъ поѣздовъ. Она обнаружила, что на пѣкаторыхъ станціяхъ стояли пустые составы, такъ какъ изъ нихъ войска выгрузились и отправились пѣшимъ порядкомъ къ мѣсту назначенія, или же стояли до сихъ поръ погруженные имуществомъ и продовольствіемъ перевозимымъ вѣздъ за арміей, но какой части это принадлежало теперь, этого нельзя было выяснитъ, такъ какъ конвоиры отъ холода и голода разбѣжались. Приказано было этотъ грузъ выгрузить и отправить въ армейскіе склады путемъ перевозокъ на крестьянскихъ лошадяхъ, согнанныхъ для этого принудительнымъ порядкомъ, отъ чего поднялся, конечно, ропотъ среди крестьянъ. Пустые ва-

тогда, ввиду невозможности их вытащить из образовавшихся тушиков и поломки толкина для паровозов, приказано было просто сбросить с рельсов. Но эта решительная мера мало помогла Дбалу: во главе железнодорожного хозяйства стояли круглые пивляки комиссары, вчерашние приказчики мелочных лавочек и продавцы сельдей, а низший состав служащих думал только о том, чтобы при поезде спекулировать, сдвигая обезнечить себя и своей семье существование, и железнодорожной службой не дорожили, готовый всегда ее покинуть, чего однако не мог сделать, так как был мобилизован. Другая причина остановки железнодорожного движения, которая достигла своей кульминационной точки в декабре-феврале месяцах 1920-1921 года, это отсутствие здоровых паровозов и топлива для них. И уже упоминал выше, что на всех значительных узловых станциях образовались громадные кладбища паровозов; кроме того, при случайной, даже и не значительной поломке частей паровоза они чинились из местного депо, крайне медленно, так как нет материала и инструментов, да нет и времени мастерам, которые из казенного материала делают сковороды, лемехи из чугуна, гвозди, зажималы и т. п. для обмена на хлеб, сало и колбасы у крестьян, так как последние продукты на деньги не продавали. Если же паровоз и выходил из депо, то в пути он вскоре опять ломался.

Толкино для паровозов добывалось тоже оригинальным способом. Обыкновенно машинисты заставляли пассажиров поезда, что, если хотеть брать записи, то для этого надо добыть дрова на паровоз, иначе он уйдет с паровозом, на оставшихся парях до ближайшего депо, так как боялся его загромождать. На юге России шли леса, и потому пассажирами дружно разбирались деревенские постройки сначала на станциях, где были раньше громадные семейные пункты зерна, а когда они были уже прикончены, то и частные дома, причем, конечно, никакого протеста со стороны владельцев не могло быть, так как, во-первых, частная собственность в Советии была отменена, а во-вторых, это были не пассажирские поезда, а военные эшелоны, двигающиеся по железнодорожным сообщениям, и поэтому эти разборки делались по приказанию комиссара поезда именем советской власти. Конечно, разборка таких домов тоже скоро кончилась, так как на юге из деревенских большей частью мезанси из глины или дома из местного плетеного камня, и тогда уже толкино совершенно не стало, а отсюда, как результат этого, прекратилось движение поездами.

Составлено телеграмма, о которой я упоминал выше, мне надо было ехать в Мелитополь. На станции стояла масса застрявших поездов, и, который из них, конечно, первым, никто, по обыкновению, на станции не знал. Наконец, через дежурных разыскал я, при посредстве начальника О. Р. Т. Ч. К. (Отделение районной транспортной чрезвычайной комиссии), получил место в толкунском первом трехосном поезде, который из того дня вечером отходил от Дзержинск (тогда так звали три поезда). Это, оказывается, был эшелон из 82 вагонов, перевозивший солдатами, переодетыми в гражданские и мерзлыми от холода на вокзалы. В толкунском поезде было 17 вагонов, какой-то «технической» связи поезд, перевозивший в Москву, во главе с ним начальником. Для обслуживания за этой перевозкой был назначен комиссар из Москвы. На толкунском вокзале были так же добротные, что поместить меня у себя в толкунском, и он прощались. Шли довольно хорошо, но не доходя трех станций до Мелитополя, замедлили, так как, что у него кончается толкино и он уходит из Мелитополя на оставшихся парях и сбросит состав, так как на этой станции дом был уже разобран и дрова было нет, за исключением одной комнаты, которую разбирать было уже нельзя. Тогда начальник поезда и комиссар из Москвы стали просить машиниста, чтобы он захватил с собою этот поезд в Мелитополь и там же он до Мелитополя, конечно, для этого между ними было какое-то порочное соглашение, и дружная машиниста вывел с

просьбой, такъ какъ иначе мы рисковали сидѣть на этой станціи, пожалуй, еще три недѣли. Интереснѣе всего то, что въ сборѣ этой суммы принималъ участіе и московскій комиссаръ. Машинистъ согласился, но красноармейцы узнали, что ихъ вагоны остаются, и потребовали, чтобы или ихъ всѣхъ посадили бы въ эти 17 вагоновъ, или же поѣздъ слѣдовалъ дальше въ полномъ составѣ. Машиниста же одного не отпускали. Тогда московскій комиссаръ попробовалъ ихъ застрашивать разстрѣлами, но они схватили его, избили и положили на рельсы подъ паровозъ связаннымъ, заявивъ машинисту, что онъ можетъ тронуться, но только переѣхавъ комиссара. Я при этомъ не былъ, такъ какъ сидѣлъ въ теплушкѣ, но мнѣ все это рассказывалъ вернувшійся отъ паровоза, дрожащій отъ страха начальникъ связи. Было три часа ночи, толпа красноармейцевъ шумѣла и выкрикивала уже угрозы по адресу всего состава связи, предлагая выпрыгнуть ее изъ вагоновъ, а самимъ погрузиться въ нихъ. Это были демобилизованные красноармейцы, распускаемые по домамъ послѣ ликвидаціи бѣлыхъ въ Крыму. Положеніе спасъ машинистъ. Онъ объявилъ, что если снимутъ съ рельсъ комиссара и посадятъ обратно въ теплушку, то онъ пойдетъ дальше со всемъ составомъ поезда, но не раше, какъ часа черезъ два, такъ какъ ему надо поднять паръ. Комиссара возвратили на мѣсто, толпа разошлась, и мы дѣйствительно черезъ два часа тронулись. На слѣдующей станціи мы узнали, что въ нашемъ поѣздѣ не 82, а 20 вагоновъ, изъ нихъ 17 вагоновъ связи и 3 вагона съ красноармейцами, которыхъ пришлось взять съ собой, такъ какъ отцѣпить только первые 17 вагоновъ незамѣтно для красноармейцевъ не было возможности, и машинистъ, обманувъ ихъ, долженъ былъ сдѣлать расцѣлку на 20-мъ вагонѣ.

Въ Мелитополѣ полевой штабъ 4-й арміи стоялъ въ поѣздѣ на станціи и велъ операціи противъ бандъ Махно, которыя дѣйствовали въ Мариупольскомъ, Мелитопольскомъ, Бердянскомъ и Александровскомъ уѣздахъ. Екатеринославская губернія и Полтавская тоже были наводнены бандами другихъ наименованій. По линіи желѣзной дороги шли постоянныя нападенія на поѣзда, при чемъ, какъ правило, рубились головы командному составу и коммунистамъ, а красноармейцы раздѣвались и въ одномъ бѣлѣ отлучались на всѣ четыре стороны, за исключеніемъ тѣхъ, которые добровольно поступали въ банды. Жители селъ и деревень относились сочувственно къ бандитамъ, укрывали ихъ и снабжали продовольствіемъ, а сами пополняли ряды бандъ, мстя красной власти за тѣ наслія, которыя она имъ чинила. Бандиты были совершенно неудовимыми для красной арміи, имѣя прекрасный конскій составъ, какъ у конницы, такъ и у повозокъ — «тачанокъ», прекрасныхъ рессорныхъ телѣжекъ, отобранныхъ у колонистовъ, на которыхъ перевозились пулеметы и пѣхота. Они, появившись въ одномъ мѣстѣ, производили налетъ и, не принимая боя, быстро разбѣгались при появленіи силъ красныхъ, дѣлая переходы въ сутки иногда отъ 200 до 300 верстъ, мѣняя въ пути загнанныхъ лошадей у крестьянъ, на что послѣдніе никогда не претендовали. Самая подвижная и остроумная организація у Махно были пулеметные полки. Это были 300—400 тачанокъ, запряженныхъ прекрасными лошадьми, причемъ на одной помѣщался пулеметъ и четыре номера, а на другой тачанкѣ патроны къ нимъ. Стрѣльба производилась прямо съ тачанки. Легкость экипажа позволяла скакать по степи безъ дорогъ, появляясь неожиданно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ совершенно не ждали. Бандиты Махно были одѣты также, какъ мѣстное населеніе, и поэтому, распознать въ крестьяннѣ махновца краснымъ было очень трудно. Мнѣ рассказывали въслѣдствіи, когда я инспектировалъ 42-ю дивизію, слѣдующіе случаи: идетъ погоня за бандой махновцевъ, которые разсыпались, но нѣсколько тачанокъ не выпускаются изъ вида и ихъ уже настигаютъ. Тачанки влетаютъ въ деревню, красные за ними. Южныя деревни имѣютъ нѣсколько улицъ и вотъ на одномъ изъ поворотовъ за угломъ никого не видно. Тачанки словно провалились сквозь землю. Красные бѣгутъ по улицамъ, заглядывая во дворы: никого нѣтъ. На дворѣ старый дѣдъ вѣетъ рожь,

а молодой парень молотить хлѣбъ, попуская лошадей. — «Эй, дѣлъ, не видѣлъ ли, куда поѣхали тачанки?» — «А якъ же бачивъ, ось погнали до степу, тажъ тільки павъ видѣтися». — «А кто жъ у тебя хлѣбъ молотить?» — «А то мій братъ Анонъ, то якъ такий дурний, скажений, ни слова не кажеть». Красные бѣжали догонять тачанки по указанному направленію, а «скаженный хлопецъ» вытаскиваетъ изъ сѣнцы хлѣба винтовку, отпрягаетъ лошадей отъ привода, на помощь къ нему выходить еще трое «скаженныхъ хлопцевъ», вырываютъ лошадей изъ тачанку, спрятанную подъ соломой, и ѣдутъ въ другомъ направленіи изъ деревни.

Махно былъ неуловимъ. 6-го декабря онъ былъ подъ Бердянекомъ окруженъ войскомъ изъ трехъ дивизій, въ томъ числѣ и 42-й, которой командовалъ престолупый Розентъ, находившійся, впрочемъ, въ то время въ отпуску. Штабъ 4-й арміи сличено получалъ телеграммы, что Махно не вырвется и на этотъ разъ попасть въ руки красныхъ войскъ. Однако, на развѣстѣ 6-го декабря Махно, собравъ всѣ свои силы, обрушился на 42-ю дивизию, которую буквально разбросалъ, и вырвался изъ окружающаго его кольца. О преслѣдованіи нечего было и думать: онъ благополучно прошелъ въ громадное село Большой Токмакъ, гдѣ расположился на отдыхъ. Завладѣвъ Бердянекомъ, онъ произвелъ страшную рѣзню коммунистовъ и команднаго состава красноармейскихъ частей. Всѣ только что сформированныя здѣсь совѣтскія учрежденія были поголовно вырѣзаны. Дивизіи вновь окружили его въ Большомъ Токмакѣ, опять заранѣе празднуя надъ нимъ побѣду. Махно повторилъ тотъ же маневръ, вновь разорвалъ окружающее его кольцо и съ отрядомъ, численность котораго доходила до 5000 человекъ, бросился къ Николаеву. Здѣсь онъ перешелъ по льду на правую сторону Днѣпра и, несмотря на то, что на перерѣзъ ему была брошена 1-я конная армія изъ Екатеринослава, не могшая впрочемъ его догнать на своихъ заморозныхъ лошадяхъ, онъ прошелъ съверше Екатеринослава снова по льду черезъ Днѣпръ, направился въ южную часть Полтавской губерніи, минуя Константиноградъ, Зміевъ, и дошелъ до гор. Вирюча, Воронежской губерніи, откуда черезъ Кулиевскъ, Лиманскъ, Бахмутъ, къ 15 января вновь вернулся въ свою резиденцію Гулий-Поле. Это были, дѣйствительно, изумительный по быстротѣ рейды. Днями по 250—300 верстъ въ сутки, мѣсяца загнанныхъ лошадей на привазахъ, удревнѣвъ, онъ далеко оставилъ преслѣдовавшій его конный красный корпусъ, который не могли войти съ нимъ даже въ соприкосновеніе. Кромѣ того, во время этого рейда по всему югу Украины оперировали шайки бандитовъ, мещанъ, бѣгалъ, и не состоявшія подъ командованіемъ Махно, но, во всякомъ случаѣ, преслѣдовавшія одну и ту же цѣль — борьбу съ большевиками. Эти банды отвлекали вниманіе красныхъ отъ преслѣдованія Махно, сбивая ихъ съ пути и уводя ихъ въ другую сторону. Все это создало Махно громадную популярность среди населенія юга Украины, и оно возлагало на него свои надежды, что онъ избавитъ ихъ отъ большевиковъ. Мелкія шайки другихъ наименованій тревожили окрестности Александровки, Бердичевка, Мелитополь, угрожая даже Крыму. Съ цѣлью борьбы, какъ съ Махно, такъ и съ другими шайками, командующій арміей Лазаревичъ выдвинулъ съ полковымъ штабомъ въ Мелитополь.

Въ штабѣ арміи я застаю крайне первичное настроеніе. Шайки бандитовъ оперировали уже подъ самымъ Мелитополемъ, дѣйствуя на пути сообщеній между расположенными по уѣзду отдѣльными частями красныхъ; вырѣзывали агентовъ, протравливали и комсомольцевъ (комитеты бѣдноты), а также и некихъ совѣтскихъ членовъ, только что здѣсь насажденныхъ, оставившими лошадей, при этомъ и красноармейцы отпускались разбѣгами, а комсомольцы и коммунистамъ рубились топорами. Все это было и дало въ Мелитополемъ по всему югу Украины. Въ то же время задумывается новая операція противъ Махно, для чего изъ Екатеринослава къ Александровкѣ перебрасывается 3-й конный корпусъ, подъ командой Каширина, бывшаго ротмистра Украинскаго казачьяго войска — коммуниста.

Для разбора дела и выяснения виновных лиц въ прорывѣ Махно черезъ окружавшее его кольцо красныхъ, 6-го и 12-го декабря выѣхали на мѣсто и дѣйствовали уже цѣлыхъ три комиссіи: одна отъ Ревтрибунала 4-ой арміи, другая отъ Особого отдѣла 4-ой арміи и третья отъ В. Ч. К. изъ Москвы. Когда я былъ у Лазаревича, то послѣдній просилъ меня вмѣстѣ съ инспектировавшимъ 12-ой дивизіи выяснитъ лично для него степень виновности въ прорывѣ Махно ея Начдма Розена, такъ какъ онъ въ разговорѣ со мною отказался отрицательно о Розенѣ, какъ начальникъ дивизіи. Инспективн и узналъ, что онъ хотѣлъ свести съ Розеномъ личные счеты еще за то время, когда Розенъ былъ въ числѣ слушателей Академіи Генеральнаго Штаба, а Лазаревичъ зафѣдывающимъ курсомъ, при чемъ Розенъ постоянно агитировалъ противъ него. На счастье Розена, онъ въ окруженіи Махно подъ Бердянскомъ не участвовалъ, такъ какъ былъ въ отпуску.

Въ штабѣ я узналъ, что 42-ая дивизія въ данное время стояла въ Александровскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ и вела операціи противъ бандитовъ, прикрывая вмѣстѣ съ тѣмъ и Александровскъ. На время инспекціи мною 42-ой дивизіи мнѣ были пригвождены права командующаго арміей, при чемъ я имѣлъ право смѣщать начальниковъ, частей отъ Начдивовъ включительно, но частнымъ образомъ начальникъ штаба Рощковский просилъ меня этого не дѣлать, такъ какъ ихъ замѣнить было нельзя. Пользоваться же этимъ правомъ не входило въ мои цѣли. Тутъ же я видѣлъ и командира 3-го коннаго корпуса Каширина, который, только что вернувшись отъ Лазаревича, показывалъ всеѣмъ драгоцѣнную, всю усыпанную брилліантами шапку, украденную изъ сокровищницъ Эмира Бухарскаго, пожалованную ему Реввоенсоветомъ Советской Республ.ки. Это была драгоцѣннѣйшая и рѣдкая вещь, какъ по своему качеству, такъ и по массѣ брилліантовъ, насаженихъ на золотомъ афесѣ, позлащенъ и чистатаго золота португесъ. Присутствующіе здѣсь коммунисты разсказывали, что при занятіи Бухары советскою властью, изъ хранилищъ Эмира Бухарскаго было привезено 7 вагоновъ золота и драгоцѣнностей, при чемъ и упомянутая шапка была въ этомъ числѣ.

При второй конной арміи была интернаціональная бригада, состоявшая полкадрово изъ всевозможныхъ національностей, коммунистовъ; тутъ были и венгры, и поляки, и персы, и кавкаскіе горцы, и китайцы и проч. Бригада эта участвовала въ насажденіи советской власти въ Бухарѣ и, конечно, въ грабежѣ, какъ имущество Эмира, такъ и его «буржуевъ». Почти у каждаго владѣльца этой бригады, помимо массы драгоцѣнностей, были шапки, подобныя этой. Немудруно, что до сихъ поръ существуютъ Туркестанскій фронтъ и тамъ идетъ борьба съ басмачами. Неблагодарные азіаты до сихъ поръ не могутъ понять прелеести коммунизма и забыть способы его насажденія.

Между прочимъ, эта бригада весной 1921 года была расформирована за неповиновеніе советской власти. Въ ней были слишкомъ явныя тенденціи къ переходу на сторону Махно, такъ какъ все попытки дисциплины, которую хотѣли въ нихъ ввести, казались ей чинамъ неприемлемыми, послѣ той распушенности, къ которой они поощрялись самой советскою властью въ Бухарѣ.

Въ тотъ же день я выѣхалъ изъ Александровскъ вмѣстѣ съ Каширинымъ въ его поѣздѣ и 1-го января 1921 г. былъ уже тамъ.

X.

Въ Александровскѣ стоялъ штабъ 42-ой дивизіи и штабъ 3-ей бригады этой дивизіи, части которой были разбросаны по окружающимъ городъ селамъ и деревнямъ, для непосредственной защиты города отъ бандитовъ. Въ штабѣ дивизіи я засталъ начдма Розена, который въ виду своей командировки въ академию генеральнаго штаба, сдавалъ дивизію вновь назначенному начдиву, Калмыкову, кавалеру ордена краснаго знамени, бывшему кадровому фельдфебелю 22-го сапер-

ного батальона, стоявшего до войны в Гельсингфорсе. Съ Розеномъ въ академическомъ училищѣ и пеллашскихъ штаба дивизій. Преемника ему не было назначено, и онъ считалъ временно возмѣстнику административнаго управления дивизіи.

Мнѣ впервые пришлось встрѣтиться со штабомъ дивизіи красныхъ, и я нашелъ здѣсь доминирующимъ буржуа. Во главѣ штаба дивизіи стояли бывшіе офицеры, бывшіе чѣмъ-то въ насъ недовѣрчивы и порочны, а такъ какъ въ Советской Россіи писарей нѣтъ, а вмѣсто нихъ есть писмоводители, т. е. тѣ же самые прежніе писарки, то, конечно, въ показанные равномъ, то дѣлопроизводство въ общемъ кое-какъ шло, но оно поражало, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ ихъ учрежденіяхъ, — дѣломъ перебитымъ, при полномъ отсутствіи бумаги, чернилъ и проч. писм. принадлежностей. Писали вѣвма: въ перепискѣ между собой состояли даже съ командой штаба. Впрочемъ, для переписки было нѣкоторое оправданіе: въ Советской Россіи на слово никому не вѣрять. Писали и пишутъ на чемъ угодно: на оберткахъ и почтовой бумагѣ, на старыхъ дѣлахъ, рѣзавировавшихся изъ дѣловыхъ деловыхъ, суровыхъ учреждений, банковъ, земскихъ управъ, полковъ, нѣхъ управленій. Получали иной разъ бумагу советскаго учреждения, а на другой сторонѣ ея означаются метрическое свидѣтельство какой-нибудь церкви.

Штабъ дивизіи я рѣшилъ инспектировать послѣ осмотра частей ея, но въ тождѣ концовъ мнѣ не пришлось сдѣлать этого, такъ какъ я заболѣлъ тифомъ. Въ штабѣ меня приняли очень любезно и съ нѣкоторымъ страхомъ. Какъ писали, и для нихъ въ данную минуту представлять особу, облеченную властью командующаго арміей, и при усердіи могъ въ строгомъ отношеніи подложить имъ вѣвма, но комиссара включительно, слышалъ. Вѣроятно, поэтому, мнѣ была оказана самая добродѣль штаба дивизіи у частныхъ жителей отличная комната, конечно, принудительно, а также и предложены столы въ штабѣ дивизіи. Такимъ же вниманіемъ и гостеприимствомъ, и, вѣроятно, по тѣмъ же причинамъ, я пользовался, какъ въ штабахъ бригадъ, такъ и въ полкахъ этой дивизіи.

Переписываясь въ отношеніи мнѣ командѣ, и въвхалъ рано утромъ 2-го января для инспектированія 3-й бригады. Хозяйка квартиры горько жаловалась мнѣ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1920 года она потеряла мужа, а въ ноябрѣ того же года сына, которые были убиты въ уѣздѣ неизвѣстно кѣмъ, по всей вѣроятности, крестьянами, за то, что они служили агентами по продовольственной развѣдкѣ. При этомъ добавила, что они не были коммунистами, а принуждены были служить по мобилизаціи продовольственныхъ работниковъ (была и такая мобилизація въ Советіи); убиты были звѣрскимъ образомъ: тѣла ихъ нашли за деревней со вѣвиротами животами, наполненными иппеніей, съ прикрепленной запиской, на которой значилось: «развѣтка выполнена». Тогда это были общій уѣздъ, съ ея, продрозвѣрты, а теперь — агентовъ, продрозвѣра, если они отлучились куда-нибудь безъ кошовъ.

Изъ вѣвиротъ братья ты дали мнѣ записку, и я отправился въ ея подвалъ. Въ три часа утромъ въ добродѣль, радости отъ города и вокругъ него. Они записка была разослана съ вѣвиротной службой, выставленіемъ постовъ и заставъ въ преддверіи, вѣвироты, вѣвироты мѣсяцахожденія бандитовъ и карательными агентами, вѣвироты, вѣвироты, а въ частности, и домовъ, въ вѣвироты эти бандиты. Вѣвиротными агентами записывались комиссары, съ вѣвиротными къ нему агентами агентамъ. Особого Отдѣла дивизіи, при чемъ нѣкакого судебнаго разбирательства и вѣвиротныхъ вѣвироты виновности судебнымъ сдѣланнымъ не было. Достаточно было лишь комиссары, или агенты Особого Отдѣла подозревали крестьянина не только въ томъ, что онъ, или кто-либо изъ его членовъ семьи, былъ бандитомъ, но такъ и вѣвироты по слухамъ, переполняли бандиты, чтобы такой былъ развѣрженъ, вѣвироты въ комиссаромъ или агентами. Все это, конечно, сильно волновало крестьянъ, вѣвироты странную ненависть къ красной арміи, но подѣлать они ничего не могли, вѣвироты они были уже аннуваны.

Общее впечатление от полков составилось очень печальное. В это время шла демобилизация старой армии — увольняли старшие звания службы — и, по этому, число пленных из полков колебалось от семи тысяч до ста пятидесяти. Пулеметных команд в полках было от одной до трех, а численность пулеметов в команд — от двух до восьми (штат — восемь), так как в недавних боях с Махно пулеметы были им отбиты. Пулеметы были на тачках. Оружие было в совершенно негодном виде: заржавленное, с поломанными прицѣлами и мушками и, как общее правило, без штыков; красноармейцы их не любят носить и, как лишнюю тяжесть, обыкновенно бросают. Оружие было старой Императорской армии еще Германской войны, но между ними попадались винтовки Тульского завода, изготовленны 1920 года. На эти винтовки особенно жаловался командный состав, так как он был крайне грубо и небрежно изготовлен, и послѣ 20—30 выстрѣлов затвор давал отказ, так как соединительныя планки затвора, вследствие отсутствия стали, дѣлались из жѣсткого и от выстрѣлов гнулись. Винтовки, очевидно, никогда не смазывались и не протирались. Конечно, этому находили оправданія — отсутствие смазочнаго полусала, которого, дѣйствительно, не было и в поминѣ, но, тѣм не менее, не было и никакого ухода за винтовкой. При осмотрѣ полка, введеннаго на инспекторскій смотръ, в строю попадались сплошь и рядомъ красноармейцы, у которыхъ были заряжены винтовки, в оправданіе чего они говорили, что вчера сѣмьились с караула. Значитъ, требуемаго установленнаго ухода, послѣ караула, не производилось, а уставы в красной армии остались прежніе. Люди, несмотря на команду «мирно, равненіе на право», когда в то же время командиръ подходилъ ко мнѣ с рапортомъ, разговаривали между собой, подырали на мѣстѣ от холода, а по мѣстѣ прохожденія мною роты, солдаты были всѣмъ голосомъ желанія отпуска по домамъ. Конечно, люди были не стриженные, съ громадными волосами, о недопустимости чего неоднократно отдавались приказы по армии и фронту, в оборванной одеждѣ и въ рваныхъ сапогахъ или башмакахъ. Понятія объ установлѣннѣмъ прицѣлѣ не имѣли никакого, но размыканіе вѣдѣнья и перебѣжку при наступленіи знали.

Командный составъ представлялъ совершенно неинтересный, в военномъ дѣлѣ, элементъ, по сравненію съ тѣмъ, къ чему я привыкъ в старой армии. За исключеніемъ командировъ полковъ, между которыми только одинъ былъ изъ фельдфебелей, командный составъ отъ батальоновъ до ротныхъ командировъ былъ преимущественно изъ бывшихъ унтеръ-офицеровъ старой армии. Командиры полковъ говорили мнѣ, что и это уже очень хорошо, так как теперь появляются новые красные командиры, которые равно куда не годятся. Недостатокъ на этихъ должностяхъ прежнихъ офицеровъ они объясняли громадной убылью, попавшей в лѣтнихъ бояхъ с арміей генерала Врангеля и тифозными эпидеміями. Интереснѣе всего, что съ ними предпринималось вести тактическія занятія по образцу и примѣрамъ старой армии; но какимъ же могъ быть руководителемъ этихъ занятій командиръ полка, в большинствѣ случаевъ, прапорщикъ производства временъ Керенскаго.

Конскій составъ былъ малочисленъ: на полкъ — отъ 80 до 120 лошадей, в томъ числѣ обозныя, команды конныхъ развѣдчиковъ и пулеметная. Обоза, в полномъ смыслѣ этого слова, не было, а все имущество перевозилось, какъ я выше говорилъ, на принудительно согнанныхъ для этого крестьянскихъ подводахъ; в случаѣ же внезапнаго отступленія или вѣрнѣе говоря, бѣгства, все бросалось и попадало в руки бандитовъ, вследствие чего, никакого имущества в полкахъ и не было. Конскій составъ былъ крайне изнуренъ, вследствие безкормицы и плохого ухода. Лошади были покрыты сплошной чесоткой, которую лѣчить было нечѣмъ, некому и негдѣ, так как лѣченіе этой болѣзни требуетъ медикаментовъ и теплыхъ коношенъ.

Въ Совѣщеніи распространено мнѣніе, что чесотку занесли в Россію японцы при оккупации Украины, так какъ у нихъ в то время были сильно истощенныя

отъ. Условною дошадь. Можетъ быть, это и такъ, но я думаю, что главную роль здесь сыграло отсутствие ухода за лошадью, который сразу же прекратился еще въ старой арміи, вмѣстѣ съ возмѣщенной Керенскимъ декларацией правъ самого свободнаго въ мірѣ общества. Во всякомъ случаѣ это — въ настоящее время громадное бѣдствіе для Россіи, такъ какъ, вызывая сильный недостатокъ коннаго состава въ арміи, чему и лично былъ свидѣтелемъ, зараза эта быстро распространяется и между крестьянскими лошадьми, а дѣлать ихъ нельзя, и конский составъ государства идетъ на убыль даже въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ онъ достаточно обезпеченъ фуражомъ, какъ, напримеръ, въ Западномъ краѣ.

Учебныхъ занятій съ людьми, конечно, не производилось, но за то ежедневно они собирались приучительно на такъ называемые «митинги», на которыхъ коммунисты поощряли культивировавшаго истинно вѣнчали въ головы трансформировавшихся простоты коммунистическаго строя и разжигали ненависть къ буржуазии. Обыкновенно выкатъ, пробный на этихъ митингахъ около получаса, красноармейцы понемногу расходились, и ораторы оставались одиночными, но въостѣдствіи комиссары полка приказывали ставить часовыхъ къ выходу изъ помѣщенія, и такимъ образомъ, аудитория оставалась почти до самаго конца.

Покончивъ съ осмотромъ полковъ 3-й бригады, я направился въ расположеніе 2-й бригады, полки которой были расположены по лѣвому берегу рѣки Днѣпра, вверхъ по теченію отъ г. Александровска до порога «Ненашицець».

Здѣсь также полки заняты были несеніемъ сторожевой службы противъ бѣгства, выкапываніи сторожевое охраненіе по берегу рѣки Днѣпра. Численность полковъ была та же самая, что и въ третьей бригадѣ, и въ томъ же состояніи было и вооруженіе, снаряженіе и обмундированіе людей. Полки были расположены въ тѣхъ же болотныхъ селахъ, конечно, на полномъ наживеніи крестьянъ. Видно было, что это не особенно имъ нравилось, такъ какъ приходилось платить дань, приходившее къ концу, но развѣ на нихъ неудовольствие обращать кто-нибудь вниманіе?

Здѣсь вѣдѣть были видны слѣды только что минувшей гражданской войны: разоренныя и сожженные усадьбы, а у громаднаго села Паско-Кичкасъ, гдѣ дѣлалъ роковой путь, пересѣкалъ рѣку Днѣпръ, вѣдѣть обоими концами въ воду до Александровска мостъ, взорванный большевиками при отступленіи ихъ изъ города Александровска въ томъ, 1920 году, подъ патронатомъ войскъ генерала Гусенкова. Мостъ этотъ, по разсказамъ жителей, представлялъ мировую достопримечательность: мостовой архитектурой, такъ какъ онъ былъ построенъ безъ балокъ. Здѣсь, Днѣпръ, проходилъ каменную гряду, идущую между громадной массой обѣдѣнными скалами; и вода, черная, эти скалы были переброшены ажурной дѣлать дѣланный мостъ, казавшіеся вѣчными на виду. Подъ нимъ совершенно свободно проходили громадные пароходы, такъ какъ высота обѣихъ береговъ допускала возможность выстроити мостъ безъ разводной части.

Все это представляло вѣдѣльную картину разрушенія и не давало никакой надежды возстановити этотъ мостъ средствами Советской Республики.

Изъ этого, такъ была довольно суровая зима, и знаменитый порогъ «Ненашицець» замерзъ. Все было тихо кругомъ, тогда какъ выше въ тѣхъ же зимахъ рѣки «Ненашицець» были опасенъ за десятка порогъ, какъ говорили жители.

Осмотрѣвъ въ медіаре дни осмотра, 2-ой бригады, я направился въ городъ Александровскъ, отсюда на другой день выѣхать въ городъ Орѣховъ, гдѣ была расположена штабъ 1-ой бригады 12-ой дивизіи, а полки ее разбросаны по окрестностямъ, селамъ и деревнямъ.

Орѣховъ, находившійся въ 60 верстахъ отъ г. Александровска; къ нему ведетъ хорошая железная дорога. Это было центральное мѣсто лѣвобережныхъ войскъ съ центральными штабъ. Вокругъ мѣстечка лѣвобережная группа, видны были историческія каменные стены и башни отъ стариннаго. Въ 10 верстахъ отъ г. Орѣ-

хова находится громадное село Иеребечи, 15 верст длиною; въ немъ уже находился штабъ 42-ой дивизіи, перешедшій сюда изъ города Александровска.

Приѣхавъ 3-го января 1921 года въ г. Орѣховъ, я на другой день выѣхалъ въ село Малую Токмачку, расположенное въ 7 верстахъ къ югу отъ Орѣхова, для осмотра расположеннаго тамъ полка первой бригады. Это — огромное село въ 8 верстъ длины, съ нѣсколькими улицами и тремя каменными церквями. Осмотрѣвъ расположенный здѣсь полкъ, который не отличался ничѣмъ отъ другихъ полковъ дивизіи, я остался здѣсь встрѣтить Рождество, помѣтившись у командира полка, который былъ произведенъ въ офицеры во время Германской войны изъ старыхъ фельдфебелей и въ настоящее время былъ — коммунистомъ. Однако, коммунизмъ не мѣшалъ ему долго молиться утромъ и вечеромъ передъ иконами въ красномъ углу хаты и ити вмѣстѣ со мной въ день праздника Рождества къ обѣднѣ въ церковь. Церковь была настолько переполнена народомъ, что мы съ большимъ трудомъ попали лишь въ притворъ ея. Между богомольцами видѣлись и красноармейцы. Насколько я могъ замѣтить, крестьяне этого села относились къ красноармейцамъ и ихъ начальникамъ, если не враждебно, то во всякомъ случаѣ сдержанно и никакихъ симпатій не проявляли. Причиной этому были, повидимому, слухи о подвигахъ бандъ Махно, которымъ сочувствовало крестьянство, и, кромѣ того, недовольство большечисленными войсками за постои, реквизиціи хлѣба и фуража и подводную повинность, изъ которой особенно крестьянство жаловалось.

На третій день праздника, 8-го января, я выѣхалъ обратно, рано утромъ въ г. Орѣховъ, осмотрѣвъ тамъ другой полкъ этой бригады и утромъ 9-го января выѣхалъ въ село «Новоиколаевское», расположенное въ 60 верстахъ отъ г. Орѣхова и въ 12 верстахъ не доѣзжая до г. Гуляй-Поле, гдѣ въ это время находилась резиденція Махно. Когда я вечеромъ накануне отъѣзда прощался съ командиромъ полка, у котораго я просилъ лошадей для переѣзда, онъ мнѣ сказалъ, что мы завтра еще увидимся, такъ какъ онъ будетъ лично провожать меня. Я поспѣшилъ отклонить эти проводы, находя это лишнимъ, но онъ категорически мнѣ заявилъ, что онъ сдѣлаетъ это, такъ какъ ему лично нужно осмотрѣть тотъ конвой, который будетъ меня сопровождать. Упоминаніе о конвое меня удивило, и я поспѣшилъ отъ него отказаться, но командиръ полка заявилъ мнѣ, что отпустить безъ конвоя онъ меня ни въ коемъ случаѣ не можетъ, такъ какъ получилъ на это приказаніе отъ начальника дивизіи, и что вообще ѣхать одному небезопасно, такъ какъ дорога идетъ глухой стѣнью по разореннымъ еще въ 1918 г. до основанія хуторамъ и нѣмецкимъ колоніямъ, въ которыхъ теперь устраиваютъ засады бандиты Махно, и что ежедневно приходятъ донесенія о нападеніяхъ на одиночно слѣдующихъ людей, принадлежащихъ къ составу красной арміи.

Въ семь часовъ утра 9-го января я тронулся на рессорной тачанкѣ въ Новоиколаевку, сопровождаемый другой тачанкой, на которой находился пулеметъ и 4 номера, и, кромѣ того, окруженный 20 всадниками съ винтовками за плечами. Переѣздъ былъ совершенно благополучно, никакихъ бандитовъ я не видѣлъ, но за то меня поразила разоренность этой мѣстности. Пришлось пробѣжать много хуторовъ и нѣмецкихъ колоній, въ которыхъ не видно было ни одной живой души; вездѣ были только одніе развалины, слѣды пожарницъ и валились обломанныя части земледѣльческихъ машинъ и локомотивовъ для паровыхъ молотилокъ и вѣялокъ. Стѣнь лежала кругомъ заброшенная, не всаханная, заросшая бурьяномъ и ковылемъ. А вѣдь еще недавно это были житницы, поставлявшія пшеницу за границу. Немудрено, что теперь въ Александровскомъ и Меднопольскомъ уѣздахъ распространено голодѣство.

Приѣхавъ въ село Новоиколаевское въ тотъ же день поздно вечеромъ, я помѣстился въ отведенной мнѣ командиромъ полка комнатѣ въ семействѣ бывшаго сельскаго торговца, жившаго когда-то зажиточно, а теперь зачисленнаго въ разрядъ буржуевъ, и поэтому обобраннаго Советской властью. Семья эта со-

стоила из самого ходивина, старика 70 лет, его жены, больной старухи и четырех взрослых методичко-свиновых, старший из которых был уже вдов, а двое его детей были на попечении больной старухи. Всё они видимо переболелись с хабба на вывоз и изгнаны меня, хотя и любезно, но сдержанно.

[illegible]

статочное количество одеял для теплоты. Оставаться же при полку онъ считаетъ настолько опаснымъ, что если бы онъ самъ имѣлъ возможность уѣхать отсюда, то немедленно бы это сдѣлалъ. Миѣ, конечно, осталось только поблагодарить его за любезное ко миѣ отношеніе и исполнить его совѣтъ. Тотчасъ же и простился со своими милыми хозяевами, горячо поблагодарилъ ихъ за любовное ко миѣ отношеніе и питание, такъ какъ они все время меня и кормили, главнымъ образомъ, молокомъ, которое миѣ такъ было необходимо; сѣлъ въ карету, запряженную четверкой крестьянскихъ лошадей и отправился съ санитаромъ въ путь — дорогу. Ко миѣ въ карету докторъ посадилъ еще одного красноармейца, у котораго былъ возвратный тифъ, направляя его въ тотъ же госпиталь, куда ѣхалъ и я. Конвоя на этотъ разъ со мной уже никакого не было, за малочисленностью людей въ полку.

Переѣздъ былъ совершенно относительно благополучно, въ смыслѣ встрѣчи съ бандитами, но не доѣзжая 8 верстъ до Орѣхова, сломалась задняя ось кареты, и мы очутились въ совершенно безпомощномъ состояніи среди голой степи. Не было ни дерева, ни топора, ни веревокъ, которыми можно было бы кое-какъ исправить ось и добраться до Орѣхова. Наступала ночь, мы были совершенно безпомощны, дулъ сильный морозный вѣтеръ, а у моего компаньона красноармейца начался приступъ тифа. Онъ былъ весь въ поту, и я, опасаясь, что онъ простудится, укрылъ его всѣми имѣющимися одеялами, оставшись самъ въ одной шинели. Становилось холодно, темно и помысли лѣзть откуда нибудь на приходилось. Проходившій встрѣчный обозъ красноармейцевъ продовольственного транспорта, на наши просьбы довести насъ въ Орѣховъ, отказался это сдѣлать. Надо было выходить изъ создавшагося положенія. Кромѣ насъ, двухъ больныхъ, съ нами находился санитаръ и два хохла-крестьянина, владѣльцы лошадей. Я приказалъ отпрячь двухъ лошадей и ѣхать въ г. Орѣховъ санитару и возницѣ крестьянину, гдѣ обратиться въ Пискомомъ съ требованіемъ дать подводу для перевозки насъ, а также добыть топоръ, веревки и жердь для исправленія оси кареты. Санитаръ и хохоль взгромоздились верхомъ на лошадей и скрылись въ темнотѣ. Мы остались съ другимъ хохломъ, который отъ холода забрался къ намъ внутрь кареты.

Холодный степной вѣтеръ сильно знобилъ насъ, а красноармеецъ бился въ припадкѣ тифа. Хохоль послѣ долгаго молчанія проговорилъ:

«Да, вотъ гдѣ сидятъ у насъ большевики», указывая на шею. «Вотъ вы приходите къ намъ въ деревню, становитесь къ намъ на квартиры, берете у насъ послѣдній хлѣбъ, овесъ, сѣно, гоняете насъ въ подводы, и мы ничего на это сказать не въ силахъ. Вы уходите, завтра приходятъ банды Махно, дѣлаютъ то же самое, и мы и имъ ничего не можемъ сказать. Они уходятъ, приходите опять вы и говорите, что мы даемъ пріютъ бандитамъ, и начинается за это расправа. Мѣсяцъ тому назадъ у насъ въ деревнѣ ваша Чека разстрѣляла за такое гостепримство 34 человѣка, въ томъ числѣ моего отца, которому было 70 лѣтъ. Скажите, пожалуйста, можемъ ли мы любить и уважать совѣтскую власть?»

Все это было сказано съ такой злобой и ненавистью къ намъ, такъ какъ въ глазахъ его мы были тѣ же большевики, что я ожидалъ, что онъ возьметъ шкворень, который тутъ же валялся, прикончить меня и красноармейца и, пользуясь темнотой, уѣдетъ въ степь. Къ счастью нашему, онъ или не догадался, или не хотѣлъ этого сдѣлать. Я не пытался его убѣждать въ томъ, что я не причастенъ къ этому дѣлу, что я не принадлежу къ большевикамъ, такъ какъ считалъ это излишнимъ, ибо не надѣялся, что онъ миѣ повѣритъ. Становилось все холоднѣе и холоднѣе; у тифознаго красноармейца припадокъ кончился, и я обращалъ все свое вниманіе на то, чтобы онъ не простудился, стараясь закутать его одеялами отъ вѣтра. Наконецъ, часа черезъ четыре, послѣ того, какъ посланные въ Орѣховъ скрылись изъ нашихъ глазъ, послышался шумъ колесъ тележки и топотъ лошадей. Черезъ нѣсколько минутъ подъѣхала къ намъ тележка въ сопровожденіи верховыхъ: санитаръ и хохла-возницы. Привезли веревки и жердь. Санитаръ

и, наконец, что они просили, только въ Иерусаломѣ подводу, въ которой ему тамъ отказали, и наконецъ послѣ того, какъ пригрозилъ отправиться съ жалобой на него къ коменданту, получить просимое. Я, видя, что тифозному красноармейцу немалымъ было ѣхать въ открытой телѣгѣ по степи при холодномъ вѣтрѣ, приказалъ перенести его въ телѣгу, а подъ ось повелѣи повести жердь, впрячь лошадей въ карету и, оставивъ въ каретѣ красноармейца, везти его въ Орѣховъ.

Такимъ образомъ въ первомъ часу ночи мы прибыли въ Орѣховъ, гдѣ послѣ долгихъ поисковъ госпиталя нашли его помѣщеннымъ въ зданіи бывшаго земельнаго банка. Однако, въ госпиталь этотъ не хотѣли впускать, говорили, что мѣсть мѣстая, и предлагали намъ ѣхать куда, откуда мы прибыли. Пришлось зайти въ школу, въ которой обѣднались делурная сестра, фельдшера и, наконецъ, главный врачъ госпиталя. На его вопросъ, почему здѣсь такой шумъ, я объяснить, что потому, что насъ тифозныхъ больныхъ не впускаютъ въ госпиталь. Главный врачъ тоже было заявилъ, что мѣсть нѣтъ, но когда я на это предъявилъ свой мандатъ помощника инспектора пѣхоты 4-й арміи, которому поручено произвести инспекторскій смотръ 42-й дивизіи и веѣмъ ея тифозными, въ томъ, числѣ и санитарнымъ, то получились большой конфузъ: мѣсто для меня и красноармейца моментально нашлось и даже, несмотря на позднюю часъ времени, намъ было предложено ужинать. Помня, что я былъ, конечно, вмѣстѣ со веѣмъ красноармейцами, такъ какъ у большевиковъ для компаніоннаго сестричка обѣднанныхъ помѣщеній нѣтъ. Мой красноармеецъ былъ ко мнѣ привязанъ за то, что я позаботился о немъ, когда съ нимъ было припадокъ въ степи, что непременно требовалъ, чтобы его койка стояла рядомъ съ моею, чего онъ и добился, и веѣмъ рекомендовать ко моему уходу за нимъ.

Узнавъ въ госпиталь, мнѣ пришлось близко познакомиться съ состояніемъ этой части части большевистской арміи и лично испытать всѣ лишения и невзгоды, которая перенесли красноармейцы, имѣвшие несчастье попасть въ тифозное поселеніе. Могу съ удивленіемъ сказать, что мнѣ посещавшіеся, что я, добывая тифомъ въ Полоцкозавскѣ, не былъ отправленъ въ госпиталь за дальностью разстоянія и остался лежать на частной квартирѣ, гдѣ у меня, хороніи уходъ и лечение, такъ какъ въ противномъ случаѣ я, по всей вѣроятности, отправился бы уже къ праотцамъ.

Госпиталь былъ расположенъ въ помѣщеніи земельного банка и комплектовался исключительно тифозными больными. Въ небольшой залѣ помѣщались боленныя безармейскими тифомъ, число которыхъ доходило въ этой палатѣ до 30-40 человекъ, удивленіе было такое, что въ двухъ единичныхъ койкахъ помѣщались трое. Рядомъ съ этой палатою находился другая, ходъ въ которую шелъ черезъ кухню, при чемъ дверей даже не было. Въ этой палатѣ лежало около 30 больныхъ естественнымъ тифомъ. Помимо переноса заразы естественнаго тифа въ больницы естественнымъ тифомъ и обратно естественнымъ и санитарнымъ, которая была весьма, была громадная опасность заражаться переносающими насекомыми, уже залѣ, комнаты были ими буквально покрыты, и избавиться отъ нихъ не было никакой возможности, да и персоналомъ госпиталя къ этому даже никогда не думали и не дѣлалось. Впрочемъ, едва ли они что либо и могли бы сделать. Былъ, на примѣръ, ужалъ, что больнымъ тифомъ записка не дѣлались въ отсутствіи, а только по я, ибо записка въ г. Орѣховѣ не было, и темъ же тифомъ болѣвшихъ приходило 10 градусомъ. Прѣхавъ въ госпиталь, въ Орѣховѣ еще въ вѣтрѣ или банѣ, попросилъ на другой день сдѣлать мнѣ баню въ банномъ, получить отказъ за отсутствіемъ горючей воды, хотя и былъ въ банномъ банномъ горячей. Черезъ тифозную часть послѣ этого мнѣ пришлось познакомиться со естественнымъ тифомъ и, такъ какъ еще у меня было очень гриппозное, то я естественнымъ тифомъ и въ г. Орѣховѣ, по банѣ, естественнымъ своимъ, что было въ банѣ, конечно, не было мнѣ.

«Товарищ инспекторъ, что вы дѣлаете? Посмотрите, вѣдь на бѣльѣ ползаютъ вши: лучше уже оставайтесь въ своемъ, а то снова заболѣете уже сыпнымъ тифомъ».

И дѣйствительно, когда я разсмотрѣлъ бѣлье болѣе внимательно, то на немъ оказалась такая масса вшей, что я отъ смѣны отказался. Оказывается, за неимѣніемъ горячей воды и мыла, бѣлье, снятое съ больныхъ, стирали только въ холодной водѣ, сушили и вновь выдавали въ носку. Немудрено, что въ госпиталѣ были одновременно больные сыпнымъ и возвратнымъ тифомъ.

Въ госпиталѣ былъ главный врачъ, который, какъ и полагается вообще главному врачу, былъ занятъ канцеляріей госпиталя и отчетностью, предсѣдательствомъ въ комиссіяхъ по освидѣтельствованію выздоравливающихъ и т. п. и поэтому появлялся одинъ разъ въ день въ палатѣ, проходя ее, какъ можно скорѣй. Кромѣ него, были два врача-ординатора — двѣ еврейки, мобилизованныя совѣтской властью: одна постарше, окончившая курсъ медицинского факультета еще до Германской войны, знающая свое дѣло и пользовавшаяся поэтому довѣріемъ и уваженіемъ среди больныхъ. Она заведывала отдѣленіемъ сыпного тифа. Другая только что окончила медицинскій факультетъ Кіевского университета и поэтому не пользовалась никакимъ довѣріемъ у больныхъ и фельдшеровъ старой школы. Постѣдніе называли ее совѣтскимъ выкидышемъ». Обѣ онѣ были очень милыя, заботливыя и внимательныя по отношенію къ больнымъ, но что онѣ могли подѣлать, когда не было лѣкарствъ, медикаментовъ, ни сносныхъ условий для ухода за больными, а главнымъ образомъ казифора для вырискиванія при приступахъ тифа, для поддержания дѣятельности сердца. Кормили въ госпиталѣ довольно хорошо. Дѣло въ томъ, что по окрестнымъ селамъ и деревнямъ въ это время производилась продовольственная разверстка и, благодаря этому, больныхъ кормили куринымъ супомъ, яйцами и бѣлымъ хлѣбомъ. Не было только чаю, а давали вмѣсто него суррогатъ: жженую морковь и 8 золотниковъ сахарнаго песку, чего, конечно, было очень мало.

Очень плохо обстояло въ Орѣховѣ дѣло съ топливомъ, что сильно отражалось на госпиталѣ. Орѣховъ городъ степной, и лѣса въ окрестностяхъ нигдѣ нѣтъ. Въ прежнее время весь этотъ край снабжался каменнымъ углемъ Донецкаго бассейна. Теперь обѣ углѣ ничего было и думать. Крестьяне еще кое-какъ вышли изъ положенія, отапливая свои хаты соломой и кизяками, но положение горожанъ было ужасно. Всѣ деревянныя постройки и заборы въ городѣ были уже сожжены. Городской садъ около собора и громадная тополевая аллея, по которой я въ началѣ января этого года ѣхалъ, теперь была вырублена, и отъ нея, равно какъ и отъ сада, остались только маленькіе пни. Все это сдѣлала военная власть для своихъ нуждъ, жителямъ же было предоставлено право замерзать въ своихъ квартирахъ. Въ 20-хъ числахъ февраля здѣсь выналъ снѣгъ и продержался при 15 градусахъ мороза съ сильнымъ холоднымъ вѣтромъ до 1-го марта. Это были ужасные дни для здѣшняго населенія и красноармейцевъ. Въ это же время окончательно истощилось всякое топливо въ г. Орѣховѣ. Городская водокачка прекратила свою дѣятельность за отсутствіемъ топлива. Бросились къ частнымъ колодцамъ, ихъ въ городѣ было немного и они скоро были вычерпаны. Благодаря этому мы, больные, три дня сидѣли совершенно безъ воды, не только горячей, но и холодной. Наконецъ «въ порядкѣ боевого задания» властнымъ исполнителямъ приказано было за свой страхъ и рискъ путемъ реквизицій у крестьянъ доставить въ городъ для нуждъ водокачки солому и кизякъ, и она стала вновь функционировать.

Лежа въ госпиталѣ, мы, больные, два раза подвергались опасности попасть въ руки Махно, такъ какъ его банды въ это время находились въ 4-хъ верстахъ всего отъ города и произвели смѣлнй налетъ на штабъ 2-й бригады 12-й дивизіи, расположенный въ сѣвѣдней деревнѣ, гдѣ они разгромили весь штабъ, убивъ въ числѣ 19 человѣкъ команднаго состава и комиссаровъ, при чемъ

сначала только командирь бригады Гринбергер, бывший штабс-капитан, затем еще 4 коммуниста.

Въ г. Орѣховѣ былъ расположенъ только штабъ 1-й бригады со своими уѣздами, но безъ какихъ-либо прикрытій. Когда сюда дошелъ духъ о разгромѣ 2-й бригады, то дѣло поднялась невѣроятная паника: всѣ, кто могъ, старались бѣжать и горожанамъ въ бѣгству; нами же, бойцами, было объявлено, что въ нашемъ перевозочныхъ средствъ насъ оставляютъ въ госпиталѣ, а добрый персоналъ долженъ былъ идти пѣшкомъ. Надо правду сказать, что мы пережили въ эту ночь очень непріятныя минуты, такъ какъ по нашему уже примѣрамъ мы знали, что отъ Махно намъ понада ждать не приходится. Къ нашему счастью банда ограничилась вышеописаннымъ разгромомъ и куда-то исчезла. Жертвы этого погрома были торжественно похоронены на сѣвернѣй площади въ селѣ Жеребцы; могилы ихъ я впоследствии видѣлъ, проѣзжая черезъ это село.

Примерно в Орхово, въ Воспиталь, я уже сталъ неправильнѣе отъ тифа; началъ симулюбационный періодъ въ 14 дней, и возвраты тифа болѣе не повторились, но я былъ очень слабъ и не могъ встать съ постели безъ посторонней помощи. Въ это время у меня начались осложненія послѣ тифа, при чемъ сначала въ слухъ, въ оба уха. Наши ординаторы обвиняли меня въ сифилитъ госпиталь къ врачу-специалисту по ушнымъ болѣзнямъ, который нашелъ, что у меня это произошло отъ сифилитическаго мастоидита и что это довольно со временемъ пройдет. И действительно, черезъ несколько времени ко мнѣ вернулся слухъ. Но за то принялъ другой бѣды: какъ послѣдствіе возвратнаго тифа, у меня образовались воспаленіе роговицы и ободочнаго слоя глаза, а затѣмъ и слѣпоты. Когда уже, что и сказать, закончилось это припадочное сифилитическое болѣзнь слуха, особенно по ночамъ. Наши ординаторы не могли опредѣлить эту болѣзнь, а также и лѣчить ее; врача окулиста въ г. Орхово не было, и они чистосердечно мнѣ признавались, что болѣзнь глаза они не лѣчатъ и что для этого мнѣ надо сѣлаться въ городъ Александровскъ, гдѣ по всей вѣроятности есть специалистъ по глазнымъ болѣзнямъ; иначе болѣзнь можетъ осложниться.

Переезд в город Александровск меня несколько страшил: выпал снег, установился санный путь, морозы доходили до 15 градусов сь холодами. Морозы, а еще было очень слабо, и прощались во всем, у меня, кроме шинели, никакой верхней одежды больше не было. Путь до г. Александровска шел около 70 верст, а везли через Терек, коло Жеребцов, из которого стояла река. Тут жилили. Кроме того, меня еще заболела простуда и переносивший. До штаба дивизии мне обещали дать лошадь из госпиталя, а дальнейшее путешествие до штаба Жеребцов до г. Александровска надо было совершить уже на своих ногах. Решили штаб дивизии, 26 февраля и выехали из с. Жеребцов. До г. Александровска меня сопровождали очень радушно и заботились, что из Александровска как чужаков: застрелили пехоты спрашивают, обо мне и что имел, спрашивали, что хотел. Было мое беспопечное состояние, мне дали солдатку, которая была из Александровска, она сопровождала меня из г. Александровска, а в Александровске меня надо было носить под руку, а на другом конце дали офицера, который сопровождал, во всем, обещали, и я их сопровождал, красиво

Где-то в глубине души, в ч. Александровской. На последние пути мы за-
стали в лагере, дожили до штабного дозора. Утром меня
Мурман, которого, которые еще в лагере и лагере, миссия
была. Но, за последние время у меня были проблемы в лагере, так
как в лагере были проблемы, так, кормить в лагере, прохождение, содержание

Многие из нас, участвующих в работе, с удивлением обнаружили, что в процессе работы в группе, особенно на более ранних этапах, мы не можем договориться о том, что же такое «культура». Мы не можем прийти к единому мнению, что же такое культура. Мы не можем прийти к единому мнению, что же такое культура. Мы не можем прийти к единому мнению, что же такое культура.

мнѣ отъ 10 до 30 человѣкъ, при чемъ, конечно, пища состояла изъ ветчины, колбасъ и сала, которыми всегда были такъ богаты колонисты, заготовлявая ихъ осенью въ прокъ на цѣлый годъ. Теперь, конечно, всѣ запасы были съѣдены, хлѣбъ и картофель также, и колонисты обрекались на голодное существованіе. Чуждые лошади колонистовъ были забраны конницей Буденнаго, а скотъ зарѣзанъ на мясо. На дворѣ стояли сломанные локомобили, паровыя молотилки и вѣялки, и пастежъ были раскрыты пустые конюшни и хлѣва. Колонисты, какъ бы окаменѣли отъ горя, и отъ нихъ не было слышно ни жалобъ, ни сожалѣній о блголомъ богатствѣ. Жутко было смотрѣть на нихъ, думая, что эти люди обречены на голодную смерть, а теперь, когда я читаю сообщенія о голодѣ въ Александровскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ, то мнѣ всегда приходится въ голову эти несчастные страдалцы.

XI.

Въ городѣ Александровскѣ еще находился штабъ 3-й бригады 42-й дивизіи, куда я и явился. Здѣсь мнѣ распоряженіемъ штаба отвели комнату въ семьѣ рабочаго металлургическаго завода, бывшаго Бодянскаго, а на другой день я съ помощью моего новаго вѣстового Тишкова разыскалъ врача окулиста, который опредѣлилъ родъ болѣзни моихъ глазъ и сказалъ, что слѣпота моя носитъ затяжной характеръ, но тѣмъ не менѣе есть надежда, что зрѣніе у меня возобновится, на что у него уже есть прецедентъ, такъ какъ въ нынѣшнемъ году особенно много случаевъ осложненій послѣ возвратнаго тифа, именно въ болѣзняхъ глазъ, но до сихъ поръ почти всѣ его пациенты выздоравливали. Утѣшилъ онъ меня еще и тѣмъ, что я долженъ быть благодаренъ судьбѣ за то, что осложненіе вышло у меня именно въ военное время радужной оболочки глаза, а не гангренѣ ногъ или рукъ, какъ это имѣло мѣсто при эпидеміи прошлаго года. Для лѣченія мнѣ надо было приходить къ нему ежедневно два раза въ 10 утра и въ 5 часовъ вечера, когда онъ мнѣ всыпалъ дозы атропина въ глаза, чтобы не заросъ зрачокъ, и кромѣ того, прописалъ пріемъ ежедневно по три порошка аспирина. Въ случаѣ же сильной боли - рѣзан. надо было дѣлать горячіе компрессы на глаза, что дѣйствительно черезъ полчаса успокаивало боль. Но все-таки я терпѣлъ сильныя мученія, такъ какъ эта страшная боль, о которой меня предупредилъ врачъ, начиналась обыкновенно часа въ три ночи и, такъ какъ въ это время нельзя было достать киятку, ибо не будить же было изъ-за этого моихъ хозяевъ, чтобы ставить самоваръ, тѣмъ болѣе, что вопросъ съ углемъ стоялъ очень остро, то мнѣ приходилось переносить невѣроятныя мученія до 7 часовъ утра, когда подымались мои хозяева. Такъ какъ я ровно ничего не видѣлъ, то къ врачу меня водилъ подъ руку Тишковъ, при чемъ и здѣсь не обошлось безъ приключеній: въ то время, когда мы переходили улицу, на насъ налетѣлъ неожиданный въскочившій изъ-за угла парный извозчикъ и, несмотря на крики Тишкова, чтобы онъ ѣхалъ тише, наскочилъ на насъ, и я попалъ подъ лошадей. Мнѣ повезло, такъ-то ухватиться рукой за дышло; я пошелъ на немъ: лошади остановились, и меня сбжавшійся пародъ сдѣлалъ дышло. Извозчикъ, хотя и былъ самъ во всемъ виноватъ, началъ ругать меня и Тишкова, тогда возмущенная этимъ публика, видѣвшая все это происшествіе, уговорила меня ѣхать на этомъ же извозникѣ въ милицію и подать заявленіе о неосторожной ѣздѣ извозчика, при чемъ вызвались ѣхать со мной въ качествѣ свидѣтелей. Пришлось исполнить ихъ желаніе, и вотъ я, Тишковъ и три свидѣтеля, уѣхавшіе въ экипажѣ, отправились въ милицію. Извозчикъ все время насъ ругательски поносилъ и ухитрился, что намъ придется отсидѣть въ холодной. Въ милиціи насъ встрѣтили довольно холодно и не хотѣли принять моего заявленія, но когда я потребовалъ свиданія съ начальникомъ милиціи и разсказалъ ему о происшедшемъ, предъявивъ свой мандатъ,

и в то же время и вхожу в войска 1-й армии, то извозчикъ былъ въ большому удовольствіи, онъ сдѣлалъ поспѣшно, же арестованъ и тутъ же приговоренъ начальникомъ милиціи къ вывозу навоза съ городской площади въ теченіе мѣсяца безъ денегъ. Были эти времена. Слѣдствіи мои были очень довольны этимъ распоряженіемъ, до того, были в начальнику милиціи, который сказалъ: «Некому возить накопившіеся за зиму навозъ съ улицъ».

Въ г. Александровскѣ, такимъ образомъ, мнѣ пришлось пробыть съ 28-го февраля по 30 марта, три дня, это время я излѣлъ исключительно въ рабочемъ средѣ. Къ моему хозяину, который прежде работалъ литейщикомъ на заводѣ Бодянского, ходило по вечерамъ много его товарищей по заводу, и вотъ здѣсь я много слышалъ отъ нихъ проклятія, которыя сыпались отъ нихъ большевикамъ.

Въ Александровскѣ я много металургическіе заводы. Въ настоящее время они почти все разрушены или сожжены, и остальные стояли закрытыми, такъ какъ были разхищены и испорчены машины, растащены ручной инструментъ, не было сырья. По словамъ рабочихъ, въ мирное, до-революціонное время число ихъ было до 60 тысячъ, въ настоящее же время ихъ было всего 4 тысячи; осталная масса расплылась по деревнямъ въ поискахъ за кускомъ хлѣба. Остались въ городѣ только тѣ, кто имѣлъ недвижимую собственность, т. е. домикъ, построенный въ болѣе счастливое время, какъ напримеръ, мой хозяинъ. Я жилъ на первой Московской улицѣ, (домохозяйка которой были сплошь рабочіе бывшихъ заводовъ и фабрикъ г. Александровска. Судя по жилищамъ моего хозяина, то была раньше зажиточная семья, состоящая изъ старухи матери и трехъ женатыхъ сыновей, въ числѣ которыхъ былъ мой хозяинъ. Сыновья жили отдѣльными семьями въ двухъ собственныхъ домахъ, около которыхъ были разбиты фруктовый садъ и огороды. Все это они наследовали отъ своего отца, который тоже работалъ на заводѣ. Жили они, по ихъ словамъ, зажиточно, сытно и не стѣснялись въ средствахъ, какъ впрочемъ и большинство рабочихъ-домохозяева этой улицы. Съ какими восторгомъ они вспоминали доброе старое время, когда могли на въ чемъ себѣ не отказывать. Рассказывали о своемъ путешествіи на выставки въ Екатеринославъ и Киевъ, о ихъ денежничанъ, которая тогда была. По ихъ словамъ, въ то время они были в болѣе часть рабочихъ, принадлежали къ социаль демократической партіи, отъ идей которой у нихъ теперь не осталось и слѣда, и они сами принадлежали этой партіи въ настоящее время начинали убогой. Рассказывали про 1905 годъ, про насилие, которое было между рабочими въ г. Александровскѣ и которое выразилось въ открытомъ возстаніи, про ихъ борьбу съ войсками, когда, по ихъ словамъ, на улицахъ Александровска «цѣлыя эскадроны взлетали въ воздухъ». Бело-голубую борьбу они теперь вспоминали съ горечью и раскаяніемъ, что не успѣли разучиться, много привнесъ имъ въ большому и его поведеніямъ, въ общественно, ничего свободнаго слова и выражени мысли и тѣмъ болѣе сильно было протеста противъ коммунистовъ, которые почти жески въ ихъ профсоюзной общности и диктаторствъ ихъ и тѣмъ путемъ, которымъ они теперь живут. Вспоминали они очень тепло своего хозяина Бодянского, германца, который въ то время находился въ настоящее время въ Германи, на заводахъ считало работало до 20000 рабочихъ и который, по ихъ словамъ, проявлялъ исключительную любовь и справедливость къ нимъ, что, однако, въ свое время не мѣшало рабочимъ предъявлять къ нему еще болѣе требованія, о чемъ они теперь вспоминаютъ съ глубокой ироніей. Вспоминали они, какъ говорить имъ Бодянский, что русскіе рабочие, будучи, такъ было изложено мнениемъ. Тогда мы слышали, какъ онъ говорилъ, говорили они, что теперь у насъ и много плѣна. И дѣйствительно, тогда, когда то дѣлать въ размышлахъ, работы никакой не было, и поэтому какъ разсказывали, секретаремъ въ Улицкомъ, да что получать въ обществѣ, который в отношеніи его не освѣдомлены, а у него на рукахъ еще было много. Вспоминали они было много его жену, которая вѣроятно была буквально въ 1905, 1906, 1907, 1908 и 1909 гг. работала, работала въ существовании. Мужъ не

могъ нигдѣ отлучиться, такъ какъ былъ мобилизованъ на советскую службу, поэтому жена, продавъ какой-нибудь вещи домашнего обихода на базарѣ, по купала на эти деньги тамъ же гвозди, куски желѣза, оконное стекло и т. п. — предметы необходимые крестьянину, и съ ними отправлялась за 30 верстъ въ деревню, чтобы тамъ обмѣнять эти вещи на сало и масло и, вернувшись съ ними, продать ихъ въ городѣ на базарѣ, чтобы опять въ свою очередь купить тѣ же самые предметы для обмѣла вновь въ деревнѣ, а на полученную прибыль купить въ городѣ для себя хлѣба, ибо хотя хлѣбъ можно было бы купить и дешевле въ деревнѣ, но оттуда ей его было не донести.

Все это она продѣлывала, буквально безъ передышки по весенней распутицѣ, переходя по льду черезъ Днѣпръ. Помню, мы всѣ провели очень тревожную ночь изъ-за нея. Днѣпръ уже, къ югу отъ Александровска, тронулся, съ минуты на минуту ждали сдвигъ льда и у Александровска. Окно Хортицы образовались уже большія полыньи, а наша хозяйка была на той сторонѣ и къ вечеру ждали ея возвращенія. Маленькій грудной ребенокъ, котораго она оставляла на попеченіе старшей 9-лѣтней дочери, въ помощь которой была ей семилѣтняя сестра, соскучившись по матери, оралъ немилосердно. Хозяйка, вернувшись вечеромъ и не заставъ жани, нѣсколько разъ бѣжала къ переправѣ на Днѣпръ, но жена не встрѣчалъ. Наконецъ, ночью ледъ тронулся и пошелъ густой массой и только на другой день къ вечеру она пришла домой вся замученная, промокшая и голодная. Оказавшись, что на противоположномъ берегу, въ виду плохого состоянія льда, ее не пустили по льду черезъ Днѣпръ перевозчики, и только къ вечеру, когда кончались уже отдѣлыя льдины, перевозчики, тронутые ея мольбой, перевезли ее на лодкѣ къ нашему берегу, рискуя каждую минуту перевернуться при встрѣчѣ со льдиной. На другой день она съ принесеннымъ добромъ отправилась на базаръ, но къ несчастью наткнулась тамъ на агентовъ Чека, которые отобрали у нея весь ея товаръ, какъ у спекулянтки.

Надо было видѣть слезы и горе всей семьи, когда эта несчастная вернулась домой. Сколько проклятій она сыпала на голову большевиковъ, вспоминая какія она была «дура», когда въ 16-мъ году ругала Императора Николая за то, что ея мужа мобилизовали и отправили на фронтъ.

«Теперь — говорила она, — я записала имя его въ поминаніе и каждый разъ, когда бываю въ церкви у обѣдни, то подаю за упокой его души. Тогда я не понимала, что дѣлала и что говорила, такъ какъ осталась одинока съ двумя маленькими дѣтьми безъ копейки денегъ, ибо мужу пришлось отдать послѣдніе три рубля. Между тѣмъ на другой день — продолжала она, — я отправилась къ своимъ знакомымъ господамъ, которые дали мнѣ работу по стиркѣ бѣлья, рекомендовали меня и другимъ. Всѣ они вмѣстѣ, узнавъ о моемъ бѣдственномъ положеніи, присылали дѣтямъ молоко, булки, масло. Кромѣ того, я получала отъ воинскаго начальника солдатское пособіе; работу мнѣ давали, и я настолько оправилась, что черезъ полтора мѣсяца послала мужу 10 рублей. Теперь же, когда явились проклятые большевики со своей свободой, то мы едимъ голодные и холодные, работы нѣтъ никакой, а если на митингъ рабочихъ мужа наши начнутъ говорить объ этомъ, то ихъ арестовываютъ и отправляютъ въ концентраціонный лагерь».

Помню еще — разыгралась и такая сцена. Въ Александровскъ пришелъ конный артиллерійскій дивизионъ, штабъ котораго расположился недалеко отъ насъ на Московской улицѣ. Входить въ комнату ко мнѣ хозяйка и заявлять, что такъ какъ по домамъ ходятъ красноармейцы и отбираютъ мебель, то она ставить ко мнѣ въ комнату, кромѣ имѣющихся въ ней двухъ стульевъ, еще четыре изъ своей комнаты, которые она и проситъ красноармейцамъ не отдавать, такъ какъ я могу сказать, что комната эта отведена мнѣ, какъ должностному лицу, и стулья мнѣ нужны самому. И, конечно, на это охотно согласился, выразивъ однако сомнѣніе въ usefulnessъ вынуть этихъ стульевъ отъ грабежа.

Улицы, где стою время быть на службе на Улицкомф. Действительно, через несколько времени появились ко мне три коммуниста, заявившие, что они члены судейского суда, и спросили, кто я такой. Я представил свое удостоверение по моему личному и военному 4-й армии. Они мне заявили, что берут от меня четыре стула и столы, так как мне необходима мебель для красноармейского клуба. На что я им ответил, что мебели мне необходима самому и что я ее не дам. Красноармейцы заявили, что съезди, дождись и двух стульев и что четыре оставят себе позвучать. На что я им сказал, что лучше отбрось последние четыре стула у рабочих и позвучать пусть позвучит у буржуев. Буржуи не так уже обескуражены, сказали они мне. В это время хозяйка не выдержала и, истерически закричав на коммунистов: «А, так вы ограбили моих буржуев и вы хотите сейчас грабить теперь моих рабочих», легла попереки порога, говоря, что она ничего из комнаты не выпустит, иначе как через себя. Тогда у нас стало шумно, разразился. Я тогда обратился с просьбой притти ко мне в домик вблизи дома, когда придет домой хозяйка со службы, и ее теперь не брать насильно. Судя по их голосу, они, вероятно, были смущены таким разглагольствованием, спором моей хозяйки, — я, следовательно, и не мог видеть выражений их лиц, — и они сказали, что зайдут послѣ. Через несколько времени пришли хозяйка, которая, услышав от нас о происшедшем, сейчас же поспешно метя в стула и, кинувшись Улицкому, где по его словам, не было тоже мебели и, вернувшись на другой день на улицы коммунистов, кучей проклятий, заявляя, имея, что стульев у него на квартиру больше нет, так как они были в мебелирован Улицкому. Таким образом, они спасли свою мебель от разграбления.

Как я уже писал раньше, рабочие говорили, что в настоящее время в г. Архангельске 1000 рабочих. Все они были зарегистрированы в профсоюз и мобилизованы на государственную промышленность, а следовательно исключены от собственности власти, которая в любой момент могла перевернуть их с одного предприятия на другое, не стесняясь с соблюдением долговой и не стеснялись с его желания. Так, уже были примеры отправки рабочих парий на Урал, при чем, сопротивлявшихся этому объявляли их контр-революционерами и отправляли в концентрационный лагерь, который находился на окраине города по дороге на Кичаси и в котором из то время много заключенных достигало до 1200 человек. Все это было преимущественно рабочие, так как, принадлежащих к другим классам населения просто разстреливали в мѣстной Чка.

Рабочие обсуждали, главным образом, близкую автомобильную мастерскую военного фронта Германской войны, кое-как, влившую свое существование. Сюда ехали, как из рога изобилия заказы на починку автомобилей боевой армии и сборку из нескольких неповрежденных автомобилей одного плана; получали заказы от мѣстного демобили на пуги, борны, то есть и машины и т. д. всевозможные машины, которыми предпринималось снабжать войска Союза. Как курьез, можно указать, что из центра, т. е. Москвы, приказывалось доставить даже трактора, при чем все эти заказы сопровождался громадной шумихой о том, как плетут по пути транспорта и обслуживания народного хозяйства рабочие крестьянские массы, о том, как комитеты на кричали на митингах, в мастерских и заводах. Но было такое дело, заказчик и не шло, так как не было материала, инструмента и т. д. Все это так, нам, надоело. Видя, все мы прекрасно знаем, что мастера не в силах выполнить эти заказы и что все это ложь, говорили рабочие: «Мы только у Бога или у Кремля, говорить другой рабочий. На заводах или на фронтах ничего не делается или слышится без дела, или же только они себя задирали, твари, топоры, или того, чтобы обмануть их, деревни, но не для, и едем».

Другая часть рабочих занимается тѣмъ же дѣломъ на укрѣпленныхъ коскахъ двухъ мелкихъ заводахъ и железнодорожныхъ мастерскихъ. Рабочимъ выдавался паекъ примѣнительно къ красноармейскому только на себя, но крайне несправно, при чемъ задолженность того или другого вида довольствія доходила до двухъ трехъ мѣсяцевъ. Квалифицированные рабочие въ то время дѣловые получали отъ 1000 до 2000 руб. мѣсяца.

Въ серединѣ марта на ст. Александровскъ прибыло шесть эшелоновъ съ матросами, вывезенными экстренно изъ Петрограда по случаю Кронштадтскаго возстанія, слухи о которомъ дошли и до Александровска. Эшелоны эти совѣтской властью предназначались въ Севастополь, но она не рѣшалась ввезти этотъ ненадежный элементъ туда, такъ какъ агенты Чeka раскрывали или провоцировали тамъ одинъ за другимъ контръ-революціонные заговоры. Эшелоны стояли около недѣли въ Александровскѣ, матросы съ нихъ бродили по городу, рѣзко и громко высказывая осужденіе совѣтской власти, проникали въ оппозиціонно настроенную массу рабочихъ, въ результатѣ чего на заводскихъ митингахъ все болѣе и болѣе рѣзко говорили противъ совѣтской власти. Мѣстная Чeka насторожилась, и начались массовые аресты между рабочимъ населеніемъ, а эшелоны съ матросами отправили въ Мелитополь. Тамъ повторилась та же самая исторія. Тогда эти эшелоны вновь появились въ Александровскѣ, слѣдуя на ст. Лозовую, откуда они уже въ 10-хъ числахъ апрѣля по ликвидаціи Кронштадскаго возстанія были отправлены въ Севастополь.

Въ числѣ арестованныхъ рабочихъ были два ихъ лидера, социаль-демократы, къ сожалѣнію фамилій я ихъ не помню. Мѣстная Чeka въ слѣдующую же ночь послѣ ареста ихъ разстрѣляла. Это сильно взволновало рабочую массу, и она пригрозила совѣтской власти общей забастовкой. Власть испугалась этого тѣмъ болѣе, что разстрѣлъ произошелъ безъ вѣдома центра, и ей пришлось уступить. Рабочие потребовали производства слѣдствія особой комиссіей, какъ о самомъ фактѣ разстрѣла безъ суда, такъ и о степени виновности арестованныхъ лицъ. Власти пришлось на это согласиться, но, къ сожалѣнію, я не знаю, чѣмъ кончилось это дѣло, такъ какъ я въ это время выѣхалъ въ Симферополь. Судя по разсказамъ тѣхъ рабочихъ, которые собирались по вечерамъ у насъ, они не склонны были къ уступкамъ, да и время было такое, что они надѣялись на свою побѣду, такъ какъ Кронштадтское возстаніе было въ полномъ разгарѣ и между рабочими ходили самые фантастическіе слухи, которые они принимали съ дѣтской вѣрой, какъ напримѣръ, о возстаніи въ Москвѣ, Орлѣ и Тулѣ. Конечно, это все оказалось пухомъ и надежды рабочихъ рухнули.

Между прочимъ, на собраніяхъ у насъ на квартирѣ я много слышался отъ рабочихъ похвалъ Врангелю. Тѣмъ 1920 года Александровскъ былъ занятъ бѣлыми, и рабочіе теперь съ восторгомъ вспоминали это время. Они говорили, что они за это время отдохнули отъ тирании большевиковъ и даже, къ моему удивленію, къ большому удовольствію разсказывали о тѣхъ приставахъ и околотовныхъ, которые вновь появились въ Александровскѣ при бѣлыхъ. Говорили о той свободѣ, которая въ то время существовала въ Александровскѣ, объ отсутствіи безпрічинныхъ арестовъ и объ общемъ довольствѣи всѣхъ гражданъ бѣлой властью. Особенно восторженно они отзывались о генералѣ Врангелѣ, который, по ихъ словамъ, являлся ихъ избавителемъ отъ коммунистовъ, и высказывали недовольство Польнею, которая, заключивъ миръ съ большевиками, по ихъ словамъ, подвела генерала Врангеля, допустивъ этимъ большевиковъ обрушиться всѣми силами на него.

Я особенно обращаю вниманіе читателя на эти строки, такъ какъ только что прочелъ книгу Григорія Раковскаго «Конецъ бѣлыхъ», гдѣ онъ такъ опредѣленно говоритъ объ общемъ недовольствѣ всего населенія, а главнымъ образомъ рабочихъ и крестьянъ, какъ генераломъ Врангелемъ, такъ и его режимомъ, тогда какъ я слышалъ совершенно обратное, какъ отъ тѣхъ, такъ и отъ другихъ, и не только въ Александровскѣ, но и въ Крыму. Можетъ быть такіе отзывы

была результатом совершенно другого процесса, которого они не ожидали. Но по своим внутренним качествам были бы вполне способны к особым побуждительным причинам, заставившим рабочую массу вспомнить с удивлением не только генерала Врангеля, но даже приставов и околоточных. И вот теперь я не знаю, кому же верить — г-ну Раковскому или же тому, что я сам видел и слышал, как этот, как перебежчик, решил биться и не мириться с режимом.

[illegible]

приказано идти къ штабу дивизіи въ с. Жеребецъ. Она выступила, но по дороге получила приказаніе слѣдовать походнымъ порядкомъ въ Крымъ, куда двинулись и другія бригады. Мѣсто назначенія было г. Керчь, откуда вся дивизія, переформированная въ бригаду, должна была быть переброшена на Кубань для слѣдованія во Владикавказъ. Этой бригадѣ не повезло: подходя къ Мелитополю, она была окружена бандами Махно, которымъ не могла оказать серьезнаго сопротивленія по малочисленности штыковъ въ полкахъ, при чемъ погибло много команднаго состава и коммунистовъ, которые были зарублены бандитами; красноармейцевъ же, по обыкновенію, раздѣли и отпустили на всѣ четыре стороны. Изъ команднаго состава лишь немногимъ удалось выскочить, въ томъ числѣ и полковому адъютанту одного изъ полковъ, котораго я впоследствии встрѣтилъ въ г. Гомелѣ и отъ котораго я и слышалъ вышеописанное.

Съ уходомъ этой бригады изъ Александровска вопросъ о довольствіи моемъ и моего вѣстового Тишкова повисъ въ воздухѣ. Пайка получать было неоткуда, денегъ - же у меня не было. Въ это время въ освободившемся помѣщеніи штаба бригады помѣстился штабъ артиллерійскаго дивизиона. Тишковъ повелъ меня туда, и я попросилъ завхоза дивизиона принять насъ на довольствіе, тѣмъ болѣе, что у насъ были аттестаты. Завхозомъ оказался офицеръ старой арміи, который очень любезно исполнилъ мою просьбу. Но паекъ оказался еще хуже, чѣмъ въ бригадѣ.

Въ 20-хъ числахъ марта у меня понемногу стало возвращаться зрѣніе, прекратились рѣжущія боли глазъ, но все-таки я видѣлъ очень плохо, и Тишковъ все еще водилъ меня подъ руку. Тѣмъ не менѣе я торопился съ отъѣздомъ въ Симферополь, откуда я не получалъ никакихъ свѣдѣній, что меня нѣсколько беспокоило. Ходили слухи о расформированіи арміи и надо было куда-нибудь устраниваться. Между тѣмъ докторъ не отпускалъ меня, такъ какъ боялся рецидива; я же задумывался надъ тѣмъ, какъ попасть въ вагонъ и сколько времени мы будемъ тинуться до мѣста. Наконецъ, 31-го марта я получилъ согласіе доктора на поѣздку въ Симферополь, при чемъ докторъ снабдилъ меня на дорогу лѣкарствами, и я, поблагодаривъ его за доброе ко мнѣ отношеніе и простившись съ моими милыми хозяевами, отправился съ Тишковымъ на вокзалъ. Здѣсь по обыкновенію не отъ кого было узнать, когда и гдѣ отходитъ поѣздъ на югъ. Долго меня водилъ Тишковъ по рельсовымъ путямъ, наконецъ, мы случайно попали, очень далеко отъ станціи, на поѣздъ, который готовился къ отходу. Но надо было еще попасть въ вагонъ, между тѣмъ они были всѣ переполнены и насъ ни въ одинъ не пускали. Особенно наглы были въ этомъ отношеніи матросы, которые, заявивъ въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ вагонъ, никого туда не пускали, не слушая никакихъ просьбъ. Наконецъ, мы набрели на вагонъ, въ которомъ ѣхали инвалиды. Должно быть, видя во мнѣ товарища по несчастью, старшій вагона разрѣшилъ мнѣ взойти въ него, но не согласался впустить моего вѣстового Тишкова. Пришлось доказывать, что мы съ нимъ неразлучная пара, такъ какъ я ѣхалъ безъ него не могу. Пока шли переговоры, поѣздъ тронулся и Тишковъ уже на ходу вскопчилъ въ вагонъ и, такимъ образомъ, приобрѣлъ себѣ право на мѣсто. Вагонъ, какъ и всѣ въ этомъ поѣздѣ, былъ товарный, безъ наръ, поэтому пришлось размѣститься на полу. Поѣздъ на этотъ разъ шелъ довольно хорошо, и мы въ три часа ночи на 2-ое апрѣля были уже въ Симферополѣ.

По дорогѣ въ вагонѣ пришлось много наслушаться сѣтованій на большевиковъ; и на этотъ разъ главными застрѣльщиками выступали матросы, сѣвшие въ вагонъ въ Мелитополѣ. Съ нами въ вагонѣ ѣхали два коммуниста, ответственные работники изъ Иркутска; оба они были въ послѣднемъ градусѣ чухотки. Ѣхали они въ санаторію, въ Ялту, нилѣ переименованную въ Красноармейскъ. Вообще на южный берегъ Крыма въ это время была сильная тяга коммунистовъ, которые слыхали, что когда-то туда ѣздили буржуи. Теперь

для новой советской буржуазии была открыта масса санаторий в национализированных дачах прежних богатей, куда широким потоком и стремились подлечься и отдохнуть вѣроподобные слуги советского режима. Между ними были действительно больные, но в большинстве были чекисты, которые хотѣли отдохнуть отъ своихъ трудовъ по сыску и разстрѣлу, и главнымъ образомъ, имъ хотѣлось отвѣдать той жизни, которой пользовался прежде зажиточный классъ населенія Россіи. Конечно, тѣхъ удобствъ и комфорта, которые были раньше въ санаторіяхъ, въ настоящее время ожидать было нельзя, такъ какъ всѣ эти дачи и санаторіи были разграблены, да и питаніе въ нихъ было неважное по причинѣ начинавшагося уже отсутствія продовольствія въ Крыму, тѣмъ не менѣе наплывъ былъ туда очень большой. Кстати надо замѣтить, что поѣхавъ черезъ дѣв. послѣ моего пріѣзда въ Симферополь, я встрѣтилъ одного изъ этихъ коммунистовъ на улицѣ этого города, который шелъ изъ главнаго Санитарнаго Управленія Крыма. На мой вопросъ, почему же онъ не въ Ялтѣ, онъ мнѣ отвѣтилъ, что уже былъ тамъ, но возвращается назадъ и заходилъ въ Санитарное Управленіе, чтобы выправить себѣ обратный проѣздъ домой, такъ какъ въ санаторіяхъ нечего ѣсть и, кромѣ того, отсутствуютъ самыя примитивныя удобства. «Тамъ скорѣй умрешь, чѣмъ дома», закончилъ онъ свою рѣчь.

Такъ вотъ по дорогѣ, въ нашемъ вагонѣ эти два коммуниста начали расхваливать прелесть советскаго строя и говорить о томъ, какъ гладко идетъ жизнь въ Сибири при большевикахъ, послѣ Колчака, но матросы тотчасъ же вступили съ ними въ споръ и настолько энергично и настойчиво стали имъ доказывать обратное, что коммунистамъ пришлось замолчать. Меня крайне удивило это новое настроеніе у матросовъ, тѣмъ болѣе, что, когда, всего три мѣсяца тому назадъ, я ѣхалъ въ командировку въ городъ Александровскъ, то въ вагонѣ были тоже матросы, которые вели между собой разговоры, дѣлились воспоминаніями и съ какой-то особенной радостью разсказывали другъ другу, какъ они разрывали на части, за руки и ноги, повалившихъ въ плѣнь Врангелевскихъ офицеровъ, а также о тѣхъ грабежахъ и насиліяхъ, которые производили они у буржуевъ въ занятой области послѣ ухода бѣлыхъ.

Со мной сидѣлъ рядомъ молодой матросъ. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, заданныхъ мнѣ по поводу настоящаго положенія, и получивъ отъ меня сочувственные отвѣты, а именно подтвержденіе его мнѣнія, что эти коммунисты лгутъ, онъ мнѣ разсказалъ, что онъ и другіе матросы Балтійскаго флота во время Кронштадтскаго возстанія были вывезены вмѣстѣ съ другими изъ Петрограда въ Севастополь, такъ какъ большевики опасались, что они поддержатъ кронштадтцевъ. Онъ мнѣ говорилъ, что всѣ они сочувствуютъ кронштадтцамъ, держатъ ихъ сторону и что советская власть, зная мятежный духъ матросовъ, въ настоящее время уклоняется старіе возрасты въ безерочный отпускъ, оставляя на судяибъ лишь послѣдніе два привилегіе года, что действительно и было на самомъ дѣлѣ. Это, конечно, сильно подрывало силоченность матросовъ и развѣивало руки большевикамъ, но тѣмъ не менѣе матросъ этотъ мнѣ говорилъ, что духъ сопротивленія коммунистамъ у нихъ не пошатнулся и что они имѣли съ ними упорно бороться, на платформѣ белпартиійныхъ советовъ, и что онъ является однимъ изъ секретныхъ агентовъ комитета борьбы противъ большевиковъ, и теперь ѣдуть по Крыму для освѣдомленія о настроеніи крымскихъ частей и агитации, а по окончаніи своей похулки долженъ вернуться въ Петроградъ для доклада центральному комитету о результатахъ. Предлагалъ мнѣ этотъ еще большее освѣдомленіе по этому дѣлу впоследствии, для чего хотѣлъ дать мнѣ по квартиру въ Симферополѣ и спросилъ мой адресъ, но я адреса своего не далъ, сказавъ, что самъ ѣду въ Симферополь первый разъ и не знаю, гдѣ буду жить, потому что, сказать по правдѣ, несмотря на то, что по повелѣнію онъ былъ крайне нескретенъ, равно какъ и его товарищи, въ спорѣ съ коммунистами, я, тѣмъ не менѣе, болѣе, не секретный-ли

онъ агентъ - провокаторъ Чека. Тѣмъ не менѣе въ Симферополѣ мы разстались очень дружественно, я вышелъ изъ вагона, а матросы побѣжали дальше въ Севастополь.

XII.

Было три часа ночи. Мнѣ было извѣстно, что въ Симферополѣ бездѣльное положеніе и ходить по городу послѣ 9-ти часовъ вечера нельзя до 6-ти часовъ утра. Шелъ дождь, ожидать разсвѣта на перронѣ не хотѣлось, залы вокзала были такъ сильно набиты спавшими вполанку на полу красноармейцами, что тамъ не только сидѣть, но стоять было негдѣ, да кромѣ того быть опять сильный рискъ заразиться вшами, и я поэтому рѣшилъ пойти въ Управление коменданта станціи узнать пропускъ. Тамъ, когда я предъявилъ свое удостовѣреніе, мнѣ его сказали, и мы отправились на ту квартиру, изъ которой я уѣхалъ въ командировку. По дорогѣ на улицѣ мы были остановлены на большомъ разстояніи тремя красноармейцами, которые, взявъ на -изготовку, довольно испуганнымъ голосомъ закричали: «Стой, что пропускъ?» Видно, что повстанцы (бандиты) работали и здѣсь, иначе бы у дозора не было такого испуганнаго вида. Я, сообразивъ все это, отвѣтилъ имъ, что пропускъ слово секретное и кричать на всю улицу я его не могу, а что пусть старшій подойдетъ ко мнѣ, и я скажу ему пропускъ. Послѣ нѣкотораго колебанія одинъ изъ нихъ отдѣлился и нерѣшительными шагами подошелъ къ намъ, а остальные продолжали держать винтовки на -изготовкѣ. Когда я сказалъ пропускъ, то онъ крикнулъ своимъ товарищамъ, они опустили винтовки и подошли къ намъ. Началась дружеская бесѣда. Красноармейцы стали спрашивать насъ, кто мы такіе, откуда пріѣхали, каковъ тамъ паекъ, выдаютъ - ли обмундированіе и не слышать - ли тамъ, скоро ли отпустятъ красноармейцевъ въ безсрочный отпускъ. Жаловались на плохой кормъ здѣсь, на большіе наряды, на караульную службу, на невыдачу обмундированія и на опасность ходить въ дозоры по ночамъ. Бесѣдая такимъ образомъ, мы дошли до дома, гдѣ я жилъ.

Здѣсь я засталъ всѣхъ дома, но жились уже много хуже. На другой день утромъ я отправился въ Управление Инспекціи явиться по начальству. Встрѣтили меня довольно равнодушно и, если бы я пропалъ безъ вѣсти, то едва - ли кто - либо сталъ меня разыскивать. Отчетъ о результатѣ инспектированія 42 дивизіи уже не понадобился, такъ какъ она вышла изъ состава 4 - ой арміи въ Кавказскую, да кромѣ того я и не могъ его составить, такъ какъ плохо еще видѣлъ, черновыя же замѣтки по инспектированію я бросилъ въ печку.

Въ это время полученъ приказъ изъ центра о расформированіи 4 - ой арміи къ 1 - му мая. Командующій арміей генеральнаго штаба Лазаревичъ получилъ назначеніе командующимъ Туркестанскимъ фронтомъ, куда и уѣхалъ. За него командовать арміей бывшій генеральнаго штаба подполковникъ Бѣлый, на котораго было возложено расформированіе арміи. Согласно плану расформированія, 3 - я дивизія оставалась въ Крыму и должна была изъ г. Феодосіи перейти въ Симферополь, 46 - ая — занимать Севастополь и Евпаторію, а 30 - ая дивизія — районъ Мелитополя. Въмѣсто штаба 4 - ой арміи создавался штабъ Укрѣпленнаго Крымскаго Района, которому подчинялись названныя дивизіи. Кромѣ того, въ Крымъ были передвинуты части 3 - го коннаго корпуса, которые, впрочемъ, были вскорѣ вызваны въ Екатеринославъ, гдѣ и сосредоточились для борьбы съ бандами Махно. Конечно, въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ городѣ Крыма уже находились командные красные курсы, а изъ Москвы были переведены въ Симферополь красные кавалерійскіе курсанты, которые заняли казармы бывшаго Крымскаго Коннаго полка. Расположены также были вездѣ и отдѣльные батальоны В. Ч. К. Всѣ эти войска были поставлены въ лучшія зданія города, какъ - то въ Епархіальномъ училищѣ, Ду-

хвойной еленинarin и въ зданіяхъ гимназій и реальныхъ училищъ. Казармы бывшаго 51-го Литовскаго пѣхотнаго полка были обращены въ тюрьму-лагерь, тамъ насъ прежняя губернская тюрьма не могла вмѣстить всѣхъ арестованныхъ, несмотря на усиленные разстрѣлы.

Часть едущихъ штаба 4-ой арміи поступила на укомплектованіе штаба Украинскаго района, остальные, которыхъ было больше, зачислились въ резервъ штаба войскъ Украины и должны были отправиться въ Харьковъ. Туда же должны были слѣдовать чины инспекціи пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи, всѣ эти входи въ резервъ инспекціи войскъ Украины. Такимъ образомъ, наша инспекция должна была поступить въ непосредственное вѣдѣніе инспектора войскъ Украины, бывшаго генералъ-маіора генеральнаго штаба Ольдерогге, который прѣхалъ въ Крымъ и набиралъ себѣ едущихъ изъ нашей инспекціи, говоря, что у него нѣтъ опытныхъ работниковъ. Мнѣ не хотѣлось ѣхать въ Харьковъ, да кромѣ того, мнѣ необходимо было какъ-нибудь «затеряться», скрывъ свой слѣдъ, такъ какъ я зналъ, что большевики вышутели меня изъ тюрьмы и отправили на польскій фронтъ только потому, что имъ нужны были военнопленные, теперь же, когда у нихъ идетъ демобилизація арміи, они болѣе не мнѣ не нуждаются и, слѣдовательно, нужно ожидать новыхъ репрессій. Если Архангельская Чета узнаетъ о моемъ мѣстопробываніи, то немедленно потребуетъ моего ареста и отправленія въ ея распоряженіе въ городъ Архангельскъ, чему уже были прецеденты съ бывшими бѣлыми офицерами, несмотря на то, что при вынужденіи насъ на свободу въ 1920 году, въ Москвѣ, агенты большевистской власти гордо намъ говорили о ея великодушіи и о томъ, что, если советская власть предельно забвенно наше прошлое и опредѣлитъ насъ къ себѣ на службу, то она никогда не унизится до того, чтобы вновь карать насъ за старые противъ нея грѣхи. Какъ всегда и вездѣ, большевики лгали и въ данномъ случаѣ.

Зрѣніе мое туго поправилось, хотя и каждый день ходить на приемъ къ врачу специальному. Меня все еще водили подъ руку. Мои совопарники по службѣ поспѣшествовали мнѣ подать рапортъ о намереніи меня на комиссію выздоровляющихъ для полученія отгулка по болѣзни, какъ перенесшаго тифъ и его послѣдствій. И действительно, въ комиссіи мнѣ дали отгуекъ по болѣзни на одинъ мѣсяцъ, и я могъ ѣхать въ любой городъ Россіи совершенно безпривѣтно. Это уже много для меня значило; я имѣлъ возможность уѣхать изъ Крыма, не являясь въ инспекцію войскъ Украины, а по простествіи мѣсяца, конечно, быть вновь پذیرнутымъ медицинскому освидѣтельствуванію въ комиссію и могъ получить еще одинъ мѣсяцъ отгуека, какъ не внодѣвъ еще оправданій и доказъ болѣзни. Пробывъ, такимъ образомъ, два мѣсяца въ отгуеку по болѣзни, и совершенно подождавъ о военнослужащихъ въ красной арміи, антиматеріально исключенъ изъ списковъ по мѣсту моей прежней службы и переданъ въ вѣдѣніе мѣстнаго уѣзднаго военнаго комиссара, откуда назначался на пополненіе казны либо воинской части. Въ старой арміи такое положеніе существовало только для пѣхоты, чинкомъ, въ красной же арміи оно распространено на всѣхъ военнослужащихъ. Конечно, это положеніе меня очень привлекало, ибо, будучи исключенъ въ резервъ мѣстнаго военнаго комиссариата, а следовательно, своей службы, такъ какъ я былъ увѣренъ, что, при существующемъ, такъ въ красной арміи, штабу войскъ Украины не будетъ нѣсколько о моемъ исключеніи въ отгуеку. Этого планъ мнѣ понравился, и я рѣшилъ ѣхать въ этотъ же день въ городъ заподлаго края, ближе къ польской границѣ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ пересечь ее въострѣвствіи. Такимъ образомъ, могъ быть Гомель, гдѣ я былъ въ прошломъ 1920-мъ году и нунъ на, котораго за границу до Пинска мнѣ было запрещено. Я окончательно остановился на этой мысли и сразу совершилъ въ этотъ городъ. Путешествіе это представляло большіи затрудненія въ виду моего рабочаго аршин и трудности попасть на поѣздъ, такъ у меня и было, ороновъ-евоишій краснопармонецъ Тишюнкъ, котораго я рѣ-

шить не отправлять обратно въ дивизию, мѣстонахождение которой въ настоящее время не было извѣстно, да кромѣ того онъ и самъ былъ родомъ изъ Могилевской губерніи и не прочь былъ побывать дома.

Врачъ-окулистъ, у котораго я лѣчился, меня задерживалъ, чтобы настолько подлѣжить глаза, чтобы они у меня не разболѣлись дорогою. Тѣмъ не менѣе, съ отъѣздомъ надо было спѣшить: штабъ спѣшно расформировывался, наша инспекція собиралась переезжать въ Харьковъ, и я могъ повиснуть въ воздухѣ. Кромѣ того, въ Симферополѣ и жить уже какъ-то было жутко: вездѣ шли разговоры объ арестахъ и разстрѣлахъ, цѣны на продукты вздулись уже немовѣрно, а жалованія я получалъ всего восемь тысячъ въ мѣсяцъ.

Вскорѣ я случайно встрѣтилъ знакомаго бывшаго офицера, служившаго преподавателемъ на красныхъ кавалерійскихъ курсахъ, которые были переведены въ январѣ мѣсяцѣ изъ Москвы въ Симферополь. Онъ разсказывалъ, что они ѣхали эшелонами до Крыма 49 дней. Не было топлива для паровозовъ, и имъ приходилось сидѣть на станціяхъ по цѣлымъ недѣлямъ. Сначала отъ Москвы движеніе ихъ шло довольно сносно, такъ какъ при выѣздѣ имъ были отпущены авансомъ провіантъ и фуражъ. Въ провіантъ входили замороженные бараны туши. И вотъ на тѣхъ станціяхъ, гдѣ приходилось стоять за недостаткомъ паровоза, стояло лишь дать по бараней тушѣ коменданту станціи и начальнику ОРЧК и паровозъ тотчасъ приблѣлся, но гдѣ-то, не то въ Курскѣ, не то въ Харьковѣ, ихъ эшелонъ нагнали комиссары курсовъ и запретили это дѣлать, въ результатѣ чего пошли безконечныя стоянки на станціяхъ. Впослѣдствіи комиссаръ этотъ поплатился за свое необдуманное распоряженіе. Въ Александровскѣ эшелону пришлось стоять три недѣли. Въ это время тамъ накопилось до 30 эшелоновъ, слѣдующихъ въ различныхъ направленіяхъ. Съ юга шли эшелоны съ демобилизованными красноармейцами, съ сѣвера перебрасывались новыя красноармейскія части. Былъ конецъ января, стояли сильные холода, топливо совершенно отсутствовало. Эшелоны демобилизованныхъ красноармейцевъ голодали, мерзли и разбрѣлись по окрестностямъ, занимаясь мародерствомъ. Красные курсы, какъ болѣе дисциплинированная часть, состоящая наполовину изъ коммунистовъ, не могли самостоятельно разбрѣстись на все четыре стороны, но мерзнуть не хотѣли, и поэтому, въ поискахъ топлива и обратили свое вниманіе на пустующіе вагоны разбѣжавшихся красноармейцевъ и начали ихъ ломать на дрова. Конечно, начальство курсовъ вмѣстѣ съ комиссаромъ ничего подѣлать не могло, такъ какъ былъ одинъ выборъ — или жечь вагоны, или мерзнуть отъ холода, да къ тому-же и слабыя попытки воспрепятствовать это не имѣли никакого успѣха. Въ результатѣ красными курсами только въ одномъ Александровскѣ было сожжено триста вагоновъ. Нечего и говорить, что ихъ примѣру послѣдовали и другіе эшелоны, и въ результатѣ рельсовые пути этой станціи были надолго загромождены одними только вагонными тѣлками. Не обошлось, конечно, и безъ трагическихъ сценъ. «Отворять, бывало, вагонъ» — разсказывалъ мой знакомый — «а въ немъ валяются трупы замерзшихъ красноармейцевъ; трупы тутъ-же выбрасать на полотно, а вагонъ быстро разобрать на топливо». Такая система отопленія эшелона понравилась краснымъ курсантамъ, и они ее примынили въ Медитополь и въ Джанкоѣ, а когда мѣстный ОРЧКъ попробовала было воспрепятствовать этому и, какъ водится въ Совдѣніи, арестовать за попустительство начальство и комиссара, то курсанты выставили противъ нея пулеметы. Нечего и говорить, что окрестныя села и колоніи по пути стоянокъ были начисто обобраны въ порядкѣ «реквизицій». Такимъ образомъ, въ 49 дней доѣхали изъ Москвы въ Симферополь. Вскорѣ послѣ прѣзда пришло донесеніе о сожженіи вагоновъ, въ результатѣ чего были отданы подъ судъ Ревтрибунала начальникъ школы, комиссаръ и командиры эскадроновъ.

Однако, даже судьи «съ революціонной совѣстью», принимая во вниманіе безвыходность положенія, въ которомъ находились обвиняемые во время путе-

шестыми, отнесенный к нимъ болѣе, тѣмъ снисходительно. Приговоромъ Ревтрибунала они все были присуждены къ пяти годамъ принудительныхъ работъ, по вѣд. виду декрета объ амнистии въ память 3-ей годовщины октябрьской революціи отъ наказаній освобождены. Такимъ образомъ остались и овцы цѣлы и волны сыты. Совѣтское правосудіе не пострадало, а все начальство красныхъ курьеровъ и комиссаровъ остались на прежнихъ мѣстахъ.

Мой знакомый сказалъ мнѣ, что онъ ѣдетъ на дняхъ въ Москву въ командировку съ нѣсколькими курсантами и поэтому будетъ имѣть отдѣльный товарный вагонъ прямо до Москвы. Онъ предложилъ довезти меня до Харькова въ своемъ вагонѣ, откуда я могъ свернуть на Ворожбу и Гомель. Конечно, я съ радостью ухватился за это предложеніе и началъ собираться въ дорогу.

20-го апрѣля въ 12 часовъ ночи мы тронулись изъ Симферополя. Поездъ былъ немнѣею длинный — около 85 вагоновъ. По дорогѣ на станціяхъ онъ бумажными овалцами пародомъ, который взбирался на крыши вагоновъ, садился на буфера и тормазныя площадки. Въ составъ поезда, кромѣ товарныхъ вагоновъ, было нѣсколько пультмановскихъ, въ которыхъ ѣхала совѣтская аристократія. Конечно, внутри вагоновъ никто не допускался, при чемъ у дверей вагоновъ стояли съ винтовками часовые, по за то и видѣть, какъ люди сидѣли между рессорами этихъ вагоновъ и даже въ ящикѣ, который подвѣшенъ подъ поломъ, середина вагона. Крыши вагоновъ, не выдерживая тяжести, проваливались, и это заставляло пассажировъ отъ себя выставлять часовыхъ къ вагонамъ, чтобы не цускаты на крышу. То же сдѣлали и мы въ своемъ вагонѣ.

Въ это время въ Крыму и Тавріи скопилось громадное количество мѣшочниковъ. Мѣсяца два до этого центральной властью, въ виду голода, было разрешено ѣздить на югъ за хлѣбомъ, при чемъ въ то время платы за проѣздъ по желѣзной дорогѣ не требовалось. И вотъ, благодаря этому, а также и голоду въ центральныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ, на югѣ собралось около полумилліона мѣшочниковъ, которые не могли вывѣхать обратно домой. Все немногое поѣзда, отходящіе съ мѣста отправления одинъ-два раза въ недѣлю, были уже переполнены съ пункта отправления, и на слѣдующихъ станціяхъ для новыхъ пассажировъ мѣста, кромѣ какъ на крышахъ, буферахъ и рессорахъ на пассажирскихъ вагонахъ, не было. Между скученной на вокзалахъ массой мѣшочниковъ, развилась эпидемія тифа. Завды вокзаловъ были полны валяющихся на полу человеческихъ тѣлъ, по которымъ ходили тучи паразитовъ, передавая инфекцію зараду. Кромѣ того, многие изъ мѣшочниковъ, не понахъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль на поѣздахъ, проѣхались, или сами съѣли тѣ запасы, которые думали привезти домой, или же изъ-за нужды продали ихъ тутъ же спекулянтамъ. Наиболѣе энергичные изъ нихъ, пренебрегая всѣми опасностями ѣзды на крышахъ и буферахъ, бросались занимать эти мѣста, по послѣднихъ было очень мало по сравнению съ желающими ихъ захватить, да къ тому же у каждого изъ мѣшочниковъ былъ грузъ отъ 10 до 15 пудовъ, который надо было куда нибудь помѣстить. Пассажиры, слѣдоващіе такъ сказать на законномъ основаніи, проѣхъ поѣздъ, опасались перегруженности поѣзда, а тѣмъ болѣе опасались задерживанія поѣзда изъ-за того, что мѣшочниками на буферахъ вагоновъ, куда они грузили свой грузъ и садились сами, такъ какъ отъ этого могло случиться крушеніе поѣзда или разрывъ между вагонами при подъемахъ, и поэтому протестовали противъ перегрузки поѣзда, помогая агентамъ ОРГЧК въ устраненіи, стояли съ этихъ мѣстъ мѣшочниковъ. Но молібы, слезы и просьбы, которыми встрѣчали мѣшочники требованія пассажировъ, заставляли поѣздъ останавливаться отъ нихъ, а если въ данномъ случаѣ агенты ОРГЧК и были не такъ безразличны и безжалостны, то во всякомъ случаѣ и это приносило мало пользы. Тутъ обыкновенно на станціи агенты ОРГЧК обходили поѣздъ и проверяли, чтобы сѣдѣли съ крышъ и буферовъ, угрожая при этомъ стрѣльбой во всякомъ случаѣ, а не разрешая отправлять поѣздъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ устранены эти нарушения. Въ концѣ концовъ, послѣ долгого стоянія

поѣзда на станціи, мѣшочники сходили со своихъ мѣсть, но когда раздавался свистокъ и поѣздъ трогался, то въ ту же минуту мѣшочники на ходу поѣзда моментально карабкались на свои мѣста. Я поражаюсь той акробатической ловкости и быстротѣ, съ которой взбирались на крышу вагона или буферъ не только мужчины, но и женщины, да не однѣ, а съ грузомъ. Видна была и привычка, и организованность, и помощь другъ другу. Конечно, не обходилось безъ массы несчастныхъ случаевъ. Повсюду были слышны разговоры о раздавленныхъ и замерзшихъ мѣшочникахъ, но на это мало кто обращалъ вниманіе.

Троікій издалъ приказъ о вывозѣ всѣхъ мѣшочниковъ съ юга къ 1-му мая, для чего должны были быть назначены особые поѣзда, но дальше этого приказа дѣло такъ и не пошло, ибо не было подвижного состава и мѣшочники были предоставлены собственной участи.

Въ Крыму, на ст. Таганашъ находились огромные запасы соли, заготовленные еще въ мирное время. Соль эту, проѣзжающіе пассажиры, пользуясь остановкой, набирали, кто сколько могъ, и грузили съ собою въ вагоны. Каждому было извѣстно, что дальше соли нѣтъ и ее можно обмѣнять на рынкахъ на продукты и очень выгодно. Такъ, напримѣръ, за четыре фунта соли можно было получить фунтъ коровьяго масла. Запаслись солью и мы, и она намъ дѣйствительно впоследствии пригодилась.

Когда проѣхали Мелитополь, въ поѣздѣ стали слышаться разговоры, что далѣе къ Александровску будетъ ѣхать не безопасно, ибо въ томъ мѣстѣ, гдѣ Днѣпръ приближается къ желѣзной дорогѣ, въ такъ называемыхъ плавняхъ, скрываются бандиты Махно, которые совершаютъ нападенія на поѣзда. Эти разговоры особенно взволновали коммунистовъ, да и лицамъ, принадлежащимъ къ командному составу, грозила та же самая участь, что и коммунистамъ; у нѣкоторыхъ были подложные документы, въ которыхъ они именовались красноармейцами, но едва-ли это могло принести какую-нибудь пользу. Стали готовиться къ самооборонѣ. Объявился комендантъ поѣзда, который сталъ обходить вагоны, спрашивая, у кого имѣется какое-либо оружіе, но такового оказалось очень мало, да къ тому-же между красноармейцами пошли разговоры, что въ случаѣ нападенія оказывать сопротивленія не слѣдуетъ, ибо они знали, что красноармейцамъ бандиты ничего не сдѣлаютъ, развѣ только оставить въ одномъ бѣлѣ. Особенно сильно стали нервничать пассажиры, когда поѣздъ пришелъ на станцію «Васильевка». Въ это время у вагоновъ появились два всадника, которые стали разспрашивать, много-ли ѣдетъ въ поѣздѣ народу, есть-ли между ними вооруженные красноармейцы и т. п. Люди бывалые говорили, что это обычный маневръ бандитовъ. Обыкновенно они на станціи произведутъ развѣдку состава поѣзда, а затѣмъ развѣдчики удалятся, сообщаютъ все, что они узнали, спрятавшимся въ плавняхъ бандитамъ и тѣ производятъ налетъ на поѣздъ. Въ данномъ случаѣ, когда поѣздъ тронулся далѣе, эти два всадника долго ѣхали рядомъ съ поѣздомъ и, наконецъ, отстали, когда онъ пошелъ быстрѣе подъ уклонъ. Во всякомъ случаѣ, опасное мѣсто мы проѣхали благополучно, и у многихъ вырвался вздохъ облегченія, въ томъ числѣ и у меня, такъ какъ, принадлежа къ командному составу большевистской арміи, я не могъ рассчитывать на доброжелательное къ себѣ отношеніе бандитовъ, и никакія мои увѣренія, что я состою на службѣ у большевиковъ принудительно, не поддѣйствовали бы: меня зарубили бы шашками вмѣстѣ съ другими.

Миѣ пришлось ѣхать на Харьковъ и Ворожбу, хотя другой путь — Лозовая — Полтава — Ромны — Бахмачъ былъ короче, но по этой линіи не было движенія, какъ за отсутствіемъ топлива, такъ и въслѣдствіе постоянныхъ нападеній бандитовъ на поѣзда. Эта мѣстность была въ состояніи полного возстанія, но только никто не называлъ тогда вещи ихъ именами, какъ, впрочемъ, не называютъ ихъ въ Советѣ и теперь.

Поѣздъ нашъ двигался довольно скоро, и мы на четвертые сутки въ 10 час. утра пріѣхали въ Харьковъ. Распростившись съ любезными хозяевами вагона,

ми жили на платформу и отправились узнавать, как ехать дальше на Ворожбу. Оказалось, что мы находимся в столице Советской Украинской Республики, входящей в состав России — Р. С. Ф. С. Р., и, поэтому, нам надо выправить пропуск на право выезда из этой республики в мѣстной Чека, а для того, чтобы получить пропуск, надо было простоять в очереди не менее трех суток, что, конечно, нас не устраивало, так как жить было некуда, а на вокзалѣ все жды были переполнены жившими на полу пародомъ. Мы оказались въ большомъ затруднении, но нас случайно выручилъ изъ бѣды дежурный по станции агентъ, который посоветовалъ намъ ехать съ мѣстнымъ поездомъ на станцію Люботинъ, отстоящую отъ Харькова верстахъ въ 30, гдѣ, по его словамъ, можно съѣсть безъ всякаго пропуска въ первый появившійся отходящій поездъ на Ворожбу. Мы этимъ советомъ рѣшась же воспользовались и съ большимъ трудомъ получили въ мѣстный поездъ. Давка была страшная, но все-таки мы все-таки оказались въ товарный вагонъ. Въ Люботинѣ намъ повеселилось: насъ переселили, но прибавить нашего туда, отходящ. поездъ на Ворожбу, въ которомъ мы довольно удобно размѣстились. Удобство заключалось въ томъ, что мы избежали отъѣздомъ отъ товарнаго вагона, который, правда, былъ безъ всякихъ приспособлений, и намъ пришлось раскопаться на полу. Но это было не страшно, а важно было то, что этотъ вагонъ мы получили въ собственное распоряжение на время нашего путешествія, т. е. сдѣлались его хозяевами и могли впускать или не впускать по своему желанію въ него публику изъ промежуточныхъ станцій. Дело въ томъ, что на станціи Люботинъ скопилось очень много народу: здѣсь были демобилизованные красноармейцы, уволенные по болѣзни въ отпускъ, повѣсть лиры, командированные по службѣ и т. п. Все эти люди обступились между собой въ отдаленныя группы и занимали для себя вагоны. Обступившись и мы въ груду уволенныхъ по болѣзни въ отпускъ и жили тоже вагонъ, куда набралось насъ человекъ около двадцати, и, поэтому, въ немъ особенно тѣсно не было. Давка же, при остановкахъ на станціяхъ, мы къ себѣ пускали публику съ большимъ разборомъ и, въ зависимости отъ мѣста въ вагонѣ, такъ, какъ хотѣли, получали уже название вагона особаго назначения. Слѣдовало онъ быть отдаленъ отъ станціи Ворожба, но по прибытіи туда, намъ удалось уговорить вѣдущаго станціи не выдвигать вагона изъ состава поезда и отправить его до Гомеля. Правда, на станціяхъ приходилось иногда высылать къ своему вагону публику, чтобы не допустить нахлынувшую публику, но намъ все-таки удалось сохранить свое право на вагонъ и, поэтому, можно сказать, мы были съ комфортомъ.

Было ранняя осенняя весна, а ехать было тепло, но не такъ спокойно, какъ мы думали, когда выбрались изъ Харькова. Здѣсь опять-таки стали ходить разсказы о появлении бандитовъ на поездахъ и станціяхъ. Въ подтверждение этихъ разсказовъ, когда мы пришли на ст. Богодухова, мы услышали, что два дня тому назадъ, около Богодухова, похищена была повстанцами, владѣвшая ими три дня. Они выжили только духовыхъ, коммунистовъ и разоружили мѣстныхъ исполкомъ и районный советъ на учред. реви. Призванные къ разбору въ вагонѣ, можно было бы и въ самомъ дѣлѣ опредѣлить симпатіи бандитовъ къ коммунистамъ, именно въ виду ихъ вражды съ коммунистами.

Но, вѣдомъ, вагонѣ были не коммунисты, но они очень осторожно относятся къ теоріи съ красноармейцами и, вѣдомо, удовлетворяли себя одиночки, не считаясь съ другими въ массѣ. А общенія были открыты и горячи, и имъ пришлось много чего попутывать. Но обыкновенно, красноармейская масса жаловалась на похитителей жизни, обмундированія, обуви, была не достойна для коммунистовъ, такъ какъ въ переломъ въ старой арміи, владѣвшая осужденіе за преступленія, была очень открыта, и памятна, говорили, что кормятъ только мѣсякомъ, а не хлебомъ, и поэтому не до разговоровъ и общенія, которые имъ были не нужны. Это были все землеробы, бывшие до войны на демобилизации съ разнородными войсками, какъ Россия, изъ Кавказа, изъ Новороссіи, Мариуполи и

других южных городов. Они уже видели, какъ было разорено тамъ население, да и сами принимали непосредственное участіе въ этомъ разореніи, участвуя въ карательныхъ экспедиціяхъ советской власти противъ непокорнаго крестьянства, не желавшаго выполнить разверстку, а теперь, приближаясь къ роднымъ деревнямъ, они предполагали встрѣтить дома то же самое, что они видѣли на чужбинѣ, и это сильно ихъ волновало и заставляло рѣзко высказываться о советской власти. Наиболѣе горячіе говорили, что если не пріѣдѣтъ домой найдутъ тамъ все разореннымъ, то пойдутъ въ бандиты, такъ какъ иного исхода нѣтъ. «Дрался я три года, а за что дрался, совершенно не знаю, и теперь только, когда кончилъ драться, вижу, что дрался въ пустоту. Никакого облегченія советская власть не принесла намъ, а только окончательно разорила. Остается взять дубину и пойти на большую дорогу».

Въ началѣ нашего пути моего спутника между станціями Люботинъ и Богодуховъ обокрали, при чемъ воровъ оказался курсаентъ красныхъ кремлевскихъ кавалерійскихъ курсовъ. Онъ ѣхалъ изъ Москвы и помѣтился въ нашемъ вагонѣ. Тутъ же ѣхалъ, какъ онъ самъ себя отрекомендовалъ, начальникъ штаба Харьковскаго Военнаго Округа со своимъ адъютантомъ, личность мало внушавшая довѣрія, какъ по своему вѣшнему виду, такъ и по манерѣ говорить. Всѣ они втроемъ вышли изъ вагона, не доѣзжая до Богодухова, при чемъ, взявъ свои вещи, кавалеристъ - курсаентъ прихватилъ мѣшокъ моего спутника. Было темно, огня въ вагонѣ не было и выходіе скрылось въ темнотѣ. Когда поѣздъ тронулся, мой спутникъ хватился своихъ вещей, ихъ не оказалось на мѣстѣ. Пошли разспросы, какія именно вещи украдены; нашлись люди, которые видѣли, какъ курсаентъ несъ описываемый мѣшокъ; сталъ вспоминать этотъ фактъ и самъ потерпѣвшій, который хотя и замѣтилъ свой мѣшокъ въ рукахъ курсаента, но былъ настолько подорванъ довѣріемъ къ кавалеристу - юнкеру, будущему красному офицеру, что никакъ не могъ предположить, что поспѣдный спосособъ на воровство. Какъ на грѣхъ, незадолго до этого, мой спутникъ раскрывалъ свой мѣшокъ, а въ немъ было порядочное количество табаку, который онъ везъ изъ Крыма домой, и этимъ табакомъ сильно интересовался курсаентъ. Этимъ происшествіемъ были очень смущены оба наши коммуниста и дали обѣщаніе это дѣло такъ не оставить, а когда они будутъ въ Москвѣ, куда они должны были пріѣхать впоследствии, то зайти на куренъ и заявить о кражѣ. Красноармейцамъ же это дало лишній поводъ, чтобы поднять на смѣхъ коммунистовъ и будущихъ красныхъ офицеровъ, и я думаю, что, если бы эта продѣлка была во время замѣчена, то курсаенту жестоко досталось бы за это отъ нихъ.

Красноармейцы узнали во мнѣ бывшаго офицера и очень почтительно относились ко мнѣ, такъ что, несмотря на долгое путешествіе — ѣхали мы отъ Харькова до Гомеля пять сутокъ —, я и теперь съ удовольствіемъ вспоминаю эту поѣздку, которая мнѣ дала очень богатый матеріалъ по наблюденію эволюціи мысли красноармейца и крестьянина вправу, а также еще лишній разъ убѣдила меня, что коммунизмъ непріемлемъ для широкой массы населенія Россіи.

XIII.

30-го апрѣля, въ 4 часа ночи, мы пріѣхали въ Гомель, затративъ, такимъ образомъ, на переѣздъ изъ Симферополя девять сутокъ, что по тому времени надо было считать большимъ срокомъ, такъ какъ поѣздка наша складывалась довольно удачнымъ образомъ, и мы, сравнительно легко, часто совершенно случайно, попадали на поѣзда и даже ѣхали въ собственныхъ отдѣльныхъ вагонахъ. Можно прямо сказать, что намъ повезло. Тинковъ отправился дальше къ себѣ домой въ Метнелавскій уѣздъ; мы сердечно распростились, оставшись довольны другъ другомъ.

Проехав до утра на вокзалъ, я отправился въ городъ искать себѣ квартиру и по случайной случайности нашелъ себѣ уголъ у порядочныхъ людей, которые не жили о моемъ прошломъ, т. е. службѣ у бѣлыхъ. Въ Гомель меня никто не знаетъ и, конечно, не въ моихъ интересахъ было самому рассказывать о себѣ, ибо шестидесяти свѣдѣній о моемъ прошломъ могли дойти до мѣстной Чка и за мной началось бы слѣжка, а теперь я былъ только военнослужащій инженерной пѣхоты 4-ой арміи, уволенный по болѣзни въ отпускъ. Такимъ я и явился въ Уфимвоенкоматъ (Уфимскій военный комиссариатъ, отправляющій функции Уфимскаго военного начальства), предъявивъ свой отпускной билетъ. Здѣсь меня зачислили за собой, выдавъ мнѣ удостовѣреніе на право жительства въ Гомель съ правомъ поѣздокъ на ст. Житковичи, куда я былъ уволень также въ отпускъ инспекціей пѣхоты.

Ст. Житковичи находилась въ 30 верстахъ отъ рѣки Случь, которая служила границей между Польшей и Советской. Эта мѣстность была мнѣ относительно знакома съ прошлаго года, когда я ѣздилъ въ Пинскъ и обратно и, кромѣ того, у меня оставался съ прошлаго же года топографическая карта этой мѣстности въ масштабѣ двухъ дюймовъ. Изучивъ подробно эту карту, я рѣшилъ въ этомъ направлении перейти границу и слѣдовать далѣе на Вильно, гдѣ у меня были знакомые, которые помогутъ бы мнѣ материально, а также благодаря своимъ связямъ, избавили бы меня отъ польскаго концентраціоннаго лагеря.

Кромѣ того, путемъ осторожныхъ вопросовъ, не выдавая своего желанія бѣжать, мнѣ нужно было выяснить, насколько строго охраняется граница, гдѣ находится пограничный Особый Отдѣлъ и въ какомъ мѣстѣ безопаснѣе всего перейти рѣчку. На это у меня ушло времени болѣе двухъ недѣль. Что касается моей поѣздки на ст. Житковичи, т. е. въ районъ пограничной полосы, которая, какъ оказалось, вся была занята агентами - шпионами Чка, то у меня на случай, если бы при проверкѣ документовъ спросили, почему я оказался въ этой мѣстности, былъ придуманный отвѣтъ: «Буду за своими вещами, которые я оставилъ на хуторѣ за Житковичами въ прошломъ году при послѣднемъ отправленіи изъ Пинска билетомъ съ отпускомъ штабомъ 4-ой арміи». Это въ действительности такъ и было, но только не со мной, а съ нѣкоторыми сослуживцами по штабу 4-ой арміи.

Начесть, 17-го мая и тронулся въ путь - дорогу, сказавъ дома, что буду за своими вещами въ Житковичи и что на это имѣю разрѣшеніе отъ Уфимвоенкомата. Въ то время, какъ я уже выше упомянулъ, не существовало правильнаго пассажирскаго движенія и билетовъ на проездъ покупать не надо было: все было бесплатно, въ томъ числѣ и багажъ по желѣзнымъ дорогамъ. Тѣхъ мнѣ надо было въ направленіи Рѣчица - Калинковичи (Могилы). Изъ окрестностей этихъ мѣстечекъ болышакіе вагоны изъ Гомеля дрова, заготовленные прошлой зимой дѣшевизированными дружинами для желѣзной дороги. Остатки обратно ежедневно отвозились въчернокопый составъ товарныхъ вагоновъ, внося за дровами, и вотъ въ этомъ составѣ мнѣ удалось устроиться билетомъ съ другими. Ехавшими до Могилъ по своему плану, и доѣхавъ до ст. Калинковичи. Здѣсь по частливости черезъ сутки на подобный же поѣздъ и доѣхавъ до ст. Житковичи. По дорогѣ была отстоянка въуездѣ, и прѣдъявить свое удостовѣреніе и, какъ не виноватый, прошелъ поворѣнку, былъ освидѣтельствованъ и доѣхавъ въ двое сутокъ до ст. Житковичи, а выехать на этой станціи и отправился по знакомой мнѣ дорогѣ въ сторону Поневичи. Проѣхавъ перекрѣ четыре, и свернуть съ дороги въ дѣсь и двинуться уже по помойку и каретъ, тщательно набравъ въручѣ съ кѣмъ-либо, а также болѣе извѣстнаго хутора, которыхъ здѣсь было особенно много, такъ какъ эта станція особенно извѣстна, много разспросивъ мнѣ было извѣстно, что въ этомъ извѣстной полосѣ и особенно въуездѣ находится на сѣдѣ у мѣстной Чка и, конечно, съ о извѣстномъ вѣдомомъ имъ человекомъ, особенно въ настоящее время, когда въуездѣ была большая тѣнь бѣженцевъ за рубежъ. Дело въ томъ, что, какъ и въ Поневичи, въуездѣ, домобликованіи арміи и изъ различныхъ

воинских частей были уволены в беззачетный отпуск красноармейцы, родина которых была в окрестностях Лунища и Пинска. Местности эти отошли по Рижскому договору к Польше к последней, а в штабах воинских частей, благодаря невежеству и безграмотности начальства, а также и секретности Рижского договора (долгой тайные договоры), который большевики весь не опубликовали, никто не знал, где проходит настоящая граница между Польшей и Советской, и увольняли в означенные пункты беззачетноотпущенных красноармейцев, которые, приехав в Калининичи и Житковичи, узнавали, что они теперь уже подданные Польши, а через границу их не пропустила местная Чеха.

Таким образом, в этих двух пунктах скопилось несколько тысяч таких красноармейцев, которые сидели на весьма скудном пайке, томилась от безделья и неизвестности и рвались домой. Размещены они были отвратительно в неоплаченных домах с выбитыми окнами и дверями. Некоторые из них сидели уже давно, с января месяца сего года. Наиболее ярые протестовали против задержки их отправки на родину, но были местной Чехой арестованы и в наказание остальной публики расстреляны. После этого вся эта масса притихла, но за то началось усиленное бегство за границу и именно в этом направлении, которое и я избрал для себя. Обо всем этом я раньше ничего не знал и слышал только в вагонах от бывавших со мной красноармейцев, случайных попутчиков. Из которых, счастливицам удавалось простолезить через границу, но большинство арестовывалось агентами Чехы и отправлялось в Житковичи, где для них была устроена тюрьма в помещении двух еврейских синагог и сельской школы, окруженная высоким забором и оутанная колючей проволокой. Кроме того, через границу перевозилась в большом количестве контрабанда, которую большевики преследовали, и пойманные контрабандисты отправлялись тоже в эту тюрьму. Конечно, по большевистскому обычаю шла жестокая расправа с обитателями этой тюрьмы, по ночам постоянно были слышны расстрелы и, хотя все это было известно красноармейской демобилизованной массе, тоска по родине и ужасные условия жизни у большевиков гнали их к границе.

В этом году было большое половодье, а я не приняв этого во внимание при своем выступлении в путешествие. Местности, по которой мне пришлось идти, находится в бассейне реки Припяти, перерезана массой мелких ручьев, впадающих в Припять, которая летом пересыхает от жары, а в настоящее время была полна водой. Кроме того, эта местность была предверием знаменитых Пинских болот, и мне было очень трудно идти без дорог, только по компасу глухими Полесскими лесами. Приходилось делать большие обходы трясин, попадая иногда в совершенно безвыходное положение, сбиваясь с пути и опять выправляя направление по компасу. Это не было обыкновенный сосновый лес, а сплошная трясина, поросшая вязом, осинкой и березой. Если прибавить к этому огромное количество комаров, которые тучами меня окружали, то легко представить себе, как мне было трудно идти этим путем. По карте расстояние от Житковичей до границы выходило в 30 верстах, но я думаю, что прошел больше в два раза, блуждая по болотам. Переночевав в лесу на болотной кочке и не сомкнув ни на минуту глаз, несмотря на усталость, так как утки комаров не давали мне покоя, я, как только рассвело, тронулся дальше и, в конце концов, через двое суток своего лесного путешествия пришел к заветной цели: к реке Случь, в назначенное мною по карте место, определив точку стояния компасом. Но к моему большому горю р. Случь в данный момент была шириною более 30-ти саженей, благодаря большому половодью, в то время как в июльские жары она пересыхала настолько, что ее можно было перейти свободно в брод. Берега были сильно болотисты и лесисты; кругом не было ни живой души, и, будь у меня топор, я мог бы смастерить плот, на который бы сложил свою одежду, и вплавь перебрался бы на тот берег, толкая плот перед собой; плыть же в одежде я не рисковал.

моя бы утонуть, являясь же въ Польшу въ костюмъ Адама тоже было немислимо. Зналъ, что вправо и влево отъ точки моего стоянiя, верстахъ въ 3—4, есть переправа, и, осторожно пробравшись лѣсомъ, отправился осматрѣть ихъ, разчитывая, если онѣ не заняты, перейти по нимъ границу, но и здѣсь меня постигло разочарованiе: на обѣихъ переправахъ стояли красноармейскiе караулы. Осторожно поспѣшавшiе назадъ, я скрылся въ ташѣ лѣса, не замѣченный карауломъ, и рѣшилъ возвратиться обратно въ Гомель, отложивъ попытку бѣгства до болѣе удобнаго времени. Теперь мнѣ нужно было выйти на какую нибудь дорогу и идти мѣло по ней на ж. д. разлѣздъ «Дѣдовна», который по картѣ находится отъ меня верстахъ въ 10. Мнѣ только нужно было незаметно отойти отъ самой границы, дабы же и рѣшилъ перейти на легальное положенiе и въ случаѣ, если бы кто-нибудь изъ агентовъ Чека меня остановилъ, то я рѣшилъ, предъявивъ выданное мнѣ Указвоенкоматомъ удостовѣренiе на право поѣздки въ Житковичи, заявить, что я возвращаюсь съ хутора, гдѣ взялъ свои оставленные въ прошломъ году вещи, которыя могъ предъявить въ доказательство этого: у меня былъ съ собою мѣшокъ съ бѣльемъ и запасной одеждой.

Благодаря компану и картѣ я скоро вышелъ на дорогу, ведущую на Дѣдовку, а вѣсело было на ней. Меня шло по дорогѣ не вѣгивали. На разлѣздѣ было тихо и пустынно, сидѣлъ только дежурный красноармеецъ отъ желѣзнодорожнаго батальона, который объяснилъ мнѣ, что поѣздъ ушелъ въ Житковичи вчера и снова пойдетъ только черезъ два дня. Дѣло въ томъ, что отъ ст. Житковичи и до границы — до моста черезъ рѣку Случь — эксплуатация желѣзной дороги была въ рукахъ воинскихъ властей, и здѣсь ходили, такъ называемыя, «минутки» — поѣзды, состоящие изъ 2—3 товарныхъ вагоновъ, обескураживаемые желѣзнодорожными батальонами. Кроме того, здѣсь, равно какъ и въ Житковичахъ, стояли броневой поѣздъ: со ту сторону границы на ст. Дохва, по свѣдѣнiямъ батальончиковъ, стоялъ съ двумя поездами Бухачъ-Балаховичъ, и они сильно побаивались его.

Я очень усталъ, меня клонило ко сну, вѣдь я не спалъ четыре ночи, ибо въ вѣснѣ, будучи еще до ст. Житковичи, спать не представлялось возможности, кроме того первая, напряженно работая все время, теперь совершенно ослабла, и я чувств. не выспавшейся ночи. Войдя въ компану телеграфиста-красноармейца и объяснивъ ему, что я военнопленный, возвращаюсь обратно въ Гомель, показалъ ему свое удостовѣренiе и сказалъ, что очень усталъ, пройди боковой путь съ хутора, куда ходилъ за своими вещами. Красноармеецъ любезно предложилъ мнѣ лечь на его паря, и я заснулъ мертвымъ сномъ. Проснувшись уже поздно вечеромъ, я рѣшилъ, несмотря на усталость, идти пешкомъ въ Житковичи, но изъ-за этого пришлось на двѣсти начекавшихъ участка желѣзной дороги, который черезъ это время долженъ былъ возвращаться обратно въ Житковичи, я попросилъ его помочь мнѣ, что онъ охотно и исполнилъ.

Прибывъ въ Житковичи, я узналъ, что поѣздъ, пойдеть въ Калининскіи госпозъ черезъ три дня: такъ какъ разлѣзненіе отъ Житковичей до ст. Калининскіи пришлось въ Гродно, то пришлось ждать три дня. Недалеко отъ станціи находился дворянскіи дворъ, который содержалъ еврей, подкупивъ тамъ, что у него жилъ некто пограничникъ Чека, такъ какъ въ то время еще никакии торговая администрація Советской власти не разбита была. Вотъ эти три дня я и провелъ въ желѣзномъ дворѣ. На второй день моего пребыванiя, около 11 часовъ вечера, пришелъ ко дворъ агента Чека съ обыскомъ и предложили предъявить вѣсѣмъ намъ удостовѣренiе. Я предъявилъ свое удостовѣренiе, и они имъ удовлетворились.

Въ этотъ вечеръ съ еврейкой, содержательницей постояннаго, а также съ его женою, еврейкой, происшедшей изъ, прибывшими изъ мѣстечка Турова погостить въ домъ, и, такъ какъ они сами очень много интересныхъ наблюденiй. Обыкновенно еврей, живя въ дворѣ, ничего не было изъ агентовъ Чека, старика еврей, который познакомился со мной, мой политическiи убѣжденiя и убѣдился въ томъ, что и не имѣя никакихъ данныхъ германскаго гражданства на Советскую власть, при чемъ

къ нему присоединился и его зять. Конечно, его жалобы на нынѣшнее положеніе всегда сопровождалісь сравненіемъ съ прежнимъ режимомъ и выходило такъ, что тогда было золотое время. «Вотъ, что вы скажете, господинъ. Тогда у насъ была черта освѣдлости, и мы не имѣли права нигуда выѣзжать. Жилъ я въ Туронѣ, понадобилось мнѣ ѣхать въ Кіевъ по дѣламъ. Ѣхалъ на пароходъ и черезъ сутки былъ въ Кіевѣ. Выхожу на пристань, смотрю: стоитъ городской и машитъ къ себѣ пальцемъ. Ну, я поинялъ уже въ чемъ дѣло; подошелъ къ нему и положилъ ему въ руку рубль. Онъ только сказалъ: «Ступай себѣ». Прожилъ я въ Кіевѣ пять дней, сдѣлалъ всѣ свои дѣла и вернулся обратно. А вотъ теперь черту освѣдлости отмѣнили, а выѣхать никто не можетъ, такъ какъ безъ удостовѣренія на право выѣзда нигуда не пускаютъ, а удостовѣренія не даютъ; положимъ, удостовѣреніе получить можно, но для этого надо дать въ Чека 200 000 рублей (въ то время порядочная сумма), а откуда я ихъ возьму, да и это бы еще ничего, а дѣло въ томъ, что чѣмъ дальше поѣдешь, тѣмъ больше надо давать: и Чека, и милиціи, и кондукторамъ, и всѣмъ, кто на бѣдномъ еврейчикѣ нажиться хочетъ. Нѣтъ, господинъ, прежде съ городovýmъ лучше было».

Жаловались они и на запретъ торговли, на постоянныя реквизиціи и аресты — однимъ словомъ на все, отъ чего вездѣ стоналъ обыватель. Когда же я возразилъ имъ, что евреи, казалось бы, теперь должны лучше жить, такъ какъ вездѣ у Совѣтской власти фигурируютъ евреи, и указалъ при этомъ на Троцкаго, Зиновьева и другихъ видныхъ представителей центральной власти, то на это получилъ отвѣтъ:

«— Ой, господинъ, что вы говорите. Какіе же это евреи, холера имъ въ животъ! Развѣ это евреи? Когда наши еврейчики ходили къ Троцкому депутаціей просить, чтобы онъ оставилъ всякія безчинства и ушелъ бы изъ комиссаровъ, потому за это еврейамъ не пойдоровится и имъ будутъ устраивать погромы; такъ таки, что, вы думаете, онъ сказалъ? Онъ сказалъ, идите отъ меня прочь, я не еврей, а интернационалистъ, и мнѣ до васъ, буржуевъ, никакого дѣла нѣтъ. Правда, за это его предали хериму въ синагогѣ. Ну, такъ, господинъ, отъ этого ему хуже не стало, онъ себѣ живетъ въ Москвѣ, а бѣдныхъ евреевъ рѣжутъ Балаховскіе бандиты. Правда, и здѣсь, въ Гомелѣ, есть много молодыхъ евреевъ, которые служатъ въ Чека, ну, такъ вѣдь это все «шущимъ» — нигуда негодные люди, про которыхъ въ Талмудѣ сказано, что они будутъ у власти на вредъ людямъ, только ненадолго. Они и въ синагогу не ходятъ, и въ Бога не вѣруютъ. Нѣтъ, господинъ, мы ихъ за своихъ не считаемъ и они насъ тоже».

«Ну, а какъ вамъ жилось здѣсь, въ Житковичахъ въ прошломъ году, когда были Булакъ - Балаховичъ? Мнѣ много говорили, что онъ сильно притѣснялъ евреевъ?»

«Нѣтъ, господинъ, неправда это, жилось не хуже другихъ; никого онъ изъ нашихъ не трогалъ, если только не служилъ у большевиковъ или не былъ коммунистомъ. Правда обмыки были, мы сами знаемъ, что безъ нихъ не обойтись, но жаловаться на эти обмыки нельзя. Я самъ видѣлъ Балаховича. Его позвѣдъ стоялъ на станціи, такъ мы ходили туда смотрѣть, и насъ никто не прогналъ и никакой обиды не причинилъ. Все было чинно. А вотъ, когда пришли обратно большевики, такъ опять пошелъ опросъ: «почему васъ Балаховичъ не разстрѣлялъ? Значитъ, вы ему служили?» У Балаховича было все равно: что русскій, что еврей, что полякъ; коммунистовъ онъ всегда ставилъ къ стѣнкѣ, а другихъ людей не трогалъ».

Гуляя нечего дѣлать по мѣстечку и станціи, я наткнулся на группу «американцевъ». Это были русскіе эмигранты изъ Америки, пробывшіе тамъ по пяти и десяти лѣтъ и въ настоящее время, соблазненные тамъ коммунистической пропагандой о жизни въ Совѣтскомъ раю, вернувшіеся обратно на свою родину. Какъ они рассказывали, мѣсяца два тому назадъ прѣехали прямо въ Петроградъ, согласно маршруту Совѣтскихъ властей, «чтобы протянуть дружественную руку американскаго рабочаго русскому пролетаріату». И вотъ съ той поры начался

ить милостыню. Конечно, никакой работы на Петроградских заводах и фабриках они не получили, а между тем надо было есть и пить. Бесплатных государственных столовых и общежитий, о которых так много писалось в коммунистических газетах, издаваемых в Америке, они не нашли. Хорошо, что еще их оставили жить на станции в тех вагонах, в которых они прибыли. Доллары, которые они привезли с собой, советская власть у них отобрала, выдав вместо них по своему курсу советские рубли, да кетати, попутно и реквизировала у них те лишние костюмы, которые они привезли с собой. Советские деньги при той дороговизне, которая в то время была в Петрограде, быстро были израсходованы на пропитание; дальше жить было не на что. Пришлось продавать с себя одежду. Между тем волокита по отправке на родину была нейтротная. Несколько раз опрашивали агенты Чека: Зачем прибыли? Что делали в Америке? Написали массу анкет. Некоторые хотели ехать обратно в Америку: советская власть не выпускает, да и Америка не принимает. Наконец, после долгого сидения в Петрограде, разрешили ехать домой, но когда прибыли сюда в Житковичи, то оказалось, что их деревни отомши под Польшу, о чем в Петрограде им не сказали. Здесь пограничная Чека задержала их и не пропускает за границу домой. Уже несколько недель сидят они в товарных вагонах на станции и ждут у моря погоды. Окончательно промфали все свою одежду, привезенную из Америки на хлеб и сало мѣтным крестьянам, сильно завишавшим, о чем в Америке забыли и думать, появился эпидемия тифа. Хотели они написать письма в Америку, чтобы предупредить оставшихся там русских, мечтающих о советском рае, чтобы они неехали сюда, но большевистская цензура не пропускает этих писем. Надо было только послушать те проклятия, которые они сыпали на голову большевиков и тех, кто обманывал их предестиями коммунистической свободы. П свободой этой тоже порядком досталось. Конечно, тут же делались сравнения с американской жизнью и ее свободой. Говорили они, что как только придут домой в Польшу, то сейчас же напишут обо всем в Америку. Сколько времени эти американцы пробыли в Житковичах, в ожидании пропуска на родину — не знаю. Но после через четыре года этого я встретил в Гомеле одного знакомого, который был на ст. Житковичи, и он говорил мне, что эти американцы все еще сидят в Житковичах.

Наконец, отомель поехали на Гомель, куда я снова в товарном вагоне добрался. Неудача первой попытки бежать из советского рая в этом направлении не разочаровала меня, и я решил ее повторить, как только представится к тому удобный случай.

Между тем срок моего месячного отпуска истек, и я был назначен Удвоенкоматом на комиссию врачей для определения степени моего здоровья. Здесь я заметил, что мое еще не восстановилось, и, поэтому, я просил дать мне еще один месяц отпуска. Комиссия врачей отравила меня на обследование к врачу окулисту, который после тщательного исследования действительно нашел, что зрение у меня еще не восстановлено, в чем и выдал мне удостоверение, согласно которого комиссия продлила мне отпуск еще на один месяц. Таким образом, я списывался с учета по моему прежней службе и зачислялся на учет в месячный Удвоенкомат, откуда, как я упоминал выше, по окончании отпуска должен был получить новое назначение.

• • •

Когда я еще был в Крыму, в северной Таврии и на Украине постоянно происходили спешные разбои о бандитах, о чем я писал раньше. При разоблачении мажорности, а также при правдивейшей советской печати, которая пишет только то, что выгодно коммунистам, нам ничего не было известно о бандитах в Западном Крае, тем более что, будучи здесь в прошлом

году, мы ничего про него не слыхали, такъ какъ дѣйствительно въ прошломъ году его здѣсь не было. Отдѣльные слухи доходили до насъ о постоянныхъ возстаніяхъ и о работѣ бандъ на Дону, Кубани и Сѣверномъ Кавказѣ, но про Западный Край ничего не было слышно, и я предполагалъ, что здѣсь въ этомъ отношеніи спокойно. Каково же было мое удивленіе, когда, еще подъѣзжая къ Бахмачу, мы услышали въ поѣздѣ, что не только здѣсь мы можемъ подвергнуться нападенію бандитовъ, которые скрываются недалеко отъ станціи въ лѣсу, но и далѣе у Гомеля оперируютъ банды знаменитаго здѣсь Галаха. Это имя въ Гомельской губерніи было у всѣхъ на устахъ и окружено ореоломъ таинственности и святостью идеи борьбы съ коммунистами и, увы, съ евреями. Дѣйствительно, проживъ въ Гомелѣ мѣсяцъ я почти ежедневно слышалъ о его лихихъ полетахъ на мѣстечки, поѣзда и пароходы, ходившіе по рѣкѣ Сожу, при чемъ послѣдніе обыкновенно останавливались имъ у мѣстечка Лоева, при впаденіи Сожа въ Днѣпръ. едѣ Галахъ, повидимому, имѣлъ свою постоянную резиденцію.

Какъ рассказывали, Галахъ былъ крестьянинъ Гомельскаго уѣзда, участникъ Великой войны, произведенный за храбрость изъ солдатъ въ офицеры. Вернувшись по демобилизаціи старой арміи къ себѣ на родину, въ родную деревню, Галахъ увидѣлъ ту массу зла, которую причинили крестьянамъ коммунисты и выступилъ съ протестомъ противъ нихъ, а когда послѣдніе хотѣли его арестовать, онъ своевременно скрылся, набравъ себѣ банду около 60 человѣкъ, отъ которой пошли развѣтвленія по всей Гомельской губерніи и которыя въ свою очередь образовали новыя банды, и имя Галаха сдѣлалось грознымъ, какъ для коммунистовъ, такъ и для евреевъ, которыхъ онъ отождествлялъ съ коммунистами, играя въ этомъ отношеніи на неприязни бѣлорусса къ евреямъ вообще. Дѣйствительно бѣлоруссы, видя во всѣхъ совѣтскихъ органахъ и въ мѣстныхъ коммунистическихъ организаціяхъ еврейскую молодежь на отвѣтственныхъ постахъ, которая отличалась своей жестокостью, переносили ненависть и на еврейскую массу, которая сплошь и рядомъ страдала точно такъ же, какъ и другіе, отъ коммунистическаго произвола. Это, конечно, было большое зло, но никто не могъ убѣдить или доказать, что еврейская масса здѣсь не при чемъ. Обыкновенно по городу съ особымъ удовольствіемъ передавали слухъ, что нѣсколько дней тому назадъ, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстечкѣ, Галахъ со своими молодцами вырѣзалъ мѣстный совѣтъ, состоящій изъ коммунистовъ, и заодно съ ними всѣхъ евреевъ мѣстечка, не щадя ни пола, ни возраста. Въ подтвержденіе этихъ слуховъ въ Гомель начали прибывать изъ окрестныхъ мѣстечекъ бѣженцы - евреи, которыхъ совѣтская власть стала вселять въ квартиры, уплотняя населеніе, и мнѣ пришлось самому слышать рассказъ еврея, прибывшаго изъ Городни - Гомельской о томъ, какъ бандиты, ворвавшись къ нимъ въ домъ, убили его мать и брата, онъ же избѣгъ той - же участи только потому, что въ это время не былъ дома. Обыкновенно послѣ такого налета изъ города посылались отрядъ милиціи, но когда онъ прибывалъ на мѣсто, то тамъ уже никого не было.

Въ концѣ іюня мѣсяца былъ случай, что въ Лоевѣ были остановлены въ одинъ день два парохода — одинъ изъ нихъ «Восходъ», названія другого не помню. Это были два лучшихъ парохода воднаго транспорта, образованнаго изъ націонализированныхъ судовъ частныхъ владѣльцевъ. Одинъ изъ этихъ пароходовъ отошелъ изъ Гомеля на Кіевъ, наполненный публикой, а другой подымался вверхъ изъ Кіева къ Гомелю. Мѣстомъ встрѣчи ихъ была мѣстность около Лоева. Первымъ былъ остановленъ пароходъ шедшій изъ Гомеля, на который были наведены съ берега пулеметы, и капитанъ, видя послѣдніе, исполнилъ требованіе бандитовъ и присталъ къ берегу, тѣмъ болѣе, что находившаяся на пароходѣ команда красноармейцевъ для охраны его, зная, что бандиты красноармейцамъ, не оказавшимъ сопротивленія, ничего не дѣлаютъ, требовали у капитана исполненія приказанія бандитовъ. Бандиты вошли на пароходъ вооруженные до зубовъ, прекрасно обмундированные, оставивъ на берегу съ коноводами отличныхъ верховыхъ лошадей. Какъ передавали впоследствии очевидцы, у нихъ была строгая дисциплина

и беспрекословное исполнение приказаний начальника. Пассажирамъ было приказано выйти на берегъ, при чемъ коммунистамъ и евреямъ — стать въ одну сторону, а остальной публикѣ въ другую. Поездъ этого была произведена повѣрка документовъ и вновь обнаруженные коммунисты привлекались изъ общей толпы. Въ это время показался пароходъ, шедшій снизу. Съ нимъ и съ его пассажирами было поступлено точно такъ-же. Поездъ сортировки пассажировъ коммунисты и евреи были перебиты и брошены въ воду, а остальной публикѣ было предложено идти, кто куда хочетъ, при чемъ никакого насилія надъ ними не было сдѣлано, равно какъ и надъ красноармейцами. Пароходы же были сожжены. Всего погибло при этомъ 72 человѣкъ. Этого происшествія въ Гомелѣ скрыты уже было нельзя, такъ какъ сюда пришли очевидцы и рассказывали обо всѣхъ этихъ ужасахъ. Гомельскій Губернскомъ вынуждѣнъ по этому поводу официальное сообщеніе, появившееся на страницахъ «Полтвской Правды» и расклевенное отдѣльными «землепашами на стѣнахъ домовъ, въ которомъ говорилось о происшедшемъ и въ которомъ было помѣщено предупрежденіе всему населенію, что въ случаѣ, если кто-либо изъ пассажировъ, при слѣдующемъ налетѣ бандитовъ на пароходъ или поездъ, будетъ себя держать насильно и не окажетъ сопротивленія, а также и не предприметъ ничего къ защитѣ коммунистовъ и евреевъ, то будетъ преданъ суду, какъ соучастникъ бандитовъ. Это дѣтское распоряженіе только сократило число пассажировъ на пароходахъ.

На Соезѣ появились канонерки. Это были товарные пароходы, съ поставленными на нихъ орудіями и пулеметами, но пользы дѣлу они не принесли, такъ какъ, конечно, банды съ ними въ открытый бой не вступали, а нападенія на пароходы продолжались въ теченіе всего дѣла, ибо канонерки не конвоировали суда, а только занимались патрулированіемъ по рѣкѣ, и банды, всегда прекрасно осведомлялись о мѣстѣ нахождения канонерокъ, дѣлали нападенія на пароходы тамъ, гдѣ канонерокъ не было.

Сожженіе этихъ двухъ пароходовъ нанесло большой ущербъ водному транспорту Гомельскаго уѣзда, такъ какъ, несмотря на то, что въ дореволюционное время по рѣкамъ Соку и Дятлу существовали большие пароходныя общества, водный транспортъ, какъ таковой, существовалъ, ибо почти все пароходы прежняго торгового флота стояли теперь у пристани или были вынесены подводнымъ на берегъ; машины у нихъ были испорчены, а сами пароходы не отремонтированы. Все, что болѣе или мѣнѣе представляло цѣнность, какъ-то: мѣшныя части, трубы и т. п., неизбежно дѣла, было похищено. Жалко было смотрѣть на эти пароходы, которые какъ-то ходили по рѣкѣ. Они были совершенно не отремонтированы, не выкрашены, съ плохо обученной командой, лишенные какого-либо удобства. Ремонтъ пароходамъ не производился, и они были пущены въ ходъ въ томъ же состояніи, въ которомъ окончили прошлогоднюю кампанію. О правдивомъ, всѣмъ населенію беречь и подмазкахъ говорить не приходилось, а также и объ отбывѣ рѣки многими тысячами машинами. Пароходы постоянно терпѣли аварии и застрѣвали на мель.

Случаи съ нападеніемъ на пароходы были далеко не единственными. Въ теченіе дѣла были совершены нападенія на баржи съ ельникомъ, собраннымъ на зимнюю дугу, лугахъ подъ Лоссами. Эти баржи были сожжены во время слѣдованія въ городъ Гомельскаго Угрюмбѣ, а также были сожжены стоящими на заплахѣ съ разными рода судна разныхъ наименованій, принадлежавшія къ водному транспорту.

Несмотря на то, Гомель имѣлъ мѣсто ежедневно по софской печатью объявленій объ арестахъ, и только какой-либо особенный случай расправы съ коммунистами и евреями успѣло доходить до Гомеля, возмущая еврейское населеніе, и тогда въ Гомель приходило было узнать, шла ли мѣшка на страницахъ «Полтвской Правды» о казняхъ, объ этомъ, официальное сообщеніе Губернскомъ.

Въ началѣ сентября въ Гомель пришла вѣсть, о налетѣ банды на станцію Абрамовецъ, находящуюся на мѣстѣ желѣзной дороги Воеводичи Хойники По-

лесных, желважных дорогъ. Это была особенно зѣбрская расправа, жертвами которой стали вновь коммунисты и евреи. Какъ мнѣ рассказывали очевидцы этого нападенія, когда поѣздъ подошелъ къ ст. Абрамовской, на платформѣ находились прекрасно вооруженные и одѣтые бандиты, числомъ около 30 человекъ. Станція оказалась изолированной отъ другихъ станцій выключеніемъ телеграфа и телефона. Интересно отмѣтить, что слѣдующая станція была «Хойники», въ которой стоялъ софтекій канастерійскій полкъ XI-ой дивизіи, узнавшій о происшедшемъ уже послѣ того, какъ бандиты скрылись. Бандиты окружили поѣздъ и приказали всѣмъ пассажирамъ выйти изъ вагоновъ, произвели повѣрку документовъ, причѣмъ коммунистовъ и евреевъ заперли въ помѣщеніи станцій, а прочихъ пассажировъ въ вагонахъ. Грабежа или какого-либо насилія къ послѣднимъ примѣнено не было. Коммунистовъ и евреевъ выводили по очереди изъ помѣщенія станцій и тутъ же ломомъ разбивали имъ головы. Всего при этомъ погибло 32 человека. Картина этой зѣбрской расправы была настолько ужасна, что нѣкоторые изъ очевидцевъ забыли первымя разстрѣлявшаго. Стѣны станцій были забрызганы кровью и мозгами убитыхъ. Сдѣлавъ свое дѣло, бандиты сѣли на коней и скрылись. Присланные впоследствии сюда конныя части XI-ой дивизіи, несмотря на тщательные поиски, бандитовъ не нашли.

До чего должно огрубѣніе нравовъ у народа во время гражданской войны, можно судить по тому, что рассказы объ этихъ ужасахъ не вызывали сожалѣній къ несчастнымъ, попавшимъ въ руки бандитовъ, а наоборотъ человекъ, который не могъ смотрѣть, какъ рѣжутъ курицу, въ данномъ случаѣ говорить, что потерпѣвшіе достойны понесенной ими кары и хорошо было-бы, если бы было возможно вырѣзать всѣхъ остальныхъ коммунистовъ и евреевъ въ одинъ разъ. Сколько надо было вынести страданій такому человекѣ, а также и наглядѣться на чужія страданія, чинимыя коммунистами, чтобы дойти до такого рѣшенія?

Въ концѣ концовъ, Галахъ былъ все-таки убитъ, о чемъ осенью было выпущено оффиціальное сообщеніе Губисполкома. Губека, отказавшійся изловить его ронскими командами, подослалъ къ нему трехъ коммунистовъ, которые должны были войти къ нему въ довѣріе и при случаѣ его убить. Двое изъ нихъ были изобличены Галахомъ и разстрѣляны, третій же успѣшно выполнилъ свою миссію. Галахъ сдѣлалъ его своимъ ординарцемъ, и тотъ какъ-то вечеромъ, слѣдуя съ нимъ идомея, выстрѣломъ изъ револьвера сзади убилъ его. Галаха не стало, но дѣло его не пропало. Тотчасъ-же появились его замѣстители различныхъ наименованій и стали жестоко мстить за смерть своего начальника, вымѣщая злобу преимущественно на несчастныхъ евреяхъ, которые въ паникѣ потянулись въ Гомель, бросая свои насинженные мѣста.

XIV.

Кончился июль мѣсяцъ и вмѣстѣ съ нимъ мой отпускъ; я опять явился въ Уѣздвоенкоматъ, который направилъ меня снова въ комиссію по освидѣтельствуванію здоровья. Я попросилъ врачей дать мнѣ удостовѣреніе въ томъ, что я по состоянію своего здоровья годенъ къ строевой службѣ. Врачи исполнили мою просьбу, признавъ меня годнымъ къ службѣ на административныхъ или хозяйственныхъ должностяхъ, и я былъ зачисленъ въ резервъ чиновъ, въ ожиданіи открытія таковой должности, при чемъ этимъ я снискался съ мѣста своей прежней службы, что мнѣ только и надо было. При томъ хаосѣ въ дѣлопроизводствѣ, который, какъ я замѣтилъ, царилъ въ Уѣздвоенкоматѣ, я былъ увѣренъ, что послѣднимъ штабъ войскъ Украины не будетъ извѣщенъ о случившейся перемѣнѣ въ моемъ послужномъ спискѣ, а также и о мѣстѣ моего нахождения и, слѣдовательно, и теперь уже «затерялся». Черезъ недѣлю послѣ этого вышелъ приказъ по войскамъ Р.С.Ф.С.Р. о демобилизаціи офицеровъ свѣже 35-лѣтняго возраста, при чемъ все-таки были сохранены традиціи и должность помощника инспектора

пфхоты, являясь была приравнена к должности командира бригады, а таковой могъ бытъ уволенъ отъ службы только въ томъ случаѣ, если къ 1-му января 1921 года ему не исполнилось 50 лѣтъ и если къ тому же онъ не состоятъ въ чинѣ генерала, что обыкновенно случалось до 60 лѣтъ. Какъ по своимъ лѣтамъ, такъ и по чину я не подходилъ въ этой категоріи, но тѣмъ не менѣе я въ Уфздвоенкоматѣ, гдѣ мнѣ было предложено написать самому себѣ послужной списокъ, отомѣтить себя подполковникомъ и сообщить, что мнѣ 53 года и поэтому я прошу меня уволить отъ службы. У меня спросили метрическое свидѣтельство, котораго, конечно, у меня не оказалось, тогда меня отприслали опять въ комисію врачей, которая должна была отприслать мой возрастъ по парижскому виду. Врачи согласились съ моимъ возрастомъ и лишь одинъ комисаръ комисіи сообщался только на 52 года, но это мнѣ было рѣшительно все равно. Съ рѣшеніемъ комисіи относительно моего возраста и отприсланы въ Уфздвоенкоматъ, который и уволить меня въ безсрочный отпускъ. Такимъ образомъ я получилъ съ большевѣтской военной службой и послужилъ въ Гомельской городской милиціи советскій паспортъ срокомъ на шесть мѣсяцевъ, въ которомъ я именоваденъ просто уже гражданникомъ. Это меня уже окончательно устраивало, но 10-го июля послѣдовать опять приказъ, согласно котораго всѣ бывшіе офицеры должны были явиться вновь въ Уфздвоенкоматъ и заносить шенки, въ которыхъ, въ числѣ другихъ вопросовъ, стояли: 1) Были, бывшій чинъ? и 2) Не служили ли Вы въ бывшихъ арміяхъ: Деникина, Колчака, Врангеля и Миллера? На первый вопросъ я написалъ: «подполковникъ», а на второй: «никогда въ бывшихъ арміяхъ не служилъ»; и очень хорошо сдѣлалъ, ибо представители всѣхъ офицеровъ, служившіе въ бывшихъ арміяхъ, были высланы въ концентраціонный лагерь въ г. Череповецъ. Такимъ образомъ большинство наблюдателей тѣхъ, кто, хотя и принудительно, служилъ имъ во время польской войны.

Такимъ образомъ, я сдѣлалъ относительно свободнымъ человекомъ, если такъ можно было въ Советѣ, но я былъ безъ всякихъ средствъ, и мнѣ нужно было есть и пить. Приходилось надъ этимъ вопросомъ задумываться, такъ какъ въ то время еще «Наша» не существовала и, следовательно, служить гдѣ-либо въ частномъ учрежденіи не представлялось возможнымъ, за исключениемъ такихъ. Поэтому пришлось искать мѣста снова въ какомъ нибудь советскомъ учрежденіи, чтобы обезпечить себя пайкомъ. На мое счастье и вѣстрѣтилъ въ Гомелѣ своего знакомаго, съ которымъ служилъ въ инженернѣй пфхоты 4-ой арміи, когда она была въ прошломъ году въ Гомелѣ. Знакомый этотъ, при переброскѣ пфхоты 4-ой арміи въ Крамъ, поѣхалъ туда и, какъ имѣнный связи съ советской администраціей, устроился на службѣ въ Гомелѣ. Узнавъ отъ меня, что я теперь нахожусь безъ мѣста, а следовательно мнѣ прожить голодное существованіе, онъ предложилъ мнѣ поступить въ агрономическое отдѣленіе Гомупротруба въ качествѣ инструктора, говоря что хотя жительство тамъ и не большое, но за то я буду обезпеченъ едой, инструментаріемъ, пайкомъ, и хотя это учрежденіе и военное, но я тамъ буду служить по военному пайку и, следовательно, если мнѣ эта служба не понравится, то я могу уйти отсюда, когда захочу. На выраженное мною сомнѣніе въ возможности моего къ агрономической службѣ онъ заявилъ, что это не такъ далеко, лишь бы зарплату жалованье, а онъ уже все устроитъ, такъ какъ въ Уфздвоенкоматѣ у него есть знакомство. Мнѣ не пришлось выбирать, и я поспѣшилъ сообщить о немъ, что за предложеніе и согласился. Мы условились на завтра съѣздить въ Уфздвоенкоматъ.

Выяснилось, что это учрежденіе по снабженію красной арміи по Гомельской губерніи. Служащій это — приблизительно окружного интендантства старой арміи, съ своимъ войсковымъ наемниками и дополненіями. Такъ, напримеръ, заводу отпущено 400 тысячъ и 20 тысячъ горючихъ вещей части, было рѣшено, что послѣдніе должны были доставлять свои семьи, что Уфздвоенкоматъ долженъ былъ получать изъ Губвоенкома 20 тысячъ. Отсюда (Губвоенкоматъ) въ полковникѣ имѣли, отобранные и доставленные, на извѣстномъ тѣхныхъ урогахъ, и эксплоатировать ихъ

самы, для чего въ его распоряженіи были работніи батальоны или же сдавать, главнымъ образомъ, огороды и съенокосные дуга военнымъ частямъ, расположеннымъ въ губерніи, оставили надзоръ и руководство по эксплоатации этихъ участковъ за собой. Упродгубъ дѣлился на нѣсколько отдѣленій, въ числѣ которыхъ было и агрономическое, которое заведывало всѣми вышеизложенными: въ качествѣ агронома - инструктора въ это отдѣленіе и выступалъ моя кандидатура. Начальникомъ агрономическаго отдѣленія былъ нѣкто Михайловъ, какъ говорили, бывший штабсъ-капитанъ артиллеріи, человекъ очень ловкій и умѣющий устроить свои дѣла при какомъ угодно режимѣ, но въ агрономическомъ отношеніи человекъ совершенно ничего не смыслившій, такъ какъ никакого агрономическаго образованія не имѣлъ, да это, впрочемъ, какъ я увидѣлъ впоследствии, на советской службѣ и не особенно было нужно. Когда на другой день я со своими знакомыми явился къ нему, онъ меня принялъ очень любезно и, на мою просьбу дать мнѣ мѣсто, предложилъ подать заявленіе. Когда же я, рѣшивъ быть осторожнымъ, сказалъ ему, что, собственно говоря, я не имѣю никакихъ агрономическихъ познаній и что это меня сильно смущаетъ, онъ мнѣ возразилъ: «Ну, полно, развѣ вы до сихъ поръ еще не знаете, что въ советской республикѣ, если вамъ прикажутъ быть аудиторомъ, то и это придется исполнить; напишите только въ заявленіи, что вы прежде жили въ деревнѣ и видѣли сельское хозяйство». Услыхавъ этотъ отвѣтъ, я пересталъ сомнѣваться и написалъ указанное мнѣ заявленіе, и сдѣлался инструкторомъ - агрономомъ Упродгуба. Эта служба обезпечила мнѣ полугодичное существованіе, такъ какъ я сталъ получать тыловой каренгоармейскій паекъ и 4500 рублей жалованія въ мѣсяцъ.

Начальникомъ Упродгуба былъ нѣкто Куделько, бывший волостной писарь, Пугунскаго уѣзда, а въ настоящее время коммунистъ и очень большая персона. Правой рукой его былъ начальникъ административнаго управленія нѣкто Бучинскій, бывший подполковникъ, окончившій старую интендантскую академію, человекъ очень ловкій съ растяжимой совѣстью и знающій канцелярское дѣло; онъ держалъ весь Упродгубъ въ своихъ рукахъ. Какъ я впоследствии узналъ, они съ Куделько обдѣлывали свои личныя дѣла, обрабатывая советскую казну, но такъ ловко, что прямыхъ уликъ никто не могъ представить, а съ начальниками Губчека и Особого Отдѣла они были свои люди, такъ какъ дѣлались съ ними приемыши.

Штаты Упродгуба въ то время были чрезвычайно обширны, съ массой служащихъ, главнымъ образомъ, изъ еврейской молодежи обоихъ пола. Коммунисты занимали должности комсесаровъ въ отдѣленіяхъ и въ военныхъ советскихъ имѣніяхъ (Воссовхозы). Вся эта масса ни на грошъ не приносила пользы дѣлу: во-первыхъ, потому, что никто, какъ и я, не зналъ своего дѣла, а во-вторыхъ, каждый былъ занятъ мыслью использовать службу лично для себя, стараясь урвать все, что только можно было, чтобы обезпечить себѣ существованіе, и если это удавалось, то и отложитъ на черный день. Моя последующая служба въ Упродгубѣ дала мнѣ возможность хорошо познакомиться съ советскими учрежденіями и видѣть, какой вредъ приносятъ государству эти учрежденія, гдѣ дѣла никакого не дѣлаютъ, а только расхищаютъ государственное имущество. Не мудрено, что всякое предприятие и учрежденіе давало убытокъ не только потому, что въ немъ сидѣли не знающіе дѣла люди, но и потому, что тамъ шло безконечное воровство. Воровали все: и ответственные начальники - коммунисты, и рядовые служащіе; разница была только въ томъ, что первые хватали большіе куски, а вторые оставались мелкими взыточниками и ворюгами. Впрочемъ, последнимъ нельзя поставить это въ вину, такъ какъ дѣлать это заставляла ихъ нужда, а существовавшій взглядъ, что «все - равно вѣдь это советское и тоже украдено у другихъ», дѣлала совѣсть болѣе покладистой и спокойной.

Я поступилъ въ Упродгубъ 15 іюля въ самый разгаръ сельской работы. У Упродгуба были въ распоряженіи огромные заливные дуга по рѣкѣ Союхъ, въ окрестностяхъ Лоева. Въ прежнее время эти дуга давали огромный доходъ управленію имѣніями княгини Паскевичъ; тамъ были прежде сънопрессовальные заво-

тот, откуда сѣно развозилось на баркасахъ, являясь и вѣзять по рѣкѣ Соку и Дитиргу и поставлялось въ интендантство. Около этого дѣла кормились тысячи людей. Сѣнокося, производившія машинныя виды огромной площади луговъ. Въ настоящее время общ. этому и говорить не приходится: сѣнопрессовальные заводы были сожжены, а машины «ломаны и растащены и Угрюмгубъ уже по одному этому не могъ справиться со своей задачей. Рѣшено было сѣно косить ручнымъ способомъ, получивши въ распоряженіе рабочей силы, красноармейцами рабочаго батальона, а также и изъ воинскихъ частей. Строевое начальство не давало людей на эти работы, такъ какъ у него было слишкомъ мало штатовъ въ роткахъ и люди находились постоянно во всевозможныхъ карательныхъ экспедиціяхъ противъ бандитовъ. Красноармейцы рабочаго батальона были распределены по военсохозамъ губерніи, и ихъ было далеко не достаточно. Отдавались распоряженія: снять рабочихъ съ такого то нѣмня и отправить на сѣнокося въ Лоевъ, по этому приказанію въ управленіе совхозами, отписываясь, что у нихъ самихъ работы по горло. Шла безконечная канцелярская волокита, уходило время, а трава сохла на горюно. Часть красноармейцевъ, прибывшая всесты въ Лоевъ, работала крайне неохотно, такъ какъ они были всѣ мобилизованные солдаты старой арміи и всѣ ихъ мысли сводились къ тому, когда придетъ ихъ очередь уволиться домой. Съ грубою полнотой къ работѣ приступили, но оказалось, что есть машинныя, оруска для точки косяка, но нѣтъ молотковъ для отбиванія ихъ. Работа опять остановилась, пока разыскали молотки. Вѣздили за ними въ Москву, а время шло. Въ военсохозахъ въ это время происѣлъ рожд. Управленіе стало требовать возвращенія рабочихъ домой. Получившее полная неразбериха, а изъ Угрюмдзифронта Угрюмгубъ протестованіемъ западнаго фронта, изъ Смоленска шли грозные запредья, въ какомъ положеніи находится сѣнокося. Между тѣмъ завышующій сѣнокосомъ, посланный туда Угрюмгубомъ, доносить, что рабочіе красноармейцы дразнятъ увеличеніи пайка, такъ какъ изнуряются на работѣ, не получая достаточнаго пайка, и вѣзетъ съ тѣмъ жалованіемъ на крайне дѣланую работу посылать ихъ. Увеличили пайный паекъ съ полугора фунта до двухъ, но это мало помогло тѣлу. Ко всему этому стали получаться тревожныя доносенія, что завышующий сѣнокосомъ, получаетъ предупрежденія отъ крестьянъ, что бандиты собираются произвести на него нападеніе и, когда сѣно будетъ смѣтано въ стоги, поджечь ихъ.

чились два донесения: одно говорило, что барана по пути следования подверглась нападениям бандитов и была сожжена, что подтверждали и опущенные бандитами конвоиры, красноармейцы, а другое донесение гласило, что на лугах Лоева сѣно, сложенное въ стоги, сожжено бандитами. Въ Упродгубѣ пошли разговоры, что тутъ дѣло не чисто и что завѣдующимъ сѣнокосомъ большая часть собраннаго сѣна была продана, а мелочъ сожжена бандитами для отвода глазъ не безъ его вѣдома. Въ теченіе дѣла никто изъ агентовъ Упродгуба не соглашался ѣхать для повѣрки сѣнокоса въ Лоевъ, такъ какъ эта мѣстность кишѣла бандитами, и завѣдующій сѣнокосомъ былъ изъ контрсти. Въ концѣ концовъ, завѣдующій сѣнокосомъ былъ арестованъ Особымъ Отдѣломъ въ началѣ сентября, посаженъ въ тюрьму, и по дѣлу о сѣнокосѣ на лугахъ Лоева началось слѣдствіе. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1922 года неожиданно я встрѣтилъ его уже на свободѣ. Онъ разсказалъ мнѣ, что его только что выпустили изъ тюрьмы, такъ какъ при слѣдствіи не нашли основанийъ предать суду Ревтрибунала, ибо онъ представилъ доказательства своей невинности, и въ настоящее время онъ увольняется по демобилизаціи отъ службы. Самый фактъ освобожденія его для всѣхъ насъ былъ крайне загадоченъ, такъ какъ между служащими Упродгуба ходили настойчивыя слухи, что собранное имъ сѣно дѣйствительно было продано, а часть для отвода глазъ была дѣйствительно сожжена бандитами по уговору съ нимъ. Очевидно, въ этомъ «коммерческомъ дѣлѣ» были замѣшаны воротилы Упродгуба, или же онъ далъ большую взятку слѣдователю Особого Отдѣла.

Такъ кончилось дѣло съ сѣнокосомъ на заливныхъ лугахъ Лоева, гдѣ большая часть сѣна осталась на корню, благодаря веденію хозяйства коммунистами. Не лучше обстояло дѣло и въ другихъ имѣніяхъ, принадлежавшихъ Упродгубу, какъ, напримѣръ, Голы, Острогляды, Тѣребовша и т. д. Вездѣ было собрано сѣно, котораго еле хватило для прокормленія въ теченіе зимы немногочисленного количества лошадей и рогатаго скота, бывшаго въ этихъ имѣніяхъ, а для нуждъ расположенной въ Гомелѣ и его окрестностяхъ XI кавалерійской дивизіи и артиллерійскихъ частей сѣна не оказалось и съ прекращеніемъ подножнаго корма въ этихъ частяхъ начался сильный падежъ лошадей отъ безкормицы.

Какъ я упомянулъ выше, въ распоряженіи Упродгуба находились реквизируемыя у помѣщиковъ имѣнія, общее число которыхъ доходило до 16, разбросанныя по всей Могилевской губерніи. Въ виду отдаленности нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ мѣстонахожденія Упродгуба - Гомеля, были созданы районныя управляющіе, которымъ подчинялись три-четыре имѣнія въ данномъ уѣздѣ, съ обширными служебными штатами: эти послѣдніе подчинялись Упродгубу, а послѣдній Упродзапфронту. Благодаря такой системѣ, создавалась колоссальная волокита и переписка, что приносило громадный ущербъ дѣлу въ тѣхъ случаяхъ, когда управляющій военсовхозомъ, будучи человѣкомъ честнымъ, (что случалось, впрочемъ, очень рѣдко), хотѣлъ проявленіемъ собственной инициативы принести пользу дѣлу. Безъ разрѣшенія онъ не могъ ни купить что-либо, ни нанять рабочихъ, такъ какъ, во-первыхъ, это ему вообще не разрѣшалось, а во-вторыхъ, не было денегъ. И вотъ, о всякомъ вопросѣ онъ писалъ районному управляющему, тотъ отправлялъ рапортъ въ Упродгубъ, а послѣдній по вопросамъ денежнаго характера въ Упродзапъ. Когда приходилъ отвѣтъ, то уже время оказывалось упущеннымъ, и всѣ немногія, добрыя начинанія сводились къ нулю. Кромѣ того, имѣнія были совершенно разорены и даже при честномъ отношеніи къ дѣлу ничего не могли дать. Мнѣ по своей должности инструктора-агронома приходилось бывать, главнымъ образомъ, въ двухъ имѣніяхъ, лежащихъ недалеко отъ Гомеля. Первое было Голы, принадлежавшее прежде графу Меншинскому. До революціи это было правильно поставленная экономія, приносявшая большой доходъ ея бывшему владѣльцу. Здѣсь были сѣнокосные луга, пашни и фруктовый садъ въ 75 десятинъ. Въ настоящее время все было разорено. Имѣніе, перешедъ разгромъ 1917-18-19 годовъ, разрушено, въ которомъ было расхищено земельныя орудія и рабочаго скота,

а также и сокращение земельных востребованных. В 1920 году было отдано во владение коммуны, которая минимальной эксплуатацией населения даже Губиспольком. Последней оговоркой был не это имение обратно, передать его из Узем-оттаны, от которого в 1921 году Уйрундубу получить его для эксплуатации.

[illegible]

кармана за счет советского хозяйства. Комиссия, в состав которой, кроме меня, входил представитель РКП — рабоче-крестьянской инспекции и РКП — Российской коммунистической партии, — взыскивала снятый урожай, по управлению, ставившийся с красноармейцами до приезда комиссии, обыкновенно большую часть и без того скудного урожая пригнать. Впоследствии один из красноармейцев, обойденный в дележе краденого, донес на управляющего, но послѣдний только отчислил от забираемой им должности, прикомандировавъ къ Упродгубу, даже не принаказав къ ответственности. Да, впрочемъ, и къ чему принаказывать? Это была сравнительно маленькая кража и, если бы всѣхъ такихъ дѣлателей отдавать подъ судъ, то суду пришлось бы разбирать эти дѣла лѣтъ черезъ 20—30, настолько онъ былъ бы ими перегруженъ.

Другое имѣніе, въ которомъ мнѣ приходилось часто бывать по дѣламъ службы, было Теребовна, отстоявшее отъ Гомеля въ 38 верстахъ и принадлежавшее раньше члену Государственнаго Совета Герарду, бывшему когда-то Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. До революціи это имѣніе, руководимое опытнымъ агрономомъ-управляющимъ, было широко и образцово поставлено. Здѣсь также былъ фруктовый садъ, но только въ 10 десятинъ; былъ винокуренный заводъ и сохранились еще огромныя помѣщенія для четырехсотъ головъ воловъ, которые откармливались на мясо и для прокормленія которыхъ были залитые луга по рѣкѣ Бѣлѣ. Такимъ образомъ здѣсь шесть кругоборьтъ. Земли удобрялась навозомъ отъ скота, росла рожь, поступающая на винокуренный заводъ, послѣдній давалъ спиртъ, остатками обработки которого выкармливался скотъ, который, помимо своей прибыльности и рабочей силы, давалъ навозъ и т. д. Въ настоящее время здѣсь была мерзость запустѣнія, винокуренный заводъ стоялъ закрытымъ, части машинъ неизвѣстно кѣмъ были разхищены, въ огромныхъ хлѣбахъ стояли восемь коровъ, принадлежащихъ управляющему, и шесть лошадей, а рабочими состояли пятнадцать красноармейцевъ рабочаго батальона. Управляющій съ семей и рабоче-красноармейцы жились въ домѣ, въ которомъ когда-то жилъ управляющій Герардъ. Вмѣстѣ это пострадало отъ погромовъ 1918 года, но въ 1920 году было отдано въ пользованіе 88-мъ Минскимъ пѣхотнымъ команднымъ курсамъ, а въ 1921 году перешло къ Упродгубу. Результаты хозяйничанія курсовъ здѣсь были на лицо: фруктовый садъ поломанъ и залущенъ, а домъ управляющаго — безъ оконъ и дверей. Такъ какъ другого помѣщенія не было, а оконнаго стекла въ то время негдѣ было достать, то вмѣсто стеколъ была вставлена уже ничѣмнымъ управляющимъ фанера и сдѣланы кое-какъ двери. Условія жизни самыя примитивныя и убогія.

Съ посѣвомъ и сборомъ урожая здѣсь повторилась та же самая исторія, что и въ Гомелѣ, такъ какъ сѣмена пришли поздно, а почва была не удобрена за отсутствіемъ навоза. Осенью мнѣ приходилось сюда ѣздить и составлять акты объ отсутствіи урожая вълѣдствіе тѣхъ же причинъ, которыя помѣшали урожаю и въ Гомелѣ. Въ такомъ же положеніи были и всѣ остальные имѣнія, отданныя Гомельскому Упродгубу. Эта затѣя принесла огромный дефицитъ, но тѣмъ не менѣе она не была оставлена, а въ теченіе зимы 1921—22 года Упродгубомъ разрабатывался планъ весенней кампаніи ненользованія этихъ имѣній. Несмотря на то, что они не вернули сѣмянъ, предлажали тратить деньги на содержаніе громадной администраціи, на выдачу каждому служащему пайка, и упорно твердили, что коммунистическая власть докажетъ всѣмъ свое превосходство надъ прежней системой частной собственности, и несмотря на неудачу нынѣшняго года, слѣдующій годъ принесетъ уже прибыль. Конечно, этому никто не вѣрилъ, и даже отдѣльные коммунисты прощески на это улыбались. Дѣло въ томъ, что всѣ прекрасно понимали, что разграбленное имѣніе, при отсутствіи капитала и спеціальныхъ, казенными руками никогда не довести до той степени культуры, въ какой оно находилось, будучи въ рукахъ собственника, который былъ лично заинтересованъ въ доходахъ, получаемыхъ съ имѣнія, что заставляло его бережно относиться къ самому имѣнію и всѣми силами ста-

1-й шаг — вознесть его к Хулуэну. Теперь же были только одни чиновники, правдо-
подобные им, предельной формации тьма, что они несли на головах своих уборки
1-й ступени ввиду их неопытности, но в сущности оставались теми же людьми
20-го числа, до коммунистов включительно, не говоря уже о беспартийных.
Было бы лишь только сделано, а как? — это уже вопрос другой, на это всегда
можно было отписаться.

[illegible]

стоившего въ Гомелѣ полка, командиру котораго отдавались приказанія о порядкѣ лошадей — въ порядкѣ боевого задания, а что это значить, всё чинилъ комсомолецъ красной арміи знающій, ибо неисполненіе его влечетъ за собою знаменство съ Особымъ. Отдѣломъ В. Ч. К. Посады же огорода въ сѣмьмѣ была произведена красноармейцами рабочаго батальона. Куделько и его агрономы упустили изъ виду въ своемъ проектѣ созданія гомельскаго военного огорода то обстоятельство, что земля, отведенная въ ихъ распоряженіе, никогда раньше подъ огородами не была, а засѣвалась овсомъ, рожью, пшеницею и т. п., и, слѣдовательно, почва была не такъ воздѣлана, какъ огородная земля; что же касается удобренія, которое требуется для огорода въ усиленномъ количествѣ, то его уже нѣсколько лѣтъ на этой почвѣ не было, такъ какъ скотъ княгини Паскевичъ былъ расхищенъ еще въ 1918 году. Одно изъ главныхъ условій огорода — близость воды для поливки входовъ сѣмянъ — также отсутствовало; но все это не остановило новыхъ агрономовъ. Земля была вспахана одинъ разъ, за отсутствіемъ лошадей, ибо командиръ полка, хотя и исполнялъ «боевое задание», но все же ему надо было обслуживать и нужды полка. Съ сѣменами опоздали; они пришли въ концѣ мая, причемъ все было перепутано. Устроили субботникъ, на который всѣ должны были придти, включительно до машинистокъ Упродгуба, и поработали на славу Р. С. Ф. С. Р.

Было посажено всего во множествѣ. Посадили гнилой картофелъ, посѣяли бураки, кормовые и столовые, огурцы, капусту, брюкву, морковь, рѣдьку и редисъ. Передъ началомъ посѣва участвующимъ въ субботникѣ былъ устроенъ митингъ, на которомъ ораторы - коммунисты разъяснили красноармейцамъ и «тупоголовой» служащей интеллигенціи Упродгуба превосходство коммунистическаго государства надъ капиталистическимъ строемъ Европы, чему яркій примѣръ налицо: посѣвъ общими силами совершенно безплатно на пользу государства, который дастъ большіе результаты для питанія красной арміи. По этому случаю была послана телеграмма въ Упродзипъ, откуда пришла благодарность Куделько. Но результатовъ не оказалось: земля, вспаханная одинъ разъ, безъ удобренія, дала очень рѣдкіе всходы, которые поливать было некому и нечѣмъ; сѣмена гнилого картофеля тоже всходовъ не дали, и въ концѣ лѣта вся площадь огорода, за очень малымъ исключеніемъ, поросла лебедой и бурьяномъ, а мнѣ осенью приходилось составлять акты о неурожаѣ, обвиняя въ этомъ сѣмена. А число цынготныхъ въ госпиталихъ и частяхъ войскъ по прежнему продолжало увеличиваться. Такъ кончилась и эта коммунистическая затѣя.

Не лучше дѣло обстояло и съ фруктовыми садами. Въ Западномъ Краѣ вообще, а въ окрестностяхъ Гомеля въ частности, — громадное количество фруктовыхъ, садовъ, завоевавшихъ себѣ рынки въ столицахъ и славившихся своими фруктами, главнымъ образомъ яблоками и грушами. Здѣсь, благодаря климату и почвѣ, а также рационально поставленному веденію садоводства, произрастаютъ всевозможные сорта яблокъ, отличающіеся, какъ хорошимъ иѣжнымъ вкусомъ, такъ и выносливостію къ перевозкѣ. Какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ вездѣ были частные фруктовые сады, образцово поставленные, приписавшіе въ прежнее время громадный доходъ владѣльцамъ. Особенно большое количество ихъ было въ окрестностяхъ деревни Брилево. Въ настоящее время всѣ эти сады были отняты отъ прежнихъ владѣльцевъ и числились за Гомельскимъ Уземотдѣломъ, который раздавалъ ихъ въ пользованіе различнымъ Коммунистическимъ организациямъ для эксплуатаціи. Получилъ въ этомъ году и Упродгубъ одинъ садъ въ самомъ городѣ, такъ называемый «Лисовскаго», и садъ у деревни Брилево, бывший Мельникова. И что это была за эксплуатація!

Въ 1921 году былъ сравнительно небольшой урожай, такъ какъ ему предшествовалъ урожай 1920 года, и деревья въ этомъ году отдыхали, но тѣмъ не менѣе все-таки яблокъ было такое количество, что ихъ дѣвать было некуда. Прежде, когда эти сады были въ опытныхъ рукахъ хозяина, то онъ, предвидя урожай, заранѣе нанималъ рабочихъ, которые по съ его наблюденіемъ осторожно снимали

фрукты, сортировали, укладывали в ящики и отправляли на железнодорожную станцию для транспортировки на столичные рынки. Теперь же урожай засады вражеских коммунистиче-ских властей. Продавать их было нельзя, так как в то время провоз на коммунистическим декретам не могло быть, а дёшево их было не купить. Поэтому приказано было их сушить с тем, чтобы потом выдать их в виде, как суррогат чая, но сушилок в город, приспособленных к этому делу, оказалось очень мало, и масса яблок сгнила. Самый сбор, фрукты, представляли крайне варварским способом. Общественно для этого не считавшись, забавлять на дереве и принимался усиленно его трясти: яблоки сыпались, как горох, и бились о землю и, конечно, впрок уже не годились. Это сие и не было, видимо, но крайне жалко было смотреть, как ломались при этом деревья.

Красноармейцы мало заботились о сохранении дерева и, на замечания бывших офицеров из обращения с ними, отвечали: «все равно и без советского». Конечно, масса фруктов, раскопавшаяся по рукам, потому что заплывающему садовому, чтобы соблазнить свои личные интересы, нужно было дать кое-что и слушателям. Угрюмдуба, темь болше, что начальником. Угрюмдуба приказано было отрезать и выкопать сапогами, фруктов, из Москвы из подалов членам. Реввоенсовету Республики, а также и из штаба фронта в Смоленск. Из концы копцов, высушено яблок было очень мало, и кому они выдавались зимой — непонятно, так как из красноармейский пункт, входила поправкем вместо мая жженая морковь.

[illegible][illegible]

карманѣ. Въ учреждениях, сдѣлаѣ пѣсконами прежнихъ специалистовъ, мобилизованныхъ на эти должности советской властью, но они были только пѣсками въ рукахъ комиссара учреждений, но большей части молодого еврей, бывшаго при старомъ режимѣ мащичкомъ, на побѣгушкахъ къ какойнибудь запискѣ; теперь это была важная персона съ «папашомъ» на боку, говорившая много о контрр-революціи, саботажахъ буржуазинъ, къ которой причислялись и эти голодные и нуждающиеся спецны, и рѣшенія котораго должны были приводиться беззастѣнчиво въ исполненіе. Конечно, эти спецны, хотя бы только для того, чтобы ихъ оставили въ покое, исполняли явно абсурдные распоряженія комиссаровъ, и результатомъ этого являлась крайняя неразбериха. Надо замѣтить, что съ демобилизаціей арміи и сокращеніемъ ея, за штатомъ осталось много коммунистовъ, которымъ надо было дать мѣста. Люди эти были совершенно невѣжественны, едва грамотные, но у нихъ была заслуга передъ Советской властью въ томъ, что каждый изъ нихъ въ свое время разстрѣливалъ или выдавалъ въ руки Особого Отдѣла В.Ч.К. пѣскопыхъ бѣлогвардейцевъ, офицеровъ или бандитовъ, и поэтому Советская власть не могла оставить подобнаго человѣка безъ пайка и приличнаго содержанія тѣмъ болѣе, что коммунистическая партія требовала, чтобы во всѣхъ учрежденияхъ, гдѣ не положено было быть комиссарамъ, во главѣ стояли коммунисты, мотивируя свое требованіе тѣмъ, что ея члены будутъ глазами и ушами Советской власти и не допустятъ контрр-революціи. Такимъ образомъ, чтобы быть начальникомъ какого-либо советскаго учреждения, не надо быть специалистомъ какого-либо дѣла, надо быть только коммунистомъ, которому подчинены уже спецны. При такомъ порядкѣ положеніе спецновъ крайне не завидное; они должны унижаться передъ коммунистами, заискивать ихъ расположеніе и не расходиться съ ними во мнѣніяхъ, хотя бы это и противорѣчило ихъ знанію, опыту и совѣсти. Въ противномъ случаѣ, какъ бы ни былъ правъ спецъ, мнѣніе и желаніе начальника-коммуниста всегда восторжествуетъ, а спецъ въ лучшемъ случаѣ можетъ быть переимѣнъ на худшее мѣсто, если не познакомится съ Чека, благодаря личной мести коммуниста. Даже если спецъ и удастся доказать свою невиновность, то перспектива отсидѣть въ тюрьмѣ и въ застенкахъ Чека отъ 4-6 мѣсяцевъ, пока ведется о немъ слѣдствіе, голодая и рискуя получить тифъ, который тамъ не переводится, едва-ли это заставить такого спеца быть стойкимъ въ своихъ убѣжденіяхъ и не поступиться ими въ состязаніи съ начальникомъ-коммунистомъ. Причмъ же во вниманіе, что все, въ томъ числѣ и спецны, издерганы нервами и душой, что все они, какъ и другіе, перенесли и переносятъ жестокую нужду, обременены семьями и въ поискахъ средствъ къ жизни должны прибѣгать къ взяткамъ, спекуляціи и даже хищенію казеннаго имущества, тѣмъ занимается теперь въ Совдѣніи 99 процентовъ служащаго элемента, и что возможно для нихъ дѣлать сравнительно безнаказанно лишь только тогда, когда они живутъ въ согласіи съ коммунистами, то всякому понятно, что заставляя ихъ быть покорными исполнителями коммунистической воли и не противорѣчить, хотя бы самому абсурдному распоряженію. И вотъ получается картина, что съ одной стороны дѣло идетъ къ развалу потому, что оно ведется вопреки всякому здравому смыслу, а съ другой стороны — въ силу грандіозныхъ хищеній, взятокъ и спекуляцій.

Въ Совдѣніи все такъ къ этому привыкли, все такъ нравственно опустились, что никто въ этомъ не видитъ ничего предосудительнаго и, обыкновенно, общественное мнѣніе понашумевъ въ этомъ высказываетъ не осужденіе, а сожалѣніе въ томъ, что данный субъектъ не умѣлъ спрятать концы въ воду.

Советская власть борется съ этимъ явленіемъ жестокими мѣрами до разстрѣла включительно и, надо правду сказать, разстрѣливаются и коммунисты, но тѣмъ не менѣе побѣдитъ это зло она безвѣстно: вмѣсто одного разстрѣяннаго, появляются десятки новыхъ взяточниковъ, воровъ и спекулянтовъ, которыхъ плодится такъ много, которые такъ стараются пресунуть, которые такъ торопятся сдѣлать это сегодня, что начинаютъ казаться, какъ будто сегодня по

Великокняжеских дворцовъ въ окрестностяхъ Петрограда, въ настоящее время лежатъ въ развалинахъ. Отъ него сохранились только башни и галлерей, соединившія послѣднюю съ главнымъ зданіемъ. Историческій замокъ, принадлежавшій еще когда-то графу Румянцеву, вмѣщалъ въ себѣ массу художественныхъ картинъ, античныхъ вещей и стильной мебели. Все это накопилось въ теченіе долгихъ лѣтъ его прежними владѣльцами и представляло громадную художественную цѣнность. Замокъ, начиная съ 1917 года, много перенесъ: во времена Керенскаго въ немъ, конечно, поселился советъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, пребываніе котораго нанесло неисправимый вредъ художественнымъ цѣностямъ. Много вещей пропало, а помѣщенія и мебель были загажены. Постѣ этого во времена Гетмана на Украинѣ, Гомель былъ отнесенъ къ послѣдней, и въ замокъ помѣстился штабъ оккупационныхъ германскихъ войскъ. Нѣмцы художественныхъ цѣнностей не тронули, навели порядокъ, разставили вездѣ часовыхъ, доступъ въ замокъ «товарищамъ» былъ прекращенъ, и отъ нѣмцевъ пострадали только знаменитый погребъ вѣнъ замка, который былъ ими распѣтъ.

Престарѣлая 86-лѣтняя владѣтельница замка свѣдѣвшая княгиня Паскевичъ, урожденная графиня Воронцова - Дашкова, проживала по смерти мужа зимой въ своемъ особнякѣ въ Петроградѣ на Галлерной улицѣ, а лѣтомъ въ Гомельскомъ замкѣ. Революція застала ее въ Петроградѣ. Незадолго до оккупации нѣмцами Гомеля она перебралась изъ Петрограда въ свою вотчину и здѣсь благополучно жила при нѣмцахъ. Съ уходомъ нѣмцевъ и съ паденіемъ власти гетмана она бѣжала въ Кіевъ и, въ настоящее время, всею оставленная, безъ средствъ вела жалкое существованіе. Княгиня, благодаря своей добротѣ и щедрой благотворительности, оставила добрую память по себѣ въ Гомелѣ и, находясь въ настоящее время въ Кіевѣ со своей камеристкой, которая одна ее не бросила, ютилась гдѣ-то въ комнатѣ, живя подъ чужой фамиліей и питаясь въ польской столовой. Помня ея доброту и отзывчивость къ бѣднымъ, вліятельные люди изъ еврейскихъ круговъ собирали въ еврейской общинѣ деньги и высылали ихъ камеристкѣ княгини, какъ бы въ видѣ дохода съ имѣнія, прибѣгая къ этой удловкѣ, чтобы не обидѣть самолюбія бѣдной старухи. Это было единственное средство, на которое кое-какъ жила въ Кіевѣ княгиня.

Съ уходомъ нѣмцевъ замокъ вновь перешелъ въ руки большевиковъ, и въ немъ помѣстился штабъ красныхъ войскъ. Въ 1919 году 25-го марта въ большевннскихъ частяхъ, расположенныхъ въ Гомелѣ, вспыхнуло извѣстное Стрыковское возстаніе. Въ это время Совденія была въ состояніи войны съ Польшей, хотя обѣ стороны къ активнымъ дѣйствіямъ не приступали. Поляки ограничили занятіемъ праваго берега Днѣпра и г. Рѣчны, въ 40 верстахъ отъ Гомеля; построили тамъ позицію, изрѣдка обстрѣливая артиллерійскимъ огнемъ большевннскія части, расположенныя на лѣвомъ берегу Днѣпра противъ Рѣчны. Мостъ черезъ Днѣпръ былъ взорванъ. Большевики, не имѣя достаточно количества войскъ въ своемъ распоряженіи, не могли битьъ поляковъ, да кромѣ того ихъ дальнѣйшему продвиженію впередъ препятствовало отсутствіе переправъ черезъ Днѣпръ, что не мѣшало, однако, полякамъ выслатъ свои разъѣзды и на лѣвый берегъ Днѣпра въ тылъ большевикамъ, какъ напримѣръ, до разъѣзда «Приборъ», лежащаго въ 15 верстахъ отъ Гомеля. Въ большевннскихъ частяхъ тогда еще не было плотной спайки, дисциплина совершенно отсутствовала. Резервныя части, стоявшія въ Гомелѣ, большевннскими властями приходилось отправлять на позицію послѣ митинговъ, на которыхъ ораторы лѣзли въизъ кожи, чтобы убѣдить красноармейцевъ защищать рабоче-крестьянскую власть отъ нападенія буржуазно-полюковъ. Для усиленія количества войскъ подъ Рѣчней, изъ Москвы перебрасывался въ мартѣ мѣсяцѣ 1919 года полкъ, почему-то прозванный впоследствии обывателями Гомеля «интеллигентнымъ». Вѣроятно названіе это было присвоено ему потому, что этотъ полкъ былъ укомплектованъ преимущественно студентами и воспитанниками старшихъ классовъ, среднее учебныя заведенія г. Москвы по мобилизации и, слѣдовательно, былъ доста

было предложено вступить в члены партии РСФСР. Этот пункт, остановившись на нем, Гомель, по пути следования к Речице, отказался ехать на поезде. Встретившись с группой людей, Гомель предложил им, чтобы они, дабы привести его к поимке, поехали на поезде, а Гомель же уже на следующий бунт, при чем к этому поезду присоединилась большая часть войск Гомельского гарнизона, среди которых были (поэтому) пропавшую в бункер капитан Стрыкоцкий, служивший в отделе милиции. Получилось уже настоящее Гомельское восстание, которое впоследствии получило название Стрыкоцкийщины. Капитан Стрыкоцкий стал во главе восставших частей и объединил общее командование. Небольшая часть войск, оставившая в бункер большевиками, ушла из города за реку Сожа, в направлении Ново-Белуцу. В гостинице «Савоя», на Румянцевской улице образовался полк большевистские диванты, захваченные в плен, возмущенные, и в бункер оборонялись при помощи батальона казаков. Восставшие с помощью Гомель-Полеской открыли артиллерийский огонь по гостинице, причем сразу же оказались метки попадания. После небольшой артиллерийской перестрелки, восставшие штурмом вошли в гостиницу «Савоя», перебили казаков и большевиков, и Стрыкоцкий сделался хозяином положения в Гомеле.

[illegible]

дапытѣйнаго разграбленія. Это большая заслуга заведующаго музеемъ г-на Маневича, оцѣня по національности, образованнаго человека, который своей энергіей отстоялъ художественныя цѣнности отъ разграбленія большевиками и сумѣлъ заинтересовать этимъ музеемъ во время централизующую власть въ Москвѣ, которая, принявъ правильность доводовъ Маневича, назначила его заведующимъ музеемъ, выдавъ ему мандаты на неприкосновенность музея отъ посягательства какой-либо Гомельской мѣстной совѣтской власти и объявивъ этотъ музей государственной собственностью.

Для осмотра музея были назначены два дня въ недѣлю въ извѣстное время, причемъ появленіе посѣщающимъ давалъ самъ Маневичъ. Публика очень охотно его посѣщаетъ, а особенно школы, причемъ, надо сказать правду, очень бережно относится къ вещамъ, расположеннымъ въ комнатахъ музея. Много, конечно, импонируетъ той части публики, у которой остались еще грабительскія наклонности, и заставляетъ ее сдерживать свои аппетиты названіе музея — «имени Дуначарскаго». И также побывавъ въ немъ. Это обширное зданіе, состоящее изъ башни въ четыре этажа, горделиво возвышающейся на высокомъ берегу р. Сожа. Первый этажъ, имѣющій нѣсколько большихъ комнатъ, былъ прежде личнымъ покоемъ князя и уставленъ всею предметами, относящимися къ жизни свѣтлѣйшаго князя фельдмаршала Паскевича-Эриванскаго. Здѣсь находятся два громадные хрустальные канделябра — подарокъ фельдмаршалу Императора Николая I, масса батальныхъ картинъ изъ его походовъ, портреты, какъ его самого въ различныхъ формахъ до мундира австрійскаго фельдмаршала включительно, такъ и Императоровъ и Императрицъ, начиная съ Петра Великаго; патеръ персидскаго Шаха Абасъ-Мирзы, ретасин, золотыя монеты, мундиры фельдмаршала, ордена и т. д. Здѣсь же стоитъ старая мебель работы извѣстныхъ мастеровъ Парижа, въ свое время вывезенная оттуда фельдмаршаломъ. Между прочимъ, интересно отмѣтить отношеніе къ такимъ вещамъ Гомельскаго населенія. Какъ я уже выше упомянулъ, совѣтскія учрежденія Гомеля въ послѣднее время были озабочены мебелью своихъ помѣщеній, и вотъ Исполкомъ, обративъ вниманіе на мебель музея, постановилъ реквизицировать ее для своихъ нуждъ. Не знаю, чѣмъ кончилась эта исторія, но Маневичъ всталъ на дыбы и заявилъ, что мебели этой онъ ни въ коемъ случаѣ не выдастъ и будетъ искать поддержки у центральной власти.

Второй и третій этажъ башни занятъ огромной бібліотекой французскихъ книгъ, доходящей до 20 000 томовъ, между которыми есть очень рѣдкіе экземпляры; кромѣ того, здѣсь висятъ также батальныя картины походовъ фельдмаршала, а въ четвертомъ этажѣ находится довольно большая коллекція костей ископаемыхъ животныхъ, начиная отъ мамонта, найденныхъ въ свое время по берегамъ рѣки Сожа, чуть ли не противъ замка. Все это содержится въ полномъ порядкѣ, регистрируется и охраняется благодаря Маневичу, который положительно влюбленъ въ свой музей, и надо отдать ему справедливость, что не будь его, все бы исчезло въ свое время безъ возврата.

Вокругъ замка расположенъ огромный паркъ, который въ прежнее время содержался съ исключительной заботливостью. Теперь же онъ находится въ полной запущенности. Гомельская публика, преимущественно совѣтскаго типа, избрала его своимъ любимымъ мѣстопробываніемъ и, конечно, загнала его до неузнаваемости. Мраморная статуя разбита, дорожки завалены щебнемъ отъ еѣмичекъ, а лужайки истоптаны, несмотря на запрещеніе, оставшееся въ силѣ и при совѣтской власти, ходить по травѣ. Нуридъ занесенъ пескомъ, и затонулъ уже въ болото; отъ бывшихъ здѣсь лѣбедей осталась только ихъ домики. Громадныя оранжереи, въ которыхъ культивировались персики, абрикосы и виноградъ, заняты разбитыми стеклынными крышами, и все, что раньше въ нихъ росло, погибло зимой отъ морозовъ. Въ противоположномъ концѣ парка находится усыпальница вѣнгеръ Паскевичъ. Она представляетъ собой большую часовню, построенную изъ отполированнаго финляндскаго гранита въ русско-

возрастомъ. Эти дружины въ свое время вырубили много дѣся, но онъ остался почти не использованнымъ по своему назначенію, такъ какъ, во-первыхъ, извезти его было не на чемъ, а во-вторыхъ, смѣтливые люди перепродали его спекулянтамъ, и отъ него въ настоящее время не осталось и слѣдовъ. Нукада же въ топливъ на желѣзныхъ дорогахъ была огромная, и поэтому совѣтская власть отдавала приказанія рубить какой ни есть дѣся, лишь бы поближе къ желѣзной дорогѣ.

Лѣсная дичь, вдовившаяся въ большомъ количествѣ въ лѣсахъ княгини Паскевичъ, въ настоящее время исчезла почти вся. Погибли дикія козы, лоси, кабаны, а также и бережно охраняемый въ прежнее время бобръ, для котораго была созданъ заповѣдный участокъ въ лѣсничествѣ около дер. Терешковичи по р. Сожу. Въ періодъ 1918—19 г.г. все это безпощадно истреблялось крестьянами. За то въ настоящее время развелось необыкновенное количество волковъ, которые сдѣлались быкомъ для крестьянскаго населения. Въ ноябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ постоянно приходилось слышать рассказы о нападеніи волковъ не только на скотъ, но и на людей. Даже подъ самымъ Гомелемъ на окраинахъ города были случаи, когда волки подходили къ самымъ окнамъ. Мнѣ самому пришлось видѣть волка въ полуверстѣ отъ городской черты, который грызъ трупъ павшей лошади. Въ это время въ воинскихъ частяхъ было большой падѣжъ отъ безкормицы, и трупы ихъ по небрежности не закапывались, а просто вывозились за черту города и тамъ бросались. Это, конечно, привлекало голодныхъ волковъ, тѣмъ болѣе, что стрѣлять ихъ было некому и нечѣмъ. Къ этому времени выштовки у населения были уже отобраны, а у солдатъ хотя и были, но за то не было патроновъ.

На окраинѣ города, по Могилевскому шоссе, были расположены огромныя помѣщенія Земско-городского союза, выстроенныя во время Великой войны. Здѣсь были мастерскія, фабрики и заводы, работавшіе на западный фронтъ. Въ настоящее время все это было закрыто, и на огромной территоріи Земско-городского городка не видно было ни одной живой души. Все это рушилось и растаскивалось на дрова окрестными жителями, а также и воинскими частями, расположенными въ городѣ, которыя зимой мерзли отъ холода. За Полѣскимъ вокзаломъ былъ расположенъ интендантскій городокъ, построенный также во время Великой войны. Здѣсь также были когда-то громадныя сараи, вмѣщавшіе въ себѣ интендантское имущество — база западнаго фронта. Въ настоящее время не только отъ имущества, но и отъ сараевъ не осталось и слѣда.

Еще осенью 1920 года, когда я былъ первый разъ въ Гомелѣ, была назначена совѣтской властью ревизія интендантскаго городка. За день до ревизіи главные склады, въ которые въ свое время было перенесено имущество изъ другихъ сараевъ, сгорѣли, и этимъ дѣло кончилось, хотя въ городѣ усиленно ходили слухи о поджогахъ, чтобы скрыть слѣды расхищенія. Оставшіеся пустые сараи были разобраны воинскими частями частью на дрова, частью на оборудование фабъ, домовъ подъ казармы для войскъ, которые были отведены воинскими частямъ за ненадобностью ихъ для привилегированныхъ совѣтскихъ учреждений. Такимъ образомъ, пропало большой цѣнности имущество — и зданія Земско-городского союза и интендантства, которыя при другой власти могли быть использованы съ большой пользой для нуждъ государства.

XVI.

И пріѣхавъ вторично въ Гомель весной 1921 года, въ то время, когда о Напѣ еще ничего не было слышно. Тогда еще оставалось въ силѣ ученіе коммунистовъ о свободной торговлѣ, о безплатномъ пользованіи государственными предпріятіями, какъ-то: желѣзными дорогами, трамваями, парками, водопроводами и т. д. На митингахъ все еще продолжали болтать о томъ.

что в социалистическом государстве деньги не нужны и скоро их совсем отменят. — как бы утешая этим слушателей, которые жаловались на падение рубля. — и что каждый трудящийся человек будет получать все, что хочет, из государственных складов по трудовой книжке, из которой будет известно, сколько часов он проработал в день, и, соответственно с этим, ему будет выдано столько товара, сколько он заработал. При этом обыкновенно добавлялось, что рабочих часов в день будет очень мало, а выгода за рабочий час будет очень большая. На агитпунктах, которые были устроены повсюду, приходилось слушать и еще более глупые вещи, но обыкновенно эти глупости большого успеха не имели. Аудиторы только неодобрительно покачивали головой, но оппонентов не находилось, так как это было риторическое: можно было по окончании митинга познакомиться с Чека.

В то время в Гомель все было бесплатно. Были бесплатные столовые, в которых есть не давали, объясняя немудрой продуктой; были бесплатные парикмахерские, где нельзя было ни стричься, ни бриться, хотя парикмахеры и были на жаловании у городской коммуны, но жалование это было так ничтожно, что парикмахеры даром не стригли и не брили, объясняя свой отказ отсутствием общественного инструмента, а если с нашим инструментом, то пожалуйте денежки. Был государственный оркестр, собранный из всех музыкантов города Гомеля, обязанных играть по приказу неполкома, но он впоследствии распался. Очень плохо обстоял вопрос с банями, которые тоже были объявлены бесплатными, но фактически для населения не существовали. Общ. бани на Миллионной и на Фельдмаршальской улицах были в свое время реквизированы у владельцев для нужд войсковых частей. От этой реквизиции бани сильно пострадали: печи, трубы, водопровод были испорчены, так как обращение было самое варварское и, хотя в настоящее время бани были переведены в коммунальное хозяйство, но ремонтировать их было немощно и нельзя, и они стояли закрытые. Население вшивело, так как мало было счастливицев, которые могли попасть в баню, сохранившуюся где-нибудь в усадьбе на окраине города, построенную владельцем для себя. Базары все еще разбросаны, а самое место базара и при втором прибытии в Гомель не узнали: все постройки на нем были снесены, и он представлял пустую площадь, тогда как в прошлом году здесь еще стояли лавки и постройки для торговли.

Первые попытки к свободной торговле в Гомель были сделаны в Троицкий день, в 20-х числах июня. В это время уже в Москве было решено перейти к Нову, но открыто об этом еще не высказывалось. И вот в Троицкий день в Гомель прежде всегда была ярмарка, продолжавшаяся 3 дня, на которую съезжались масса окрестных крестьян. К этому времени начали строить на площади базара балаган, в котором на помпехе стали раскладывать мануфактуру и всякой товар всякой кооперативной. Крестьяне, по обычаю, в этот день приехали на базар, и, увидев с удивлением в балагане такие редкие в настоящее время предметы, осторожно и робко, опасаясь какого-либо наказания, стали узнавать, в чем тут дело. Оказалось, что здесь можно выменять мануфактуру, ткани, изделия на рожь, пшеницу, ячмень, овес и сало, а если каких-либо предметов и нет, то можно купить и за деньги. Дело пошло хорошо и кооператоры торговали на славу. Потом заметили, что больше негде купить мануфактуру, ткани, изделия, поэтому начали ходить по окрестности к частным базарам. Далеко неслыханно смелых впервые открыли лавочки, начали продавать пряжу. Вскоре пришла мысль, что бесплатный пробадь по-прежнему есть и на пароходах, прекращен, и что теперь надо становиться на очередь и ехать и покупать билеты. Несколько одурманенных на митингах трудящихся, сбитых странных ораторам, попробовали заикнуться, что, мол, все же это так, здесь говорили, что все бесплатно, но имя Чека заткнуло рот. Тут же, сгоревшим, «Правда» появилась в Гомель, и все пошло по новому: появились магазины, конечно, не прелесть, а ишениски, спекулятивные, рестораны,

въ которыхъ появились евреи-музыканты, разбивавшіеся изъ «государственныхъ оркестровъ»; бесплатныя столовыя закрылись; открылись бани, сдававшія въ аренду городской коммуной, и за 15 000 рублей можно было уже постричься и побриться въ парикмахерской, не вѣтрѣвая отказа. На улицахъ поражаело глазъ обиліе такъ называемыхъ «парфюмерокъ». Это были, собственно говоря, антикарскіе магазины, но, конечно, въ мизерномъ видѣ: товаръ въ нихъ былъ контрабандный изъ Польши, но за то въ нихъ можно было достать все изъ парфюмеріи, а главное, что было очень цѣнно, эдѣсь можно было достать, конечно, тихонько и лѣкарства, тогда какъ ихъ въ аптекахъ, со времени націонализаций и перехода въ советскія руки, достать не было никакой возможности, и въ тѣ тяжелое время, до «Няня», больному обыкновенно приходилось слышать отъ врача, что «рециптъ-то я вамъ пропишу, но лѣкарство въ аптеку вы все равно не достанете». Съ «Няней» национализированныя аптеки вели жалкое существованіе, и уже ходили слухи, что ихъ неслкомъ тоже будетъ сдавать въ аренду прежнимъ владѣльцамъ, между тѣмъ въ то же время еще не разрѣшали открывать антикарскіе магазины; но изъ этого положенія смѣтливые гомельскіе евреи легко вышли: они открыли «парфюмерки».

Базары стали торговать открыто; на нихъ среди всякаго хлама появились и предметы, необходимыя населенію. Почти все это была контрабанда изъ Польши, перекупаемая спекулянтами въ Минскѣ, который благодаря близости къ границѣ приобрѣлъ громадное значеніе въ торговлѣ Бѣлоруссін. Такъ продолжалась «нѣповская» торговля въ теченіе іюля и августа мѣсяцевъ, но въ сентябрѣ мѣсяцѣ уже для «свободной торговли» начался естественія, который тотчасъ же отразился на повышеніи цѣнъ. Для того, чтобы имѣть право торговать хотя бы весь товаръ находился на рукахъ, нужно было купить въ исполкомѣ билетъ на право торговли, причемъ цѣна этого билета была очень большая, а самъ билетъ былъ дѣйствителенъ только на одинъ мѣсяць; въ слѣдующій же мѣсяць цѣна возрастала въ нѣсколько разъ болѣе предыдущаго. Помимо этого такъ называемого «государственного сбора», торговцевъ облагали всякими сборами все, кому было только не лѣнь изъ представителей советской власти.

Въ это время у советской власти были особенно въ модѣ «недѣли». Такъ напримѣръ, была объявлена «недѣля помощи голодающимъ Поволжья», которая продолжалась четыре недѣли; вслѣдъ за тѣмъ была объявлена «недѣля улучшенія матеріальнаго положенія красноармейцевъ», «недѣля школы» и т. п. Все эти «недѣли» обыкновенно ознаменовывались вымогательствомъ, соединеннымъ съ угрозами, у населенія денегъ, вещей, носильнаго бѣлья, обязательствомъ купить лотерейные билеты на устраиваемыхъ болшевиками гуляніяхъ, при этомъ послѣдніе не естественны въ средствахъ. Такъ какъ эти гулянія посѣщали праздноватающимися красноармейцами и коммунистической молодежью изъ молодыхъ евреевъ, а у этой публики не было ни желанія, ни средствъ покупать билеты лотерей, то болшевики прибѣгали къ слѣдующему средству: вызывали предѣдителей уличкомовъ, раздавали имъ лотерейные билеты и обязывали ихъ въ трехдневный срокъ внести деньги за нихъ. Предѣдателямъ разговаривать много не приходилось, и они обходились все дома въ своемъ районѣ и предлагали по развѣсткѣ на каждую семью купить у нихъ известное число билетовъ, предупреждая, что въ случаѣ отказа данное лицо будетъ объявлено контр-революционеромъ и будетъ имѣть дѣло съ Губчекой. Конечно, при такомъ заявленіи ничего не оставалось дѣлать, какъ купить эти билеты, часто даже занимая для этого деньги. Мнѣ пришлось также заплатить тысячу рублей за такой билетъ. Кромѣ того, на все время этихъ «недѣль» Гомельской губернской постановкой устанавливался принудительный сборъ въ размѣрѣ отъ 25 до 50% стоимости проездныхъ билетовъ на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ, а также за перевозку багажа и товара въ предѣлахъ Гомельской губерніи. Болѣе всего при этомъ облагались торговли, которые, не успѣвъ внести одинъ налогъ, получали повѣтку на другой. Ко всему этому служащие со своего скуднаго со-

терпаний должны были, согласно постановлению исполкома, вносить 10% от своего жалования в пользу нефть. У въезда в город были устроены заставы, на которых надо было купить билет на право въезда в город, причем не делалось различия между крестьянином, который ѿхалт туда продать или купить что-либо. Все эти сборы страшно взвинтили цены на продукты первой необходимости, и измученное и обнищавшее население не имело возможности приобрести что-либо для себя.

Но мому не внемаломы горячых жалобъ извѣстнаго въ Гомелѣ будочника, который горько жаловался на то, что онъ повѣрилъ совѣтской власти и съ появленіемъ «Нэпа» открылъ свое прежнее дѣло.

шесть миллионѣвъ, въ декабрѣ десять, въ январѣ пятнадцать, а вотъ теперь въ февралѣ получить уведомленіе, что должень внести тридцать миллионѣвъ. Помимо этихъ государственныхъ сборовъ, сколько я внесъ миллионѣвъ по приказу Губисполкома, когда были разныя «недѣли». Теперь у меня нѣтъ тридцати миллионѣвъ, но тѣмъ не менѣе я могъ бы ихъ достать и внести, если бы у меня была увѣренность въ томъ, что въ слѣдующемъ мѣсяцѣ цѣна за право торговли опять не повысится, а уже тогда я не буду въ состояніи внести эту новую сумму, и поэтому мнѣ приходится закрывать свою торговлю, неся убытки, такъ какъ кромѣ вымогательствъ отъ совѣтской власти я ничего не вижу, и мнѣ грозитъ разореніе. Нѣтъ, при совѣтской власти нельзя торговать, можно только спекулировать, и я на этомъ попался».

Съ «Напомъ» въ Гомелѣ появилась масса ресторановъ, въ которыхъ можно было получить открыто 20% вино, разрѣшающее къ продажѣ совѣтской властью, а изъ подъ полы сколько угодно спирту. Конечно, все это за баснословно дорогую цѣну; тѣмъ не менѣе рестораны, особенно къ вечеру, были всегда переполнены. Здѣсь кутила новая совѣтская аристократія: панамы, чеканы, коммушеты воишескихъ частей и разныхъ совѣтскихъ учреждений; играла музыка, лилось вино рѣкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же происходили аресты агентами Чeka.— часто даже по собственной инициативѣ,— а иногда бывала революберная перестрѣлка между пьяными. Чтобы не закрывать ресторанъ, содержатель приходилось платить громадные деньги, помимо тѣхъ колоссальныхъ поборовъ, которыми облагались рестораны за право торговли и на всевозможныя пожертвованія въ пользу голодающихъ въ Поволжьи, на улучшение быта красноармейца и т. п. Тѣмъ не менѣе число ресторановъ въ Гомелѣ быстро увеличивалось. Главная приманка для посѣтителей, конечно, была спиртъ и самогонъ.

Спиртъ добывался, главнымъ образомъ, съ ректификаціоннаго завода, находящагося въ предмѣстьи Гомеля Ново-Вѣличѣ. Этотъ заводъ функционировалъ и въ прежнее время, принадлежа нѣкому Гуревичу, Гомельскому миллионеру. Въ періодъ захвата власти большевиками, Гуревичъ, какъ и остальные буржуи, былъ основательно пощипанъ, сидѣлъ въ тюрьмахъ Чeka, по какимъ-то образомъ остался живъ. Заводъ его уцѣлѣлъ отъ разграбленія, и большевики въ началѣ 19-го года, еще до введенія «Напа», рѣшили его открыть, такъ какъ имъ былъ нуженъ спиртъ «для техническихъ и медицинскихъ цѣлей». Гуревича выпустили изъ тюрьмы, мобилизовали и назначили управляющимъ его собственнаго завода, какъ спеца. Дѣло пошло хорошо, добывался чистый спиртъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добывали этотъ спиртъ съ завода нелегальнымъ путемъ спекулянты, которые поставляли его въ рестораны, а также и продавали частнымъ лицамъ въ Гомелѣ. Дѣло было доходное, такъ какъ спекулянты брали большія деньги за спиртъ, но и хищенія на заводѣ были тоже большія. Тамъ спиртъ воровали всѣ, кто хотѣлъ, изъ служащихъ и рабочихъ. Занимался, если не воровствомъ, то во всякомъ случаѣ попустительствомъ къ этому и самъ Гуревичъ, такъ какъ это было куда прибыльнѣе и доходнѣе, чѣмъ одно ишченское жалованье управляющаго завода. Въ концѣ концовъ, онъ по доносу въ Чeka, очевидно, не подѣлившись съ кѣмъ-то доходами, въ октябрѣ 1921 года былъ арестованъ и посаженъ въ Гомельскую тюрьму. Слѣдствіе по его дѣлу шло что-то очень долго, говорили, что съ него спрашивали взятку въ восемьдесятъ миллионѣвъ, чтобы потушить его дѣло, но онъ не давалъ, и въ февралѣ 1922 года, когда я уже уѣхалъ изъ Гомеля, онъ еще все сидѣлъ въ тюрьмѣ. Однако, съ арестомъ Гуревича и съ назначеніемъ на его мѣсто коммуниста «добыча» спирта съ завода спекулянтами по прежней системѣ не прекратилась. Только спиртъ подиался въ цѣбѣ. Такъ, напримѣръ, лѣтомъ 1921 года бутылка очищеннаго спирта стоила 50—60 тысячъ, а въ февралѣ 1922 года она дошла до 800 000 рублей.

Кромѣ спирта у тѣхъ же спекулянтовъ всегда можно было достать и самогонъ, который они приобрѣтали у окрестныхъ крестьянъ, цѣна котораго подиалась съ трехъ тысячъ до ста за бутылку. Самогонъ гнали крестьянами

первоначальнымъ способомъ, но въ огромномъ количествѣ по всей Гомельской губерніи и особенно на хуторахъ, гдѣ вырабатывать его было сравнительно дешевле, чѣмъ въ деревнѣ, за отсутствіемъ соеѣдей, а слѣдовательно и доноса властямъ. Почти въ каждой деревнѣ Гомельскаго уѣзда стояли конныя части XI-ой кавдивизіи, и присутствіе ихъ обыкновенно стѣсняло самогонщиковъ, на хуторахъ же, которые, въ виду своей разбросанности, были свободны отъ постога войскъ, гнать самогонъ было удобнѣе. Но все-таки и деревня не особенно отставала въ этомъ дѣлѣ, хотя самогонщикамъ и приходилось тратиться на взятки коммунистамъ и чекетъ-осадоочамъ для избѣжанія доноса. Самогонъ дѣло прибыльное для крестьянина, а если принять во вниманіе, что въ прежнее время въ деревнѣ было сильно развито шинкарество, то теперь люди опытные въ этомъ дѣлѣ зарабатывали большія деньги.

Съ окончаніемъ полевыхъ работъ, а особенно къ Рождественскимъ праздникамъ, въ каждой деревнѣ и хуторѣ была приготовлена масса самогона, какъ для продажи, такъ и для собственнаго употребленія. Мнѣ приходилось, при разъѣздахъ по имѣніямъ въ качествѣ агронома-инструктора, часто заночевывать въ пути на хуторахъ. Сначала встрѣвали въ первый разъ обыкновенно недружелюбно, какъ совѣтскаго служащаго, но когда послѣ разговора хозяинъ наносилъ заключеніе, что не сочувствуюшъ большевикамъ, да еще узнавали, что я бывшій офицеръ, тошъ обыкновенно мѣнялся, и хозяинъ просилъ поужинать, чѣмъ Богъ послалъ. Появлялось на столѣ жареное сало, картофелъ, борщи, самогонъ, и дружелюбная бесѣда затягивалась далеко за полночь. При слѣдующемъ же посѣщеніи, принимали уже какъ своего человека и обязательно угощали самогономъ. Въ деревнѣ пьютъ теперь такъ, какъ не пили въ прежнее время, когда существовали казенныя пивныя и винныя завѣды, и старый, и малый. Пшениство тяжелое, нездоровое: отъ самогона болитъ голова и разстраивается желудокъ, но тѣмъ не менѣе это теперь единственная утѣха для мужика. На Рождествѣ 1921 года въ Гомелѣ ходили рассказы о гомерическихкихъ попойкахъ въ деревняхъ.

ДОКУМЕНТЫ

ОЧЕРКЪ ВЗАИМООТНОШЕНІЙ ВООРУЖЕННЫХЪ СИЛЪ ЮГА РОССИИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФРАНЦУЗСКАГО КОМАНДОВАНІЯ*).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Добровольческая Армія, непосредственная преемница пѣлгода грозной Русской вооруженной силы, выдержавшей долую и упорную борьбу съ сильнымъ врагомъ, отвергла всякую мысль о соглашеніи съ прежнимъ противникомъ, оставаясь вѣрной до конца всемъ договорамъ съ Союзными Державами.

Въ серединѣ апрѣля 1918 года, послѣ окончанія перваго Кубанскаго похода, когда германцы заняли Ростовъ и другіе пункты Донской области, а Добровольческая Армія сосредоточилась въ районѣ юго-востока Ростова, вопросъ объ отношеніи къ пѣлцамъ, находившимся въ столь близкомъ соедѣствіи, сталъ особенно острымъ. Всѣ попытки германцевъ войти въ переговоры съ Командованиемъ Добровольческой Арміи были категорически отвергнуты, несмотря на то, что этими отказами Армія закрывала себѣ пути къ полученію до нельзя необходимыхъ ей боевыхъ припасовъ.

Позднѣе, высшее германское командованіе въ лицѣ своего представителя при Донскомъ Атаманѣ — Майора Кохенгаузенъ, тоже неоднократно пыталось завязать сношенія. Не находя отклика со стороны Главнокомандующаго Добровольческой Арміей, Майоръ Кохенгаузенъ по одному изъ вопросовъ обратился уже съ ультимативнымъ требованіемъ къ Командованію Добровольческой Арміи, которое также было оставлено безъ послѣдствій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ занятіемъ Грузии и Сочинскаго округа, и съ этой стороны началось давленіе на Добровольческую Армію. Дружественныя отношенія, установившіяся между Добровольческой Арміей и грузинскими частями, боровшимися съ большевиками въ Сочинскомъ округѣ, рѣзко измѣнились. Грузины начали подготавливать оборонительную позицію въ Сочинскомъ округѣ, при чемъ осматривать и руководить работами призвали германскіе офицеры. Съади грузинскихъ войскъ появились германскія войска.

Таковы были отношенія Добровольческой Арміи къ врагамъ России и Союзникамъ ко времени побѣды Державъ Согласія.

*) Приводимая ниже сводка документовъ, характеризующихъ взаимоотношенія Добровольческой Арміи и представителей французскаго командованія, является перепечаткой официальной сводки, изданной въ 1919 г. въ Екатеринодарѣ въ ограниченномъ количествѣ нумерованныхъ экземпляровъ. Форматъ этой сводки 22½ X 29 см. Въ ней 43 стр. На обложкѣ и на титульномъ листѣ отпечатанъ слѣдующій текстъ: «Очеркъ взаимоотношеній Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи и Французскаго Командованія. Изданъ Управленіемъ Генераль-Квартирмейстера Штаба Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи. Май 1919 г. г. Екатеринодаръ. Типографія Канц. Главн. Нач. Снабж. Воор. с. на Югѣ Россіи. 1919.» Въ правомъ верхнемъ углу — надпись: «совершенно секретно». Подъ этими словами №. На оборотѣ титульной страницы отпечатано: «Всѣ даты приведены по старому стилю».

10 ноября въ Новороссійскъ прибыла Союзная эскадра, а 14 ноября пріѣхали въ Екатеринодаръ представители Англій и Франціи.

На официальномъ пріемѣ, въ дѣломъ рядѣ рѣчей, представители Франціи и черкнули, что всѣ дѣянія, направленные къ созданію Единой Великой Россіи, встрѣчаютъ полное сочувствіе Союзниковъ, признающихъ лишь Единую Россію, единый русскій фронтъ, единое русское командованіе; что всѣ борющіеся отряды или путемъ штыря противъ этой идеи являются не только врагами Россіи, но и врагами Союзниковъ, что русскимъ Главнокомандующимъ является Генералъ Деникинъ и что нынѣ, когда Дарданеллы открыты, Союзники вѣдутъ, чѣмъ могутъ, придути на помощь братской и союзнической Добровольческой Арміи.

Генералъ Щербачевъ, командированный Главнокомандующимъ въ качествѣ представителя Добровольческой Арміи къ Главнокомандующему Союзными арміями въ Румыніи, Трансильваніи и на Югѣ Россіи — Генералу Бертело, въ письмѣ своемъ отъ 3 ноября изъ Бухареста писалъ: «Я посетилъ Генерала Бертело въ его Главной Квартирѣ въ Бухарестѣ для предварительныхъ переговоровъ о своемъ посѣщеніи въ Главную Квартиру Генерала Франше д'Эспере и далѣе въ Парижъ, съ цѣлью ускорить прибытіе союзныхъ войскъ и средствъ войны — въ Россію.

Въ Бухарестѣ мнѣ удалось достигнуть результатовъ, которые значительно превзошли мои предположенія. Путемъ непосредственнаго общенія и обмѣла мнѣній съ Генераломъ Бертело, съ коимъ насъ связывала и прежняя общность идей и дѣяній, мнѣ удалось привести переговоры въ Бухарестѣ форму непосредственно-рѣшительную настолько, что временно отпала надобность проѣзда въ Парижъ и къ Генералу Франше д'Эспере.

Генералъ Бертело, имѣющій личную и рѣшительную поддержку Г. Клемансо, Премьеръ-Министра Союзныхъ Версальскихъ Собораній, облеченъ полною молью Главнокомандующаго арміями Союзниковъ въ Румыніи, Трансильваніи и на Югѣ Россіи, и въ качествѣ такового лица имѣетъ возможность проектировать и осуществлять всѣ вопросы политическіе и военные, касающіеся Юга Россіи и спасенія ея отъ анархій. Мнѣ удалось поднудить этотъ вопросъ настолько, что нынѣ уже слѣдуетъ начать дѣлать въ этомъ отношеніи что-либо сверхъ предположеннаго на собираніи моемъ съ Генераломъ Бертело.

Условно же имѣетъ дѣйствіе:

1. Для оккупации Юга Россіи будетъ двинута, настолько быстро, насколько только это возможно, 12 дивизій, изъ коихъ одна будетъ въ Одессѣ на этихъ же дняхъ.
2. Дивизіи будутъ французскія и греческія.
3. Я буду составлять, по предложенію Союзниковъ, и Генерала Бертело, при посѣщеніи и буду участвовать въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ.
4. База Союзниковъ — Одесса; Севастополь будетъ занятъ также быстро.
5. Союзными войсками Юга Россіи первое время будетъ командовать Генералъ д'Эсперъ, съ Главной Квартирой въ Одессѣ, гдѣ и буду находиться и я, съ союзными при мнѣ, Вамъ, извѣстными лицами.
6. Генералъ Бертело, до времени, со своей Главной Квартирой останется въ Бухарестѣ.
7. По прибытіи союзныхъ войскъ, кромѣ Одессы и Севастополя, которые будутъ немедленно заняты ко времени полученія Вами этого письма, Союзники займутъ, остро Кіевъ и Харьковъ, съ Криворожскими и Донецкими бассейнами, Днѣпръ и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Деникинъ арміямъ, противъ сопротивляемости и быть свободными для болѣе свободныхъ военныхъ операций.
8. По сформированіи, со стороны оккупации, необходимо немедленно формировать русскія арміи на Югѣ Россіи, но ими возрождены Великой единой Россіи. Съ этой цѣлью теперь же должны быть рѣшены и разработаны вопросы о сформированіи и районахъ формированія этихъ армій по мѣрѣ прибытія Союзниковъ. Тогда при такомъ условіи будетъ обеспечено естественное вступленіе всѣхъ русскихъ войсковыхъ армій подъ единымъ командованіемъ въ Москву.

9. Въ Одессу, какъ главную базу Союзниковъ, прибудетъ огромное количество всякаго рода военныхъ средствъ, оружія, боевыхъ огнестрѣльныхъ запасовъ, танковъ, одежды, желѣзнодорожныхъ и дорожныхъ средствъ, авианавигации, продовольствія и проч.
10. Богатые запасы бывшаго Румынскаго фронта, Бессарабін и Малороссіи, равно какъ и таковыя Дона, можно отнынѣ считать въ полномъ нашемъ распоряженіи. Для сего осталось сдѣлать лишь небольшія дипломатическія усилія, успѣхъ коихъ обезпеченъ, такъ какъ онъ опирается на всемогущество Союзниковъ.
11. Относительно финансовой поддержки намъ, у Союзниковъ, вырабатывается особый, специальный планъ».

29 октября Главнокомандующій Союзными силами на Востокъ Генераль Франше д'Эспере, въ письмѣ на имя Генерала Эрделя, представителя Добровольческой Арміи, командированнаго къ нему Главнокомандующимъ, писалъ:

«Г-нъ Генераль. Я былъ особенно счастливъ сегодня Васъ принять и познакомиться, такимъ образомъ, со столь выдающимся представителемъ русской арміи Генерала Деникина.

Будьте увѣрены, что Франція, которая была всегда вѣрна и дойзальна Союзникамъ, достойнымъ этого имени, не забудетъ нетинно русскихъ и не оставитъ Добровольческую Армію.

Тотчасъ же, какъ это будетъ возможно, я прикажу направить въ Новороссійскъ военное судно и прислать боевые припасы и матеріалы, въ коихъ Вы нуждаетесь и о которыхъ Вы мнѣ говорили.

Я прикажу, кромѣ того, доставить Вамъ, немного погоды, всѣ полезныя указанія по этому поводу, первый очеркъ коихъ Полковники Эпхель и Песоцкій передали Генералу Деникину.

Прошу принять, Г-нъ Генераль, увѣреніе, въ моемъ отличномъ уваженіи. Франше д'Эспере».

Такимъ образомъ, все, казалось, указывало на то, что Союзники будутъ всемерно оказывать помощь Добровольческой Арміи.

Съ цѣлью наиболѣе полного ориентированія Союзнаго Командованія, въ серединѣ ноября 1918 года, Штабомъ Главнокомандующаго былъ составленъ подробный докладъ о политическомъ, стратегическомъ положеніи на Югѣ Россіи и объ основномъ планѣ развертыванія русскихъ вооруженныхъ силъ для наступленія вглубь страны.

Въ докладѣ были указаны:

- а) Общая задача армій — разбить совѣтскія войска и овладѣть центромъ Россіи — Москвой, съ одновременнымъ ударомъ на Петроградъ и вдоль праваго берега Волги.
- б) Ближайшія задачи:
 1. Не допустить противника занять Украину и Западныя губерніи и, прикрывъ ихъ на протяженіи прежней демаркаціонной линіи, Совдепн и Австро-Германцевъ, создать плацдармъ для будущихъ формированій и для наступленія вглубь Россіи, съ цѣлью ликвидаціи большевизма.
 2. Использовать фронтъ, занимаемый Донскою и Добровольческою арміями, для наступленія въ Россію и для окончательнаго очищенія отъ большевиковъ Сѣвернаго Кавказа.

Въ виду того, что части Россіи, оккупированныя нѣмцами и лежація къ западу отъ бывшей демаркаціонной линіи, уцѣлѣли отъ разгрома большевиками, онѣ приобрѣли особо важное значеніе, являясь:

1. Плацдармомъ для нашего наступленія внутрь Россіи.
2. Источникомъ комплектованія формируемыхъ здѣсь частей Добровольческой Арміи.
3. Райономъ, обезпечивающимъ возможность выполненія этихъ формированій и снабженія ихъ.

Для выполненія общей задачи предположено было вести наступленіе по 8-ми операціоннымъ направленіямъ съ фронта Псковъ — Царицынъ на линію Пе-

трехтысяч. Искренне, при чем было выражено пожелание о необходимости, съ стороны обещания резервирования русских вооруженных силъ, занять этого минимальнымъ количествомъ союзныхъ войскъ районы, прикрывавшіе главнѣйшія направления и важнѣйшіе въ мобилизаціонномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Слѣдовательно имѣлись въ 18 пѣхотныхъ и 4 кавалерійскихъ дивизій, при чемъ было указано, что онѣ ни въ какихъ активныяхъ дѣйствіяхъ участвовать не будутъ и лишь обеспечивать операціи русскихъ армій.

Одновременно былъ представленъ подробный перечень всего необходимаго для существующихъ (Добровольческая и Донская) и формирующихся дѣли.

20 ноября, около 12 часовъ, со всѣми приложениями, былъ посланъ Командующему союзными войсками въ Румынію, Генералу Бертелю, и офицеру для связи съ Французами, Командовавшему, Генеральнаго Штаба Кинттану Фуке, для передачи Генералу Франше д'Эспере.

Около 12 часовъ докладъ не поступовало.

Событія, развивавшіяся къ этому времени на Югѣ Россіи, въ связи съ окончаніемъ Германцами занятыхъ ими областей и начавшемъ движеніи Петлюры, диктовали необходимость приступить къ проведенію кампаніи на югъ въ дѣль, хотя бы только въ своихъ основныяхъ чертахъ, безотлагательно. Поэтому, когда въ серединѣ ноября, вѣдомъ образовавшееся Крымское Правленіе, въ лицѣ своего Предсѣдателя, обратилось съ просьбой къ Главнокомандующему Добровольческой Арміей, о присылкѣ на Крымскій полуостровъ необходимыхъ отрядовъ, вспомогательныхъ для обеспечения спокойствія и безопасности въ краѣ, оставаемомъ армянами, по приказанію Главнокомандующаго, Крымъ былъ занятъ Добровольческими войсками.

Въ связи съ эвакуаціей германскихъ войскъ изъ Украины и начавшимся дѣломъ военными, ставшими крайне важными отряды для безопасности Мадаросію, какъ районы, гдѣ въ будущемъ должно было быть произведено развертываніе Добровольческихъ Армій; поэтому, 24 ноября Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Франше д'Эспере: Чтобъ сохранили Югъ Россіи, богатый продовольствіемъ и военными запасами, необходимо какъ можно скорѣе послать хотя бы нѣк. численъ союзныхъ войскъ въ районъ Харьковъ и Екатеринослава, а 1 декабря обратились съ просьбой къ Французскому Командованію объ отсылкѣ необходимыхъ разпорядковъ, для оставленія германскихъ войскъ въ Харьковѣ, съ цѣлью сохраненія порядка.

Въ отвѣтъ на это, офицеръ для связи съ Генераломъ Франше д'Эспере, Генеральнаго Штаба Кинттанъ Фуке, вручилъ Главнокомандующему копію телеграммы Генералу Франше д'Эспере, въ которой указывается, что одна французская дивизія 5 декабря начнетъ выдвигаться въ Одессу.

Въ это время прибавили французскихъ войскъ, въ Одессѣ обстановка складывалась, такъ какъ городъ былъ занятъ петлюровцами, а петлюровцы, необходимые для защиты, перемещались къ порту, который былъ подъ охраной французскаго флота. Германскія заводы, частью перешли къ петлюровцамъ, частью разнашлись въ Геничѣ. Обстановка, сложившаяся въ Одессѣ, русское офицерство еще не успѣло приобитъ къ полной ориентации, поэтому, находившіеся тамъ, Генераль Гришинъ-Алмазовъ, принявъ на себя командованіе Добровольческими частями и началъ перемещать ихъ къ портамъ. Помощникомъ представителю Державы Соловья въ Одессѣ, французскій Консулъ, Бино, занимать въ отношеніи украинскаго воина, въ настоящее время и уверяю: украинца нехоту исправленіи признавать, такъ какъ, несмотря на примы, для солдаты Кинной Россіи, а Добровольческие Арміи, считаясь съ общими, дорогами, государственными, парадомъ на Югъ Россіи.

Въ связи съ этимъ, въ Одессѣ, около 12 часовъ, посланъ французскихъ войскъ, состоящихъ изъ 156 пѣхоты, подъ командой Генерала Борхуса, Генерала Борхуса, посланъ въ свой Генераль Гришинъ Алмазовъ и передать ему, что одна французская дивизія, состоящая изъ своихъ войсками въ городѣ, въ мушкетеръ И. Г. Г. Гришинъ Алмазовъ, возразили, что въ виду приближенія на отряды, въ настоящее время, для отрядовъ невозможны, а что, снѣданъ съ Бухарь, снѣданъ, Геничѣ, такъ какъ, французскія войска, Генераль Борхусъ, солдаты, съ, снѣданъ, рече.

дствъ и рѣшилъ совместно съ Генераломъ Гришинуемъ - Алмазовымъ на слѣдующій день занять весь городъ французскими и Добровольческими войсками.

5 декабря, съ утра, началась операція по овладѣнію городомъ. Петлюровцы встрѣтили Добровольческіе отряды ружейными и пулеметными огнемъ; стоявшіе на рейдѣ французскіе военные суда и транспорты были обстрѣливаемы изъ города артиллеріей.

Цѣлый день и всю ночь шелъ ожесточенный бой между Добровольцами и петлюровцами, закончившійся полнымъ пораженіемъ послѣднихъ. Наши потери нечислялись въ 24 офицера убитыми и около 100 ранеными.

Такимъ образомъ, выполняя въ точности предложенныя Французскому Командованію условія о совместныхъ дѣйствіяхъ, Добровольческая Армія грудью своего продолжила путь для союзныхъ войскъ, которые вступили въ Одессу и заняли городъ — безъ потерь.

7 декабря, Г. Шулгинъ, сообщая, что Генераль Боріусъ, съ согласія Генерала Ардиля и его, Шульгина, возложилъ на Генерала Гришину - Алмазова обязанности Военнаго губернатора Одессы, просилъ объ утвержденіи этого назначенія. Главнокомандующій назначеніе утвердилъ.

Генераль Боріусъ получилъ приказаніе отъ своего Высшаго Командованія занять лишь одну Одессу и, несмотря на все увѣренія Генерала Гришину - Алмазова о необходимости немедленнаго выдвигенія впередъ, съ цѣлью занятія важнѣйшихъ тактическихъ пунктовъ, обеспечивающихъ оборону города, и для захвата въ сферу своего вліянія нѣсколько близлежащихъ селеній, питающихъ Одессу, Генераль Боріусъ не только самъ не продвигался впередъ, но категорически запретилъ это дѣлать и Добровольческимъ частямъ. Результатомъ этого было немедленное вздорожаніе жизненныхъ продуктовъ въ Одессѣ и почти полное исчезновеніе ихъ съ рынка.

Такимъ образомъ, съ первыхъ же шаговъ наши Союзники, съ которыми впервые вошли въ сотрудничество части Добровольческой Арміи, не только не оказали имъ помощи, но и затормозили необходимое развитіе ихъ боевого усѣха, вызывая тѣмъ самымъ осложненіе въ тылу и справедливое недовольство населенія.

Обо всемъ изложенному Генераль Гришину - Алмазовъ своевременно доносилъ Главнокомандующему, а 13 декабря вновь поднялъ этотъ вопросъ передъ Французскимъ Командованіемъ, передавая Генералу Боріусу и Консулу Энно памятную записку за № 230, гдѣ указывалъ на необходимость: 1) расширенія занимаемой союзными войсками зоны до линіи Бѣляевка — Сѣвериновка — Антопо - Кодицково и 2) дальнѣйшаго продвиженія, къ серединѣ января, на линію Тирасполь — Раздѣльная — Николаевъ, къ каковому времени предполагалось закончить формированіе дивизіи военнаго состава Добровольческой Арміи.

Съ пріѣздомъ новаго Командующаго, Генерала д'Ансельма, Генераль Гришину - Алмазовъ 1 января вторично подаль Французскому Командованію памятную записку за № 393, о необходимости расширенія зоны до линіи Тирасполь — Раздѣльная — Березовка — Николаевъ — Херсонъ, указывая, что занятіемъ этой линіи достигнется связь съ Бессарабіей и ликвидируется наступившій въ Одессѣ продовольственный кризисъ.

Выполненіе указанной операціи предлагалось произвести наличными силами, занявъ Тирасполь, Раздѣльную и Березовку союзными войсками и возложивъ обезпеченіе Херсона - Николаевского района на 15 германскую ландверную дивизію.

Однако, Французское Командованіе, склоняясь къ предложенію представителямъ партіи Петлюры, въ системѣ мирнаго ввода французовъ на украинскую территорію, и предпочитая, въ вопросѣ расширенія зоны, дѣйствовать дипломатическимъ путемъ, попрежнему тормозило выполненіе этого мѣропріятія.

Лишь 3 января Генераль Гришину - Алмазовъ донесъ Главнокомандующему о полученіи отъ Генерала д'Ансельма отвѣта, въ томъ смыслѣ, что Атаману Грекову предложено очистить зону до линіи Тирасполь — Раздѣльная — Березовка — Николаевъ — Херсонъ, при чемъ было заявлено, что, въ случаѣ неисполненія указанного требованія, французы заставятъ петлюровцевъ подчиниться силой.

5 января Главнокомандующій вооруженными силами на Югѣ Россіи телеграфировалъ Генералу Вертелю:

«Общее положеніе на Украинѣ съ каждымъ днемъ начинаетъ ухудшаться. Вслѣдствіе за выстуленіемъ Петлюры, въ разныхъ мѣстахъ Украины начали орга-

низомы, а в шанки грабителей, руководимы своими главарями. Действия этих шайок пока носили чисто мстительный характер, но теперь они начинают обрести и их действительность, принимает угрожающий характер. Петлюровское движение выливается постепенно в форму определенного большевизма, из результатов чего перестать нами может возникнуть новый большевистский фронт, борьба против которого будет уже сложнейше. Для подавления этого движения необходима возможно скорейшая присылка союзных войск на Украину, что даст нам возможность перейти к активным действиям и прекратить дальнейшее развитие событий, явно вредных для общего дела и грозящих обратить в пустыню богатейший край.

Отвѣта на эту телеграмму не послѣдовало.

Въ то время когда въ районѣ Одессы, съ такимъ трудомъ, встрѣчая цѣлый рядъ препятствій со стороны Французскаго Командованія, осуществлялись ближайшія задачи Добровольческой Арміи, въ Крыму происходило слѣдующее:

Части Добровольческой Арміи, занявъ въ серединѣ ноября Крымскій полуостровъ, выдвинулись въ районѣ сѣверныхъ уѣздовъ Таври, съ цѣлью прикрытія отъ большевиковъ побережій Чернаго и Азовскаго морей, поддержанія связи съ войсками, занимающими Донецкій каменноугольный бассейнъ и образованія плацдарма для дѣйствій вновь формирующихся частей.

28 декабря въ Севастополь вышедшая полкъ французской пѣхоты и былъ оставленъ въ этомъ городѣ.

Въ серединѣ января регулярныя союзскія войска выдвинулись на фронтъ Луганскъ — Бахмутъ — Гришино — Гудий-Поле. Становилась ясной полная безразличность ихъ дальнѣйшихъ активныхъ дѣйствій, въ направленіи Крымскаго полуострова, и отсюда — крайняя необходимость: а) срочно использовать призывы сѣверныхъ уѣздовъ Таври и занятой части Екатеринославской губерніи; б) немедленно сосредоточить въ сѣверной Таври, для усиленія фронта, всѣ части арміи, находящіяся въ Крыму, гдѣ они занимали гарнизонами главнѣйшіе пункты. Въ Крыму велась усиленная большевистская агитация: настроеніе въ виду было крайне неспокойное, и оставить Крымскій полуостровъ — тылъ арміи, безъ войскъ, было невозможно.

Учитывая все это, Главнокомандующій 19 января послалъ телеграмму Генералу Бертело:

«Регулярныя союзскія войска сосредоточены на фронтѣ Луганскъ, Бахмутъ, Гришино, Гудий-Поле и скоро можно ожидать активныхъ дѣйствій со стороны большевиковъ. Чтобы дать отпоръ большевикамъ и использовать призывы сѣверныхъ уѣздовъ Таври и занятую часть Екатеринославской губерніи, необходимо немедленно Добровольческія части изъ Крыма и сосредоточить ихъ на сѣверѣ Таври. Для обезпеченія порядка въ Крыму, послѣ ухода Добровольческихъ частей, прошу срочно занять, хотя бы малыми силами гарнизонами, Мелитополь, Симитли, Сивисли, Переволотъ, Дьячкѣй, Елкатюрю, Симферополь, Феодосію и Керчь. О Вашемъ рѣшеніи прошу поставить меня въ извѣстность».

Генералъ Бертело 4 февраля отвѣтилъ, что въ данное время, въ виду малочисленности частей, находящихся въ его распоряженіи, онъ не можетъ исполнить эту просьбу, но, съ прибаломъ, поддержаній, обязательно это сдѣлаетъ.

Одновременно Генералъ Бертело указалъ, что болѣе всего тормазомъ въ дѣлѣ переброски войскъ является отсутствие въ его распоряженіи транспортовъ, и что, сообразно существующему положенію, онъ отдалъ приказъ приоткрытію расписанія Генерала Дюжана, относительно задержанія фактически русскихъ пароходовъ, и проситъ выдать, такюму ему, для перемѣны войскъ.

Для русскихъ пароходовъ: Императоръ Александръ III, Николай I и «Нерв». Вѣроятно были посланы въ Одессу въ распоряженіе Французскаго Командованія.

2 февраля Главнокомандующій въ телеграммѣ Генералу Бертело вновь указалъ на крайнюю необходимость скорѣйшаго занятія союзными гарнизонами указанныхъ выше пунктовъ, и, въ частности, Мелитополя, въ районѣ котораго мобилизована армія въ 1000 ч.

Призывы эти не послѣднихъ, тѣмъ не менѣе не были, и лишь 15 марта въ Севастополь, въ составъ батальона, гренадеръ.

Въ то время, когда усиленная часть Крымско-Азовской арміи, имѣла того, что въ дѣлѣ борьбы съ активными операциями противъ большевиковъ, выдвинула въ Крымъ значительныя силы, въ главнѣйшіе пункты Крыма, гдѣ большевист-

ская пропаганда все время усиливалась, и настроеніе населенія продолжало быть крайне неспокойнымъ.

При такихъ совершенно неожиданныхъ и мало благоприятныхъ условіяхъ, Добровольческая Армія распространяла свое вліяніе на Югъ Россіи по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, стремясь къ выполненію ближайшей задачи, намѣченной основнымъ планомъ.

А между тѣмъ, большевистскія войска, постепенно проникая въ Украину, занимали уже Харьковъ, Кіевъ и продвигались все глубже. Петлюровское движеніе, почти полностью, выливалось въ форму опредѣленнаго большевизма и тяготѣло къ власти совѣтовъ.

И если, вскорѣ же послѣ эвакуаціи германцами Украины и Западнаго Края, всѣ эти громадныя области могли быть свободны, безъ выстрѣла, заняты ничтожнымъ количествомъ побѣдоносныхъ войскъ Державы Согласія, то съ теченіемъ времени, эта задача осложнялась все болѣе и болѣе.

Долгое отсутствіе на Югъ Россіи союзныхъ войскъ, начинало расцѣпываться большевиками, какъ побѣда ихъ дозвонить, какъ начало ихъ вліянія на «всемирную революцію», и тѣмъ самымъ, стремясь привлечь на свою сторону общественное мнѣніе, они становились все смѣлѣе и упорнѣе.

* * *

Непрібытіе ожидаемой помощи отъ союзныхъ войскъ, невыгодно отразилось, прежде всего, на Донскомъ фронтѣ, гдѣ казаки, утомленные двѣнадцаті-мѣсячной безпрерывной борьбой, напруга послѣднихъ усилія, больше всего ее ожидали. Но когда помощь эта не пришла, сила казаковъ, растѣваемая большевистской пропагандой, падламила. Донская армія начала отступать, быстро рѣдѣя въ своемъ составѣ.

Уже 9 декабря, чтобы парализовать начавшуюся большевистскую агитацію на Дону, Главнокомандующій Добровольческой Арміей послалъ Генералу Франше д'Эспере и Генералу Бертело телеграмму: «Всѣ части Добровольческой Арміи находятся въ бояхъ и не могутъ приступить къ правильной организаціи. Поэтому, изъ числа дивизій, которыя были испрошены ранѣе въ посланной Вамъ 20 ноября (3 декабря) за № 03955 запискѣ, а также, чтобы показать казакамъ, что они борются за правое дѣло вмѣстѣ съ Союзниками, прошу прислать по одной пѣхотной дивизіи для Донскаго и Кубанскаго фронтовъ. Въ случаѣ согласія Вашего, дивизіи эти могутъ быть высажены въ Новороссійскомъ портѣ».

Отвѣта на эту телеграмму не послѣдовало, но 26 декабря была получена телеграмма, подписанная Генераломъ Бертело и скрѣпленная Французскимъ Консуломъ въ Кіевѣ Г. Энно, адресованная всѣмъ войсковымъ частямъ, всѣмъ учрежденіямъ, газетамъ и всѣмъ жителямъ Юга Россіи.

«Генералъ Бертело, Главнокомандующій войсками Согласія въ Румыніи и Южной Россіи, сообщилъ мнѣ, для опубликованія во всѣхъ газетахъ и распространенія въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ, нижеслѣдующее: Жители Южной Россіи! Вотъ уже почти два года, какъ ваша богатая страна, раздрается нескончаемыми гражданскими войнами; истинные злоумышленники захватили мѣстами власть, угрожая жизни и имуществу всѣхъ мирныхъ жителей и друзей порядка, создавая, такимъ образомъ, въ вашей странѣ подлинную анархію, ведущую къ полному разоренію. Ваши Союзники, никогда не забывавшіе усилій, которыя вы приложили во имя общаго дѣла, и желающіе вновь увидѣть вашу страну умиротворенной, процвѣтающей и великой, рѣшили, что пали войска высаждать въ Южной Россіи, чтобы дать возможность благонамѣреннымъ жителямъ возстановить порядокъ. Окажите добрый пріемъ войскамъ Союзниковъ. Они приходятъ къ вамъ, какъ друзья. Всѣ Державы Согласія идутъ вамъ навстрѣчу, чтобы снабдить васъ всѣмъ, въ чемъ вы нуждаетесь и чтобы дать вамъ, наконецъ, возможность свободы, а не подъ угрозами злоумышленниковъ, рѣшить, какую форму правленія вы желаете имѣть. Итакъ, войска Союзниковъ направляются къ вамъ для того, чтобы дать вамъ порядокъ, свободу и безопасность. Они покинутъ Россію послѣ того, какъ спокойствіе будетъ возстановлено. Дайте рѣшительный отпоръ дурнымъ совѣтникамъ, имѣющимъ интересъ вызвать смуту въ странѣ, и встрѣчайте Державы Согласія съ довѣріемъ. Генералъ Бертело, Съ подлиннымъ вѣрно, Консулъ Франціи въ Кіевѣ, съ особыми полномочіями. Энно .

Эта записка быстро облетела все части Донцов, но казаки отнеслись к нему с недоверием, сомнявшись в его подлинности: они уже не верили в то, что Союзники им помогут...

4 января, в виду серьезного положения на Дону и необходимости немедленной моральной поддержки Донской армии, Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России обратился к Союзному Командованию, с просьбой немедленно перебросить на Донь бригаду или полк с артиллерией, так как иначе положение Донской армии и ее моральное состояние могут стать непоправимыми, что осложнит наше и Союзников общее дело.

Ответа на эту телеграмму не последовало.

15 января, не получив ответа на все вышеприведенные телеграммы, Главнокомандующий обратился непосредственно к Маршалу Фошу, передавая свою телеграмму к полку Генералам Франше Д'Эссере, Бертело и послу Сазонову: «Вот пять дней ждем, знаем Россию идут споры и дебаты дипломатов, русские постепенно лишены надежды. В этой опасной ситуации Донь, назв. Оренбург и Уралов, не могут помочь Малороссии, а Центральная Россия умирает. Я обращаюсь к Вашему сочувственному сердцу. Скажите Союзным Правительствам, что время разборок миновало, что мы потребуем, кроме, что необходимо немедленно реальный помощи, которой мы не видим. Мы не стоим секунды и ни минуты не сомневаемся в конечной победе. Но эта победа может прийти только победой русской культуры — победой того, кат. война кровавой америкой захватывает, не только победой военной, но и победой идеальной».

На эту телеграмму ответа не последовало.

29 января Главнокомандующий вновь телеграфировал Генералу Франше Д'Эссере: «Иными делами телеграммы и письма оказав, содействие союзными войсками на Донском фронте. Значение этого фронта в борьбе с большевизмом огромно, если, приращенного Донской каменноугольный район и пути к югу, к Союзному Командованию Кавказу и портам Азовского и Черного морей. Донские казаки в течение года героически сражались и сопротивлялись превосходным силам врага, но теперь, усталые, начинают терять веру в поддержку Союзников, так как помощь действительно не прибывает, а со стороны большевиков, идет пропаганда, что этой помощи и не будет. Если Союзным Командованиям реально помочь нам в борьбе с большевиками, то эту помощь надо дать теперь же, чтобы поднять дух казаков и сохранить Донскую область».

Таким образом, первые три мессенжера, послы уведомлений связи Добровольческой Армии с Союзными войсками, протекла борьба Вооруженных сил Юг. России против большевиков и при таких условиях началось выполнение плана, принятого Союзному Командованию плана для наступления вглубь страны.

Уже на фронте Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России обратился к Генералу Франше Д'Эссере: «В течение трех мессенжеров Юг. России требует реальной помощи Союзников. Вооруженные силы Союзников, да еще не имея ни одного пункта территории России, с их их, прочувствовав или даже в Мессенжерах, русских интересам, или силы их могли быть значительно больше. Их отсутствие и недостаток раз, против, хоть небольшой отряд, для Юг. России, является огромной Союзников, была психологически необходима. Отказав от этой помощи, мы разрушили Дону, к потерь им, тогда потеряны его территории, и, кроме того, потеря всей области, что означает, что нашу работу на территории Юг. России будет ориентировать Юг. Прессу на то, что эти Союзников, потеряли последнее понимание и поддержку, русские общественности, победив на фронте Союзников, 2 февраля № 182 П».

Но несмотря на эту телеграмму о том, Главнокомандующий 19 февраля телеграфировал Маршалу Фошу и полковнику Генералу Бертело: «28 января повелеваю обратиться к Вашему Превосходительству с просьбой немедленно послать на Донь три колонны при поддержке на второстепенные фронты. На Донском фронте на Дону мы не получили ни одного солдата. Положение приращенного фронте добровольческой войскам на фронте правительственной силы Донской области, так же, как и удерживать фронт, занимающий уже более половины территории России и приращенного в восточной Понтерассе. Солдаты фронт, так же, как и фронт Добровольческой Армии, занимающей До-

пейский бассейн. Если мы не будем въ состояніи удержатъ угольный районъ въ своихъ рукахъ, то скоро весь Югъ Россіи и флотъ останутся безъ топлива. Посему, вновь обращаюсь къ Вамъ съ просьбой, ускорить присылку войскъ для Дона. Если помощь запоздаетъ, то скоро мы окажемся въ томъ же положеніи, въ какомъ были годъ тому назадъ, и всѣ героическія усилія, ознаменовавшія эту титаническую борьбу за право и цивилизацію - пропадутъ даромъ. Промедленіе въ подачѣ помощи отразится, прежде всего, на интересахъ союзныхъ войскъ, которымъ придется начинать свои операціи съ расширенія района будущей базы, отвоевываая территоріи отъ большевиковъ, вмѣсто того, чтобы закрѣпить за собою территорію, добытую нами цѣною безпримѣрныхъ двѣнадцати мѣсячныхъ усилій. 19 февраля (4 марта) № 275/П».

Отвѣта не послѣдовало.

Когда обнаружилось наступленіе большевиковъ на Крымскій полуостровъ, и, для болѣе прочнаго удержанія его, Главнокомандующій рѣшилъ перебросить туда часть Добровольческихъ войскъ, расположенныхъ въ Одессѣ, чтобы усилить слабую численною части Крымско-Азовской Арміи, то въ отвѣтъ на отданное распоряженіе Гришинъ-Алмазовъ донесъ: «Херсонъ послѣ боевъ очищенъ Союзниками. Николаевъ эвакуируется ими. Генераль д'Ансельмъ, считая Одессу угрожаемой, заявилъ мнѣ, что Генераль Бертело приказалъ не выпускать Добровольческую Армію изъ района Одессы. Ожидая Вашихъ указаній».

1 марта Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Бертело: «Въ ноябрѣ прошлаго года, моимъ штабомъ была составлена записка, съ планомъ формированія, стратегическаго развертыванія и дальнѣйшаго наступленія войскъ Юга Россіи. Записка была послана Вамъ и Генералу Франше д'Эспере. Планъ, изложенный въ запискѣ, былъ разсчитанъ на помощь союзныхъ войскъ. Просимая помощь осуществлена не была, и мнѣ не были сообщены и какія либо предположенія Французскаго Командованія, почему я вынужденъ былъ начать операціи, разсчитывая только на свои силы. Къ сожалѣнію, здѣсь я встрѣтилъ затрудненія со стороны Генерала д'Ансельма. Въ виду создавшагося труднаго положенія въ сѣверной Тавріи и въ Крыму и считая районъ Одессы достаточно обезпеченнымъ имѣющимися тамъ союзными войсками, я отдалъ распоряженіе о спѣшномъ переброскѣ моремъ въ Крымъ части войскъ Добровольческой Арміи изъ Одессы. На это приказаніе Генераль Гришинъ-Алмазовъ мнѣ донесъ объ оставленіи союзными войсками Херсона и Николаева, и что Генераль д'Ансельмъ, считая Одессу угрожаемой, заявилъ, что Вы приказали не выпускать частей Добровольческой Арміи изъ Одессы. Наставляя на выполненіи моего приказа, прошу Вашего распоряженія о разъясненіи недоразумѣній, тормозящихъ переброску войскъ и мѣшающихъ выполненію намѣченныхъ мною операцій».

Генераль Бертело на эту телеграмму не отвѣтилъ.

Таковы были отношенія Французскаго Главнаго Командованія къ операціямъ русскихъ Вооруженныхъ силъ на Югѣ Россіи. Въ результатъ не только не была оказана помощь для осуществленія намѣченнаго Главнокомандующимъ и предложеннаго Союзному Командованію плана борьбы съ большевиками, но во многихъ случаяхъ проведеніе этого плана въ жизнь встрѣчало препятствія.

Относился такъ къ операціямъ Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, Французское Командованіе на мѣстахъ пыталось разрѣшить рядъ принципиальныхъ вопросовъ, касающихся организаціи и системы комплектованія русскихъ вооруженныхъ силъ.

Рѣшеніе этихъ вопросовъ, затрагивающихъ условія русской жизни, представителями Иностраннаго Державъ помимо Главнокомандующаго, влекло за собой разрушеніе единой власти и самой Добровольческой Арміи.

Французское Командованіе въ Одессѣ упорно противилось объявленію въ Одесскомъ районѣ мобилизаціи. Мотивомъ этого, повидимому, была боязнь безпорядковъ, которые, яко-бы, должны были возникнуть изъ за непопулярности, какъ казалось Союзникамъ, Добровольческой Арміи въ населеніи. Несомнѣнно, что впечатлѣніе это создано подъ большимъ влияніемъ партіи петлюровцевъ, преслѣдовавшей свои опредѣленныя цѣли.

Основываясь на таких соображениях, но в то же время признавая необходимость увеличения количества вооруженных сил для борьбы с большевиками, французам, в день приезда в Одессу Генерала Бертело, подняли вопрос о формировании сформированных бригад (бригады-микеты) на следующих основаниях:

1. Офицерный состав этих бригад назначается властью Добровольческой Армии, но комплектуется только из уроженцев Украины.

2. Солдаты пополняются путем добровольного найма с жалованьем 200—250 руб. в месяц, при казенном довольствии.

3. В каждый полк, из качества инструкторов, прилагается небольшое количество французских офицеров и унтер-офицеров.

4. В командном отношении эти части Добровольческой Армии не подчиняются.

5. Форма одежды примитивно к французской — без погонь.

Так как из такого вида эта мбра приобрела характер формирования не другой, не Добровольческой и не Русской армии, то Главнокомандующий 8 февраля телеграфировал Командующему войсками Юго-Западного края Генералу Санникому: «Категорически возражаю Вам! делать эксперименты с русскими войсками по чужой указке. Передайте, что я, Главнокомандующий, не допущу ничего импетирующего к вопросу формирования русской армии. Еслибы кто либо позволил себе сделать это, объявите, что виновный незаконное распоряжение будет предан суду».

Позже, Главнокомандующий писал Генералу Бертело: «Идея формирования бригад из русских людей с иностранными офицерами и подчиненными исключительно Французскому Командованию, не может быть популяриза, так как она ищет и разрыв с идеей воззвания Русской Армии, во имя чего борется лучшее офицерство и наиболее здоровые элементы страны.

Возможно лишь оперативное подчинение Французскому Командованию русских формирований, возникающих или имевшихся из мбстах преобладающего разнородности союзных войск, в случае если создавался боевая обстановка того требуют».

Отношение шовинизма со стороны Русского Командования по отношению к населению Украины и намерения укомплектовать формируемые части местными украинскими уроженцами лишний раз подчеркивает настолько недостаточно Французское Командование из Одессы ориентировано к обстановке. Русское офицерство, даже отдавая себе отчет в проихождении, не может иначе относиться к населению Украины, чем ко всему Русскому народу, с которым она составляет одно плечо. Выбег с тем, в некоторых самостоятельных кружках, нашедших поддержку из многочисленных австрийских и германских «сильных», очевидно стремление создания особых украинских войск и, как на сранно, этого плант, противный идее воззвания Единой могущественной России, что казалось бы наиболее соответствовало интересам Французского народа, вступить в союзнство и поддержку у Французского Командования.

Отказ из Юго-Западном районе от принудительной мобилизации разрушил совершенно созданную с таким трудом Добровольческую Армию, уже перешедшую к принципу обязательной военной повинности. Из областей, в войну формируемых части путем призыва, лица, желающие уклониться от службы, и должны уходило из мбста, где от этого принципа отказались.

Разумеется, безразлично и начнется развал частей, ибо на возможных русских территориях не может быть двух различных решений по одному и тому же вопросу. Правда же показывает, что при успехе и силе на нашей стороне, мобилизации войск, проиходит успешно».

Из возможных возражения для Добровольческой Армии называло отношение Французского Командования из Крыма к вопросу о наведении военного положения.

Из возмущения генерала Крыма, в особенности из Севастополя, мбстное командование знает, что Крымское Правительство и Союзное Командование не принимают никаких мер репрессивных мбр, начали постепенно поднимать войну и начали мобилизацию, в союзнство извест, выходя Добровольческой Армии из Крыма и т. д.

Давая отчет о своем мбсте, по обное безобразие, Главнокомандующий признает, а следовательно, признает в Крыму военное положение, предпринимать анкетировать по

этому вопросу Командующего Крымско - Азовской Арміей. На это послѣдній донесъ, что Французское Командованіе, считаясь главнымъ образомъ съ мѣстнымъ правительствомъ, указываетъ, что Добровольческая Армія находится въ Крыму исключительно для поддержанія порядка и спокойствія и что оно противъ введенія военнаго положенія, считая однако исполнѣ возможнымъ, чтобы Министру Внутреннихъ Дѣлъ были предоставлены чрезвычайныя полномочія по принятію различныхъ мѣръ, равносильныхъ введенію военнаго положенія.

Такъ Французское Командованіе, съ трудомъ ориентируясь въ создавшейся сложной обстановкѣ на Югѣ Россіи, по пытался идти самостоятельнымъ путемъ, не считалось съ предложеніями Главнаго Командованія Вооруженныхъ силъ на Югѣ Россіи и, гипотетизируемое различными узко партійными заявленіями, торжествомъ организационнаго мѣропріятія русскихъ вооруженныхъ силъ, энергичное и быстрое проведеніе которыхъ въ жизнь явилось крайне необходимымъ, какъ обезпечивающее возможность дальнѣйшаго выполненія основнаго плана.

* * *

Еще менѣе понятнымъ было отношеніе Французскаго Командованія къ вопросу матеріальнаго снабженія Добровольческой Арміи тѣми запасами, которые послѣ демобилизаціи Русской арміи, оказались сосредоточенными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Какъ прямая преемница Русской арміи, Добровольческая Армія несомнѣнно имѣла на нихъ все права, не говоря уже о томъ, что нужда въ предметахъ снабженія всякаго рода, особенно въ снарядахъ и патронахъ, была большая. Отношеніе это становится тѣмъ болѣе досаднымъ, что послѣ отступленія союзныхъ войскъ изъ района Одессы, все огромные матеріальныя запасы, не будучи использованы, достались большевикамъ.

Наиболѣе крупныя склады военнаго имущества, собранные при демобилизаціи Русской арміи находились въ Тирасполѣ, Николаевѣ и на островѣ Березань близъ Очакова. На первую просьбу Генерала Санникова оказать содѣйствіе вывозу имущества изъ Тирасполя, Французское Командованіе письменно уведомило его, что Тирасполь не находится въ зонѣ Добровольческой Арміи и что имущество впоследствии будетъ правильно распределено. Такая постановка вопроса вызвала недоумѣніе, такъ какъ это имущество, какъ уже указывалось, дѣлкомъ составляло собственность Русской арміи и о какомъ бы то ни было распределеніи его, казалось бы, не должно было быть и рѣчи.

Когда съ подобной же просьбой Генераль Санниковъ обратился къ Французскому Командованію въ отношеніи Николаева, то въ отвѣтъ послѣдовало извѣщеніе, что имущество это, какъ не находящееся въ зонѣ Добровольческой Арміи, принадлежитъ Директоріи.

Такой отвѣтъ былъ полученъ за недѣлю до эвакуаціи Союзниками Николаева и все дѣльное и многочисленное имущество складовъ попало въ руки большевиковъ. Впоследствии, при отступленіи изъ района Одессы, попали въ руки большевиковъ и склады на островѣ Березани.

Ко всему изложенному надо добавить, что въ Одессѣ Союзники захватили въ свои руки оставшіеся тамъ германскіе авіаціонныя ангары, о передачѣ которыхъ въ Добровольческую Армію было уже условлено съ германскимъ командованіемъ.

Точно также Французское Командованіе поступило и съ остатками Русскаго военнаго флота. Прибывъ въ Севастополь, французскій Адмиралъ Леже заявилъ, что ни одинъ способный плавать корабль Черноморскаго флота, даже самый незначительный, не будетъ передавъ русскимъ, пока въ Россіи не установится окончательный порядокъ, такъ какъ нѣтъ увѣренности въ томъ, что суда эти не попадутъ въ руки большевиковъ и не нанесутъ вреда сообщеніямъ Союзниковъ.

Въ серединѣ декабря всѣ годныя суда Черноморскаго флота были уведены Союзниками въ Константинополь.

Такъ, въ стремленіи обезпечить свои морскія сообщенія, Французское Командованіе неизбѣжно нанесло ущербъ Добровольческой Арміи, потому что впоследствии, когда этой Арміи пришлось защищать Крымскій полуостровъ, отсутствіе военныхъ судовъ, могущихъ содѣйствовать этой защитѣ ощущалось въ сильной мѣрѣ.

Кромѣ того, когда подѣ натискомъ превосходныхъ силъ противника слабая часть Добровольческой Арміи начала отходить большей части Крыма, Француз-

Командование не допустило разрушить железнодорожную линию Симферополь-Севастополь и оставило неповрежденным весь подвижной состав, который в большом количестве и достался большевикам.

При всем этом, французам, разделив сферы влияния и снабжения между собой и англичанами, за все эти четыре месяца не только не доставили Русской армии на отрогах Кавказа, но даже заставили Русское Командование снабжать для Новороссии части Добровольческой Армии, находившиеся в Одессе и в оперативных отношениях бывшие в подчинении Французского Командования.

Политика французам на Юге России и отношение их к вопросам русской государственности поражали своей запутанностью и неправильным пониманием обстановки.

Видно было изяснено, что все представители Французского Главного Командования подтверждали стремление Франции восстановить Единую и Неделимую Россию, но их ближайший мфрепрития силовы и рядом расходились с этой основной целью, ввели за собой неоправданные ошибки и возводили русское общество, трезво и задававшее себя вопрос: — сь чьим пришли к нам Союзники, на помощь ли истекающей кровью России или сь целью оккупации со всеми протеканиями изв нея тягчайшими для нас послѣдствіями.

Представители Французского Командования из Екатеринодара Капитанъ Фуке несли довольно своеобразную политику въ отношеніи Дона, политику обѣщаний и намековъ. Сначала вопросъ о присылкѣ союзныхъ войскъ въ Донскую область былъ ставленъ въ личности отъ признанія Донскимъ Атаманомъ единого командования въ лицѣ Главнокомандующаго Добровольческой Арміи. Единое командование было окончательно признано Донскимъ Атаманомъ 26 декабря и тогда же обѣ этомъ были поставлены въ извѣстность Генераль Бертелло. Между тѣмъ 27 декабря, то есть ровно черезъ мѣсяцъ, Капитанъ Фуке, по какому то причинѣ, представлялъ въ письменной формѣ Донскому Атаману подтвердить достигнутое соглашеніе и принять въ лицѣ Генерала Франше д'Эпере вышесказанное командование и вѣдать по вопросамъ военнымъ, политическимъ и общаго характера. Тогда же Капитанъ Фуке обуславливалъ присылку союзныхъ войскъ на Донъ союзнымъ Донскому Атаману на удовлетвореніе для Донской Кавказъ войскъ и общаго французскихъ и союзныхъ подданныхъ Донскаго басенія, какъ на территории въ предѣлахъ Донскаго войска, такъ и въ соединенныхъ районахъ, за побѣды и боевые заслуги и за все понесенные убытки, прощенье отъ занятія района большевиками. При чемъ, все это было подтверждено слѣдующей телеграммой 28 января № 717 на имя Донскаго Атамана: "... Понесенные военной программой потери не роняе того, какъ и буду имѣть документы въ рукахъ, Капитанъ Фуке.

Это заявление, облеченное въ столь категорическую форму, было представлено Атаману въ ту минуту, когда на Донскомъ фронтѣ совершалось чрезвычайно высокое достиженіе: половина области была уже въ рукахъ большевиковъ, а Донскіе частіи измѣрительные боими и постепенно терпѣли нападку на помощь Союзники, провозгласивъ оккупацию.

Вѣсь этотъ документъ, который Капитаномъ Фуке были составлены задолго времени, Генераль Крессонъ, подписавъ, отложилъ и, оставивъ ихъ у себя, уѣхалъ 16-го января, 1919 года, Главнокомандующаго, который вѣнчалъ раздѣленіе точки арміи Донскаго Атамана.

Въ Крымъ, который послѣ шло для французскихъ войскъ въ Севастополь, представители Французскаго Командования, помнятому, не будучи вполне ориентированы, что Крымское Правительство является лишь мѣстнымъ областнымъ, не имѣющимъ общаго государственнаго значенія, силовы и рядомъ обуславляло съ членами Крымскаго правительства вопросы чисто военные.

Послѣ этого Штабъ Главнокомандующаго, въ отношеніи отъ 19 декабря на имя Главнокомандующаго Капитана Фуке, поставилъ обѣ этомъ послѣдство въ извѣстность. Это послѣдство отъ представителей Союзниковъ въ Крымъ и тѣмъ имъ было дано право правильно ориентироваться въ современномъ политическомъ положеніи Крыма.

Въ Октябре, въ началѣ 1919 года, политика Французскаго Командования не осталась безъ послѣдствій.

Позиция, занятая полномочным Представителем Державы Согласия на Юге России Французским Консулом Энно, хорошо знакомым съ Россіей, иѣрно оцѣнивавшимъ украинское движеніе какъ напосное, субсидированное австрійскими и германскими деньгами, отличалась твердымъ стремленіемъ проводить чісто русскую національную политику и вести борьбу съ украинскимъ влияніемъ. Отношенія его къ Добровольческой Арміи были самыми благожелательными, въ ея лицѣ онъ признавалъ единственное здоровое начало на Югѣ Россіи.

Генераль Боріусъ и его штабъ совершенно не вмѣшивались во внутреннюю жизнь Одесскаго района и въ гражданское управленіе города.

Съ пріѣздомъ въ Одессу Генерала д'Ансельма и его Начальника Штаба Подковника Фрейденберга, Консулъ Энно былъ устраненъ отъ должности и политика французовъ рѣзко измѣнилась.

Душою новаго политическаго курса сталъ Подковникъ Фрейденбергъ, дѣятельность котораго поразительно совпадала съ работой нѣмеческихъ и большевистскихъ агентовъ.

Высадивъ въ Одессѣ сравнительно небольшое количество войскъ, Французское Командованіе не считало ихъ положеніе достаточно прочнымъ и потому стремилось усилить обороноспособность Одесской зоны путемъ использования мѣстныхъ силъ. Несмотря на то, что вопросъ этотъ, казалось бы, наиболѣе естественно разрѣшался совместной работой съ Добровольческой Арміей, особенно въ случаѣ оказанія послѣдней энергичной помощи въ дѣлѣ формированія и организаціи. Французское Командованіе, плохо осведомленное и недостаточное понимающее сущность украинскаго движенія, стало на путь переговоровъ съ Директоріей, не имѣвшей ни силы, ни власти, ни даже, подъ конецъ, территоріи, въ надеждѣ при посредствѣ ея осуществить желаемую цѣль.

Однако, Одесса являлась городомъ, который за все время украинскаго движенія былъ къ нему наиболѣе оппозиціонно настроенъ, поэтому Французское Командованіе, вступая въ тѣсное общеніе съ Директоріей, сразу же отшатнуло отъ себя наиболѣе здоровые элементы населенія.

Убѣжденнымъ сторонникомъ этой политики былъ Подковникъ Фрейденбергъ, сильно вліявшій на Главное Французское Командованіе и отрицавшій главенствующую роль Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, которыя въ его глазахъ казались непопулярными среди населенія и не разсматривались имъ, какъ имѣющія право преемства во всѣхъ отношеніяхъ отъ старой Русской арміи.

Несомнѣнно, что Французское Командованіе въ Одессѣ отрицало и право Вооруженныхъ силъ Юга Россіи на объединеніе занятой территоріи въ гражданскомъ управленіи, и своей политикой развивало только что создавшееся съ такимъ трудомъ объединеніе власти въ лицѣ Главнокомандующаго Вооруженными силами.

Такая политика французовъ проводилась въ Одессѣ и Крыму тогда, когда въ Екатеринодарѣ, въ Ставкѣ Главнокомандующаго, Представители Франціи и Англіи, сознавая необходимость концентраціи всѣхъ силъ для борьбы съ большевиками и видя въ этомъ одинъ изъ главныхъ залоговъ успѣха, напрягали все усилія, чтобы содѣйствовать Вооруженнымъ силамъ Юга Россіи въ достиженіи этого объединенія возможно быстрѣе и въ наиболѣе полной мѣрѣ. Получалось необъяснимое и загадочное противорѣчіе между заявленіями и работой Представителей Франціи, находившихся въ Екатеринодарѣ, и отношеніемъ къ Вооруженнымъ силамъ Главнаго Союзнаго Командованія, противорѣчіе, которое явилось несомнѣнной и главной причиной потери Николаева, Херсона, Березовки и которое, въ концѣ концовъ, закончилось катастрофой въ Одессѣ и Крыму.

Подковникъ Фрейденбергъ и все Французское Командованіе разсчитывали опереться на Украинскую Директорію. Однако, именно украинцы менѣе всего были жизнєнны и, конечно, не могли служить опорой въ рѣшеніи вопросовъ большаго государственнаго масштаба. Несомнѣнно должно было настать время, когда эта убогая опора должна была надломиться и вся постройка рухнуть.

Это тѣмъ болѣе должно было быть яснымъ, что всѣ болѣе или менѣе значительныя политическія партіи въ Одессѣ, въ большинствѣ, сознавали безпочвенность петлюровцевъ и безплодность политики Фрейденберга, поэтому, если послѣдній и поддерживали единичныя лица, то они менѣе всего были заинтересованы въ благѣ Россіи, а преслѣдовали свои эгоистическія цѣли, часто близкія къ авантюризму. Къ сожалѣнію, Подковникъ Фрейденбергъ сознательно велъ политику разрушенія и, когда его ставленникъ Андро, личность весьма сомнительная,

с. 14. — «ли главою нового правительства въ Одессѣ, онъ оказался одинъ — ни одна политическая партія его не поддерживала, а Генераль д'Анселъмъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, оказался безуспѣшнымъ провести въ жизнь намѣченные планы и реформы, касавшіяся, главнымъ образомъ, формирования новой арміи.

Уже съ первыхъ дней пребыванія въ Одессѣ Генерала д'Анселъма, Французское Командованіе начало постепенно заирать въ свои руки гражданское управленіе района. Началомъ этого поступка запрещение ввести русскую администрацію въ расширенній Одесскій портъ и оставленіе въ ней управленія Директоріи. Рядъ и рядъ не замедлили слѣдовать. Такъ, въ Николаевѣ началась полная анархія, потому что власть, одновременно принадлежала демократической подпольной группѣ, думѣ, комиссару Украинской Директоріи, Совету рабочихъ, депутатамъ, Совету депутатовъ, германскаго гарнизона и наконецъ Французскому команданту. Очевидно, что при подобной обстановкѣ и во всемъ Одесскомъ районѣ, трудно было разсматривать на возможность проведенія въ жизнь какихъ-бы то ни было мѣропріятій, связанныхъ съ вопросами обороны. Указанія на это Русскаго Командованія — ушлиха не имѣли.

Постепенно обстановка усложнялась и потребовала пріѣзда въ Одессу Генерала Бертело. Въ этою времени Командующимъ войсками Юго-Западнаго края были назначены Генералъ Санниковъ. 2 февраля 1919 года Генералъ Бертело назначилъ Генерала д'Анселъма Командующимъ Союзными войсками въ Южной Россіи. На Генерала д'Анселъма возлагалось руководить въѣмъ вопросами военной политики и административной. Генерала Санникова въ дѣлахъ политическихъ и административныхъ Французское Командованіе подчинило Генералу д'Анселъму, который, однако, не имѣлъ права вмешиваться въ подробности предпринимавшихся мѣръ, а долженъ былъ всецѣло согласовать ихъ съ вопросами военнаго характера.

Генералъ Санниковъ признавался Командующимъ Русскими войсками, но по-прежнему было каждаго примѣненія этихъ войскъ, Генералъ Санниковъ былъ всецѣло подчиненъ Генералу д'Анселъму.

Въ связи съ введеніемъ этой новой системы подчиненности въ Одесскомъ округѣ, Главкомадующій генерализировалъ Генералу Санникову:

1. Во всѣхъ отношеніяхъ: военномъ, политическомъ, гражданскомъ. Въ подчиненія мѣръ и только отъ меня можете получать приказанія. 2. Предлагаю Вамъ всецѣло координировать свои дѣйствія съ Французскимъ Командованіемъ. 3. Въ эту предельную преобладающую союзническихъ войскъ, русскія части Одесскаго района только въ оперативномъ отношеніи подчиняются Французскому Командованію. 4. Декардно взаимоотношенія наши будутъ установлены при свиданіи моемъ съ Генераломъ Бертело, который отсѣкает это предложеніе. 8 февраля № 219 Дефинитивъ.

Второй пунктъ полученія донесенія изъ Одессы о перестройкѣ организаціи гражданской власти на мѣстахъ, Главкомадующій писалъ Генералу Бертело: «Ново-созданная дѣятельность въ области гражданского управленія принудитъ къ перестройкѣ результатовъ. Гражданская власть должна быть въ рукахъ лица несомнѣнно мѣрно, которое дастъ всѣ гарантіи нормальной жизни Союзнымъ войскамъ, и будетъ координировать свои дѣйствія съ Союзнымъ Командованіемъ. Ввиду военной необходимости одолжить мое личное съ Вами свиданіе, считая необходимымъ, предпринять Ваше Провоезжъ немедленно въѣхъ, неоправданныхъ и грозилахъ послѣдствій, соороямъ повлечь за собой мѣропріятія, намѣченная Французскимъ Командованіемъ, и на то, что они не подумаютъ осуществленія до свиданія было конроль при личномъ нашемъ свиданіи».

8-го февраля 1919 года начали складываться шлоя своеобразной по характеру войнѣ. Союзная армія понесла поражение подъ Херсономъ.

Въ эту же время гарнизонъ Херсона состоялъ изъ 1 батальона грековъ и роты болгарскихъ стрѣлковъ, горныхъ оруженъ. Изъ этихъ войскъ одна рота грековъ, армянскихъ стрѣлковъ, обученную съ горныхъ пушечными, открытыми, полами. Греческая армія наступленіе на сланию съ фронта и правую flankъ въ сланию въ Сербію. Греческая армія, состоящая изъ батальоновъ, ротъ, батальоновъ артиллеріи, оцнемъ, прилагаясь, устремляясь въ, и, дѣлающа недостаткомъ въ патронахъ, начали от-

ходить къ городу. Видя уступъхъ совѣтскихъ войскъ, мѣстное населеніе, болѣею частью рабочіе, выступили съ оружіемъ въ рукахъ. Прибывшая на поддержку Херсона рота 176 французскаго полка сперва не хотѣла высадиться, а потомъ, вступивъ въ городъ, отказалась идти въ бой и только послѣ угрозы командира и мѣстныхъ разрывовъ непріятельскихъ снарядовъ двинулась впередъ. Съ крейсера было открытъ огонь по предметамъ, въ которыхъ началось пожаръ.

Союзному Командованію стало ясно, что при такомъ положеніи наличными силами удержать городъ не удастся и войскамъ было приказано отходить къ кораблямъ для посадки.

Большевики, видя это, старались отрѣзать Союзниковъ отъ рѣки. Положеніе ихъ было спасено ротой грековъ, успѣвшей высадиться съ подошедшаго изъ Одессы транспорта. Тогда большевики открыли ураганный огонь по всей площади передъ судами и Союзникамъ приходилось подъ этимъ огнемъ грузиться.

Утромъ 25 февраля (10 марта) послѣднее судно подъ огнемъ отошло къ Одессе.

Неудача эта произвела тягостное впечатлѣніе на французовъ. Въ этомъ бою Союзники потеряли около 400 человекъ, изъ нихъ 14 офицеровъ.

Потерѣвъ неудачу подъ Херсономъ, Союзники по совершенно непонятнымъ причинамъ рѣшили эвакуировать и Николаевъ, и вывезли оттуда все свои войска на судахъ непосредственно въ Одессу, отдавъ безъ всякаго сопротивленія весь богатѣйшій районъ Херсонской губ. между Днѣпровскимъ и Тилигульскимъ лиманами. Въ этотъ районъ входила крѣпость Очаковъ и островъ Березань, на которомъ находился громадный складъ артиллерійскихъ снарядовъ. Лишь энергичнымъ выдвиганіемъ Добровольческихъ частей въ сторону Херсона удалось временно закрѣпить за собой Очаковъ и сохранить Березань.

Положеніе въ Одессѣ становилось все болѣе тревожнымъ, но Французское Командованіе, не сознавая своихъ ошибокъ, продолжало проводить въ жизнь свою политику сепаратизма въ отношеніи Вооруженныхъ силъ Юга Россіи.

5 марта Начальникъ Французской Военной Миссіи въ Екатериндафъ Подковникъ Корбель сообщилъ Главнокомандующему: «Телеграммой переданной Севастопольской радио-телеграфной станціей 17-3-19, Генералъ д'Анселъмъ поручаетъ мнѣ увѣдомить Васъ, что въ виду серьезности положенія и трудности сношеній съ Вами, онъ долженъ былъ объявить оадажное положеніе и принять командованіе, назначивъ себя помощникомъ по гражданской части Гго Превосходительства г. Андро-Ланжерона. Онъ проситъ меня Васъ увѣдомить, что это, разумеется, лишь временныя мѣропріятія. Примите, Генералъ, увѣренія моего глубокаго почтенія и преданности. Начальникъ Французской Военной Миссіи Подковникъ Корбель».

Такимъ образомъ совершился «переворотъ» и Французское Командованіе, вдохновляемое Подковникомъ Фрейденбергомъ, окончательно выпало на самостоятельный путь рѣшенія задачъ борьбы съ большевиками, оккупировавъ Одесскій районъ. Несомнѣнно, что «переворотъ» этотъ подготавливался уже давно и исходилъ, повидному, изъ стремленія французовъ достигнъ единства командованія и созданія энергичной и всецѣло подчиненной военному командованію гражданской власти. Къ представителямъ Вооруженныхъ силъ Юга Россіи въ этомъ отношеніи они относились критически.

Желая подчеркнуть настоятельную необходимость этого «переворота» и естественность его происхожденія, Французское Командованіе, и въ частности Подковникъ Фрейденбергъ, неукосно воспользовалось интригами мѣстныхъ политическихъ партій и публичныхъ общественныхъ круговъ. Въ этомъ отношеніи въ лицѣ Г. Андро-Подковникъ Фрейденбергъ нашелъ себя подходящаго помощника.

Крайнія правыя и лѣвыя политическія партіи Одессы не вполне добродѣтельно относились къ Добровольческой Арміи. Первые (хлѣбоборцы) мечтали о возвращеніи своихъ земель, а вторыя (соціалисты) находили Добровольческую Армію реакціонной.

Настроеніе этихъ партій и должно было явиться главнымъ козыремъ въ рукахъ Фрейденберга и Андро, которые, стремясь использовать ихъ интриги противъ Добровольческой Арміи, мечтали объ образованіи «кабинета» коалиціоннаго характера, должествующаго, какъ имъ казалось, удовлетворить широкіе русскіе общественные круги.

Однако, какъ уже говорилось, когда Андро вступилъ въ фактическое исполненіе своихъ обязанностей Помощника Генерала д'Анселъма по гражданскимъ дѣ-

лами, его не поддерживать никто. Сразу же обнаружилось, насколько широкіе области, занимае круги были чужды его политике, а крайнія правая и лѣвая партіи, тоже занимавши паз. кабинета, не усматривали въ ней задога своего будущаго благополучія.

Получивъ допослѣ о введеніи осаднаго положенія, Главнокомандующій 5 марта телеграфировалъ Генералу Бертелю: «Сообщаю Вамъ для свѣдѣній телеграмму, посланную мною Генералу Санникову по поводу подученной мною депеши Генерала Д'Анселъма: Офицеръ Генералу Санникову Передайте Генералу Д'Анселъму слѣдующее: я совершенно не допускаю установленія никакой гражданской власти, грѣхъ неизвѣстной мною. Поэтому приказываю: 1. Ни въ какихъ сношеніяхъ съ Андрю не вступать, никакихъ распоряженій его не выполнять ни Вамъ, ни гражданскимъ лицамъ. Какого бы то ни было участія въ управленіи краемъ Андрю, какъ лица несомнѣннаго довѣрія, не допускаю. 2. Вамъ, сохраняя полную гражданскую власть, надлежитъ, вообщемъ согласовать свои дѣйствія съ Французскимъ Командующимъ въ интересахъ соблюденія порядка и обезпеченія союзныхъ армій. 3. Въ интересахъ борьбы съ большевиками Вы, какъ Командующій войсками, непременно оперативными указаніи Французскаго Командованія, но помню Васъ ни одно распоряженіе не можете быть отдано русскимъ войскамъ. 4. Въ случаѣ познана перерыва связи предоставлю Вамъ, принятіе чрезвычайныхъ мѣръ отъ моего имени съ соблюденіемъ достоинства Россіи, интересовъ Добровольческихъ Армій и края. 5. По поводу дѣйствій Генерала Д'Анселъма является сношеніе съ Французскимъ Правительствомъ».

Если Генералъ Д'Анселъмъ и Полковникъ Фрейденбергъ вели свою кампанію противъ Добровольческой Арміи, все же ошущую и осторожно, то пріѣхавшій въ Одессу Генералъ Франце Дженеръ пошелъ противъ Добровольческой Арміи открыто, рѣшко и решительно. Прибавъ онъ, помидому, уже съ предвзятыми мнѣніями и воззрѣніями рѣшеніями и прежде всего имѣлъ бесѣду съ Андрю, совершенно не интересуясь мнѣніями представителей тѣхъ круговъ, которые стояли на почвѣ поддержки Добровольческой Арміи и считали ее единственной основой спасенія и возрожденія Россіи.

Векорѣ Генераламъ Санникову и Гришину-Алмазову было предложено ухаживать, въ Еленинградѣ, а военнымъ губернаторомъ Одессы быть назначенъ Генералъ Шварцъ, ничего общаго съ Добровольческой Арміей не имѣвший и служившій раньше у большевиковъ. Однако, и Генералъ Шварцъ, помидому, учитывая интересы своего подчиненія, обратился съ просьбой къ Главнокомандующему объ утвержденіи своего назначенія.

14 марта Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Франце Дженеру: Генералъ Шварцъ, доноситъ мнѣ, что онъ, назначенъ Генералъ-Фрейденторомъ и Командующимъ войсками Одесской зоны. Устраненіе назначенныхъ мною властей повело меня въ полное недоумѣніе. Я убѣжденъ, что и Вы признаете необходимость нашей совместной согласованной работы. Понимаю, что къ этому, дѣлѣ своему несоразумѣнію, которое можетъ явиться серьезнаго послѣдствія. Поэтому считаю особенно желательнымъ скорѣйшее свиданіе. Положеніе на фронтѣ требуетъ моей возможности, въ крайнему моему сожалѣнію, отлучиться изъ моей Команды. Сдѣлать хотя бы на сколько нибудь, продолжительный срокъ. Вотъ почему я прошу Васъ, назначеніе свиданіе въ одномъ изъ дорогихъ, не очень отдаленныхъ отъ Подороженія, если возможно не ближе Симферополя. Если Вы раздумаете мое мнѣніе, я прошу Васъ, назначить мѣсто и день свиданія».

На то же время Начальникъ Штаба Главнокомандующаго телеграфировалъ Командующему Добровольческими войсками въ Одессѣ Генералу Мелунову: «Добровольческой въ виду происшедшихъ событий приказалъ Вамъ оставаться въ штабѣ, командиръ назначеннаго положеиіе и доносъ обстановку сюда. Въ интересахъ строгости потянуться Французскому Командованію, обезпечая Дѣловую часть».

Одновременно Главнокомандующій приказалъ Генералу Драгомирову: Прому Шварцу, въ качествѣ, являясь въ оффиціальныя сношенія съ Одессой, являясь, въ качествѣ, а съ, шинами, назначенными раньше Командующимъ, или командиромъ. Въ частності по военнымъ вопросамъ, съ Генералами Мелуновымъ и Алмазовымъ».

Генералъ Драгомировъ, въ звѣщающей обстановкѣ и подрывающей преемствъ Добровольческой Арміи, подвѣдалъ французамъ, несмотря на явный рѣдъ преду-

прекращений и указаний со стороны Главнокомандующаго Вооруженными силами на Юге Россіи, незамедлится повлечь за собой неизбежные послѣдствія.

Уже 6 марта произошло неудачное для Союзниковъ столкновенеіе съ большевиками подъ Березовкой.

Въ этомъ бою участвовали 2-й и 3-й эскадроны Своднаго кавалерійскаго полка Добровольческой Арміи. По донесеніемъ командиромъ эскадроновъ, у Союзниковъ было три батальона грековъ, одинъ батальонъ хавановъ, 6 орудій и 5 танковъ. Большевики, обстрѣливая Союзныхъ войска изъ 2-хъ орудій — одного легкаго и одного тяжелаго, развернули иждіую цѣпь и повели наступленіе на центръ расположенія французовъ. Въ это время въ мѣст. Березовкѣ, въ тылу позицій, раздалась безпорядочная стрѣльба. Французы и греки отступили. Начальникъ отряда Канитацъ Жю пытался остановить бѣгущихъ, но тщетно. При отступленіи Союзники бросили весь обозъ, оружіе, снаряженіе и даже шинели. Незначительная часть отступающихъ Союзниковъ была остановлена подошедшимъ изъ резерва греческимъ батальономъ у ст. Славносербскъ, остальные отошли прямо на Одессу. Особенно сильна была паника на мосту черезъ р. Березовку, гдѣ были оставлены все орудія и все танки.

Вскорѣ послѣ этого большевики сосредоточили свои войска для наступленія на Одессу.

Политика Французскаго Командованія въ Одессѣ, такъ настойчиво стремившаяся въ своемъ конечномъ результатѣ къ увеличенію обороноспособности Одессы и ради этого не брезговавшая никакими путями, въ концѣ концовъ въ этомъ отношеніи ничего не достигла.

Вѣдъ распоряженія Французскаго Командованія вносили лишь путаницу и подрывали престижъ какъ Франціи, такъ и Добровольческой Арміи.

Въ результатѣ подобной политики, Генераль д'Анселъмъ по приказанію Генерала Франше д'Эспера, которое, какъ-бы, послѣдовало изъ Парижа, 23 марта 1919 года очистилъ Одессу, эвакуируя французскія войска частью моремъ, частью сухимъ путемъ въ Румынію. Въ Румынію же отошли и Добровольческія части.

Остатокъ Одессы произошло внезапное и должно было быть совершенно въ теченіе 48 часовъ, при чемъ Главнокомандующій Вооруженными силами Юга Россіи не былъ объ этомъ предупрежденъ вовсе.

Вскорѣ Одесса съ ея многочисленнымъ населеніемъ и огромными запасами, при надлежавшими какъ французскимъ, такъ и русскимъ войскамъ, была занята большевиками.

26 марта Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Франше д'Эсперу: «Только вчера 26 марта я узналъ, что французскія войска оставляютъ Одессу, давая невыполнимый срокъ на ея эвакуацию, а Добровольческая бригада направлена на Аккерманъ. Французское Командованіе не нашло даже нужнымъ предупредить меня объ этомъ. Теперь трудно предугадать даже огромная историческія послѣдствія этого шага. Во всякомъ случаѣ полагаю, что Добровольческая бригада имѣетъ нравственное право на всякую помощь и прежде всего на немедленную отправку ей моремъ въ полномъ составѣ съ артиллеріей и обозами на присоединеніе къ русской арміи въ Новороссійскъ».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Эвакуація Одессы.

Къ 22 марта въ Одесскомъ районѣ находились:

а) Части вооруженныхъ силъ Юга Россіи: Бригада Генерала Тимановскаго — 3350 штыковъ, 1600 сабель, 18 легкихъ орудій, 8 гаубицъ, изъ нихъ половина шестидюймовыхъ и 6 броневыхъ машинъ. Бригада находилась на фронтѣ въ 30—40 версахъ отъ Одессы и лишь небольшой отрядъ, около 400 штыковъ, былъ расположенъ въ самомъ городѣ.

б) Союзная войска: двѣ французскія, двѣ греческія и часть румынской дивизіи, — всего до 30—35 тысячъ штыковъ и шаблѣвъ.

Этихъ силъ, какъ показывалъ опытъ Добровольческой Арміи, было совершенно достаточно не только для удержанія Одесскаго района, но и для овладѣнія всемъ Юго-Западнымъ краемъ съ Киевомъ. Но по заявленію самихъ французовъ

войска эти были не надежны, и у Французского Командования не было полной уверенности, что боевые приказы будут ими выполняться.

Что же касается городов, то построены они были отлично, но не имѣли своей артиллерии, средств связи, находившейся въ подчиненіи Французскаго Командования и были въ общемъ совершенно не самостоятельны.

Противъ этихъ городов со стороны большевиковъ дѣйствовали лишь 2 советскихъ полка местного формирования и рядъ многочисленныхъ, наскоро организованныхъ отрядовъ, — всего не болѣе 15 тысячъ штыковъ и пашекъ.

Благодаря крайней инертности Французскаго Командования, — большевики одержали рядъ частныхъ успѣховъ, несмотря на численное превосходство Союзниковъ.

Страшная потеря и неустойчивости своихъ войскъ, Французское Командование рѣшило поспѣшно Савановскаго укрѣпленного района создать и въ Одессѣ «укрѣпленный лагерь».

Немедленно послѣ этого было приступлено къ инженернымъ работамъ.

Темнымъ образомъ до 20 марта не было абсолютно никакихъ признаковъ, которые могли бы указать на возможность экстренной эвакуаціи союзныхъ войскъ изъ Одесскаго района.

Вечеромъ 20 марта Французское Командование въ Одессѣ получило директивы изъ Парижа.

На слѣдующій день Начальнику Штаба Юго-Западнаго Края Генералу Мельгунову, Французское Командование сообщило о перемиріи политики Франціи въ русскомъ вопросе, указывая на то, что Министерство Клемансо найдетъ отвѣтъ Парламента въ кредитныхъ на бюджетныя операціи и что отъ Парижа получена телеграмма о выводѣ такихъ войскъ изъ предѣловъ Россіи въ трехдневный срокъ.

Въ послѣдствіе этого распоряженіи Генераль д'Анселмъ, Командующій союзными войсками въ Южной Россіи, приказалъ закончить эвакуацію Одессы въ 48 часовъ, считая со дня этого распоряженія, и въ тоже время распорядился въ городѣ Одессѣ русскими военными частями и тыловыми учрежденіями.

Благодаря изъ фронта бригада Генерала Тимановскаго находилась въ подчиненіи Начальника 30 французской дивизіи Генерала Перель. Согласно инструкціи Главнокомандующаго № 2 отъ 20 марта за № 7486 по 3, — войска Генерала Перель должны были находиться въ Румынскія границы по пути изъ Сѣвернаго Одесса, минуя землія болгары. Въ 5 той же инструкціи было указано, что, въ случаѣ отступленія отъ Днѣпра, задачи возложенныя на Русскую Добровольческую Армію будутъ ими выполняемы.

Русскими частями и учрежденіями, расположенными въ городѣ Одессѣ, Французскимъ Командованиемъ были назначены три направленія: на Новоросіеискъ, Константинополь и Констанцу, причемъ оба послѣднихъ пункта должны были являться лишь запасомъ для дальнѣйшаго направленія ихъ въ Сибирь къ Адмиралу Коллѣку, что, пошлѣдующему, совпадало съ желаніемъ Генерала Шварца и въ послѣдствіи послѣдовало изъ парижскихъ интригованныхъ противъ Добровольческой Арміи.

Для каждого направленія было предоставлено по нѣскольку транспортовъ.

Изъ всѣхъ распоряженій общенародное мнѣніе въ факту оставленія Одессы союзными войсками, — Генераль д'Анселмъ напечатать приказъ, въ которомъ должно было быть сказано, что въ виду невозможности помешать въ ближайшее время дѣятельности коммандантъ провинціи, имъ принятое рѣшеніе уменьшить въ Одессѣ количество войскъ путемъ ихъ частичной эвакуаціи. Этотъ приказъ появился въ городѣ 21 марта. Одновременно, всѣ служащие въ различныхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ по требованію Французскаго Командования, были эвакуированы въ дома, куда бы они хотѣли выѣхать изъ Одессы, при чемъ было приказано въ Одессѣ упомянутыя три направленія.

Въ послѣдствіе этого приказъ, что приказъ этотъ не явился полной неожиданностью для Французскаго Командования, такъ, напримеръ: Подполковникъ Фрейденбергъ, считавшій за лучшее по эвакуаціи мѣстный отпускъ, но Фрэнцо не хотѣлъ. Изъ этого замѣтилъ Подполковнику Жерменъ не слѣдуетъ и, по полученіи приказа, тотчасъ же началъ фактически вести все дело эвакуаціи въ свои руки.

Въ послѣдствіе этого эвакуація города приняла до нѣкоторой безпорядочной формы, такъ какъ въ Одессѣ не было ни одного органа, прежде всего потому, что французскія захватили въ свои руки все русскіе транспорты, ранѣе ими же самими предназначен-

ныхъ для эвакуаціи русскихъ. Лица, которымъ были отведены мѣста на захваченныхъ транспортахъ, оказались за бортомъ и устремившихъ на пароходы, оставшие еще въ распоряженіи Русскихъ властей. А въ то же время, Управление Андро, не будучи въ этомъ осведомлено, продолжало выдавать билеты на тѣ именно транспорты, которые уже были захвачены французами.

Въ первый же день, 21 марта, началась эвакуація и французскихъ войскъ, принявшая сумбуриный и панический характеръ.

Состояние Французскихъ войскъ, близкое къ полной деморализаціи, тотчасъ же подняло духъ мѣстныхъ большевиковъ. Немедленно проявилъ кипучую дѣятельность, до тѣхъ поръ существовавшій лишь педантичный, мѣстный совдѣтъ, который выпустилъ воззваніе къ населенію, посадилъ во всѣ банки комиссаровъ, наложившихъ запретъ на хранящіяся тамъ суммы и развилъ широкую агитацію среди рабочихъ.

Несихика обыватели, благодаря происшедшимъ внезапнымъ переменамъ была настолько потрясена, что ко всѣмъ распоряженіямъ большевиковъ, какъ будущей власти, несомнѣно относилась внимательно. Судовыя команды, подчинившись распоряженію большевистскаго штаба, забастовали и сошли на берегъ, предварительно испортивъ на большинствѣ судовъ машины. Это окончательно осложнило эвакуацію.

Въ городѣ начались отдѣльные случаи убійствъ большевиками добровольцевъ и разрушенія греческихъ складовъ. Изъ тюрьмы были выпущены всѣ, какъ политическіе, такъ и уголовные преступники.

Съ утра 22 марта весь городъ былъ запруженъ бѣженцами. Всѣ старались попасть на какой-нибудь пароходъ, безразлично куда бы онъ ни шелъ, лишь бы только у него была исправная машина и имѣлся уголь, чтобы хотя выбраться изъ порта. Однако такихъ пароходовъ было мало, приходилось занимать и совершенно безнадѣжные суда. Въ течение всего 23 марта французы выводили таранъ суда на вѣтшиій рейдъ, гдѣ они успѣями самихъ же пассажировъ и при весьма слабой помощи союзниковъ, кое-какъ чинились и уходили каждый въ своемъ направлении. Вывести всѣ суда изъ порта все-таки не удалось.

Въ полдень 23 марта власть въ городѣ перешла въ руки совѣта рабочихъ депутатовъ.

Французское Командованіе и городская дума официально признали его; съ этого момента большевики стали полными хозяевами положенія. Для того, чтобы побудить французовъ оставить въ Одессѣ русскую торговую флотилію, совдѣтъ командировалъ на французскій линейный корабль «Дюстель» депутацію, вступившую въ переговоры съ французскимъ морскимъ командованіемъ.

Судя по большевистской радіотелеграммѣ, переговоры продолжались около 2 часовъ и съ обѣихъ сторонъ носили самый вѣжливый характеръ. Впрочемъ, эти переговоры никакимъ послѣдствіемъ не имѣли, такъ какъ почти всѣ суда, стоявшія въ Одесскомъ порту (болѣе 20), французы предназначили для перевозки своихъ войскъ, военныхъ припасовъ, и мѣстныхъ французскихъ и греческихъ колоній, а тѣ немногія, не успѣвшія въ этотъ день выбраться на вѣтшиій рейдъ суда, были уже окончательно испорчены самими же большевиками.

Впослѣдствіи, для предотвращения помѣхи эвакуаціи со стороны большевиковъ, въ городѣ недалеко отъ порта была установлена линия зоны, въ предѣлахъ которой французы оставались до послѣдней минуты полными хозяевами положенія. Прочая часть Одессы, въ которой находились всѣ банки, общественныя и государственныя учрежденія, продолжала оставаться въ рукахъ большевиковъ.

При такой обстановкѣ, эвакуація города съ миллионнымъ населеніемъ, громадными запасами военного имущества, матеріаловъ и массою различныхъ учреждений, конечно, не могла быть закончена въ 48 часовой срокъ: это оказалось фактически не выполнимымъ и послѣднія французскія суда покинули рейдъ Одессы только 26 марта, т. е. спустя болѣе чѣмъ 72 часа по истеченіи двухдневнаго срока.

Такимъ образомъ, назначенный чрезмѣрно короткий срокъ эвакуаціи отнюдь не вызывалъ обстановкой ни военной, ни политической, и могъ быть смѣло увеличенъ до недѣли, въ течение которой при спокойныхъ и надлежащихъ распоряженіяхъ Русскихъ властей можно было бы упорядочить эвакуацію, вывезти бѣженцевъ и наиболѣе цѣнное имущество. А между тѣмъ, всѣми предшествующими своими распоряженіями Французское Командованіе лишь дезорганизовало Русское управленіе, лишило власти представителей Командованія вооруженныхъ силъ

Юга России и привело к тому, что предполагаемая плановая эвакуация вылилась в паническое и постыдное бегство.

При этом тяжёло пострадали добровольное население города и в особенности земли чингов Добровольческой Армии. Брошенные на произвол судьбы, потерпевшие последнее злое постижение, они в небольшом лишь числе голодные и нищие, вынуждены на транспорте. Большая же часть их была брошена и обречена на все ужасы большевистского насилия, а может быть, и на гибель в Одессе...

Былчас на фронте и состоявшая в подчинении Генералу Перель, бригада Генерала Тимоновского, после опущения греками линии железной дороги, 23 марта начала отходить из района деревни Малый Буяльчик к Одессе. У станции Одесса-Сортировочная Вр. Командующий бригадой Генерального Штаба Полковник Ерофьев получил от французского командования приказание, — не заходя в город, в виду захвата его рабочими, следовать через большой Куяльничик, Устьегово в деревню Далинички, где и расположиться на ночлег. 24 марта Вр. Командующий бригадой, не получив ни от кого никаких указаний, направил бригаду в деревню Билиеву, куда прибыл днём 26 марта и приступил к работе по её находиншимся там польскими войсками, к постройке моста через рёку Дибстръ, предполагая здѣсь переправиться в Бессарабию.

Начальник бригады Генералъ Тимоновскій находился въ это время въ Одессѣ. 21 марта ему было сообщено объ эвакуации. Генералъ д'Анселмъ немедленно сообщил Генералу Тимоновскому, что не допустить никакихъ безпорядковъ въ городѣ, открыть въ случаѣ возникновенія нхъ артиллерійскій огонь со стоящей на рейдѣ эскадры. Однако, какъ уже говорилось, 22-го марта на улицахъ города появились вооружённые рабоче и еврейскія организаціи, которые разстрѣливали чинговъ Добровольческой Арміи, чему, какъ это не страшно, Генералъ д'Анселмъ совершенно не препятствовалъ.

Одновременно Генералъ д'Анселмъ сообщилъ о томъ, что все чины Добровольческой Арміи должны получить незамѣлчанный новый окладъ содержания 22 марта Генералу Тимоновскому съ большимъ трудомъ удалось добиться у Генерала Шварца разрѣшенія на выдачу аванса изъ Одесской конторы Государственнаго банка въ размѣрѣ 75 милліоновъ рублей. Посланныя въ этотъ день лица въ больш. до формальнымъ причинамъ, денегъ получить не могли, при чемъ имъ было объяснено русскою администраціею во главѣ съ Андрю, изъ Французское Командованіе не оплатитъ въ этомъ случаѣ никакой поддержки. Кроме указанной суммы Генералъ Шварцъ было обіцано выдать въ мѣнѣ 800 000 кронъ для жизни бригады въ первые дни ея перехода за границу.

23 марта, когда мѣстные большевики уже полнымъ неприслуженіемъ французскихъ войскъ заняли улицы и управление Одессы, Генералъ Тимоновскій въ сопровожденіи броневого автомобиля проѣхалъ къ Генералу д'Анселму и изложилъ тамъ всѣ материальное положеніе бригады. Генералъ д'Анселмъ своимъ честнымъ словомъ обіцалъ Генералу Тимоновскому вскорѣмъ того же дня выдать около 10 милліоновъ иностранной валюты, которые должны были быть получены отъ общества Церуллима Штаба Польковника Фрейденберга. Несмотря на безпорядки въ городѣ, Генералъ Тимоновскій, не желая терять времени, послалъ вооружённую команду въ Государственный банкъ за получениемъ денегъ по ассигновкѣ по распоряженію Генерала Шварца. Открывъ кассу, сопротивленіе и не достигнувъ своей цѣли, събитыя обратны. Имѣя въ своемъ распоряженіи всего около 100 тысячъ, выжили въ городѣ, Генералъ Тимоновскій не могъ выказаться въ общ. мнѣніи города, чтобы добиться получения денегъ.

Получивъ этотъ свободный образъ, послѣднее становится все болѣе и болѣе разожженнымъ, потому что разрѣшенія полученнаго отъ Генерала д'Анселма, Генералъ Тимоновскій, вѣроятно 23 марта съ боемъ, послѣ потери, вынужденъ открыть въ окрестностяхъ городъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ Генералу д'Анселму, были командированы два броневого автомобиля за получениемъ ассигновки денегъ. Въ одномъ изъ нихъ находился П. А. Ч. Писковский Шварцъ, бригады Генерального Штаба Канитанъ Канининъ, командиръ артиллерійскаго батальона, и Французское, который съ боемъ прорвался черезъ фронтъ и прибылъ къ Генералу д'Анселму.

Послѣ того, какъ въ войнѣ послѣднимъ честное слово, Канитанъ Канининъ, командиръ артиллерійскаго батальона, Генералъ д'Анселмъ отпустилъ такъ: Денегъ не могутъ быть выданы! Писковский Шварцъ, вѣроятно, продолжалъ казначейскую операцію, что

возьметъ два или три дня. Вся Добровольческая бригада должна немедленно отправиться на Фонтану, — первый пунктъ назначеній, какъ сегодня утромъ про- ситъ Генералъ Тимановскій, и далѣе въ Овидіополь, гдѣ она получитъ распоряже- ніе относительно погрузки. Крайне важно, чтобы дороги на Аккерманъ были бы свободны сегодня ночью. Суда, находящіяся въ Одесскомъ порту или рейдѣ на одного военного для погрузки не примутъ. Условія погрузки Русскихъ Добро- вольцевъ изъ Овидіополя будутъ указаны въ ближайшемъ будущемъ.

800 000 кронъ, обѣщанныхъ Генералу Тимановскому Генераломъ Шварцемъ, тоже получить не удалось, такъ какъ послѣдній находился уже на пароходѣ и проникнуть къ нему безъ боя было невозможно. Векоръ Генералъ Шварцъ, вы- давъ заблаговременно шестимѣсячный окладъ содержанія себѣ, вѣзмъ чинамъ своего Штаба и не позаботившись совершенно о Добровольцахъ, двинувшись на фронтъ, оставилъ ихъ и ихъ семьи совершенно безъ средствъ, отплылъ благо- получно изъ Одессы.

Вечеромъ 23 марта Генералъ Тимановскій получилъ приказаніе Генерала д'Ан- селъма, переданное ему черезъ Генерала Боріуса. «Генералъ д'Ансельмъ поручилъ мнѣ передать Вамъ категорическій приказъ: сегодня же вечеромъ покинуть Одессу и направиться на Аккерманъ черезъ Бол. Фонтанъ со вѣими русскими вой- сками еще находящимися въ Одессѣ».

Въ тотъ же день части бригады, находящіяся въ окрестностяхъ Одессы, перешли въ Овидіополь. Вся же бригада Генерала Тимановскаго, сосредоточившаяся къ 24-му марта въ деревнѣ Бѣзидевка, переправилась черезъ построенный мостъ въ Бессарабію не смогла, такъ какъ отъ Генерала д'Ансельма было получено слѣ- дующее приказаніе: «Части Добровольческой Арміи, находящіяся теперь въ Аккер- манѣ, будутъ 8 апрѣля въ теченіе одного дня на баржахъ отправлены въ Бугасъ и будутъ въ распоряженіи Адмирала Куве, находящагося на кораблѣ «Вальдекъ Руссо». Части, находящіяся въ данное время въ Овидіополѣ, немедленно отпра- вятся на Бугасъ лѣвымъ берегомъ Днѣстра».

Для полученія подробныхъ указаній о погрузкѣ на транспорты Генералъ Ти- мановскій выѣхалъ съ своимъ Начальникомъ Штаба и Начальникомъ французской 156 дивизіи Генераломъ Боріусомъ, на дрезинѣ прибылъ на станцію Бугасъ, гдѣ и получилъ личное приказаніе Генерала д'Ансельма. Выяснилось, что на транспорты будутъ погружены лишь люди съ винтовками и патронами, пулеме- ты, телефонное имущество и багажъ. Вся же матеріальная часть артиллеріи, ав- томобильныхъ частей, обозы и лошади должны были быть оставлены французамъ. При этомъ Генералъ д'Ансельмъ въ присутствіи многихъ французскихъ и ру- сскихъ офицеровъ заявилъ, что за все оставляемое имущество и лошадей будетъ уплачено Генералу Деникину или Генералу Тимановскому. То же самое 26 марта было имъ подтверждено письменно на имя Генерала Тимановскаго: «Французское командованіе не упоминано выдавать денежные авансы войскамъ Русской Добровольческой Арміи, но въ виду крайней необходимости и принимая во вни- маніе численность этихъ войскъ, казалось бы, слѣдовало примѣнить слѣдующій способъ: Русская Добровольческая Армія увѣдомитъ о матеріалахъ и припасахъ, всѣхъ родовъ, каковыя она считаетъ лишнимъ перевозить моремъ, или которые не- возможно будетъ погрузить (например лошади). Будетъ составленъ списокъ этимъ матеріаламъ, который союзнымъ командованіемъ будетъ учтенъ при полу- ченіи его отъ частей Русской Добровольческой Арміи. Генералъ Тимановскій благоволитъ увѣдомить, соглашается ли онъ на такое рѣшеніе вопроса и въ слу- чаѣ утвердительнаго отвѣта, сообщить какъ можно скорѣе свѣдѣнія объ оставляе- момъ имъ матеріалѣ».

Одновременно Командиру 21 стрѣлковаго полка 156 французской дивизіи Ге- нераломъ Боріусомъ было отдано распоряженіе: «Командиру баталіона Сентъ- Жюльенъ 21 стрѣлковаго полка, поручается составленіе описи и охрана матеріала, оставляемаго Русской Добровольческой Арміей у восточнаго входа первого моста въ Бугасъ. Въ зависимости отъ обстоятельствъ этотъ матеріалъ надлежитъ, либо перевезти на правый берегъ Днѣстра, либо на мѣстѣ уничтожить. Полковнику, Командиру А. Д. 156 надлежитъ назначить достаточное количество людей для приѣма и временнаго размѣщенія на островѣ Бугасъ лошадей Русской Доброволь- ческой Арміи. Ему же надлежитъ одновременно съ приѣмкой лошадей получить отъ Русской Добровольческой Арміи, весь извѣщенный еще у нихъ фуражъ и зерно».

Въ течение 27 и 28 марта шло сосредоточение бригады на островѣ у станицы Бугаевъ. Движеніе совершалось по сыпучимъ пескамъ, на протяженіи 7 верстъ, при чемъ по пути приходилось преодолѣвать жетанодорожный мостъ съ рѣшетчатымъ настиломъ, который французы не приспособили къ движенію повозокъ своимъ, и не позволялъ сѣлать это русскимъ. Мостъ былъ занятъ французскимъ карауломъ, который по своему производству, а иногда и по приказу Генерала Боріуа, прекращалъ движеніе русскихъ повозокъ, людей и лошадей. Поведеніе французскихъ начальниковъ въ этихъ случаяхъ было пренебрежительнымъ и вызывающимъ. Французы думали лишь о спасеніи своего имущества, которое перевозилось по желѣзной дорогѣ, а русскихъ заставляли бросать и то немногое, что ими было взято съ собой и съ такимъ трудомъ тащилось по пескамъ.

Къ полудню 28 марта вся бригада сосредоточилась на островѣ. Въ ожиданіи погрузки, болѣе двухъ сутокъ бригада находилась въ самыхъ печальныхъ условіяхъ: безъ крыши, безъ продовольствія и фуража, въ состояніи полной неопредѣленности и дерганія взадъ и впередъ.

На ночь съ 28 на 29 марта бригада была неожиданно передвинута на правый берегъ, рѣки Дибетра, къ районѣ непосредственно къ западу отъ станицы Бугаевъ, при чемъ помѣщеніи даже для раненыхъ и больныхъ предоставлено не было. Условию жизни были настолько тяжелы, что Генералъ Тимановскій 29 марта дописалъ Генералу д'Анселюму: «Докладываю: 1. Если сегодня не будетъ доставлено, хотя бы къ вечеру продовольствія на 5 000 человекъ, то я уже завтра не могу отвѣчать за дѣйствія своихъ частей. 2. На мѣстѣ бываю всего два колодца. Къ лиману же за водой, черезъ желѣзную дорогу не пропускаютъ. Необходимо разрѣшеніе на пропускъ къ лиману. 3. Лошади начинаютъ падать отъ голода. Необходимо немедленная пріемка пріемной комиссіи для ихъ пріема. Съ другой стороны необходимо оставить для вѣкъ частей хотя бы 50 лошадей и доставить для нихъ фуражъ. Необходимо немедленное оказаніе помощи больнымъ и раненымъ, находящимся до сихъ поръ на открытомъ воздухѣ. Больныхъ теперь не меньше ста человекъ. Есть случаи серьезныхъ заболеванийъ. 5. Пропу письменнаго разрѣшенія на пропускъ въ Аккерманъ интендантской комиссіи въ составѣ 10 человекъ, подл. начальствомъ бригаднаго интенданта, для закупки продовольствія за деньги. 6. Пропу письменнаго разрѣшенія на пропускъ въ Бухарестъ трехъ моихъ офицеровъ, для личнаго доклада Генералу Геруа. 7. Пропу отвѣтъ на каждый пунктъ, въ виду важности каждого».

По ухвату еще части перекрѣтилъ на новый бивакъ свое имущество, какъ около 12 часовъ, послѣдовало новое приказаніе Генерала Боріуа, объ обратномъ переходѣ бригады на лѣвый берегъ рѣки для немедленной погрузки на транспортъ, что и было исполнено.

Погрузка перваго транспорта была закончена вечеромъ 30 марта и транспорты начали отходить къ Тулукъ.

Утромъ 30 марта къ Генералу Тимановскому, на транспортъ прибѣлъ французскій офицеръ, съ перово гинкомъ Кизеявъ Гатариннымъ, и предложилъ 150 000 рублей за русскую материальную часть, оставленную на лѣвомъ берегу Дибетра и приказалъ 156 и 114-ой французской дивизіей.

Такая ничтожная сумма, за то громадной цѣнности имущество, которое было оставлено французамъ, по ихъ же требованію, конечно, принята быть не могла. Отказавъ это уважительное предложеніе Генералъ Тимановскій довелъ Генералу д'Анселюму:

«По моему предвазанію въ Одессѣ, когда было уже рѣшено оставленіе въ мѣстѣ бивакѣ части до продолженія дня, передъ уходомъ, Генераломъ Шварцемъ было рѣшено продать за 500 000 рублей. Я ихъ не получилъ, такъ какъ при поступленіи въ Одессу моего караула, въ Гоехъ арсеналѣ банкъ былъ допущенъ только одинъ офицеръ, дежурный, безвѣстный, а на слѣдующій день 28 марта въ Одессѣ случился вѣтеръ, и банкъ остался съ бою у меня не было денегъ».

Послѣ этого Шварцъ, было обѣщано 800 000 рублей. Я ихъ не получилъ, такъ какъ Генералъ д'Анселюмъ съ Банго разрѣшенія сѣлъ на пароходъ, куда прогнали за вѣтеромъ, а банкъ остался не мѣстѣ. Въ резултантѣ денегъ эти увѣщанія Генерала Шварца, остались совершенно пусты».

24 марта утромъ, при отходѣ со мной у Буга, въ мѣстѣ обѣщана честнымъ офицеромъ, дежурнымъ въ Одессѣ, въ Гоехъ арсеналѣ денежной казначей, Дибровскій, 150 000 рублей, которые были получены въ тотъ же день вечеромъ, у Подкол.

ника Фрейденберга. Когда же вечером мой Начальник Штаба Капитан Капнинъ съ боемъ на духъ броневикахъ прибылъ къ Вамъ, то въ деньгахъ было отказано и въ письменной формѣ было данъ отвѣтъ: Деньги не могутъ быть владаны немедленно; необходимо произвести казначейскую операцію, что возьметъ два или три дня». Бумага эта за Вашей подписью и печатью имѣется у меня. Деньги же отъ Васъ такъ и не получены.

26 марта на мосту у ст. Бугаеъ, когда выяснилось, что посадка на транспортъ будетъ произведена только людей, пулеметовъ и багажа, а все матеріальная часть и лошади брошены. — Вами было обѣщано, за все оставленное имущество, снаряжение и лошадей уплатить мнѣ или Генералу Деникину. Во исполненіе этого приказа вся матеріальная часть артиллеріи, обозъ, лошади, броневики и легковые автомобили мною оставлены на берегу.

Сегодня 30 марта ко мнѣ на транспортъ прибылъ отъ Генерала Боріуса французскій офицеръ, въ сопровожденіи переводчика Книза Гагарина. Офицеръ привезъ 150 000 рублей русской валютой, не идущей за границей, за нашу матеріальную часть, принятую 156 пѣх. дивизіей, считая это совершенно недостаточнымъ, такую ничтожную сумму для 6 000 человекъ (имѣющихся у меня) принять не могу.

Остается безъ денегъ, какъ на мѣстѣ, такъ и на будущемъ пунктѣ остановки.

Исполнивъ всѣ Ваши приказанія по приказу Генерала Деникина, я никогда не могъ предполагать тѣхъ незадушенныхъ оскорбленій, униженій, которыя выпали на меня и на подчиненныя мнѣ части. Неужели только за то, что Добровольческая Армія одна осталась вѣрной Союзникамъ, когда весь фронтъ развалился... Въѣренныя мнѣ части благодаря голодовкѣ, мотаніямъ по постамъ вездѣ и впередъ, лишены матеріальной части, которую мы съ такимъ трудомъ приобрѣтали, настолько были излюблены, что мнѣ стоило большого труда и спокойствія, чтобы удержать ихъ въ рамкахъ подчиненія.

Разставаясь теперь съ Вами, Ваше Превосходительство, я по долгу совѣсти и чести доношу Вамъ, что такихъ униженій и оскорбленій Высшаго Французскаго Командованія по моему адресу, по адресу русскаго Генерала, который работаетъ съ Франціей 5-й годъ, который погоня своихъ не снималъ и лица своего не запачкалъ — я никогда не ожидалъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи Генералъ Тимановскій».

По прибытіи бригады въ Тулячу Французскимъ Командованіемъ было предложено, всему составу бригады сдать оружіе. Однако, когда Генералъ Тимановскій заявилъ, что онъ, считая себя Начальникомъ союзной части, можетъ это исполнить, не иначе какъ по приказанію Генерала Франше д'Эспере или Бертело, бригада была пропущена въ городъ съ оружіемъ въ рукахъ, и лишь во время стоянки въ городѣ по распоряженію Генерала Тимановскаго, чины бригады ходили безъ оружія.

Части бригады были размѣщены въ разрушенныхъ домахъ и базарныхъ безъ оконъ и дверей.

* * *

Всѣ чины бригады получали лишь половину французскаго пайка и потому жили впроголодь. Купить было не на что. Украинскія деньги, которыя только и имѣлись въ бригадѣ, не имѣли опредѣленнаго курса и почти не принимались. Варка пищи была затруднена до крайности, такъ какъ походныя кухни, по приказанію французовъ были оставлены у Бугаеа. Санитарная часть была поставлена очень плохо: городъ больныхъ и раненыхъ не принималъ, а имѣющіеся въ бригадѣ средства не позволяли оборудовать лазареты собственнымъ попеченіемъ.

По настоянію Французскаго Командованія, бригада лишилась всей своей матеріальной части и конскаго состава. Между Каролина Бугаеъ и станціей Бугаеъ, благодаря открытому противодѣйствію французскихъ начальниковъ, было оставлено: 18 легковыхъ, 4—48 линейныхъ и 4 шестидесятиковыхъ орудій, 6 бронированныхъ автомобилей, 10 грузовыхъ и 25 легковыхъ автомобилей, 40 походныхъ кухонь, 600 парныхъ повозокъ, 3 000 лошадей, не считая при этомъ цѣлхъ цѣлхъ съ громаднымъ количествомъ продовольствія, обмундированія, снаряженія и бѣлья, броненныхъ въ Одессѣ.

Части вооруженныхъ силъ Юга Россіи въ Одесскомъ районѣ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ доблестно сражавшіяся бокъ о бокъ съ Союзниками противъ большевиковъ, въ тяжелое время оставленія Одессы и отхода въ Румынію не только

не получили никакой помощи со стороны Французскаго Командованія, но, вынеся изъ этого ряда окорбленій отъ французскихъ начальниковъ, исключительно вѣдѣніе распоряженій Французскаго Командованія, вынуждены были оставить почти всю матеріальную часть, лошадей и обозъ, т. е. все то, что составляло особую цѣнность и было до крайности необходимо вооруженнымъ силамъ Юга Россіи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Эвакуація Севастополя.

Съ оставлениемъ союзными войсками Херсона и Николаева, положение частей Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, дѣйствующихъ въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ Таврии и защищавшихъ Крымскіе полуостровъ, становилось крайне тяжелымъ. На атлантскіе берега нижняго Днѣпра появились регулярныя совѣтскія войска; бывшія раньше въ этомъ районѣ многочисленныя, но разрозненныя грабительскія банды начали принимать правильную организацію; украинскія войска атамана Григорьева окончательно перешли на сторону большевиковъ.

Под ударами превосходящих сил противника, слабая часть Крымско-Азовской Дроздовической армии принуждена была отойти на Крымский полуостров. Удержаться продолжительное время на перешейках не удалось. Под влиянием прорыва фронта у Перекопа и десанта противника, произведенного на морских подлоках из Геничины, армия продолжала отходить вглубь полуострова на полуостров на Керчь и удержалась лишь на Акмайданской позиции, поддерживаясь «хорошей артиллерией русских и английских кораблей».

Непроходимость поселения на перешейках сохранялась как: Русским Командованием, так и прибывшим 13 марта в Севастополь Генералом Франце Дёбером. Генерал Франце Дёбер указывал на необходимость продвигаться на перешейках, еще док не встан, къ концу которых обидать оказати помощь. Русским воемк простояли бже духи не встан, но помощи оть французов не видели...

В середине марта гарнизон Севастополя состоит из двух батальонов 175 пехотного французского полка, одного батальона греков, двух батарей 242-го артиллерийского французского полка, небольшого количества вспомогательных французских войск и высаженного на берег экипажа «Лангедок» на мель французского линейного корабля «Мирабо».

Іншою батальоном греків виходили в Симферополь, виділивши одну роту в Таганзиль, а другу в станцію Джанкой.

Вот упомянутая войска подчинилась Командующему союзными войсками в Крыму — Полковнику Труссову.

На рейде, в это время находились союзные эскадры, в состав которых входили французские, английские, кораблей: Жюль-Барб, Верно и Мирабюль, итальянские фрегаты, миноносцев, англо-американский крейсер Кадисхо и двух германских миноносцев. Вся эскадра была подчинена Командующему 2-й французской эскадрой Адмиралу Амелю, который вместе с главными командирами и политическими представителями Франции на Черномом море.

Ср. переносителем, оказавшем приёме колонизальных французских войск, которые, в свою очередь, ввели в заповедники и владения в Севастополь лишь в 1904 году, в том же году.

Противники численностью до 8—10 тысяч, войдя в Крым, большую часть своей проводили, наступление на Керчь, и сформировали силы, которые действовали в Симферополе, несомненно, могли быть уничтожены союзными войсками, но Керчь не имел в крепости, а сь, прабльемь колоннальных войск, подорвал Керчь, и в Керчь бьл, только было сформировано совершенно приемлемо.

4) 10 апреля в 10 часов 30 марта 2 000 акариев, а 1-го апреля столько же перемещались в 16 км от пивуа не вызвали и никакой активности не проявили.

Въ порту находились исправныя русскія суда, лишь частью нуждавшіяся въ незначительномъ ремонтѣ: 2 крейсера, 6 миноносцевъ, 7 посыльныхъ судовъ, 3 подводныхъ лодки, 2 канонерскія лодки, 2 тральщика, 8 транспортовъ, 7 пароходовъ, 8 буксировъ, 9 катеровъ. Кромѣ нихъ были суда, нуждавшіяся въ капитальномъ ремонтѣ: 2 миноносца, 2 посыльныхъ судна, 6 подводныхъ лодокъ, 1 канонерская лодка, 2 тральщика и 3 парохода.

Уже въ двадцатыхъ числахъ марта положеніе Севастополя становилось тревожнымъ. 21-го марта Полковникъ Труссоновъ пригласилъ Команданта крѣпости Генерала Субботина, его Начальника Штаба и Начальниковъ Артиллеріи и Инженеровъ на совѣщаніе, на которомъ заявили, что на случай приближенія большевиковъ, линия обороны крѣпости имѣла бы намѣститься по линіи историческихъ бастионовъ, за исключеніемъ сѣверной стороны. На указаніе Генерала Субботина о чрезвычайной важности именно сѣверной стороны, питающей городъ водою, Полковникъ Труссоновъ заявилъ, что онъ это понимаетъ, но по недостатку силъ сдѣлать ничего не можетъ и надеется, что противникъ, появившійся на сѣверной сторонѣ, будетъ сметенъ судовой артиллеріей. Одновременно Полковникъ Труссоновъ предложилъ Генералу Субботину и Генералу Рербергу войти въ совѣтъ обороны. Объ этомъ былъ отданъ приказъ, который однако остался мертвой буквой, такъ какъ совѣтъ обороны не собирался ни разу. Нѣсколько позже былъ выпущенъ второй приказъ, въ которомъ Полковникъ Труссоновъ объявилъ себя Военнымъ Губернаторомъ, а Генерала Субботина — своимъ помощникомъ.

Неоднократныя увѣренія французовъ, что Севастополь ими оставленъ не будетъ, вызывали сомнѣнія. Впечатлѣнія Одессы, Николаева, Херсона были еще слишкомъ свѣжи въ памяти, а опредѣленное заявленіе Полковника Труссонова о томъ, что несмотря на рѣшеніе французовъ защищать городъ, всѣ части и учрежденія Добровольческой Арміи должны будутъ покинуть Севастополь, вызвало полное недоумѣніе у всѣхъ. Настроеніе въ городѣ становилось паническимъ.

Тѣмъ не менѣе, тотчасъ же была образована эвакуаціонная коммисія подъ предѣлательствомъ Команданта крѣпости, которая должна была выяснить все подлежащее эвакуаціи и распредѣлить транспортныя средства. Къ работамъ было приступлено немедленно, однако коммисія засѣдала всего лишь три раза, такъ какъ въ виду объявленія французами осаднаго положенія, хожденіе по улицамъ позднѣе 8-ми часовъ вечера запрещалось и члены коммисіи вечерами собираться не могли, въ выдачѣ же пропусковъ французы отказали.

Вскорѣ по приказанію Полковника Труссонова все дѣло эвакуаціи было передано въ вѣдѣніе Русскаго Морского Штаба. Это неизбѣжно сразу же внесло путаницу въ работу. А между тѣмъ съ началомъ эвакуаціи въ Севастополь скопилось много бѣженцевъ изъ Симферополя, Ялты, Евпаторіи, Балаклавы и другихъ городовъ. Съ цѣлью успокоенія взволнованнаго населенія и уменьшенія продовольственнаго кризиса представлялось крайне важнымъ скорѣе освободиться отъ этого пришлаго элемента. Однако французская морская база, выдававшая пропуски, производила это крайне медленно; приемные часы были ограничены, а обращеніе чиновъ базы съ публикой было надменнымъ и оскорбительнымъ. Съ другой стороны, всевозможными повѣрками, Французское Командованіе тормозило какъ погрузку судовъ, такъ и выходъ ихъ въ море.

Для удовлетворенія нуждъ по эвакуаціи военныхъ учреждений, а также для уплаты жалованья и выдачи пособія чинамъ Добровольческой Арміи, Командантъ крѣпости потребовалъ изъ мѣстнаго банка, на основаніи имѣвшейся ассигновки, полмилліона рублей. Директоръ банка оплатить такую сумму отказался подъ предлогомъ неимѣнія денегъ, что на самомъ дѣлѣ было невѣрно, такъ какъ въ распоряженіи Правительства имѣлось до 11 милліоновъ рублей.

Объ этомъ обстоятельстве было сообщено Полковнику Труссонову, который заявилъ, что въ это онъ не вмѣшивается и предоставляетъ Генералу Субботину полную свободу дѣйствій.

Вызвавъ по телефону Директора банка, Генераль Субботинъ подъ угрозой ареста добился полученія милліона рублей.

Однако черезъ два дня Субботинъ получилъ отъ Полковника Труссонова слѣдующее сообщеніе: «До моего свѣдѣнія дошло:

1. Что Правительство увезло всѣ деньги, оставивъ городское самоуправленіе безъ денегъ.

2. Что пароходъ Волга, груженный зерномъ, уйдетъ несмотря на отданный приказъ.

3. Что Добровольцы, уходя, грабятъ материалы.

Всѣдствие этого я приказываю:

1. Ни одному пароходу не будетъ дано разрѣшеніе на выходъ, пока все не будетъ возвращено.

2. Всѣ члены бывшаго Правительства и, главнымъ образомъ, министръ финансовъ будутъ немедленно задержаны, моимъ распоряженіемъ и препровождены ко мнѣ до послѣдня. Такая же мѣра по отношенію адъютанта Начальника Штаба Командующаго Добровольцами, по фамилии Мурзинъ.

3. Добровольцы имѣютъ право увозить только личныя багажъ, ружья, пушки, патроны и снаряды. Безусловно воспрещается вывозъ продовольствія городского или Государственнаго какого-бы происхожденія оно ни было, въ частности муки, зерна, постельныхъ принадлежностей, мебели и хозяйственныхъ матеріаловъ.

Вы непосредственно отвѣтственны въ исполненіи этихъ приказовъ».

Для разъясненія всѣхъ этихъ вопросовъ Генераль Схуботинъ въ тотъ же день лично посѣтилъ Подполковника Труссова, который рѣзко заявилъ, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, въ Севастопольскомъ Государственномъ Банкѣ было около 11 милліоновъ рублей, деньги эти исчезли и онъ не можетъ допустить, чтобы народное хозяйство расхищалось. На это генералъ Схуботинъ возразилъ, что за дѣятельность министровъ онъ не отвѣтственъ.

— Почему до настоящаго времени они ко мнѣ не доставлены? — «Я понялъ изъ Вашего сношенія, что это будетъ сдѣлано Вашимъ распоряженіемъ». — «Нѣтъ, это должны сдѣлать Вы». — «Я требую, чтобы милліоны, взятые Вами, были возвращены».

— Это невозможно, такъ какъ деньги нужны для расходовъ по эвакуаціи, для оплаты жалованья и выдачи пособій. По закону я имѣю право это сдѣлать. Правительствомъ выдано пособіе всѣмъ, а же выдаю только эвакуирующимся, такъ какъ выдачу пособій не эвакуирующимся считаю несправедливою и у меня не хватитъ денегъ для удовлетворенія претензій этихъ послѣднихъ. Деньги отъ офицеровъ и отобрать не могу, такъ какъ многіе уже произвели необходимые расходы, а многіе убѣжали. Безъ денегъ я не могу продолжать эвакуацію».

— Въ такомъ случаѣ я приказываю сдать вамъ деньги тысячъ. У офицеровъ отобрать все, что возможно. Всѣ вышедшія суда будутъ возвращены, обысканы моимъ распоряженіемъ и пока съ нихъ не будетъ снято все, кромѣ собственныхъ вещей, артиллерійскаго имущества и отсыланы деньгами, ни одно судно не уйдетъ. До тѣхъ поръ, пока я не получу пяти милліоновъ, всѣ министры будутъ арестованы, а также будете арестованы Вы и Начальникъ Штаба».

Для истощающаго объясненія по всѣмъ остальнымъ пунктамъ сношенія, Генераль Схуботинъ на слѣдующій день пишетъ Подполковнику Труссову:

«Имѣю честь просить Васъ не оказывать препятствій мнѣ письменное приказаніе возратить сумму, полученную мною для уплаты содержанія офицерамъ Русской Арміи за прошедше мѣсяца и добавокъ, который согласно Русскимъ законамъ долженъ быть удержанъ въ случаѣ эвакуаціи».

Однако прочту имѣть въ виду, что я подчинился Вашимъ приказаніямъ только въ вопросахъ оперативныхъ, а въ вопросахъ снабженія Генералу Деникину, по приказанію котораго я имѣю честь быть Командантомъ Севастопольской крѣпости. Вамъ въ милліоны, который были розданы офицерамъ и ихъ семьямъ, находящимся на нѣтъ въ нуждѣ, безъ проща и крова и для нуждъ самой эвакуаціи, — офицеры расхищаютъ запасы и матеріалы на извѣстную сумму милліоновъ.

И хочу напомнить въ Вашему свѣдѣнію, что свѣдѣтельно не достаетъ доверія ко мнѣ, такъ какъ моему преданію Арміи, можетъ быть недостаточно, какъ оскорбленію чести Русской Арміи, какъ бы ни была она мала и дѣлѣ подъ моимъ командо-ваніемъ».

Изъ горькаго духа, дѣйствія на это письмо не послѣдовало, несмотря на то, что въ послѣднемъ приказѣ Генерала Схуботина къ Подполковнику Труссову, въ которомъ онъ, разъясняя послѣднее сношеніе, просилъ, отбѣднить приказъ о возратѣ денегъ, а только не задерживать эвакуаціи, отъ него страдали невинныя дѣтеныши и жены и настаивать на разрѣшеніи суммъ выйти въ море съ грузомъ, потому что для расхвата ихъ не было рабочихъ рукъ.

Наконец 1-го апреля было получено сообщение Подполковника Труссона: «Разрешено офицерам и служащим уезжать с деньгами, которые они получили. Только деньги, которые Вы смогли возвратить, будут сданы Вами в банк под расписку. Во всяком случае — закон, который Вы применили для уплаты содержания вперед, может быть отнесен лишь к людям, исполнившим свой долг и уезжающим согласно приказа. Между тем — многие офицеры Добровольческой Армии получили вперед содержание несмотря на то, что постоянно бегали перед неприятелем, покинув без боя товарищей, имущество, раненых и являлись всем самым гнусным зрелищем. Я не предполагаю, чтобы закон мог быть применен к этим людям и против этого то злоупотребления я и хотел возразить».

Что сделано, то сделано, пусть покидают Севастополь немедленно, по способу, примененный здесь для опустошения Государственной казны перед бегством, будет доведен до сведения кого следует».

В высокой степени наглое рассуждение Подполковника Труссона о бегавших Добровольцах не отрицало действительности и приведено им, повидимому, лишь с целью оправдания своих поступков.

Подполковнику Труссону докладывалось устно и письменно, что пособия выдавались только офицерам, живущим в Севастополе и бросившим свое имущество. Если в период эвакуации в Севастополь и скопилось довольно значительное количество офицеров, то это были лица, прибывшие из различных пунктов Крымского побережья с предписаниями отправиться в Новороссийск и, во всяком случае, среди них не было позорно бегавших с полем сражения и бросивших раненых товарищей.

Это были те самые войска, которые через 2 месяца, свободные от чужого содействия, в 2 недели очистили Крым и левый берег Днэпра!..

Что касается заключительной приписки, то к Генералу Субботину она тоже не могла иметь отношения, так как деньги были взяты с ведома Подполковника Труссона и уезжать из Севастополя он не собирался.

Относительно так же обеспечения эвакуирующихся русских офицеров, французы 14-го апреля явились на крейсер «Кагуль» и забрали с собой хранившуюся там часть ценностей Государственного Банка.

По поводу этого Адмирал Саблин писал Адмиралу Амету:

«Вчера 14-го апреля, на крейсер «Кагуль», стоявший под Русским военным флагом, прибыли французский офицер и матросы, взяли часть ценностей Государственного Банка, хранившихся там, и увезли их».

Все это было сделано без моего ведома.

Ценности на крейсер «Кагуль» были погружены на законном основании.

Никакого рода злоупотребления с моего ведома, не могут иметь места на судах и частях флота находящихся под моим командованием.

Для раскрытия каких-либо злоупотреблений я всегда пойду на встречу, прослестие же имевшее место вчера на крейсер «Кагуль» меня глубоко оскорбило.

Прошу Вас принять уверения в совершенном почтении и таковой же преданности. Саблин».

Одновременно с работой по эвакуации войсковых частей в учреждений сухопутного ведомства, происходили подготовительные работы по эвакуации судов. Задача эта являлась наиболее сложной, так как весь Севастополь эвакуировался морем и от правильного и планомерного распределения транспортных и буксирных средств зависела ее участь.

Французскому Командованию было своевременно сообщено, что собственных буксирных средств для эвакуации всех судов не хватит. Французы определенно обещали помощь и с этой целью почти все суда были выведены на рейд.

Однако в результате Французское Командование не только не оказало помощи, но задерживая суда, пыталось отобрать наши последние буксиры, невзирая на то, что главные буксирные средства порта уже находились в их руках и нам не давались несмотря на целый ряд просьб.

С целью упорядочения эвакуации, Штабом Адмирала Саблина был разработан определенный план, но провести его в жизнь так и не удалось. Французское Командование, захватывая и распоряжаясь русскими транспортом и буксирами, нарушало все расчеты и вносило путаницу. Своего же плана французы

не дали, а все распоряжения их были вѣ связи одного съ другимъ и нерѣдко приказанія Адмирала Амета не согласовались съ требованіями Полковника Труссопа.

Всякое русское судно, уходившее изъ Севастополя, кромѣ предписанія Штаба флота должно было получить пропускъ отъ французской базы, что иногда задерживало его отходъ на двое и даже трое сутокъ (суда «Герцъ», «Бутъ» и др.).

Все это явилось главной причиною, тормазившей эвакуацію. Въ результатѣ изъ Севастополя ушли лишь суда первой группы, суда второй группы, которые представлялось тоже взять на буксиръ, изъ-за недостатка буксирныхъ средствъ, были оставлены въ Севастополѣ.

Что касается эвакуаціи военныхъ грузовъ, то она происходила еще съ большими треніями. Благодаря инертности французовъ въ охранѣ города, въ Севастополѣ къ концу марта образовался большинствоскій (военно-революціонный комитетъ), свободно выпускавшій свои «Извѣстія» и вліявшій на мѣстныхъ рабочихъ, которые отказывались грузить. Кромѣ того, на работавшихъ въ небольшомъ числѣ грузчиковъ происходили частыя нападенія большевиковъ, поэтому требовалась охрана, однако своихъ людей не хватало, такъ какъ они почти все были заняты погрузкой, а французы въ охранѣ отказывались.

Въ результатѣ удалось погрузить лишь немного, главнымъ образомъ, часть огнестрѣльныхъ припасовъ, на погрузкѣ которыхъ въ качествѣ грузчиковъ работали преимущественно офицеры. Все же остальные огромные запасы почти полностью были брошены.

До 30 марта работы по укрѣпленію города производились вѣло, сами французы, вѣроятно, не были увѣрены въ томъ, что смогутъ удержаться въ Севастополѣ долго. Съ неопредѣленнымъ ожиданіемъ прибытіе подкрѣпленій. Отъ Генерала Субботина все тщательно скрывалось. Команданты крѣпости не знали ни обстановки, ни предположеній Полковника Труссопа, не знали даже точнаго количества войскъ, все держалось въ секретѣ отъ него. Возможно, что положеніе французовъ было дѣйствительно тяжелымъ, у нихъ шель развали, но въ то же время не было амбигуи и мѣръ, принимавшихъ ими противъ этого. Когда Французскому Командованію указывались факты неопоримой пропаганды, оно выслушивало это съ видимымъ неодобреніемъ и ихъ отрицало. Русская контр-развѣдка неоднократно доносила, что нѣкоторые представители Французскаго Командованія сами находились въ ошквенныхъ отношеніяхъ съ мѣстными большевистскими элементами. Были даже допущены пріѣзды большевистской делегаціи изъ Симферополя, которая совѣщалась съ мѣстными большевиками въ Союзъ-Союзомъ.

При всемъ этомъ, желая, повидимому, скрыть свое безсиліе, или свои некорректныя поступки въ отношеніи русскихъ, какъ союзниковъ, Французское Командованіе упорно отказывалось входить въ положеніе Добровольцевъ и, зачастую, отношеніе его къ русскимъ носило характеръ болѣе чѣмъ презрительный. Съ одной стороны французы требовали скорѣйшей эвакуаціи офицеровъ, а съ другой, когда потребовалось назначеніе охраны на транспорты и такую организацию организовали изъ русскихъ офицеровъ, то бросались оскорбительными обвиненіями въ томъ, что офицеры хотятъ спастись въ первую очередь.

Вечеромъ 30 марта въ Севастополь прибыли 2000 алжирцевъ. Настроеніе французовъ намѣнилось. Видно было ихъ опредѣленное рѣшеніе защищать городъ. Судя по тому, что получили боевыя задачи, а часть французскихъ моряковъ была вывезена на берегъ для несенія гарнизонной службы. 1-го апрѣля начали прибывать транспорты съ советскими войсками.

Въ тотъ же день Адмиралъ Аметъ въ категорической формѣ потребовалъ отъ Главнаго Командира Севастопольскаго порта Адмирала Саблина, немедленно эвакуировать изъ Севастополя всѣхъ офицеровъ Добровольческой Арміи, а также и Штаба крѣпости. Адмиралъ Саблинъ сообщилъ объ этомъ Генералу Субботину: «У Командо Ваше Превосходительство, что Адмиралъ Аметъ требуетъ эвакуаціи изъ Севастополя всѣхъ офицеровъ Добровольной Арміи въ кратчайшій срокъ, включая въ то число и офицеровъ Штаба крѣпости».

Для оперативной эвакуаціи мнѣ предложилъ въ первую очередь пароходъ «Морской», вмѣщающій военныя 600 человекъ.

Генералъ Субботинъ не отказалъ увѣдомить меня, когда можетъ быть произведена погрузка.

Генералъ Субботинъ не считалъ себя въ правѣ покинуть крѣпость, боясь раз-

рѣшенія Главнокомандующаго Вооруженными Силами Юга Россіи и просить Полковника Труссопа срочно отправить радиотелеграмму въ Екатеринбургъ Главнокомандующему: «Адмиралъ Аметъ черезъ Адмирала Саблина требуетъ немедленно эвакуаціи изъ Севастополя всѣхъ чиновъ Управленій и Штаба крѣпости, мотивируя тѣмъ, что отсутствіе въ Севастополѣ Добровольцевъ облегчитъ Союзникамъ задержатъ наступленіе и задержать входъ въ городъ совѣтскихъ войскъ. Много артиллерійскаго и телеграфно-телефоннаго имущества не вывезено. Прошу указаній. Безъ Вашего приказанія выѣхать отказываюсь 14 апрѣля № 2891».

Въ тотъ же день, 1-го апрѣля Генералъ Субботинъ получилъ письмо отъ Адмирала Амета: «Отъѣздъ войскъ Добровольческой Арміи дѣлаетъ присутствіе Русскаго Генеральнаго Штаба въ Севастополѣ не нужнымъ и я того мнѣнія, что слѣдуетъ также выслать его въ Керчь или на Кубань. Я нахожу, что было бы лучше, если бы Вы сами направились туда же. Ваше присутствіе въ Севастополѣ дастъ болѣе неудобствъ чѣмъ выгоды для сохраненія города и арсенала».

Во имя русскихъ интересовъ, я считаю своимъ долгомъ Васъ просить, какъ бы ни было Вамъ тяжело, предоставить Полковнику Труссопу одному заботу о защитѣ этого города и выѣхать на Кубань, на русскомъ или французскомъ пароходѣ, который туда направляется въ скоромъ времени.

Было бы хорошо оставить въ Севастополѣ офицера или служащаго крѣпости вполнѣ въ курсѣ военныхъ учрежденій, ихъ топографическаго положенія, ихъ содержимаго, ихъ запасовъ (казармы, склады и т. д.).

Было бы также необходимо передать Полковнику Труссопу экземпляръ 10 разныхъ картъ, которыя могутъ быть въ Русскомъ Генеральномъ Штабѣ, карты крупнаго масштаба самой крѣпости, карты окрестностей по обводу въ 15 километровъ.

Новѣрьте мнѣ, дорогой Генералъ, что я очень сочувствую Вашей горести въ эту минуту. Я шлю самыя горячія пожеланія для возрожденія Вашей прекрасной Родины. Будьте увѣрены, что приложу для этого все свои усилія. Вашъ искренно преданный Аметъ.

Р. S Чтобы оправдать Васъ передъ Командующимъ Добровольческой Арміей, я Вамъ пошлю официальное письмо, въ которомъ буду просить Васъ покинуть Севастополь со всеми Добровольцами».

2-го апрѣля Генералъ Субботинъ получилъ извѣщеніе отъ Полковника Труссопа: «Честь имѣю уведомить Васъ, что за перерывомъ беспроволочнаго телеграфа между Севастополемъ и Екатеринодаромъ, я не могу сегодня же передать Ваше довѣреніе за № 2891».

Что касается разрѣшенія, которое Вы просите объ отъѣздѣ Вашемъ изъ крѣпости, я не вижу препятствій, съ тѣмъ условіемъ, все же, что въ Севастополѣ останется чиновникъ вполнѣ знакомый съ крѣпостью, всеми военными постройками, ихъ содержаніемъ и ихъ примѣненіемъ».

Въ 5 часовъ дня 2 апрѣля началось наступленіе большевиковъ силою около двухъ баталіоновъ на сѣверную сторону и на Инкерманскій водопроводъ. Французы открыли сильный артиллерійскій, ружейный и пулеметный огонь.

Греческій караулъ, занимавшій водопроводъ, былъ окруженъ большевиками и при помощи подослѣвшихъ подкрѣпленій съ большими потерями едва смогъ пробиться въ городъ. Къ ночи Инкерманъ былъ взятъ и городъ остался безъ воды.

Съ наступленіемъ темноты на рейдѣ началась перестрѣлка. Адмиралъ Саблинъ тотчасъ же командировалъ на Французскій линейный корабль Жанъ Баръ къ Начальнику Штаба Командующаго Французскимъ флотомъ своего офицера съ приказаніемъ ориентироваться въ создавшемся положеніи. Начальникъ Штаба усстно сообщилъ слѣдующее:

«Передайте Адмиралу, что происшедшій сейчасъ обстрѣлъ Сѣвернаго рейда въ части, прилегающей къ Черной рѣчкѣ и радиостанціи, произведенъ по ошибкѣ французской артиллеріей, а не большевиками, но большевики находятся вблизи Севастополя, главнымъ образомъ въ районѣ Инкермана. Пропавшей нами воздушной развѣдкой выяснено, что силы ихъ, повидимому, незначительны. Что касается распоряженій по городу и флоту, то мною отданы приказъ войскамъ и флоту быть въ боевой готовности. Генералу Субботину мною предложено немедленно оставить городъ и вывести изъ него русскія войска. Пароходами съ близкими соотѣнно покинуть Севастополь возможно «срочно». Склады боевухъ припасовъ и портовые магазны я постараюсь «сберечь по мѣрѣ возможности, но воз-

можно ли это будет сделать, сейчас сказать не могу, т. к. они мною еще не осмотрены. Что касается русских военных судов, то Адмирал может распоряжаться ими по своему усмотрению, и уйти с рейда когда пожелает, а здесь никого не задерживая. Про себя могу сказать, что я могу твердо держаться на рейде пока того желаю, но не могу того же сказать про город. Сейчас я только что получил от бывших коммунистов просьбу принять их делегацию для переговоров. При переговорах постараюсь сделать все возможное, чтобы извинить город от боя в его пределах и спасти город от бомбардировки».

Около 2 часов ночи Адмиралу Сабину было передано требование Адмирала Амета о немедленном выходе всех судов в море.

В интересах сохранности арсенала, которую я вполне надлежало обеспечить, я Вас прошу приказать Кагулу и остальным кораблям, которые Вы хотите увести отсюда, выйти в течение текущей ночи и ближайшего утра. Это равносильно тому, что и лично Вы вместе с морскими офицерами, за исключением командира порта и тех офицеров, без которых нельзя обойтись в деле помощи нам по обеспечению портовых учреждений, — уйдете отсюда.

Прошу Вас сообщить еще раз оставшимся офицерам, чтобы я мог снабдить их охранными свидетельствами, взяв их под свою защиту.

Я считаю также установленным, что тральщики останутся здесь, чтобы осветить минные поля, вместе с авиаторами, которые им помогут.

Выражая свое искреннее сожаление, что мы приходим писать Вам по этому поводу и присоединяя свои самые горячие пожелания о возмездии Русского Флота, я прошу Вас, Дорогой Адмирал, принять уверения в искренней преданности. Аметъ.

Вы ответьте на что Адмирал Сабинь сообщит.

Я никак не предполагал, что с момента появления коммунистов в окрестностях Севастополя и до входа их в Севастополь пройдет так мало времени. Я полагаю, что получу предупреждение об уходе заблаговременно. Мне ставить в очень затруднительное положение еще то, что предупреждение пришло вечером и в такое время с 8 часов вечера до 4 часов утра для сбора офицеров, которые были при исполнении своих служебных обязанностей на берегу, ибо передвижение в город ночью воспрещено.

Оставлю Вам правили и ги драконию и полагаю, после минования в них опасности, Вы их вышлете по мнѣ в Новороссийск.

Командиру порта капитану 1 ранга Нишонову я приказал оставаться: что же касается офицеров, для связи, то я их теперь ночью не в состоянии отыскать. Прошу принять всех оставшихся офицеров под свое покровительство.

Примая уверение на моем уважении и преданности М. Сабинь.

Русские офицеры, отозвавшие от письма Адмиралу Амету, возвратившиеся с поврежденными кораблями Жанс Бар, довер. Адмиралу Сабину:

Допону Вашему Превосходительству, что пока я оставался на французском корабле Жанс Бар, отбита на Ваше письмо, переданное мною по приказанию Вашему Адмиралу Амету, с. доверному офицеру вестить сигнальные с вехты, доложить, что выходить в море русским минноносцам на буксире и получить от дежурного офицера приказание послать катер, чтобы задержать буксир, а минноносцы выхватили или пожелали, по божу, если они не могут идти самостоятельно. Оби, наложенном, считаю, допону, довести Вашему Превосходительству, означая, что такого рода распоряжение Французского Командования могут сделать исполнению наших кораблей фактически невозможной.

Помня русские суда, способные к самостоятельному ходу, и небольшая часть судов, представляющих остальным буксирных средств, — вышли в море. Вот же оставшиеся суда, благодаря помощи французами наших буксиров, оставаясь в Севастополе.

Генерал Сабинь, решить, что дальнейшее его пребывание в Севастополе было опасно и приказал переехать, что Штаб крепости начал грузиться в 3 часа утра 3 апреля. Утром и днем 3 апреля было тихо. Около 3 часов ночи выехали в Гуртис со Штабом крепости вышли в море, взяв курей на Новороссийск. Командир Гуртис был, на восток Бакинина, несмотря на встречный ветер, со стороны Севастополя доносился гул канонады...

Позже стало известно, что советские войска в Севастополе заключили с беззастенчивым перемирие а затем, и еще раз покинули город.

ВЫПИСКА*)

из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным, за время с 1-го января 1915 г. по 10-е февраля 1916 г.

1915 год.

1 января. Распутин послал телеграмму в Покровское¹⁾ сельскому старосте: «Лес выхлопотал даром, возить, когда разрешат рубить».

10 янв. Шаповаленкова²⁾ принесла ему в подарок ковер. Послал телеграмму: «Царское, дворцовый госпиталь, Анне Александровне Вырубовой³⁾. Хотя телом не был, радую духом, чувство мое, чувство божие. Посылаю ангела утешать и успокаивать, позови доктора».

12 янв. Распутин принял прошения от крестьянина Саратовской губернии Гавриила Пантелеева Шинкина на высочайшее имя с просьбой о помиловании (приговорен судом к заключению в крепости по делу о какой-то секте) и от крестьянина Тамбовской губернии Александра Осипова Слещова тоже о помиловании, осужденного за подлоги каких-то векселей. За хлопоты с них взял 250 рублей.

17 янв. Распутин на 50 минут посетил бани в д. № 3 по 4-ой Рождественской ул., но был ли он там один или с кем-либо, наблюдения не видело.

18 янв. Распутину принес 1000 руб. и отдал ему под расписку в разносной книге артельщик статского советника (поставщика угля на флот) Гинсбурга⁴⁾, крестьянин Август Корнилович.

26 янв. Симанович⁵⁾ принес Распутину несколько бутылок вина. В этот вечер у Распутина был бал в честь каких-то освобожденных из тюрьмы. На

*) Настоящая выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным воспроизводится из тома 5-го выходящего в Москвѣ «Краснаго Архива». По словамъ редакціи «Краснаго Архива», эта сводка въ уже сокращенномъ видѣ получена при посредствѣ одного лица, имя котораго не указывается, отъ генерала Комиссарова. Въ виду значительнаго интереса, представляемаго этой сводкой, и не имѣя возможности свѣрить ее съ подлинникомъ, мы воспроизводимъ ее въ томъ видѣ, въ какомъ она отпечатана въ «Красномъ Архивѣ». Примѣчанія, составленныя, повидимому, на основаніи табели, ведшейся относительно всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ и посѣщаемыхъ Распутинымъ.

¹⁾ Село Покровское, Тобольской губ., родина Распутина.

²⁾ Шаповаленкова, Анастасія Николаевна, жена доктора, поклонница Распутина; адр.: Каменноостровск. просп., 24-а.

³⁾ Вырубова, Анна Александровна, дочь сенатора Танеева, фрейлина и интимный другъ царицы, поклонница Распутина; адр.: Царское Село, Церковная ул., 2.

⁴⁾ Гинсбург, Моисей Акимович, 63 лет, действ. ст. сов. и коммер. сов., петр. 1-й гильдии купец, банковск. делец; адр.: Вас. Остр., 11-я лин., 18.

⁵⁾ Симанович, Арон Симонович, 42 лет, петрогр. 1-й гильд. купец, из гор. Мозыря. Личный секретарь Распутина; адр.: Пушкинская, 9, затем Николаевская, 8.

балу были: супруги Волынякне¹⁾, Шаповаленкова, Мария Головина²⁾ и еще по одиночке пришли неизвестные 4 мужчины и 6 женщин, у одного из мужчин была гитара. На вечеринке было очень шумно: пели песни, плясали и кому-то аплодировали; гулянье затянулось до позднего времени.

28 янв. Фон - Бок³⁾ с неизвестным привез Распутину ящик вина.

12 февраля. Распутин с неизвестной женщиной проведен в д. № 15—17 по Троицкой улице к князю Андроникову⁴⁾. Отсюда выхода его не видели, а в 4 с половиной часа утра пришел домой в компании 6 пьяных мужчин (с гитарой), которые пробыли до 6 часов утра, пели и плясали. Утром Распутин никого не принимал, так как спал.

18 февр. Распутин послал телеграмму: Царское Село, Вырубовой. «Скажи завтра Коровиной, чтобы была у тебя в три».

19 февр. Распутин в 10 ч. 15 м. вечера вышел из д. № 1 по Спасеской ул. от Соловьевых⁵⁾ с двумя дамами и на таксомоторе уехали без наблюдения, а в 3 ч. ночи он вернулся домой один.

21 февр. К Распутину на моторе приехал Николай Алексеевич Глазов и привез с собою несколько бутылок вина. Захватив Распутина, уехали вместе в Большую Северную гостиницу к Тереховой - Миклашевой⁶⁾. Распутин пробыл здесь 1 ч. 50 минут.

10 марта. К Распутину приходила Евгения Карловна Ежова⁷⁾ просить его содействия по устройству ей подрыда по поставке белья для войск, на 2 миллиона рублей. Около часу ночи к Распутину пришли человек 7—8 мужчин и женщин, во главе с прапорщиком Карпотиным⁸⁾ и пробыли до 3 часов ночи. Все компании кричала, пела песни, пиликала, стучала и все пыльные вышли вместе с Распутиним и отправились неизвестно куда.

11 марта. В 10 ч. 15 м. утра Распутин встречен один на Гороховой улице и проведен в д. № 8 по Пушкинской ул., к проститутке Трегубовой⁹⁾, а оттуда в баню.

12 марта. Распутину на квартиру Алексеев¹⁰⁾ принес одну бутылку вина.

13 марта. Миллер¹¹⁾ купила Распутину шапку. В 6 ч. 50 м. вечера Распутин направился с двумя дамами в д. № 76 по Екатерининскому каналу, к Савельевым, где пробыл до 5 ч. утра и весь день лежал больной.

14 марта. Цоган принес икону и кружку для постановки в передней в квартире Распутина для сбора пожертвований.

25 марта. Распутин выехал в Москву.

26 марта. В отсутствие Распутина приходила просить Варвара Нищенко¹²⁾ об освобождении ее дяди, полковника Жилецкого, призванного из запаса, за что обещала дать ему 2000 рублей.

¹⁾ Волынякне, Михаил Давыдович, 54 лет, агроном, и жена его Софья Леонтьевна, 26 лет, поклонница Распутина, адр. Троицкая, 15—17.

²⁾ Головина, Мария Евгеньевна, 26 лет, дочь дефета, ст. сов., поклонница Распутина; адр.: Мойка, 104.

³⁾ Фон - Бок, Лев Карлович, 52 л., колл. сов.; адр.: Соляной пер., 7—12.

⁴⁾ Князь Андроников, Михаил Михайлович, 28 л., причисленный к министерству внутр. дел, чиновник; адр.: Троицкая, 15—17, затем: Фонтанка, 54.

⁵⁾ Соловьевы, Николай Васильевич, 52 л., дефет, ст. сов., крупный чиновник свейгейш-офицера, и жена его Елизавета Петровна, 30 л., поклонница Распутина; адр.: Спасеская, 1, затем: Гороховая, 69.

⁶⁾ Терехова, Евгения Георгиевна, 23 лет, урожд. Миклашевская, потомст. дворянка, куртизанка; адр.: Невский, 118, (Северн. гостин.).

⁷⁾ Ежова, Евгения Карловна, 41 г., жена Кинского мещанина; адр.: Невский, 118 (пос. Северная), затем: Морская, 39-42 (пос. Александр.).

⁸⁾ Карпотин, Николай Вас., 19 лет, прапорц. учебн. автомобильн. роты и жена его Ольга Васильевна; адр.: Петрогр. Сторон. Больш. просп., 74.

⁹⁾ Трегубова, Вера Николаевна, 26 лет, Нищенко-урожд. мещанка, замужняя, выкрест-мещанка-сирота, проститутка; адр.: Пушкинская, 8.

¹⁰⁾ Алексеев, Борис Кириллович, 30 л., чиновн. осое. поруч. VII кл. при мин. торг. и пром. торговлей осое., жена его Ольга Сергеевна, 30 л., адр.: Фонтанка, 88.

¹¹⁾ Миллер, Мария Лей Гави, 41 г., жена Стоимек, мещанина Моисея Нисонова Миллера; адр.: Фонтанка, 15.

¹²⁾ Нищенко, Варвара Александровна, 35 л., потомк. надворн. осое. Волыняк-урожд. просп., 27.

30 марта. Распутин вернулся из Москвы. Послал телеграмму в Москву: 1. Большой Гнездинковский пер., д. 10, княгине Тенишевой. — «Радуюсь за откровение, обещан за ожидание, целую свою дорогую». 2. Козицкий пер., дом Бахрушина, (Джанумовой¹). — «Ублажаемое сокровище, крепко духом с тобой целую».

3 апр. Распутин привел к себе на квартиру в 1 ч. ночи какую-то женщину, которая и ночевала у него.

9 апр. Распутин в 9 ч. 45 м. вечера проведен в д. № 18 по Садовой ул. к окончившему курс московского университета Алексею Фролову Филиппову, бывшему издателю газет «Деньги» и «Биржевой Ленте», и оставлен здесь в 2 часа. Было замечено, что пронехало какое-то собрание или пирушка. Распутин вернулся домой в 6 ч. 30 м. утра.

15 апр. Распутин с монахом Мартианом²) был в д. № 45 по Лиговке у потомственного почетного гражданина Василия Евгеньевича Пестрикова. За отсутствием последнего они с сыном его и еще неизвестным студентом кутили. Играл какой-то музыкант. Пели песни и Распутин пилсал с горничной Пестрикова.

25 апр. Распутин послал телеграмму тобольскому епископу Варнаве³): Был у Обера⁴) отклоняет по поводу войны, был ласков, но не по нашему делу».

26 апр. Около 10 ч. вечера стали собираться к Распутину неизвестные мужчины и женщины, человек 10—12, в том числе Алексеев, Лисенко, Рубинштейн⁵) с какой-то женщиной. В 11 ч. была слышна игра на гитаре и пляска; кому-то аллодировали. Это происходило до двух часов ночи.

27 апр. Было слышно, что Распутинна вызывают в Царское Село, но так как он еще не проснулся, то Волынский и баронесса Кусова⁶) не советовали ему в таком виде ехать и говорили: «испортит все дело». Между собой вели разговоры: «что-то наш старец избаловался». Посоветовали ему часа два спать и сказали, чтобы в квартиру к нему никого не пускали.

9 мая. Распутин послал жену швейцара к массажистке, но та отказалась его принять. Тогда он сам пошел в том же доме к портнихе «Кате», 18 лет и говорит ей: «Почему ты не приходишь ко мне?». Она ответила, что «Нет костюма». «Ты приходи ко мне через неделю, я тебе дам 50 рублей».

11 мая. Распутин послал телеграмму Саблеру: «Милый, дорогой, вчера мы беседовали там с мамой, нашли, что не так просто беспокоить владыку нашего. Они надеются, что можно удержать дело».

Распутин привел к себе на квартиру проститутку и залез в комнату, но прислуга ее выпустила.

12 мая. Распутин послал телеграмму Тобольскому губернатору: «У меня в Покровском три недели живет подозрительный человек, то говорит из Москвы, то другого места. Ответ пошлите Царское Село Врубовой».

14 мая. В 5 часов вечера направился в д. № 15 по Малой Дворянской улице к Бельковскому и Цезаревой. В 10 ч. в одной из комнат квартиры, занимаемой Бельковским, не было огня, но наблюдению удалось увидеть с улицы, как одна из присутствовавших там женщин перешла освещенный зал и заглянула в темную комнату, и вскоре побежала в ту комнату, где сидели мужчины. После этого было видно, как Распутин, услышав, повидимому, тревогу, выбежал из темной комнаты, в передней схватил свою шляпу, пальто и, не одеваясь, выбежал на улицу, а в нескольких шагах бежали за ним двое мужчин. Последние только выбежали на улицу и один сказал: «Вот он бежит», и затем оба вернулись в дом. Распутин же на ходу вскопчил на извозчика и стоя ехал до Литейного проспекта, все время озираясь, не гонятся ли за ним, а потом остановился среди улицы, пропустил мимо себя всех ехавших за ним и, успокоившись, возвратился домой.

¹) Джанумова, Анна — Елена Францевна, 35 лет, жена моск. купца, поклонница Распутина; Петрогр. адрес: Мойка, 60 (гост. «Россия»).

²) Мартиан, игумен Тюменского монастыря, закадычный друг Распутина.

³) Варнава, епископ Тобольский, друг и ставленник Распутина.

⁴) Обер - прокурор свят. синода, Саблер.

⁵) Рубинштейн, Дмитрий Леонович, 39 лет, кандидат юридич. наук, банковский делец, крупный аферист; адр.: Царицынская ул., 5.

⁶) Баронесса Кусова, Вера Илларионовна, жена ротмистра, поклонница Распутина; адр.: Захарьевская, 5.

18 мая. Распутин просил инженер Мендель Нейман¹⁾ устроить высочайшее помилование от 8-месячного сидения в крепости, осужденного за укрывательство или подкуп от воинской повинности. Посредником при передаче прошения Распутину был Поган.

19 мая. Распутин сказал Нейману, что прошение передано «самому». Длин²⁾, она же Долгина, просила Распутина устроить переход в русское подданство кушца Мандль³⁾.

26 мая. Распутин вместе с проституткой Трегубовой приехал на моторе купца Мануса⁴⁾ домой пьяный. Страстно целовал Трегубову при прощании и трепал по щеке, а затем жену швейцара посылал за портнихой «Катей», в том же доме, квартира № 31, но ее не было дома.

1 июня. Распутин послал телеграммы: в Покровское, Новых⁵⁾, «Скорблю, рыдаю, домой. У Аннушки⁶⁾ горе, будет операция, пока не отпускают. Как у вас дела, полуюю, и туда-же Шестакову (начальнику почтово-телеграфной конторы). «Дай им две тысячи своих, через три недели привезу».

2 июня. Распутин в 10 часов вечера приехал домой пьяный с Манусом и Кузьминским⁷⁾ и, не заходя в квартиру, послал жену швейцара за массажисткой Утиной, живущей там же, но дома ее не оказалось. Тогда он сам отправился в тот же дом в квартиру № 31 к портнихе Кате. Повидимому, его не пустили в квартиру, так как он вскоре вернулся и на лестнице стал приставать к жене швейцара, просил его поцеловать. Та, зарывшись, позвонила к нему в квартиру и приедуга его, Дуня, увела Распутина домой.

4 июня. Добровольский⁸⁾ привез Распутину корзину вина, а потом эту корзину с вином отвезли в д. № 18 по Садовой ул. к Филиппову.

15 июня. Распутин выехал в село Покровское.

19 июня. В Тюмени Распутин остановился на сутки в мужском монастыре у своего друга, настоятеля этого монастыря, Мартяна. В тот же день был дан Мартяном обед, на котором присутствовали и светские лица с женами. После обеда Распутин был заметно выпивши. Но едоман о, Мартяна, Распутин один выпил около 2-х четвертей монастырского вина.

26 июня. Распутин с Мартяном, Настушиной и Дуней, имея сверток со своими бутылками и полведра вина, на монастырских лошадях поехали к проживающему в Тюмени Странчеву, где пробыли 40 минут.

24 июня. У Распутина в своем доме в селе Покровском были гости, и он, выпивши, заиграл граммофон, пилвал и пелвзно подпевал. В тот же день рассказывает своим поклонникам, как он освободил от наказания приста человека бангнетов и с каждого должен был получить по тысяче рублей, но получил всего лишь пять тысяч. А когда последний раз был у госу тари, то отстоял от призыва ратников ополчения 2-го разряда до осени, т.-е. до окончания уборки хлеба.

Через с. Покровское проезжал тобольский губернатор. Во время остановки перехода Распутин захотел и просил губернатора сложить штраф в размере 50 рублей, назначенный на крестьянина с. Покровского за постройку дома на неуказанном месте.

25 июня. Во время прогулки по саду Распутин рассказывал агентам, что его любил три министра: Горемыкин, князь Шаховской и третьего не договорил, и что

1) Николай Мендель, Еммануил Инькович инженер-технолог; адр.: Садовая, 9.

2) Длин, она же Долгина, Ефросинья Михайловна, 27 л., Новгородская мещанка, греш. с.р.р.а. адр.: Антонова, 41.

3) Мандль, Ираидин Москович, купец, торг. готовым платьем, пострадавший при переотчислом антиинициальном погроме в начале войны.

4) Манус, Николай Петрович, Петрор 4-й степени купец, крупный банкир, адр.: Садовая, 30.

5) Манус - жена фамилии Распутина. Телеграмма адресована им жене.

6) Анна Голубова, сидела на жод. горюхе полх. Часть ступни ей ампутирована.

7) Кузьминский, Василий Александрович, старик, лейтенант царя, феловек, экипажа, адр.: Садовая, 28 л., поклонница Распутина, адр.: Торговая 4, д. 34.

8) Добровольский, Иван Иванович, 48 л., полк. сов., инспектор вар. училищ Нарко-мисстерства, адр.: Садовая, 29 л., поклонница Распутина, адр.: Пушкинская, 17, д. 5.

великий князь Николай Николаевич ему хорошо знаком и что в 1905 году великий князь дал бы России конституцию, но еще было рано.

26 июня. В с. Покровское, к соседке Распутина, Наталье, пришла какая-то женщина и расспрашивала про него, а затем просила переночевать у нее, но та не позволила ей, а утром, придя, рассказала все это Распутину. Последний сейчас же послал десятегского некая эту женщину по селу, но не нашел. Распутин очень струсил и долго припомнил Царицынских знакомых женщин.

27 июня. Распутин получил телеграмму из Царского Села от Вырубовой: «Чувствуется горе, скучаю, писала, благослови. Анна».

29 июня. Послал телеграмму Вырубовой. Содержание неизвестно.

30 июня. К Распутину приехали в экипаже из Тюмени епископ тобольский Варшава и настоятель мужского монастыря о. Мартин. Последний привез два полувердерных боченка вина.

1 июля. К Распутину из Тюмени на пароходе приехал неизвестный еврей, по видимому, какой-то промышленник, проживающий в Перми. Пробыл 40 минут.

4 июля. К Распутину приехал опять о. Мартин и в тот же день на пароходе с женой Распутина и Душей уехал в Тюмень.

5 июля. Распутин выходил на пристань встречать какую-то прибывшую из Тюмени женщину и говорил с ней 20 минут. Женщина поехала за Тобольск. В тот же день к нему приехали еще две женщины, живущие в Тюмени, как видно, первый раз.

Послал две телеграммы: Царское Село, Вырубовой — «Как здорова, целую», и Петроград, Пушкинская, 17 Добровольскому — «Скажи, кто третьего выехал».

7 июля. Приходил из села Коврижки дьякон и целовал Распутину руку. В 8 часов 10 минут вечера из Петрограда приехала Елизавета Петровна Соловьева¹⁾ и с нею из Тюмени жена Распутина и Душа.

9 июля. К Распутину пришел вновь назначенный в с. Покровское священник отец Сергей и целовал у Распутина руку. В 8 часов вечера Распутин вышел из дома с красным лицом, повидавшему, выпивши, и с ним Соловьева. Сели в экипаж и вдвоем поехали далеко за деревни в лес. Через час вернулись, при чем он был очень бледный.

11 июля. К Распутину из Ялutorовска приехала Патушинская, жена офицера. Минут через 10 вышли из дома Соловьева и Патушинская, обхватив Распутина с обеих сторон, а он их, при чем Патушинскую взял рукою за нижнюю часть туловища. В продолжение дня играли на граммофоне, и он был очень весел, пил вино и пиво.

12 июля. Соловьеву вызвал муж телеграммой в Петроград. Распутин, обхватившись с Патушинской, гулял в своем дворе и был очень весел.

13 июля. Распутин после купанья пошел к жене псаломщика Ермолая, которая ожидала его у своего окна и пробыл у нее полчаса. Бывает у нее почти ежедневно с интимными целями.

Натушинская уехала в Ялutorовск по вызову мужа, при чем при отъезде целовала Распутина в губы, нос, щеки, бороду и руки со сладострастием.

14 июля. Распутин уехал в Тобольск к Варшаве. Агентов с собой не взял.

15 июля. К Распутину из Петрограда приехал Добровольский с Авчуховой (ныне его жена).

17 июля. Распутин вернулся из Тобольска. Добровольская после завтрака играла на пианино и пела песни все хором. Распутин много хлопал в ладоши и пританцовывал ногами, а потом ходил, обнявшись с Добровольской, не стыдясь своих дочерей. Затем отправились в поле, пели песни, бегали и Распутин играл в мяч.

20 июля. Распутин и Добровольский с женой были в том же седе в гостях у Арапова. Вышел отсюда Распутин выпившим и зашел к жене псаломщика Ермолая. В 5 часов 40 минут дня Распутин, вернувшись домой, хотел опять идти на улицу, но Душа просила не ходить. Послал ее «к чорту», нынчай ходил прямо, не разбирая грязи. Во время прогулки Распутин разговаривал относительно войны. «Прошлый год, когда я лежал в больнице и слышно было, что скоро будет война, я просил государя не воевать и по этому случаю передал ему штук 20 те-

¹⁾ Соловьева, Елизавета Петровна, 30 л., жена действ. ст. сов., крупн. чиновника свят. синода, поклонница Распутина.

деграмм, из коих одну послал очень серьезную, за которую, якобы, хотели меня предать суду. Доложили об этом государю, и он ответил, что это «наши домашние дела и суду не подлежат». Затем Распутин вел разговор относительно призывного в с. Покровское священника о. Сергея. Разговор возник из-за того, что в с. Покровском 20 июня был крестьян ход, затем молебен с водосвятием, для каковой цели поставлены были четыре ведра с водой. Священник, увидев 4 ведра, заявил, что через раз два молебен он «служить не будет, порохом для каждого ведра. Тут напались смельчаки из молящихся и объяснили ему, что достаточно и одного молебна на все четыре ведра сразу. По окончании молебна священник не хотел дать приложиться к кресту, а заявил, что это будет в церкви после обедни, на что молящиеся запротестовали, и священник вынужден был согласиться и дал им приложиться. Священник этот совсем не знает богослужения и есть слух, что он происходит из московских кушцов и прислан сюда по рекомендации редактора журнала «Долодок», Скворцова. В заключение Распутин сказал, «не знаю, что делать с о. Сергием».

Распутин получает много писем и телеграмм и сам много отправляет, но агентом перестал давать относить их на почту.

21 июня. Распутин, Добровольский с женой, дяком Ермолай с женой и две дочери Распутина на пароходе отправились до Тюмени, а оттуда в Ялуторовск к Патушинским. Во время пути Добровольская играла на пианино.

22 июня. В Ялуторовске на вокзал приехала встречать Патушинская на паре собственных лошадей, послала с собой Распутина, а остальных расселили на извозниках и отправились в квартиру к Патушинским, где их встретил сам Патушинский. В 8 ч. вечера Патушинская, Добровольский с женой и дочери Распутина гуляли по улице. Около 10 часов вечера повидимому, это было условлено заранее Распутин вырыгнул в окно на двор на террасу, а Патушинская вышла в заднюю дверь и затем через окно на двор и в тот же момент подала рукой знак Распутину и вместе удалились в темноту.

23 июня. Добровольский с женой уехали в Петроград. В 12 часов дня Распутин с дочерьми и Патушинской пошли в лес за городом, но через полчаса вернулись. Дочери жили в дом, а Распутин с Патушинской пошли в нежилой дом в саду и через 20 минут отсюда вернулись. По словам присутств Патушинских, в том доме когда-то жили князья - декабристы.

24 июня. Распутин с дочерьми уехал от Патушинских в Тюмень и там, оставив дочерей на пристани, сам отправился к настоятелю Мартяну. Через два с половиной часа Распутин вышел вместе с Мартяном, неся корзину, повидимому, с вином и один отправился на пристань и уехал с дочерьми в с. Покровское.

27 июня. Распутин с сыном на лошадях отправились в Тюмень, а отсюда по железной дороге в Петроград. Во время пути на одной из станций обедал с одной тарелки с сыном и руками брал из этой тарелки кашу и клал себе в ложку.

31 июня. В 10 с половиной часов утра прибыл в Петроград. На вокзале встречал екатеринский советник Николай Васильевич Соловьев, жена которого приезжала в с. Покровское. Сели на извозника и поехали к Соловьеву на Гороховую, 69.

2 авг. Распутин послал из Петрограда телеграммы: 1. в Ялуторовск, Патушинским, «Скоро увидимся, поеду», и 2. в Покровское, Тобольской губ. Новых, «Скоро будем, поеду».

5 авг. Распутин выехал обратно в Покровское. На вокзале провожали: Татьяна Шаховская¹⁾, баронесса Кусова, Миллер, Добровольский с женой, а Вьюркова и фон Нистендальс²⁾ на их моторе привезли его на вокзал, но из мотора не выехали.

В пути Распутин познакомился с тремя неизвестными дамами, которых и впоследствии провожал из ст. Камышлов. Тут же на платформе произошла с ними, а дам этот стрелок ишиб и обер-офицеру, которым дама и поклажи Распутина. В разговоре между ними был слышан расказ о покушении на жизнь Распутина Гусовой, а затем что-то такое про болячку. Выходили расказали дам, по полковник сидел в обер-офицеру: «Видите ли, если бы они проезжали еще одну стан-

¹⁾ Екатерина Шаховская, Татьяна Фёдоровна, 26 лет, покровница Распутина, адрес: Москва, извозы, Лавская, 44.

²⁾ Фел. Пастельер, Александра Артемьевна, 25 лет, жена поручика запаса, сестра-мать двоих детей, сестра А. А. Вьюрковой, дочь сенатора Тинкова, покровница Распутина.

цию, то, наконец, потеряла бы мать дочку или же наоборот. По всему видно, что этот субъект имеет гипноз в глазах».

Не доезжая до станции Буй, Распутин перешел в вагон, где сидели агенты, его сопровождавшие, и начал с ними разговор с войны, что война идет у нас очень плохо и в Петрограде скоро будет большая перемена. «Соловьев получил большую неприятность от Самарина за то, что 31 июля он на вокзале в Петрограде встретил меня, но Самарин долго обер-прокурором синода не будет». А сам Распутин пристально смотрел на агентов и сказал: «Не вы ли довели о встрече меня Соловьевым?». Агенты ему ответили: «Это не наше дело». «Кто же это мог донести? По поводу этого доноса меня спрашивал император и говорил, — может, сыщики довели на Соловьева. На это я ответил царю. «Не знаю, может, и они. Вот я еду домой и сам не знаю, надолго ли, может, на одну неделю, а может, и на больше, как там дела». В заключение Распутин сказал, что был у царя два раза. Он ему предлагал отдельный вагон для поездки на родину, но «я от этого отказался». Однажды я возвращался из Царского Села в Петроград, около 12 часов ночи «видал, как прятался от меня за подъемную машину сыщик». Жаль мне его стало, а если бы узнал, кто он такой, то плохо бы ему было».

9 авг. В Тюмени Распутин, выйдя из монастыря от настоятеля Мартiana, отправился на пароходную пристань, где и занял отдельную каюту и в 11 часов утра отбыл в с. Покровское. Около часу дня Распутин вышел из каюты пьяный и пошел к солдатам, едущим на том же пароходе из Тюмени в Тобольск (солдаты были местной конвойной команды в числе 10 человек), и вступил с ними в разговор, а затем дал им на чай 25 рублей и заставил их петь песни. Прослушав несколько песен, удалился в свою каюту и, вернувшись через несколько минут обратно, дал солдатам еще сто рублей. Пенье песен усилилось и в хоре участвовал и сам Распутин. Пенье продолжалось около часу, после чего Распутин забрал всех солдат и повел во 2-й класс, разместил их за столами и был намерен угостить их обедом, но капитан парохода не разрешил присутствовать нижним чинам во втором классе и приказал им удалиться. Спустя некоторое время Распутин опять явился к солдатам, поставил их в кружок, сам стал посередине и все пел хором, при чем пеньем руководил Распутин и был в очень веселом настроении. Дав солдатам еще 25 рублей, приказал за них обед стоимостью в 15 рублей, а затем удалился в свою каюту. Через несколько минут было слышно, как он заявил о пропаже у него трех тысяч рублей, после чего опять ушел в каюту и минут через 20 вышел из нее пьянее прежнего, зашел в третий класс и там поссорился с неким Разумовским (из Тюмени). Последний хотел отколотить Распутина, но дело прошло миром. Затем там же Распутин поссорился тоже с тюменским купцом Михалевым. Ссора началась с разговора о вызывающих действиях тобольского епископа Варнавы, а затем Михалев плюнул и ушел. Распутин после этого встретил официанта парохода, обзавал его «жуликом» и сказал, что это он украл у него три тысячи рублей. Официант, попросив некоторых пассажиров быть свидетелями по данному делу, обратился с жалобой к капитану парохода. Капитан ответил, что «приедем в Тобольск и там составим полицейский протокол». После этого инцидента Распутин опять удалился в каюту и у открытого окна, положив голову на столик, что-то долго про себя бормотал, а публика им любовалась. Из публики было слышно: «Распутин, вечная память тебе, как святому человеку». Другие говорили: «Надо его обрить, или машинкой бороду сбрить». По просьбе агентов окно в каюте было закрыто. Часа за два до прибытия парохода в с. Покровское, Распутин со столика свалился на пол и лежал на полу пьяный до самого прихода парохода в с. Покровское.

В 8 час. вечера прибыли в с. Покровское. Агенты попросили капитана парохода дать им двух человек помочь вывезти Распутина с парохода на берег, и они четверым вытащили его, мертвенки пьяного. Встретать его приехали проживающие в с. Покровском Распопов, две дочери Распутина — Дуля и Катя. Завалили его на телегу и повели домой.

10 авг. В 10 часов утра Распутин вышел из дому на двор и спрашивал агентов относительно вчерашних происшествий, все время ахая и удивляясь, что скоро так напился, тогда как выпил всего три бутылки вина, и добавлял: «Ах, парень, как нехорошо вышло». В этом разговоре он между прочим сказал, что «Джунковского со службы уволили, а теперь он, быть может, будет думать, что уволили его через меня, а я его не знаю, кто он такой». Еще говорил, что «я ва-

шего губернатора скоро уволят». Агенты спросили: «Какого? графа Адлерберга?» «Нет, я не знаю, как его зовут», а затем начал говорить о чем-то другом.

11 авг. В Покровское приехал из Тобольска Варнава и в тот же день уехал в Тюмень.

15 авг. В Покровское приехал Мартнан.

18 авг. В с. Покровское из Тобольска приехал Августин¹⁾ и в тот же день уехал в Тюмень. Приехала к Распутину и Патушинская.

19 авг. Распутин отправился к дьякону Ермолаю, который по приходе Распутина тотчас же ушел в церковь, а Распутин пробыл у его жены целый час. Из села Покровского священник о. Николай ездил в Тобольск к Варнаве и привез оттуда Распутину новость, переданную ему Варнавой, что губернатор Распутина за пьянство и пристаивание хотел арестовать административным порядком на три месяца, но епископ Варнава защитил. Во время передачи всего этого отцом Николаем, Распутин плюнул и сказал: «Что мне губернатор-то?»

6 сент. Во время прогулки Распутин между разговорами сказал сопровождавшим агентам: «Да, парень, душа очень скорбит, от скорби даже оглох. Бывает на душе два часа хорошо, а потом печально». Агенты спросили его: «Почему это у вас так?» «Да потому, парень, печально творится в стране, да проклятые газеты пишут обо мне, сильно меня раздражают, придется судиться».

9 сент. Когда Распутин находился в гостях у брата своего Николая Распутин и тут же было несколько других лиц, пришел туда же отец Распутина и начал ругать сына Григория самыми скверными словами. Распутин, как бешеный, встал из-за стола, вытолкнул отца во двор, есалил его на землю и давал его бить кулаками. Отец кричал: «Не бей, подлец!» Пришлось их силой расталкивать. После осмотра у отца оказался подбитый глаз с огромным кровоизлиянием, так что закрыло весь глаз. Оправившись, старик стал еще пуще ругать сына, грози ему расказывать всем, что он ничего не знает, а «только знает Дуню (прислугу) держать за милые части». После этого пришлось Распутину силой удерживать от вторичного нападения на отца. Оба они были пьяны.

В этот день Распутин послал две телеграммы, одну в Царское Село, а другую в царскую ставку.

Распутин сына своего Дмитрия, как ратника 2-го разряда, призванного на действительную службу, повез в Тюмень, куда в тот же день приехала из Ялуторовска и жена штаб-капитана Патушинская, которая и устроила сына Распутина в 7-ую роту местных войск. В Тюмени Распутин, его сын, жена Распутина и Патушинская остановились в мужском монастыре у настоятеля Мартяна. По городу Тюмени Распутин, как видно, бегает ходить и в разговоре агенту Терехову сказал, что «хотел в Тюмени у меня знакомства много, но ходить время нет, а между тем сидит целый день в монастырской ограде, ничего не делает.

Распутин ходит боком. Как видно, во время драки с отцом зашиб бок.

12 сент. Распутин говорил агенту, что хочется выехать в Петроград, но его не вызывает Вырубова.

19 сент. Распутин получил письмо, помеченное 16 сентября, писанное на машинке: «Григорий, наше отечество разрушается, хотят заключить позорный мир. Так как ты подученный из царской ставки шифровкой телеграммы, значит, имеешь большое влияние. Потому мы, выборные, просим тебя сделать, чтобы министерства были ответственными перед народом, чтобы Государственная Дума была собрана к 23 сентября сего года для спасения нашего отечества, и если ты этого не исполнишь, то тебя убьют, пощады не будет, — ругай у нас не дрогнет, как у Гусовой. Где бы ты ни был, это будет выполнено. На нас, десять человек, нам дерзнуть».

24 сент. Распутин выехал из села Покровского в Петроград, куда и прибыл 28 сентября.

31 сент. Распутин послал телеграмму Варнаве: «Убери интона, плати по 15 рублей дежурную босякину Ивану Хлопону и загляди через просит тебя извиниться, что надо, все сделано».

14 окт. Распутин вернулся домой в час ночи совершенно пьяный, на лестнице кричал из помещений, что она, интона, была в 25 рублей выкуп с какого-то ми-

¹⁾ Архимандрит Августин

нистра, и добавил: «Меня хотели похоронить, но теперь самого раньше похоронили».

22 окт. К Распутину около 8 часов вечера пришла неизвестная дама, которая через 10 минут вышла очень взволнованная. Ее на лестнице догнала прислуга и сказала: «Просит вас с ним поговорить, а то ему скучно». Дама сначала, смутясь, отказывалась вернуться, говорила, что зайдет завтра, а то ему сегодня нездоровится. Но потом согласилась и вернулась. До позднего времени выхода ее не было.

24 окт. Распутин послал телеграмму: «Екатеринбург, епископу Серафиму. Извинюсь за беспокойство, успех мой не совершился, каждый своего тянет. Григорий».

28 окт. Распутин дал письмо Белянину к товарищу министра юстиции, Веревкину, по Веревкин письма этого не принял, сказав, что «дело не мое, а высшего начальства». Тогда Распутин обещал ему содействие через Вырубову. Белянин хлопотал о пересмотре своего дела относительно пожара в его магазине, во Владивостоке.

31 окт. Распутину на квартиру привезли на прокат пианино.

3 ноября. К Распутину пришла неизвестная женщина, которая хлопочет о своем муже прапорщике, лежащем в одном из лазаретов, чтобы его оставить в Петрограде. Выйдя от Распутина, начала рассказывать швейцарихе, что какой-то странный он человек, и описала, как он ее принимал. «Впустила меня в квартиру какая-то девочка и провела в комнату, потом вышел ко мне Распутин (первый раз его вижу) и сказал: раздевайся, пойдем сюда. Я разделась, пошла с ним в комнату, первую от дверей, налево. Он мало слушал мою просьбу, а стал хватать руками за лицо, потом за груди и говорит: «поцелуй меня, я тебя полюбил». А потом написал какую-то записку и снова стал приставать: «поцелуй, поцелуй, я тебя полюбил». Этой записки не дал, сказав, что — «я на тебя сердит, приходи завтра». Агент Терехов спросил эту даму, намерена ли она зайти завтра, но последняя ответила: «Нет, потому что к нему идти, то надо дать задаток, какой он хочет, а я не могу этого сделать, потому и не пойду».

5—6 ноября. Распутин на моторе уехал в Царское Село и вернулся 6-го числа в 10 часов 50 минут утра на моторе вместе с Вырубовой. Выйдя из мотора, Распутин перекрестил Вырубову, и та уехала.

Распутин вместе с Боберманом¹⁾ уехали на моторе и вернулись через 5 часов, при чем Распутин был выпивши и при прощании очень целовался с Боберманом. Когда шел в квартиру, то спросил: «Кто у меня есть?» Ему сказали, что две дамы. «Красивы ли они?» Ему сказали: «Да, очень красивы». «Ну, хорошо, мне такие и нужны». Около 7 часов вечера вышел из дома, еще не проспавшись, дал швейцарихе 10 рублей и что-то бормотал непонятное, стуча палкой.

10 ноября. Распутин послал агента Свистунова с письмом к господину министру внутренних дел.

14 ноября. Распутин пришел домой с Татьяной Шаховской очень пьяный и вместе сейчас же ушли. Вернулся домой в два часа ночи совершенно пьяный.

15 ноября. Секретарь Распутина, Симанович, принес корзину и сказал, что тут шесть бутылок мадеры, икра и сыр.

21 ноября. Распутин вернулся к себе домой, неся две бутылки вина.

22 ноября. Распутин вернулся домой в 8 часов утра, после отсутствия со вчерашнего дня.

23 ноября. Уйдя вчера вечером, Распутин вернулся сегодня в 5 часов утра, совершенно пьяный.

24 ноября. Пришла неизвестная дама и спрашивала у швейцарихи, когда Распутин ездит в Царское Село, когда и куда он ходит в церковь. Когда швейцариха предложила ей зайти к нему, то она отказалась, сказав, что она увидит его в Царском Селе в церкви, и добавила, что ее дочь, якобы, училась с дочерьми Распутина. Увидев на лестнице агентов, неизвестная спросила швейцариху, кто это, и, получив ответ, что — агенты, просила об этом не говорить им.

¹⁾ Боберман, Абрам Моисевич, 49 л., Самарский 1-й гильдии кунец; Петрогр. адрес: Михайловская, 1—7 (Европ. гост.).

25 ноября. Распутин вернулся в 5 часов утра. В ночь с 25-го на 26-е у Распутиня почевала артистка Барварова¹⁾.

29 ноября. Распутин вернулся домой в 7 часов утра.

1 дек. Распутин послал телеграмму: «Москва, М. Дмитровка, 3. Миклашевской. Почему Корзинкина не едет по делу».

Распутин с Долгорукой²⁾ приехал на моторе к ней в гостиницу «Астория» в три с половиной часа ночи и остался у нее до утра.

3 дек. Распутин ушел из квартиры с Филипповым³⁾ и вернулся пьяный. Вскоре после его возвращения пришла в первый раз Лейкарт⁴⁾, урожденная Мордвинова, просить за мужа. Распутин предложил ей поцеловать его, но та отказалась и ушла, а потом пришла содержанка сенатора Мамонтова — Воскобойникова⁵⁾, которой Распутин предложил зайти к нему в час ночи.

5 дек. Распутин вернулся домой в три часа ночи пьяный.

7 дек. Распутин вернулся домой в пять часов утра, довольно пьян.

8 дек. К Распутину на моторе приехал Рубанович и вместе отправились в ресторан «Донон» (Мойка, 24), а отсюда послали шофера в гостиницу «Россия» и тот привез оттуда в ресторан «Донон» Джанумову⁶⁾ и Филиппову⁷⁾. После обеда Распутин поехал с этими дамами в гостиницу «Россия», где они прожилают.

12 дек. Распутин вернулся домой в 9 час. 50 мин. утра вместе с Барваровой, по словам извозчика, с Алексеевой улицы. Вероятно, почевал у Барваровой.

14 дек. Около двух часов ночи с 13 на 14 декабря Распутин вышел из д. № 11 по Фурштадтской ул., от Свечинной⁸⁾, вместе с женой потомственного почетного гражданина, Марией Марковной Яенинской, 28 лет, продавающего в № 104 по Мойке, и на моторе отправились в Новую Деревню, в ресторан «Вилла Рода», куда за поздним временем их не пустили. Тогда Распутин стал бить в двери и рвать звонки, а стоящему на посту городному дал 5 рублей, чтобы не мешал ему бузить. Отсюда Распутин вместе со своей спутницей поехали в д. № 49 по 1-й линии к Новой Деревне, в цыганский хор Масальского, где пробыли до 10 часов утра, а потом, сильно подвыпившие, поехали на квартиру к Яенинской, где Распутин пробыл до 12 часов дня и отсюда вернулся домой. На ночь ездил в Царское Село.

15 дек. Распутин с подполковником Езерским⁹⁾, Барваровой и двумя неизвестными женщинами отправились на моторе в ресторан «Вилла Рода» и в 2 часа ночи наблюдением были там оставлены.

17 дек. Княгиня Долгорукая привела мотор за Распутиним, который и привез его в гостиницу «Астория», где зашел отдельный кабинет. Туда же вскоре явился бывший Петроградский градоначальник генерал Клейгельс и вместе пробыл около 2 часов.

19 дек. Распутин с неизвестным чиновником и дамой вышли из квартиры около часу ночи, а вернулся Распутин домой один в 6 час. утра.

20 дек. Распутин вместе с секретарем митрополита Питирима, бывшим архивариусом канцелярии митрополита Грузии, Иваном Зиновьевичем Осипенко, в моторе отправились в д. № 26-а, кв. 10, по Песочной ул., к потомственному почетному гражданину Андрею Ипполитовичу Книризе, 28 лет (е женой не живет). Сюда же были привезены из ресторана «Вилла Рода» 2 корзины вина и был приглашен хор цыган. Около 2 часов ночи видно было в окне, как Распутин танцевал. В эту ночь Распутин вернулся домой около 7 часов утра в сопровождении двух неизвестных мужчин, мерявших шагай.

¹⁾ Барварова, Вера Карловна, 26 л., меццанка бар. Николаева, артистка, содержанка подполков. Н. С. Езерского; адр.: Алексеевская, 10, кв. 10.

²⁾ Княгиня Долгорукая, Стефания Семеновна, 48 лет, жена камер-юнкера высочайшего двора адр. Морская, 49/12 (гост. «Астория»).

³⁾ Долгорукий, Ольга Александровна, 28 лет, урожденная Мордвинова, жена потомст. дворянина; адр. 1. Пушкинская, 14.

⁴⁾ Лейкарт, Наталья Ивановна, 32 лет, жена под. заслуж. содержанка сенатора К. Н. Мамонтова; адр. Михайловская ул., 1—7 (Европ. гост.).

⁵⁾ Воскобойникова, Мария Федоровна, 29 л., жена пот. поч. гражд., подруга Джанумовой; адр. Мамонтова Распутина.

⁶⁾ Джанумова, Елена Павловна Книришская, 30 лет, жена подполк. генер. штаба.

⁷⁾ Филиппов, Николай Семенович, подполк. 31 пех. Смоленской дружины, содержатель Барваровой бар. Алексеевская, 10, кв. 10.

24 дек. В 7 часов вечера к Распутину пришел секретарь митрополита Питирима, П. З. Осипенко, а спустя минут 50 на прокатном моторе к Распутину приехали: княгиня Татьяна Федоровна Шаховская, жена поручика Александра Александровича фон-Штотлькорне и неизвестный офицер, при чем из мотора вышла только одна Шаховская и минут через 10 вывела с собою из квартиры Распутина и Осипенко, которые сели в тот же мотор и все пятеро отправились, повидимому, в Александро-Невскую лавру. В 8 час. 15 мин. вечера на квартиру Распутина на собственном моторе приехала графиня Ольга Эриковна Крейц, проживающая в д. № 29 по Адмиралтейскому каналу, и с нею вместе приехала и дочь действ. ст. сов., Марья Евгеньевна Головина. Последняя зашла в квартиру Распутин и вскоре вышла с крестянкой Акулиной Никитишной Лаптинской¹⁾, сели в мотор и отправились в Александро-Невскую лавру, в собор, где уже находился Распутин, но ни офицера, ни приехавших с ним дам в соборе наблюдение не видело. После богослужения, в 10 часов вечера, Распутин вместе с Осипенко вышли из собора и направились в покои митрополита Питирима, откуда выхода их наблюдение не дождалось. Две же дамы (кто именно — наблюдение сказать не может, так как хорошо их не видело) направились к отдельному зданию с правой стороны собора, после чего их наблюдение не видело.

Вернулся Распутин домой 25 декабря в 9 часов утра.

1916 год.

1 янв. У Распутина были гости до 4 ч. ночи, пели песни.

2 янв. Распутин в час ночи пришел домой пьяный, а в 2 часа ночи к нему пришел неизвестный офицер с дамой и вскоре сюда же пришла Базилевская. Пробыли они до 4 часов ночи.

4 янв. Распутин вернулся домой с Осипенко около 12 час. ночи. Осипенко сейчас же ушел. В час ночи к Распутину пришла потомственная дворянка, содержательница частной женской гимназии, Елена Порфирьевна Турович²⁾, и пробыла около часу.

5 янв. Распутин, Осипенко, Дуля и Миллер на извозчиках отправились на квартиру к Миллер (Липовка, 45), и сюда же, было видно, привезли корзину вина. Домой Распутин вернулся в 2 часа 30 мин. ночи пьяный.

6 янв. Распутин дома напился пьяным принесенными ему неизвестным мужчиной двумя бутылками вина и пел песни. В 8 час. вечера вышел из дома уже проспавшись и вместе с Осипенко и Евгенией Шаховской³⁾ на одном извозчике поехали в дом № 15 по Троицкой улице к князю Андроникову, откуда вернулся домой вместе с Осипенко в 3 часа ночи. Осипенко сейчас же ушел.

8 янв. Распутин посетил д. № 6 по Гагаринской ул. (Нордман)⁴⁾, откуда вернулся домой около трех часов ночи вместе с двумя дамами. Последние, побыв у него около двух часов, ушли.

9 янв. Распутину на именины Гинсбург прислал 10 бутылок шампанского, кто-то прислал диван, две дюжины стульев, много разных подарков и корзин с разными винами и закусками.

10 янв. Клионовский⁵⁾ принес Распутину десять бутылок вина. Турович⁶⁾ привез корзину вина. Гиль⁷⁾ в ночь с 10 на 11 января почевала у Распутина. В этот же день (именины Распутина) его посещали много лиц и приносили много

¹⁾ Акулина Лаптинская, жр. Могил. губ. Городецк. у. Светошиной вол., 29 лет, поклонница Распутина, проживала сначала по Каменостр. пр., д. 24-а, а затем переехала на квартиру Распутина на Гороховую, 64.

²⁾ Жена Станисл. Людвиг. Туровича, 29 л., чиновника, причисл. к канцелярии Упр. Земл. и Земл., потомств. дворянина; адр.: Петрогр. стор., Больш. пр., 32.

³⁾ Княгиня Евгения Михайловна Шаховская, 25 лет, жена гражд. - инженера, поклонница Распутина; адр.: Басков пер., 18, затем Николаевская, 12.

⁴⁾ Нордман, Федор Борисович, 56 л., ст. сов., старш. делопроизв. капитула ямцедаторских орденов; Евгения Оскаровна Н-ман, его жена, 41 года.

⁵⁾ Клионовский, Даниил Корнилович, ст. сов.; адр.: Офицерская, 57.

⁶⁾ Турович, Станислав Людвигович, 29 л., потомств. дворянин, чиновник канц. Упр. З. и З.; адр.: Петрогр. стор., Больш. пр., 32.

⁷⁾ Гиль, Мария Сергеевна, жена капитана 145 Новочеркасского полка, поклонница Распутина; адр.: Кронвержск. пр., 47/1.

подарков и несколько корзин с винами, играли на гармонике, гитаре, балалайке, танцевали и пели песни, а потом, позднее, молитвы и «многие лета». Гости от Распутина разошлись в 2 часа ночи.

11 янв. Распутин говорил по телефону в Царское Село из квартиры Соловьевых. (Свой телефон был испорчен).

13 янв. Распутин, Иванская, неизвестный офицер и две дамы были в доме № 63 по Тигровской ул. у вдовы ст. сов. Александры Романовны Митинской, от 2 час. до 5 с половиной часов дня. Распутин с тем же офицером и Иванникой вернулись к себе на квартиру, а затем Иванникой вышла вместе с офицером, будучи наевшей и одетой в поддевку Распутина, и вместе уехали.

Распутин послал телеграмму в Царское Село Вырубовой следующего содержания: «Сам Бог его неведует в радости истинной, пусть правда на детях моих во-век, не пришло время видеть воочию».

На моторе, приданном Боберманом, Распутин уехал в «Европейскую гостиницу». Здесь была, повидому, пирушка, на которой, кроме него, присутствовали: Боберман, Коварский¹⁾, директор международного банка граф Татищев, прапорщик Хвостов и две какие-то дамы. До двух часов ночи выхода его отсюда наблюдение не видело.

14 янв. Распутин вернулся домой в 7 часов утра, совершенно пьяный в компании Осененко и неизвестного мужчины; разбил большое стекло в воротах дома, где живет, и заметна была опухоль около носа, повидому, где-нибудь упал. В 4 часа 30 мин. дня Распутин с Рубинштейном и двумя дамами уехал в Царское Село, а в 7 часов 41 минута вечера вернулся домой один, при чем во время пути обратился к агентам со словами: «Кто-то из вас передал кому-то, что будто бы и держал на коленях какую-то даму. Это нехорошо говорить. Вы ведь посылаетесь для охраны, а передаете другое».

Непременно, проживающий по той же лестнице, проходил мимо агентов, обратился к ним: «Вашего патрона скоро назначают в Царское Село ухаживать всеми лапами».

16 янв. Распутин передал проститутке Трегубовой какое-то письмо. По полученным немалым сведениям, в один из дней посещения квартиры фон-Нистодкоре (Морская, 50), прислуга подсмотрела, как Распутин, постыжив на колени супругов фон-Нистодкоре, что-то, стоя около них, бормотал.

17 янв. К Распутину в 12 час. ночи пришла неизвестная дама и пробыла до 3 часов ночи.

18 янв. Распутин вернулся домой в половине пятого часа утра, в компании двух мужчин и дамы, совершенно пьяный и на улице у дома, где живет, пел песни. Неизвестные, проводив его до квартиры, вскоре ушли, а Распутин все утро в квартире кричал. Каравья²⁾ и ее дочь Маймескул³⁾, выходя от Распутина, не принимавшего их, ругали его, называя шарашиным мушкетером и рассказывали, что когда-то были в ресторане «Вилла Родет», где Распутин выбежал в зал в одной рубашке и наделал этим не мало шума, за что будто бы ресторан этот закрыт. При разговоре добавляли, будто в Царском Селе появился какой-то молодой монах, который будет скоро ездить лучше, чем Распутин.

21 янв. Распутин вместе с Гаар⁴⁾ отправился в д. № 26-а, по Песочной ул., к Кирише, а отцу Распутина один — в д. № 36 по Базейной улице к артистке Орловой⁵⁾ (содержанке Мануйловой), где по собранным погластным путем первым сведениям были: Манасевич-Мануйлов⁶⁾ и господин председ. совета министров В. Штюрмер.

¹⁾ Коварский Осип Носович, 36 л., канд. юрид. наук; адр.: Михайловская, 100-7 (Эвроп. пост.).

²⁾ Каравья, София Афанасьевна, греческая подданная; адр.: Мещанская, 4.

³⁾ Маймескул, Мария Николаевна, 19 л., дочь Каравья, личн. почетн. гражданка, преданная слуга с матерью, затем Пушкинская, 15.

⁴⁾ Гаар, Мария Генриховна, швед. подд. гражданка, поклонница Распутина; адр.: Сибирская, 24.

⁵⁾ Орлова (она же Орлова), Екатерина Федоровна, 25 л., дочь ст. сов. артистка, содержанка Манасевича-Мануйлова.

⁶⁾ Манасевич-Мануйлов, Иван Федорович, отст. колл. ассессор, сотрудник глас. «Наше Время», бывшая шарашка, личный секретарь председателя совета министров В. Штюрмера; адр.: ул. Жуковского, 47.

22 янв. Вернулся Распутин домой в 5 часов утра вместе с Осипенко, неизвестным мужчиной и двумя женщинами, при чем был пьян.

23 янв. Неизвестный священник привез Распутину рыбы. Вечером Распутин оставлен в д. № 6 по Гагаринской улице у стат. сов. Федора Борисовича Нордман (старший делопроизводитель в капитуле орденов).

24 янв. Распутин вернулся домой со вчерашнего дня в 5 час. утра. В 5 час. 20 мин. вечера Распутин на моторе с Головиной и Добровольской поехали в церковь Спаса, что в Колтовской на Б. Спасской улице, где было совершено митрополитом Питиримом всенощное заупокойное богослужение в память умершего протоиерея - настоятеля этого храма, основавшего духовно - нравственные беседы.

26 янв. Распутин вернулся домой в 4 часа ночи с Осипенко и неизвестным мужчиной. В 11 часов 49 минут вечера на Царекосельский вокзал на моторе автомобильной роты приехал Осипенко и туда же вскоре пришел Добровольский, а отсюда, посадив в мотор приехавшего из Царского Села Распутина, уехали на квартиру Добровольского. Распутин вернулся домой на извозчике вместе с Добровольским в 5 час. утра.

29 янв. Посетительница Распутина, Татаринова¹⁾, выйдя от него рассказывала агентам, как Распутин обнимал и целовал какую - то молодую барышню, и говорила, что ей так было стыдно, что она из квартиры ушла и больше не пойдет. Распутин с Филипповым были в ресторане «Донон», а вечером вместе с Осипенко уехали в Александро - Невскую лавру.

30 янв. Распутин вернулся домой в 4 часа 30 мин. ночи выпивши, в сопровождении какого - то мужчины. Приехал из Москвы священник с Лубянской церкви и с ним неизвестный, за кого священник хлопочет через Распутина по какому - то делу. Неизвестный намеревался дать Распутину задаток (повидному, большой куш), но священник отсоветовал, сказав, что преждевременно. Священник просил Распутина самого съездить к г. товарищу министра внутренних дел, сенатору Белецкому, но он отказался, а написал письмо и передал им. После священник смеялся, как Распутин, писав письмо, выводил каракули. Вечером Распутин вместе с Гаар отправились к Книрше (Песочная ул., д. № 26-а), туда же приезжали еще несколько мужчин и женщин. Распутин в два часа ночи тут оставлен, а в 4 часа 30 мин. ночи приехал домой на моторе совершенно пьяный с неизвестным мужчиной и женщиной.

1 февр. Распутин вернулся домой в 4 часа ночи с мужчиной и двумя женщинами. Прибывший из Москвы священник в разговоре с агентом Тереховым сказал, что дело, о котором он хлопочет, затянулось, потому что оно передано Вырубовой, а последняя действует через дворцового коменданта, а тот находится в действующей армии. Распутин жаловался агентам, что его кто - то ругает по телефону, а станция ему номера не говорит.

2 февр. Распутин со вчерашнего дня вернулся домой в 9 час. 30 мин. утра. Добровольская на квартире у него играла на пианино и пела песни. Приехав домой в час ночи, Распутин сейчас же опять вышел и уехал на Офицерскую и домой вернулся только в 3 часа ночи.

3 февр. Распутин вернулся домой из Царского Села около 11 часов вечера, а в 12 час. уехал, но куда — неизвестно. В два часа ночи приехал домой на моторе с двумя мужчинами, которые в квартиру не заходили.

5 февр. Со вчерашнего дня Распутин вернулся домой в 10 час. 10 мин. утра пьяным. Со слов извозчика, привез он его с угла Офицерской и Алексеевской улиц. Каравья, выходя из квартиры Распутина, в разговоре с агентами сказала: «Хотя Распутин и падает духом, но обделывает большие делишки, так, например, Рубинштейн устроил что - то на 300 000 руб. и за это получил от него 50 000 руб.»; при этом добавила, что ей Распутин сказал, что ее дела он устроит через министра Шаховского, который любит Распутина больше, чем Вырубова. В час ночи Распутин вышел пьяным от Езерского, где было несколько неизвестных и Осипенко. Распутин с двумя мужчинами и дамой на моторе уехали на 10-ую Рождественскую ул., д. № 15, кв. 24, к помощнику прис. поверен. Моисею Шмуилову Двинову (справлял день своего рождения). Пробыли 25 минут, куда уехали неизвестно, но вернулся Распутин домой в 3 часа 30 мин. ночи.

¹⁾ Татаринова, Анна Михайловна, 44 л., жена полковника; адр. неизвестен.

7 февр. Боберман при входе в квартиру Распутина спрашивал, что с ним случилось, а когда выходил, то сказал, что здоров. Проживающий по той же лестнице Нейштайн, выходя, спросил: «Правда ли, что вашего какой-то офицер у вокзала поколотил?» Симанович на придворном автомобиле, на котором приехала Вырубцова, с ее разрешением куда-то ездил. Книрша пробыл у Распутина до часу ночи: при выходе встретил двух приехавших неизвестных мужчин и с ними вернулся обратно на квартиру Распутина, где пробыл еще час, т. е. до двух часов ночи.

8 февр. Распутин вместе с неизвестными чиновниками, на прокатном моторе, без наблюдения, был в Николаевском кавалерийском училище и на Торговой ул. в пельском костеле. Книрша принес, как видно, несколько бутылок вина. В 8 час. 15 мин. вечера на квартиру к Распутину приехало пять женщин, со слов извозчика, с Офицерской улицы. Около 10 час. вечера были слышны игра на пианино, пляска и пение. Все разошлись от Распутина в три часа ночи. В продолжение этого дня Распутин посетителей на принимал.

Начальник Петроградск. Охранного Отделения, генерал-майор *Глобачев*.

Заведывающий наружными наблюдениями *Корнилов*.

Подробная необработанная сводка наружного наблюдения за Распутиным за 8—10 февраля 1916 г.

8 февраля, 1916 г. Сведения.

«Темный»¹⁾, Гороховая улица, д. 64.

Вчера в час ночи вышел от Темного Книрша, в это время приехали на моторе два неизвестных господина, пошли к Темному, а также и Книрша вернулся с ними, а в два часа ночи ушли.

В 10 час. утра пришла Соловьева, вскоре ушла. В 10 час. 10 мин. утра пришла Мария Головина, через час ушла. В 11 час. 50 мин. утра пришла Татьяна Шаховская, через 50 мин. ушла. В 12 часов дня пришел Симанович, через 10 мин. ушел. В 12 час. 10 мин. дня пришла Сиденская²⁾, через 10 мин. вышла. В 12 час. 15 мин. дня пришел некий Афонский подворья Деревенский, рассказав, что в прошлом году в сентябре месяце присел Александр Невской лагерь читал газету «Комсомолец», в которой было напечатано про Варяну и Гриншу, при чем чтение слушали паспортный лагерь и будто бы паспортный сказал: «Когда же будет в России революция?» Деревенский спросил, на что революция? Тогда паспортный ответил: «Тогда бы дом Романовых не царствовал, а потом свергли бы эту гадость, Варяну и Гриншу». Фамилия паспортного неизвестна, а присел теперь священником. В 12 час. 20 мин. дня ушла Лантинская. В 12 час. 40 мин. дня приехал на моторе № 3 неизвестный чиновник в военной форме, а в 12 час. 50 мин. ушел вместе с Темным и тут же во дворе ожидали два военноопределившихся, которым Темный сказал, что придет позже. Темный поехал с чиновником, и наблюдения были прекращены, а со слов шофера ездили в Николаевское кавалерийское училище и на Торговую улицу в польский костел. В 5 час. 50 мин. дня Темный вернулся домой с чиновником, который через 10 минут уехал. В 1 час 35 мин. дня пришел сенатор Мамонтов³⁾, через 30 мин. ушел. В 1 час 40 мин. дня пришла Гастр с Базилевской⁴⁾, через 1 час и 20 мин. ушли. В 2 часа дня приехал на моторе № 5064 военный историк с Симановичем, через 20 мин. ушел. В 2 часа 15 мин. дня пришла Гама, жена офицера Намайловского полка, жила на Намайловском проспекте в казенном доме, через 1 час 45 мин. ушла. В 3 часа 40 минут дня пришел к третий раз Симанович, который через 30 мин. ушел. В 4 часа 10 мин. дня пришел Книрша, принес, как видно, несколько бутылок вина, через 10 мин. ушел. В 5 часов вечера пришла Турочич, пробыла два часа. В 5 часов пришла

¹⁾ «Темный» — условная кличка Распутина для агентов охраны.

²⁾ Сиденская Катярия Амвросьевна, 26 л., жена инт.-канцеляра, поклонница Распутина, адр. Мухоморова ул., 9.

³⁾ Мамонтов Василий Николаевич, 65 л., тайный советник, сенатор, содержатель Пелопонезской, поклонница Распутина, отец В. В. Зудайловой; адр. Фурштатская, 12.

⁴⁾ Базилевская, Ангелия Павловна, 28 л., дочь ген.-лейт., бракосмешенная жена инж. Мельникова, поклонница Распутина, адр. Амир. Канал, 9, затем Екатерина Канал.

Червинская¹⁾, пробыла 30 мин. В 5 час. 10 мин. пришла Соловьева. В 6 час. 20 мин. пришел четвертый раз Симанович, пробыл один час. В 6 час. 45 мин. пришел Решетников²⁾, пробыл 35 мин. В 7 час. 20 мин. вечера пришла неизвестная дама. В 9 часов 20 мин. вечера пришла Турович вторично, через 20 минут ушла. В 9 час. 30 мин. вечера пришла Добровольская. В 10 час. пришла Берман³⁾. В 10 час. 10 мин. приехала Турович с мужем. В 11 час. 10 мин. вечера пришел Кирша, пробыл 20 минут.

Примечание: В 8 час. 15 мин. вечера приехали пять женщин, со слов извозчика, с Офицерской улицы.

В 10 час. вечера пели песни, играли на пианино и плясали. Просителей было человек около 25-ти, но Темный их не принимал.

Терезов⁴⁾. Свистунов⁵⁾.

9-го февраля 1916 г. Сведения.

«Темный». Гороховая ул., д. 64.

Гости, которые пришли вчера к Темному, разошлись в 3-ем часу ночи. В квартире Темного играли на музыке и пели. В 9 час. 45 мин. утра приехала Вырубова. В 10 час. 25 мин. пришла Добровольская, через 3 часа 10 мин. ушла. В 10 час. 50 мин. утра пришли Любовь⁶⁾ и Мария Головины. В 11 час. утра пришла Гаар, которая ушла через 2 часа. В 11 час. 40 мин. утра приехали на военном автомобиле № 5064 Мануйлов и Осипенко с неизвестным чиновником, которые пробыли 30 минут, Мануйлов и Осипенко уехали. В 12 час. дня пришел Добровольский, который пробыл 1 час 35 мин. В 12 час. 30 мин. дня приехал на автомобиле № 127 Барнава с Августиним, пробыли 40 мин. В 2 часа 40 мин. дня вышел из дома Темный, пошел в Казачий переулоч, в баню, через 50 минут вернулся домой. По дороге Темный говорил: «Теперь беда, там наболтали и будут разбираться», и сказал, что «готовят на меня покушение. Вот если узнают, что письмо, написанное от Платодора⁷⁾, то, действительно, хотят убить». В 4 часа 45 мин. дня пришел фон-Бок, пробыл 25 мин. В 5 час. 20 мин. дня вторично пришла Мария Головина. В 5 час. 30 мин. дня пришла Москвина, пробыла 1 час 10 мин. В 5 час. 45 мин. приехала Турович. В 6 час. вечера пришел Клинозский, пробыл 15 мин. В 6 час. 45 мин. вечера уехали Турович с Головиной. В 8 час. 35 мин. вечера пришел Симанович с неизвестным евреем-инженером, пробыли 30 мин. Просителей Темный не принимал.

Терезов. Свистунов. Попов, Василий. Иванов, Григорий⁷⁾.

10 февраля 1916 г. Сведения.

«Темный». Гороховая ул., д. 64.

Вчера к Темному в 12 часов ночи пришел мужчина, по приметам Мануйлов, скоро ушел; и еще была Соловьева, тоже скоро ушла.

В 10 час. 30 мин. утра пришла генеральша Соколова, скоро ушла. В 11 час. утра пришла Позднякова⁸⁾ с неизвестной дамой, но приняты не были. В 11 час. 10 мин. дня пришел Филиппов с неизвестной дамой. Дама ожидала у подъезда, а Филиппов пробыл у Темного 10 мин., вышел и передал даме карточку, после чего дама пошла к Темному, откуда через 5 минут вышла с письмом на имя товарища министра г. Белецкого. В 11 час. 40 мин. дня пришла Мария Головина. В 11 час. 45 мин. пришла Никитина⁹⁾, пробыла 30 мин. В 12 час. 40 мин. дня пришла Гаар

¹⁾ Червинская, Наталия Илларионовна, 48 л., жена дворянина, приживалка у князя Андроникова.

²⁾ Решетников, Николай Иванович, 57 л., пот. поч. гражд.; адр.: Морекая, 39/12 (гост. «Астория»).

³⁾ Берман, Екатерина Ивановна, 36 л., жена петрогр. купца, пот. поч. гражд., поклонница Распутина; адр.: Фонтанка, 5.

⁴⁾ Агенты наружного наблюдения охранного отделения.

⁵⁾ Любовь Валерьяновна Головина, 59 л., вдова дейст. ст. сов. мать Марии Головиной; адр.: Мойка, 104.

⁶⁾ Платодор, царидынский монах, авантюрист.

⁷⁾ Агенты наружного наблюдения охранного отделения.

⁸⁾ Позднякова, Елизавета Захарьевна, крест. Витебск. г. Себежск. у. Непоротовской вол., поклонница Распутина; адр.: Ямская, 6.

⁹⁾ Никитина, Лидия Владимировна, дочь генер. - от артиллерии, фрейлина царицы, поклонница Распутина; адр.: Дворцовая набережная, 30.

с дамой Софьей Михайловной, пробыли 1 час 30 мин. В 1 час 20 мин. вторично пришла генеральша Соловьева¹⁾ с неизвестной дамой, пробыли 10 минут. В 2 часа дня был подан таксомотор № 224, и в 2 часа 10 мин. дня вышел Темный с Марией Головиной и уехали, а в 3 часа 45 мин. вернулись обратно на том же моторе. В 2 часа 15 мин. ушла Лаптинская, которая через час вернулась. В 3 часа 20 мин. дня пришла Добровольская. В 4 часа 40 мин. дня пришел Киселев²⁾, но принят не был. В 5 час. 20 мин. вечера пришел Добровольский, пробыл 1 час. В 5 час. 30 мин. ушла Мария Головина с Лаптинской и Дупей. В 5 час. 50 мин. вечера пришла Берман, пробыла 30 мин. В 8 час. вечера Темный вышел из дому с Добровольским и на извозчике уехали, а через 45 мин. на том же извозчике вернулись. Со слов извозчика — катались и нигде не заезжали. В 8 час. 50 мин. вечера вернулись Мария Головина с Лаптинской и Дупей. В 10 час. вечера Мария Головина ушла, а в 10 час. 10 мин. ушла и Добровольская. Посетителей было человек 15.

Сегодня Нейштейн говорил, что «все мои знакомые спрашивают, здоров ли Темный. Говорят, что его поколотили, и поколотил будто бы какой-то Орлов-Денисов из-за бабы».

Терехов. Свистунов. Попов, Василий и Иванов, Григорий.

¹⁾ Повидимому, описка агентов. Следовало бы: Соколова.

²⁾ Киселев, Мития Дмитриевич, 61 года, отст. корнет; адр.: Мойка, 12.

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ВЪ ПЕРВЫЕ ДНИ РЕВОЛЮЦИИ*).

I.

Телеграммы Н. Н. Романова и М. В. Алексева.

3 марта 15 час. 55 мин. (Получена была два раза: 3 марта 16 час. 55 мин. и 4 марта 1 час.)

Очень прошу ваше сиятельство держать меня в курсе положения дел в империи и в особенности в столицах. При этом условию могу, с божьей помощью, как верховный главнокомандующий, исполнить свой долг по руководству армиями и подведомственными мне губерниями тыла, ставя в то же время вас в известность относительно общих мероприятий, принятие коих правительством будет являться, по моему мнению, необходимым для обеспечения победоносного окончания войны. Я вполне уверен, что нас объединяет с вами та же любовь к родине и стремление отдать все свои силы для ее блага, почему в наших действиях, даст бог, будет полная во всем согласованность. № 3317.

Генерал-адъютант Николай¹⁾).

3 марта 18 час. 58 мин. (Получена 4/III 3 час. 25 мин.) Шифрованная.

Весьма секретно.

Начальник штаба верховного главнокомандующего донес мне, что высочайшим указом от 2-го сего марта я назначен верховным главнокомандующим. Считаю необходимым поставить вас в известность о положении дел на Кавказе. С удовольствием я могу засвидетельствовать, что со дня назначения меня наместником нормальная жизнь Кавказа в общем протекала спокойно, и за это время я мог убедиться, что народности края относились ко мне с доверием. События чрезвычайной важности, происходящие в эти последние дни, принимаются пока спокойно населением, главным образом благодаря этому доверию, что дает надежду на сохранение и в дальнейшем в его среде порядка, столь необходимого для развивающихся успехов на фронте кавказской армии, в особенности на персидском фронте, и вообще для достижения нашей главной задачи — довести великую войну до победоносного окончания. Назначение нового наместника при

*) Настоящие документы отпечатаны в т. 5 издаваемого в Москве «Красного Архива». Не имея возможности сверить их с подлинником, мы воспроизводим их в том виде, в котором они появились в «Красном Архиве».

¹⁾ На телеграмме пометки, — на первой (полученной 3 марта) дважды, черным и красным карандашами, «читал», на второй (полученной 4 марта) красным карандашом «читал» и черным «печатать» (вычеркнуто), «опубликовать». Под всеми пометками подпись — «к. Л.» (князь Львов). Телеграмма, несмотря на пометку Львова, опубликована, однако, не была.

настоящих трудных условиях неминуемо повлечет за собой новый режим, и потребует много времени, дабы наместник вошел в курс всех вопросов, волнующих край, по этим будет создана крайне опасная во время войны обстановка. Обращая внимание вашего сиятельства на серьезность для Кавказа вопроса о замене наместника, считаю необходимым высказать, что, будучи обязан, как верховный главнокомандующий, заботиться о сохранении подного порядка на Кавказе, являющегося одним из районов театра военных действий, я признавал бы крайне желательным для общего дела возбудить вопрос о сохранении за мной звания наместника, с предоставлением мне, по соглашению с вами, наметить лицо, которое, будучи знаком с краем и оставаясь моим заместителем на время войны, продолжало бы проведение в жизнь необходимых для него начинаний. Оставаясь наместником Кавказа, я мог бы руководить в особо важных случаях делами края и давать директивы, согласные с общим направлением уже установившейся в отношении разноплеменных его народов политики. Прошу не отказать в срочном мне ответе. № 975.

Генерал - адъютант *Николай* 1).

3 III 21 час. 11 мин. (Получена 4 III 6 ч. 35 м.) Шифрованная.

Весьма секретно.

Мне необходимо немедленно знать ваше мнение по вопросу о манифесте. Точно и опасно, что отречение в пользу великого князя Михаила Александровича, как императора, с устранением от престола наследника цесаревича, неизбежно усилит смуту в умах народа. Опасение это усугубляется неясной редакцией манифеста и отсутствием указания в нем, кто является наследником престола. Вместе с тем я совершенно убежден, что промедление в этом чрезвычайной важности вопросе крайне опасно. Ожидая от вашего сиятельства срочного ответа, считаю еще необходимым уведомить вас, что мною сейчас получены сведения о якобы готовившемся соглашении между правительством и Советом Рабочих депутатов по вопросу о созыве через полгода Учредительного Собрания. По сему поводу я, как верховный главнокомандующий, отвечающий перед родиной за успех наших армий, считаю необходимым категорически высказать, что заключение подобного соглашения было бы великой ошибкой, грозящей гибелью России. Я ни одной минуты не сомневаюсь, что временное правительство, сильное авторитетом Государственной Думы и общественным доверием, объединяет вокруг себя всех патристически мыслящих русских людей. Нахожу необходимым скорейшее разрешение вопроса о манифесте, и имею при этом в виду, что по обнародовании в ближайшее время должна последовать в торжественной обстановке присяга императора конституционному образу правления. Совершение этого акта, как полагающее конец колебаниям по вопросу о государственном строе России, несомненно, породит общее успокоение умов.

Генерал - адъютант *Николай* 2).

4 марта 14 час. 50 мин. Получена 5 III 12 час.

Прошу ваше сиятельство быть уверенным, что я приложу все силы к тому, чтобы поддерживать дисциплину и порядок во внутренних войсках и в тыловых районах армии, что является залогом победы России над врагами. Уверен, что и вы, с своей стороны, сделаете все зависящее от правительства для обеспечения победы, восстановили бы должный общественный порядок и деятельность судов и всех вообще учреждений, работающих для блага армии и флота. № 978.

Верховный главнокомандующий 3).

1) Помещен. Срочно расшифровать, мне. Ки. Лавров. Читал. 1.

2) Помещен. Срочно расшифровать, мне. Ки. Лавров. Читал. 1.

3) Помещен в № 3 от 4 марта. Восточника временного правительства.

5 марта 13 час. 5 м. (подана).

Как верховный главнокомандующий, считаю своим долгом категорически заявить, что для победы безусловно необходима правильная организация командного состава и его взаимоотношений, исходящая от верховного главнокомандующего, как единю могущего преподать ее армии и флоту. Посему прошу вас передать правительству, которому не может быть не дорого благоденствие России и окончательная победа, что безусловно необходимо, чтобы все распоряжения и пожелания правительства, относящиеся до армии, флота и всех воинских чинов, находящихся в тылу, направлялись только в ставку. Я отдал категорическое распоряжение, чтобы на всем подчиненном мне театре войны принимались только распоряжения, относящиеся до армии, флота и военных учреждений тыла, исходящие от моего исключительно имени и притом из ставки, что вполне совпадает с требованиями и духом положения о полевом управлении войск, которым руководствуется армия.

Верховный главнокомандующий ¹⁾.

6 марта 1 ч. 40 м. (Получена 6 марта 5 час. 30 м.)

Выезжаю ставку сегодня. Предполагаю прибыть 10 марта. Определить совсем точно день пока не могу, так как, ввиду неизвестности, насколько путь свободен, нельзя еще составить точного расписания. Как только будет выяснено, сейчас же вам телеграфирую. Очень буду рад вашему приезду в ставку ²⁾, ибо считаю вопросом чрезвычайной важности лично о многом с вами переговорить.

Верховный главнокомандующий ³⁾.

Председателю Государственной Думы М. В. Родзянко.

Получена 3 марта 1 час. 52 м.

По донесению коменданта Полоцка, с поездом из Петрограда прибыло 50 нижних чинов, вооруженных револьверами и пистолетами. Выйдя из поезда, они потребовали разоружения жандармов. На вопрос коменданта, по чьему приказанию они это требуют, они ответили, что по приказанию офицера, который остался в вагоне. На посланного в вагон для проверки жандарма солдаты напали и разоружили. В это время на станции показался взвод драгун из стоявшей близ вокзала части, все приехавшие солдаты разбежались, в вагоне же никакого офицера не оказалось. Убедительно прошу принять необходимые меры, чтобы из Петрограда на фронт не появлялись банды солдат и какие-либо странные и самозванные депутации. Оставить на железных дорогах охрану без вооружения недопустимо, а против лиц, своевольно принимающих на себя право распоряжаться в районе действующей армии, будут приниматься самые суровые меры по законам военного времени. Этого требует благо действующей армии и необходимость спасти ее для великой службы отечеству от того глубокого нравственного разложения, которое переживают все части петроградского гарнизона. 3 марта 1917 г. № 1906.

Генерал - адъютант *Алексеев* ⁴⁾.

¹⁾ На телеграмме пометка: «Гучкову. Доложить Совету. Кн. Л.»

²⁾ Предполагавшееся свидание Львова с Николаем Николаевичем в ставке не состоялось.

³⁾ Пометка: «Читал. Кн. Л.»

⁴⁾ Пометки: «Совету министров. Предс. Гос. Думы Родзянко. 2 (?) марта 1917. «Читал. Кн. Л.»

В связи с этой телеграммой стоит следующая циркулярная телеграмма.

Циркулярная телеграмма железнодорожным бригадам, командирам ополченских дружин, по станциям жел. дорог Северного фронта.

(Послана из Пскова 4 марта 15 час., получена [в Петрограде] 5 марта.)

Сообщаю для сведения и руководства копию депеши генерала Кварсева¹⁾ к № 12666 — «По приказанию Наштасева²⁾ передаю копию телеграммы генерала Алексеева для соответствующего исполнения. — «Вследствие телеграммы Наштазап³⁾ о том, что из Великих Лук на Полоцк едет депутация 50 человек от нового правительства и обезоруживает жандармов, по означенному вопросу был запрошен председатель Гос. Думы, который сообщил, что никаких депутатий не посылалось. Таким образом, повидимому, начинают уже появляться из Петрограда чисто революционные разнузданные шайки, которые стремятся разоружить жандармов на железных дорогах и, конечно, в дальнейшем будут стремиться захватывать власть как на железных дорогах, так и в тылу армии и, вероятно, попытаются проникнуть и в самую армию. Надо принять самые энергичные меры, установив наблюдение на всех узловых станциях железных дорог в тылу и иметь на этих станциях гарнизоны из надежных частей под начальством твердых офицеров. При появлении где-либо подобных самозванных делегаций, таковые желательно не рассеивать, а стараться захватывать и по возможности тут же назначать полевой суд, приговоры которого приводить немедленно к исполнению. 3 марта 1917 г., 11 час. 25 мин. Алексеев». Псков 3 марта, 12666. Болдырев. № 10621⁴⁾.

Председателю совета министров кн. Г. Е. Львову, копия преде. Гос. Думы Родзянко.

Получена 3 марта 4 ч. 15 м.

Ввиду состоявшегося подписания его величеством акта об отречении от престола с передачей такового вел. князю Михаилу Александровичу, необходимо скорейшее объявление войскам манифеста вновь вступившего на престол государя для привода войск к присяге. Прошу ваше высокопревосходительство содействовать скорейшему сообщению мне текста означенного манифеста (ст. 54 общ. законов). № 1909.

Генерал-адъютант Алексеев⁵⁾.

Председателю совета министров кн. Г. Е. Львову, копия министру иностранных дел Н. Н. Миллюкову.

Получена 3 марта 4 час. 20 мин.

Послал бы необходимым телеграфное извещение глав союзных государств за подписью отреченного от престола государя о своем отречении в пользу вел. князя Михаила Александровича независимо от телеграфного уведомления их новым государем о своем восшествии на престол. В случае согласия вашего высокопревосходительства с этой точкой зрения, прошу о скорейшем сообщении в ставку текстов, которые могли бы быть представлены на подписание отказавшегося от престола государя. № 1911.

Генерал-адъютант Алексеев⁶⁾.

¹⁾ Кол. квартирмейстер Северного фронта.

²⁾ Начальник штаба Северного фронта.

³⁾ Начальник штаба Западного фронта.

⁴⁾ Напечатана в № 4 газеты «Правда».

⁵⁾ Пометка: Читал. Кн. Д.

⁶⁾ Пометка: «Читал. Кн. Д.»

Секретно. Председателю совета министров.

Получена 3 марта.

Получено сообщение от вел. князя Николая Николаевича, что инженер Козрев предложил начальнику Закавказских дорог снять жандармов с линии дорог. Вновь повторяю, что снимать охрану с линий железных дорог на театрах военных действий недопустимо. Она прежде всего нужна, дабы продолжать борьбу со шпионажем. Вообще же обращение отдельных агентов правительственной власти с какими-либо распоряжениями к исполнителям, а не через ставку или, в крайних, спешных случаях, чрез главнокомандующих безусловно недопустимо и может роковым образом отразиться на управлении на театре военных действий, внести много путаницы и подорвать авторитет военной власти. В настоящую страшную минуту для спасения России надо принять все меры для сохранения в армии дисциплины и уважения к власти. Если это будет нарушено, то неминуема катастрофа и гражданская война, а в настоящее время и порабощение России немцами. 3 марта 1917 г. № 1926.

Генерал-адъютант *Алексеев* ¹⁾.

Председателю совета министров. копия военному министру.

Отправлена 4 марта 12 час. 20 мин.

Мною получена следующая телеграмма от начальника штаба Северного фронта: «Наштарм 5²⁾» телеграммой Наштасеву донес: «Прибывшие сегодня днем Петрограда в Режицу вооруженные делегаты рабочей партии освободили везде всех арестованных, обезоружив частью караул, обезоружили полицию, начали обезоруживать офицеров, угрожая всем наведенным огнестрельным оружием, ходили даже для этого по квартирам. Примкнули нижние чины гарнизона. Сожгли в управлениях начальника гарнизона, коменданта и в полицейских участках судные и арестантские дела. Кровавопролития и особых беспорядков не было. Командарм ходатайствует срочно войти в сношение с представителями власти, немедленно прекратить обезоруживание офицеров, врачей, чиновников. № 2078. *Ватрушев*». Главкосев, находя указанные действия преступными, вносящими разлагающее влияние среди войск и населения ближайшего тыла армий, приказал просить ваше высокопревосходительство о срочном сношении с представителями власти по принятию самых решительных мер к прекращению таких явлений, могущих деморализовать всю армию. Псков. 4 марта. № 1275/6 *Данилов*. Прошу срочно принять все меры, чтобы не допускалось отправленне на фронт каких-либо делегаций. Вместе с сим сообщаю главнокомандующим фронтами, чтобы, в случае появления таких шаек, они немедленно захватывались и предавались на месте же военно-полевому суду. 4 марта 1917. № 1954.

Генерал-адъютант *Алексеев* ³⁾.

Председателю совета министров кн. Львову, копия военному министру.

Отправлена 4 марта 13 час. 40 мин.

Сообщаю для сведения, что мною разослана всем главнокомандующим фронтами следующая телеграмма: В ответ на мое донесение верховному главнокомандующему о моем указании главнокомандующим фронтами о необходимости незамедлительно объявить по армиям манифест государя императора об отречении от престола и второй манифест великого князя Михаила Александровича мною сей-

¹⁾ Пометка: «К сведению. Кн. Л.»

²⁾ Начальник штаба 5 армии.

³⁾ Пометка: «Читал. Кн. Л.»

часе получена следующая телеграмма от вел. князя Николая Николаевича: «Ввиду обстоятельств подтверждаю принятое вами решение, вместе с тем поручаю всем войсковым начальникам от старших до младших внушить и разъяснить чинам армии и флота, что после объявления обоих актов они должны спокойно ожидать изъяснения воли русского народа и святой долг их оставаться в повиновении законным начальникам, оберегать родину от грозного врага и своими подвигами поддерживать наших союзников в беспримерной борьбе. 4 марта 1917 г. № 4318. Генерал-адъютант *Николай*. Объявляя настоящую телеграмму верховного главнокомандующего, предлагаю его именем немедленно опубликовать и разослать в армии как манифесты об отречении от престола государя императора и великого князя Михаила Александровича, так и настоящую телеграмму верховного главнокомандующего, которую прочитывать во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах. 4 марта 1917. № 1949.

Генерал-адъютант *Алексеев*¹⁾.

Председателю совета министров, копии — председателю Государственной Думы, военному министру.

Получена 5 марта.

Главнокомандующий Северного фронта сообщает на необходимость правительства обратить внимание на крайнюю опасность создавшегося положения, грозящую из стремления каких-то неумовленных элементов создать солдатские организации на фронте, могущие нарушить порядок на фронте. В Выборге власть над гарнизоном крепости в руках солдатских делегатов, и комендант крепости генерал Петров был арестован нижними чинами, теперь вынужден. Попытки стать хозяевами положения замечаются и в Пскове, при чем при столкновении с толпой пел начальник распределительного пункта подполковник Самойлов. Дабы иметь возможность продолжать войну и не допустить позора России, необходимо поному правительству проявить свою власть и авторитет и устранить причины начинающейся разрухи. Правительству крайне необходимо срочно вполне определенно и твердо сказать, что армии никто не смеет касаться и что все распоряжения должны произноситься через верховного главнокомандующего. Просил военного министра точно так же издать воззвание правительства к армии, что ее основной, как и прежде, долг — сражаться с врагом внешним, свято хранить лучшее достоинство армии — ее строгую дисциплину, что все распоряжения будут исходить от правительства, высших начальствующих лиц, что никакие делегации, депутации не имеют права вводить какие-либо перемены и определенные законом нормы военной жизни до перемены закона. Убедительно прошу издать воззвание, ибо на него обещается великий начальник, никому будет понятно, что прежде всего его обязанность — честно исполнить свое прямое дело. Нужно спасти войска от развала всеми силами, способами, ибо начало развала будет знаменовать конец борьбы с неприятелем. № 1973.

Генерал *Алексеев*²⁾.

Председателю совета министров, копии — председателю Государственной Думы, военному министру.

Подписана 5 марта 22 час. 6 мин.

Телеграммой от 5-го сего марта № 1964 я сообщил военному министру, что по заявлениям главнокомандующих фронтами указывается на недопустимость проведения деловых работ в театрах военных действий военными начальниками лицами, имевшими себе делегатами Совета Рабочих и Солдатских депутатов, а так-

¹⁾ Николай Николаевич. Кн. Л. «Напечатать (сверкают), опубликовать» (сверкают). Кн. Л.

²⁾ Николай Николаевич. Кн. Л. «Полковнику было поручено составлять воззвания в армии».

же Городскими общественными комитетами; а также на недопустимость обезоруживания на станциях и в городах находящихся в пределах районов, подчиненных главнокомандующим, чинов жандармской полиции, офицеров и караулов, выставленных для охраны стационарных и железнодорожных сооружений. Вполне поддерживая заявление главнокомандующих, я обратился к военному министру за энергичным его содействием в проведении правительством решительных мер, дабы зараза и разложение, начавшиеся в тылу, не перекинулись в действующую армию и не привели ее к полной небоеспособности. Сегодня мною получено повеление от верховного главнокомандующего, что его высочество, вполне соглашаясь с главнокомандующими армиями, заявляет, что если безотлагательно не появится призыв правительства к порядку к войскам, подчиненным военному начальству, в самой категорической и убедительной форме, а также не будет потребовано прекращения всего того, что ныне происходит в тыловых районах армий, то как его высочество, так и главнокомандующие не ручаются за поддержание порядка и дисциплины, следствием чего явится неминуемый проигрыш войны. Каждая минута промедления, в буквальном смысле этого слова, грозит роковой катастрофой. Всякое изменение существующих уставов и военного распорядка в пределах армии помимо верховного главнокомандующего и без его согласия для пользы дела недопустимо. Необходимо правительственное объявление, что никаких делегаций и депутатов им не посылалось и не посылается для переговоров с войсками и что появляющиеся в некоторых местах подобные люди подосланы врагами России с целью внести разруху, так как только при разрухе России будет побеждена и поработана врагом. Что надо верить только тем, которые призывают к порядку и к напряжению всех сил для победы над внешним врагом. К этому я добавляю, что промедление в присылке текста присяги и задержка в приведении к присяге войск поведет к катастрофе. Получаемые со всех сторон сведения указывают, что брожение начинает распространяться в войсках ближайших к тылу. Эти волнения можно объяснить исключительно тем, что для массы простонародия все же непонятно истинное отношение правительства к начальствующим лицам в армии и недоверие, что последние действуют согласно директив и решений нового правительства. Ради спасения армии, а вместе с ней и родины прошу не медлить ни одной минуты. 5 марта 1917 г. № 1977.

Генерал Алексеев¹⁾.

Председателю совета министров, председателю Государственной Думы, военному министру.

Отправлена и получена 6 марта.

Верховный главнокомандующий приказал мне сообщить вам, что считает необходимым, чтобы содержание телеграммы № 1977 было опубликовано, ибо это вразумительнее всего укажет на взгляд правительства, что армии нужно беречь, сохранить неприкосновенным прочно установившийся уклад службы и отношений в войсках до полного окончания войны, когда можно проводить те или иные реформы. Интересы высшие, по-моему, настоятельно подсказывают ответственность исполнить изложенный взгляд верховного главнокомандующего. № 1989.

Генерал Алексеев²⁾.

Председателю Государственной Думы, председателю совета министров, военному министру.

Отправлена 6 марта 23 час. 50 м., получена 7 марта 0 ч. 45 м.

По приказанию главнокомандующего Северного фронта мне передан полученный главнокомандующим приказ № 2-й Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Я вынужден вновь просить, чтобы никакие распоря-

¹⁾ Пометка: «Читал. Кн. Л.»

²⁾ Пометка: «Читал. Кн. Л.»

жения общего характера не направлялись непосредственно на фронты, а обязательно через штаб верховного главнокомандующего, так как только верховный главнокомандующий может решать вопросы общего характера, подлежащие объявлению войскам. Я повторяю, что направление распоряжений непосредственно главнокомандующим является недопустимым, вносит дезорганизацию и разруху в дело управления армией. Для армии могут быть обязательны распоряжения лишь правительства, распоряжения же неизвестного, не входящего в состав правительственной власти, Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских депутатов не являются обязательными и объявляться войскам не будут. С грустью должен прибавить, что многочисленные мои представления правительству по аналогичным вопросам остаются без ответа, что деятельность учреждений, не имеющих отношения к армии, развивается, подобные приказы малоудовольными способами проникают в части действующей армии, грозя разрушить ее правительственную и боевую ее пригодность, ставя начальников в невыразимо тяжелое положение отвечать перед родиной за сохранение правительственной устойчивости вооруженной силы и не иметь способов бороться с потоком распоряжений, подобных приказу № 2. Или нам нужно оказать доверие или нас нужно заменить другими, которые будут способны вести армию даже при наличии факторов, в корень подтачивающих основы существования благоустроенного войска. № 2015.

Алексеев¹⁾.

II.

Записка ген. М. В. Алексеева временному правительству.

Секретно.

Вр. исп. должн. верховного главнокомандующего. 14 марта 1917 г. № 2237. Ставка. Председателю совета министров князю Г. Е. Львову.

Милостивый государь, князь Георгий Евгеньевич.

Препровождая для сведения сводку сообщений главнокомандующих фронтами и командующих кавказской армией и флотами Балтийского и Черного морей по вопросу о том, какое впечатление на войска произвел переход к новому государственному строю и последние события.

На северном фронте происшедшая перемена и отречение государя от престола армиями сдержанно и спокойно.

Многие к отречению императора Николая II и к отказу от престола вел. кн. Михаила Александровича отнеслись с грустью и сожалением.

По некоторым данным можно судить, что многим солдатам манифесты были непонятны и они еще не успели разобраться в наступивших событиях.

Во 2-й Сибирской корпусе 12-й армии возбужден целый ряд вопросов относительно могущих произойти последствий. Были некоторые голоса, что без царя нельзя обойтись, и надо скорее избирать государя, что сейчас нельзя иметь офицерами, что необходимо наделить крестьян землей при помощи Крестьянского поземельного банка.

В 5-й армии наступившие события некоторыми солдатами рассматривались, как конец войны, другими — как улучшение своего питания, а частью — безразлично.

Во всех армиях фронта многие солдаты некрепко возмущались заявлениями Совета Рабочих и Солдатских депутатов о республике, как желании народа, и говорили: почему же нас об этом не спрашивают? То же высказывали и некоторые жители.

Среди офицеров замечается недоулыство, возмущение и огорчение, что какай-то самозванец, сидя в петлях, изображающая собой Совет Рабочих и Солдатских депутатов, не получившая никаких полномочий ни от народа, ни от армий,

¹⁾ Паметила. Читал. Ки. Л. С.

действует захватным порядком от имени страны, мешается в распоряжения временного правительства и даже действует и издает вопреки ему распоряжения.

Особенно волнуют попытки Совета вмешаться в отношения между солдатами и офицерами и регулировать их помимо существующих неотмененных законов и законного войскового начальства.

Высказываются пожелания устранить Совет Рабочих и Солдатских депутатов от вмешательства в дело управления государством, так как это крайняя политическая партия, а не полномочные представители народа или армии, которую и нужно поставить на соответствующее место.

Также замечается недовольство выделением петроградского гарнизона в какую-то привилегированную часть армии и высказывается пожелание, чтобы войска этого гарнизона были отправлены также на фронт. В их стремлении остаться в Петрограде усматривается уклонение под благовидным предлогом от исполнения гражданского долга защиты России.

По мнению войск боевой линии, заслуга по образованию нового строя принадлежит не петроградскому гарнизону, а избранникам народа — членам Государственной Думы, народу и всей армии, которая весьма сочувственно отнеслась ко всему происшедшему.

От нового правительства ждут улучшения условий жизни и установления порядка.

На Западном фронте акт об отречении был принят спокойно, серьезно, многими с сожалением и огорчением.

На ряду с этим перемена строя у многих связана с верой в восстановление порядка. Солдатами новый порядок приветствуется в уверенности, что продовольственная разруха будет устранена и оставшиеся семьи будут наделены пайком в мере действительной потребности.

Выражалась уверенность в прекращении немецкого засилья.

В 9, 10 и сводном корпусах 2-й армии манифест встречен отчасти с удивлением и с сожалением государя.

Многие, видимо, были поражены неожиданностью и той быстротой, с которой к нам подошли настоящие события.

В сибирской казачьей дивизии сводного корпуса манифесты произвели удручающее впечатление.

Некоторыми выражалась надежда, что государь не оставит своего народа и армия и вернется к ним.

Для части солдат это впечатление смягчалось тем, что император Николай II преемником себе назначил великого князя Михаила Александровича, и что в России еще не республика, относительно которой высказывались отрицательно.

Однако самый переход к новой власти казаками сибирской казачьей дивизии принят с полной покорностью.

К допущенным в дни перелома эксцессам толпы к офицерам, имевшим место в Петрограде, Москве и других городах, отношение отрицательное и в офицерской среде толкуется, как пагубное для армии и России желание, клонящееся к разложению армии и вреду страны.

Настроение войск бодрое. Преобладает сознание необходимости довести войну до победоносного конца, для чего необходимы полное спокойствие на фронте и усиленная работа тыла.

На Юго-Западном фронте объявление манифеста встречено спокойно, с сознанием важности переживаемого момента и чувством удовлетворения и веры в новое правительство.

Местами в офицерской среде высказываются сомнения, что новой власти не удастся сдержать крайние революционные элементы.

На Румынском фронте происшедшие перемены войсками приняты спокойно. Отречение императора Николая II на офицеров 9-й армии произвело тягостное впечатление.

В 4-й армии большинство преклоняется перед высоким патриотизмом и самопожертвованием государя, выразившимся в акте отречения. Здесь же манифест в. кн. Михаила Александровича встречен с недоумением и вызвал массу толков и даже тревогу за будущий образ правления.

Более нервное отношение к событиям чувствуется в 3-м кавалерийском корпусе, где передачу престола великому князю Михаилу Александровичу склонны

понимать, как вручение регентства до совершеннолетия великого князя Алексея Николаевича, которого считают законным наследником.

В кавказской армии к перемене строя войска отнеслись спокойно.

В Балтийском флоте переход к новому строю принят восторженно.

В Черноморском флоте последние события встречены спокойно и с пониманием важности переживаемого момента. Работы не прекращались и не прекращаются.

Назначение великого князя Николая Николаевича верховным главнокомандующим на всех фронтах было принято сочувственно и даже с радостью. У многих принятие им верховного командования связывалось с надеждой на более скорый и победоносный конец войны.

Лишь в 5-й армии Северного фронта ставились вопросы о том, по какому праву и чьим распоряжением вел. князь Николай Николаевич занял пост верховного главнокомандующего.

В заключение считаю необходимым указать, что население в тылу Северного фронта, особенно в местечках, опасается погрома, и к главнокомандующему этим фронтом уже начали поступать ходатайства о присылке войск для охраны безопасности жителей.

Примите уверение в совершенном уважении и полной преданности.

Мих. Алексеев.

Записка ген. М. В. Алексеева М. В. Родзянко¹⁾.

Смоленск, 25 июля 1917 г.

Милостивый Государь Михаил Владимирович!

Дела России, нашей родины, о которой (заботятся) вершители наших судеб, отечественные, в главном образом, безответственные, — с каждым днем становятся тяжелее и безотраднее. Пехорошо на фронте: стратегическая обстановка на нашем юге может подарить нас тизкими для самолюбия и для коренных губерний шюрризмами. Плохо в войсковом тылу, где парод кормит не один миллион ничего не делющих и часто безобразничающих бездельников. Безотраднее в общегосударственном тылу, где нет власти, где нет ответственных работников, могущих подняться выше интересов своей партии и окинуть беспристрастным, беспартийным и талантливым взором нужды, желания, чаяния многогвардейной России, народа русского в целом, а не одного излюбленного и притом развращенного кланса.

16 июля состоялось совещание в Могилеве. Позвольте вам перечислить те меры, на немедленном осуществлении которых настаивали все военные представители совещания. Только эти меры позволяют в течение месяцев трех оздоровить боковой организм армии, вернее выразиться, — создать кое-какую армию, способную вести бой, так как в данную минуту у нас армии нет. Есть отдельные части, сохраняющие верность долгу; есть офицеры и небольшое число солдат, готовых погибнуть и жертвовать собою, но нет массы, сплоченной дисциплиной, горю и патриотизмом, желанием боя и победы, способностью проявить мужество и упорство.

Вот эти меры:

1. Прехременное правительство должно признать свою вину и ошибку в оценке офицерского состава армии, униженного, оскорбленного, сознательно, умышленно лишеного власти и значения. Признать ошибку потому, что именно это главным образом и губило армию.

2. Признать, что жители Петрограда не знают армии, а потому должны прекратить свое законодательство и передать это дело в опытные руки верховного, талантливого, честного

¹⁾ Архив. Офиц. Революции. Ф. III. Офиц. № 2. Дело № 64. 1917 г.

3. Изгнать из армии всякую политику, уничтожить право митингов, ибо вся армия обратилась в митинговую бесконечную толпу. В митингах утонули здравый смысл, честь, верность русского солдата.

4. Уничтожить декларацию прав солдата, с слишком легким сердцем принятую и подписанную Керенским.

5. Уничтожить войсковые комитеты и комиссаров, которых Керенский считал глазами и ушами временного правительства. Эти два института смести бесследно власть войсковых начальников всех степеней и породили самое опасное для всякой армии многовластие, многоголовие.

6. Потому скорее восстановить единоличную власть и ответственность начальников. Вернуть то доверие свыше, без которого старший, ответственный начальник не может отдать все силы духа и ума на выполнение боевой задачи; нельзя допускать, чтобы начальники смущали торчащие сзади глаза и уши человека, часто не имеющего никакого понятия о военном деле, но желающего во все вмешаться и, кроме «глаз и ушей», совать всюду и свой «нос».

7. Возродить настоящую дисциплину. Для этого учредить военно-полевые (почему-то и их потребовалось назвать военно-революционными) суды и смертную казнь не только на фронте, но и во всем тылу, ибо приближающие укомплектования разращены и распухли в такой мере, что появление каждой новой партии укомплектования сразу уничтожает в полку всю работу, которую удалось провести начальникам, не взирая на убийственные условия для такой работы.

8. Создать теперь же отборные части для воздействия на массу в бою, имея их в качестве резерва, и для удержания порядка при демобилизации. (Лично считаю большой ошибкой генерала Брусилова и других начальников, что бесполезно погубили лучших людей и массу офицеров, цуев ударные батальоны вперед; за ними никто не пошел. Ударные батальоны должны были составить резерв и гнать перед собою малодушных, забывших совесть).

Лично от себя я добавил: 9. Не менять, как капризная и богатая женщина бросает перчатки, начальников; гонимые слабых, не оказавшихся на высоте своего назначения в бою, но не гонимые по тайным, мутным аттестациям, как сделал это Гучков. Он надломил состав начальников, мечтая вызвать в армии взрыв энтузиазма массовым изгнанием. 10. Вернуть в армию тех честных, твердых служаек, которые в последние месяцы были выжаты из частей разращенною солдатскою массою.

Требования Корнилова вам известны из газет. Когда на совещании после короткого перечня мер ген. Рузский предложил перейти к подробному рассмотрению и разработке каждой в отдельности, Керенский ответил, что это не входит в задачи совещания, которое должно лишь высказать свое мнение, а разработка мер принадлежит Петрограду, что при разработке не должны быть затронуты те начала, которые завоеваны для армии революцией (?!). При дальнейшем настоянии военных представителей Керенский выразился, что он готов оставить пост военного министра, подписав какой угодно приказ, но убежден, что если сегодня дойдет до массы приказ, утверждающий намеченные меры, то завтра же начнется резня офицеров и командного состава (?).

И вот сегодня, когда я пишу вам это письмо, миновало 10 суток со времени совещания, а никаких мер, даже самых мягких, для оздоровления армии не принято, не объявлено. Между тем потеря каждого дня невознаградима. 20 июля я отправил об этом письмо г. Керенскому; высказал там и убеждение, что не следует опасаться возможности нашествия со стороны солдат. Во-первых, этих нашествий и без того много, а во-вторых, смелость сделает свое благотворное дело, и я не разделяю высказанных на совещании опасений. События в Петрограде 3—5 июля наглядно показали, что чем глубже нравственное падение толпы, тем более труслива она и тем легче насует перед решимостью и смелостью. Быть может, где-либо и произойдут записки. Их можно и нужно задавить жестокою рукою. Это сохранит нам для последующего сотни и тысячи жизней и устранил возможность повторения бунтов».

Конечно, мой голос теперь не может иметь большого влияния, хотя и я и считал долгом возвысить его не только на совещании, но и особым письмом.

Грустно то, что и голос генерала Корнилова, звучавший, казалось бы, тверже и настойчивее, потому что за ним уже разразившаяся катастрофа на фронте, которой и я не имел еще перед уходом из Могилева, тоже пока не будит от сладкого

сна наших вершителей судеб. Чего же они ждут? Быть может, об этом спросит комитет Гос. Думы: быть может, начнет требовать отчета та часть русского народа, которая еще не погрязла в партийной борьбе, в социалистических бреднях, застывших собою «Россию и родину». Нужно установить определенно, что первые обещания и речи положительного никакого подвала не приносят. Вот отзыв одного строевого офицера полка, удостоенного речью Керенского. «Это опереточный пуд! Солдатская темная масса не знала и не знает Керенского». Прибавлю, как не будет знать каждого, кто придет к ней со словами и речами, но без власти, силы и кулака.

Еще одно дело. Припомните, сколько разврата внесли громкие проповеди, мерзкие дела Ленина, Зиновьева, Троцкого, Луначарского, Каменева, Коллонтай и пр. Эти пегодики были неприкосновенны. Призывы к бунту на словах и в печати, захват чужой собственности... не вменялись в вину. «Боритесь с ними словом!... пока не совершили преступного деяния (как будто не совершали!). Вы что значит быть под покровительством «комитета преступлений», т.е. Совета Раб. и Солд. депутатов.

Зачто с какою дерзостью и с какою пошлостью внешнею обстановкою арестуют генерала Гурко, всю жизнь свою отдавшего на служение родине. Дело не стало за делом Керенского. Отного письма (!) оказалось достаточным для такого шага. А деятельность, а служба? Что за дело... было письмо.

Или малая трусость людей возле и во всем усматривающих грозный призрак контр-революции, или, — извините, — малая месть человеку, который пришел не по душе и которого безнадёжно, попытавшись властью, можно занять перед Россией. И склонен думать, что личное пераспокоение сыграло в этом деле большую роль, чем что-либо другое.

Но то ли же побуждение свергло Брусилова? В армии хорошо знали сильные и слабые его стороны; его способность теряться в тизисах, критические минуты. Командный и офицерский составы без доверия встретили в мае его назначение. Были, может, прорыв на Таринопольском направлении не без порядочного греха в смысле управления. Но для всех это была только нравственная порочка катасифа, — безудержное бегство разграбленной армией последних 4-х месяцев армии. За что же вы, нещадно убили ген. Брусилова? И мне казалось, что даже обильные самосудные речиво вопреки, а обвинения Брусилова в «Русском Слове» только подтвердили это.

Располагали мы министром, которому приписывают участие в событиях Фонарного переулка. Теперь военное министерство объявлено «управляющим», краткая автобиография которого, опечатанная в штабе VII армии, говорит о великих заслугах настоящего главно и представителя армии: убийство Плеве, Мина, ген. ил. Серби, организация других убийств. Неужели кровь убитого на бойней дороге и крови, убитого по политическим побуждениям не одинаково марает руку «блудина»? Впрочем, я сильно отстал и психологически деятелей нашей революции постигнуть не могу.

Прошу принять уверение в моем глубоком уважении и преданности.

Мил. Алексева.

P. S. На частном заседании комитета Государственной Думы было высказано мнение, что преступный приказ № 1 Совета Р. и С. Д. был издан скорее безосновательно, чем с намерением сделать вред. 4 мая на том заседании в Маринском зале, на котором я присутствовал, на мое заявление, что приказ № 1 был издан прежде, нежели разврат армии, на мое настояние работать по моему плану, чтобы армия, кто ее развратил, возмещает Церетели. Он ответил мне: «Согласно приказу № 1 ответил моменту». Следовательно, еще 4 мая деятели Совета Государственной Думы считали, что развращение армии было им нужно для потребностей революции. Это изречение станет впоследствии историческим, как разноречивое с другим изречением, которое мне хотелось повторить. Как выразил, мысль, что приказ № 1 был издан с преступными определенными целями, подтверждена громко и в Столбовом.

М. Алексева.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

I.

Милостивый Государь!

Я должна написать нѣсколько словъ истины, по поводу статьи г-на Бориса Соколова «Паденіе Сѣверной Области», помѣщенной въ IX томѣ Архива Русской Революціи.

Дѣлаю я это съ такимъ большимъ запозданіемъ потому, что поступивъ два года тому назадъ въ монастырь, я перестала читать свѣтскую литературу, и о статьѣ г-на Соколова я узнала только теперь отъ моихъ друзей.

Г-нъ Б. Соколовъ пишетъ: «Первымъ уѣхалъ изъ Сѣверной Области генералъ Ключевъ, получившій весьма загадочную командировку и весьма реальный чекъ на шведскія кроны».

Это — ложь. Первымъ уѣхалъ генералъ Бемъ. Я не знаю подробностей его командировки, знаю только, что поѣхалъ онъ въ Финляндію.

Вторымъ уѣхалъ главноуполномоченный Краснаго Креста Сѣверной Области К. П. Шабельскій въ Швецію.

Мой мужъ уѣхалъ третьимъ, въ срединѣ января, въ командировку въ Карелию, въ Ухту, чтобы установить дружескія сношенія съ карелами. Это было, конечно, слишкомъ поздно, такъ какъ вліяніе Финляндіи всецѣло господствовало въ Карелии, но думали вѣрно, что лучше поздно, чѣмъ никогда. Командировка была не загадочная, хотя, конечно, широкимъ массамъ публики она и не была извѣстна, а реальный чекъ на шведскія кроны состоялъ изъ ящика со спиртомъ и табакомъ.

Когда уѣзжалъ мужъ, онъ предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ: командировка должна была продолжиться 3—4 недѣли. Потѣха была интересная: на лошадей, гужемъ, по дремучимъ лѣсамъ Сѣвера, по замерзшимъ рѣкамъ и озерамъ, черезъ интересныя сѣверныя деревни, съ ихъ своеобразными старинными храмами.

Въ это время я была старшей сестрой лазарета Краснаго Креста въ Архангельскѣ; дѣла было много, и я сказала мужу, что это меня удерживаетъ отъ поѣздки. Но главная причина моего нежеланія ѣхать съ мужемъ была та, что неминуемо начались бы разговоры о томъ, что генералъ Ключевъ бѣжалъ изъ Сѣверной Области, (что говорили объ уѣхавшихъ до него!). А тотъ фактъ, что я оставалась въ Архангельскѣ, казалось мнѣ, дѣлалъ эти вымыслы неправдоподобными.

Въ началѣ февраля произошелъ бунтъ въ 3-мъ Стрѣлковомъ полку на фронтѣ, и тогда я поняла, что близокъ грозный призракъ неизбежнаго.

17-го февраля, когда я была въ лазаретѣ, меня по телефону просили притти въ Управление Краснаго Креста. Я нашла тамъ всѣхъ очень возбужденными. Уполномоченный Н. Н. Фидлеръ сразу сказалъ мнѣ, что дѣла наши плохи, ежедневно можно ожидать, что войска откроютъ фронтъ; что эвакуація неизбежна и просилъ меня, какъ старшую сестру лазарета, ѣхать съ ранеными лазарета на ледоколѣ. Я отвѣтила согласіемъ.

А вечеромъ уполномоченный мнѣ уже сказалъ, что лучше мнѣ ѣхать сухимъ путемъ на станцію Сороки, Мурманской желѣзной дороги; я отвѣтила, что подчиняюсь его рѣшенію. Во время разговора подошелъ г-нъ Соколовъ и, занявшись еще болѣе сильно, чѣмъ всегда, сталъ говорить, что мнѣ гораздо лучше ѣхать сухимъ путемъ, что меня Красный Крестъ проситъ объ этомъ. Говорилъ о томъ, чтобы я, если возможно, открыла итательные пункты по направленію къ станціи Сороки. «Возьмите впередъ жалованье за нѣсколько мѣсяцевъ и поѣзжайте» — говорилъ г-нъ Соколовъ.

И работлю безъ жалованья — сухо отвѣтила я ему.

И выехали из лагеря, просясь к со всем сестрам. На другой день моя сестра по необходимым бумагам и большой суммой Чингоков сделалась Сьеррой Обедной. Со мною Халий дядь сестры, санитары съ продуктами и моимой военный офицер, назначенный въ помощь намъ изъ штаба. Въ сильный морозъ и стуженую вьюгу, мы выехали изъ Архангельска 18 го февраля. Утѣшили мя пол. Управленія Краснота Креста, простившись со всемъ служащими тамъ. Въ томъ числѣ и съ г-номъ Соколовымъ.

Но все что он забыл, Пширеть, что из числа бывших из Архангельска была жена генерала Ключева.

✻ ✻

Переворотъ зрѣлъ въ моемъ мужѣ въ Кемѣ, на обратномъ пути въ Архангельскъ, и онъ повернулъ снова въ Карелию, стараясь пробраться въ Финляндію, что ему и удалось, послѣ невѣроятныхъ мученій, когда онъ большую часть пути шелъ, идящимъ, съ язвами на ногахъ, въ страшный морозъ, пока группа офицеровъ, ѣхавшихъ тѣмъ же путемъ, не согласилась взять его въ свои сани.

В. Финляндия он был заинтересован в лагере, так как во всем официальном Служении Области: бедной, замученный, в самых выжидательных материальных условиях. После долгих усилий, удалось получить для мужа разрешение финских властей жить в лагере, и он поселился в Борго.

[illegible][illegible]

Осенью меня поехали в Петропавловск, тогда в железнодорожную больницу отпустили друзьями моими, а зимой меня перевезли в Петроград. И тогда я познакомился с Александром Духовным.

В конце 1991 года мы с семьей переехали в Финляндию. Через три года, весной 1994 года, переехали на постоянное в хижинной почтовой почте, на берегу озера Сайма, в сельской местности Финляндии, почти уединенного места на побережье озера, в хижинной почтовой, и стали уже проживать в хижинной почтовой.

Кто знает? И все же, что я хочу из вышесказанного.

Знаменитые люди.

1944

Милостивый Государь!

Въ статьѣ Б. Б.—скаго «Судъ надъ Мясоѣдовымъ» (Архивъ Рус. Рев., т. XIV) имѣются слѣдующія строки:

«Сухомлиновъ далъ ему рекомендательное письмо къ командирующему X арміею генералу Сиверсу. Послѣдній не могъ отказать лицу съ такой солидной рекомендаціей и взялъ Мясоѣдова въ штабъ арміи, поручивъ ему агентурную развѣдку, такъ какъ это дѣло ему, бывшему жандармскому офицеру, да еще служившему въ мирное время въ томъ же районѣ, гдѣ дѣйствовала X армія, было болѣе знакомо, чѣмъ какая-либо другая отрасль службы...»

Сообщая эти свѣдѣнія, полученныя несомнѣнно изъ недостоверныхъ источниковъ, Б. Б.—скій быть введенъ въ заблужденіе. Я не знаю, живъ ли въ настоящее время генералъ Сиверсъ, которому принадлежитъ право отвѣта на эти строки, и позволю себѣ, какъ бывшему въ тѣ времена генералъ-квартирмейстеромъ штаба X арміи, внести въ статью Б. Б.—скаго нижеслѣдующія поправки:

1. Подполковникъ Мясоѣдовъ попалъ въ штабъ X арміи съ согласіемъ тогдашняго начальника штаба арміи генерала Одиселидзе. Это согласіе было получено Мясоѣдовымъ во время совместной поѣздки въ вагонѣ желѣзной дороги въ то время, когда Одиселидзе былъ только что назначенъ начальникомъ штаба арміи и ѣхалъ къ мѣсту расположенія послѣдняго въ Красностокекомъ монастырѣ, около крѣпости Гродно.

Насколько мнѣ извѣстно, генералъ Одиселидзе, служившій все время на Дальнемъ Востоцкѣ и въ Туркестанѣ, совершенно не зналъ, что такое представлялъ Мясоѣдовъ, и далъ свое согласіе, такъ какъ зналъ, что въ штабѣ много незанятыхъ вакансій и нужны офицеры со знаніемъ нѣмецкаго языка.

2. Генералъ Сиверсъ узналъ о назначеніи Мясоѣдова только тогда, когда объ этомъ состоялся приказъ. Онъ былъ крайне недоволенъ, раздраженъ, и не опротестовалъ приказа только ради сохраненія авторитета генерала Одиселидзе, но запретилъ держатъ Мясоѣдова при штабѣ даже въ теченіе однихъ сутокъ, приказавъ удавить его въ какой-нибудь маленькій штабъ, гдѣ и держать не у дѣла, употребляя только для переводовъ нѣмецкихъ газетъ.

Свое предубѣжденіе противъ Мясоѣдова, генералъ Сиверсъ объяснялъ тѣмъ, что «этотъ пакостникъ прислуживъ своимъ пакостнымъ покровителемъ Сухомлиновымъ для какихъ-либо гадкихъ дѣлъ по шпионству за распоряженіями Ставки и Великаго Князя Главнокомандующаго, противъ котораго Сухомлиновская клика все время вела подкопы и интриги».

Въ силу приказа генерала Сиверса, Мясоѣдовъ, въ самый день своего прибытія къ штабу X арміи, былъ откомандированъ въ штабъ 57 дивизіи, гдѣ и находился все время, вплоть до начала секретнаго о немъ разслѣдованія и перевода его въ Ковну.

3. Генералъ Сиверсъ отличался рѣдкой самостоятельностью: для него были безразличны какія бы то ни было протекціи. Никакихъ рекомендацій о Мясоѣдовѣ онъ отъ Сухомлинова не получалъ, а если бы и получалъ когда-либо что-нибудь, происходящее отъ Сухомлинова, то это привело бы только къ отрицательнымъ послѣдствіямъ для рекомендуемаго, ибо генералъ Сиверсъ глубоко презиралъ Сухомлинова, говорилъ о немъ съ чувствомъ гадливости и считалъ его опереточнымъ министромъ и легкомысленнымъ погубителемъ русской вооруженной силы.

4. Мясоѣдовъ числился на должности переводчика: никакихъ порученій по развѣдкѣ на него не возлагалось, за исключеніемъ только полученія отъ него свѣдѣній о нашихъ зарубежныхъ сектантахъ-эмигрантахъ, жившихъ въ районѣ Мазурскихъ озеръ.

Первой и послѣдней командировкой Мясоѣдова по развѣдкѣ была его поѣздка въ Ковну, куда онъ былъ посланъ по приказанію слѣдующихъ за нимъ агентовъ Ставки и штаба X арміи, для приближенія его къ мѣстамъ работы нѣмецкихъ шпионскихъ организаций и для выясненія вѣсѣхъ участниковъ.

Генералъ-лейтенантъ баронъ Будбергъ.

Содержаніе

Моя борьба съ епископомъ Гермогеномъ и Иліодоромъ — сен. Н. Н. Стремоухова	Стр. 5
Революціонное общество по личнымъ воспоминаніямъ — В. А. Дурбана	49
Съ французами — В. Майбородова	100
Воспоминанія о моей подневольной службѣ у большевиковъ — ген. Н. Данилова	162

Документы:

Свержъ взаимоотношеній Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи и представителей Французскаго Командованія	233
Выводы или данныя наружнаго наблюденія за Григоріемъ Распутнымъ	263
Верховное Командованіе въ первые дни революціи	279
Прѣмла въ редакцію	291

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХЪ ВЪ СВѢТЪ ТОМОВЪ АРХИВА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ТОМЪ I.

Задачи Архива. — В. Д. Набоковъ. Временное Правительство. — П. Красновъ. На внутреннемъ фронтѣ. — Р. Донецкой. Отъ Москвы до Берлина въ 1920 г. — С. Воронцовъ. Петроградъ—Вятка въ 1919—1920 г.г. — Н. Неклюдовъ. Предказаніе русской революціи.

Документы и письма.

К. Крамарикъ. Основы Конституціи Россійскаго Государства. — Докладъ начальнику операционнаго отдѣленія германскаго восточнаго фронта о положеніи дѣлъ на Украинѣ въ мартѣ 1918 г. — Образованіе сѣверо-западнаго правительства (Докладъ Барташева, Кузьмина - Караваева и Суворова). — Письмо ген. Гофа генералу Юденичу.

Изъ частной переписки.

Послѣдніе дни Леонида Андреева. — Описаніе польскаго отступленія въ августѣ 1920 г.

ТОМЪ II.

Къ исторіи Манифеста 17 октября (Записки Н. П. Вунча и кн. Н. Д. Оболенскаго). — Ген. А. С. Лукомскій. Изъ воспоминаній. — А. Дроздовъ. Интеллигенція на Дону. — Р. Гуль. Кіевская эпопея. — Ф. Штейнманъ. Отступленіе отъ Одессы. — І. Рапопортъ. Полтора года въ совѣтскомъ Главкѣ. — О. Чернишъ, Брестъ - Литовскъ.

Документы и дневники.

Журналъ засѣданія Совѣта Министровъ Крымскаго Краевого Правительства 16 апр. 1919 г. — Изъ секретнаго доклада. — С. В. Милицынъ. Изъ моей тетради. — Бар. Фрейтагъ фонъ - Лорингофенъ. Изъ дневника.

ТОМЪ III.

С. Добровольскій. Борьба за возрожденіе Россіи въ сѣверной области. — М. Смильгъ-Бенаріо. На совѣтской службѣ. — А. Левинсонъ. Побѣдза изъ Петербурга въ Сибирь въ январѣ 1920 г. — Л. Л.—ой. Очерки жизни въ Кіевѣ въ 1919—1920 г.г. — Г. Игреневъ. Екатинославскія воспоминанія.

Документы.

Документы къ «Воспоминаніямъ» ген. Лукомскаго. — Меморандумъ Этненскаго Правительства.

ТОМЪ IV.

А. Блокъ. Послѣдніе дни стараго режима. — А. Демьяновъ. Моя служба при Временномъ Правительствѣ. — А. Синегубъ. Защита Зимняго Дворца. — Бар. М. Д. Врангель. Моя жизнь въ Совѣтскомъ Раю. — Р. Донецкой. Изъ Москвы до Берлина въ 1920 г. (Продолженіе).

Документы и дневники.

Организація власти на югѣ Россіи въ періодъ гражданской войны. — А. В., Дневникъ обывателя.

ТОМЪ V.

А. А. Валентиновъ. Крымская эпопея. — Ген. А. С. Лукомскій. Изъ воспоминаній. — П. Красновъ. Всевеликое Войско Донское. — Ген. Филимоновъ. Разгромъ Кубанской Рады.

Документы.

Письмо Вед. Кн. Александра Михайловича къ Николаю II. — Записка, составленная въ кружкѣ Римскаго - Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицынымъ 6 ноября 1916 г. — Показанія Н. А. Мавлакова о письмѣ Николаю II. — Денежные документы генерала Алексѣева. — Документы къ воспоминаніямъ ген. Филимонова.

ТОМЪ VI.

М. В. Родзянко. Госуд. Дума и февральская революція. — Ген. А. С. Лукомскій. Изъ воспоминаній. — А. А. Гольденвейзеръ. Изъ Кіевскихъ воспоминаній. — А. Гуровичъ. Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства.

Документы.

Послѣдній всеподданнѣйшій докладъ М. В. Родзянки. — Докладъ Центральнаго Комитета Россійскаго Краснаго Креста.

ТОМЪ VII.

Бар. Б. Э. Нольде. В. Д. Набоковъ въ 1917 г. — С. А. Кореневъ. Чрезвычайная Комиссія по дѣламъ о бывшихъ министрахъ. — А. С. Демьяновъ. Записки о пол-

воспоминаний Премьерного Правительства. — Н. Вороновичъ, Между двухъ огней. — В. Пашковичъ, Поездка изъ Добровольческой Арміи въ Красную Москву. — Г. Вилліамъ, Побѣжденные. — С. Кобыловъ, Красный судъ.

Документы.

Статья 25—26 октября 1917 г. — Документы къ воспоминаніямъ Н. Вороновича.

ТОМЪ VIII.

С. Р. Златовъ. На великомъ пеломѣ. — С. Ан-стін, После переворота 25 октября 1917 г. — Н. Мейеръ, Студентъ въ комиссаріатѣ юстиціи и народнаго суда. — В. Крайновъ, Изъ воспоминаній о 1917—1920 гг. — Герцогъ Г. Ленхтенбергскій, Какъ называлась Южная Армія. — Денежные знаки революціи и гражданской войны.

ТОМЪ IX.

Юриль Соловьевъ, Падение Северной Области. — В. Райковъ, Воспоминанія о революціи въ Закавказьи (1917—1920 гг.). — И. Пашковъ, Изъ прошлаго провинціального интеллигента.

Документы.

Отчетъ о командировкѣ изъ Добровольческой Арміи въ Сибирь въ 1918 г.

ТОМЪ X.

А. Пашковъ, Путь мой въ Советскую Россію. — Лейтенантъ Н. Х., Записки бѣлгородца. — А. Гефтеръ, Воспоминанія курьера. — Н. Савичъ, Три встрѣчи.

Документы.

Протоколъ допроса адмирала Колчака Чрезвычайною Следственной Комиссіей въ Иркутскѣ въ январѣ—февралѣ 1920 г.

ТОМЪ XI.

С. В. Заварзинъ, На великомъ пеломѣ. — П. М. Могилевскій, Трагедія Украины. — В. Б. Красновъ, Изъ воспоминаній о 1917—1920 г. г.

Документы.

Исповѣдь В. И. Кельсиева.

ТОМЪ XII.

С. П. Голыцкій, Воспоминанія. — Л. В. Гессенъ, Встрѣча съ А. Н. Хвостовымъ. — З. Ю. Арбатскій, Екатерининскія 1917—1922 гг. — И. Каринскій, Эпизодъ изъ эвакуаціи Новороссіи. — А. Духовникъ, Сибирская пещера. — А. А. Голденвейсера, Бѣгство.

Документы и дневники.

Конституція Украинской директоріи. Документы къ свѣдѣ Н. Каринскаго. — Бар. А. Бударбергъ, Дневникъ.

Вѣтъ.

В. П. Семеновъ Тинь-Шаневъ, Главный землемірный комитетъ. — Писма въ редакцію.

ТОМЪ XIII.

Юриль Соловьевъ, Защита Всероссийскаго Учредительнаго Собранія. — И. Кришевскій, Въ Крыму (1916—1918 гг.). — Е. Постникова, 21-ый годъ.

Документы и дневники.

Постановленіе Императора Николая II о сборахъ матеріаловъ по исторіи Россійскаго Учредительнаго Собранія. — Бар. А. Бударбергъ, Дневникъ (Продолженіе).

Письмо въ редакцію. А. Баумана.

ТОМЪ XIV.

Г. А. Ахорухъ, Воспоминаніе, особенно по личнымъ воспоминаніямъ. — И. Даниловъ, Воспоминанія о моей военачальнической службѣ, у обществѣ. — Г. Козловъ, Судъ надъ Мавроломомъ въ Бѣлгородѣ (Продолженіе).

Документы и дневники.

Заключеніе въ Иркутскѣ тюремныхъ заключенныхъ, захваченныхъ въ 1918 г. — Бар. А. Бударбергъ, Дневникъ (Продолженіе).

ТОМЪ XV.

С. П. Голыцкій, Сибирская директорія. Москва. Партия и Лейтентъ въ Омскѣ. — Ген. А. И. Самаринъ, При дарованіи реликвій.

Генералъ-фельд.

Дневникъ о командировкѣ въ Сибирь въ 1919—20 гг. — Бар. А. Бударбергъ, Дневникъ (Продолженіе).

P
H Slav
A

Arkhiv Russkoi Revolyutsii
v.16(1925)

**PLEASE DO NOT REMOVE
SLIPS FROM THIS POCKET**

**UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY**

